T 7/368

368.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ

и

ДУШЕВНОЕ РАЗСТРОЙСТВО ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

ОБЗОРЪ ДУШЕВНЫХЪ И ТѢЛЕСНЫХЪ СОСТОЯНІЙ,

ОГРАНИЧИВАЮЩИХЪ СВОБОДУ ЧЕЛОВѢКА.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

для судей, прокуроровъ, защитниковъ, присяжныхъ засѣдателей, воспитателей, врачей и т. д.

Соч. Д-ра мед. ШИЛЛИНГА.

ПЕР. СЪ НѢМЕЦКАГО

Канд. пр. М. Циммерманна.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Г. Шахтъ и Ко., Вас. Остр., Больш. просп., № 2.

1884.

Г 7/318

ПРЕСТУПЛЕНІЕ

и

ДУШЕВНОЕ РАЗСТРОЙСТВО ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

ОБЗОРЪ ДУШЕВНЫХЪ И ТѢЛЕСНЫХЪ СОСТОЯНІЙ,

ОГРАНИЧИВАЮЩИХЪ СВОБОДУ ЧЕЛОВѢКА.

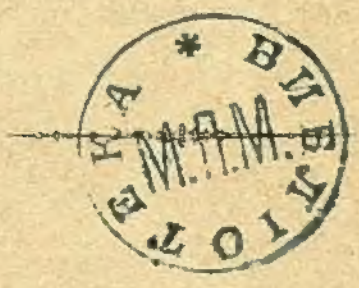
НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

для судей, прокуроровъ, защитниковъ, присяжныхъ засѣдателей, воспитателей, врачей и т. д.

Соч. Д-ра мед. ШИЛЛИНГА.

ПЕР. СЪ НѢМЕЦКАГО

Канд. пр. М. Циммерманна.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Г. Шахтъ и Ко., Вас. Остр., Больш. просп., № 2.

1884.

2007056041

Допущено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Января 1884 г.

Для блага всѣхъ несчастныхъ обвиняемыхъ;

Для защиты страждущаго человѣчества;

Для споспѣшествованія истинной гуманности

Всѣмъ мыслящимъ честнымъ людямъ

посвящаетъ

Авторъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Разрѣшеніе нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ.

«Духъ бодръ, но плоть немощна».
(Слова Іисуса Христа, Матѳ. 26. 41).

Безъ матеріи нѣтъ силы!

«*Духъ зависитъ отъ тѣла*» —вотъ высочайшій законъ, утвержденный тысячелѣтнимъ опытомъ въ естественной наукѣ о человѣкѣ. *Духъ невполнѣ свободенъ*, если тѣло разстроено, если оно больно.—*Sana mens in sano corpore* т. е. «здоровая душа обитаетъ лишь въ здоровомъ тѣлѣ»,—вотъ основное положеніе древнѣйшихъ и величайшихъ мыслителей. Древніе греки и римляне во времена ихъ классическаго процвѣтанія и поступали сообразно этому основному положенію. Положеніе это служило для нихъ путеводителемъ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Они желали, чтобы *тѣло было вполнѣ равномѣрно развито*, ибо они знали, что лишь въ такомъ тѣлѣ можетъ обитать свѣжая, здоровая душа. Вотъ руководящіе принципы въ законодательствѣ какого-нибудь Солона или Ликурга. — Именно, если какой-нибудь органъ разстроенъ, то и отправленіе (дѣятельность) его также будетъ разстроено. Это значитъ: гдѣ *посредникъ между тѣломъ и внѣшнимъ міромъ* —

органъ разстроенъ, тамъ и, производимый этимъ органомъ, продуктъ не можетъ успѣшно выработаться, онъ будетъ испорченъ. Кто, напримѣръ, имѣетъ передъ собою плохое зеркало, стекло котораго дурно амальгамировано — тотъ увидитъ въ немъ лишь отраженіе каррикатуры, хотя-бы всматривающаяся въ это зеркало особа была прелестна. Точно такое-же отношеніе существуетъ между человѣческимъ духомъ (душею) съ одной стороны и головнымъ мозгомъ съ другой. Душа есть существо нематеріальное, нѣчто невидимое, неосязаемое, невѣсомое и, какъ таковое, естественно, не можетъ заболѣвать. Поэтому выраженіе: *«душевныя болѣзни»* принято только, какъ образное (картинное). Слѣдовало-бы выражаться: *«душевное разстройство»*. (Поэтому мы, собственно говоря, и не трактуемъ о душевныхъ болѣзняхъ).

Душу эту, о которой мы думаемъ, что она есть невидимое божественное дуновеніе, (хотя мы его точно также себѣ и представить не можемъ), — мы знаемъ лишь по ея *дѣйствіямъ* и *проявленіямъ*. Мы слышимъ, какъ человѣкъ говоритъ, какъ онъ разумно говоритъ, мы видимъ какъ онъ совершаетъ разумныя, цѣлесообразныя и связныя дѣйствія и т. д. и вотъ почему мы и говоримъ: «онъ имѣетъ душу». Такъ какъ мы видимъ, что и нѣкоторыя животныя поступаютъ вполнѣ разумно, поэтому многіе и говорятъ: «и животныя имѣютъ душу». Мы познаемъ, слѣдовательно, душу лишь по ея внѣшнимъ проявленіямъ т. е. настолько, насколько она проявляется въ насъ самихъ и въ другихъ въ мысляхъ, словахъ, дѣйствіяхъ, чувствахъ и т. д. Если-бы растенія и камни также говорили, хотя-бы только лепетали, какъ дѣти, если-бы они могли выражать свои желанія словами, обнаруживать свою боль жестами (знаками) предлагать свою помощь, — то мы должны были-бы и о нихъ сказать, что они имѣютъ душу. Но такъ какъ этого на самомъ дѣлѣ

нѣтъ, то мы поэтому и не причисляемъ ихъ къ разряду одушевленныхъ существъ. *Oratio*, (рѣчь или языкъ) стоитъ поэтому въ тѣснѣйшей, даже уже филологической (язычной) связи съ *ratio*, разсудкомъ. Только гдѣ *ratio*, тамъ и oratio (гдѣ разумъ, тамъ и языкъ, даръ слова). Поэтому особенные органы, служатъ для того, чтобы узнать, обладаетъ ли твореніе душею или нѣтъ. О человѣкѣ мы это знаемъ уже, навѣрное, цѣлыя тысячелѣтія Но эта душа, такъ какъ она прикрѣплена къ тѣлу и съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ соединена, можетъ обнаруживать свою дѣятельность только посредствомъ органовъ тѣла Они-то, эти живыя части тѣла собственно и предназначены для того, чтобы душа ими представлялась и черезъ нихъ обнаруживалась. Поэтому мы и говоримъ теперь объ органахъ души. Главнѣйшій органъ души есть прежде всего головной мозгъ (большой мозгъ и мозжечекъ); продолговатый же мозгъ, образующій переходъ къ спинному мозгу, принадлежитъ уже ко второму, подчиненному ряду душевныхъ органовъ. Безъ органовъ душа въ человѣкѣ существовать не можетъ т е. по крайней мѣрѣ для насъ не можетъ сдѣлаться видимою. Безъ мозга мы ничего не знаемъ ни о душѣ другихъ людей, ни о своей собственной. У кого нѣтъ головнаго мозга, тотъ мертвъ, положительно и совершенно мертвъ, слѣдовательно, здѣсь вмѣстѣ съ жизнію недостаетъ и души. И такъ, головной мозгъ и остальные нервные центры суть *обиталища* и орудія душевной дѣятельности. Но эти органы должны быть здоровы т. е. находиться въ порядкѣ, въ естественномъ и сообразномъ съ природою равновѣсіи, для того, чтобы душа черезъ нихъ какъ черезъ орудія и основанія своей дѣятельности, могла *нормально* дѣйствовать т. е. обнаруживаться правильно и вполнѣ. Слѣдовательно, здоровье т. е. невредимость дѣятельной, въ мірѣ обнаруживающейся, души, тѣсно связано съ здоровьемъ

извѣстныхъ органовъ т. е. съ здоровьемъ мозга и нервовъ. Разъ навсегда это такъ, и это положеніе не можетъ быть измѣнено, несмотря на всѣ противорѣчія До тѣхъ поръ, пока душа связана съ временемъ и пространствомъ, она также точно нуждается въ своихъ органахъ, какъ электромагнитизмъ, въ телеграфномъ дѣлѣ, нуждается въ проволокѣ и аппаратѣ. И электрической или магнитной силы никто еще не видѣлъ, точно такъ-же какъ и души, тѣмъ не менѣе силы эти вездѣ предполагаются. Но если разъ эта невѣсомая сила лоймана, прикрѣплена къ металлической проволокѣ, тогда мы видимъ ее работающею и дѣятельно обнаруживающеюся въ своихъ дѣйствіяхъ. Но нить должна быть невредима и аппаратъ не долженъ быть сломанъ или попорченъ, если только мы хотимъ получить вполнѣ исправную депешу. Электрическая душа или сила, которая дѣйствуетъ здѣсь черезъ проволоку и аппаратъ и, какъ таинственный духъ, выводится изъ спокойствія (Latenz) посредствомъ элементовъ баттареи, также точно прикрѣпленъ къ своимъ рудіямъ, какъ душа, божественный даръ человѣку, къ своимъ органамъ Доколѣ электрическая сила свободна и безпрепятственно движется въ атмосферѣ, дотолѣ и она нигдѣ не можетъ быть видима Только во время ночной грозы, удивляемся мы силѣ электрической жидкости. Тамъ и сямъ чувствуемъ мы въ душномъ воздухѣ накопившееся электричество, точно также, какъ и вблизи великихъ людей чувствуемъ дыханіе ихъ души, которое часто даетъ намъ себя знать, какъ-бы посредствомъ какого-нибудь таинственнаго волшебства. Если, слѣдовательно, головной мозгъ,—гдѣ также находится взаперти таинственная мастерская человѣческой души,—болѣнъ, испорченъ, въ безпорядкѣ, то и отдѣльныя дѣятельности души также должны впасть въ безпорядокъ Каждый можетъ вдругъ начать заговариваться (бредить) вслѣдствіе сильнаго удара или паденія на голову. Влѣдствіе

потрясенія мозга при паденіи или ударѣ, отдѣльныя его части дѣйствительно сдвинулись и пришли между собою въ безпорядокъ. И такъ, произошла дисгармонія, вслѣдствіе чего и бредъ, который, въ извѣстныхъ случаяхъ, называется помѣшательствомъ души. Не душа помѣшана собственно, а ея дѣятельность стала помѣшанною, потому что ея органъ впалъ въ безпорядокъ.

И такъ, если головной мозгъ и главные его нервы совершенно здоровы и находятся въ гармоническомъ между собою порядкѣ, то и душа, подъ однимъ лишь этимъ условіемъ, можетъ, посредствомъ этихъ своихъ органовъ, обнаруживаться вполнѣ хорошо и правильно, ясно и чисто. Ты самъ видишь свое собственное изображеніе совершенно вѣрно только въ хорошо отшлифованномъ, свѣтломъ и правильно амальгамированномъ зеркалѣ. Но гармонія тѣлесныхъ органовъ и есть именно здоровье. На этой гармоніи или здоровьи основывается, слѣдовательно, и правильная дѣятельность, естественныя отправленія души.

Поэтому «sana mens in corpore sano», т. е. только тамъ живетъ здоровая душа, гдѣ ей служатъ основаніемъ здоровые тѣлесные органы.

Эта, врожденная намъ, человѣческая душа требуетъ, слѣдовательно, прежде всего, безусловно необходимой, здоровой подкладки, здоровыхъ неиспорченныхъ органовъ для того, чтобы въ порядкѣ и отчетливо, мы хотимъ сказать, разумно, обнаруживаться.

Поэтому у помѣшаннаго больна не душа, но ея органъ или его ближайшія части болѣзненно измѣнены. Вѣдь когда прервано телеграфное сообщеніе, то точно также не больна электрическая сила, но, напримѣръ, проволока или аппаратъ пришли въ безпорядокъ. Но безъ головнаго мозга и безъ нервовъ нѣтъ мышленія, нѣтъ вообще душевной дѣятельности. Потому-то и было телеграфное сообщеніе прервано, что

послѣ того какъ былъ вырванъ кусокъ мѣдной проволоки, заботливый сторожъ замѣнилъ промежутокъ черною веревкою. Какъ безъ металлической проволоки нѣтъ электрическаго теченія, такъ и безъ головнаго мозга нѣтъ мысли.

Свойство души есть то, что она можетъ мыслить лишь посредствомъ мозга, а не посредствомъ ногъ, такъ точно, какъ электричество не можетъ обнаруживаться и проводиться черезъ шпагатъ, веревки и т. д.

Душа, обитающая въ головномъ мозгу и черезъ него работающая, имѣетъ различныя главныя отправленія, различныя главныя дѣятельности. Мы различаемъ изъ нихъ главнѣйшія, слѣдующія одна отъ другой отличныя: а) *мышленіе*,—мыслительная сфера,—разсудокъ; б) *чувствованіе*,—чувствительная сфера,—чувство; в) *желаніе*—желательная сфера, — воля — побужденія — дѣянія. Каждая изъ этихъ трехъ главныхъ группъ духовныхъ дѣятельностей отдѣльно управляетъ каждою изъ главныхъ частей головнаго мозга т. е. извѣстныя части головнаго мозга суть главнѣйшія орудія и обиталища отдѣльныхъ функцій (отправленій). Въ большихъ переднихъ мозговыхъ полушаріяхъ — вблизи лба — возникаютъ преимущественно мысли — здѣсь сѣдалище пониманія, разума, разсудка. Въ среднемъ мозгу, который расположенъ на базисѣ костяныхъ подмостокъ черепа и покрытъ большими полушаріями, производятся и развиваются чувства.

Въ мозжечкѣ, который лежитъ въ задней части головы, живетъ преимущественно побудительная дѣятельность (воля) человѣка. Этотъ мозжечокъ переходитъ въ продолговатый мозгъ. Чрезъ этотъ мозгъ, возникшія въ головномъ мозгу, мысли и представленія формируются въ дѣянія, въ акты воли и, какъ таковые, выполняются. Продолговатый мозгъ соединяется со спиннымъ мозгомъ, который въ своихъ первыхъ вѣтвяхъ, которыя онъ образуетъ, главнымъ обра-

зомъ служитъ посредникомъ движеній и ощущеній. Мы нуждаемся въ этихъ первахъ для того, чтобы мысли, представленія воли и акты чувства перевести въ дѣйствія. Впечатлѣнія чувства, внѣшнія ощущенія, возбуждаютъ въ насъ преимущественно мысли, — мы чувствуемъ себя, напримѣръ, испуганными, когда мы видимъ передъ собою большее количество, текущей къ намъ, воды и слышимъ ея шумъ. Сначала мы чувствуемъ опасность; забота и страхъ овладѣваютъ нашими чувствами — мы думаемъ сейчасъ о спасеніи — мысль о спасеніи становится дѣломъ, — и *отъ головнаго мозга* посредствомъ *спиннаго*, изъ котораго выходятъ двигательные первы—ручные, ножные, грудные и т. д., — мы *выполняемъ* самое дѣло спасенія, т. е. мы стараемся посредствомъ плаванія избѣгнуть опасности утонуть и достигаемъ спасительнаго берега. Такъ оно вездѣ, хотя въ жизни чувство, мысль и дѣйствіе часто очень быстро слѣдуютъ одно за другимъ. И такъ человѣкъ имѣетъ мысли, чувствованія и волю (желанія). Но эти отдѣльныя дѣятельности не такъ строго разграничены въ мозгу, какъ это бываетъ, напримѣръ, съ землею, куски которой всегда отдѣляются одинъ отъ другаго цвѣтными межами; хотя мозгъ и разчлененъ, но все-таки представляетъ опять одно живое, органически-соединенное, цѣлое. Какъ здѣсь одна часть мозга переходитъ въ другую почти незамѣтно, едва обозначая опредѣленную пограничную черту и какъ нервныя ячейки (нити) и шарики внутренно спутываются, такъ точно переплетаются чувствованія и мысли, мысли и побужденія воли. Въ этомъ отношеніи мозгъ можно сравнить съ радугой, гдѣ мы точно также не можемъ опредѣленно сказать, гдѣ оканчивается, напримѣръ, желтый цвѣтъ и начинается красный. Чувствованіе и представленіе лежатъ большею частію такъ близко одно возлѣ другаго и съ ними такъ быстро соединяется мощное дѣяніе, что мы

только очень рѣдко можемъ дать себѣ вполнѣ ясный отчетъ о томъ, гдѣ окончилась одна дѣятельность и началась другая. Къ тому-же еще отдѣльныя части головнаго, спиннаго мозга и всѣхъ нервовъ тѣснѣйшимъ образомъ соединены между собою посредствомъ *живаго шва*. Нашъ организмъ представляетъ безпрерывную цѣпь могущественнѣйшихъ и незначительнѣйшихъ членовъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ испортиться, не причинивъ замѣтныхъ разстройствъ въ цѣломъ хозяйствѣ. Но органы души соединены тѣснѣйшимъ образомъ не только между собою, но и со всѣми остальными частями тѣла. Этотъ маленькій міръ — наше тѣло, какъ гармонически разчлененное цѣлое — подобенъ часовому механизму: стоитъ вынуть только малѣйшее колесце, только одинъ членикъ, изъ цѣпи, вращающейся вокругъ улитки въ часовой оси, одинъ винтикъ и т. д. и — вся машина останавливается. Но какъ въ часахъ отъ одного разстройства происходятъ многія другія, точно также случается и въ тѣлѣ человѣка, этой удивительнѣйшей изъ машинъ. Въ нашемъ организмѣ одинъ членъ касается другаго, одинъ органъ привязанъ къ другому и съ нимъ связанъ, — возлѣ нервовъ бѣгутъ артеріи, возлѣ артерій — вены, далѣе мускулы и т. д. Поистинѣ удивительно построены эти подмостки (Gerüste), удивительно это моховое и колесное устройство для души!... И такъ мозгъ, какъ орудіе души, безусловно необходимъ для мышленія, чувствованія и желанія. Безъ мозга нѣтъ разсудка (пониманія) и т. д. Но мозгъ долженъ быть еще здоровымъ, если хотятъ здорово мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Какъ глазъ или ухо должны быть здоровы, чтобы, какъ слѣдуетъ, видѣть и слышать, т е. воспринимать правильныя впечатлѣнія чувствъ — точно также и мозгъ долженъ быть совершенно невредимъ для того, чтобы быть въ состояніи правильно обнаруживать свою дѣятельность.

Слѣдовательно, то что дѣлаетъ больнымъ мозгъ, причиняетъ болѣзнь и душѣ? нѣтъ! (это — неудачное выраженіе), — разстраиваетъ также и душу въ ея свободномъ развитіи и свободной дѣятельности, какъ загнутіе зубцовъ одного колесца въ часовомъ механизмѣ препятствуетъ свободной дѣятельности спирали или часовой пружины. Пружина тогда также не больна, но только сдѣлалась неспособною обнаруживать правильную дѣятельность; часы впереди! — часы отстаютъ! И все-таки часы — безконечно грубочувственный инструментъ въ сравненіи съ нашимъ, въ высшей степени нѣжнымъ, организмомъ. Здѣсь мы только выбрали осязательный и общепонятный примѣръ.

Мозгъ состоитъ, въ сущности своей, изъ разныхъ химическихъ составныхъ частей, напримѣръ, изъ жира, сѣры, фосфора и т. п. Артеріи и вены пересѣкаютъ его вдоль и поперекъ, какъ органы, приносящіе и отводящіе кровь и т. д. Если отъ свойства органа души (мозга) зависятъ и дѣятельности души, то здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть мозгъ, какъ качественно (его построеніе и сложеніе, его составныя части), такъ и количественно (его количественное отношеніе) т. е. его величину, его достаточную массу. Великіе мыслители имѣютъ обыкновенно больше мозга, можетъ быть, даже лучшаго качества, чѣмъ слабые умы. Для жизни, можетъ быть, было-бы важно знать, что женщина имѣетъ на 8 лотовъ меньше мозгу, чѣмъ мужчина. У послѣдняго мозговая масса вѣситъ около 3 фунтовъ. Фактъ этотъ могъ-бы имѣть значеніе при нѣкоторыхъ сужденіяхъ объ относительныхъ душевныхъ способностяхъ мужчины и женщины *).

*) Этотъ фактъ самъ по себѣ еще ровно ничего не доказываетъ: если мужчина и превосходитъ женщину количествомъ своего мозга, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ ее также превосходилъ и качествомъ мозга. Вѣдь есть много безсловесныхъ животныхъ, у которыхъ въ головѣ несравненно больше мозга, чѣмъ у человѣка! *(Примѣч. перев.)*

«Въ крови заключается жизнь» говоритъ уже Мойсей. Да, кровь есть источникъ и питаніе жизни. Она также безусловно необходима и для питанія мозга. Онъ не можетъ оставаться безъ питанія, безъ котораго также не можетъ образоваться ни одинъ первъ, мускулъ, кость. Какъ всѣ члены нашего тѣла доставляютъ намъ какую-нибудь пользу чрезъ употребленіе, точно также и мозгъ и всѣ прочіе внутренніе органы. На нашихъ рукахъ и ногахъ, на ногтяхъ и т. п. мы усматриваемъ уже очень ясно эту пользу и видимъ, что, бывшая въ употребленіи, кожа отпадаетъ лоскутками и лупою. Что касается внутреннихъ органовъ, то мы ихъ не видимъ, но о нихъ мы должны сказать тоже самое, что сказано уже о внѣшнихъ Все потребленное должно быть опять возстановлено, иначе должна была бы скоро прекратиться и самая жизнь.

Народъ правъ, когда говоритъ, что каждый человѣкъ въ теченіи 7 лѣтъ дѣлается другимъ. Естествовѣдѣніе учитъ насъ, что этотъ періодъ времени на самомъ дѣлѣ даже гораздо короче. Незамѣтно, но безпрерывно глодаетъ насъ, такъ называемый, «зубъ времени», преимущественно кислородъ окружающаго насъ атмосфернаго воздуха. Какъ стѣну монастыря или какъ стволъ дуба пожираетъ онъ точно также и насъ, а мы назамѣтно возстановляемъ, также незамѣтно утраченное нашимъ тѣломъ и такимъ образомъ мало-по-малу становимся, въ отношеніи своего тѣла, совершенно другими людьми

Точно также мы не видимъ, какъ падающая капля продалбливаетъ самый твердый гранитъ, — и все таки это случается Кислородъ, этотъ «воздухъ жизни» есть то, что опять разрушаетъ наше тѣло, — подобно Сатурну, пожирающему своихъ собственныхъ дѣтей. Такимъ образомъ невидимо и незамѣтно мѣняемъ мы всѣ наши органы. Но для того, чтобы мы всегда все таки оставались совершенно

тѣмъ-же, что мы есть т. е., въ отношеніи массы и сложенія своего тѣла, вполнѣ способными къ жизни и дѣйствительно живыми людьми, необходимо нужно, чтобы то, что мы теряемъ вслѣдствіе работы, дыханія, движеній въ нашихъ мускулахъ, крови, легкихъ, сердцѣ и т. д., а также и въ мозгу, вслѣдствіе мышленія, было опять возстановлено

Все это совершается посредствомъ крови. Въ крови — возстановленіе всѣхъ органовъ. Въ крови долженъ прежде въ жидкой формѣ обращаться тотъ самый матеріялъ, изъ котораго потомъ образуются сердце и мозгъ, легкія и нервы, костный мозгъ и самыя кости. Понятно, что этотъ матеріалъ, какъ новая образовательная масса, долженъ быть жидкимъ, для того, чтобы превратиться въ наше тѣло, ибо нельзя новыя костные осколки обратить прямо въ кости и свѣжіе куски головнаго мозга прямо отправить въ черепъ непосредственно изъ мозга какого-нибудь животнаго. Но мы должны стараться внести въ нашу кровь извнѣ не только достаточную массу матеріала для возстановленія и новаго образованія органовъ, но и еще дѣлать это въ правильномъ соотношеніи (пропорціи). Для полнаго здоровья необходимъ *хорошій* матеріалъ, въ *достаточномъ* количествѣ, въ *надлежащей* смѣси и въ *надлежащемъ* мѣстѣ.

Изъ крови всѣ эти образовательные матеріалы выходятъ къ своему мѣсту назначенія. Но они прежде всего, еще прежде, чѣмъ находиться въ крови, должны быть введены извнѣ въ самое тѣло т. е. кровь должна быть снабжена ими Какъ это происходитъ? Кровь питаетъ и возстановляетъ всѣ органы, и сама также питается извнѣ пищею и питіемъ, движеніемъ, воздухомъ, свѣтомъ и т. д. И такъ изъ желудка, куда входятъ эти питательные матеріалы, они преобразуются, дѣлаются годными для тѣла и превращаются въ сокъ и кровь. Это дѣлаетъ пищевареніе. Посредствомъ сосудовъ соки приводятся къ отдѣльнымъ частямъ и

передаютъ имъ образовательные и питательные матеріалы, чтобы здѣсь ихъ питать. Но только здоровая кровь можетъ, какъ слѣдуетъ, поддерживать, питать и возстановлять, органы. Кровь можетъ быть больна, когда она *дурно смѣшана*; тогда она неправильно питаетъ органы и дѣлаетъ ихъ больными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все тѣло. Кровь можетъ быть слишкомъ слаба, слишкомъ малосильна, слишкомъ бѣдна содержаніемъ отдѣльныхъ составныхъ частей, тогда происходитъ тоже самое. Ясный примѣръ этого представляетъ хлорозисъ (Bleichsucht), когда въ крови недостаетъ желѣза Если темная, потребленная уже (венозная), кровь, которая не годится болѣе для питанія, въ слишкомъ большемъ количествѣ и слишкомъ долго пребываетъ въ отдѣльныхъ частяхъ вслѣдствіе сгущеній и остановокъ въ кругооборотѣ, тогда она точно также причиняетъ болѣзнь всему тѣлу. Далѣе, кровь должна обращаться не слишкомъ быстро и не слишкомъ медленно. Безъ крови нѣтъ дѣятельности мозга,—безъ здоровой крови нѣтъ нормальнаго отправленія мозга. *И такъ безъ крови нѣтъ мысли, безъ здоровой крови нѣтъ правильной мысли.* Это есть великое *отношеніе обмѣна* матеріи, которое насъ—нашу душу точно также, какъ и тѣло — приковываетъ къ почвѣ, къ землѣ, — привязываетъ насъ къ пищѣ и питію, свѣту и воздуху, теплотѣ и т. п. Отъ земли получаемъ мы нашу пищу. Безъ пищи и питія *не существуетъ никакое живое тѣло, не существуетъ и душа.* Какъ, слѣдовательно, душа человѣка зависитъ отъ головнаго мозга и отъ первовъ, то она также вмѣстѣ съ этими зависятъ и отъ крови и оба вмѣстѣ — мозгъ и кровь зависитъ отъ пищи и т. д. Какъ способствуютъ этому пищевареніе и кровообращеніе — это также ясно. Безъ нормальнаго пищеваренія не производится и нормальной крови. Не то поддерживаетъ и питаетъ насъ, что мы ѣдимъ, а только то, что мы *обращаемъ въ кровь.* Непретворимое и непретворенное

не въ состояніи насъ питать. Замедляется-ли обращеніе крови, — отъ этого происходитъ недостаточное сообщеніе соковъ и питаніе страдаетъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ.

Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, питаніе слишкомъ быстро и болѣзненно усиливается, именно тамъ, гдѣ кровяная волна течетъ слишкомъ быстро. Поэтому, пусть не удивляются непосвященные, если мы скажемъ, что отъ пищи и жизненныхъ отношеній вообще безконечно много зависитъ наше тѣлесное и душевное существованіе и благосостояніе. Если пища обращается въ кровь, а кровь — въ мясо и нервы, кости и мозгъ, — то не обусловливаются-ли *качествомъ* и *количествомъ пищи* и жиръ сердца, и сила мускуловъ, и плотность костей, и *живость мозга?* (Молешотъ).

Кто не знаетъ ослабленія голодающаго, безпокойства, причиняемаго крѣпкимъ кофе, душевнаго возбужденія отъ хорошаго чаю и быстраго мышленія, оживленной дѣятельности, пыла фантазіи, производимыхъ добрымъ стаканомъ крѣпкаго вина!

Такъ называемые *горючіе матеріалы* заставляютъ кровь быстрѣе обращаться; тогда она приноситъ болѣе питательнаго матеріала къ сердцу и мозгу и побуждаетъ ихъ къ болѣе роскошной и богатой дѣятельности. «Прошли времена», говоритъ Молешотъ далѣе, «когда духъ считали совершенно независимымъ отъ матеріи.» *Безъ матеріи нѣтъ силы, — безъ мозга нѣтъ мысли.* Всѣ орудія нашего тѣла никакъ не могутъ обойтись безъ пищи и питія. Разсмотримъ напр. оба величайшія вліянія со стороны тѣла на душу, со стороны матеріальной, на духовную Мы видимъ, какъ голодъ и жажда, уже сами по себѣ, могутъ повліять на нашу душевную дѣятельность.

При сильномъ голодѣ сердце становится лѣнивымъ, слабая кровяная волна, вслѣдствіе недостатка въ возстанов-

ляющемъ матеріялѣ, не въ состояніи поддерживать этого источника жизни въ надлежащемъ состояніи; пульсъ ослабленъ такъ, что едва чувствуется; дыханіе стонущее; является зѣвота и охриплый голосъ; движенія ослабѣли. Небольшія раздраженія чувствъ производятъ величайшія послѣдствія. Всѣ чувства болѣзненно раздражительны и черезъ-чуръ воспріимчивы. Свѣтъ причиняетъ глазу боль; сколько-нибудь сильный звукъ становится невыносимымъ. Дотрогиваніе вызываетъ гнѣвъ. Воспріятіе чувствъ разстраивается, память отказывается служить и вотъ оба источника сужденія — воспріятіе чувствъ и память изсякли. Сужденіе становится неправильнымъ, превратнымъ, оно утомляется, ибо, что мы въ жизни испытываемъ и испытали, то и приводится движеніями мысли къ сужденію и умозаключенію. Чтобы судить правильно, мы должны ясно видѣть, отчетливо слышать, спокойно чувствовать и въ логическомъ порядкѣ мыслить. Во время безсонной ночи голодающаго мучитъ алчность, могущественнѣйшій двигатель страстей. Кто пожираетъ падаль и трупы, мясо своихъ друзей или даже и свое собственное, тотъ доказываетъ этимъ болѣе, чѣмъ сколько можетъ себѣ представить самая пылкая фантазія поэта. Или развѣ можно измѣрить чувство матери, которую голодъ заставляетъ копаться во внутренностяхъ своего дитяти, тѣмъ обыкновеннымъ соболѣзнованіемъ, которое препятствуетъ намъ оттолкнуть нищаго? Ни чѣмъ другимъ не побѣждается печальнѣе могущество духа человѣческаго. Голодъ опустошаетъ голову и сердце. Хотя потребность въ пищѣ, во время духовнаго напряженія, можетъ быть удивительно съужена, все же такъ нѣтъ злѣйшаго врага для *живаго міра мысли*, какъ лишеніе пищи и питія. И поэтому для голодающаго каждое давленіе есть тяжесть берковца. Вотъ почему голодъ производилъ болѣе возстаній, чѣмъ честолюбіе недовольныхъ головъ.—Холодный

и оцѣпенѣлый, съ подергивающимися мускулами въ онѣмѣлыхъ членахъ, стонущій, съ мутными глазами, съ притупленною чувствительностію, съ обманчивымъ сужденіемъ, борется терзаемый голодомъ со смертію; эта ужасная борьба, часто оканчивается безчувствіемъ, но иногда является неистовое сумасшествіе (бѣшеный бредъ).

Тоже почти происходитъ при высшей степени жажды. Душа и тѣло страдаютъ одновременно и ужасно до самой смерти жаждущаго. Дыханіе сдѣлалось пылающимъ, кожа распаленною Заснувшіе мускулы безсильно двигаютъ членами. Разговоръ и глотаніе производятся съ напряженіемъ. Быстрое и разстроенное дыханіе ускоряетъ пульсъ. Въ жизни мозга и чувствъ та же раздражительность, что и при голодѣ. Безпокойство и отчаяніе терзаютъ жаждущаго вмѣстѣ съ возникающими представленіями о водѣ и о принесенныхъ напиткахъ. Все жидкое — морская вода, зубной элексиръ, даже собственный потъ, — жадно пьется страдальцемъ или, по крайней мѣрѣ, онъ стремится это дѣлать. Если нѣтъ никакихъ напитковъ, то начинаются явленія горячки. Быстрое стонущее дыханіе, дико-блуждающіе глаза, жаждущій сухой языкъ, бредъ и настоящее бѣшенство — оканчиваются со смертію, если только жаждущій не погибаетъ въ безсиліи и безчувствіи. (Молешотъ).

Вотъ двѣ картины, (представляющія людей, мучимыхъ сильнѣйшими голодомъ и жаждою), изъ которыхъ видно, какія оковы налагаются на душу разстройствомъ обмѣна матеріи въ тѣлѣ, вслѣдствіе недостатка пищи и питія. Въ этомъ смыслѣ утверждается положеніе, высказанное нами выше: *«духъ зависитъ отъ тѣла»*. *«Всякая сила въ насъ связана съ матеріею»*, говоритъ вышеупомянутый великій естествоиспытатель.

То, что наиболѣе отягчаетъ давленіе бѣдности — дурно удовлетворенная потребность пищи — можетъ быть перенесено

впродолженіи нѣкотораго времени. Сила бѣдняка должна надѣяться добыть лучшую пищу. Надежда доставляетъ работу, работа — вознагражденіе. Но лѣнивая, несчастная, картофельная кровь бѣдняковъ можетъ-ли доставить мускуламъ силу и мозгу оживляющій полетъ надежды?

Бѣдная Ирландія! Твоя нищета ужасна! Ты не можешь побѣдить въ борьбѣ со своимъ гордымъ сосѣдомъ, тучныя стада котораго доставляютъ власть его начальникамъ! Ты не можешь побѣдить! Ибо твоя пища можетъ лишь возбудить безсильное отчаяніе, а не воодушевленіе, а только оно могло-бы отразить великана, у котораго, вмѣстѣ съ богатою кровью въ жилахъ, нѣтъ недостатка и въ міро-потрясающихъ мысляхъ и могучей дѣятельности

И такъ, духъ очевидно зависитъ отъ тѣла. Поэтому, всякому душевному разстройству предшествуетъ тѣлесное т. е. болѣзнь тѣла, или-же тѣлесное страданіе сопровождаетъ душевное разстройство.

«Духъ свободенъ и тогда, когда кишка засорена» — сказалъ нѣкогда сенсуалистическій философъ Локкъ, который зналъ человѣка, навѣрное, только за ученымъ бюро. Вредное философское заблужденіе!

Духъ несвободенъ когда внутренности засорены, — этому учатъ насъ дома умалишенныхъ съ тысячами экземпляровъ несчастныхъ меланхоликовъ, ипохондриковъ и т. п., которые попадаютъ туда съ мрачнымъ душевнымъ разстройствомъ и душевною болью.

Духъ несвободенъ! — кричатъ намъ истерическія женщины, страдающія судорогами и страшными, ужаснѣйшими болѣзненными явленіями, ежедневно представляющимися въ новыхъ пестрыхъ и ужасныхъ краскахъ.

Духъ ни въ какомъ случаѣ несвободенъ, когда тѣло страдаетъ! Положеніе Локка есть величайшая философская ложь, какую когда либо слышала вселенная. Эта ложь однако

получила право гражданства у мистическихъ, сверхчувственныхъ—даже болѣзненныхъ,—мыслителей. Локкъ самъ былъ такъ слабъ тѣломъ, что долженъ былъ оставить изученіе медицины. Положеніе его представляетъ намъ болѣзненное сужденіе, угнетенную свободу мышленія его духа, который былъ заключенъ въ хиломъ тѣлѣ.

Точно также и теперь еще имѣетъ у многихъ значеніе другое великое заблужденіе, именно: «*Все здѣшнее (земное) преходяще*». Какъ ничто земное не преходитъ, а все лишь перемѣняетъ форму; матерія-же, хотя и измѣненная, остается вѣчною: такъ и духъ очень часто дѣлается несвободнымъ и попадаетъ въ оковы. Онъ есть всегда рабъ тѣла.

«Душа несвободна!» — напоминаютъ намъ дымящіеся остатки горящаго костра, на которомъ обугливались тѣла нимфоническихъ монахинь, равно какъ и многихъ несчастныхъ дѣвушекъ, страдавшихъ болѣзнями половаго развитія, дѣвушекъ о которыхъ думали, что въ нихъ поселился и обиталъ діаволъ.

«Душа несвободна, когда страдаетъ пищевареніе и недостаетъ согрѣвающей и подкрѣпляющей пищи, а морозъ трясетъ окоченѣлыми членами!» — такъ кричитъ намъ храбрый гвардейскій гренадеръ и, измученный, опускаетъ саблю тамъ, на берегу замерзшей Березины, въ обширной Россіи.

«Душа несвободна»! — шумитъ оскорбленный больной, у котораго, сильно бьющееся въ больной груди, сердце угрожаетъ лопнуть, — и бросаетъ, въ сильнѣйшемъ раздраженіи, какъ второй Саулъ, острый кинжалъ въ оскорбителя.

Въ особенности, всѣ тяжкія болѣзни тѣла въ состояніи, то измѣняясь, то осложняясь и, такимъ образомъ, часто становясь неизлѣчимыми, повліять на душу чрезъ посредство тѣла. Всѣ-же органы внутренно соединены между собою и, въ этой пестрой разнообразности органовъ, всегда одинъ

органъ вліяетъ на другой. Нигдѣ-же, въ цѣломъ организмѣ, нѣтъ и никогда не должно быть никакого застоя, но постоянное кругообращеніе—тѣснѣйшее взаимное соприкосновеніе—постоянное движеніе.

Какъ матерія, входящая въ наше тѣло и изъ него выходящая, его поддерживающая и питающая и, какъ потребленная, сдѣлавшаяся негодною и даже вредною, опять извергается, -- словомъ, постоянно измѣняется, такъ точно и настроенія, мысли, чувствованія и движенія воли измѣняются, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, вмѣстѣ съ свѣтомъ, воздухомъ, пищею и т. д.

Вспомнимъ, напримѣръ, только о вліяніи луннаго свѣта на наше настроеніе духа. Подумаемъ только съ одной стороны о пасмурной, темной, облачной, страшной ночи и о безхозяйной, пустынной или дикой странѣ, а съ другой — напротивъ, представимъ себѣ дружественное звѣздное небо или любезный ручеекъ, сверкающій при золотой утренней зарѣ! Какъ различны здѣсь настроенія души, происходящія отъ нашего чувства, вызваннаго окружающею средой!?

Но какъ голодъ и жажда, пища и питіе, такъ точно вліяютъ на душу воздухъ и климатъ, лекарства и ядовитыя вещества различнаго рода.

Мы знаемъ, что болѣзненно-настроенныя дѣвушки и женщины, употребляли волшебную мазь, состоящую изъ цикуты, бѣлены и т. п., и, вслѣдствіе этого, воображали, что съ ними былъ по субботамъ діаволъ. Эти ядовитыя вещества возбуждаютъ картины фантазіи. Онѣ черезъ кожу входятъ въ кровь, съ кровью — въ мозгъ и, разстраивая тамъ равновѣсіе, возбуждаютъ самыя безумныя, превратнѣйшія фантастическія картины, затемняютъ сознаніе, разстраиваютъ разсудокъ, такъ что эти несчастныя принимаютъ наконецъ свои, искусственно возбужденные, сны за нѣчто реальное, дѣйствительно существующее.

Каждый знаетъ, какъ восточные народы, напримѣръ, разстраиваютъ свой мозгъ и духъ опіумомъ и индѣйскою пенькою и возбуждаютъ на яву разныя фантастическія картины въ своемъ воображеніи. Здѣсь мы ясно видимъ вліяніе этихъ веществъ чрезъ тѣло на мозгъ и на душу.

Часто тоже самое причиняютъ ядовитыя вещества, находящіяся въ крови вслѣдствіе болѣзни. Скрофулозная, туберкулозная, тифозная, лихорадочная кровь производитъ *delira* т. е. ложныя представленія, бредь страшныя поступки (Irrehandlungen),— т. е. безумныя представленія, побужденія, чувствованія и наконецъ — безумныя дѣйствія. Если бѣснующійся въ первой горячкѣ, въ бѣшенствѣ бросается изъ окна, то при этомъ была-ли его душа свободна?

Но когда непосвященный видитъ, что страдающій воспаленіемъ легкихъ, или тифозный больной или больной сердцемъ или горячечный, находится въ бреду и дѣлаетъ разныя тѣлодвиженія, то онъ этому не удивляется. И все таки онъ очень склоненъ принимать бредъ сумасшедшаго за нѣчто совсѣмъ другое и находить причины этого страданія не въ больномъ тѣлѣ, а въ грѣхахъ, какой-либо винѣ и въ наказаніи за нихъ. Замѣчательное суевѣріе! *Но, благодаря Бога, времена эти уже проходятъ!*

Душевно разстроенный есть такой-же больной, какъ напримѣръ, тифозный. Разница состоитъ лишь въ томъ, что у тифознаго, напримѣръ, такой-то процессъ разстроенной жизни мозга совершается и быстрѣе протекаетъ въ лихорадкѣ и т. п., острый—тифъ, напримѣръ, (какъ школа его называетъ), и приводитъ скоро либо къ смерти, либо къ выздоровленію.

Помѣшанный-же, большею частію, не одержимъ лихорадкою и можетъ находиться въ такомъ состояніи цѣлые годы (хроническое помѣшательство); такъ что только лихорадка и продолжительность болѣзни производятъ главное различіе

между чисто *телеснымъ бредомъ* и, такъ называемымъ, *душевнымъ разстройствомъ*. Здѣсь и тамъ, въ тифѣ и въ сумасшествіи, — это только кровь, больная и испорченная, зараженная ядовитою матеріею, которая неправильно питаетъ мозгъ и нервы и, такимъ образомъ, производитъ въ нихъ разстройство, производитъ превратныя сужденія и, доводя человѣка до безумныхъ дѣйствій, причиняетъ разныя несчастія.

Но есть еще многія внутреннія причины, поводы чисто душевнаго свойства, которыя дѣлаютъ духъ несвободнымъ, (вполнѣ или отчасти) болѣе или менѣе стѣсняютъ его свободное отправленіе или даже и совсѣмъ его уничтожаютъ. Но въ тѣлѣ находится главный тормазъ для свободнаго размаха души.

Чувства и самая душа могутъ очень часто испортиться и опустѣть вслѣдствіе чисто внѣшнихъ случайностей. Какъ радость и веселье, любовь и надежда побуждаютъ человѣческое сердце къ ликованію и дѣлаютъ его болѣе чувствительнымъ для всякаго добраго дѣла, для всякаго высокаго чувства, ко всему истинному, доброму и прекрасному, точно также, и наоборотъ, случается съ противоположными чувствованіями и аффектами.

Но *аффектъ* есть въ высшей степени развившееся чувство, *высшая точка котораго есть страсть*.

Духъ поставляетъ границу всѣмъ чувствованіямъ. Но въ сердцѣ не обитаютъ, какъ я уже сказалъ, ни любовь, ни тоска, ни страхъ, ни ужасъ. Въ жизни обыкновенно этотъ невинный мускулъ считается *виновникомъ* всѣхъ этихъ чувствъ. Между тѣмъ, только въ мозгу коренятся любовь и ненависть; изъ мозга, — изъ души, — проистекаютъ надежда и вѣра.

Выраженіе «*сердце*» мы здѣсь употребили только картинно, какъ его принимаетъ народъ въ обыкновенной жизни.

А взглядъ этотъ происходитъ оттого, что сильные аффекты въ особенности поражаютъ этотъ мускулъ, этотъ насосъ кровянаго теченія. Сердце бьется сильнѣе при гнѣвѣ, иногда такъ, что думается, будто оно хочетъ разорвать оболочку! При испугѣ біеніе замедляется такъ, что думается иногда, будто сердце замираетъ. Это—дѣйствіе нервовъ, выходящихъ изъ мозга.

И такъ, ни ненависть, ни любовь не начинаются въ сердцѣ. Обѣ имѣютъ свою *колыбель* и свое пребываніе въ мозгу, — органѣ души Любовь и ужасъ, страхъ и надежда коренятся въ мозгу и выходятъ изъ мозга.

Къ психическимъ, такъ называемымъ внутреннимъ и духовнымъ, причинамъ, могущимъ сдѣлать несвободною всю духовную жизнь, принадлежатъ: страхъ, ужасъ, забота и тоска, печаль, нужда, тоска по родинѣ. ревность, любовь, (удовлетворенная или неудовлетворенная) и т. д.

Но еще болѣе дѣйствуютъ чувства, дошедшія до степени аффектовъ. Такъ, напримѣръ, аффектъ гнѣва и т. д. Эти аффекты подкрадываются медленно и постепенно къ человѣку, какъ жадный тигръ къ своей добычѣ, обвиваютъ его, запускаютъ свою зловредную лапу въ его тѣло и душу и, такимъ образомъ, извращаютъ свободу его духа. Или они внезапно на него бросаются —и, подобно молніи изъ яснаго неба или подобно, подстерегающему свою добычу, кондору, низвергаются они внезапно на человѣка, помрачаютъ его духъ, затемняютъ разсудокъ и отнимаютъ волю.

Къ остальнымъ причинамъ, по существу своему, полудуховнымъ, полу-тѣлеснымъ, которыя вліяютъ извнѣ на цѣлаго человѣка такъ, что стѣсняютъ его духовную свободу, принадлежатъ несчастныя житейскія обстоятельства, существованіе, исполненное борьбы съ нуждою и заботами, полное бурь и лишеній, въ особенности-же, жизнь безъ радости, преисполненная печали.

Также причисляются сюда пьянство и половыя излишества, въ особенности порокъ онанизма (рукоблудія) Подкрадывающійся ядъ пьянства, половаго разврата, грызетъ одновременно костный мозгъ и ногу, головной мозгъ и душу.

«Душа несвободна»! — визжитъ, простирая руки тупой грѣшникъ, при ужаснѣйшихъ угрызеніяхъ совѣсти, и все-таки снова впадаетъ въ свой порокъ; наконецъ, самъ лишаетъ себя жизни, ибо не можетъ убѣжать отъ вождѣленія, которое обняло его, какъ многоручная гидра.

«Душа несвободна»! говоритъ намъ, въ слѣпой ревности неистовствующій супругъ, вырываетъ у матери невинное дитя, швыряетъ его объ стѣну и — застрѣливается вмѣстѣ съ воображаемымъ соперникомъ.

«Душа несвободна»! — стонетъ лишенный хлѣба отецъ, котораго любовь къ голодающимъ и холодающимъ дома милымъ малюткамъ,—заставляя его простирать руки для того, чтобы выпросить пищи, – побудила украсть кусокъ хлѣба.

«Душа несвободна»! — кипитъ яростью, укушенный бѣшеною собакою, и взываетъ къ своимъ друзьямъ: «удалитесь, я долженъ васъ укусить!».

«Душа несвободна»!— лепечитъ пьяный барабанщикъ, который, стоя передъ своимъ генераломъ, вмѣсто парадпаго марша, бьетъ вечернюю зарю.

«Душа несвободна» — проклинаетъ день своего рожденія человѣкъ, мучимый болью и несчастіемъ, и наконецъ, вонзаетъ ножъ въ собственное тѣло

«Душа несвободна»! — стонутъ, объятые сильнѣйшимъ чувственнымъ желаніемъ, въ мечтательномъ разговорѣ, безнадежные любовники и низвергаются въ волнующееся теченіе.

«Душа несвободна»! — ворчитъ, можетъ быть, самъ судья, мучимый семейными нуждами, тщетно отыскиваетъ потомъ одинъ параграфъ въ своемъ кодексѣ, который дол-

женъ былъ-бы его оправдать и, наконецъ, уничтожаетъ одну, непріятную для него, связку бумагъ.

«Душа несвободна!» — говоритъ себѣ также, можетъ быть, кладя руку на сердце, присяжный засѣдатель, когда онъ видитъ передъ собою, на скамьѣ подсудимыхъ, ненавидимаго имъ врага и когда страсть побуждаетъ его — одинъ еще недостающій голосъ — сказать: «*виновенъ*».

«Душа несвободна!» — увѣряетъ со святою миною іезуитскій прокураторъ — и передаетъ, напитанныя мышьякомъ, ядовитыя свѣчи въ кабинетъ императора.

«Душа несвободна!» — вопитъ, простирающая руки дѣтоубійца, обольщенная и покинутая любовникомъ, съ высоты эшафота, и кладетъ свою прекрасную голову подъ смертельную сѣкиру.

«Душа несвободна!» — объявляетъ человѣкъ, страстно озабоченный народнымъ благосостояніемъ и, взбѣшенный нѣкоторыми нелѣпостями плохой политики, ввѣряетъ свою ярость болтливымъ буквамъ, за что и попадаетъ въ тюрьму.

«Душа несвободна!» — шепчетъ беззубая старуха, которая, посредствомъ обманчивой мази, сотворила себѣ волшебную субботу, — признана за это кольдуньею и, разбитая, измученная, тащится на пытку.

«Душа несвободна!» — говоритъ оттолкнутая и возмущенная женщина, — примѣшиваетъ въ любимое блюдо своего вѣроломнаго и развратнаго супруга сильнѣйшій ядъ и т. д. и т. д

Но здѣсь мы должны оправдаться въ упрекѣ, что будто-бы мы старались защитить порокъ Нѣтъ. — не порокъ, не посѣдѣлаго въ преступленіяхъ злодѣя, не коварнаго, холодно разсчитывающаго, преступника, хотимъ мы защитить, но лишь несчастнаго, болѣзненно-возбужденнаго бѣдняка — страдальца, который въ состояніи уменьшенной вмѣняемости, при ограниченной свободѣ воли, совершилъ противозаконное

дѣяніе, въ моментъ ослабленной силы духа, которое ему вмѣняется въ преступленіе; и тогда онъ, почти невиновный, расплачивается длинными годами тяжелаго заключенія. Мы не страдаемъ какою-нибудь *mania excusatoria* т. е. мы не хотимъ выдумывать новые виды душевнаго разстройства и какія-либо новыя формы состоянія невмѣняемости, чтобы такимъ образомъ, извинить, оправдать или защитить преступленіе, — нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ нѣтъ!

Мы также не желаемъ, чтобы всѣ судьи или присяжные засѣдатели оправдывали и освобождали отъ наказанія всякое преступленіе противъ стыдливости, нравственности и человѣческаго чувства, совершенное въ состояніи страсти, и чтобы они разсматривали страсть, какъ нѣчто непобѣдимое, слѣдовательно, невинное, — все равно, относительно-ли государственнаго чиновника, школьнаго учителя, духовнаго или, наконецъ, простаго работника.

Напротивъ, мы хотимъ, чтобы право всегда соблюдалось, но право, которое вполнѣ основывалось-бы на истинной человѣчности. Но эта человѣчность необходимо предполагаетъ изслѣдованіе всего состоянія души и строгій разборъ всего душевнаго строя, въ которомъ преступникъ находился во время совершенія имъ преступленія. Ибо очень часто дѣяніе человѣка не есть собственно его дѣло

Мы желаемъ, чтобы каждый, кто бы онъ ни былъ, судья или присяжный засѣдатель, открыто спросилъ-бы у своей совѣсти и честно далъ бы отвѣтъ на слѣдующее: не имѣлъ-ли уже каждый изъ всѣхъ насъ въ жизни дни, часы или мгновенія, о которыхъ онъ долженъ сказать: «я былъ тогда совсѣмъ разсѣянъ», — «я не зналъ тогда, что дѣлать», — «я не былъ тогда господиномъ надъ самимъ собою», — «я тогда не былъ болѣе самимъ собою»!? Не пережилъ-ли каждый уже такихъ минутъ, когда онъ могъ-бы считать себя какъ-бы *измѣненнымъ*, *превращеннымъ*,

околдованнымъ или очарованнымъ?! Дадимъ себѣ на это отвѣтъ!

Не долженъ-ли былъ каждый уже хоть одинъ разъ или даже и нѣсколько разъ себѣ признаться: «да, если-бы тогда, — въ тотъ день, или въ томъ или другомъ случаѣ, со мной случилось несчастіе — я совершилъ-бы преступленіе — *я, право, въ этомъ не былъ-бы виновамъ?!* Стойте! — Вотъ оно!

И такъ, впередъ, судьи и присяжные засѣдатели, отвѣчайте открыто и честно! — Такъ-то и каждый можетъ припомнить изъ своей прошлой жизни подобныя сцены, если онъ хочетъ сдѣлать точный осмотръ своихъ дѣяній и своихъ слабыхъ часовъ, если онъ хоть разъ хочетъ произвести основательное изслѣдованіе своей совѣсти и сдѣлать генеральную исповѣдь.

«Еслибы я тогда погубилъ свою жену, либо убилъ г. N. N., къ которому я ревновалъ ее, либо убилъ самъ себя», — такъ увѣряетъ одинъ, «я былъ-бы поистинѣ невиноватъ, я самъ-бы ничего не зналъ, — я былъ совершенно внѣ себя, — я былъ не въ своемъ умѣ!»

Благодѣтельное впечатлѣніе и притомъ поистинѣ свидѣтельствующее о гуманности и глубоко-психологическомъ взглядѣ присяжныхъ засѣдателей на дѣло, произвелъ процессъ о 19-ти лѣтнемъ рѣщикѣ Адамѣ Албрехтѣ изъ Нюрнберга, который убилъ своего вотчима, пьяницу Вюста, въ то время, когда послѣдній однажды, какъ и обыкновенно, грубо угрожалъ его матери и очень дурно съ нею обошелся. Онъ былъ оправданъ присяжными засѣдателями (7 — 8 марта 1865 года).

Пусть подумаютъ о любви сына къ истинной и естественной матери и о ненависти его къ грубому и звѣрскому вотчиму, второму мужу его матери. Въ раздирающей душу печали о несчастіи и бѣдствіи своей матери, — что она

постоянно терпѣла отъ своего мужа — сынъ приходитъ наконецъ, въ справедливую ярость. Долго сдерживаемая злоба противъ нарушителя мира въ семьѣ вырывается наконецъ, и когда отецъ однажды ночью съ пистолетомъ въ рукахъ угрожалъ застрѣлить свою жену, Альбрехтъ бросается въ сильнѣйшей ярости къ матери, преисполненный къ ней глубочайшей дѣтской любви и побуждаемый сильнѣйшею ненавистію къ вотчиму, съ топоромъ и разрубаетъ имъ, какъ онъ самъ говоритъ, несчастный бракъ! Присяжные засѣдатели въ Миттельфранкенѣ (Ансбахъ, Баварія) объявили преступника совершенно свободнымъ. — Этого можно было ожидать отъ мужей, которые съ одной стороны съумѣли обсудить глубину истинной дѣтской любви къ естественной матери, а съ другой — уже знали изъ опыта, до какихъ поступковъ можетъ довести дѣтей звѣрскій вотчимъ. Вполнѣ характеристичны были при этомъ объясненія преступника Альбрехта, совершенно въ томъ смыслѣ, какъ мы такой языкъ обозначили у тѣхъ, которые были принуждаемы къ преступному дѣянію, въ сильнѣйшемъ возбужденіи полу-безсознательно, силою бурно побѣждающихъ душу страстей. Какъ утверждалъ Альбрехтъ, онъ написалъ своей матери письмо, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Когда я услышалъ, что онъ (Вюстъ) сказалъ, будто ты должна умереть, когда я услышалъ опять твои стоны, я впалъ въ ярость, которая перешла въ сумасшествіе. Какъ я совершилъ самое дѣло, я не знаю, мнѣ казалось, что какое-то невидимое существо меня подталкивало. Ты моя мать, ты меня родила, и моею обязанностію было тебя защитить и спасти». Это — языкъ сильнѣйшей страсти. Откровенно и публично сознался въ своемъ преступленіи юноша-преступникъ. Правильное и преисполненное человѣчности рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей объ оправданіи преступника, здѣсь въ одномъ изъ наиболѣе протестантскихъ округовъ Баваріи, справедливо указываетъ на

здравый смыслъ этихъ честныхъ мужей. Былъ бы Альбрехтъ оправданъ также на судѣ, въ верхней католической Баваріи, напримѣръ, въ Мюнхенѣ? Можно-ли спрашивать это? Практика многократно насъ учила, что вообще протестантъ изъ народа, будетъ-ли онъ гражданинъ или крестьянинъ, уже отъ самой школы обыкновенно болѣе и глубже образованъ, человѣчнѣе воспитанъ, чѣмъ православнѣйшій католикъ. — «Не судите, да не судимы будете» говоритъ Іисусъ Христосъ, который все-таки одинаково обожается, какъ Сынъ Божій, и у католиковъ и у протестантовъ. Я и самъ католикъ, но все-таки: «*Amicus Plato, sed magis amica veritas*!»

«Еслибы я тогда, когда нужда, несчастіе, печаль и заботы приводили меня почти въ отчаяніе, имѣлъ у себя на сохраненіи какую-нибудь кассу, я-бы непремѣнно сдѣлалъ глупость для того, чтобы облегчить нужду. Богъ былъ бы свидѣтелемъ, что я не былъ-бы виноватъ!», — такъ утверждаетъ другой.

«Только мой ангелъ-хранитель спасъ меня!» говоритъ третій. Да, иногда наилучшимъ ангеломъ-хранителемъ бываетъ отсутствіе извѣстныхъ объястоятельствъ! И тѣ-же обстоятельства производятъ, какъ извѣстно, большую часть преступниковъ. Поистинѣ, не рѣдкость видѣть честныхъ людей въ острогахъ и въ цѣпяхъ. Но вы бросьте бѣдняка въ волны жизни, введите его во искушеніе, поставьте безграничное несчастіе, а подлѣ — полный сундукъ сосѣда или государства, — и бѣдняку очень легко будетъ пасть.

Да, справедливо Гёте говоритъ:

«Ihr lasst die Armen schuldig werden
Dann übergebt ihr sie der Pein».

(Вы допускаете бѣдныхъ сдѣлаться виновными,
А потомъ предаете ихъ наказанію).

О ближніе мои! Будьте открыты, честны и справедливы, справедливы и человѣчны.

Строгая справедливость, соединенная съ полною любви человѣчностію, должна быть основаніемъ каждаго приговора, относительно вины или невинности согражданина, будетъ-ли этотъ приговоръ исходить изъ устъ судьи или присяжнаго засѣдателя. Полнѣйшая справедливость, истинная человѣчность, — вотъ слова, которыя должны быть написаны лучеиспускающими буквами на знамени всѣхъ тѣхъ, которые призваны судить о винѣ, невинности и болѣзни.

Но да испытываетъ каждый самъ себя! А самопознаніе здѣсь, въ этомъ отношеніи, труднѣе всего для человѣка. Ничто намъ такъ не нужно и не стоитъ такъ далеко отъ насъ, какъ наше собственное я.

Такимъ образомъ мы въ предъидущемъ старались показать какъ: 1) душа всегда зависитъ и должна быть зависима прежде всего отъ своего органа — головнаго мозга, потомъ отъ другихъ органовъ тѣла, стоящихъ съ нимъ въ тѣснѣйшей связи и взаимномъ соотношеніи; 2) душа многоразличными вліяніями со стороны тѣла и духа, можетъ настраиваться такъ, что она болѣе или менѣе помрачается въ свободномъ сужденіи, чѣмъ останавливается свободное ея отправленіе; 3) мы, какъ люди времени и пространства, зависимъ отъ всѣхъ внѣшнихъ условій, которыя насъ окружаютъ и которыя опредѣленно на насъ вліяютъ; 4) отправленія души распадаются и должны быть раздѣлены на — чувствованіе, мышленіе и желаніе, хотя все-таки эти отправленія постоянно переходятъ одно въ другое.

Послѣ этихъ изслѣдованій, долженствующихъ дать необходимѣйшіе отвѣты на столь-же необходимые вопросы, мы переходимъ къ нашему предмету. Но мы хотимъ еще прежде вписать себѣ въ мозгъ слѣдующее: «*духовная свобода человѣка не безусловна*». Она очень часто огра-

ничивается волнами всѣхъ тѣхъ состояній, которыми подверженъ человѣкъ, какъ цѣлое, какъ существо, состоящее изъ тѣла и духа. Очень часто эта свобода духа подвергается *совершенному крушенію* и тогда улетучивается то прекрасное *приданое*, которое облагородило и возвысило его до степени человѣка. Что свобода эта отнимается иногда навсегда — показываютъ намъ домы умалишенныхъ. Но каждый, читающій слѣдующія страницы, пусть непремѣнно приметъ во вниманіе ту великую истину, что въ домахъ для умалишенныхъ призрѣвается лишь малѣйшая часть душевно-разстроенныхъ, точно также какъ ничтожнѣйшая часть преступниковъ заключена въ острогахъ и тюрьмахъ. Разумѣется, съ ограниченіемъ свободы духа и воли само собою отпадаетъ большая часть того вознагражденія въ будущемъ, который мы можемъ заслужить лишь свободною любовію, свободною вѣрою и свободными дѣлами! Каждый долженъ сдѣлаться вполнѣ свободно добрымъ и можетъ совершенно свободно сдѣлаться злымъ! Но это будетъ очень затруднительно! Я думаю, что человѣкъ вполнѣ здоровый и свободный — не захочетъ оскорбить Бога изъ одной лишь свободной злости. А кто это дѣлаетъ, тотъ уже однимъ этимъ обнаруживаетъ во всякомъ случаѣ, что съ нимъ *не совсѣмъ ладно*. Какъ рѣдко можетъ разумный человѣкъ обидѣть невинное дитя вслѣдствіе свободной злой воли, точно также врядъ-ли захотѣлъ-бы вполнѣ разумный, въ состояніи полной вмѣняемости, человѣкъ, умышленно разгнѣвать Бога лишь изъ діавольской злости, изъ чистаго противорѣчія. Да и что за польза человѣку сдѣлаться діаволомъ? Но нѣтъ правила безъ исключенія! Мы не хотимъ рисовать міръ въ розовомъ свѣтѣ.

Человѣческія дѣйствія настолько цѣнны въ глазахъ Божіихъ и человѣческихъ, насколько цѣнны самые мотивы, побуждающіе къ тому или другому дѣйствію. Если

только внутренній міръ человѣка чистъ, его памѣренія и образъ мыслей благородны, то, если-бы даже и самая свобода была у него отнята, онъ все же таки будетъ носить въ себѣ спокойствіе и миръ. И это спокойствіе совѣсти есть именно то самое небо, на которое Шмидтъ (изъ Любека) такъ прекрасно (хотя и поэтически) указываетъ, говоря:

«Die Sterne, die dort oben wimmeln,
Sind, sagt man, Himmel, seel'ger Lust
Der seeligste von allen Himmeln,
Das ist der Himmel in der Brust».

(Звѣзды, мерцающія тамъ, вверху,
Суть, говорятъ, небо, блаженная радость,
Но блаженнѣйшее изо всѣхъ небесъ, это—небо въ груди!)

И такимъ образомъ, слово величайшаго изъ пророковъ, Помазанника изъ Назарета, Который ради просвѣщенія міра пролилъ свою кровь на Голгофѣ и потерпѣлъ невольническую смерть, теперь имѣетъ значеніе и будетъ имѣть его вѣчно: «*Духъ бодръ, но плоть немощна*» т. е. духъ охотно былъ-бы свободенъ, онъ жадно творилъ-бы все доброе, истинное, и прекрасное, но тѣло слабо. Плоть—наше тѣло, порабощаетъ духъ, содержа его въ неволѣ посредствомъ своихъ органовъ. Душа была-бы свободна, не будь она зависима отъ тѣла. И поистинѣ! небо и земля прейдутъ скорѣе, а такія слова правды никогда не прейдутъ! Поэтому помните: «*Духъ бодръ, но плоть немощна.*» Но оба они *духъ и тѣло нераздѣльны*, пока мы принадлежимъ къ разряду живыхъ, разумныхъ людей здѣсь, на нашей планетѣ.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

I.

Обсужденіе душевныхъ разстройствъ вообще. — Точки зрѣнія на этотъ предметъ врачей, судей и философовъ.

Res non verba! (Дѣло, а не слова!)

Прежде всего мы должны здѣсь упомянуть, что не философскіе, и, ужъ во всякомъ случаѣ, не гегеліанскіе принципы, привели насъ къ тѣмъ взглядамъ, которые мы будемъ излагать въ этомъ сочиненіи и которые мы желали бы отъ всей души вложить въ сердца всѣхъ людей. Эти слѣдующіе принципы взяты не изъ сухой теоріи, — нѣтъ, они взяты изъ практики, полной жизни. Они собраны въ школѣ жизни, которая, къ сожалѣнію, посѣщалась лишь очень немногими врачами; юристами-же никогда почти не посѣщалась и до сихъ поръ не посѣщается. Это именно та школа, откуда, намъ на встрѣчу, раздаются лишь жалобы и страданія, несчастія и вопли, завыванія и стоны. Тамъ слѣдуетъ учиться, слѣдуетъ цѣлые годы читать внимательно въ этихъ одушевленныхъ книгахъ жизни, исполненной страданія, если хотимъ достигнуть благопріятныхъ результатовъ, добраться до важныхъ житейскихъ

истинъ, которыя здѣсь выведены изъ горнила опыта и наблюденія.

Конечно, не дѣло каждаго человѣка проводить время въ домахъ для умалишенныхъ. Вѣдь и кромѣ того есть очень достаточное количество человѣческихъ страданій.

Но именно на тѣхъ людяхъ, которые — для грубой, безчувственной, безчеловѣчной толпы — либо совсѣмъ неинтересны или, еще чаще, служатъ предметомъ насмѣшки, отвращенія, презрѣнія или пренебреженія, — можно и должно, какъ слѣдуетъ, изучать человѣческую душу. «*Только тотъ, кто знаетъ сумасшествіе, знаетъ также и человѣка*», говоритъ геніальный Маркъ съ полнымъ правомъ. И сколь многіе, еще и теперь считаютъ сумасшедшихъ грѣшниками, оставленными Богомъ или-же Имъ наказанными, даже и не подозрѣвая того, что эти несчастные суть больные, только больные, братья! Но они, эти несчастные, кричатъ вамъ громовыя слова: «*то, что вы еще сегодня, — тѣмъ и мы были еще вчера, а что мы — сегодня, тѣмъ и вы уже завтра можете сдѣлаться!*» Поэтому человѣчность! Я кричу вамъ еще разъ это мощное, многозначащее слово, ибо часто это — единственное слово, которое еще можетъ спасти несчастнаго больнаго отъ эшафота или острога. Мы хотимъ теперь обратить наше вниманіе не на то, что выдается передъ глазами свѣта великимъ и блестящимъ, — нѣтъ, въ противоположность этому, пусть наше вниманіе снизойдетъ туда, гдѣ несчастный забывается всѣми и оставляется, презирается и отталкивается свѣтомъ и гдѣ онъ самъ, въ своей душевной боли и въ своемъ помѣшательствѣ, считаетъ себя отпѣтымъ и Богомъ оставленнымъ. Будемъ-же стремиться возжечь вновь свѣтъ надежды для этихъ несчастныхъ, которые въ своемъ отчаяніи думаютъ, что Господь Богъ для нихъ не существуетъ болѣе, и да взойдетъ звѣзда спасенія въ темной, исполненной страданій, ночи!

Обратимъ теперь наши взоры на человѣчество, которое здѣсь купается въ несчастіи и страданіяхъ, направимъ нашу мысль, но съ безпристрастнымъ сердцемъ, на душевныя страданія, на людей, къ которымъ старается обернуться спиною съ равнодушіемъ или съ отвращеніемъ, сантиментальный современный остроумецъ или пошлый свѣтскій господинъ. Будемъ рѣшительно и мужественно стараться изслѣдовать то, что должно быть важнѣйшею и священнѣйшею обязанностію судей, присяжныхъ засѣдателей, врачей и всѣхъ гражданъ, когда дѣло идетъ объ обсужденіи вины и наказанія ихъ собратій. Развернемъ бодро завѣсу!

Много горькихъ сценъ страданія выступятъ передъ нашими изумленными взорами. Намъ не представится зрѣлище веселое, мы не увидимъ комедіи, но за то мы получимъ, глубоко врѣзывающуюся въ душу, полную жизни, драму, которая ежедневно разыгрывается въ великомъ свѣтѣ, внутри и внѣ заведеній для умопомѣшанныхъ, остроговъ и тюремъ.

1) Трудности для врачей при обсужденіи сомнительныхъ душевныхъ состояній.

Величайшіе психіатры давно признали уже, что большія (и очень многія) трудности представляются при точномъ изслѣдованіи душевныхъ разстройствъ, пестрые ряды которыхъ ежедневно представляетъ намъ жизнь.

Опытнѣйшій врачъ дома умалишенныхъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ посѣщаетъ больнаго, глухо и молчаливо пребывающаго въ безпамятствѣ, и не находитъ ни альфы, ни омеги его разстройства

По цѣлымъ недѣлямъ приходится врачу слышать, по-

видимому, разумныя рѣчи больнаго (незадолго передъ тѣмъ бѣсновавшагося такъ, что домашніе должны были наложить на него цѣпи) и не знать, въ чемъ—зерно ошибки, гдѣ сидитъ разстройство. Многіе душевно-здоровые принимаются психіатрами и другими врачами, при поверхностномъ наблюденіи, за душевно-разстроенныхъ; многіе сумасшедшіе —наоборотъ,—за душевно-здоровыхъ, до тѣхъ поръ пока неожиданное событіе не откроетъ имъ глазъ, если только прежде не было сдѣлано строжайшаго, всесторонняго и добросовѣстнѣйшаго, часто продолжительнаго, изслѣдованія всѣхъ моментовъ душевнаго состоянія даннаго человѣка *).

Превосходно говоритъ Генке, великій *криминалъ-психологъ* (Kriminalpsycholog): тѣ врачи, которыя слѣдуютъ своей, яко-бы законченной, системѣ или слѣпо дѣйствуютъ по какому-нибудь учебнику, который, къ тому-же еще, возникъ изъ сѣренькихъ теорій, выработанныхъ за учебнымъ столикомъ, ничего больше не знаютъ и не видятъ въ душевной болѣзни, какъ глупость, бѣшенство или помѣшательство,— страданія, обнаруживающіяся очевидными явленіями; такіе врачи всегда очень быстро приходятъ къ своимъ заключеніямъ и въ

*) Я долженъ здѣсь опять упомянуть (см. мои «Психіатрическія письма», стр. 498) объ одномъ случаѣ: въ одномъ столичномъ городѣ, такъ называемой метрополіи науки и искусства, еще очень недавно, одинъ молодой человѣкъ, какъ душевно-больной, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ и вскорѣ потомъ, опять, какъ совершенно здоровый, выпущенъ. Но не прошло и дня, какъ этотъ несчастный, въ своемъ тихомъ сумасшествіи выстрѣлилъ, въ англійскомъ саду, въ одну, совершенно незнакомую ему, даму, случайно съ нимъ встрѣтившуюся, и ранилъ эту особу, которая потомъ, чрезъ 14 дней послѣ этого умерла. Такимъ образомъ, молодая женщина лишилась жизни, а ея мужъ – своей жены, вслѣдствіе безумнаго дѣйствія сумасшедшаго, сочтеннаго здоровымъ и потому освобожденнаго. Навѣрное, въ такихъ несчастіяхъ виновата не наука, а скорѣе всего — субъективныя сужденія и мнѣнія несвѣдущихъ въ психіатріи врачей. Есть очень много хорошихъ врачей, которые в то же время плохіе психіатры. Хорошіе люди и плохіе музыканты! Вѣдь если-бы они сдѣлались, напримѣръ, поставщиками оперъ или т. п., то могли-бы вредить и, дѣйствительно, вредили-бы своимъ ближнимъ гораздо меньше и гораздо рѣже и все-таки, можетъ быть, наслаждались-бы очень хорошимъ существованіемъ.

своемъ безсовѣстномъ невѣжествѣ очень скоро рѣшаютъ вопросъ о жизни или смерти обвиняемаго. Но такіе врачи легче всего ошибаются и чаще всего безчестятъ науку, вводя въ заблужденіе уголовное правосудіе Да, благодаря необразованнымъ и несвѣдущимъ, именно въ болѣе тонкой и глубокой врачебной наукѣ, врачамъ, уже прибавилось безконечно много горя и несчастій на землѣ. Тысячи колдуній, чародѣевъ и *бисноватыхъ* не испытали-бы пытки, не сожгались-бы на кострахъ, если-бы большая часть врачей того времени, какъ, полные предразсудковъ, сыны своего времени, не были невѣждами, легкомысленными и суевѣрными. Мы не такъ пристрастны, чтобы приписать судьямъ слишкомъ большую часть тѣхъ несчастій, которыя называются юридическими убійствами больныхъ. Точно узнать и оцѣнить болѣе тонкіе виды душевныхъ разстройствъ, а не обыденное только, бѣшенство и сумасбродство, — вотъ это есть и должно быть дѣломъ истинно образованнаго психіатра. Но даже и этотъ думаетъ иногда долгое время., и требуется часто большая обдуманность и продолжительное изслѣдованіе для того, чтобы быть въ состояніи подать дѣльное мнѣніе и придти къ строго-научному, отвѣтственному и добросовѣстному заключенію. Вѣдь дѣло здѣсь идетъ не о маковыхъ головкахъ, которыя срываются хозяиномъ сада въ веселомъ расположеніи духа, но о чести, жизни или смерти не только однихъ обвиняемыхъ, но и еще многихъ невинныхъ, которые тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ судьбою несчастныхъ узами любви, брака, соціальной жизни и такъ далѣе.

Каждый, даже и не психологъ, легко узнаетъ приключившійся припадокъ бѣшенства, когда больной, напримѣръ, бѣгаетъ нагимъ по улицамъ, все разбиваетъ и въ сумасшествіи говоритъ безумныя рѣчи. Но узнается-ли судьею или обыкновеннымъ врачемъ существованіе бѣшенства, во

время свѣтлаго промежутка, когда они прежде ничего не видѣли и ничего не слышали объ обнаружившемся, и потомъ опять исчезнувшемъ, припадкѣ бѣшенства, — вотъ это другой вопросъ. Самые искусные и опытнѣйшіе спеціалисты этой части науки приходили и приходятъ въ затрудненіе, когда они хотѣли и должны были опредѣлить, гдѣ оканчивается граница разсудка, и помѣшательство въ мысляхъ, чувствованіяхъ и побужденіяхъ заступаетъ мѣсто полной свободы духа. Безконечно тонки иногда здѣсь переходы и часто бываетъ незамѣтна граница, гдѣ душевное разстройство и полное психическое здоровье замѣняются одно другимъ. Какъ мы уже указали на то, что въ мозгу нѣтъ пограничныхъ столбовъ между отдѣльными отправленіями души, которыя и въ здоровомъ состояніи постоянно сцѣпляются и переходятъ одна въ другую, точно также и при болѣзненныхъ разстройствахъ духа не существуетъ между ними и здоровымъ теченіемъ духовныхъ отправленій какихъ-нибудь дубовыхъ преградъ или желѣзныхъ перегородокъ *). Подобное-же случается и въ чисто-тѣлесной жизни: кто можетъ здѣсь опредѣлить, гдѣ прекращается состояніе совершеннаго здоровья и начинается легкое нездоровье, незначительное и умѣренное разстройство въ пищеваренін-ли, въ кровообращеніи, или въ нервахъ и т. п.? И кто когда-либо сосчиталъ различныя степени разсудка и духовныхъ отправленій какого-нибудь дурака зальцбургскихъ альповъ или кретина, — и міропотрясающаго генія какого-нибудь Гумбольдта или Гёте? И однако всѣ, какъ тѣ, такъ и другіе — люди. Короче, требуется основательное медицинское

*) Здѣсь я долженъ, чтобы не повторять всѣхъ подробностей, указать на мои «Психіатрическія письма или помѣшанные, помѣшательство и домъ умалишенныхъ». Это есть первое нѣмецкое сочиненіе, которое ясно и отчетливо объясняетъ непосвященнымъ всѣ оттѣнки всѣхъ вообще душевныхъ разстройствъ.

образованіе и опытъ для того, чтобы распознавать отдѣльныя формы возможнаго разстройства души въ его своеобразныхъ проявленіяхъ, въ его состояніи то открытомъ, то скрытомъ, а часто и замаскированномъ.

Поэтому, всѣ сумасшедшіе, обвиняемые и всѣ тѣ, о которыхъ возникаетъ вопросъ относительно ихъ сомнительнаго душевнаго состоянія, обязаны сказать великое, сердечное спасибо, на вѣчныя времена, покойному, высокомудрому и глубоко-чувствительному королю Максимиліану II.

Развѣ не каждый отецъ семейства можетъ очутиться въ положеніи человѣка, оплакивающаго члена своего семейства и видѣть дорогую для него голову, какъ больную и и разстроенную, либо готовою для дома умалишенныхъ, либо привлеченною на скамью подсудимыхъ? Какъ велика послѣ этого заслуга нашего незабвеннаго покойнаго короля Баварскаго? *)

Почти каждому человѣку врождено стремленіе къ удобствамъ. «Dolce far niente» есть, поистинѣ, очаровательная вещь! И если учащаяся молодежь, которая такъ охотно предается этому «сладкому ничегонедѣланію» за табакомъ, пивомъ и картами, не испытываетъ побужденія дѣлать что-либо другое, кромѣ того, что отъ нея требуется, то это ей никакъ не можетъ быть вмѣнено въ вину. Только у очень немногихъ, въ цвѣтущіе годы юности, настолько врождено стремленіе къ наукѣ и къ философскому изслѣдованію внутренняго существа человѣка, что ими дѣлается болѣе, чѣмъ сколько требуетъ факультетъ.

Юристъ даетъ нѣкоторые философскіе отвѣты, т. е. онъ приноситъ росписки, удостовѣряющія въ уплатѣ слѣ-

*) Смотрите мое сочиненіе: *«состояніе помѣшанныхъ прежде и теперь»*, изданное для украшенія памятника короля Максимиліана. (Мюнхенъ, у Лун-Финстерлина (площадь Максимиліана) и у Готесвинтера.)

дуемыхъ съ него денегъ, за слушаніе исторіи и философіи права, и этого достаточно! Вѣдь онъ по этимъ отраслямъ науки не экзаменуется!

И Ширмайеръ говоритъ: «Въ университетскомъ курсѣ на юристовъ возлагается все, но требуется наименѣе именно то, что дастъ главное основаніе для всей будущей, богатой послѣдствіями, практической дѣятельности; и что здѣсь собирается, то, въ послѣдствіи, почти никогда въ жизни не встрѣчается. Сюда причисляю я хорошее обученіе практической психологіи и судебной психической медицинѣ. Разумѣется, обыкновенно недостаетъ и способныхъ, практически-образованныхъ учителей,—упрекъ, который, естественно, касается тѣхъ, которымъ ввѣрено управленіе общественнымъ обученіемъ». Подобнымъ-же образомъ случилось, около трехъ лѣтъ тому назадъ, въ университетахъ съ преподаваніемъ медицины. Студентъ, сильно обремененный занятіями и безъ того долженъ былъ быть ужъ очень прилежнымъ, чтобы только посѣщать лишь тѣ отрасли науки, по которымъ онъ подвергается окончательному испытанію и отъ знанія которыхъ зависитъ его будущее благополучіе. Я публично утверждаю, что еслибы мы, когда я учился, не должны были первоначально, обязательно прослушать двухлѣтній философскій курсъ, во время котораго мы экзаменовались по полугодіямъ, то меня столько-же можетъ быть интересовали-бы философія, дифференціальное счисленіе и т. д., какъ и большую часть юношей, которые теперь, въ качествѣ фуксовъ, стараются провести въ университетѣ свой философскій годъ въ буйствѣ и всевозможныхъ юношескихъ глупостяхъ. Я обязанъ благодарностію высшей школѣ роднаго моего города Бомберга, за то, что, по крайней мѣрѣ, въ лицеѣ я получилъ стремленіе къ дальнѣйшему болѣе глубокому философско-психологическому занятію наукою, какъ медикъ. Къ сожалѣнію, теперь еще многіе моло-

дые юристы и медики не знаютъ, былъ-ли Кантъ астрономомъ, а Гегель ваятелемъ! Но все это сторона.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые домы умалишенныхъ были доступны для изученія душевныхъ разстройствъ. Многіе изъ нихъ, благодаря своему плохому устройству, заслужили печальную извѣстность, такъ что они возбуждали скорѣе отвращеніе, чѣмъ охоту къ изученію. Но все таки, когда были устроены хорошія клиники въ Эрлангенѣ, при высоко-заслуженномъ Зальбригѣ, и въ Вюрцбургѣ, при достойнѣйшемъ и геніальномъ Маркѣ (Мюнхенъ оспротѣлъ въ этомъ отношеніи, ибо домъ умалишенныхъ Гризингера считался, незадолго до этого, образцемъ недостаточности и, какъ говорятъ авторитеты въ психіатріи, вошелъ даже въ пословицу, какъ плохое заведеніе), еще не было однакожъ дальнѣйшаго побудительнаго средства для начинающихъ врачей посвятить себя этому, столь трудному, изученію психіатріи. Такъ, еще во времена моего студенчества въ Баваріи (еще даже тому 3 или 4 года) не было совсѣмъ доставлено способовъ студентамъ—юристамъ и богословамъ—или только самыя незначительныя—ориентироваться въ изученіи этого, чрезвычайно-важнаго отдѣла медицины, въ особенности необходимаго для будущихъ судей и священниковъ. То же самое печальное положеніе предстояло даже и начинающимъ врачамъ. Но государство всегда требовало, чтобы изучающій медицину, былъ дѣльно испытываемъ, какъ теоретически, такъ и практически, какъ устно, такъ и письменно, при конкурсѣ на государственныя должности и при повышеніи по службѣ, какъ изъ животнаго врачебнаго искусства, такъ и изъ ветеринарной медицины. Такъ, относительно той или другой болѣзни скота долженъ былъ происходить диспутъ и т. д. и эта область—ветеринарная медицина—какъ прежде, такъ и теперь, пользовалась тѣми же правами, какъ и всѣ остальныя отрасли медицинской науки, напр.

хирургія, акушерство и т. д. Это все же, навѣрное, не могло имѣть никакой иной цѣли, какъ то, чтобы будущій земскій судебный врачъ, если когда нибудь ему судьба подаритъ добрыхъ 50 лѣтъ жизни, могъ содѣйствовать исцѣленію быковъ, воловъ, свиней, лошадей и овецъ своего округа или могъ бы защитить скотоводство своего округа отъ мора, сапа и воспаленія селезенки. И со стороны годичнаго контроля собачьихъ визитаціонныхъ листовъ, обязательныхъ для ветеринаровъ, это изученіе превосходно. Судебный врачъ долженъ далѣе доказывать свое искусство въ ветеринарной медицинѣ и всегда и оставаться искуснымъ въ этомъ дѣлѣ. Здѣсь нечего возразить. Но то-же самое государство, которое такъ ревностно было занято животною медициной и милымъ скотомъ, вполнѣ игнорировало психіатрію. Медика никогда не спрашивали, видѣлъ-ли онъ когда либо сумасшедшаго, или нѣтъ. Его никогда не спрашивали, что такое помѣшанный и помѣшательство, какъ должно обращаться съ помѣшанными, какъ за ними слѣдуетъ ухаживать и т. п. Никакіе курсы объ этомъ не должны были слушаться; въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ этого даже никакъ и не могло случиться; короче, начинающій врачъ могъ и долженъ былъ быть и чувствовать себя въ этой области круглымъ невѣждой, но тѣмъ не менѣе онъ получалъ степень доктора *всей* медицины. Слѣдовательно, такой невѣжда, тѣмъ не менѣе, могъ быть, какъ судебный врачъ, управляющимъ госпиталемъ, въ которомъ находятся также и, помѣщаемые тамъ, душевно-больные. Объ исцѣленіи, естественно, не могло быть и рѣчи; было-бы даже лучше, еслибы врачъ совсѣмъ оставилъ всякія попытки лѣчить, чѣмъ примѣнять свое сомнительное искусство къ несчастному помѣшанному. И все таки, каждому врачу безъ различія не только передавали на руки душевно-больныхъ нѣтъ,—еще болѣе! Но отсюда возникали большія несчастія;

именно: тотъ самый врачъ, который часто прежде не заботился ни объ одномъ помѣшанномъ или даже совсѣмъ и не думалъ о томъ, что такое помѣшанный «душевно-заболѣвшій» человѣкъ, тотъ самый врачъ долженъ былъ даже очень часто давать полновѣсныя мнѣнія о своихъ помѣшанныхъ, разстроенныхъ и обвиняемыхъ собратіяхъ, о душевномъ состояніи которыхъ онъ долженъ былъ дать свое окончательное заключеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быть причиною либо осужденія ихъ на смерть, либо ихъ оправданія (вслѣдствіе дѣйствительной душевной болѣзни).

Преступникъ или душевно-больной? вотъ единственный важный вопросъ, когда идетъ дѣло о жизни или смерти, объ эшафотѣ или больницѣ. Въ этомъ отношеніи, великій геніальный психіатръ Гризингеръ, совершенно правъ, говоря: «государство, которое не позволяетъ ни одному врачу сдѣлать перевязку до тѣхъ поръ, пока онъ не докажетъ своей способности и практическаго умѣнія въ этомъ дѣлѣ, допускаетъ еще и теперь, чтобы тончайшіе вопросы о головахъ и о жизни или смерти обвиняемыхъ, рѣшались врачами, которые прежде никогда не видѣли душевно-больнаго» и т. д.

Вѣдь каждый же врачъ и теперь еще можетъ показывать свой докторской дипломъ о своихъ познаніяхъ въ животной медицинѣ! Но въ познаніяхъ о душевныхъ разстройствахъ онъ не нуждается!!

При такихъ обстоятельствахъ, душевно больной братъ не имѣетъ даже такого права дѣлать упреки наукѣ и человѣчности, какъ быкъ съ воспаленною селезенкою или какъ упрямая, назначенная мясникомъ для колбасъ, свинья, такъ какъ она не можетъ быть связана для удобства мясника и не можетъ быть наказана по произволу своего господина и обладателя. Все это было очень печально; это время для душевно-больныхъ, поистинѣ, достойно быть опла-

каннымъ; это — темнѣйшее пятно на медицинской наукѣ и юстиціи.

А сколько, по милости государства, было жертвъ отсутствующаго въ этомъ отношеніи, правосудія! Какъ много людей еще при жизни сгнили въ погребахъ и замкахъ, годами предварительно терпѣли нужду, пока ихъ не разорвутъ гады или же пока они, обремененные цѣпями и оковами, не задохнутся въ собственныхъ испражненіяхъ! Отъ этихъ сценъ, которыя теперь, благодаря Бога, вслѣдствіе хорошихъ учрежденій, къ счастію, отстоятъ отъ насъ такъ далеко, я хочу быстро отступить, потому что истинный другъ человѣчества не можетъ при этомъ избавиться отъ горькой мысли о томъ, что человѣку нужны были цѣлыя столѣтія для того лишь, чтобы научиться наконецъ, быть настоящимъ человѣкомъ. Но исторія не должна набрасывать на это прошедшее покрывала посрамленія, а скорѣе должна держать такія картины, сохраняя вѣрную и голую правду, передъ глазами нынѣ живущихъ, съ тѣмъ, чтобы не только не былъ возможенъ поворотъ назадъ, какъ грѣхъ и преступленіе, но еще и пробуждались дальнѣйшіе успѣхи, какъ священнѣйшая обязанность. Вѣрные принципу: «если желаешь свѣта, то не утаивай тѣни», мы должны были характеризовать эти времена, чтобы тѣмъ яснѣе показать, что сдѣлали просвѣщенные баварскіе князья, въ особенности блаженный Максимиліанъ II, для упроченія быта сумасшедшихъ во всѣхъ отношеніяхъ, касающихся сколько науки психіатріи, столько же и ея практической стороны. Мы знаемъ, что въ Эрлангенѣ, съ 1846 года, когда было основано первое настоящее убѣжище для исцѣленія сумасшедшихъ, сообразно основнымъ правиламъ человѣчности и въ уровень съ научными требованіями, это учрежденіе сдѣлалось матерью и образцомъ для цѣлой Баваріи и вмѣстѣ разсадникомъ первыхъ молодыхъ психіа-

тровъ, имена которыхъ звучатъ такъ прекрасно. Въ Верпекѣ, въ Унтерфранкенѣ въ 1855, въ Клингемюнстерѣ, въ Пфальцѣ въ 1857, въ Мюнхенѣ въ 1859 были вновь основаны превосходныя заведенія по новой системѣ; еще два находятся въ проектѣ и должны быть скоро основаны.

И еслибы, кромѣ учрежденія этихъ заведеній, ничего болѣе не было сдѣлано подъ эгидою Короля Максимиліана II, какъ только эти въ теченіе трехъ лѣтъ, величайшіе успѣхи практической психіатріи уже въ слѣдствіе того, что каждый въ своемъ государственномъ экзаменѣ, который одинъ только давалъ ему право практиковать, долженъ былъ представить вполнѣ убѣдительныя доказательства своихъ познаній въ психіатріи, и что каждый долженъ былъ лично ознакомиться съ уходомъ за сумасшедшими и вообще съ наукою о душевныхъ болѣзняхъ, то уже за это только король (Максимиліанъ II), заботами котораго все это было сдѣлано, былъ-бы достоинъ великолѣпнѣйшаго памятника. Каждый медикъ долженъ былъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ заниматься психіатріею! Эти слова благодѣтельно звучатъ въ ушахъ баварскаго населенія и могутъ успокоить всякаго, кто только могъ бы имѣть несчастіе прибавить къ великому множеству помѣшанныхъ новаго времени еще одного изъ своихъ родныхъ. Уже достаточно одного этого установленія, чтобы поставить установителю памятникъ на вѣчныя времена. Глубочайшая благодарность въ сердцахъ сотенъ тысячъ людей, которые только думали о томъ, что можетъ быть и они сами могутъ имѣть когда либо несчастіе погибнуть духовно или же заболѣть душею, будетъ прекраснѣйшимъ памятникомъ за то, что отецъ подданныхъ, король Максимиліанъ, въ этомъ направленіи сдѣлалъ для своего любезнаго ему народа. Девизъ: te corda loquntur (о тебѣ будутъ

говорить сердца всѣхъ) будетъ и здѣсь открыто и вѣчно давать доказательство того, что величайшій тріумфъ только тамъ, гдѣ лавры истинной славы соединяются тѣсно съ пальмою мира, для того, чтобы отеческою любовію и попеченіемъ сдѣлать народъ истинно счастливымъ. И слова благословенія (te corda loquntur) всегда блестятъ ярче, чѣмъ слова славы: te saxa loquntur.

Мы должны были сдѣлать здѣсь это маленькое отступленіе, чтобы показать, насколько все-таки у насъ уже многое стало лучше и уже вездѣ дѣлается гораздо свѣтлѣе. О, еслибы продолжали идти по этой дорогѣ человѣчности для пользы всѣхъ, какъ здоровыхъ, такъ и больныхъ, для доказыванія полной истины, идетъ ли дѣло объ обвиняемомъ, объ оплакиваніи и излѣченіи несчастнаго, или же о наказаніи и исправленіи преступника. Намъ недостаетъ еще — и время могущественно къ тому принудитъ — приведенія въ исполненіе благословеннаго предложенія дѣльнаго проф. и врача помѣшанныхъ Гофманна въ Мюнхенѣ о томъ, чтобы каждый медикъ, желающій быть судебнымъ врачемъ, запасся прежде познаніями по части судебной антропологіи, (посредствомъ практическаго курса). *)

Далѣе, точно также дѣло дойдетъ до того, что и каждый юристъ, который захочетъ посвятить себя отправленію правосудія, не только найдетъ возможность пріобрѣсть теоретическія и практическія познанія въ наукѣ о душѣ, но и будетъ обязанъ представить самымъ опредѣленнымъ образомъ полновѣсныя доказательства своихъ научныхъ познаній по этому предмету. Дай Господи и то и другое!

---

*) Во время печатанія этого листа появилось Высочайшее опредѣленіе о порученіи высоко-заслуженному профессору и судебному врачу д-ру А. Мартину, моему достопочтенному земляку, ежегодно образовывать молодыхъ врачей для этой чрезвычайно важной области судебной медицины. *Авт.*

2) Точка зрѣнія философовъ и судей при обсужденіи душевныхъ состояній

Великій кенигсбергскій философъ Кантъ утверждалъ нѣкогда: «помѣшательство при здоровомъ тѣлѣ должно быть обсуждаемо философскимъ факультетомъ; помѣшательство же, соединенное съ тѣлесною болѣзнію—медицинскимъ». Это мнѣніе великаго философа только, а потому къ сожалѣнію, оно не имѣетъ никакой цѣны, какъ ошибочное. Не бываетъ бреда при здоровыи тѣла (это мы видѣли во введеніи), слѣдовательно и философіи нечего дѣлать съ помѣшаннымъ, если бы даже нѣкоторые философы и сами были весьма близки къ дому умалишенныхъ. Старинная поговорка: «nihil est tam absurdum, quod non aliquis filosoforum affirmasset», т. е. «нѣтъ ничего такого страннаго, чего бы гдѣ-либо не утверждалъ какой-нибудь философъ», имѣетъ значеніе и здѣсь. Времена, слава Богу, значительно перемѣнились къ лучшему, ко благу человѣчества, благодаря успѣхамъ и торжеству науки. Но Кантъ былъ столь-же мало погруженъ въ глубокую сущность душевныхъ разстройствъ, какъ потомъ историкъ и гегеліанскій философъ *I. Геррес*, который (въ настоящее время, правда, къ негодованію всякаго разумнаго читателя) при самыхъ естественныхъ проявленіяхъ истерики напр. видѣлъ вездѣ демоновъ, чертей, діаволовъ, колдовство и волшебство—и даже воспроизводилъ чертей съ волосами и заставлялъ ихъ всюду врѣзываться въ существо тѣлеснаго міра.

«Но не слѣдуетъ на стѣнѣ изображать діавола», (man soll aber den Teufel nicht an die Wand mahlen) говоритъ старинная поговорка. — «Сапожникъ, оставайся при своемъ ремеслѣ!» взываемъ мы къ этимъ господамъ. Господи, упокой ихъ души и сохрани насъ теперь отъ такого рода

проявленій духа, благодаря которымъ въ мірѣ появилось болѣе тѣни, чѣмъ свѣта. Еслибы Кантъ, Герресъ и другіе изучили существо душевныхъ разстройствъ въ человѣкѣ, то, навѣрное, ни тотъ ни другой не высказали-бы подобныхъ заблужденій. Они тогда должны были-бы убѣдиться, что каждая физическая болѣзнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесная ненормальность, обнаруживающаяся также уклоненіемъ отъ нормы одного или нѣсколькихъ отправленій души. Разумѣется, этотъ послѣдній взглядъ заставилъ-бы выбросить вонъ теоріи тѣхъ философовъ и мистиковъ, которые всѣ болѣзни души приписывали грѣху и діаволу, и далъ-бы неопровержимое доказательство того, что и образованнѣйшій философъ и даже психологъ и некомпетентенъ и непризванъ давать окончательныя заключенія о душевномъ состояніи другаго, если только онъ не обладаетъ основательными познаніями въ анатоміи, физіологіи и патологіи всѣхъ тѣлесныхъ органовъ, крови, первовъ и т д. Не исходя изъ этого, — философы, а равно и судьи, какъ философствующіе, такъ и нефилософствующіе, сами по себѣ, знающіе лишь права и кодексы, ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи выступить людьми, способными судить объ этомъ дѣлѣ. Они видятъ лишь идеальнаго, теоретически построеннаго человѣка, какъ онъ описанъ въ книгахъ (напримѣръ, въ полу-религіозной, полу-мистической книгѣ «Бурдахъ») и какого нѣтъ въ дѣйствительности, и строятъ такимъ образомъ, благодаря этимъ ложнымъ предположеніямъ, свои поученія и сужденія, которыя однакожъ ежедневно наказываются практикою, какъ ложь. Но психологически-образованный врачъ умалишенныхъ и человѣко-испытатель обнимаетъ человѣка, какъ человѣка, со всѣхъ его сторонъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности: ломкое, исполненное ошибокъ, шаткое, большею частію несвободное созданіе, — и только на основаніи этой истины строитъ свои основныя положенія.

«Alle Theorie aber ist grau,
Grün nur des Lebens goldner Baum».

Такъ говоритъ намъ очень основательно великій мастеръ нѣмецкой поэзіи Гёте. Многіе думали, такъ напримѣръ, Рейо и особенно Росси, великій государственный мужъ и криминалистъ, что психологически-образованный судья также хорошо можетъ обсуждать сомнительныя душевныя состоянія, какъ и врачъ. Не требуется, думали ошибочно эти юристы, никакого другаго и дальнѣйшаго образованія для обсужденія психологическихъ состояній. Но мы должны опять повторить, что въ основаніи всѣхъ душевныхъ разстройствъ, всегда лежатъ соматическія, т. е. тѣлесныя разстройства. Даже тамъ мы должны предположить такія разстройства, куда еще и до сихъ поръ не могъ проникнуть анатомическій ножъ. «Безъ матеріи нѣтъ силы, безъ болѣзненнаго основанія нѣтъ страданія». Впрочемъ, мы также охотно соглашаемся, что психологически хорошо образованный судья, хорошо вооруженный соотвѣтствующею практическою опытностію, все таки, даже въ десять разъ болѣе способенъ, и можетъ себѣ позволить судить о сомнительныхъ душевныхъ состояніяхъ, чѣмъ философъ; судья, все-таки находясь безпрерывно въ столкновеніи съ людьми разнаго сорта, обогащаетъ свое психологическое поле гораздо большимъ количествомъ опытовъ, чѣмъ какой-нибудь идеалистическій или спиритуалистическій философъ, который, во всякомъ случаѣ, какъ новѣйшее духовное дитя, можетъ, пожалуй, обогатить эстетику мерзкаго, или философію музыки и танцевъ «волнами своихъ мыслей», а также можетъ философско-исторически изслѣдовать какую-нибудь «кассу Мецената», — но за то никогда даже и не почув-

ствуетъ, что значитъ проникнуть въ глубину человѣческаго сердца и духа, человѣческихъ чувствованій и стремленій, вообще человѣческой души.

Философы-мечтатели, мнимо-святые обожатели науки и искусства, очень часто мечтаютъ только: «о прошедшихъ блаженныхъ временахъ», «о человѣкѣ въ розовомъ воздушномъ одѣяніи», — и всегда со своими сужденіями лѣзутъ впередъ, знаютъ-же даже свое собственное и слишкомъ мало, а между тѣмъ это не мѣшаетъ имъ черезъ-чуръ остро разсуждать о вселенной. Научитесь сначала быть людьми — и только тогда образуйте изъ себя философовъ! Но единственная практическая философія есть дѣйствительная жизнь. Философія должна быть нажита, а не создана воображеніемъ, въ припадкахъ головокруженія, послѣ жаркой выпивки шампанскаго. Такъ Гёте былъ настоящій поэтическій философъ. Но вся его философія была дѣйствительно имъ нажита.

Но если судья есть въ то-же время всесторонне образованный врачъ,—но только въ одномъ этомъ, въ высшей степени рѣдкомъ, случаѣ, — тогда только онъ не будетъ нуждаться во мнѣніи врача, относительно сомнительныхъ душевныхъ состояній.

Но берегитесь философовъ! Вы, философы великой пятницы, (*Charfreitagsphilosofen*) новаго времени, которое большею частію въ дѣйствительности вамъ не благопріятствуетъ, вдались въ состояніе духовнаго самоудовлетворенія (suffisance), старайтесь придать значеніе вашей *безхлѣбной* или *ужъ черезъ-чуръ хлѣбной* наукѣ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о благѣ или несчастіи сограждапъ, но лишь о настроеніи басовой струны въ b или cis, или-же о вопросѣ, ходилъ-ли Адамъ съ пупомъ или безъ онаго, или-же о другихъ менѣе важныхъ вещахъ! Новѣйшіе философы! узнайте прежде, гдѣ находится человѣческій мозгъ и тогда только призовите родственнаго вамъ по духу Scheve, чтобы онъ

вымѣрять на вашихъ черепахъ сколько можно найти философскихъ шишекъ и горбиковъ на вашемъ органѣ разсудка!

И такъ, только врачъ, вооруженный всѣми научными пріобрѣтеніями анатомическими, физіологическими и патологическими и стоящій поэтому на высотѣ науки своего времени, есть единственный компетентный и настоящій судья въ вопросахъ о состояніи вмѣняемости и о сомнительныхъ душевныхъ состояніяхъ. Но врачъ долженъ пользоваться при рѣшеніи психологическихъ, спорныхъ и сомнительныхъ, вопросовъ не только своею наукою и своимъ положеніемъ въ жизни страждущаго человѣчества, но также и мнѣніями дѣльнѣйшихъ ученыхъ юристовъ. Врачъ никогда не навязывается: гдѣ онъ являлся и теперь еще является передъ барьерами судовъ, тамъ онъ всегда призывается оффиціально, по закону и по формѣ; онъ приглашается въ судъ въ качествѣ священнаго служителя всесвятѣйшей справедливости. Уже Римляне, въ сомнительныхъ психологическихъ случаяхъ, постоянно выслушивали сначала мнѣніе врача и тогда только заключали о винѣ или невинности подсудимаго. То-же самое доказываютъ законодательства всѣхъ странъ и временъ до настоящаго времени. Протобевера (въ своихъ матеріалахъ для законодательства и судопроизводства) называетъ мнѣніе врачей, какъ экспертовъ, свидѣтельствомъ, и сужденіемъ, а Фогель (въ своемъ судебно-медицинской методѣ) считаетъ мнѣнія судебныхъ врачей совершенно равными мнѣніямъ судей въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе замѣняются первыми вслѣдствіе недостаточности своихъ познаній. Но никогда врачъ, повторяемъ это еще разъ, не навязывался, какъ и теперь не навязывается.

Вѣдь «очень непріятно ѣсть вишни съ большимъ и кромѣ того высоко-ученымъ барономъ» («mit grossen und ohne dies hochgelehrten Herren, ist sehr unangenehm Kirschen zu

essen)», говоритъ пословица. То обстоятельство, что врачъ призывался прежде и теперь еще призывается, показываетъ очень ясно, что въ немъ нуждаются. Если врачъ ненуженъ, то его очень охотно оставляютъ у дверей. Но врачъ долженъ постоянно исполнять свою обязанность совѣстливо и обдуманно. Только тогда мнѣніе Гиппократа: «φιλόσοφος ἰατρὸς ἰσόθεος» (т. е. мыслящій, философски образованный врачъ уподобляется божеству) будетъ совершенная правда. Врачъ, который, какъ мыслитель, остается совершенно вѣрнымъ тяжелому своему призванію и выполняетъ свои обязанности съ настоящею человѣчностію и яснымъ научнымъ сознаніемъ, есть дѣйствительно, какъ того желаетъ Гиппократъ, жемчужина человѣчества! Но, разумѣется, драгоцѣннѣйшія жемчужины всегда очень рѣдки!!

Вслѣдствіе того, что судьи нерѣдко думаютъ, что врачъ всегда можетъ также легко подвести подъ какой-нибудь параграфъ отдѣльныя душевныя состоянія, какъ они — законъ, который очень часто старается втиснуть въ какую-либо рубрику не человѣка, а лишь дѣяніе, — возникли уже многія распри между юриспруденціею и медициной.

«Мы обладаемъ положительнымъ знаніемъ!» кричитъ, что есть мочи, судья, который считаетъ себя вполнѣ счастливымъ, что нашелъ приличную рубрику для отдѣльнаго случая. «Мы занимаемся кропаньемъ и вообще несовершенною работою» (Wir haben ein Flick und Stückwerk), мы обладаемъ эклектическимъ знаніемъ, пріобрѣтеннымъ съ помощію опыта» говоритъ спокойно врачъ, который, обдумывая какое-либо душевное состояніе отдѣльнаго человѣка, старается основываться на глубочайшихъ его чувствахъ и побужденіяхъ, на тѣхъ вліяніяхъ, которыя когда-либо на него дѣйствовали и т. п. Иной юристъ, если только онъ выучился составить, какъ слѣдуетъ, формальный протоколъ, который ему еще прежде заготовляетъ какой-нибуть старый писака

рутинеръ, гордится уже тѣмъ, что выучился! Врачъ-же, слава Богу, никогда не выучивается! Однимъ словомъ: медицина и психологія такъ тѣсно связаны между собою, какъ тѣло и душа; одна нуждается въ другой, одна поддерживаетъ другую. Но судья нуждается въ психологіи и долженъ принимать ее въ соображеніе, если только онъ желаетъ быть вѣрнымъ не только кодексу, но и человѣчности и человѣчеству.

Также и юристы высказали уже воззрѣніе, что иные судебные врачи, которыхъ мнѣнія были возвышены, благопріятствовали обвиняемымъ неприличнымъ и противозаконнымъ образомъ. Но упрекъ этотъ, навѣрное, былъ сдѣланъ людьми, которые никогда не обдумали того, что святѣйшая обязанность врача, какъ знатока природы и человѣка, придать въ случаѣ сомнѣнія въ существованіи духовной свободы человѣка, значеніе всѣмъ тѣмъ основаніямъ, которыя заставляютъ сомнѣваться въ способности какого-либо обвиняемаго ко вмѣненію. Но единственное и возвышенное призваніе врача спасать человѣческую жизнь средствами тѣлесными и духовными не ограничивается лишь тѣмъ, чтобы прикованнаго къ смертному одру, больнаго напр. воспаленіемъ легкихъ, спасти отъ смерти, но должно также распространяться и на тѣхъ несчастныхъ, которые, вслѣдствіе какого-либо душевнаго разстройства, вовлечены были въ дѣло, благодаря противозаконности котораго люди ставятъ ихъ на одну доску съ безбожными преступниками по ремеслу. Врачъ, на обязанности котораго лежитъ возвращеніе къ жизни, разбитаго ударомъ, хрипящаго законодателя, точно также обязанъ спасти и несчастнаго больнаго-обвиняемаго, отъ того ножа или веревки, которые предназначены для выполненія гибельной для жизни операціи на его шеѣ. Которая изъ обязанностей врача возвышеннѣе, предохраненіе-ли свѣтскаго человѣка отъ болѣзни, возвращеніе-ли безумно растраче-

наго здоровья развратнику или страдающему бѣлою горячкою, — или-же спасеніе несчастнаго отъ ужаснѣйшей и безчестнѣйшей смерти отъ меча или веревки, - этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ. Такіе вопросы горьки! Пусть каждый отвѣтитъ на нихъ самъ! И не только «на нѣмецкомъ языкѣ» какъ говоритъ Мефистофель, «лгутъ, когда хотятъ быть вѣжливыми» но и на другихъ языкахъ правда очень часто отождествляется съ ложью. Но никто не можетъ такъ точно оцѣнить связь души съ тѣломъ, какъ антропологически-образованный врачъ. Даже сотнямъ и тысячамъ врачей, которые все-таки сами по себѣ какъ-разъ не принадлежатъ къ плохимъ медикамъ, слѣдуетъ сдѣлать тотъ справедливый упрекъ, что они часто приходили къ полному убѣжденію въ постоянной и безусловной зависимости всякаго душевнаго состоянія отъ тѣлеснаго и въ томъ, что душа человѣческая подвержена многимъ (часто теперь даже еще необъясненнымъ) разстройствамъ, лишь по кровавой дорогѣ, усѣянной печальнѣйшими фактами долговременныхъ опытовъ и наблюденій Эти важныя положенія, во всей ихъ полновѣсности, суть результаты свободнаго отъ предразсудковъ изслѣдованія новаго времени, которое, ни на что не обращая вниманія, прямо и рѣшительно пошло по пути опыта и наблюденія. Но при всѣхъ сомнительныхъ душевныхъ состояніяхъ врачъ не только всегда долженъ, но только онъ одинъ и можетъ, и притомъ, согласно своему призванію спасать здоровье и жизнь, обязанъ – никогда не отступать ни на шагъ отъ принципа человѣчности. Онъ долженъ точно и ясно изложить судьѣ всѣ сомнѣнія, относительно состоянія вмѣняемости человѣка, которыя представились ему при добросовѣстной научной экспертизѣ. Но если при всемъ этомъ врачъ все таки ошибается, какъ и всякій другой человѣкъ. то лучше пусть онъ ошибется въ пользу преступника (который уже и безъ того выстрадалъ

довольно, часто въ теченіи многихъ мѣсяцевъ въ подслѣдственномъ заключеніи и перенесъ тамъ мученія пытки) чѣмъ ко вреду невиннаго.

А. Цѣль судебнаго изслѣдованія извѣстныхъ сомнительныхъ душевныхъ состояній вообще.

Судебно-медицинское изслѣдованіе душевнаго состоянія даннаго субъекта всегда имѣетъ цѣлью: разобрать и точнѣйшимъ образомъ опредѣлить все поведеніе человѣка со стороны духовной именно во время совершенія подозрительнаго или противозаконнаго дѣянія; точнѣйшимъ образомъ опредѣлить духовную жизнь человѣка, во всѣхъ проявленіяхъ его разсудка, чувства и воли и, въ особенности, степень свободы его воли.

Именно, дѣло можетъ идти въ различныхъ судебныхъ случаяхъ прежде всего о томъ: а) Было-ли *въ извѣстное время* душевное состояніе данной личности разстроено или неестественно, или оно и *теперь* представляется такимъ? б) Не *скрывали-ли* личность, когда-либо случившагося съ нею душевнаго разстройства, желая казаться душевно-здоровою или-же изъ личныхъ видовъ *считалась* нѣкоторыми здоровымъ или и не считалась таковою? в) *Дѣйствительно* или *притворно* обнаружившееся душевное разстройство? г) Не *приписывалось-ли* кому-либо или *приписывается* душевное разстройство, котораго вовсе и *не было* и *нѣтъ*? Если-бы мы и эти, указанные здѣсь, четыре пункта, при опредѣленіи цѣлей какого-либо судебно-психическаго изслѣдованія, разсматривали отдѣльно, то все-таки этого было-бы достаточно для дальнѣйшаго разсужденія, въ которомъ мы только пожелаемъ обратить вниманіе на всѣ случаи психическихъ разстройствъ, могущихъ ограничить свободную волю, или и совсѣмъ ее уничтожить. Этого было-бы достаточно для установленія момента состоянія вмѣняемости вообще.

Случаи, приведенные подъ буквами а и б, ради которыхъ должно предпринять судебно-медицинское изслѣдованіе принадлежатъ кромѣ того чисто къ области вопросовъ о состояніи вмѣняемости. Моменты, указанные подъ буквами в и г, цѣль констатированія которыхъ есть внесеніе медицинскаго мнѣнія, указываютъ также лишь на показаніе и распознаваніе извѣстныхъ признаковъ, посредствомъ которыхъ можно узнать существуетъ-ли дѣйствительное душевное разстройство или нѣтъ? Но психическій врачъ, который могъ точно изслѣдовать и основательно узнать всевозможныя разстройства души, съумѣетъ также самостоятельно рѣшить, дѣйствительно-ли человѣкъ въ какомъ-либо направленіи душевно разстроенъ или нѣтъ; стремится-ли онъ скрыть свое дѣйствительное душевное разстройство или-же старается только казаться душевно-разстроеннымъ или-же, наконецъ, кѣмъ-нибудь было лишь выдумано, что данный человѣкъ душевно-разстроенъ. Однимъ словомъ, конечная и главная цѣль такого врачебнаго изслѣдованія всегда была, есть, будетъ и можетъ быть лишь опредѣленіе слѣдующаго:

«Вполнѣ-ли та или другая личность духовно-свободна? Были-ли ея мышленіе, чувствованія и воля въ опредѣленное или извѣстное время совершенно нормальны такъ, что можно констатировать состояніе вмѣняемости или-же это подлежитъ сомнѣнію?»

Б) Способъ постановки вопросовъ со стороны судьи, относительно, долженствующей быть изслѣдованною, душевной свободы. — Упущеніе такого рода вопросовъ вообще.

Всегда врачъ и судья, при изслѣдованіи душевнаго состоянія должны соединиться для одной и той-же спеціальной цѣли, главная тема которой есть всегда слѣдующій вопросъ: существуетъ-ли въ данномъ случаѣ совершенная

нормальность души или-же замѣчается какое-либо душевное разстройство? Поэтому, врачу, для облегченія по крайней мѣрѣ его работы, должна быть дана, уже какъ извѣстная, предстоящая цѣль въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но именно на постановку вопроса судами очень часто жалуются разсудительные врачи. Ибо развѣ на вопросъ судьи о томъ, страдаетъ-ли N. N. сумасшествіемъ, бѣшенствомъ или тупоуміемъ, врачь всегда долженъ быть въ состояніи отвѣтить? Конечно нѣтъ! Вѣдь кромѣ этихъ помянутыхъ формъ душевнаго разстройства есть еще безконечный рядъ измѣненныхъ формъ, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть названа ни сумасшествіемъ, ни бѣшенствомъ, ни тупоуміемъ. Но уголовный кодексъ обыкновенно имѣетъ въ виду лишь эти, такъ называемыя, рѣзко очерченныя формы. И все-таки формы душевнаго разстройства, поименованныя въ уголовныхъ законахъ суть именно тѣ, которыя встрѣчаются рѣже, чѣмъ многія другія, и которыя большею частію труднѣе опредѣлить.

Это тѣ душевныя страданія, которыя менѣе бросаются въ глаза и не такъ отчетливо выражаются, но тѣмъ не менѣе дѣлаютъ душу несвободною. Такъ новое баварское уложеніе 10-го ноября 1861 года, въ ст. 67, говоритъ: «Преступнаго дѣянія не существуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятель во время самаго совершенія дѣйствія былъ вполнѣ лишенъ способности самоопредѣленія или необходимой для знанія преступности дѣянія силы разсудка, вслѣдствіе слабоумія или тупоумія, сумасшествія, бѣшенства, высшей степени опьяненія или тому подобныхъ причинъ».

Гдѣ осталась меланхолія? А это и есть обыкновенно именно та форма, съ которой начинается большая часть душевныхъ страданій. Эта постоянная боль души, какъ характеръ меланхоліи, это страданіе духа, которое часто обнаруживается лишь въ тупомъ безчувствіи, побуждаетъ иногда больнаго къ преступному дѣянію очень быстро и

притомъ вдругъ, внезапно. Меланхоликъ, тихо скрывая въ себѣ свою боль, часто вскакиваетъ вдругъ и старается однимъ ударомъ либо себя самаго лишить жизни, чтобы избавиться отъ ужасной своей тоски, либо совершить преступленіе надъ другими, которыхъ онъ, въ своемъ помѣшательствѣ, считаетъ виновниками своихъ страданій. Болѣзнь на степени меланхоліи, которая сопровождаетъ почти всѣ душевныя разстройства, большею частью не замѣчается даже окружающими больнаго и нерѣдко даже и самими врачами.

Гдѣ въ уголовномъ кодексѣ осталась ипохондрія? Гдѣ тихая, сосредоточенная въ себѣ самой безчувственность и затемняющая разсудокъ, побуждающая къ безумнымъ дѣйствіямъ, тоска по родинѣ? и т. д. Гдѣ «manie des grandeurs» (Grössenwahn)? Гдѣ помѣшательство? (Verwirrtheit) и такъ далѣе.

Сумасшествіе, бѣшенство и слабоуміе суть, разумѣется, высшія степени душевнаго разстройства. Первые два суть высшія степени раздраженія, именно бѣшенство съ бредомъ и безумными дѣйствіями. Слабоуміе-же есть совершенная порча и запустѣніе души. Упомянемъ здѣсь только объ одной изъ ужаснѣйшихъ, (потому что неизлѣчимой), формѣ душевной болѣзни, которая въ послѣдніе три дѣсятилѣтія быстро развилась и возрасла отъ 7% до 37%! Ужасающая прогрессія! и этотъ родъ душевнаго разстройства, который хотя, по понятіямъ непосвященныхъ, повидимому, вовсе и не принадлежитъ къ душевнымъ страданіямъ, потому что онъ, часто совсѣмъ не наблюдается какъ страданіе или-же большею частію не замѣчается, затемняетъ сужденіе, спутываетъ разсудокъ, побуждаетъ къ преступнымъ дѣяніямъ и часто полагаетъ конецъ физической жизни посредствомъ паралича, послѣ того, какъ высшая степень слабоумія уже прежде обозначила конецъ духовной жизни; здѣсь мы разумѣемъ такъ наз., «manie des gran-

deurs» (Grössenwahn) или паралитическое разслабленіе *) О немъ обыкновенно совсѣмъ и не спрашиваютъ при производствѣ уголовныхъ дѣлъ или, если-бы даже человѣкъ и обнаруживалъ признаки такого разстройства, то онъ все таки принимается скорѣе за все что угодно, только не за помѣшаннаго и находящагося въ состояніи невмѣняемости. Тогда много, что видятъ въ обвиняемомъ грубаго развратника или звѣрскаго пьяницу, при чемъ, такъ какъ такіе страдальцы большею частію принадлежатъ къ высшимъ богатымъ классамъ, на такіе поступки смотрятъ лишь какъ, на проявленія своевольства, происходящаго отъ роскоши. Много, если думаютъ, что это силлизъ и — все таки видятъ передъ глазами ужаснѣйшее изо всѣхъ пораженій тѣла и духа одновременно, форму болѣзни, въ которой съ пораженіемъ головнаго мозга, съ ослабленіемъ всѣхъ частей тѣла сначала является только возбужденіе разсудка, чувства и воли, за которымъ слѣдуетъ потомъ запустѣніе всѣхъ духовныхъ отправленій и, наконецъ, все заключается полнѣйшимъ психическимъ банкротствомъ. — Два или три года тому назадъ въ Мюнхенѣ встрѣтился такой практическій, поистинѣ поразительный случай, по поводу котораго даны были различныя мнѣнія и изъ котораго видно, какъ въ такихъ случаяхъ только глубоко-образованный психіатръ можетъ давать основательныя заключенія. — Одинъ богатый гражданинъ и спекулянтъ, всегда большой любитель веселой жизни, верховой ѣзды, поѣздокъ, предпринимавшій разнаго рода покупки и продажи домовъ, имуществъ, земель и т. д., втянулся вслѣдствіе одной изъ такихъ покупокъ въ процессъ. Одинъ изъ адвокатовъ внесъ такого рода предложеніе: «человѣкъ, который еще прежде иногда страдалъ головою,

*) Мы указываемъ здѣсь на наше популярное описаніе этой формы болѣзни въ одной статьѣ «Иллюстрированнаго семейнаго журнала» 1864 г., а также и на наши «Психіатрическія письма» 14-е письмо, стр. 311 — 334.

хотя это страданіе и не мѣшало ему нисколько по цѣлымъ мѣсяцамъ бывать въ обществѣ, разъѣзжать, ѣздить верхомъ и т. д., былъ все-таки душевно-ограниченъ, а слѣдовательно, и неправоспособенъ къ совершенію данной купли-продажи». Было призвано отъ 60 до 70 свидѣтелей изъ гражданъ. Результатъ ихъ показаній былъ таковъ: «человѣкъ этотъ — хитеръ, лукавъ, по временамъ бываетъ нѣсколько грубъ, горячъ и неумѣренъ — ибо охотно пьетъ — но при всемъ томъ онъ совершенно здоровъ». Это было сплошное показаніе свидѣтелей. Нѣкоторые, приглашенные для подачи мнѣній, врачи также согласно признавали душевное здоровье, слѣдовательно, полную правоспособность и принимали этотъ случай за дикость вслѣдствіе пьянства и т. п. Я поставилъ себѣ діагнозой: «manie des grandeurs». Мой первый учитель психіатріи сдѣлалъ тоже самое. Я осматривалъ этого человѣка у себя, хотя онъ еще ежедневно фигурировалъ въ обществѣ, какъ свѣтскій левъ, и считалъ чѣмъ-то въ высшей степени невѣроятнымъ тѣлесную и душевную смерть два или три года тому назадъ. Процессъ, какъ я думаю, еще не былъ оконченъ, а опредѣленіе болѣзни и предсказаніе (diagnosis и prognosis) подтвердились: человѣкъ этотъ умеръ въ состояніи всеобщаго разслабленія и паралитическаго слабоумія! *) Ширмайеръ, этотъ великій авторитетъ въ судебно-психологическихъ дѣлахъ, говоритъ относительно этого: «Уже однимъ единственнымъ случаемъ геніальный Маркъ опровергаетъ (die Geisteskrankheit in Beziehung zur Rechtspflege, deutsch von Ideler-Theil I. S. VI) всѣ непрактичныя, потому что только теоретическія и софистическія, мнѣнія за и противъ, относительно медицинской компетентности, въ вопросахъ о со-

*) Здѣсь я настоятельно долженъ посовѣтовать прочтеніе статьи, доставленной мною въ «Familien Journal,» такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста для изображенія всего теченія этого скрытно-лукаваго, часто трудно узнаваемаго страданія.

стояніи невмѣняемости ради сомнительныхъ состояній души, —въ особенности, мнѣнія французскаго адвоката Ренье, который считаетъ въ такихъ вопросахъ достаточнымъ заключеніе судьи». Маркъ именно приводитъ противъ Ренье слѣдующій случай. Одинъ человѣкъ имѣлъ отчасти сумасбродныя представленія: онъ составлялъ честолюбивые планы и мечталъ о возможности пріобрѣтенія большихъ или даже безконечныхъ богатствъ; въ тоже время произношеніе было у него нѣсколько затруднено. Въ чемъ состоитъ его болѣзнь? Какъ она окончится? Нѣсколько преувеличенныхъ представленій еще не составляютъ помѣшательства. Честолюбіе, доколѣ оно направляется на вещи возможныя, надежда обогатиться,—еще менѣе могутъ быть названы помѣшательствомъ. Незначительное препятствіе въ выговорѣ словъ, кажется, не имѣетъ столь дурнаго значенія. Вѣдь есть такъ много людей, которые во всю свою жизнь заикаются! Многіе врачи были приглашены для совѣта; они надѣются и объявляютъ о скоромъ исцѣленіи больнаго, такъ какъ это — лишь небольшое раздраженіе мозга, которое можетъ быть быстро устранено съ помощію нѣсколькихъ піявокъ. Тотъ, кто изучилъ даже и оттѣнки душевныхъ болѣзней, разсуждаетъ не такъ. Онъ узнаетъ здѣсь начало помѣшательства, граничащаго съ параличомъ (Grössenwahn, manie des grandeurs), которое почти неминуемо низводитъ больнаго во гробъ. Это объясненіе считаютъ нелѣпымъ и говорятъ о тѣхъ, которые его высказали: «онъ вездѣ видитъ сумасшедшихъ». Примѣняютъ къ больному, повидимому, наилучшій способъ лѣченія. Что-же случается? Сумасшествіе и разслабленіе усиливаются и оканчиваются лишь вмѣстѣ съ жизнію. Здѣсь предсказаніе и опредѣленіе болѣзни основывалась на результатахъ долгихъ опытовъ Эскироля, которые были подтверждены послѣдующими изслѣдованіями Рамона, Делайе, Бейле и Калмейля. Такъ говоритъ Маркъ.

Эта «manie des grandeurs» не бросаетъ одержимаго ею на одръ болѣзни, напротивъ! Вездѣ эти несчастные первые, или хотятъ быть такими. Каждый обѣдъ, каждая конская скачка ими посѣщается. Они имѣютъ все, знаютъ все и умѣютъ все. Они дарятъ все, покупаютъ наилучшіе и драгоцѣннѣйшіе подарки для своихъ друзей и знакомыхъ. Короче, такой въ высшей степени любезный страдалецъ, у котораго небольшой недостатокъ языка — затрудненный выговоръ буквъ: л, м, н, р,— обыкновенно не замѣчается и на него даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія (что тѣмъ не менѣе все-таки въ большинствѣ случаевъ уже напередъ обнаруживаетъ совершенную неизлѣчимость, такъ какъ при этомъ симптомѣ коварное страданіе мозга зашло уже такъ далеко, что спасеніе болѣе невозможно), такой свѣтскій господинъ, говоримъ мы, принимается въ гражданскомъ обществѣ за человѣка совершенно здороваго и—есть все-таки несчастнѣйшій изъ всѣхъ помѣшанныхъ! Къ тому же еще при этомъ страданіи бываютъ иногда столь значительные свѣтлые промежутки, что это можетъ иногда даже дѣльнѣйшаго врача ввести въ заблужденіе, если только онъ — не опытнѣйшій психіатръ. Тѣмъ не менѣе, на заднемъ планѣ больнаго ожидаетъ каждое мгновеніе полнѣйшее душевное и тѣлесное разрушеніе, какъ заключеніе постоянно усиливающейся душевной и тѣлесной хворости. И страдающій этою болѣзнію ограниченъ въ своей духовной свободѣ, ибо онъ — помѣшанный, если даже обо всѣхъ предметахъ, касающихся гражданской жизни, разсуждаетъ здраво. Но его поступки, соотвѣтствующіе его безумнымъ идеяхъ, суть безумныя дѣйствія сумасшедшаго человѣка, за которыя могъ-бы отвѣчать не онъ самъ, а скорѣе всего лишь его больной головной мозгъ, подверженный порчѣ и размягченію и притомъ часто чрезвычайно быстро И какъ рѣдко поставляется судьею вопросъ о подобныхъ болѣзняхъ?

Больной здѣсь не бѣшенствуетъ; онъ не слабоуменъ и не сумасшедшій и все-таки точно также, какъ и бѣшеные, слабоумные и сумасшедшіе, находится въ состояніи полной невмѣняемости. Баварскій уголовный кодексъ очень благоразумно прибавляетъ къ ст. 67-й фразу: «или вслѣдствіе другихъ подобныхъ причинъ» Статья 67-я: «преступное дѣяніе не имѣло мѣста, если дѣятель во время совершенія дѣйствія совсѣмъ не обладалъ способностію самоопредѣленія или необходимою для познанія преступности дѣянія, силою разсудка, вслѣдствіе слабоумія, сумасшествія, высшей степени опьяненія или-же другихъ подобныхъ причинъ». Далѣе, въ ст. 68-й, въ дополненіе къ этому, значится: «если въ дѣлѣ рѣшено судьею, что дѣятель во время совершенія преступнаго дѣйствія, хотя и не совсѣмъ лишенъ былъ способности самоопредѣленія или-же необходимой, для познанія преступности дѣянія, силы разсудка или, наконецъ, свободы воли, но все-таки эта способность была въ значительной степени ослаблена, то слѣдуетъ примѣнить меньшее наказаніе, чѣмъ какого требуетъ приличный этому дѣлу, уголовный законъ. Подъ словами: «Aehnliche Ursachen» слѣдуетъ разумѣть душевныя разстройства, не относящіяся къ области важнѣйшихъ и опредѣленнѣйшихъ, но состоянія имъ родственныя и къ нимъ близко подходящія. Но все таки, какъ рѣдко спрашиваетъ судья о такихъ «подобныхъ состояніяхъ», которыя могутъ ограничивать свободу человѣка? Вѣдь очень часто, даже почти всегда случается, что дѣйствительно сумасшедшіе или помѣшанные, находящіеся въ состояніи полной невмѣняемости, считаютъ себя совершенно здоровыми душевно. Каждый страдающій, напримѣръ «manie des grandeurs», или паралитическимъ разслабленіемъ, мечтаетъ о себѣ, что онъ никогда еще не былъ такъ свѣжъ душою, какъ именно теперь, когда онъ выкидываетъ сумасброднѣйшія штуки.

Какой шумъ, какое противорѣчіе поднимаютъ нерѣдко, вообще въ другихъ случаяхъ спокойнѣйшіе душевно-разстроенные, когда о нихъ говорятъ то, что они дѣйствительно есть — т. е., что они именно помѣшанные? Но какъ часто случается, что судья даже нисколько не думаетъ о томъ, чтобы поставить присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ о томъ, существуетъ-ли въ данномъ случаѣ способность ко вмѣненію или нѣтъ? И если судья совсѣмъ не поднимаетъ и не предлагаетъ такого вопроса — то большею частію еще тѣмъ менѣе думаетъ присяжный засѣдатель изъ народа о томъ, чтобы сказать свое veto или же возвысить свой напоминающій голосъ, чтобы обратить вниманіе судьи на этотъ вопросъ. Какъ можетъ присяжный засѣдатель—гражданинъ, крестьянинъ, ремесленникъ—подумать въ данномъ случаѣ о душевномъ разстройствѣ, когда такое подозрѣніе очень часто не приходитъ даже въ голову самаго судьи? А защитникъ? Вѣдь дѣло защитника, скажутъ, обратить вниманіе судей и присяжныхъ засѣдателей на подозрительное, сомнительное душевное состояніе обвиняемаго! Но если опытъ, какъ уже выше было замѣчено, учитъ насъ, что большая часть дѣйствительно, и часто въ высокой степени, разстроенныхъ душевно, ни въ какомъ случаѣ сами этого не знаютъ, да и не хотятъ знать, то спрашивается, какъ тогда могутъ они обратить вниманіе своихъ защитниковъ на свое душевное страданіе? Защитникъ обыкновенно юристъ и, какъ и отъ судьи, отъ него ускользаетъ большею частію постановка этого вопроса. Но большая часть тѣхъ, которые передъ судьею утверждаютъ или же хотятъ доказать, что они помѣшаны, обыкновенно притворяются; очень немногіе помѣшанные знаютъ о своемъ помѣшательствѣ. Вѣдь единственное счастіе еще въ несчастіи душевно-больнаго и есть именно то, что напр. сумасшедшій, въ высшей степени возбужденный, сознаетъ и чув-

ствуетъ себя въ своемъ состояніи такъ безконечно-счастливымъ, веселымъ и здоровымъ душевно и тѣлесно, какъ еще никогда себя не чувствовалъ. Онъ ликуетъ и поетъ, большею даже не находитъ словъ для выраженія своего душевнаго и тѣлеснаго благосостоянія. Поэтому очень часто сумасшедшій употребляетъ новыя слова и часто долженъ для изображенія своего мнимаго счастья и благосостоянія прибѣгать къ своеобразнымъ выраженіямъ. Только меланхоликъ сознаетъ и чувствуетъ себя несчастнымъ: онъ вполнѣ пораженъ своимъ горемъ. Всѣ его чувства, мысли и желанія—боль. Меланхоликъ и говоритъ обыкновенно, что онъ страдаетъ безконечно много; только непосвященный въ науку обыкновенно ошибается и думаетъ, что страданія меланхолика—чисто тѣлеснаго свойства, либо только воображаемы и поэтому считаетъ его духовно-свободнымъ. Разумѣется, душевныя страданія меланхолика ничѣмъ не мотивированы, такъ сказать воображаемы,—но именно въ томъ-то и состоитъ его болѣзнь, что онъ вписываетъ себѣ въ душу такія страданія, мученія и боли, благодаря которымъ душа наконецъ погибаетъ. Человѣкъ, совершенно здоровый душевно и тѣлесно, никогда не будетъ себѣ воображать боли и страданій въ такой степени, что наконецъ мышленіе его сдѣлается несвободнымъ и онъ часто побуждается даже къ самоубійству и т. д. Но ипохондрикъ, скажутъ, точно также приписываетъ себѣ безконечно много страданій. Это справедливо, но все таки здѣсь постоянно существуетъ, какъ основаніе, тѣлесная болѣзнь. Болѣзненно-возбужденная нервная система и разстроенное кровообращеніе заставляютъ его дѣйствительно чувствовать всѣ страданія, о которыхъ онъ думаетъ и которыми душа его занята живѣйшимъ образомъ. Представленія страданій и мысли о нихъ становятся у него дѣйствительно ощущаемыми страданіями Попытки объяснить себѣ, какъ и почему онъ подверженъ тѣмъ или другимъ

разстройствамъ, ведутъ его къ безумнымъ объясненіямъ, представленіямъ и такъ далѣе Ипохондрикъ несвободенъ въ своихъ представленіяхъ, ибо для него невозможно сдѣлаться господиномъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній и чувствованій. Но въ этомъ виновато его страдающее тѣло, будутъ ли то обыкновенные запоры или порокъ сердца, нервное страданіе и т. п.

Такъ какъ большинство страдающихъ и притомъ какъ разъ опаснѣйшими душевными разстройствами, рѣже всего знаютъ о своихъ душевныхъ страданіяхъ и, слѣдовательно, по этому самому почти никогда не могутъ обратить на это вниманія своихъ защитниковъ, то очень часто пропускаются такіе, сюда относящіеся вопросы, которые непремѣнно слѣдовало бы поставить относительно духовной свободы человѣка. Какъ рѣдко можетъ случиться, чтобы дѣйствительно помѣшанный уже явился ко врачу и сказалъ ему: «Г-нъ докторъ, я сумасшедшій, лѣчите меня!» Притворяющіеся дѣлаютъ это иногда, если они хотятъ съиграть роль душевно-разстроеннаго, но зато они скоро и обличаются.

Такъ какъ — это показано уже — со стороны судьи очень часто упускается вопросъ о томъ, существуетъ-ли въ данномъ случаѣ полная духовная свобода или нѣтъ, (по причинѣ подозрѣнія въ существованіи какого-нибудь психическаго разстройства) — такъ какъ далѣе и присяжные засѣдатели также тѣмъ менѣе и еще рѣже могутъ обратить вниманіе на душевное состояніе обвиняемаго, (которое часто даже и не обнаруживается очевидно), слѣдовательно, и съ ихъ стороны опускается предложеніе о постановкѣ такого вопроса; и, наконецъ, часто и даже большею частію и сами защитники не имѣютъ основанія предложить постановку такого вопроса: — то въ интересахъ человѣчности было-бы прекрасно, при каждомъ, даже малѣйшемъ подозрѣніи, или-же постоянно, предпринимать при

самомъ допросѣ каждаго обвиняемаго, въ присутствіи слѣдственнаго судьи, точное медико-психологическое изслѣдованіе *). Это требованіе ставится съ чувствомъ истинной человѣчности и съ полнымъ сознаніемъ человѣческихъ обязанностей, съ чувствомъ уваженія къ человѣческой личности. Чрезъ это и только такимъ образомъ можетъ случиться, что прекратятся юридическія убійства и наказанія невиновныхъ.

*) Въ особенности прокуроры должны непремѣнно всею душею стараться, какъ слѣдуетъ, цѣнить свое положеніе. Мы знаемъ, что они оффиціально представляютъ обвинителей. Они представляютъ въ отдѣльныхъ уголовныхъ случаяхъ обвинительный законъ, обвинительную власть. Поэтому они принимаютъ всегда о воспитательно обвиняемыхъ въ извѣстной мѣрѣ враждебное положеніе. Но если они всегда, согласно призванію своему, обязаны бороться съ преступленіемъ, какъ таковымъ, то все-таки они при этомъ никогда не должны выпускать изъ виду преступника, какъ человѣка. Существуютъ поистинѣ достойные всякаго уваженія прокуроры, которые стараются придать значеніе въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей не только всѣмъ основаніемъ обвиненія (уликамъ), но и точно также и всѣмъ основаніемъ къ оправданію обвиняемаго и притомъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ. Прокуроръ всегда и всюду долженъ имѣть въ виду лишь объективный составъ преступленія и долженъ стремиться изложить присяжнымъ засѣдателямъ преступное дѣяніе ясно, во всемъ его объемѣ. Это, въ особенности, задача прокурора. Но ни одинъ прокуроръ не долженъ такимъ образомъ содѣйствовать убѣжденію присяжныхъ засѣдателей и заранѣе, такъ сказать, стараться подкупить ихъ своею рѣчью ко вреду подсудимаго съ тѣмъ, чтобы присяжные засѣдатели сочли своею главною обязанностію нарисовать себѣ не только преступное дѣяніе, но и самаго преступника въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Очень многіе, и именно молодые и притомъ ревностные въ исполненіи своихъ обязанностей прокуроры, иногда не совсѣмъ и безстрастные, стараются всегда только выставить несчастнаго подсудимаго въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Такіе господа, повидимому, выходятъ изъ того основнаго принципа, къ сожалѣнію, что сами они—ангелы, всѣ-же прочіе люди — черти.

Какъ нерѣдко задача прокурора въ этомъ отношеніи либо не понимается какъ слѣдуетъ, либо неизвѣстна даже, либо чаще всего преувеличивается. Часто думается, что оскорбленная особа и есть именно священнѣйшая особа г. прокурора: съ такою ужасною неузнаваемою яростію, съ такою лютостію нападаетъ онъ на обвиняемыхъ и вытаскиваетъ, такъ сказать, за волосы все, что еще только можетъ говорить противъ нихъ. Чрезъ это приговоръ присяжныхъ засѣдателей бываетъ нерѣдко жесточе, такъ какъ, благодаря ужаснымъ возгласамъ идеальнаго прокурора, они настраиваются горьче и жестокосердѣе. Если потомъ иногда и выступаетъ защитникъ съ своимъ мнѣніемъ о томъ, не слѣдуетъ-ли въ данномъ случаѣ поставить вопросъ о состояніи уменьшенной вмѣняемости, то очень нерѣдко онъ сурово и коротко отвергается. И предсѣдатель большею частію охотно соглашается съ этимъ. Иной защитникъ, ко-

Въ настоящее время предоставлено нравственному сознанію присяжныхъ засѣдателей произносить: «виновенъ» или «невиновенъ» Но какъ часто измѣнилось-бы это нравственное сознаніе присяжныхъ засѣдателей, сдѣлалось-бы даже совсѣмъ другимъ, еслибы этимъ людямъ было представлено ясно до очевидности, и притомъ основательно, тѣлесное и душевное состояніе обвиняемаго?

Но грѣхи неисполненія обязанностей суть также грѣхи и притомъ, къ сожалѣнію, такіе грѣхи заключаютъ въ себѣ величайшіе проступки не только противъ свободы, здоровья, жизни; будущности и положенія обвиняемаго, но еще несчастіе такого осужденія со своими уголовными послѣдствіями распространяется и на дѣтей осужденнаго и на внуковъ его и правнуковъ. Тогда внуки страдаютъ невинно за вину своихъ дѣдовъ! Страдаютъ за вину? нѣтъ, не всегда; очень часто страдаютъ они за безпечность или за

торый только по порученію предсѣдателя, какъ кандидатъ на судебныя должности, стремится своими защитами лишь заслужить себѣ хорошенькое мѣстечко, очень легко позволяетъ своему господину, предсѣдательствующему на судѣ настращать себя и — молчитъ.

Помните вы, прокуроры, что можетъ случиться, что и родной братъ вашъ, напримѣръ, за убійство или т. п. преступленіе, или-же ваши друзья или родные могутъ точно также стоять передъ уголовнымъ судомъ! Будете-ли вы и тогда кричать такъ ревностно, какъ когда вы обвиняете несчастнаго поденьщика? О, вѣдь очень можетъ случиться, что нѣкогда и какой-нибудь прокуроръ, находясь въ состояніи сумасшествія, вслѣдствіе-ли употребленія спиртныхъ напитковъ или отчего-бы то ни было другаго, напримѣръ, пораженный бѣлою горячкою, въ отчаяніи, вырывая на себѣ волосы, воскликнетъ: «О, Боже, душа несвободна!» и терзаемый угрызеніями совѣсти, удавится на ближайшемъ лугу.

Самое благодѣтельное, говорящее о человѣчности присяжныхъ засѣдателей впечатлѣніе произвело на насъ чтеніе описанія одного процесса въ Вѣнѣ (если не ошибаемся дѣло Поллака), гдѣ было славно сказано о прокурорѣ: «онъ изложилъ безпристрастно и притомъ рѣшительно всѣ, что можно было сказать противъ преступленія и преступника; но онъ также не позабылъ одновременно съ этимъ добросовѣстно и безпристрастно разобрать все, что могло говорить въ пользу преступника.» Вотъ это называется изложеніе объективнаго состава преступленія. Такіе прокуроры, навѣрное, заслужатъ благословеніе и полнѣйшую душевную признательность всѣхъ.

грѣхи неисполненія своихъ обязанностей судьями и присяжными засѣдателями или за неудовлетворительность закона! Ужасная, отвратительная мысль!

Взглянемъ теперь въ обыденной ежедневной жизни на судьбу наслѣдниковъ осужденнаго, — осужденнаго, который не только долженъ страдать довольно много отъ самаго наказанія, но еще гораздо болѣе, въ то же самое время отъ послѣдствій этого наказанія Онъ лишенъ свой должности и службы. Семейство въ горѣ и нуждѣ во время заточенія отца. Вотъ является несчастнѣйшая мать и приближается со стыдомъ и почти съ отчаяніемъ къ одному изъ извѣстныхъ своею благотворительностію титулованныхъ или нетитулованныхъ высокихъ господъ. Только любовь къ своимъ голодающимъ и холодающимъ дѣтямъ принуждаетъ ее къ этому послѣднему шагу. Она надѣваетъ свой наилучшій нарядъ и отправляется куда слѣдуетъ. Робко ожидаетъ она въ передней. Въ слезахъ подаетъ она свою просьбу милостиво служащимъ посредникамъ, писцу или секретарю или, можетъ быть, самому раздаятелю милостей. Возлѣ нея стоитъ съ притворнымъ плачевнымъ видомъ дама изъ *demi-mond'a*. Но полу-заспанныхъ глазахъ ея еще отражается легкомысліе, безсонная ночь и головная боль съ похмѣлья отъ вчерашняго «*thé-d insant* или *pikniks*». Она носитъ свое, такъ наз. «*послѣднее платье*» (безпорядочной лоскутъ шелка, закрывающій ея двусмысленныя прелести лишь на половину). Съ томнымъ, изнуреннымъ и соблазнительнымъ взглядомъ, съ отдающеюся, и въ то-же время вызывающею миною и тѣлодвиженіями подаетъ она свою просьбу. Она описываетъ свою нужду въ самыхъ яркихъ краскахъ, разумѣется, не упоминая о томъ, что она нуждается въ денежной помощи собственно для сегодняшняго бала. Жена же заключеннаго тихо вздыхаетъ и, пристыженная, въ нѣсколькихъ словахъ разсказываетъ о своей нуждѣ. Что?!

Вашъ мужъ осужденъ?! Намъ очень жаль,—для семейства осужденнаго мы не имѣемъ пособій! — Если-бы г. вашъ супругъ.... и т. д. и т. д.

Такъ несчастнѣйшая отпускается ни съ чѣмъ и предается на жертву лютѣйшему горю. Вѣдь она—невинная жена, можетъ быть, невинно-осужденнаго мужа. Такъ-то страдаетъ она несправедливо за вину своего мужа или только за его несчастіе, она, а вмѣстѣ съ нею и нуждающіяся малютки! А дама никниковъ уходитъ торжествуя и съ полными руками. Презрительно смотритъ она на свою отвергнутую соперницу и сопроситсльницу. На дворѣ возлѣ воротъ, прежде такъ стонавшая, салонная дама гордо поднимаетъ голову; вскакиваетъ въ фіакръ, сбрасываетъ дома тотчасъ-же свое «послѣднее платье», чтобы еще того-же дня вечеромъ въ тончайшемъ флеровомъ платьѣ, въ шелку и въ мишурѣ отправиться на балъ и быть тамъ царицей. Да, demi-monde! Любезность, притворная бѣдность и, ни въ чемъ неповинное, незаслуженное истинное несчастіе одна возлѣ другаго, — какія громадныя противорѣчія, какая неравная борьба передъ перпламп благотворительности! Это—совсѣмъ не необыкновенная картина положенія семейства осужденнаго, когда дѣло идетъ о милости. Открытое мнѣніе нашихъ судей, часто спрашиваемыхъ по совѣсти, есть слѣдующее: и со времени введенія судовъ присяжныхъ засѣдателей, юридическія убійства отъ того еще не уничтожились и не прекратились, но еще скорѣе всего совершаются чаще *). На это мнѣніе слѣдуетъ разсчитывать вполнѣ и дать ему полную вѣру. Но это все-таки ужасное мнѣніе! И какая тяжесть отвѣтственности, какой цѣлый адъ ужаснѣйшихъ послѣдствій заключаются въ этомъ единственномъ словѣ: «*юридическое убійство!*» Если даже при этомъ физическая жизнь

*) О Россіи, впрочемъ, этого сказать нельзя. (*Примѣч. перев.*).

часто и не отнимается, если несчастный приговоренъ только къ четыремъ — шести — восьми — десяти или двадцати — лѣтнему тяжелому заключенію (каторжной работѣ), то развѣ онъ этимъ самымъ не умерщвляется и граждански и нравственно? Развѣ его существованіе не погибло на-вѣки? И такъ, единственное и вѣрнѣйшее средство избавить за-разъ и судей и присяжныхъ засѣдателей отъ этихъ ужасныхъ заботъ и угрызеній совѣсти есть слѣдующее: послѣ правильной постановки вопросовъ потребовать точнаго медицинскаго изслѣдованія тѣлеснаго и душевнаго состоянія всѣхъ обвиняемыхъ чрезъ дѣльно-образованнаго врача, свѣдущаго въ антропологіи и психіатріи. Но тотъ великій вопросъ, относительно котораго всегда и во всѣхъ случаяхъ и судьи и врачи должны согласиться, тамъ гдѣ дѣло идетъ о винѣ и невинности подсудимаго, какая-бы ни была спеціальная цѣль изслѣдованія, есть слѣдующій: былъ-ли человѣкъ во время совершенія преступленія дѣйствительно вполнѣ духовно-свободенъ, или нѣтъ, и было-ли его дѣяніе предумышленно? Этотъ вопросъ, такимъ образомъ обозначенный и специфированный, позволяетъ тогда и врачу дать опредѣленный отвѣтъ

Только отвѣтъ на этотъ вопросъ: — былъ-ли N. N, при совершеніи того или другаго дѣйствія, вполнѣ свободенъ психически или нѣтъ, или только отчасти свободенъ? — можетъ и долженъ тогда служить основаніемъ для сужденія, какъ судьи, такъ и присяжныхъ засѣдателей. Въ этомъ вопросѣ именно могутъ сосредочиться возможные случаи душевныхъ разстройствъ, которыя могли-бы ограничить свободу человѣка. На вопросъ-же, заданный въ уголовномъ кодексѣ: — есть-ли N. или M. сумасшедшій, бѣшеный или тупоумный? — почти никогда врачъ не можетъ дать вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта и придти къ дѣльному рѣшенію. Большая часть обвиняемыхъ, душевное состояніе которыхъ возбуждаетъ

сомнѣніе, какъ-разъ не принадлежатъ къ категоріи больныхъ этими названными душевными болѣзнями. Далѣе, только очень рѣдко, или даже и совсѣмъ никогда не являются передъ судилищемъ обвиняемые съ такими душевными разстройствами, какія поименованы въ кодексѣ. Вѣдь поистинѣ никому въ образованномъ государствѣ не придетъ въ голову тащить къ периламъ суда сумасшедшаго, неистовствующаго, бѣшенаго, кретина или идіота. Вѣдь это было-бы только свидѣтельствомъ бѣдности закона и отсутствія правосудія и могло-бы доставить любопытной толпѣ печальное зрѣлище для того, чтобы она могла забавляться выходками такихъ помѣшанныхъ. Такъ какъ, слѣдовательно, дѣйствительно сумасшедшій, котораго признаки обозначены въ уголовномъ кодексѣ, никогда не явится передъ судомъ, то значитъ, вопросъ о бѣшенствѣ, сумасшествіи и слабоуміи слишкомъ недостаточенъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о строгомъ разборѣ сомнительныхъ душевныхъ состояній; такъ что остается лишь одно, чтобы оставаться вѣрнымъ принципу истинной человѣчности, именно слѣдующее, что мы и повторяемъ: только слѣдуетъ постановить одинъ лишній вопросъ, именно вопросъ о психической свободѣ даннаго лица и потомъ — о каждомъ или, по крайней мѣрѣ, если только существуетъ малѣйшее подозрѣніе о тѣлесномъ или душевномъ страданіи обвиняемаго, — требовать точнѣйшаго медицинскаго изслѣдованія. Поэтому ошибоченъ и неудовлетворяетъ своей цѣли тотъ вопросъ судьи, который обозначаетъ какое либо душевное состояніе изслѣдуемаго въ его ненормальности и принимаетъ въ соображеніе лишь настоящее его состояніе, не обращая вниманія на время пространство и на, имѣвшія въ нихъ мѣсто, состоянія и перемѣны. Во время изслѣдованія субъектъ можетъ быть вполнѣ здоровъ, — какъ физически, такъ и душевно — а во время совершенія преступнаго дѣйствія, можетъ быть, нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ

тому назадъ, онъ былъ совершенно помѣшанъ. При этомъ пусть подумаютъ только о томъ глубоко-философскомъ и психологически-правильномъ изреченіи, которое христіанскіе и всѣ другіе моралисты, приняли за высочайшій законъ нравственности и человѣчности: «Дѣлай для другихъ то, что ты желаешь, чтобы и другіе дѣлали для тебя». Или отрицательно: «Не дѣлай ближнимъ того, чего не желаешь, чтобъ и ближніе дѣлали тебѣ». На этомъ основанъ весь нравственный законъ. Но нравственность, добронравіе есть то же самое, что человѣчность. Кто поступаетъ справедливо по нравственному побужденію, тотъ поступаетъ такъ изъ любви къ своему собрату, поставляя себя самаго мысленно въ его положеніе. Помните только, вы, присяжные засѣдатели и судьи, одно: вы сами стоите подъ властію закона. Вы можете иногда чувствовать въ себѣ самихъ, или должны сознавать, что вы совершили дѣло, въ которомъ обвиняетесь, въ состояніи стѣсненной свободы, при ограниченномъ отчасти самосознаніи, такъ что теперь, совѣсть должна вамъ сказать: я не знаю, какъ это со мною тогда случилось. Вообразите себя въ этомъ положеніи! Какъ горько было-бы вамъ, если-бы тогда вашъ судья объявилъ прямо: «человѣкъ этотъ теперь вполнѣ разсудителенъ, и тогда также не былъ ни сумасшедшимъ, ни слабоумнымъ!» Чтобы вы тогда дѣлали? сожалѣли-бы о недостаточности словъ закона, того закона, которому вы сами, можетъ быть, за нѣсколько дней тому назадъ удивлялись, какъ настоящему юридическому евангелію? Да, вы можете тогда сожалѣть и страдать! — Поэтому не пренебрегайте врачомъ, который, какъ совѣстливый мужъ науки и человѣчности, приходитъ такъ охотно къ вамъ на помощь въ эти дни нужды и опасности. Вѣдь онъ не для того только назначенъ, чтобы помогать во время язвы и чумы. Нѣтъ, истинный врачъ, съ человѣчнымъ сердцемъ, всегда подастъ вамъ

спасительнѣйшій совѣтъ и въ душевномъ вашемъ страданіи, въ психическомъ несчастіи. Очень часто теперь, къ сожалѣнію, выбрасывается за бортъ то, что въ ту минуту не нужно. Завтра ищутъ опять то, что сегодня выброшено за дверь Впрочемъ къ этому врачи издавна уже привыкли. Подумайте только при взглядѣ на каждаго душевно-разстроеннаго и каждаго преступника: «что онъ теперь есть, тѣмъ самымъ я могу уже завтра сдѣлаться, а что я — сегодня, тѣмъ самымъ и онъ, можетъ быть, еще былъ нѣсколько часовъ тому назадъ.» Кто стоитъ, пусть смотритъ въ оба, чтобы не упасть! А отношенія и времена перемѣняются слишкомъ быстро! — Ты можешь, судья или присяжный засѣдатель, уже завтра быть обвиняемымъ, какъ преступникъ, даже будучи невиновнымъ, потому что преступное дѣяніе не было дѣйствительно произведеніемъ твоего собственнаго свободнаго духа. Живо поставь себя въ окружающую среду и въ положеніе обвиняемаго! Это будетъ очень хорошо и очень спасительно для другихъ, а можетъ быть когда-нибудь и для тебя самаго! Живо представь себѣ его мышленіе, чувствованія и желанія въ критическія минуты и тогда ты, можетъ быть, не рѣшишься дерзко и отважно «бросить первый камень въ несчастнаго!» Поэтому: «то, что ты желаешь, чтобы дѣлали тебѣ, дѣлай также и бѣднѣйшимъ изъ твоихъ братій». Всѣ тѣ доводы къ оправданію, которыми ты защищалъ-бы себя, предоставь излагать точно также другому обвиняемому и придай имъ надлежащую важность и значеніе. Этого требуетъ безпристрастная справедливость, человѣчность и правосудіе Тогда юридическія убійства станутъ совершаться рѣже, а истинная человѣчность будетъ торжествовать чаще. И очень часто все таки сыны природы, пренебреженные въ своемъ воспитаніи, необученные, иногда полуобразованные, наполовину испорченные самымъ горемъ, имѣютъ за себя гораздо болѣе доводовъ къ оправданію,

чѣмъ ты, богатый, безпечный, живущій въ довольствѣ и роскоши, высоко-образованный, вооруженный познаніями, ученый судья, присяжный засѣдатель! — Развѣ это не такъ? Отвѣтъ — да — на этотъ вопросъ, можетъ быть, слишкомъ медленно срывается съ вашихъ устъ. Все таки будемъ откровенны! Судья, присяжный засѣдатель, если онъ вообще юридически образованъ, знаетъ послѣдствія своихъ дѣйствій и можетъ или даже долженъ ихъ знать! Пренебреженный-же житель лѣсовъ или пустыни, выросшій почти какъ животное при стадѣ, меньше размышляетъ, не настолько можетъ быть господиномъ своихъ страстей и стремленій. Полуобразованный обыкновенно едва можетъ сообразить послѣдствія своихъ дѣйствій! Въ его преступныхъ дѣлахъ виноваты тогда очень часто лишь его воспитатели, родители или вообще вся его обстановка, а не онъ самъ. И такіе несчастные бѣдняки обыкновенно должны переносить наказанія за свои грѣхи, они должны служить живыми примѣрами для другихъ! Обойдите тюрьмы и остроги и тогда скажите, что это неправда! Вѣдь почти вездѣ сохраняется поговорка: «маленькіе воришки не то, что большіе воры!» — Опытный, такъ назыв. спеціалистъ — преступникъ по ремеслу, вооруженный всѣми познаніями тонкаго и образованнаго ума, познаніями уголовныхъ законовъ и т. д., часто съумѣетъ избавиться и отъ обвиненія и отъ наказанія. А добрый глупый малый, какъ обыкновенно говорятъ, который какъ нибудь изъ нужды или въ волненіи, въ болѣзненной страсти выкинетъ преступную штуку, при чемъ онъ, можетъ быть, отчасти только былъ способенъ ко вмѣненію, долженъ поплатиться за свой поступокъ вдесятеро. Мы думаемъ положительно, что большая часть важнѣйшихъ преступленій совершаются въ образованномъ и высшемъ кругу (тончайшія искуснѣйшія убійства, хитрѣйшіе обманы и мошенничества, большая часть прелюбодѣяній и т. д.) или-же по

крайней мѣрѣ, нисколько не меньше, чѣмъ въ бѣдныхъ, необразованныхъ классахъ народа и между пролетаріями. Мы ежедневно видимъ, что большая и значительнѣйшая часть преступниковъ, сидящихъ въ заключеніи — необразованные бѣдняги! Почему? потому! Если-бы напр., и именно въ большихъ городахъ, въ аристократическихъ кругахъ общества, (гдѣ напр. какой-нибудь galant изъ большаго дома принадлежитъ въ то же время къ bon ton'у) каждое прелюбодѣйство доходило до суда, то какъ обременены были-бы работою судьи? Но лукавая прелюбодѣйка, даже застигнутая мужемъ, знаетъ, что онъ теряетъ свое право жаловаться, коль скоро вновь обнаружитъ знаки примиренія. Обиженный супругъ идетъ въ трактиръ и тамъ изъ раздраженія напивается пьянъ; любезная-же, похотливая и прелюбодѣйная супруга проситъ у его ногъ прощенія, она перехитряетъ его, она заключаетъ его, какъ гидра, въ свои змѣиныя объятія и — «halb zog sie ihn, halb sank erhin!» Страсть, возбужденная виномъ и еще болѣе искусительницею-женою, дѣлаетъ его слабымъ, онъ падаетъ и вотъ прелюбодѣйка побѣдила: супругъ потерялъ свое право жалобы. Сотни такихъ случаевъ происходятъ почти ежедневно въ большихъ городахъ *). Прелюбодѣяніе остается прелюбодѣяніемъ и, съ точки зрѣнія морали, проступокъ или преступное дѣяніе все-таки существуетъ, тѣмъ не менѣе лукавство выиграло. Вѣдь только тотъ супругъ можетъ жаловаться на прелюбодѣяніе, который съ той-же минуты начинаетъ хлопотать о разводѣ. И въ скольких тысячахъ такого рода случаевъ преступленія дѣло вовсе не доходитъ до жалобы? Все таки въ этомъ менѣе всего виноватъ законъ, ибо гдѣ нѣтъ жалующагося, тамъ нѣтъ и судьи! Но если бы были жа-

*) Читайте только напримѣръ, изображеніе нравовъ Антономъ Гросъ-Гоффингеромъ «Das galante Wien», гдѣ эти безнравственныя преступленія представлены настолько рѣзко, настолько-же и истинно.

лобы и вслѣдствіе этого наказывались-бы всѣ преступленія, — которые въ большихъ городахъ, въ высшихъ кругахъ общества также вошли въ моду и сдѣлались также самостоятельны, какъ туалетъ парижанки, — напр. истребленіе плода, обольщеніе юношества, потомъ случаи противо-естественнаго удовлетворенія страсти, — то, ей-Богу, половина богоугодныхъ заведеній должна была-бы быть обращена въ остроги, чтобы запереть туда всѣхъ любезныхъ и галантерейныхъ салонныхъ господъ и всѣхъ грацій «*Hautcolée*.» Отправляйтесь въ Лондонъ, Парижъ и подобные города Германіи и наблюдайте тамъ убѣжища порока, наблюдайте эту нравственную лужу, эту испорченность многихъ изъ, такъ называемыхъ, лучшихъ классовъ — и вы будете удивляться тому, что столь немногихъ изъ нихъ вѣшаютъ и что мѣста заключенія еще такъ малочисленны. (Вѣна и Берлинъ, Мюнхенъ и Гамбургъ и другіе отсюда не исключаются, хотя «Histoires scandaleuses» этихъ городовъ до сихъ поръ еще не появлялись въ печати). И прежде всего слѣдуетъ упомянуть о длинныхъ рядахъ тонкихъ банкротствъ, большихъ карманныхъ кражъ и похищеній государственныхъ, церковныхъ и другихъ имуществъ, мошенничествъ en gros и т. п.

«Это — умные и хитрые люди», говорятъ. Это — геніи, разсуждаетъ толпа, взирающая лишь на послѣдствія, и часто удивляющая даже преступниковъ! Все это происходитъ почти ежедневно и къ этому всѣ уже привыкли. Должны-ли мы продолжать рисованіе нашей картины? Но мы здѣсь не пишемъ какую-нибудь histoire scandaleuse. — Нравственное сознаніе толпы есть нѣчто очень своеобразное, нѣчто очень эластичное. «Vox populi — vox diaboli!» можно было-бы здѣсь правильнѣе сказать вмѣсто: «vox populi — vox Dei». Ибо очень часто говоритъ устами народа не Богъ, а развѣ какъ діаволъ. Человѣкъ, напримѣръ, возвышается, благодаря

различнымъ отважнымъ спекуляціямъ. Ему ничего не стоитъ тамъ и сямъ заграбить кушикъ, или обидѣть несчастныхъ сиротъ и вдовъ, которыхъ опекунъ—онъ, брать безмѣрные назаконные проценты и т. п. Онъ становится состоятельнымъ. Его привѣтствуютъ: «Смотрите, вотъ ловкій человѣкъ!» Это значитъ — человѣкъ одаренъ природою, онъ пріобрѣлъ себѣ кое-что, изъ работника, напримѣръ, сдѣлался домовладѣльцемъ. Онъ идетъ еще далѣе. Онъ спекулируетъ Онъ дѣйствительно имѣетъ болѣе склонности и таланта къ торговымъ дѣламъ, чѣмъ къ какой-либо другой работѣ «Цѣль освящаетъ средства», говоритъ будущій Крезъ. Онъ дѣлается богатымъ. Уже ниже снимаютъ передъ нимъ шляпу и воздаютъ человѣку почести за его умъ. Что у работника презрительно называется хитрыми выдумками, штуками, тому самому здѣсь удивляются, какъ вамахамъ генія. Если случается постыдное, гнусное дѣло, если, напримѣръ, богатый человѣкъ или ростовщикъ даже свою собственную дочь сдѣлаетъ беременною, если эта истребитъ свой плодъ или если прелюбодѣяніе слѣдуетъ за прелюбодѣяніемъ, — это его не безпокоитъ, не безпокоитъ и свѣта. Онъ съумѣетъ отдѣлаться, а взглядъ и слова богача имѣютъ обыкновенно вдесятеро большее значеніе, чѣмъ десять присягъ бѣдняка. Ибо: «quod licet Jovi, non licet bovi», по-нѣмецки: «was dem Gott ist erlaubt, das ist verboten dem Stier»; сказалъ мнѣ одинъ юристъ. Дарятъ общинѣ или городу церковь, выстроенную изъ кровавыхъ денегъ своихъ ближнихъ и т. д. — и вотъ въ честь такого жертвованія раздается колокольный звонъ, устраиваются факельцуги, раздаются выстрѣлы: ему жалуются титулы, почести и т. д Онъ самъ разъѣзжаетъ въ каретѣ и смѣется надъ глупостію свѣта и надъ узкостію закона. «Vox populi — vox diaboli!» Да, здѣсь можно примѣнить съ полнымъ правомъ слова Фауста: «Одобреніе толпы звучитъ для меня лишь позоромъ». «Чело-

вѣкъ этотъ — артистъ, передъ которымъ я очень охотно снимаю шляпу», говоритъ толпа, «что мнѣ за дѣло до его жизни и нравственности». — «Человѣкъ имѣетъ деньги, а деньги управляютъ свѣтомъ» и т. д. Обыкновенно бѣдняки, кромѣ своей бѣдности, страдаютъ еще и за преступленія богачей. Да, бѣдность, нужда, горе, — поистинѣ ужаснѣйшіе тираны на свѣтѣ! Они порабощаютъ душу и принуждаютъ человѣка, обращеннаго такимъ образомъ въ раба, къ самымъ необдуманнымъ, ужаснѣйшимъ дѣламъ, страшныя послѣдствія которыхъ напередъ совсѣмъ не были приняты дѣятелемъ въ соображеніе..... Возьмемъ еще нѣсколько сценъ изъ жизни; это тоже живыя картины изъ жизни преступниковъ! — Бѣдный рабочій на паромѣ, напримѣръ, имѣетъ возлюбленную, на которой онъ не можетъ жениться при жестокости нашихъ законовъ, какъ охотно, какъ честно онъ-бы объ этомъ ни думалъ и ни желалъ-бы это сдѣлать. Его незаконное дитя и мать дитяти — величайшія его блага. Обоихъ любитъ онъ самымъ страстнымъ образомъ. Онъ не имѣетъ заработковъ. Работа пріостановилась: твердая кора льда сдерживаетъ теченіе, на которомъ онъ снискивалъ себѣ хлѣбъ. Мать его дитяти требуетъ отъ него помощи, денегъ для дальнѣйшаго прокормленія малютки. Вотъ наступаетъ Рождество Христово. Онъ хочетъ принести своимъ милымъ даръ ради Св. Христа, какъ-бы ни былъ малъ этотъ даръ. Онъ идетъ посѣтить своихъ. Но его карманы пусты, а безъ какого-нибудь подарка онъ не хочетъ, да, онъ не можетъ придти. Любовь побуждаетъ его къ необдуманному поступку. Въ лѣсу встрѣчается ему старая женщина-разнощица. Онъ срываетъ корзину съ ея спины, беретъ у нея два хлѣба и 12 крейцеровъ и спѣшитъ съ этимъ къ своимъ милымъ. Онъ обвиняется въ насильственномъ грабежѣ и, какъ уличный грабитель, приговаривается къ смерти. Пожизненное заключеніе есть его помилованіе.

Но какъ послѣ этого слѣдовало-бы наказывать дорожныхъ грабителей en gros, которыхъ, напротивъ, совсѣмъ не принуждаетъ къ преступленіямъ сильнѣйшая страсть отцовской любви, ревности или горе? Напримѣръ, какъ много капиталистовъ грабятъ государство ежегодно, на цѣлые сотни тысячъ рублей, правда не на манеръ уличнаго грабежа, но все таки коварнѣйшимъ и хитрѣйшимъ образомъ. Съ точки зрѣнія нашей нравственности, грабежъ, обманъ и т. под. преступленія, остаются всегда одинаковыми, будутъ-ли они совершены надъ частными лицами, или-же надъ государствомъ и т. п. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще богатаго rentier, который отъ государства и т. п. отнимаетъ то, что ему (государству) принадлежитъ, далеко впрочемъ не по такимъ благороднымъ мотивамъ, какъ бѣдный паромный рабочій Банкиромъ руководитъ преступнѣйшее корыстолюбіе, а не горьчайшая нужда, когда онъ выпускаетъ фальшивыя фассіи и т. д. и т. д.

Еще картина: какой-нибудь подмастерье приходитъ въ чужой городъ. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни знакомыхъ. Работы онъ также не находитъ. Можетъ быть онъ потерялъ дорогою свой чемоданъ или-же какъ-нибудь иначе его утратилъ. У него ничего не осталось, чтобы можно было продать или сбыть. Милостыни просить онъ не можетъ: всюду стоятъ блюстители порядка и мира. Да онъ и отвернутъ уже при первой попыткѣ. Вотъ входитъ онъ въ комнату трактира. Нѣтъ никого. На столѣ лежитъ двугривенный, оставленный какимъ-нибудь посѣтителемъ. Онъ беретъ его себѣ, но—схваченъ и карается за воровство. «Этого я никогда-бы не сдѣлалъ, никогда и ни сдѣлаю, лучше умру съ голода!» и т. д., думаютъ иногда присяжные засѣдатели въ такихъ случаяхъ, исходя изъ своей точки зрѣнія. Но если-бы большой фабрикантъ напримѣръ, долженствующій обсудить вину обвиняемаго, живо поставилъ себя на мѣсто

странствующаго подмастерья! Голодъ и жажда мучительны, поистинѣ очень мучительны! Этого еще иной присяжный засѣдатель на себѣ не испыталъ. Счастливый человѣкъ! «Этого я бы не сдѣлалъ,» думаетъ поэтому большой фабрикантъ! Да, разумѣется, этотъ пошелъ-бы (какъ, во всякомъ случаѣ, купецъ) къ ближайшему банкиру, еслибъ онъ потерялъ свой бумажникъ съ сотенными, или же онъ въ такомъ случаѣ заложилъ-бы свою золотую цѣпку или часы и т. п. Разумѣется, эти господа не украли-бы двугривеннаго на столѣ въ трактирѣ! Но развѣ уже одинъ только фабрикантъ, напримѣръ хоть-бы пивоваръ, обокралъ государство посредствомъ подлога, напримѣръ, или развѣ не обворовываютъ иные пивовары бѣднѣйшаго поденьщика (котораго единственное подкрѣпленіе часто состоитъ въ одномъ глоткѣ пива), вытягивая изъ его кармана потомъ и кровью заработанные крейцеры за скверное, ядовитое пиво? Что, не такъ? Наконецъ развѣ въ томъ, что они не сдѣлали-бы того, что сдѣлалъ похититель двугривеннаго, виноваты они сами, или-же тутъ скорѣе всего слѣдуетъ винить тѣ отношенія, ту обстановку жизни, которая имъ благопріятствовала? Кому одного своего имени достаточно, чтобы моментально достать себѣ суммы денегъ, тому не нужно воровать двугривеннаго, чтобы купить себѣ хлѣба и удовлетворить имъ свой желудокъ, который, можетъ быть, пустъ уже два или три дня, — тотъ пустой желудокъ, который въ состояніи смутить сердце и душу, чувство и волю. Но несмотря на это, иной милліонеръ все таки не страшится обогащаться кровавыми деньгами страдающихъ отъ нужды!! *).

*) Такъ именно читалъ и (14-го апрѣля 1865 года): въ Ландсгутѣ, въ окружномъ судѣ, хозяинъ Поль Кестлеръ фонъ Грисбахъ (сельдовательно человѣкъ, который могъ быть присяжнымъ засѣдателемъ или уже и былъ) присужденъ былъ къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію. Онъ именно обладаетъ состояніемъ въ 76 тыс. флориновъ только, и, несмотря на это, укралъ у своего бѣднаго работника, вскорѣ послѣ расплаты съ нимъ, тотъ самый 51 флоринъ,

Посмотримъ теперь еще на 3-ю картину. Для примѣра возьмемъ картину дуэли. Если два грубые неграмотные пастуха или мужика подерутся въ кабакѣ за нѣсколькими стаканами водки, возбужденные и раздраженные пасмѣшками и сивухою, и слѣдствіемъ этого является изувѣченіе или же даже неосторожное умерщвленіе или убійство, то забіяка долженъ очень горько расплатиться за это. И все таки самъ законъ обыкновенно принимаетъ здѣсь лишь необдуманное дѣйствіе. Но тѣмъ не менѣе наказаніе все таки довольно жестоко. Но если министры, высокопоставленные офицеры, государственные чиновники различнѣйшихъ родовъ и степеней и т. п. господа выходятъ на дуэль, стрѣляются, колятся, бьются на жизнь и смерть, притомъ обдуманно и съ умысломъ, по прошествіи цѣлыхъ недѣль, даже мѣсяцевъ послѣ размѣна депешъ о дуэли (картелей), послѣ того, какъ оказались тщетными всѣ попытки къ примиренію со стороны извѣстныхъ членовъ семействъ и друзей (вслѣдствіе злости, мстительности высоко-образованнѣйшихъ кавалеровъ), — тогда и законъ, или скорѣе всего господа излагатели и живые комментаторы закона, въ примѣненіи его обыкновенно бываютъ кротки, очень кротки! Къ тому же убійство въ дуэли никогда не возводится на степень преступленія, т. е. оно никогда не влечетъ за собою ни тяжкаго заключенія, ни уголовныхъ послѣдствій въ гражданской жизни. И все таки эти кавалеры и т. п. господа, навѣрное, лучше могутъ обсудить и взвѣсить всѣ послѣдствія своего дѣянія и, навѣрное, были при совершеніи болѣе способны ко вмѣне-

который онъ долженъ былъ нѣсколько дней тому назадъ дать ему въ видѣ вознагражденія! Нужда-ли здѣсь, болѣзненная-ли скупость или, наконецъ, преступное корыстолюбіе?!

Вскорѣ послѣ этого встрѣтился я съ человѣкомъ, который укралъ 10 фл. я ихъ вскорѣ возвратилъ назадъ, но все таки просидѣлъ уже въ крѣпости, въ предварительномъ заключеніи, 4 или 5 мѣсяцевъ и потомъ былъ еще наказанъ 6-ти мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Бѣдняга!

нію чѣмъ дерущіеся въ кабакѣ пастухи. Или развѣ здѣсь различіе въ винѣ и наказаніи должно обусловливаться родомъ оружія въ рукахъ? Конюхъ дерется вѣникомъ или метлою; дровосѣкъ — топоромъ, ибо это—орудія ихъ ремесла; офицеръ — шпагою!

Мы охотно соглашаемся, что молодые люди, которымъ совершенно свойственны, къ сожалѣнію еще и теперь, превратныя понятія о чести (распространяющіяся какъ будто эпидемически), — что такіе люди также и при дуэли, которую они разсматриваютъ, какъ дѣти своего времени, своего воспитанія, сообразно привитымъ имъ студентскимъ или офицерскимъ принципамъ, (но исходя, безъ сомнѣнія, изъ ошибочной или даже полуумной точки зрѣнія) могутъ быть разсматриваемы, какъ невполнѣ способные ко вмѣненію (находящіеся въ состояніи уменьшенной вмѣняемости). Вѣдь нѣкоторые, даже всѣ, выносящіе изъ поединка побѣду или смерть, падаютъ жертвами превратнаго понятія объ оскорбленіи и спасеніи чести. Но если въ настоящее время такіе варварскіе, (хотя въ средніе вѣка и возбуждавшіе удивленіе, какъ рыцарскіе подвиги), поступки, еще прославляются и даже защищаются вмѣсто того, чтобы разсматриваться какъ жестокости, убійства и изувѣченіе, и даже самъ законъ смотритъ на нихъ очень снисходительно, то это ужъ никакъ не приличествуетъ успѣхамъ истинной цивилизаціи. Какой-нибудь кавалеръ напримѣръ, безчестнѣйшимъ образомъ застрѣливаетъ на дуэли своего друга или родственника и наказывается тогда за это нѣсколькими мѣсяцами или много, много, годичнымъ заключеніемъ въ крѣпости, которое къ тому же еще чисто воображаемое: такой заключенный можетъ, смотря по обстоятельствамъ, даже свободно ѣздить верхомъ, разъѣзжать и предаваться удовольствіемъ, гдѣ, когда и какимъ образомъ онъ ни пожелаетъ! Напротивъ, какой-нибудь пильщикъ, который дубиною пробьетъ своему

собрату дыру въ головѣ, заключается въ острогъ на цѣлые годы и притомъ очень строго и т. д. И еще обыкновенно, кавалеръ—дуэлистъ милуется на извѣстную часть времени своего наказанія, ибо онъ уже тѣмъ, что не устраивалъ въ крѣпости открытыхъ оргій или не задавалъ адамовыхъ баловъ, показалъ такія великодушныя доказательства своего исправленія, что было-бы преступленіемъ со стороны государства не отпустить тотчасъ-же этого рыцаря и т. д. Все таки exempla odiosa! *) Какъ начальникъ Далфингеръ у Гаклендера, который считалъ фехтованіе штыками величайшимъ изъ всѣхъ искусствъ и думалъ, что штыкомъ можно даже отпарировать самыя пушечныя ядра, какъ этотъ *штыковый человѣкъ*, такъ и многіе другіе старые господа, начальники или генералы, въ своемъ заблужденіи, считаютъ также и дуэль искусствомъ всѣхъ искусствъ, верхушкой рыцарства и поэтому защищаютъ ее и оправдываютъ. Мы же считаемъ дуэль (хотя можетъ быть и мы, будучи студентомъ, имѣли на этотъ предметъ нѣсколько свободнѣйшій взглядъ) предумышленнымъ актомъ смертоубійства: либо одинъ дѣлается самоубійцею, когда онъ подаетъ (мертвымъ), либо онъ дѣлается убійцею другаго, когда побѣждается. Церковь разсуждаетъ совершенно правильно (правильнѣе чѣмъ законодательство), считая дуэлистовъ большими преступниками, чѣмъ дерущихся сударя-

*) Новое баварское уголовное уложеніе говоритъ въ § 164: «кто умертвитъ своего противника въ поединкѣ или причинитъ ему значительную рану, тотъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 го до 3-хъ лѣтъ — «Если то или другое изъ этихъ слѣдствій въ поединкѣ дѣйствительно совершилось, причемъ вызовъ былъ направленъ къ тому, чт бы одинъ изъ двухъ потерялъ жизнь, или-же былъ выбранъ такой родъ поединка, изъ которыхъ явствуетъ, что это слѣдствіе было предусмотрѣно то наказаніе должно быть — отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ заключенія». Но когда же на практикѣ случается или случалось, чтобы какой-нибудь г рыцарь и за такіе поединки былъ присужденъ къ десятилѣтнему заключенію? Мы просимъ объяснить намъ это? До сихъ поръ примѣненіе закона здѣсь было поразительно кротко и милостиво очень милостиво, даже слишкомъ милостиво!

бочныхъ. И церковь назначаетъ величайшее церковное наказаніе, именно отлученіе, лишь поединщикамъ, а не забіякамъ. Самоубійство и убійство ближняго суть равно тяжкія преступленія, равно тяжкіе грѣхи, а при дуэли всегда существуетъ умыселъ, спокойствіе и обдуманность. Здѣсь можетъ быть только такой результатъ: либо самому пасть, либо положить противника. Но если мы и можемъ здѣсь еще извинить отчасти, я говорю отчасти, молодыхъ, страстныхъ людей, то все-же таки мы не можемъ распространить этихъ основаній для смягченія наказанія на опытныхъ государственныхъ мужей, ученыхъ, сѣдыхъ дипломатовъ, представителей права и т д Изложеннымъ здѣсь, нашимъ нравственнымъ на этотъ предметъ взглядомъ, мы задѣваемъ многихъ, (мы это напередъ знаемъ); но нравственность служила для насъ единственнымъ путеводителемъ въ этихъ изслѣдованіяхъ Всегда дуэль все таки остается у стараго-ли, у молодаго-ли, своего рода *сумасшествіемъ* самаго нелѣпаго и опаснѣйшаго свойства, но тѣмъ не менѣе сумасшествіе это должно быть наказуемо. Нѣкоторые семейства продолжали-бы наслаждаться непарушимымъ семейнымъ счастіемъ, если-бы г-да отцы и г-да сыновья не пали жертвою безумной идеи о дуэли. И если государственные мужи, дѣдушки съ бѣлыми волосами, еще выходятъ на поединки, то это должно быть вдвойнѣ наказано, ибо дурной примѣръ портитъ добрые нравы и: «какъ старые поютъ, такъ молодые чирликаютъ». (Wie die alten sungen, so zwitchern die jungen!) Потомъ, пишутъ столько ненужнаго, лишняго относительно уничтоженія дуэли! Единственное средство было-бы здѣсь именно то, что церковь желаетъ дѣлать: строжайшее наказаніе дуэлистовъ — убійцъ въ поединкѣ Если-бы господинъ юнкеръ, вызывающій друга или врага за наступленіе ногою на шпору и храбро его убивающій, дѣйствительно долженъ былъ поплатиться 6, 8

или 10 годами тюремнаго заключенія, (какъ того желаетъ баварскій кодексъ въ § 164) если-бы убійца въ дуэли долженъ было перенести такое же или подобное наказаніе, какъ и всякій другой звѣрскій убійца, тогда поединки дѣйствительно стали-бы рѣже, если не совсѣмъ прекратились-бы. Это, еще разъ повторяемъ, наше мнѣніе, зрѣло обдуманное мнѣніе мужа. Однимъ словомъ: (и всякій, кто только мыслитъ честно, законно и справедливо, долженъ непремѣнно, хотя и молчаливо согласиться съ нами) — мы стоимъ за то, что богатый rentier или ростовщикъ обманывающій государство въ процентахъ и податяхъ; завоеватель, разбивающій на большихъ дорогахъ, (если только онъ, какъ какой-нибудь aquila rapax увлекается лишь высокомѣріемъ, честолюбіемъ или страстью къ завоеванію, а не руководствуется чувствомъ права или не находится въ состояніи необходимой обороны; потомъ фабрикантъ, грабящій у бѣднаго люда несчастныя деньги, заработанныя потомъ и кровью, посредствомъ продажи скверныхъ напитковъ; далѣе рыцарскій дуэлистъ и т. д. — съ точки зрѣнія нравственности и способности ко вмѣненію, могутъ найти менѣе основаній для облегченія, заслуженныхъ ими наказаній, чѣмъ упомянутый выше грабитель, рабочій на паромѣ, дерущійся въ кабакѣ поденьщикъ, воровской подмастерье въ чужомъ городѣ и т. д. Горькія истины! И право, свѣтъ не представляется намъ въ болѣе черныхъ краскахъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть! Я повторяю: какъ при обсужденіи другихъ, такъ и при обсужденіи себя самаго, — не слѣдуетъ только надѣвать розово-раскрашенныхъ очковъ! Строгая справедливость и человѣчность да будутъ постояннымъ девизомъ судей и присяжныхъ засѣдателей! Всегда остается еще истиною, что величайшіе и опаснѣйшіе преступники противъ собственности большею частію умѣютъ избавиться отъ наказанія. Съ украденными тысячами они заблаговре-

менно очищаются отъ пыли и улепетываютъ далеко въ чужія страны. Но такъ какъ (прежде въ свободномъ юридическомъ государствѣ Нюрнбергѣ, а теперь и вездѣ) никого не вѣшаютъ, прежде чѣмъ поймаютъ, то очень часто великіе грабители выходятъ сухи изъ воды, а глупый, добрый парень, который со своимъ украденнымъ двугривеннымъ далеко не заѣхалъ, долженъ быть потомъ наказанъ строже. Такъ-то оно дѣлается, и поистинѣ такъ, а не иначе! Глупѣйшія птицы легче всего ловятся на прутикѣ, намазанномъ клеемъ. Но глупость и ограниченность духа, это — такія психическія состоянія, которыя уже сами по себѣ сильно говорятъ въ пользу неспособности ко вмѣненію.

Задача врача, какъ криминалъ-психолога, въ вопросахъ о состояніи вмѣняемости.

Такъ какъ каждое душевное разстройство, которое только въ состояніи ограничить свободу самоопредѣленія, обнаруживается само по себѣ, какъ особеннаго рода болѣзненная форма, ненормальностями той или другой душевной дѣятельности, — то изслѣдующій врачъ долженъ прежде всего устремить все свое вниманіе на всевозможныя случайности, которыя только могутъ быть допущены въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ. Врачъ долженъ далѣе (на томъ основаніи, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, какъ дознано опытомъ, душевныя разстройства коренятся въ тѣлесныхъ страданіяхъ) не только обратить все свое вниманіе на душевное, но точно также и на общее тѣлесное состояніе изслѣдуемаго. Болѣзни сердца и легкихъ, старая, затянувшаяся перемежающаяся лихорадка, первыя страданія различнаго рода, такъ назыв. геморроидальныя

состоянія, страданія головнаго мозга, страданія половыхъ органовъ, слишкомъ продолжительный запоръ, ревматизмъ, ломота, прошедшій тифъ, потомъ страданія брюшной полости, извѣстныя болѣзни кожи и т д — слѣдуетъ здѣсь точнѣйшимъ образомъ изслѣдовать и принять въ соображеніе. При упомянутыхъ болѣзняхъ проявляются иногда различныя душевныя разстройства. Но прежде всего слѣдутъ придать надлежащее значеніе наслѣдственности и узнать, не проявлялось-ли уже когда-либо какое-нибудь душевное разстройство въ семействѣ обвиняемаго. Кромѣ того, нѣкоторыя другія тѣлесныя состоянія имѣютъ огромную важность, именно такія, которыя какъ-разъ не принадлежатъ къ болѣзнямъ, но тѣмъ не менѣе имѣютъ громадное вліяніе на возникновеніе душевныхъ страданій Это — прежде всего *pubertas*, половое созрѣваніе, именно у блѣдно-немощныхъ дѣвицъ, которыя получили изнѣженное или-же слишкомъ духовное, на счетъ тѣла, воспитаніе, такъ что должны были много сидѣть и такимъ образомъ стали очень склонны къ судорогамъ и т. д Пусть подумаютъ только объ ужасающемъ числѣ молодыхъ, отсталыхъ въ половой зрѣлости дѣвушекъ, которыя, какъ монахини напр. при сумазбродствахъ монастырскаго заточенія, при монастырскихъ добродѣтеляхъ и, можетъ быть, также и при монастырскихъ порокахъ, сами считали себя бѣсноватыми, а равно и окружающіе ихъ. Но эта mania или melancholia daemonomaniса, это бѣсоодержимость, принадлежитъ къ классу душевныхъ разстройствъ (меланхолій). Или развѣ это не въ высшей степени поразительно, что огромное большинство одержимыхъ бѣсами и колдуній находилось именно въ женскихъ монастыряхъ. *) Точно также и появленіе мѣсячныхъ

*) Прочитайте только нѣсколько страницъ изъ соч. І. фонъ Геррес «christliche Mystik» 4 и 5 части, гдѣ можно найти множество относящихся сюда примѣровъ.

очищеній у женщинъ, равно и постановка этихъ очищеній, такъ наз. *climacterium*, часто имѣетъ большое вліяніе на душу Сюда принадлежатъ также, имѣющіе огромное вліяніе на проявленіе душевныхъ разстройствъ: ***беременность, послѣродовое состояніе и періодъ кормленія грудью.*** Вѣдь каждому извѣстно, что многія женщины, какъ послѣ разрѣшенія отъ бремени, такъ и во время кормленія грудью, впадаютъ въ родъ сумасшествія. У нѣкоторыхъ женщинъ это случается уже во время беременности. Часто эти душевныя разстройства вдругъ прекращаются, какъ только рожденіе окончено, или послѣ отлученія дитяти отъ груди. Но такія душевныя страданія, такъ какъ они большею частію проходятъ, могутъ быть по прошествіи нѣкотораго времени забыты, просмотрѣны и совсѣмъ не приняты въ соображеніе, когда лишь впослѣдствіи возникаетъ вопросъ объ ограниченіи свободы воли. Это значитъ промахнуться! Но если разъ доказано, что одна или нѣсколько функцій души (головнаго мозга) уклонилась отъ своей нормы или правильности, будетъ-ли это въ сферѣ разсудка, чувства или, наконецъ, въ сферѣ воли, то уже каждая изъ этихъ отдѣльныхъ аномалій обусловливаетъ сама по себѣ недостатокъ способности свободнаго самоопредѣленія данной личности. Изслѣдовать степень уменьшенія самоопредѣленія есть тогда еще особенная задача врача; хотя здѣсь только въ рѣдкихъ случаяхъ возможно допустить степени душевной свободы. Кто разъ страдаетъ опредѣленнымъ разстройствомъ какого-нибудь отправленія, тотъ психически-несвободенъ, заразъ и болѣе всего въ тѣхъ моментахъ жизни, которые касаются его душевнаго разстройства, — вполнѣ и совершенно несвободенъ. Мы говоримъ здѣсь «опредѣленное разстройство», т. е, само собою разумѣется, имѣющее значеніе лишь для психіатрическаго врача. Непосвященный-же въ науку, какъ уже не разъ было упомянуто, даже въ случаяхъ для пси-

хіатріи очень характеристичныхъ, все-таки не сможетъ или не захочетъ найти, какъ того хочетъ уголовный кодексъ, ни бѣшенства, ни сумасшествія; (мы опять припомнимъ здѣсь manie des grandeurs, Grössenwahn).

Задумчивый, унылый, у котораго прежде всего разстроено чувство, причемъ за исключеніемъ этого, рѣчи его касательно обыкновенныхъ житейскихъ предметовъ могутъ быть совершенно здравы, онъ не въ состояніи вырваться изъ своей меланхоліи, освободиться отъ своей душевной боли. Онъ не можетъ выкарабкаться изъ состоянія страданія, которое обняло его и принуждаетъ лишь погружаться въ боль и купаться въ страданіи. Онъ не находитъ ни пути, ни дороги, чтобы убѣжать отъ своего уныпія Вѣдь онъ не знаетъ обыкновенно, или не имѣетъ подъ рукою тѣхъ средствъ, которыя могли бы прежде всего исцѣлить его больное тѣло! И такимъ образомъ, мало по малу всѣ мысли и представленія воли подпадаютъ подъ тираническое господство разстроеннаго духа Слѣдствіемъ этого бываютъ безумныя дѣла, превратнѣйшія поступки, — часто преступнѣйшаго свойства. Развѣ это не разстройство души, когда молодая служанка, страдающая сильнѣйшею тоскою по родинѣ, убиваетъ дѣтей въ семействѣ или поджигаетъ домъ, чтобы черезъ это, прибывъ потомъ домой, — избавиться отъ этой душевной боли и удовлетворить этому своему сердечному стремленію? Тоска-же по родинѣ, *носталыія* въ сильнѣйшей степени, принадлежитъ къ классу меланхолій. Прилично-ли здѣсь это средство —убійство дѣтей или поджигательство для осуществленія цѣли, т. е. быть изгнанной оттуда, чтобы имѣть возможность возвратиться къ родителямъ? Развѣ скорѣе всего не уничтожается этимъ вся цѣль, къ которой направлено тоскливое, страстное желаніе, именно—прибытіе домой? *)

*) Въ 1859—60 г. одна молодая 18-ти-лѣтняя дѣвушка-служанка (такъ пишетъ „die Glocke„) въ Alt-Kunnewitz bei Löbau въ Саксоніи подожгла

Навѣрное, всякій духовно-свободный человѣкъ, находясь въ состояніи вмѣняемости, не совершилъ-бы убійства для того, чтобы освободиться отъ своей службы, такъ какъ чрезъ это онъ достигаетъ какъ-разъ противоположнаго, именно тюремнаго заключенія и т. д.**).

Помѣшанный на какой-нибудь idée fixe, который, повидимому, обо всемъ, что только ни касается этой идеи, правильно мыслитъ, чувствуетъ и во всемъ остальномъ свободно дѣйствуетъ, — не можетъ отдѣлаться отъ этой fixe idée, которая повсюду его преслѣдуетъ, которую онъ находитъ часто въ словахъ другихъ людей, совсѣмъ не обращающихъ на него никакого вниманія и не подозрѣвающихъ въ немъ помѣшательства. Такой больной принуждается своею ложною мечтою (fixe idée) къ такимъ дѣйствіямъ, которыхъ бы онъ, навѣрное, не совершилъ въ здоровомъ состояніи. Отсюда возникаетъ большая часть самоубійствъ и смертоубійствъ. Страдающій помѣшательствомъ, меланхоліею и т. д. видитъ и слышитъ дѣйствительно свои idées fixes осуществленными. Онъ слышитъ голоса, которые его бранятъ, или побуждаютъ его сдѣлать то или другое, онъ видитъ враговъ, отъ которыхъ старается избавиться и т. д. — Одна больная религіозною меланхоліею съ наклонностію къ самоубійству отвѣчала, напримѣръ, на представленія врача: «да, г-нъ докторъ, я все это знаю не хуже васъ самихъ и усматриваю всю основательность и истинность вашихъ словъ, ибо все это я сама себѣ представляла и объ этомъ думала. Но я не могу изгнать изъ головы своихъ идей, своихъ глупыхъ мыслей. Даже когда я ночью слышу голосъ (галлю-

---

дворъ своего господина, потому что желала возвратиться на родину, въ Пруссію, а ея господа не хотѣли уступить этому желанію. Опять случай болѣзненнаго разстройства міра понятій и представленій, чрезъ сильно-пораженную тоской по родинѣ душу.

**) См. мои психіатрическія письма, статью: «Тоска по родинѣ», (Nostalgie) стр. 150.

ціпаціи, обманы чувствъ), который выгоняетъ меня изъ комнаты и велитъ мнѣ броситься въ воду или удариться головою *) объ стѣну, я думаю объ этихъ увѣщаніяхъ и употребляю всѣ усилія, чтобы воздержаться отъ подобныхъ паспльственныхъ дѣйствій». Раціональное обхожденіе заставило замолчать этотъ голосъ, побуждавшій къ самоубійству и, такимъ образомъ, болѣзненное стремленіе исчезло. — Одинъ американецъ, сдѣлавшійся, вслѣдствіе половыхъ излишествъ и спекуляцій, меланхоликомъ, молодой человѣкъ, котораго я незадолго передъ тѣмъ посѣщалъ, сдѣлалъ однажды вечеромъ покушеніе лишить себя жизни въ волнахъ рѣки. На наши представленія о томъ, что онъ этимъ поступкомъ могъ-бы повергнуть своихъ родителей, жену и дитя, въ величайшее несчастіе, отвѣчалъ онъ, проливая потоки слезъ: «Да, любезнѣйшій г. докторъ, все это я знаю, все это я обдумалъ. Но печаль и вопли моихъ родныхъ о моей смерти не могутъ быть все таки такъ велики, какъ моя боль и ужасный голосъ, который постоянно взываетъ ко мнѣ, каждую минуту меня уговариваетъ, не даетъ мнѣ покоя и не позволяетъ мнѣ спать, этотъ голосъ: «Выйди изъ свѣта, чудовище, ты устремился къ паденію, если ты самъ не лишишь себя жизни, то повергнешь всѣхъ своихъ родныхъ въ ужасное несчастіе». Онъ умолялъ, обѣщалъ намъ быть твердымъ, написалъ домой нѣжнѣйшія и прекраснѣйшія письма, старался во всѣхъ письмахъ къ своимъ роднымъ постоянно замаскировывать свои страданія и т. д. Родители удивились, когда увидѣли своего сына (который такъ прекрасно считалъ, въ самое короткое время приводилъ въ порядокъ дѣловыя книги, производилъ труднѣйшія дифференціальныя выкладки быстрѣе всякаго другаго купца) въ смирительной куртѣ. Онъ посѣтилъ своихъ въ гостинницѣ:

*) См. мои психіатрическія письма о галлюцинаціяхъ, стр. 18 —36.

никто за столомъ не видѣлъ въ немъ меланхолика. Онъ игралъ въ домино, въ карты, въ шахматы — съ остроуміемъ и т. д.; но вдругъ схватываетъ столовой ножъ и старается перерѣзать себѣ горло. Потомъ тѣже увѣренія, что и прежде: «г. докторъ, я не могъ иначе!» Онъ былъ однакожъ вылѣченъ и въ настоящее время совершенно здоровъ. Однимъ словомъ: душевно-больной, если у него разстроено хоть одно единственное отправленіе душевной жизни, хотя-бы даже и обнаруживалъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ хорошія доказательства обыкновенной разсудочной дѣятельности, все-таки потерялъ свою способность самоопредѣленія: онъ психически несвободенъ. Онъ находится подъ тираническимъ скипетромъ своего страданія. Галлюцинаціи одурачиваютъ его умъ, помѣшательство побуждаетъ его къ ужаснѣйшимъ и безумнѣйшимъ дѣйствіямъ. Онъ не можетъ теперь воздержаться болѣе отъ тѣхъ самыхъ дѣйствій, которыя, въ здоровомъ состояніи духа, онъ призналъ-бы противозаконными и поэтому воздержался-бы отъ нихъ. Онъ подчиняется теперь физическому закону, естественному закону необходимости.

Контроль духа надъ добрыми и злыми дѣйствіями здѣсь очень часто еще не потерянъ, но онъ такъ слабъ, что стремленіе къ несчастію и къ злому преобладаетъ, и больной не можетъ противустоять этому стремленію. Но въ этомъ-то именно и заключается его страданіе и характеръ самаго душевнаго разстройства. Если-бы меланхоликъ имѣлъ силу принимать свои чувствованія и страданія за воображеніе, ихъ игнорировать или съ увѣренностію думать: «ну, теперь уже сдѣлается лучше», то онъ и не былъ-бы меланхоликомъ. Если теперь врачъ изслѣдовалъ уже опредѣленное существо какого-либо предлежащаго душевнаго разстройства или изслѣдовалъ ненормальность какого-нибудь отправленія души, то ему слѣдуетъ, во всякомъ отдѣльномъ

случаѣ, взвѣсить все сообразуясь со всѣми возможными вліяніями тѣлесными и душевными, которыя обусловливали или поддержцвали душевное разстройство. Чѣмъ точнѣе онъ взвѣситъ всѣ вышеприведенные моменты и всѣ другія соматическія состоянія, насколько они могутъ повести къ душевнымъ разстройствамъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ приблизится къ цѣли и въ состояніи будетъ подать опредѣленное правильное мнѣніе. Къ этому присоединяется еще точнѣйшее изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ психическихъ отношеній и состояній, которыя и сами по себѣ, или же обусловливая душевное разстройство, ограничиваютъ свободу человѣка Эти психическія вліянія суть: воспитаніе, честолюбіе, страсти, неудавшіяся спекуляціи, любовь, страхъ, (испугъ) ужасъ, обманчивыя надежды, домашнія безпокойства, большое счастье, точно также, какъ и большое несчастіе и т. д. Сюда же относятся еще такъ наз. смѣшанныя состоянія, одновременно возбуждающія и производящія болѣзни какъ тѣла, такъ и души. Такъ; бурно протекающая, исполненная лишеній равно и слишкомъ неумѣренная роскошная жизнь, безпорядочность, распутство, пьянство, половыя излишества, въ особенности онанизмъ. Все это имѣетъ безконечно сильное вліяніе на духовную свободу и должно быть контролировано самымъ тщательнымъ образомъ, ибо на этомъ очень часто основывается послѣдняя причина упорнѣйшаго сумасшествія. Самая личность больнаго или изслѣдуемаго, его осанка, взглядъ, цвѣтъ кожи, его поза, ужимки, выраженіе лица, игра мускуловъ, его языкъ, почеркъ и манера выражаться, форма его рѣчи, его внѣшность, вообще все тѣлесное его состояніе, все это — вещи, чрезвычайно важныя при изслѣдованіи душевнаго состоянія человѣка. Иные говорятъ стихами (ямбами), другіе учащаютъ синонимы (соединяютъ многія слова одного и того-же значенія) или соединяютъ однозвучныя слова съ однозвуч-

ными. Опаписты, или-же ослабленные психически вслѣдствіе этого порока, большею частію употребляютъ много парѣчій и прилагательныхъ одни возлѣ другихъ и охотно впадаютъ въ плеопазмы. Такъ одинъ изъ душевно-разстроенныхъ такого рода сказалъ: «Гордая, вызывающая, прелюбодѣйная, сластолюбивая, сладострастная Анна Болейнъ, высокая супруга великаго Генриха VIII есть нѣчто волшебное, фантастическое, грязно-прекрасное.»—Относительно почерка душевно-разстроенныхъ мы укажемъ здѣсь на маленькое сочиненіе, переведенное съ французскаго членомъ апитарнаго комитета, Д-ромъ Августомъ Дросте: «О почеркахъ душевно-больныхъ и о значеніи ихъ автографій». (Osnabrück, 1864) Мы заимствуемъ оттуда слѣдующее мѣсто, чрезвычайно важное: «преимущественно слѣдуетъ при этихъ писаніяхъ обратить вниманіе на два момента: *графическіе характеры и синтаксисъ*. Смотря по роду сумасшествія, здѣсь обнаруживается при этомъ очень большія различія. Написанное больнымъ манією почти всегда бѣгло спускается сверху внизъ, часто неразборчиво, даже почти недоступно чтенію и заключаетъ пробѣлы въ буквахъ, словахъ, и въ смыслѣ. Мономаніи и печальныя idées fixes имѣютъ свои особенные знаки. Въ случаяхъ перваго рода письмо наполняется въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ большими буквами и очень часто подчеркивается. Это — преувеличеніе того, что дѣлаетъ разумный человѣкъ, когда онъ хочетъ направить вниманіе на одну мысль или на одно мѣсто. Характеры эти заслуживаютъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи особеннаго вниманія. Если они замѣчаются у такихъ субъектовъ, которые прежде были помѣшанными, то можно быть увѣреннымъ, что болѣзнь вскорѣ возобновится. И въ дѣлахъ гражданскихъ они имѣютъ дѣйствительную важность; ибо какъ-бы хорошо тотъ или другой документъ ни былъ написанъ, все таки онъ заключаетъ неспо-

римыя доказательства явнаго или скрытаго существованія болѣзни. Это въ особенности дѣлается замѣтнымъ въ томъ состояніи возбужденія, которое предшествуетъ многимъ душевнымъ разстройствамъ. Иногда почеркъ изобилуетъ тонкими чертами и поперечными черточками, иногда къ письму примѣшиваются каббалистическіе и іероглифическіе знаки, имѣющіе для больнаго значеніе. Въ меланхолическомъ сумасшествіи эти знаки могутъ быть найдены лишь съ большимъ трудомъ. Помѣшательство и начинающееся разслабленіе (manie des grandeurs) узнается по дрожащей рукѣ пишущаго больнаго, по неровности линій и образующихъ знаковъ, по забыванію словъ и буквъ, по утомительному повторенію одного и того-же выраженія и т. д. — «Изслѣдованіе почерка», продолжаетъ авторъ, «никогда не должно быть пренебрежено въ уголовныхъ дѣлахъ, въ особенности когда имѣются въ виду прежніе припадки душевныхъ разстройствъ или когда данный индивидуумъ происходитъ отъ душевнобольныхъ родителей. Очень жаль, что различные почерки одного несчастнаго, казненнаго за коварное убійство, повидимому, достойное обвиненія, не были прежде усмотрѣны компетентными людьми. Можетъ быть они тогда изъ этого усмотрѣли-бы, что обвиняемый былъ душевно-разстроенъ и за преступленіе свое не могъ быть ни наказанъ смертію, ни вообще преслѣдуемъ судебнымъ порядкомъ». — Почерки помѣшанныхъ могутъ, во многихъ случаяхъ, имѣть огромную важность для ихъ законной отвѣтственности. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ видѣть ихъ въ состояніи болѣзни пишущими письма, полныя разсудка, ума и выражающія наилучшія чувства. — Въ одномъ процессѣ отцеубійства, императорскій прокуроръ привелъ письмо обвиняемаго, въ которомъ любовь была изображена такъ истинно и такъ трогательно, что слушатели при чтеніи этого письма проливали слезы. «Развѣ это письмо душевно-больнаго?» вос-

кликнулъ прокуроръ, обращаясь къ врачу, сдѣлавшему надлежащее указаніе на душевное разстройство. «Къ кому письмо это адресовано?» отвѣчалъ врачь, оставаясь совершенно спокойнымъ. — «Къ Маріи Белапонъ». сказалъ удивленный чиновникъ юстиціи.— «Въ такомъ случаѣ это — очевидное доказательство помѣшательства». возразилъ экспертъ, «ибо особа эта уже нѣсколько лѣтъ замужемъ, слѣдовательно, она не носитъ болѣе этого имени» и т. д. Присяжные засѣдатели объявили вслѣдъ затѣмъ обвиняемаго ненаказуемымъ и онъ былъ отосланъ въ пріютъ для умалишенныхъ (Беллокъ.)

Докторъ Brière de Boismont въ Парижѣ, объясняетъ далѣе: «какъ можно не чувствовать живѣйшаго изумленія, когда слышишь, что начальствующія лица и свѣтскіе люди высказываются слишкомъ отважно, поспѣшно и опредѣленно о душевныхъ разстройствахъ, *) тогда какъ мы, постоянно имѣя помѣшанныхъ вокругъ себя, не умѣемъ иногда ничего посовѣтовать относительно аномалій разсудка, которыя часто кажутся намъ загадочными тайнами». Окончательный выводъ образуетъ тотъ фактъ, что характеры (почерки) писемъ помѣшанныхъ представляютъ очень полезные и важные документы, и что положительно ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что относительно разумное писанье не можетъ выйти изъ-подъ пера помѣшаннаго. Только при этомъ постоянно должны быть приняты въ соображеніе всѣ побочныя обстоятельства. — Насколько далѣе слѣдуетъ придавать значеніе жестикуляціи, мы видѣли очень ясно въ одномъ случаѣ съ крестьяниномъ, который вслѣдствіе изувѣченія и сильныхъ лихорадочныхъ припадковъ былъ нѣкоторое время душевно-разстроенъ; именно преобладало непормальное безпокойство въ мускульной системѣ

*) Стало быть, во Франціи это дѣлается также, какъ и у насъ, въ Россіи. *Прим. перев.*

и недостатокъ самообладанія двигательной сферы. При этомъ человѣкъ этотъ лишь немного бредилъ. Когда онъ былъ приглашенъ въ качествѣ свидѣтеля на засѣданіе по тому дѣлу, въ которомъ должны были быть судимы его обидчики, то мы должны были дать больному свидѣтельство въ томъ, что онъ не былъ пьянъ. Каждый непосвященный въ науку видѣлъ въ больномъ пьяницу. Люди смѣялись и шептались, когда онъ шатаясь, съ смѣющимся выраженіемъ лица, появился передъ перилами суда. Недовольныя физіономіи судей, при входѣ этого человѣка въ залъ суда, обнаружили тотчасъ же (что мы и подозрѣвали), что они его считали пьянымъ. Однакожъ онъ продолжалъ вести свое дѣло на судѣ. Онъ говорилъ довольно правильно, такъ что долго не могли примѣтить его душевнаго страданія и именно до тѣхъ поръ, пока онъ не заговорилъ о теченіи своихъ мыслей, которыя невполнѣ согласовались одна съ другою, о своемъ двигательномъ снарядѣ и т. д. «Мой дождевой зонтикъ въ мозгу не дозволяетъ мнѣ», утверждалъ онъ, «правильно согласовать мои рѣчи одна съ другою» и т. д. Этотъ человѣкъ чувствовалъ давленіе въ мозгу, которое при всемъ его желаніи, препятствовало ему свободно обнаруживать и употреблять силы своего разсудка и воли такъ, какъ онъ того хотѣлъ. Это тупое чувство обремененія мозга, это помраченіе духа, это чувство уничтоженія свободной дѣятельности души обозначалъ онъ словомъ: «Gedanken-Paraphie» Этотъ человѣкъ, вслѣдствіе воспаленія мозговой оболочки, навѣрное, страдалъ еще новообразованіями въ черепной впадинѣ, которыя, какъ болѣзненныя массы, производили давленіе на мозгъ и такимъ образомъ вредно вліяли на разсудокъ и на двигательную сферу. Вотъ это-то чувство давленія души вслѣдствіе обремененія мозга старался онъ выразить возможно-лучшимъ образомъ. Какъ легко можно было этого достойнаго человѣка долгое время, до совершеннаго выздо-

ровленія, бывшаго неспособнымъ ко вмѣненію, принимать за грубаго пьяницу и, въ случаѣ противозаконнаго поступка, осудить его! Въ этомъ случаѣ четыре врачебныхъ мнѣнія были различны и мы сами имѣли трехъ горячихъ противниковъ. — Эти, приведенныя выше состоянія, (что касается жестикуляціи и т. д. обвиняемыхъ, то она, какъ ничего незначущая, просматривается, или и совсѣмъ на нее не обращаютъ вниманія) — для опытнаго глаза психіатра часто все таки говорятъ самымъ выразительнымъ языкомъ. Судебный врачъ — психологъ долженъ мудро воспользоваться всѣми этими точками опоры, какъ лучшими намеками, чтобы создать изо всего этого общее сужденіе Въ этомъ сужденіи должны быть сопоставлены всѣ существующіе критеріумы, указывающіе на присутствіе душевнаго разстройства или помѣшательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченія свободы. Поэтому точнѣйшее и внимательнѣйшее изслѣдованіе тѣла никогда не должно быть пренебрежено. Дальнѣйшимъ предметомъ внимательнѣйшаго наблюденія для врача, какъ криминалъ-психолога, служитъ далѣе все окружающее изслѣдуемаго, которымъ онъ обыкновенно обзаводится сообразно своимъ поступкамъ и стремленіямъ. Жилище его со всѣмъ устройствомъ, всѣ приспособленія къ цѣлямъ удовлетворенія необходимыхъ потребностей или только для удовольствій и роскоши, — должны быть наилучшимъ образомъ разсмотрѣны. Какъ разъ въ ненужныхъ вещахъ, находящихся около изслѣдуемаго, часто обнаруживается какъ мрачный меланхоликъ, такъ и веселый тщеславный дуракъ. Потребности, склонности отражаются яснѣйшимъ образомъ въ такихъ мелочахъ, ненужныхъ привязанностяхъ къ какимъ-нибудь бездѣлушкамъ. Одинъ — *мушиный дуракъ*, другой — *пивчій*, третій такъ наз. *кошачій*. Здѣсь у одного сумасшедшаго святаго, какъ свѣтъ обыкновенно говоритъ, или у чудака находятся тысячи курительныхъ трубокъ (табачныхъ), у

другаго—дюжины табакерокъ, у третьяго лежатъ всевозможные молитвенники, у четвертаго — святыя и другія вещи, часто собранныя на базарѣ, какъ пустяки. — Такъ мы знали, напримѣръ, стараго непобѣдимаго холостяка-военнаго, стараго сѣдобородаго юношу, который, еще при Наполеонѣ I заслужилъ маршальскій жезлъ или почетный крестъ, котораго нельзя было себѣ иначе представить, какъ окруженнымъ шестьюдесятью трубками изъ морской пѣнки, разнообразнѣйшими табачницами и нѣсколькими клѣтками съ птицами. Гдѣ только въ городкахъ или въ деревняхъ мы видѣли 8 или 10 крестьянъ-птичниковъ съ чижиками, снигирями, канарейками и другими птичками, собранными одинъ возлѣ другаго передъ окнами, тамъ мы никогда не обманывались, когда подозрѣвали за окномъ, стараго пансіонера-военнаго, — хотя-бы это былъ жандармскій бригадиръ; мы искали и всегда дѣйствительно находили такого. — Столь-же важны, какъ предметы роскоши, для изслѣдованія и объясненія нѣкоторыхъ психологическихъ странностей, и наблюденія платья, носимаго изслѣдуемымъ, его чистоты, цѣлесообразности; напр, прилична-ли, соотвѣтственна-ли состоянію лица матерія, покрой и т. д. или-же нѣтъ? Именно платье позволяетъ очень много заключать о внутреннемъ мірѣ человѣка и фраза: *«сюртукъ дѣлаетъ человѣка»* (der Rock macht den Mann), здѣсь въ извѣстномъ смыслѣ очень вѣрна Меланхоликъ будетъ совсѣмъ не такъ одѣваться, будетъ носить другіе цвѣта (именно будетъ выбирать траурные), будетъ небрежнѣе въ одеждѣ и такъ далѣе, чѣмъ сумасшедшій, или высокомѣрный тщеславный дуракъ, какъ люди говорятъ. — *Очень часто окружающіе больнаго ясно обнаруживаютъ врачу именно то, что больной болѣе всего желалъ-бы скрыть отъ врача.* Родственники и друзья и еще чаще слуги больнаго, навѣрное, доставили уже каждому врачу сумасшедшихъ наилучшія свѣдѣнія и точки опоры для

изслѣдованія душевнаго состоянія данныхъ личностей. Тѣмъ не менѣе, что касается послѣдняго пункта, *то не слѣдуетъ никогда забывать, что врачъ при этомъ долженъ наблюдать величайшую осторожность и никогда не долженъ*, не испытавши прежде окружающихъ изслѣдуемаго, пользоваться этими, самими по себѣ превосходными помощниками при изслѣдованіи душевно-больнаго. Именно очень часто случается, что своекорыстные или злобные окружающіе душевно-больнаго употребляютъ всѣ мѣры, чтобы изъ своекорыстія, суевѣрія, грубости, дикости, ввести въ заблужденіе врача и подкупить его сужденіе, будетъ-ли это для счастья или для несчастія даннаго страдальца. Вѣдь иные хотятъ во что-бы то ни стало избавиться отъ больнаго члена семьи, другіе же, напротивъ, употребляютъ опять всѣ мѣры, чтобы своимъ уходомъ спасти или поддержать дорогую голову. Но очень часто находишь также въ передней больнаго, въ его мѣстахъ удовольствій и другихъ, даже самыхъ секретныхъ мѣстахъ, доказательства его состоянія, которыхъ напрасно ищешь очень близко отъ него. Если теперь судебный врачъ-психологъ выработалъ по оцѣнкѣ и съ помощію всѣхъ вышеупомянутыхъ средствъ твердое понятіе о предлежащемъ душевно-болѣзненномъ состояніи, то дальнѣйшая его задача будетъ состоять въ томъ, чтобы уяснить это понятіе и существованіе этого душевнаго разстройства не только научно-образованному судьѣ, но стараться сдѣлать это яснымъ и совершенно понятнымъ и для неподготовленныхъ въ этомъ отношеніи присяжныхъ засѣдателей и вообще для всѣхъ, имѣющихъ какой-либо интересъ въ признаніи обвиняемаго больнымъ или здоровымъ, виновнымъ или невиновнымъ.

II.

Состояніе вмѣняемости и духовная свобода человѣка. — Злая воля, дѣло и дѣятель.

«Ne sit medicus judex severus!»
(Врачъ не долженъ быть строгимъ судьею!).

Состояніе вмѣняемости не можетъ быть отдѣлено отъ духовной свободы. Только тотъ человѣкъ, который есть полный господинъ своихъ дѣйствій, который свои мысли съ свободною волею (слѣдоват. предумышленно) превращаетъ въ акты воли, — есть *духовно-свободный* человѣкъ и можетъ быть названъ *находящимся въ состояніи вмѣняемости* (способнымъ ко вмѣненію). И такъ, *психически свободенъ*, по понятіямъ науки о душѣ, лишь тотъ, кто имѣетъ полную возможность употреблять всѣ свои способности: познавательную, чувствительную и желательную, т. е. у кого вообще всѣ отправленія духа нормальны. Каждый можетъ придти къ самому ясному сознанію этого главнаго положенія изъ предъидущаго. — Законодатели и врачи нерѣдко не достигали цѣли потому, что думали, что вмѣняемость только тогда уничтожается, когда болѣзненное состояніе души человѣка обнаруживается превратностями познавательной способности, заблужденіями представленій, вслѣдствіе разстройства самосознанія, замѣною впечатлѣній внѣшняго

міра картинами фантазіи и т. д. Мы думаемъ, что уже достаточно характеризовали ошибочность этого взгляда. Если мы теперь пожелаемъ психологически расположить (construiren) свободу духа, какъ она развивается въ душѣ, то мы должны уяснить себѣ слѣдующіе факты изъ жизни души. Всѣ ощущенія и чувства побуждаютъ насъ къ желаніямъ воли. Чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе такія ощущенія и чувства, тѣмъ скорѣе развивается желаніе изъ отдѣльныхъ представленій. Поэтому сильнѣйшія представленія въ концѣ концовъ переходятъ въ дѣйствія. Но къ счастію природа позаботилась о томъ, чтобы въ нашей духовной жизни не каждое представленіе достигало той степени силы, какая необходима для того, чтобы перейти въ дѣйствіе воли. Именно по законамъ соединенія идей (Ideenverknüpfung) возникаютъ представленія противоположныя (Kontrastvorstellungen), которыя опять ослабляютъ прежнія, другія представленія; напримѣръ, положительныя представленія доводятся до извѣстной степени силы посредствомъ отрицательныхъ и такимъ образомъ ослабляются. Эти противоположныя представленія влекутъ за собою дальнѣйшія, съ ними родственныя. Такимъ образомъ въ сознаніи необходимо возникаетъ *споръ*. Вся масса представленій, а вмѣстѣ съ нею и *общее*, душевное, самосознающее себя *я* человѣка привлекается въ эту игру, въ качествѣ *рѣшающаго судьи*, и, наконецъ, *я* приходитъ къ *рѣшенію*, причемъ именно первыя представленія либо оттѣсняются, либо удовлетворяются.

Фактъ этого противорѣчія въ нашемъ сознаніи, этой борьбы за и противъ, которая *рѣшается* наконецъ посредствомъ *я*, и есть фактъ человѣческой свободы. Сообразно этому, человѣческая свобода никогда не можетъ быть безусловна; скорѣе всего она только относительна и различные люди свободны въ очень различной степени. Каждый

самъ образуетъ для себя свою свободу и, такимъ образомъ, одинъ свободенъ болѣе въ одномъ направленіи, а другой —въ другомъ. Первоначально человѣкъ совсѣмъ несвободенъ; онъ становится такимъ лишь тогда, когда получаетъ массу въ порядкѣ расположенныхъ, одно изъ другаго легко возникающихъ представленій, и когда изъ этихъ представленій образуется крѣпкое зерно — *здоровое душевное я*. И такъ, вообще двѣ вещи необходимы для того, чтобы человѣческія дѣйствія были свободны: 1) безпрепятственная группировка идей для того, чтобы существующія уже представленія, переходящія въ желанія, обставлялись другими, вновь возникающими, которыя могли-бы выступить, какъ противоположныя первымъ; и 2) достаточно сильное *я*, которое могло-бы дать контролирующее рѣшеніе, причемъ комплектъ его представленій укрѣпляетъ одну часть спорящихъ представленій и тѣмъ самымъ оттѣсняетъ другую часть. У человѣка, бѣднаго представленіями и духовно-лѣниваго, свобода большею частію тонетъ въ сонливой *монотонности* (Eintönigkeit) *привычки*. Слабый духомъ человѣкъ потому менѣе свободенъ, что его представленіямъ недостаетъ живой связи и еще потому, что оппонирующія представленія лишь съ трудомъ или и совсѣмъ не возбуждаются. Дитя менѣе свободно, хотя-бы представленіе его и было очень дѣятельно, потому что еще не образовалось крѣпкаго *я*, (пѣтъ еще самосознанія, и самообладанія) которое могло бы найти сильную рѣшающую массу представленій въ спорѣ между борящимися представленіями. (Гризингеръ). (Относительно этого, читай въ моихъ психіатрическихъ письмахъ, введеніе стр. 1 — 17). Какъ теперь объяснить фразу: «*Истинная свобода заключается въ ограниченіи?*» Свобода, въ существѣ своемъ, состоитъ, какъ показано, въ возможности имѣть *вліяніе* на преобразованіе временныхъ желаній, временно втѣсняющихся массъ представленій,

которыя опять вытѣсняются другими представленіями; слѣдовательно въ господствѣ *я* надъ существующими стремленіями, или что тоже—въ возможности самообладанія. Чѣмъ *я* бываетъ компактнѣе и сосредоточеннѣе въ себѣ, тѣмъ, слѣдовательно, тверже характеръ, тѣмъ рѣшительнѣе призываетъ онъ свое, кругъ мыслей ограничивающее, *да* или *нѣтъ* въ ходъ текущихъ представленій. Гдѣ это «*вліяніе*», это ограниченіе представленій посредствомъ мыслей пропадаетъ, тамъ безпрепятственно втѣсняются временно возникшія, (часто основывающіяся лишь на существующихъ уже чувственныхъ толчкахъ,) причудливо пробѣгающія представленія, въ двигательную сферу и вынуждаются къ переходу въ дѣйствія. Но вслѣдствіе различнѣйшихъ тѣлесныхъ вліяній, это вліяніе со стороны *я* и ограниченіе представленій посредствомъ *я*, можетъ быть *уменьшено*, *стѣснено* и даже *совсѣмъ уничтожено* (Гризингеръ).

По смыслу австрійскаго уголовнаго законодательства неизбѣжный критерій каждаго преступленія есть соединенный съ преступнымъ дѣяніемъ злой умыселъ *).

*) Опредѣленіе преступленій, проступковъ и т. д., по новому баварскому уголовному кодексу 1864 года, поставлено слѣдующимъ образомъ: *понятіе преступленія*: Дѣяніе, за которыя законъ угрожаетъ смертію или смирительнымъ домомъ, суть преступленія! (Ст. I нов угол уложенія). Это опредѣленіе, можетъ быть вполнѣ юридико-уголовное, все таки представляется намъ очень мало логичнымъ. Съ логически-философской или діалектической точки зрѣнія, равно какъ и напримѣръ, для естествоиспытателя, который привыкъ лишь къ точнымъ опредѣленіямъ, такого рода опредѣленіе должно поистинѣ дико звучать. Если и прежнія опредѣленія понятія преступленія какъ разъ тоже не отличались особенною логическою точностію, (и мы охотно соглашаемся, что въ такой области это и не всегда возможно), то все таки они были полнѣе и совершеннѣе. Они обозначали преступное дѣяніе все таки съ большею опредѣленностію и съ большею логическою полнотію. Да, настоящая философія, къ сожалѣнію, въ настоящее время такъ утрачена! Но здѣсь пусть послушаютъ только одного стараго законодателя, напримѣръ Баваріи, Крейтмайра. Этотъ мужъ сдѣлалъ свои опредѣленія съ большимъ логическимъ сознаніемъ, причемъ принята была во вниманіе и душа. Крейтмайръ опредѣляетъ преступленіе слѣдующимъ образомъ: «Все, что съ свободною волею совершается или допускается противъ закона и запрещенія, называется преступленіемъ». Зейффертъ въ своихъ пан-

Но злой умыселъ исключается:

а) Каждымъ состояніемъ духа, которое исключаетъ свободное опредѣленіе воли, какъ, напримѣръ, совершенное лишеніе разсудка. б) Каждымъ состояніемъ, при которомъ познавательная способность разстраивается такъ, что для индивидуума становится невозможнымъ распознаваніе преступленія въ дѣяніи. Здѣсь для каждаго мыслящаго человѣка долженъ возникнуть вопросъ, что понимаетъ австрійское законодательство подъ словами: *разсудокъ* и *употре-*

дектахъ, говоритъ: «преступленіе или delictum есть каждое вторженіе въ область права другаго, заключающее въ себѣ нарушеніе уголовнаго закона (разумѣется, кромѣ частныхъ правонарушеній, существуютъ еще нарушенія правъ государства, другихъ народовъ и т. д.) Древніе римскіе пандекты говорятъ (или скорѣе такъ сказано въ Римскомъ правѣ Маккелдея): «каждое свободное дѣйствіе человѣка, которымъ нарушается уголовный законъ, называется преступленіемъ». Старое баварское уголовное уложеніе 1813 года говоритъ: «всѣ умышленныя правонарушенія, которыя смотря по свойству и величинѣ причиненнаго ими зла караются: смертною казнію, смирительнымъ домомъ, наложеніемъ оковъ, рабочимъ домомъ, заключеніемъ въ крѣпость, отставленіемъ отъ должности или-же объявленіемъ неспособности ко всѣмъ достоинствамъ государственнымъ и почетнымъ должностямъ — называются преступленіями» и т. д. Крейтмайръ говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ на codex maximilianeus, (Мюнхенъ 1797 г.), между прочимъ: «что такое преступленіе? — подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть всѣ дѣянія (facta), совершаемыя съ свободнымъ духомъ и волею противъ закона и запрещенія. Совершилось ли дѣйствіе committendo vel omittendo (посредствомъ дѣянія или упущенія), въ существѣ дѣла все равно. При этомъ должны существовать culpa vel dolus (неосторожная вина или злой умыселъ), такъ что безъ одного изъ этихъ двухъ моментовъ преступленіе немыслимо. Сколь мало неразумныя животныя (продолжаетъ далѣе Крейтмайръ), неговорящія еще дѣти или безсмысленные люди, въ своемъ безуміи, doli vel culpae capaces sunt, столь-же мало можно ихъ обвинить и въ преступленіи. Сонъ, гнѣвъ, опьяненіе, страхъ или принужденіе, ошибка или незнаніе — могутъ уничтожить dolum vel culpam; во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ преступленія и не можетъ быть наказанія. И такъ, злой и опасный умыселъ всегда входитъ въ составъ понятія о преступленіи». Крейтмайръ замѣчаетъ потомъ еще далѣе въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто можетъ совершить преступленіе, слѣдующее: «впрочемъ, какъ мужчины, такъ и женщины, старые и молодые, богатые и бѣдные, особы высшаго и низшаго круга могутъ быть обвинены въ преступленіи». Даже владѣтельные князья не составляютъ здѣсь исключенія, ибо и они суть такіе же грѣшники и дѣти Адама, какъ и мы и всѣ другіе, и хотя суверенъ не можетъ быть ни обвиненъ, въ своихъ порокахъ ни наказанъ за нихъ, но все-таки наказаніе Божіе непремѣнно постигнетъ

бленіе разсудка? Но такъ какъ разсудокъ не есть единственная дѣятельность души и душа не заключается въ одномъ разумѣ только, въ одномъ чувствѣ или въ одной волѣ, то и выраженіе «разсудокъ» слишкомъ неопредѣленно и негодно для нашихъ цѣлей. Разсудокъ (разумъ) принадлежитъ всей дѣятельной душѣ и есть, какъ говоритъ Гейротъ: «*проявляющійся въ сознаніи законъ жизни.*» Но все-таки и это обозначеніе есть болѣе или менѣе только философская манера выражаться; изъ него далеко не каждый легко и вполнѣ ясно увидитъ, что собственно означаетъ разумъ (разсудокъ). Кто не только созидаетъ, то въ тоже время и разбираетъ духовнаго человѣка, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, а не какимъ онъ долженъ быть, т. е. разлагаетъ его духовную дѣятельность на отдѣльныя части, тотъ узнаетъ, что «*Vernunft*» произведенное отъ vernehmen (слышать, примѣчать, внимать) собствено не означаетъ ничего больше, какъ способность *я*, *внимать отдѣльнымъ случаямъ въ сознаніи съ полною преданностію и вниманіемъ*. Съ этимъ объясненіемъ въ то же время можно

его либо теперь, либо въ будущемъ и онъ точно также, какъ нѣкогда царь Давидъ, непремѣнно подлежитъ наказанію за свои грѣхи. Впрочемъ съ нѣмецкими имперскими князьями и высшими сословіями императоры въ прежнія времена нисколько не церемонились, но наказывали ихъ сообразно ихъ преступленіямъ лишеніемъ чести, имущества, членовъ тѣла и даже самой жизни». Теперь мы присоединимъ еще и наши мысли къ опредѣленію понятія преступленія или проступка. Мы-бы назвали преступленіемъ такое дѣяніе или упущеніе, вслѣдствіе котораго должно было-бы произойти разрушеніе правоваго порядка, еслибы онъ вновь не былъ возстановляемъ. Преступленіе предполагаетъ внѣшнее противозаконное, но свободное дѣйствіе или упущеніе со стороны человѣка, вполнѣ способнаго къ самоопредѣленію. Противозаконнымъ-же должно быть все то, чрезъ что соціальная совмѣстная жизнь человѣчества становится невозможною. Сообразно этому каждое преступленіе зависитъ отъ двухъ вещей:

1) Отъ дѣйствительно внѣшняго проявленія,—corpus delicti, — Thatbestand des Verbrechens — состава преступленія, и 2) Отъ сознанія противоправности самаго дѣянія (dolus) со стороны преступника. Гдѣ недостаетъ одного изъ этихъ двухъ условій, тамъ и нѣтъ оконченнаго преступленія съ субъективной стороны т. е. со стороны преступника, хотя-бы преступное дѣяніе само по себѣ, какъ объектъ, какъ проступокъ, и было совершено

связать также понятіе, которое очень важно для практики и вполнѣ къ ней примѣнимо. Именно, если разсудокъ означаетъ извѣстное состояніе цѣлаго душевнаго и тѣлеснаго *я*, въ какомъ состояніи возможно полное вниманіе, то этимъ также въ то же время сказано, что многія душевныя состоянія сами по себѣ уже, (хотя-бы и не болѣзненныя) могутъ наносить вредъ разсудку. Такъ уже при *аффектахъ* т. е. сильныхъ движеніяхъ чувствъ — радости, печали, сожалѣнія, раскаянія, испуга, ужаса, огорченія, стыда и т. п. — невозможно спокойное размышленіе (обдуманность). Но такъ какъ черезъ это все личное *я* (какъ душевное, такъ и тѣлесное вмѣстѣ) впадаетъ въ колебанія и потрясенія, то оно не обладаетъ уже надлежащимъ спокойствіемъ, для того, чтобы какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ и ясно ихъ воспринять. Для такого яснаго воспринятія (слѣдовательно, для разсудка) и именно поэтому и для обдуманности требуется *взаимная опредѣляемость представленій, замедленіе и отсрочка, собираніе и возстановленіе.* Взаимно борющимся, контрастирующимъ представленіямъ должна быть дана возможность сдѣлаться имѣющими значеніе. Поэтому-то и всѣ сильныя, очень дѣятельныя чувства, страсти, аффекты должны существовать въ возможно умѣренной степени; теченіе ихъ не должно быть бурно, иначе они обезпокоятъ это отчетливое воспріятіе души и могутъ затормазить свободный разсудокъ и свободное его употребленіе. Но у душевно-разстроенныхъ именно нѣтъ этого безусловно необходимаго спокойствія жизни духа, представленій и воли, составляющихъ необходимыя условія правильной дѣятельности разсудка. Вслѣдствіе заболѣванія мозга психически, появляются у больнаго различныя, выходящія изъ мозга болѣзненныя настроенія. Если теперь изъ этихъ настроеній духа и стремленій воли, которыя опять дѣлаются исходными точками сильныхъ движеній души или аффектовъ, возникаютъ ложныя сужденія или (idées fixes),

то онѣ не могутъ быть провѣрены и больной не можетъ усмотрѣть обмана. И именно, провѣрка такая вначалѣ душевнаго разстройства потому невозможна, что продолжительный и господствующій аффектъ (будетъ-ли онъ веселый или печальный) не даетъ борящимся представленіямъ спокойствія необходимаго для того, чтобы быть въ состояніи, какъ слѣдуетъ, развиться, а скорѣе всего, при продолжительномъ существованіи, аффекта, ложныя сужденія все болѣе и болѣе укрѣпляются. По потомъ, уже при существующемъ душевномъ разстройствѣ, невозможна дальнѣйшая повѣрка ложныхъ сужденій, ибо эти сужденія (fixes idées) сами сдѣлались необходимыми и интегрирующими составными частями всѣхъ группъ представленій всего душевнаго *я*. При каждомъ душевномъ разстройствѣ, слѣдовательно, существуетъ невозможность усмотрѣть ложность болѣзненныхъ представленій. Поэтому-то здѣсь и не существуетъ уже нормальнаго разсудка и ограничено или и совсѣмъ уничтожено свободное его употребленіе.

Разсмотримъ еще разсудительность (Besonnenheit), которая точно также, какъ и разсудокъ, есть общій результатъ формъ душевныхъ явленій и душевной жизни. Разсудительность есть ничто иное, какъ нормальное, законное и въ порядкѣ происходящее, взаимное другъ на друга вліяніе представленій, причемъ посредствомъ текущихъ представленій пробуждаются другія, контрастирующія или вообще ограничивающія первыя и причемъ все происходитъ въ средней степени крѣпости и быстроты. Состояніе это есть одно изъ существеннѣйшихъ условій свободы. Но дѣяніе, совершенное свободно, непремѣнно предполагаетъ самообладаніе; т. е. только тотъ совершенно свободенъ, кто господствуетъ надъ своимъ разсудкомъ, чувствомъ и волею. Въ мыслительной сферѣ это самообладаніе состоитъ въ возможности заставить отдѣльныя группы мыслей служить себѣ,

господствовать надъ ними и доставить отдѣльнымъ представленіямъ извѣстную продолжительность. Но человѣкъ собственно не можетъ самъ сдѣлаться господиномъ своихъ чувствъ, но онъ можетъ лишь не давать воли ихъ слѣдствіямъ, т. е. онъ посредствомъ разсудительности можетъ воспрепятствовать отдѣльнымъ чувствованіямъ (въ слишкомъ сильной степени) захватить мышленіе и желаніе, чтобы господствовать надъ нимъ. Въ возможности этого самообладанія заключается человѣческая свобода, а родъ и способъ или степень, до которой отдѣльный человѣкъ самъ въ себѣ доводитъ возможность этого самообладанія называется его личною мѣрою свободы. Но разсудительность ослабляется или даже и совсѣмъ уничтожается вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ. Это болѣе или менѣе часто случается при аффектахъ, которые обыкновенно не считаются еще болѣзнями духа; потомъ далѣе почти во всѣхъ болѣзненныхъ состояніяхъ мозга (Гризингеръ). Отравленіе алькоголемъ (какъ при всякомъ пьянствѣ), раздраженія головнаго мозга, большая часть тяжкихъ болѣзней мозговаго вещества и т. д. — разстраиваютъ свободную игру представленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваютъ разсудительность или и совсѣмъ ее уничтожаютъ *). Но безъ разсудительности нѣтъ свободнаго употребленія разудка. Безъ свободнаго употребленія разсудка нѣтъ вмѣненія. Imputatio или вмѣненіе раздѣляется на юридическое, психологическое и нравственное. Юридическое вмѣненіе — дѣло судьи и допускаетъ различныя степени.

*) Иногда отдѣльныя склонности и стремленія прямо усиливаются до чрезмѣрной силы вслѣдствіе какого-либо впечатлѣнія на мозгъ (половое стремленіе, стремленіе разрушить) и переходятъ въ желанія и дѣйствія, безъ возможности даже для другихъ какихъ-либо представленій возникнуть рядомъ съ ними и такъ далѣе. Въ иныхъ состояніяхъ помѣшательства или напр., при опьяненіи и т. д. появляются цѣлые длинные ряды представленій, такъ что чувство долга, эстетическія идеи и т. п. моментально или въ теченіи нѣкотораго времени совершенно отнимаются. При всѣхъ психическихъ разстройствахъ прежде всего подвергается бѣдѣ разсудительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода

Психологическое вмѣненіе есть дѣло судебнаго врача. Здѣсь со стороны судебнаго врача-психолога должно быть лишь изслѣдовано: былъ-ли изслѣдуемый при совершеніи противозаконнаго дѣянія совершенно здоровъ психически или нѣтъ, т. е. былъ-ли онъ поэтому духовно свободенъ, или нѣтъ? Если человѣкъ страдалъ душевною болѣзнію во время совершенія преступнаго дѣянія, то онъ либо не могъ оставить преступнаго дѣянія, либо не могъ понимать ни его противозаконности, ни его послѣдствій. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ былъ, принуждаемый своимъ душевнымъ страданіемъ, выполнить преступное дѣйствіе, во второмъ случаѣ онъ бы, можетъ быть, и оставилъ это дѣйствіе, если-бы обладалъ достаточною разсудительностію и разумомъ, чтобы оцѣнить юридическія послѣдствія своего дѣянія, т. е. еслибъ онъ могъ размышлять. Въ первомъ случаѣ ему недоставало свободной воли, во второмъ случаѣ — способности разсуждать. Въ этомъ смыслѣ, собственно говоря, нѣтъ дѣйствительныхъ степеней психологическаго вмѣненія, которыя допускали бы большую или меньшую степень свободы Такъ раздѣляетъ вмѣненіе Маасъ, отчасти согласуясь съ австрійскимъ закономъ. Если мы захотимъ точнѣе взглянуть на вмѣненіе, то мы должны снова повторить и прежде всего припомнить, что при обсужденіи каждаго противозаконнаго дѣянія не только должно принимать во вниманіе объективную обстановку дѣянія, но всегда также и субъек-

---

Очень часто вслѣдствіе впечатлѣнія на мозгъ. отдѣльныя ложныя соединенія представленій, отдѣльныя ложныя заключенія дѣлаются до того прочными и такъ сплетаются въ цѣлой массѣ представленій *я*, что ихъ контрасты всецѣло вытѣсняются изъ души, такъ что они поэтому втѣсняются во всѣ рѣшенія, и поддѣланное этими idées fixes *я* должно теперь постоянно рѣшать въ ихъ смыслѣ. Это случается съ помѣшанными только отчасти (partiel) и съ нѣкоторыми меланхоликами. Рѣшеніе и дѣйствіе слѣдуетъ здѣсь часто съ большимъ спокойствіемъ и съ цѣлесообразнымъ, повидимому, разсчетомъ и выборомъ средствъ; тѣмъ не менѣе здѣсь недостаетъ внутренней разсудительности, ибо ложныя предположенія (предпосылки) получили силу принуждающихъ мотивовъ и больной не можетъ ни въ какомъ случаѣ отъ нихъ освободиться. (Гризингеръ).

тивную, т. е. личное *я* преступника. Истиннаго основанія вмѣненія слѣдуетъ искать не только въ одномъ *объективномъ составѣ* преступленія, но и еще болѣе въ *субъективномъ состояніи* преступника Если поднимается вопросъ: какое дѣяніе совершилось? — то сейчасъ-же для психолога возникаетъ второй вопросъ: въ какомъ состояніи духа было совершено дѣяніе? Вѣдь очень часто въ жизни, съ вполнѣ понятнымъ изумленіемъ говорятъ: «Какъ дошелъ тотъ или другой человѣкъ до этакого поступка?» — «Какъ это объяснить?» Бываютъ психологическіе узлы, въ которыхъ едва можно найти достаточный психическій мотивъ для обдуманнаго, повидимому, дѣйствія. Такой мотивъ во всякомъ случаѣ существуетъ, хотя-бы даже въ болѣзненной формѣ. Мы здѣсь вспоминаемъ юнаго отцеубійцу Фуррера, который только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Швейцаріи былъ приговоренъ къ смерти и помилованъ для вѣчнаго заключенія

Дѣйствіе само по себѣ еще не дѣлаетъ виновнымъ, но вина заключается собственно въ томъ, что дѣйствіе произведено съ знаніемъ и свободною волею. Если недостаетъ обдуманности и размышленія, то и уголовный законъ допускаетъ если не полную невмѣняемость, то по крайней мѣрѣ уменьшенную въ извѣстной степени вмѣняемость. При всякомъ, поэтому, вопросѣ о вмѣненіи; дѣйствіе само по себѣ никогда не можетъ быть раздѣлено, но должно быть всегда обнято въ связи съ личнымъ состояніемъ духа того, кто его совершилъ или же допустилъ Уголовный судья опирается на злую волю и допускаетъ вмѣненіе лишь тамъ, гдѣ дѣяніе совершено съ свободною волею. Дѣйствительнаго преступника онъ видитъ лишь въ человѣкѣ, который желалъ злаго съ полною свободою. «*Actus non facit reum, nisi mens sit rea*», т. е «не злое дѣйствіе само по себѣ производитъ злодѣя, но преступная при этомъ мысль». Не потому, что

человѣкъ совершилъ противозаконное дѣйствіе или же упустилъ сдѣлать что-либо, требуемое закономъ, подпадаетъ онъ подъ оружіе закона, но потому что свободно желалъ совершить это дѣйствіе или сдѣлать упущеніе Одна лишь злая воля дѣлаетъ преступника! Но не слѣдуетъ вездѣ, какъ уже не разъ показано, (и что, къ сожалѣнію, дѣлаютъ иногда нѣкоторые криминалисты такъ охотно), не слѣдуетъ вездѣ примѣнять ужасную фразу: «преступникъ знаетъ законъ, долженъ его знать, (хотя-бы онъ не умѣлъ ни читать, ни писать) онъ могъ бы его соблюсти, еслибъ хотѣлъ, но онъ только не хочетъ; и именно въ этотъ-то и состоитъ его вина». Вслѣдствіе примѣненія этой фразы къ дѣлу, произошла, навѣрное, большая часть и даже всѣ юридическія убійства всѣхъ вѣковъ и во всѣхъ странахъ. Мы думаемъ, что можемъ здѣсь вторично удостовѣрить, что лишь малѣйшая часть преступленій, притомъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, свободно желаются изъ злости и выполняются съ свободною злою волею и полною обдуманностію. Преступленіе есть ничто иное, какъ злоупотребленіе своею свободою со стороны одного человѣка ко вреду другаго. Всякое вмѣненіе вины, слѣдовательно, направлено закономъ противъ свободной злой воли. Но здѣсь прежде всего рождается вопросъ: откуда происходитъ у той или другой личности кажущаяся злая воля? Въ жизни совершаются очень многія противозаконныя дѣйствія, которые кажутся происходящими только отъ злой воли. Но если изслѣдовать дѣло поглубже, то и окажется, что это очень часто бываетъ обманчиво Зачѣмъ хотятъ обойти вопросъ: какъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть? Какъ произошло то, что онъ могъ обнаружить столь, повидимому, злую волю?

Очень часто въ уголовной практикѣ *пріятно располагаются*, (macht man sich's in der Criminal praxis bequem),

но только на счетъ жизни, здоровья, чести и свободы обвиняемаго. Производятъ коротко процессъ говорятъ: «что этотъ человѣкъ сдѣлалъ, то ужъ очевидно сдѣлалъ съ знаніемъ и свободною волею; съ нимъ поступаютъ совершенно справедливо» и — осуждаютъ его на смерть. Добросовѣстно-ли это! Согласно-ли это съ принципами истинной человѣчности! Никогда человѣкъ въ своемъ сужденіи не можетъ быть основательнымъ, если онъ не принимаетъ въ соображеніе истинной причины противозаконнаго дѣйствія. Зачѣмъ выѣзжать всегда на злой волѣ и ее, такъ сказать, вытаскивать за волосы?

Душевно-разстроенные и, слѣдовательно, несвободные обнаруживаютъ очень часто злую волю. Посмотрите на бѣшенаго, на сумасшедшаго, даже на слабоумнаго! Вы замѣтите у этихъ несчастныхъ злобныя выходки различнаго рода. Помѣшанные (мы здѣсь имѣемъ въ виду какъ живущихъ въ домахъ для умалишенныхъ, такъ и — внѣ оныхъ) взаимно обманываютъ, обкрадываютъ другъ друга; они коварны, упрямы, грубы, и такъ далѣе. Зависть, неблагодарность, притворство, открытыя насилія, коварныя убійства и самоубійства совершаются духовно-разстроенными вполнѣ или отчасти, слишкомъ часто. Но духовно-несвободные дѣлаютъ зло, (какъ Гейпротъ говоритъ совершенно справедливо) такъ сказать, по принужденію, несвободно. Поэтому, ихъ нельзя обвинять или, по крайней мѣрѣ, нельзя осудить. Намѣреніе вредить, мнимая злая воля, которая у нихъ такъ ясно обнаруживается, дѣйствительно есть нѣчто злое само въ себѣ, но злаго намѣренія у нихъ не существуетъ. Они принуждаются, приневоливаются къ злымъ дѣйствіямъ ложными представленіями или ничѣмъ неограничиваемыми массами представленій. Но мы можемъ здѣсь менѣе касаться вопроса: какъ обвиняемый сдѣлался злымъ человѣкомъ или какъ вообще человѣкъ свободно можетъ сдѣлаться злымъ? Напротивъ, все наше изложеніе будетъ главнымъ образомъ

вертѣться около слѣдующаго вопроса: «какъ можетъ случиться, что человѣкъ дѣлается такъ несвободнымъ психически, что дѣйствуя, повидимому, съ злою волею, онъ все таки невиновенъ въ своихъ злыхъ дѣйствіяхъ?» Только этотъ единственный вопросъ будетъ здѣсь занимать насъ и будетъ поставленъ такимъ образомъ: «какія случайности и фактическіе моменты могутъ разстраивать духовную-свободу отдѣльнаго человѣка и дѣйствительно ее разстраиваютъ?» Гризингеръ, этотъ великій психіатръ, думаетъ также относительно постановки вопроса о способности ко вмѣненію, что вопросъ, самый правльный въ этомъ смыслѣ, былъ-бы слѣдующій: «существуютъ-ли здѣсь (къ какомъ либо конкретномъ случаѣ) болѣзненныя состоянія (или и прежде существовали) которыя вообще разстраиваютъ жизнь души и которыя уничтожили, или болѣе или менѣе ограничили свободу духа, или по крайней мѣрѣ могли ее ограничить?» При отвѣтѣ на этотъ вопросъ врачи остаются въ своей области и отвѣтъ этотъ заключаетъ въ себѣ все существенное, что только отъ нихъ можно узнать По изслѣдованіи этихъ пунктовъ и по принятіи въ соображеніе всѣхъ возможностей, которыя только въ состояніи имѣть стѣсняющее вліяніе на духовную дѣятельность человѣка, станетъ также и для всѣхъ ясно, что въ очень многихъ случаяхъ надъ обвиняемыми господствуютъ такія состоянія и отношенія, благодаря которымъ (какъ тогда усмотрятъ судьи, присяжные засѣдатели, прокуроры и т. д.) свободное самоопредѣленіе могло у нихъ быть либо совсѣмъ уничтожено, либо, по крайней мѣрѣ, ограничено въ отдѣльныхъ жизненныхъ положеніяхъ.

Только психологическое изслѣдованіе можетъ освѣтить эту темную область духа. Но психологъ долженъ быть въ то же время также и психіатромъ. Онъ долженъ цѣлые годы жить съ душевно-разстроенными, съ ними

долго обращаться, чтобы быть въ состояніи какъ можно опредѣлительнѣе разобрать цѣлаго человѣка психологически въ разнообразнѣйшихъ жизненныхъ положеніяхъ. Ибо: «лишь тотъ, кто знаетъ сумасшествіе, знаетъ также и человѣка,» говоритъ, насколько метко, настолько же и истинно, геніальный Маркъ. Чѣмъ ограниченнѣе бываютъ люди въ своихъ взглядахъ, тѣмъ болѣе они также склонны совершенно избѣгать и обходить во всякомъ случаѣ крайне трудный путь психическихъ изслѣдованій. Поэтому, чтобы не быть обязаннымъ поглубже вдуматься въ психологическое состояніе человѣка, по большей части противозаконныя дѣйствія приписываются коротко и ясно одной лишь злой волѣ. (Руфъ). Лишь только извѣстные люди произнесли слово «злоба», то думаютъ, что этимъ все уже сказано и стараются съ суровою миною (которая нерѣдко переходитъ въ глупо-грубое выраженіе) скрыть или замаскировать свою лѣность мысли; но при этомъ они не замѣчаютъ, что выраженіемъ: «злость воли» которое они такъ охотно разбрасываютъ кругомъ себя, большею частію въ сущности ничего не сказали, а лишь обнаружили этимъ самымъ очевиднѣйшимъ образомъ свое невѣжество. Выраженіе «Bosheit» (злость, злоба) служитъ для нѣкоторыхъ лишь какъ asilum ignorantiae (убѣжище невѣжества), говоритъ Руфъ. Въ настоящее время очень часто смѣются надъ веденіемъ уголовныхъ дѣлъ въ такъ назыв «грубые и глупые», средніе вѣка, когда столь многія противозаконныя дѣйствія, которыхъ не умѣли объяснить естественнымъ образомъ, приписывали могуществу и вліянію діявола и демоновъ. Но и самый этотъ тогдашній взглядъ проистекалъ, безъ сомнѣнія, изъ извѣстнаго гуманнаго побужденія, такъ какъ извѣстныя дѣянія совсѣмъ и не приписывались человѣку, а для ихъ совершенія требовалась злоба діявола. Теперь-же, когда хвалятся величественнымъ просвѣщеніемъ, поступаютъ въ этомъ отношеніи гораздо

безчеловѣчнѣе, такъ какъ многія извѣстныя дѣянія человѣка, которыя прежде приписывались діяволу, теперь часто приписываются прямо человѣку, а иногда даже ему навязываются; такъ что тогда уже самъ человѣкъ дѣлается какъ-бы принципомъ злости, становится настоящимъ діяволомъ. Прежде считали людей, которыя, повидимому, обнаружили злую волю, одержимыми злымъ врагомъ, насильственно скованными діаволомъ и такимъ образомъ духовно-несвободными. Теперь-же такія дѣйствія нерѣдко объявляются совершенно свободными; и безбожныя, нечестивыя дѣла прямо приписываются свободной злой волѣ человѣка. Есть великіе мыслители, даже католическіе духовные, разумные философы новаго времени, (къ которымъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ относиться съ полнымъ уваженіемъ), обнаруживающіе большую охоту доказать, что у человѣка вообще нѣтъ свободной воли. Поистинѣ печально, что сочиненія такихъ могучихъ мыслителей постоянно находятся въ опасности быть включенными въ index prohibitorum. (списокъ запрещенныхъ книгъ) Вотъ это печально! Напротивъ, скорѣе всего слѣдуетъ стараться всячески распространить народное просвѣщеніе, на счетъ государства, ради такихъ сочиненій, если хотятъ привить народу истинную человѣчность. Но кто не сѣетъ человѣчности, тотъ никогда не будетъ пожинать и ея плодовъ. Кто вездѣ и всегда видитъ лишь злую волю, тотъ во всякомъ случаѣ хоронитъ свое чувство истинной гуманности, подобно рѣзнику, который будучи постоянно занятъ лишь убіеніемъ животныхъ, теряетъ естественное отвращеніе отъ пролитія крови. И великій реформаторъ изъ Виттенберга (Лютеръ) все таки былъ совершенно правъ, говоря и утверждая о порабощенной волѣ слѣдующее: «человѣкъ самъ по себѣ, изъ себя и посредствомъ себя не можетъ творить добра и оставить зла, если ему не содѣйствуетъ помощь Божія.» (M. Лютеръ, de servo arbitrio).

Понятіе о скованной волѣ заключаетъ въ себѣ величайшую опытную истину. И такъ какъ Лютеръ, напримѣръ, усмотрѣлъ, что онъ не въ состояніи самъ собою и съ свободною волею оставаться цѣломудреннымъ въ безбрачіи, то онъ взялъ себѣ жену, ибо лучше, сознавая свою слабость и порабощенную свободу воли, быть честнымъ мужемъ, чѣмъ съ притворною твердостію характера, съ лживымъ безбрачіемъ и подозрительною свободою духа, сдѣлаться развратникомъ, опаснымъ для молодыхъ и старыхъ! и т. д. Мыслящіе люди издавна старались проникнуть въ сокровеннѣйшія глубочайшія причины всѣхъ тѣхъ явленій, которыя обыкновенно обозначаются выраженіемъ: «teufliche Bosheit» (діявольская злоба). Они искали и дѣйствительно нашли тѣ худа, которыя въ состояніи произвести это состояніе діявольской злости. Вѣдь уже каждое „ дозрѣвшее до мысли и самосознанія дитя спрашиваетъ обо всѣхъ видимыхъ имъ явленіяхъ: какъ и почему? Удивительно, что это врожденное стремленіе къ познанію причинности, стремленіе найти связь всѣхъ явленій, изслѣдовать глубочайшее основаніе, это постоянно важное «почему?» (cur) кажется проходитъ съ лѣтами и, повидимому, съ такъ назыв. *«зрѣлостію разсудка»* у очень многихъ отнимается и совершенно уничтожается.

Вѣдь есть безчисленное множество взрослыхъ мужей, которые гораздо менѣе заботятся объ отысканіи послѣднихъ причинъ даже важнѣйшихъ жизненныхъ явленій, чѣмъ о періодахъ царствованія китайскаго императора. Это и удивительно и печально. Человѣкъ ставитъ самъ себя далѣе отъ себя-же самаго, а чрезъ это и отъ всего человѣчества, тогда какъ онъ все таки долженъ былъ бы быть ближе всего къ себѣ самому и къ человѣчеству. Лѣность мысли есть далеко нерѣдкій порокъ у многихъ.

О, еслибы только эта лѣность мысли въ такихъ случаяхъ, какіе мы имѣемъ въ виду, не должна была при-

чинить такъ много неисцѣлимаго вреда согражданамъ! Но поэтъ поистинѣ совершенно правъ, когда поетъ: «Willst du dich selber erkennen, so seh'wie die Andern es treiben; willst du, die Andern versteh'n, schau in dein eigenes Ich *). Совсѣмъ особенными заслугами для человѣчества въ этомъ отношеніи, (гдѣ дѣло идетъ объ изслѣдованіи послѣдней причины злой діявольской воли), отличился во времена процессовъ колдуній и трагедій несчастныхъ одержимыхъ бѣсами, великій и *благочестивый іезуитъ Спе.* Книга Спе: «о процессахъ колдуній» была первымъ, прокладывающимъ дорогу сочиненіемъ, новою утреннею зарею впервые показавшейся человѣчности. Но въ жизни каждаго человѣка никогда никакой фактъ не стоитъ уединеннымъ, покажется ли этотъ фактъ поразительно хорошимъ или поразительно дурнымъ. Напротивъ, всегда особенно выдающіяся дѣянія человѣка имѣютъ свои извѣстные тайные корни, свои извѣстные предпосылки

Поэтому, человѣческія дѣла настолько цѣнны передъ Богомъ, насколько цѣнны и имѣютъ значеніе мотивы этихъ дѣлъ, ихъ источники и корни. Сколь мало послѣдствіе или цѣль освящаютъ средства, столь же мало и дурное слѣдствіе какого-нибудь дѣла можетъ заклеймить всегда мотивъ, какъ дурной принципъ (побужденіе къ этому дѣлу). Можно преднамѣренно желать сдѣлать доброе дѣло, а между тѣмъ въ результатѣ получится зло. Можно дѣйствовать совсѣмъ безъ умысла и безъ размышленія (небдуманно) и слѣдствіе этого дѣйствія будетъ одинъ разъ столько же преступно, сколько другой разъ добродѣтельно. Не очень важная заслуга и не великое искусство — сдѣлаться наконецъ святымъ, будучи одаренными необыкновенно хорошими наклонностями и задатками

*) Если ты хочешь познать себя самаго, смотри какъ другіе это дѣлаютъ; если ты хочешь понимать другихъ, заглядывай въ свое собственное я.

къ добру, не имѣя притомъ случая грѣшить Быть рождёнпымъ Іудою Искаріотскимъ и имъ остаться до самой самоубійственной смерти па лугу, точно также гораздо легче и безконечно чаще случается, чѣмъ противное. О явленіяхъ души можно сказать тоже самое, что Гёте сказалъ о природѣ, именно, что важнѣйшая обязанность каждаго мыслителя — точно изслѣдовать тѣ условія, при которыхъ обнаруживается какое-нибудь явленіе! Да, именно это — обязанность каждаго мыслителя!! Но много ли людей мыслящихъ? Развѣ мышленіе не кажется многимъ трудною и опасною работою, какъ напримѣръ, танцы по канату! Какъ многіе даже не знаютъ, въ своей апатіи, что значитъ мыслить и очень часто ведутъ жизнь, подобную жизни растенія, которое живетъ для того лишь, чтобы воспринимать матеріалъ, его переваривать и опять извергать? Къ сожалѣнію, многіе ведутъ лишь пріятно-спокойную жизнь въ благополучномъ спокойствіи духа и ожиреніи тѣла, и, кажется, ни для чего болѣе не живутъ на свѣтѣ, какъ для того, чтобы изображать собою «живыхъ, движущихся, химическихъ *фабрикантовъ навоза*» Объ этихъ-то сказано: «Beim Teufel ist der Spiritus, das Phlegma ist geblieben».

Лафатеръ (въ своихъ «физіогномическихъ отрывкахъ», Вѣна 1829 г. Стр 2 кн 2) говоритъ: «почему одинъ человѣкъ думаетъ и дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Если ты можешь вдуматься въ его положеніе, или еще болѣе, если ты можешь вдуматься въ строеніе его тѣла, въ его образованіе (его наклонности), его чувства, темпераментъ, чувствительность и т. д., какъ многое тебѣ тогда покажется яснымъ и естественнымъ!? И развѣ часто не прекращается тогда нетерпимость, относящаяся къ человѣку, какъ къ объекту только, когда начинается просвѣщенное познаніе его индивидуальной, личной природы и развѣ тогда очень часто проклятіе не замѣняется состраданіемъ, а ненависть

— братскою любовью?» Да, очень многое становится уяснимымъ, когда стараются его себѣ уяснить, и когда приступаютъ къ изслѣдованію съ чистымъ яснымъ смысломъ и неиспорченнымъ добрымъ сердцемъ. «Стучите и отворятъ вамъ! Ищите и найдете!»

Кто ничего не изслѣдуетъ, тотъ и не дойдетъ до познанія ни себя, ни другихъ. Но очень многіе имѣютъ уши и не слышатъ, имѣютъ глаза и не видятъ! «Сухой и строгій ригористъ говоритъ впрочемъ: «продолжаетъ далѣе Лафатеръ, «если тотъ можетъ соблюсти законъ, то почему же и этотъ не могъ бы соблюсти его? И отолько ему слѣдуетъ отвѣтить, что тотъ именно не есть этотъ. Слѣдуетъ всегда спрашивать: что можетъ человѣкъ, *именно онъ*, въ *тѣхъ именно* обстоятельствахъ, въ *какихъ онъ* находится, а не что *я* бы могъ въ его положеніи?» Здѣсь вспомните только несчастнаго подмастерья, который, находясь на чужбинѣ, лишенный всѣхъ средствъ къ жизни воруетъ двугривенный; вспомните путешествующаго землевладѣльца, потерявшаго свой кошелекъ. Вѣдь тоже самое случается и при обыкновенныхъ и чисто тѣлесныхъ страданіяхъ, гдѣ врачъ всегда долженъ *индивидуализировать*, т. е. только тотъ врачъ есть настоящій *артистъ* въ своемъ дѣлѣ и истинный ученикъ Эскулапа, который не только самъ доискивается глубочайшаго основанія какого-либо страданія, но и принимаетъ въ соображеніе, какъ и почему такая-то болѣзнь у такого-то человѣка обнаруживается и протекаетъ такъ, а у другаго то же самое страданіе обнаруживается совсѣмъ иначе? Вотъ это-то и называется индивидуализировать, и это индивидуализированіе и составляетъ величайшее искусство служителя природы, врача. Врачъ пропишетъ также одному то лѣкарство, другому—это, смотря по свойствамъ тѣла, раздражительности, силѣ реакціи, способности противодѣйствія и т. д. Это мы видимъ ежедневно.

Разсмотримъ напр. только два, сами по себѣ совершенно схожія, воспаленія легкихъ. Какой различный видъ принимаетъ и какъ различно протекаетъ одно и то же страданіе у сильнаго юнаго человѣка напр. и у истощеннаго, хотя еще и не дряхлаго старика, у беременной женщины или у родильницы и т. д. и т. д.

Вѣдь если вся особенная природа индивидуума не была принята со всѣхъ сторонъ въ соображеніе, то и всякое сужденіе будетъ недостаточно и лѣченіе больнаго будетъ ошибочно. Именно, можно сказать вмѣстѣ съ великимъ Назаретяниномъ, Посланникомъ Господа: «по плодамъ узнаютъ дерево, а по дѣламъ — всего человѣка. Хорошое дерево принесетъ и плоды хорошіе, а плохое — испорченные.» Но на это мы опять должны, согласно съ опытомъ, отвѣчать новымъ вопросомъ: «но кто-же сдѣлалъ дерево хорошимъ или плохимъ? Неужели-же оно само? Не скорѣе ли всего здѣсь виновато уже сѣмя, (которое заключаетъ въ себѣ зародышъ новаго созданія или растенія) въ томъ, что дерево вышло хорошимъ или плохимъ? Не слѣдуетъ ли и здѣсь считать наслѣдственность въ сѣмени важнѣйшимъ моментомъ?» Или еще болѣе: посадите самое лучшее и здоровое само по себѣ дерево на плохую почву и оно опустѣетъ, испортится и принесетъ скверные цвѣты и плоды! Посадите требующую воды иву или шумящій тростникъ на каменистой, песчаной или скалистой почвѣ и благороднѣйшіе стволы и отпрыски этихъ растеній испортятся. Но что для дерева — почва, то для человѣка, сообразно его тѣлесной и душевной природѣ — прежде всего воспитаніе, уходъ, потомъ — воздухъ, свѣтъ, пища и т. д., вообще отношенія почвы, къ которой онъ привязанъ. Въ извѣстномъ отношеніи, сообразно вышеизложенному принципу: «каково дерево, таковъ и плодъ», дѣяніе даннаго человѣка во всякомъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ уясняетъ намъ, кто этотъ человѣкъ или кто онъ

былъ во время совершенія имъ дѣянія. Такимъ образомъ, можно также съ полнымъ правомъ утверждать: каково дѣяніе, таковъ и дѣятель.

Но другой вопросъ, который непосредственно слѣдуетъ за этимъ и который насъ долженъ интересовать гораздо болѣе, есть слѣдующій: какъ можно и должно объяснить себѣ это дѣяніе? Или другими словами: падаетъ-ли въ данномъ случаѣ вся вина за совершенное дѣйствіе единственно и исключительно на дѣятеля? Скверный плодъ дерева есть ли вина исключительно дерева? Или-же скорѣе всего не виноватъ ли очень часто въ томъ, что дерево приноситъ скверные плоды, нерадивый садовникъ, который не снимаетъ со ствола мохъ, не очищаетъ дерева, не унаваживаетъ его и не поливаетъ? Развѣ цвѣтеніе не было прекрасно и великолѣпно въ своемъ развитіи? И все таки плодъ такъ дуренъ! Да, суровый холодъ испортилъ прекраснѣйшіе цвѣты, палящій зной задушилъ наилучшіе зародыши! Развѣ юность человѣка, цвѣтъ его жизни, не бываетъ часто чиста и безукоризненна?! Но вотъ настаютъ для него бури свѣта, начинаются жестокіе удары судьбы, и вслѣдствіе этого, и плодъ дѣлается горькимъ, терпкимъ и вреднымъ. Какая-нибудь ядовитая трава сразу превращаетъ прекраснѣйшіе плоды въ ядовитое кушанье. Да, очень часто, къ сожалѣнію, вліяніе ядовитыхъ *травъ жизни* портитъ все существованіе человѣка и разрушаетъ наилучшія его наклонности! Въ мірѣ людей этотъ ядовитый мухоморъ есть соціальное положеніе съ житейскими его горестями, отравляющими тѣло и душу, которыя (горести), какъ волны наскакиваютъ, ослабляютъ и уничтожаютъ все самое лучшее въ человѣкѣ, зачумляютъ его разумъ, чувство и волю. Короче: существуетъ въ жизни много такихъ положеній, когда обвиняемый можетъ и притомъ совершенно истинно, съ силою утверждать о себѣ: «*я не виноватъ въ томъ, что я*

виновенъ!» На вопросъ — *дѣйствительно-ли совершилъ обвиняемый извѣстное дѣяніе или нѣтъ*? — часто не трудно отвѣчать. Но зато тѣмъ труднѣе дать удовлетворительный отвѣтъ на другой вопросъ, который необходимо связанъ съ первымъ и никогда не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ отдѣленъ отъ него, именно: *въ какомъ состояніи душевнаго настроенія совершено самое дѣяніе?* Но это опять почти все равно что: *насколько то или другое дѣйствіе само по себѣ обвиняетъ человѣка?* Чтобы отвѣчать на этотъ, чрезвычайно важный вопросъ или, по крайней мѣрѣ, чтобы на него болѣе обращать вниманіе, чѣмъ это прежде было, въ настоящее время въ большей части цивилизованныхъ странъ введенъ институтъ присяжныхъ засѣдателей. Этимъ отнята собственно судейская власть отъ гордыхъ мужей закона, юристовъ, о которыхъ думали, что они знаютъ болѣе и лучше мертвую книгу законовъ, чѣмъ живаго человѣка. Отъ судей отнято право приговора о винѣ или невинности подсудимыхъ и передано въ руки людей изъ народа. *На нравственную совѣсть этихъ мужей—въ ихъ сердце, разсудокъ — положено благо или несчастіе ихъ согражданъ.* Заставляютъ гражданина судить своего гражданина. Хотѣли лучше быть судимы неучеными присяжными засѣдателями, нежели учеными юристами, ибо отъ простаго, доморощеннаго человѣческаго разсудка и гражданскаго смысла ожидаютъ и надѣются болѣе человѣчности, чѣмъ отъ великой учености судьи. Разумѣется, и здѣсь не всѣ ожиданія оправдались, не всѣ надежды исполнились и многое неосуществившееся, какъ тщеславное безуміе, похоронено навѣки. Прежде (по баварскому законодательству) за тяжкія преступленія личность, только на основаніи собственнаго сознанія или показанія свидѣтелей, могла быть присуждена къ тяжелому заключенію въ смирительномъ домѣ. Смертная же казнь могла быть присуждена лишь вслѣдствіе собственнаго сознанія.

Теперь же собственное сознаніе ненужно. Нравственное убѣжденіе присяжныхъ засѣдателей, ихъ мнѣніе, ихъ совѣсть — бросаютъ единственную значительную тяжесть на вѣсы правосудія. *Вердиктъ* присяжныхъ засѣдателей прежде всего нравствененъ, разумѣется; онъ основывается на ихъ внутреннемъ убѣжденіи. Но какія уже требуются познанія для того только, чтобы объ одномъ человѣка постановить основательный нравственный приговоръ? Вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, не основанный на глубочайшемъ, основательнѣйшемъ и всесторонпѣйшемъ изслѣдованіи всѣхъ душевныхъ состояній обвиняемаго, можетъ быть и дѣйствительно не всегда бываетъ настоящимъ вердиктомъ. И развѣ здѣсь — гдѣ идетъ дѣло о правѣ или безправіи, о свободѣ или заключеніи, о чести или позорѣ, о жизни или смерти — не должны быть точнѣйшимъ образомъ разсмотрѣны всѣ обстоятельства и положены на вѣсы правосудія всѣ моменты, даже, повидимому, самые незначительные? Поэтому, мы сочли нужнымъ потолковать объ этой важной области — о состояніи вмѣняемости. Вообще-же все наше, здѣсь предлежащее сочиненіе мы разсматриваемъ, какъ необходимую потребность нашего времени, для котораго прежде всего нужна истинная человѣчность судей и присяжныхъ засѣдателей, врачей и всѣхъ, кому довѣрено благо ихъ согражданъ, въ какомъ-нибудь житейскомъ положеніи. И только тогда, когда всѣ люди, весь мыслящій народъ усмотритъ, что человѣческій духъ и человѣческая воля не всегда бываютъ свободны — послѣ того, какъ каждый будетъ имѣть случай и побужденіе почаще заглядывать въ свое собственное сердце, чтобы въ немъ читать, — тогда только, говорю я, взойдетъ съ востока истинная блестящая звѣзда настоящей образованности, которая, освѣщая и согрѣвая всѣхъ, послужитъ ко спасенію государства и ко благу его гражданъ. Но мы не были черезъ-чуръ сантиментальны

при обработкѣ матеріала для нашего сочиненія. Во всякомъ случаѣ мы вышли изъ точки зрѣнія истинной человѣчности, такъ какъ она одна лишь прилична нашему столѣтію, столѣтію многихъ возбужденій и большихъ ослабленій, столѣтію большихъ духовныхъ пріобрѣтеній и еще большихъ, могущественно вліяющихъ ошибокъ и заблужденій умовъ. И потомъ, мы гораздо охотнѣе примемъ упреки въ излишней человѣчности, нежели въ излишнемъ варварствѣ. По крайней мѣрѣ, какъ-то успокотельнѣе, да и лучше быть черезъ-чуръ человѣчнымъ, чѣмъ черезъ-чуръ безсердечнымъ и суровымъ *).

Чтобы судить человѣка, ставили его до сихъ поръ обыкновенно, но ложно и съ вопіющею несправедливостію, подъ всеобщій законъ. Причисляли всѣхъ вообще людей, и согласно съ естественною наукою, къ роду homo rationalis, (разумный человѣкъ). Но подсудимый не есть всеобщій человѣкъ, какимъ его представляетъ родовое понятіе, а особенная, индивидуальная личность. Законъ говоритъ о «*долженствовать*» (sollen). Но у людей нужно также прежде всего принимать во вниманіе и «*мочь*» (können)

Иной *обязанъ*, но *не хочетъ*. Многіе *хотятъ*, но *не могутъ*. Большая часть *обязаны*, и *не могутъ*! Какъ родовыя существа всѣ люди вообще одинаковы, т. е. внѣшнимъ

*) Сильный толчекъ къ составленію этого сочиненія вообще далъ намъ *многоопытный* и *высокоразумный* императоръ Наполеонъ III. По полученіи и милостивомъ принятіи моихъ «психіатрическихъ писемъ» императоромъ, покойный талантливый шефъ императорскаго кабинета, Mocquard, сообщилъ автору въ двукратномъ письмѣ порученіе императора, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Императоръ придастъ величайшее достоинство вашему сочиненію, трактующему объ одной вѣтви медицины, именно о душевныхъ болѣзняхъ. Императоръ самъ считаетъ глубокое изученіе и познаніе человѣка неоходимымъ условіемъ истинной человѣчности». Далѣе во 2-мъ письмѣ говорится, между прочимъ: «Изученіе крушеній человѣческой души таково, что, навѣрное, – способно и должно живѣйшимъ образомъ занять весь мыслящій міръ, и сочиненія, содержащія результаты наслѣдованій объ этомъ предметѣ, заслуживаютъ всегда полнѣйшаго признанія и вниманія» и т. п.

образомъ равняются одинъ другому по своимъ характеристическимъ родовымъ признакамъ, подобно тому, какъ и слоны напримѣръ, всѣ равны между собою строеніемъ зубовъ, хобота и черепа. Разумѣется, всѣ люди одинаковы, въ родовомъ отношеніи. Они всѣ держатъ голову высоко надъ туловищемъ, имѣютъ обыкновенно въ черепѣ мозгъ и ходятъ по нашей планетѣ ногами, доколѣ еще не умѣютъ летать. Но что-же далѣе? Вѣдь точно также и старое естественно-историческое опредѣленіе родоваго понятія «птица», которое говоритъ только: «птица есть животное теплокровное, летающее» — идетъ ко всѣмъ птицамъ! Но какое громадное различіе остается все таки еще между коршуномъ, обладателемъ воздуха, дѣлающимъ тамъ, вблизи солнца свои спиральные круги и между ночною совою, напримѣръ! Какъ родовыя существа люди всѣ равны, но какъ отдѣльныя существа, т. е. какъ дѣйствительныя человѣческія личности, напротивъ,—неравны. Законъ, одинаково связывающій всѣхъ людей безъ различія, можетъ только предполагать невозможное само по себѣ равенство всѣхъ людей; или самъ законъ долженъ быть несправедливъ. Но величайшая бѣда въ ученіи о вмѣненіи происходитъ обыкновенно оттого, что очень часто, разсуждая о человѣкѣ лишь абстрактно или теоретически, равно и философски, дѣлятъ его по-поламъ и стараются совершенно отдѣлить его духовную сторону отъ тѣлесной (духъ отъ тѣла). Но мы уже показали, что въ жизни и въ дѣйствительности никогда не можетъ быть допущено такое дѣленіе, ибо человѣкъ есть тѣснѣйшее соединеніе и смѣшеніе души и тѣла. «Попытнѣ», восклицаетъ Фридрихъ, «часто судили бы человѣка не такъ жестоко и строго, еслибы умѣли взвѣсить, какъ слѣдуетъ, во всякое время зависимость его духовнаго существа отъ жизни его тѣла!».

Если даже тамъ и сямъ въ уголовныхъ процессахъ

субъективное тѣлесное и душевное состояніе преступника и было изслѣдуемо, то все таки это случалось до сихъ поръ большею частію лишь въ неудовлетворительномъ, недостаточномъ видѣ, такъ сказать, отрывочно, какъ-бы между прочимъ. Юристы, употребляющіе болѣе времени на изученіе законовъ, чѣмъ на изученіе природы человѣка (антропологіи), смотрѣли до сихъ поръ на изслѣдованіе внутренняго міра обвиняемаго, какъ на нѣчто, совсѣмъ не относящееся къ ихъ должности и совершенно ихъ не касающееся. «Да иной юристъ» говоритъ Руфъ, «можетъ быть спрашиваемъ о спеціальномъ характерѣ стороны (въ процессѣ), о ея внутреннемъ развитіи, о мотивахъ дѣйствія и т. д. столь-же мало и рѣдко, какъ и толпа; его интересуетъ только фактъ» Съ этимъ послѣднимъ юристъ пробуетъ тогда всѣ §§ кодекса до тѣхъ поръ, пока, не приладивши его къ одному изъ нихъ, онъ, довольный своимъ остроуміемъ, не будетъ имѣть уже своего готоваго приговора. Вѣдь въ новѣйшее время одинъ ученый юристъ выставляетъ даже слѣдующее положеніе: «юристъ, какъ таковой, вовсе не склоненъ судить о предметахъ, основательное познаніе которыхъ предполагаетъ спеціальное изученіе, которое у него можетъ быть предположено лишь подъ условіемъ пренебреженія своего собственнаго факультетскаго изученія наукъ» (I. Mery, die Zurechnung, Zürich, 1751 S. 63). Да, не только спеціальное и глубокое изученіе предполагается необходимымъ для правильнаго психическаго изслѣдованія людей, но также и всеобъемлющее, практическое, научно-основательное, философское и истинно-свѣтское образованіе. Какъ легко, напримѣръ, можно найти въ драмахъ Шекспира всѣ характеры заблудившагося человѣческаго духа! Какъ разумно поэтъ понялъ основныя истины, можно было бы сказать, понялъ ихъ инстинктивно! Какъ философски-истинны его картины! И какъ обыкновенно читается Шекспиръ, какъ рѣдко понимается, какъ дурно

переводится! Какъ часто безсмысленно и безсердечно рукоплещутъ актеру, если только онъ цитируетъ хорошо, не обдумавши даже, не прочувствовавши своей роли, и тяжело стучитъ ногами на подмосткахъ сцены, какъ животное въ мельницѣ! Читайте со вниманіемъ и вдумывайтесь! Ходите по свѣту съ открытыми глазами и вы всегда въ обыденной жизни найдете достаточно матеріала для изученія человѣческаго духа и сердца.

Въ особенномъ отдѣленіи большаго заведенія для умалишенныхъ «Bicêtre», въ Парижѣ, находятся *опасные сумасшедшіе*. «Большая часть этихъ сумасшедшихъ была приговорена судами къ тяжкимъ наказаніямъ. Нѣкоторые должны были быть взяты врачами изъ галеръ и, такимъ образомъ, избавлены отъ людской несправедливости». Это объявляетъ намъ д-ръ Вейль (въ своей книгѣ: Die öffentlichen und wissenschaftlichen Instituten in Paris. Stuttgart, 1850, 2. Bd. S. 183). «Болѣе одного раза», продолжаетъ далѣе Вейль, «потрясались внутренности д-ра Voisin, когда онъ видѣлъ, что число преступниковъ и разстроенныхъ умножаются, благодаря приговору судей». Еще въ настоящее время люди, собственно принадлежащіе домамъ умалишенныхъ, заключаются въ остроги, посылаются на галеры и даже на эшафотъ. (Вейль). Но человѣческое общество должно непремѣнно дойти до той степени образованія, на которой оно будетъ стремиться къ точнѣйшему обсужденію правды и неправды, свободы и воли, и научится также, *какъ* это дѣлать, не то оно будетъ продолжать наказывать такихъ, которыхъ слѣдовало бы лѣчить. Фридрихъ упоминаетъ: «кто внимательно разсмотритъ пренія о несчастномъ Войцекѣ, который убилъ свою возлюбленную и былъ казненъ въ Лейпцигѣ 27 авг. 1824 г., тотъ не найдетъ здѣсь юридическаго вмѣненія, а, къ сожалѣнію, одно лишь юридическое убійство. Но до-

сихъ поръ уже много такихъ Войцековъ пали жертвами юстиціи» *).

Эллингеръ приводитъ много такихъ примѣровъ, гдѣ душевно-разстроенные были осуждены, какъ преступники. Но юридическія убійства вопіютъ о мщеніи, и кровь наказанныхъ смертію потребуется нѣкогда отъ — невѣжества времени. Такъ какъ именно юристъ смотритъ только на того, какъ на душевно-разстроеннаго, который объявляется таковымъ со стороны самаго закона, и тѣмъ какъ бы поставляется подъ судебную опеку, то очень часто случается, что̀ именно душевно-

*) Какъ ужасно иногда даже для самаго палача казнить невиннаго, описываетъ намъ Самсонъ (Geheimnisse des Schaffots. Memoiren der Scharfrichterfamilie Samson). «Едва 20-тилѣтній Фуларъ былъ, вслѣдствіе неумолимаго приговора судьи, переданъ мнѣ такъ, какъ бросаютъ добычу дикому звѣрю, я былъ смущенъ при взглядѣ на этого несчастнаго человѣка. Еслибы отецъ оставилъ ему, при своей смерти 10 талеровъ наслѣдства, то воспользовались бы его несовершеннолѣтіемъ, для того, чтобы лишить его права на маленькое наслѣдство; но для преступленія, для наказанія и для какого наказанія—смерти?—его объявили совершеннолѣтнимъ! Смерть для этого дитяти, полнаго жизни, силы и здоровья, которому (дитяти) Господь вѣроятно посылалъ бы много лѣтъ для раскаянія и расплазаты свой грѣхъ – это казалось мнѣ двойнымъ поруганіемъ: Провидѣнія и природы. — Относительно дѣтоубійцы, Луи Августа Папавоана, который, какъ дѣйствовавшій съ умысломъ, также былъ приговоренъ къ гильотинѣ, говоритъ Самсонъ, загрубѣлый палачъ: «я невольно перекрестился, когда шумъ опуснаго топора далъ о себѣ знать и спросилъ себя, не есть ли это послѣднее обращеніе несчастнаго къ справедливости Бога (его молитва)—послѣдній крикъ невинности? Еще теперь, продолжаетъ младшій Самсонъ, мнѣнія объ этомъ предметѣ несогласны. Нѣкоторые считали Папавоана типомъ звѣрской дикости, въ глазахъ же другихъ и то большинства, онъ былъ лишь жертвой тѣхъ болѣзней, которыя дѣлаютъ нашу человѣческую природу, сколько преступною столько же и несовершенною». «Я имѣлъ несчастіе принимать участіе въ казни Папавоана; но есть еще одно воспоминаніе, которое будетъ меня мучить еще болѣе, чѣмъ это несчастіе, это—именно воспоминаніе о томъ, что я принадлежалъ къ числу присяжныхъ засѣдателей, которые осудили несчастнаго. Вѣроятно Папавоанъ страдалъ такъ назыв. Lycanthropie, ибо какъ иначе психически объяснить, что этотъ человѣкъ, безъ всякаго повода, въ одномъ изъ открытыхъ мѣстъ Парижа, убилъ двухъ маленькихъ дѣтей 5 и 6 лѣтъ? Никогда и никакихъ сношеній не было между нимъ и дѣтьми или ихъ родителями. Во время слушанія дѣла несчастный могъ только объяснить, что совершилъ преступленіе въ ослѣпленіи, которое его мучило и которое было соединено съ лихорадкою и сумасшествіемъ. Такъ разсказываетъ парижскій палачъ. Сколько-же, подобныхъ этому, юридическихъ убійствъ приходится намъ оплакивать еще и теперь!! . . . . . .

разстроенные облагаются наказаніями теперь; какъ и прежде, при помощи дѣйствующихъ законовъ, вслѣдствіе извѣстнаго *волшебнаго молотка* (Malleus maleficorum) и уголовнаго суда какого-нибудь Карла V, невиннѣйшія, но ослѣпленныя, глупѣйшія женщины были, какъ колдуньи, пытаемы и сожигаемы, а сколько-нибудь изобрѣтательнаго и талантливаго свободно-мыслящаго человѣка мучили и сожигали на кострѣ, какъ колдуна и волшебника; люди эти едва ли знали столько таинственнаго, сколько теперь знаетъ каждый пастухъ, выполняющій какую-нибудь грязную работу.

Люди, которые теперь не могли-бы заработать себѣ насущнаго хлѣба, въ качествѣ обыкновенныхъ фокусниковъ; люди, которые обладали какимъ-нибудь средствомъ для успокоенія крови или рецептомъ для истребленія клоповъ, были презрѣнные чернокнижники и «дѣлатели погоды» въ глазахъ закона: они предавались пыткамъ и были умерщвляемы. Такимъ образомъ, невинные, вполнѣ безвредные, глупые люди, которые были вовлечены въ круговоротъ духовной эпидеміи своего времена, были обвиняемы въ преступленіяхъ; изъ нихъ насильственно выжималось, посредствомъ мученій пытки, собственное сознаніе въ небывалой винѣ и т. д. Но уголовное судопроизводство какой-либо страны идетъ рука объ руку съ научною образованностію вѣка, съ человѣчнымъ образованіемъ блюстителей законнаго порядка и съ образованностію самихъ законодателей. Уголовная экзекуція во всѣ времена имѣетъ значеніе масштаба для измѣренія образованности какаго-либо народа. Исторія учитъ, что чѣмъ грубѣе и необразованнѣе былъ народъ, тѣмъ грубѣе, безчеловѣчнѣе были и его наказанія преступниковъ. Поэтому, нѣтъ еще особенно сильнаго доказательства настоящей цивилизаціи въ европейскихъ государствахъ, когда почти полъ-вѣка тому назадъ преступниковъ колесовали, четвертовали, сажали на колъ, терзали раскаленными щипцами и т. д. и т. д. Вѣдь глав-

ная цѣль, къ которой должно стремиться наказаніе, должна быть *исправленіе* дѣйствительнаго преступника.

И такъ, человѣкъ, (мы хотимъ кратко резюмировать вышесказанное), какъ родовое существо, одаренъ свободою. Но свобода-эта не безусловна Опытъ учитъ напротивъ, что она часто бываетъ очень ограничена, завнсима и очень относительна. Но всѣ дѣйствія уголовнаго и гражданскаго права должны (если только онѣ должны быть правыми и справедливыми), необходимо предполагать свободу человѣка. Гдѣ господствуетъ стѣсненіе, принужденіе, ограниченіе, тамъ они должны быть точнѣйшимъ образомъ взвѣшены, констатированы и доказаны. Послѣдняго мы требуемъ вездѣ. Вотъ это-то и есть настоящая задача медика, какъ криминалъ-психолога. Не только самое право, но и еще болѣе честь человѣчества требуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ точнаго *констатированія* духовной свободы отдѣльнаго лица. Этого изслѣдованія душевнаго состоянія каждаго обвиняемаго требуетъ человѣчность, требуетъ чувство права и правды, если бы даже, во всякомъ случаѣ, то или другое изъ этихъ чувствъ у отдѣльныхъ лицъ между судьями, присяжными засѣдателями или прокурорами совсѣмъ не было развито въ надлежащей степени. Одинъ слѣдъ, одно дуновеніе человѣчности въ груди требуетъ уже, чтобы невинный съ виновнымъ, больной съ преступникомъ не были смѣшиваемы и осуждаемы! Пусть человѣкъ грубый, варваръ, желающій казаться цивилизованнымъ, *).

*) Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что во всѣхъ бюрократическихъ и нѣкоторыхъ другихъ сословіяхъ, еще нѣкоторая безчеловѣчность довольно ясно кажется обнаруживается въ порядкѣ дѣлъ — служитъ то, что время отъ времени издаются новыя повелѣнія высочайшей власти, которыми различныя государственныя и другія мѣста обязательно и даже подъ угрозою наказанія приглашаются быть человѣчными, привѣтными и вѣжливыми относительно гражданъ государства. Печальная характеристика времени и людей! Кажется, что человѣчность и тонкость обращенія очень легко забываются и поэтому необходимы все новыя подтвержденія! Не будь здѣсь кое-что гнило, то, навѣрное, высшія государственныя учрежденія не были бы вынуждены повторительно оглашать этотъ признакъ незначительной степени образованія

который, несмотря на это, считаетъ себя, въ своемъ высокомѣріи, еще очень образованнымъ, потому что овладѣлъ обыкновенными формулами лакейской и прикащичьей вѣжливости, пусть онъ думаетъ и говоритъ: «Вѣдь судьи и присяжные засѣдатели имѣли-бы слишкомъ много работы, еслибы, при сужденіи какого-нибудь обвиняемаго, они постоянно задавались изслѣдованіемъ такого рода спеціальностей и такъ далѣе — пусть онъ скажетъ это, и намъ останется лишь пожалѣть такого человѣка! Такому, такъ называемому, образованному господину мы желаемъ, чтобы онъ самъ со своимъ полуумнымъ тщеславіемъ (высокомѣріемъ) завтра уже стоялъ передъ тѣми перилами, за которыми будетъ рѣшаться для него вопросъ о свободѣ или смирительномъ домѣ Вотъ отсюда-то онъ вынесетъ для себя наилучшій урокъ Истинно образованный и мыслящій человѣкъ, уважающій справедливость и любящій своего собрата,

---

государственныхъ чиновниковъ и, такимъ образомъ, выпускать, такъ сказать, насквозь на человѣчность! Образованіе нѣкоторыхъ сословій вошло уже почти въ пословицу. И многіе граждане государства входятъ въ извѣстныя присутственныя мѣста всегда со страхомъ и біеніемъ сердца, не потому, чтобы они чувствовали за собою какую-либо вину, а единственно потому, что боятся извѣстныхъ выраженій чиновничьихъ лицъ.

И если когда-нибудь, при случаѣ, чтобы получить, напримѣръ, съ народа деньги для учрежденія прекрасныхъ чиновничьихъ должностей, какой-нибудь министръ снисходительно произноситъ обыкновенную школьную формулу: «чиновникъ — для народа, а не народъ — для чиновника», тогда слушатели рукоплещутъ! Развѣ тотъ, кто желалъ-бы усумниться въ этой естественной истинѣ, не подалъ бы этимъ самымъ повода сомнѣваться въ нормальности своего разсудка? Привратникъ, напримѣръ, осмѣлялъ бы комплиментъ, подобный вышесказанному. Читайте напримѣръ, въ соч. нашего друга, Бернгарда Вертера: „Amt und Welt" die Wittwe des Accessisten. (Bilder aus dem Leben, Augsburg). Нѣкоторые изъ кандидатовъ на судебныя должности, готовящіеся занять должности судей и прокуроровъ, уже слишкомъ заблаговременно стараются усвоить себѣ извѣстную важную мину судебнаго чиновника, чтобы очень скоро съумѣть изобразить и словами и тѣлодвиженіями будущаго представителя закона. Ахъ, еслибъ нѣкоторые знали, какъ этотъ солидный и долженствующій быть важнымъ маскарадъ имъ къ лицу! Лучше бы, ей-Богу, они оставляли свои физіономіи такими, какими ихъ надѣлила природа. Но между важностію, рѣшительностію и глупымъ грубымъ нахальствомъ существуетъ громаднѣйшая разница!

какъ себя самого, никогда не будетъ да и не можетъ такъ думать и говорить, какъ вышеупомянутый бездушный и безсердечный, грубый господинъ. Къ сожалѣнію, еще такъ мало на свѣтѣ истинно-образованныхъ и гуманныхъ людей! Да даже то, что называется образованіемъ, въ нашей гражданской жизни значитъ очень часто у обоихъ половъ не болѣе, какъ умѣнье немного болтать по-французски и владѣть рутиною цирюльника или парикмахера Но объ этомъ только можно было бы написать большую книгу! Образованіе дѣлаетъ свободнымъ! Это — истинное положеніе. Но если очень многіе еще и теперь живутъ какъ рабы, то причина этого заключается въ томъ, что *они не внутренно образованы, а лишь внѣшнимъ образомъ дрессированы.* Можно и университетъ окончить и все таки остаться необразованнымъ, какъ человѣкъ; о такомъ субъектѣ можно сказать:

«Der schrecklichste von allen Schrecken,
Das ist ein Hausknecht mit dem Stecken» *).

(Въ спеціальной части этого сочиненія будутъ разсмотрѣны отдѣльныя разстройства души, такъ какъ они имѣютъ громадиѣйшую важность для жизни и судебной практики).

КОНЕЦЪ ОБЩЕЙ ЧАСТИ.

*) «Ужаснѣйшій изо всѣхъ ужасовъ
Это — дворникъ съ палкою!».

СПЕЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

I.

Способность человѣка къ образованію душевныхъ разстройствъ.

«Преступленіе есть разстройство души,— разстройство души есть болѣзнь, — болѣзнь есть уклоненіе природы».

(Shelley).

Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ извѣстное природное свойство, т. е., какъ обыкновенно говорятъ, естественную способность развиваться душевно и тѣлесно, какъ отдѣльный индивидуумъ, т. е. какъ отдѣльная человѣческая личность.

Съ медицинской точки зрѣнія человѣкъ заключаетъ въ себѣ какъ различныя способности, такъ и разные зародыши разстройствъ органическаго тѣла, разстройствъ, способныхъ сильно повредить его здоровью; въ то же время человѣкъ обладаетъ способностію возстановлять разстроенное здоровье.

Но отдѣльный человѣкъ не въ состояніи самъ создать эти предрасположенія, а онъ получаетъ ихъ отъ другихъ (родителей).

Въ этомъ отношеніи человѣкъ есть произведеніе своихъ родителей. Онъ есть тѣлесный ихъ плодъ, составленный изъ

мяса и крови, изъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ тѣхъ, которые дали ему жизнь, вскормили его и т. д.

Мы ежедневно видимъ, что дѣти не только носятъ тѣлесный отпечатокъ своихъ родителей, т. е. въ отношеніи осанки, тѣлесныхъ формъ, глазъ, волосъ, вообще физіономіи и т. д., но еще больше *отражаютъ на себѣ и душевныя свойства родителей*. Разумная, и поэтому сама кормящая своихъ дѣтей, мать знаетъ также очень хорошо, что мнѣніе о сообщеніи дѣтямъ посредствомъ молока различныхъ склонностей и стремленій не есть пустая болтовня.

Родители празднуютъ въ своихъ дѣтяхъ полное возрожденіе своего собственнаго существованія; возрожденіе это есть произведеніе двухъ существъ, тѣснѣйшимъ образомъ соединившихся духовно и тѣлесно.

Поэтому-то пропзрожденіе или зачатіе, какъ мы это дальше увидимъ (этотъ актъ полнѣйшаго и тѣснѣйшаго соединенія духовнаго и тѣлеснаго, посредствомъ важнѣйшихъ на землѣ связей любви двухъ индивидуумовъ различнаго пола), такъ безконечно важно для будущности зачатыхъдѣтей: зародыши различныхъ способностей сообщаются дитяти уже при самомъ зачатіи.

Кто можетъ отрицать, что отъ родителей переходятъ къ дѣтямъ различныя предрасположенія, какъ хорошія, такъ и дурныя? Народъ давно уже это почувствовалъ и выразилъ въ своей уличной философіи, въ пословицахъ: «*Яблоко отъ яблони далеко не падаетъ*». «*Это лежитъ въ семействѣ*». «*Это семейный недостатокъ*». «*Wie die Alten sungen, so zwitschern die Jungen* *) и т. д.

Точно также и притомъ справедливо народъ говоритъ, *что очень глупыя дѣти, должно быть, были зачаты въ*

---

*) *Какъ старые пѣли, такъ и молодые будутъ чирликать.*

опьяненіи (подъ хмѣлькомъ). Другая народная поговорка: *умныя дѣти не старѣются*, основывается также на постоянномъ свидѣтельствѣ опыта, что раздражительныя, слишкомъ рано созрѣвшія духовно или *перевоспитанныя дѣти* нерѣдко погибаютъ очень рано вслѣдствіе страданій мозга, соединенныхъ съ психическими разстройствами.

Дѣти старыхъ родителей склонны къ меланхоліи. Зачатыя въ опьяненіи дѣти, по большей части, бываютъ слабоумны, какъ и вообще дѣти родителей, постоянно преданныхъ пьянству, часто бываютъ склонны къ душевнымъ разстройствамъ.

Изъ 300 слабоумныхъ дѣтей, которыхъ напр. наблюдалъ д-ръ Home, 145 разъ родители этихъ несчастныхъ были преданы пьянству. «И внукъ, говоритъ Фейхтерслебенъ, который отчаянно задумывается надъ тайною своихъ страданій, можетъ легко открыть эту тайну въ грѣхахъ своихъ отцовъ».

Теперь мы уже дошли до важной главы о наслѣдственности.

«И дѣти, которыя мнѣ наслѣдуютъ,
Наслѣдуютъ также мою плоть и кровь!»

поется въ одной народной пѣснѣ.

Да! дѣти наслѣдуютъ какъ добродѣтели, такъ, къ сожалѣнію, и пороки, какъ тѣлесную крѣпость, такъ и болѣзненность своихъ родителей.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ.

Обсужденіе наслѣдственности въ отношеніи способности ко вмѣненію

Психическій врачъ, при изслѣдованіи какихъ-либо сомнительныхъ душевныхъ состояній, долженъ обращать всегда

самое тщательное вниманіе на наслѣдственность извѣстныхъ способностей и отношеній, ибо какъ физическія болѣзни передаются по наслѣдству, такъ точно и душевныя болѣзни наслѣдственны.

Каждый тѣлесный врачъ, когда является къ нему болѣзненный юноша, или блѣдная дѣвица съ подозрительными красны микружечками на щекахъ, спрашиваетъ прежде всего: умерли ли ихъ родители и отъ какой именно болѣзни и т. д.: т. е. онъ всегда спрашиваетъ о наслѣдственности. Тоже самое долженъ дѣлать психіатръ и судебный врачъ, чтобы обратить вниманіе судей и присяжныхъ засѣдателей на этотъ чрезвычайно важный моментъ.

Гризингеръ говоритъ: «можно положительно утверждать, что относительно возникновенія душевныхъ разстройствъ, нѣтъ момента болѣе важнаго, какъ врожденное наслѣдственное предрасположеніе». — Нѣкоторые врачи представляютъ даже статистическіе выводы, что $^6/_7$ или $^9/_{10}$ всѣхъ случаевъ душевныхъ разстройствъ произошли вслѣдствіе наслѣдственности (Burrow, Moreau). — Впрочемъ, всѣ статистическія изслѣдованія величайшихъ психическихъ врачей согласны въ томъ, что $^2/_5$, $^1/_3$, $^1/_2$ всѣхъ случаевъ сумасшествія основывались на наслѣдственности. Эскироль имѣлъ между 264 сумасшедшими, въ своей частной практикѣ, 150 наслѣдственныхъ случаевъ. Эта врожденная способность является наичаще тамъ, гдѣ браки заключаются между родственниками или же въ кругу очень близкихъ между собою семействъ. Что фамиліи погибаютъ вслѣдствіе браковъ членовъ семействъ съ кровными родственниками, и облагораживаются душевно и тѣлесно вслѣдствіе смѣшенія съ здоровою чужою кровью, — есть давно извѣстный фактъ, дознанный опытомъ. Эти браки между близкими родственниками представляютъ несомнѣнное средство и вѣрный путь къ вырожденію,

къ ограниченности духа и свободы, равно какъ и къ эндемическому слабоумію жителей цѣлыхъ округовъ, и именно тамъ, гдѣ какъ напр. въ долинахъ, запертыхъ со всѣхъ сторонъ и проч., такіе браки случаются часто. Отсюда и народное убѣжденіе въ томъ, что такіе браки не приносятъ счастья. — Гугенбюль сказалъ (1851), что ему встрѣтились 60 случаевъ слабоумія дѣтей, гдѣ нельзя было найти никакой другой причины слабоумія, какъ близкія родственныя связи между супругами, ихъ родителями. Потому-то и взглядъ церкви на это дѣло совершенно правиленъ: она запрещаетъ браки между близкими родственниками, и если, не смотря на это, по исключенію и совершаются такіе браки, то у католиковъ для этого всякій разъ требуется разрѣшеніе папы. — Такое разрѣшеніе не должно-бъ было бытьдопускаемо въ интересѣ общества, для котораго нужны только граждане, тѣлесно и душевно здоровые. Вѣдь несчастіе внуковъ, душевное и тѣлесное разстройство невинныхъ потомковъ не можетъ быть остановлено ни деньгами, ни добрыми дѣлами. Д-ръ Эрленмейеръ сообщаетъ намъ свѣдѣніе изъ одной американской медицинской газеты, что въ 17 семействахъ, въ которыхъ родители были двоюродныя братья и сестры, число слабоумныхъ дѣтей было слѣдующее: въ 1-мъ семействѣ ихъ было 5, въ 5-ти по 4, въ 3-хъ было по 2, въ 2-хъ было по 2 и въ 6-ти по 1-му — родившемуся въ слабоуміи ребенку.

Однакожъ браки между кровными родными приносятъ еще мало дурныхъ послѣдствій въ первомъ поколѣніи. Это вѣрно. Зато во 2-мъ и 3-мъ поколѣніяхъ обнаруживаются эти послѣдствія дѣйствительно ужасающимъ образомъ и фамиліи такимъ образомъ вырождаются, не смотря даже на послѣдующую осторожность въ выборѣ супруговъ. Поэтому, Морель справедливо предрекаетъ исчезновеніе старыхъ аристократическихъ фамилій Франціи и Англіи, если они бу-

дутъ продолжать заключать браки лишь въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. Нейманнъ говоритъ, что душевнымъ разстройствамъ подвержена паичаще та часть Шлезвигскаго дворянства, которая заключаетъ браки постоянно лишь въ своемъ кругу и часто въ близкихъ степеняхъ родства.

Бурнетъ указываетъ на паденіе испанской аристократіи въ физическомъ и психическомъ отношеніяхъ, какъ на слѣдствіе продолжающихся брачныхъ соединеній въ замкнутомъ кругу немногихъ семействъ. Кому также, говоритъ Плагге, неизвѣстенъ одинъ владѣтельный княжескій домъ, какъ печальный примѣръ тѣлеснаго и духовнаго упадка, распространяющагося на всѣхъ тѣхъ, которые еще не боялись вступать съ нимъ въ брачныя связи.

Евреи и квакеры, вслѣдствіе своихъ браковъ между кровными родными, выказываютъ очень ясно это наслѣдственное расположеніе къ душевнымъ разстройствамъ. Только легочныя страданія и происходящая отъ нихъ легочная чахотка, кажется, еще болѣе способны передаваться наслѣдственно, чѣмъ душевныя разстройства. Ни въ какомъ случаѣ не нужно обращаться къ дядямъ и теткамъ, чтобы въ $^1/_5$ части случаевъ душевнаго разстройства найти наслѣдственность.

Нерѣдко въ одномъ и томъ же семействѣ одни члены страдаютъ сумасшествіемъ, другіе — падучею болѣзнею, тяжелыми болѣзнями спиннаго мозга, истерикою, судорогами и т. п. — вообще такими болѣзнями, которыя указываютъ на глубокія страданія нервовъ, переходящія наслѣдственно, даже всасываемыя уже съ молокомъ матери. Точно также и наклонность къ самоубійству наслѣдственна. Навѣрное, самоубійство въ очень многихъ случаяхъ есть уже проявленіе сильнѣйшаго душевнаго разстройства; въ другихъ — по крайней мѣрѣ проявленіе обусловленнаго органически (тѣлесно или душевно) *пресыщенія жизнію* (Lebensüberdruss), которое

слѣдуетъ причислить къ начальной формѣ сумасшествія, и именно къ меланхоліи. Опытъ показываетъ, что склонность къ самоубійству у отца и его дѣтей, или вообще у членовъ одного семейства, проявляющаяся въ одномъ и томъ же возрастѣ, передается по наслѣдству.

Въ одномъ семействѣ отецъ, сынъ и внукъ лишили себя жизни на 50-мъ году жизни. Въ Парижѣ не такъ давно умертвилъ себя извѣстный Г. Готье и оставилъ послѣ себя состояніе въ 2 мил. франковъ. Дѣти его остались въ Парижѣ или вблизи его и жили на счетъ этого наслѣдства, которое нѣкоторыми изъ нихъ было еще увеличено, но ни однимъ не было уменьшено вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Всѣ они пользовались всеобщимъ уваженіемъ; но всѣ семь братьевъ лишили себя жизни въ возрастѣ между 30-мъ и 40-мъ годами. Здѣсь нельзя было предположить никакого иного психическаго вліянія, кромѣ удивительной неизлѣчимой наслѣдственности. Замѣтьте это, вы, строгіе моралисты и философы, такъ часто готовые бросить первый тяжелый камень въ несчастнаго самоубійцу! Помните, что вы сами еще сегодня не можете знать, какъ окончите вы жизнь завтра!

Точно также легко можно понять, что слабость характера и излишняя страстность, которыя такъ часто сообщаются по наслѣдству, при извѣстномъ стеченіи несчастныхъ обстоятельствъ, могутъ побудить извѣстныхъ субъектовъ къ преступнымъ дѣйствіямъ.

Такъ, иногда мы видимъ, что въ такихъ семействахъ сумасшествіе, самоубійство и преступленія, взаимно между собою связанныя сцѣпленіемъ извѣстныхъ наклонностей характера, перемѣняются и перемѣшиваются въ высшей степени жалкимъ образомъ *).

*) Читайте интересный случай въ моихъ психіатрич. письмахъ стр. 72, который приводится также въ «Illustrirtes Familienbuch des Triester Lloyd. Neue Folge IV. Bd. 9. Heft. 1864, S. 352. Literaturbericht von Lewin Schükking. О наслѣдственности душевныхъ разстройствъ читай также стр. 75 – 91.

Въ одномъ семействѣ было три душевно-разстроенныхъ брата. Одна мать, умершая въ домѣ умалишенныхъ, оставила четырехъ сумасшедшихъ дочерей. (Ср. Эскироля: «die Geistesstörungen» Deutsch v. Bernhard, Berlin 1838. 1. Bd. S. 38 и «die Institute von Paris» Эскироля. Переводъ Д-ра Віоля Штутгардтъ 1850, стр. 77). Уже было найдено, что въ одномъ и томъ же заведеніи для умалишенныхъ часто одновременно находились дѣдъ, сынъ и внукъ, которые страдали одною и тою же болѣзнію. Мы видѣли въ домѣ умалишенныхъ, въ Галѣ одновременно мужа и жену; счастіе что они не имѣли дѣтей. — Дѣвица М. О., 30 лѣтъ, изъ одной древней испанской благородной фамиліи, оскверненной унизительнымъ бракомъ (mesaliance), больна періодически возвращающеюся меланхоліею и сумасшествіемъ съ наклонностію къ самоубійству. Ея дѣдъ кончилъ жизнь самоубійствомъ на 50-мъ году. Изъ его сыновей двое уже въ юношескомъ возрастѣ лишили себя жизни вслѣдствіе любовной тоски. Третій, отецъ дѣвицы М. О. выказывалъ такія странности и причуды, что его считали почти душевно-больнымъ. Его сынъ, единственный братъ дѣвицы М. О. на 20-мъ году бросился въ море вслѣдствіе невѣрности своей возлюбленной. Одна изъ ея сестеръ при самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни выказываетъ однако такой характеръ, что ей предсказываютъ туже участь.

Однакожъ и въ такихъ семействахъ, гдѣ отдѣльные члены страдаютъ сумасшествіемъ, встрѣчаются иногда личности съ необыкновенно выдающимся умомъ и притомъ либо съ какими-нибудь эксцентричностями и физическими недостатками, либо и безъ оныхъ. Мы можемъ, говоритъ Гризингеръ, указать въ наше время на два примѣра великихъ научныхъ знаменитостей, происходящихъ изъ такихъ семействъ.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что большая раздражимость мозговаго процесса и именно тѣ духовныя свойства, которыя

у однихъ обратились въ нелѣпости и сумасбродства, у другихъ, при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и совершенномъ тѣлесномъ здоровьи, выразились въ видѣ сильной энергіи ума и оригинальности мышленія. Только въ высшей степени рѣдко такія счастливыя внѣшнія обстоятельства и полное физическое здоровье соединяются вмѣстѣ такъ, что чрезъ это парализируется болѣзненное предрасположеніе души!

Далѣе, оказывается, что наслѣдственность вдвое чаще зависитъ отъ матери, нежели отъ отца. Это легко объясняется тѣмъ, что вообще дитя больше заимствуетъ отъ родительницы, чѣмъ отъ родителя. Именно, отъ матери сумасшествіе переходитъ на дѣтей на $^1/_3$ чаще, чѣмъ отъ отца Душевное благосостояніе дѣтей, особенно дѣвочекъ, болѣе всего подвергается опасности вслѣдствіе сумасшествія матери. «Мой духъ-покровитель», говоритъ уже Ифигенія у Эврипида, «былъ мраченъ, угрюмъ и печаленъ уже со дня свадьбы моей матери». Да, изъ нѣдръ матери происходитъ много зла на землѣ. Такъ какъ зародышъ (фетусъ), плодъ въ утробѣ матери находится въ тѣснѣйшей связи съ материнскимъ организмомъ, то понятно, что страданія матери глубоко вліяютъ на жизнь и благосостояніе существа, еще связаннаго съ нею самымъ тѣснымъ образомъ. Чрезъ это, навѣрное, передаются потомкамъ различныя движенія души (Gemüthsbewegungen) страсти или расположенія къ различнымъ болѣзнямъ, равно какъ и самыя болѣзни. Такъ какъ аффекты и страсти всегда глубже вліяютъ на сложные органическіе процессы, то это тѣмъ болѣе часто случается во время беременности матери. Тоже самое почти можно сказать и о кормленіи грудью. Такъ, мы читаемъ уже у Іосифа Флавія, древняго еврейскаго историка, что при разрушеніи Іерусалима, вслѣдствіе ужаса кормящихъ матерей, ихъ дѣти падали мертвыми съ груди на полъ, къ ногамъ римскихъ солдатъ.

Вліяніе аффектовъ на материнское молоко такъ сильно, что вслѣдствіе ихъ, это молоко можетъ вдругъ превратиться въ ядъ. Диво ли послѣ этого, что дѣти всасываютъ съ молокомъ своихъ кормилицъ трусость и храбрость, малодушіе и героизмъ и т. д.

Многія женщины, разсказываетъ Эскироль, которыя были беременны во Франціи во время революціи, родили дѣтей, которыя, при малѣйшемъ на нихъ вліяніи, дѣлаются душевно-разстроенными!

Когда, 30 лѣтъ тому назадъ, пороховая башня въ Мюнхенѣ была взорвана на воздухъ, то ужасъ, поразившій тогда многихъ беременныхъ женщинъ, обнаружился во многомъ на дѣтяхъ. Многія дѣти, рожденныя страшно испуганными матерями, подверглись тѣлесной и душевной слабости.

Эстерлейнъ говоритъ также (Handbuch der Hygiene, 2. Aufl. Tübingen 1857 S. 633): «Какъ сильно могутъ угрожать плоду аффекты и страсти, печаль и т. д. беременныхъ женщинъ — это всѣмъ извѣстно. Такъ напр. изъ 92 дѣтей, рожденныхъ вскорѣ послѣ осады Ландау (1793), 16 умерли при рожденіи, 32 были болѣзненны и умерли еще на 1-мъ году, 8 были слабоумны, 2 были рождены съ поврежденіемъ костей (Knochenbrüchen) и т. д. Д-ръ Гуггенбюль (Guggenbühl) видѣлъ двухъ дѣтей, мать которыхъ во время беременности почти ежедневно гнѣвалась. Эти несчастныя созданія подвергались время отъ времени какъ бы припадкамъ опьяненія, шатались туда и сюда, болтали все безъ разбора, и у нихъ даже бывали измѣненныя черты лица. Разнообразнѣйшія состоянія болѣзненной природы, какъ крайнія проявленія врожденнаго нервнаго темперамента, дурныя наклонности, превратности всякаго рода, ограниченность душевной жизни, духовная лѣнь и слабость, идіотизмъ, кретинизмъ, слабоуміе — связываются съ поврежденіями черепа и мозга,

глухонѣмотою, искривленными ногами, аномаліями половыхъ органовъ и т. п. и часто суть вѣтви одного и того-же ствола въ отдѣльныхъ семействахъ. Все это часто можетъ быть устранено постояннымъ возобновленіемъ крови отъ вполнѣ здоровыхъ и притомъ совершенно между собою чуждыхъ по крови, родителей, скрещиваніемъ расъ; напротивъ, все это увеличивается и доходитъ до самыхъ крайнихъ формъ тѣлеснаго и душевнаго вырожденія, вслѣдствіе дальнѣйшихъ браковъ въ однихъ и тѣхъ-же семействахъ. Это извѣстно уже каждому сельскому хозяину, занимающемуся скотоводствомъ. Не всегда однако-же сумасшествіе прямо передается по наслѣдству въ тѣхъ семействахъ, которыхъ постигаетъ несчастіе имѣть душевно-больныхъ сочленовъ. Душевно-больная мать напр. можетъ имѣть совершенно здоровыхъ дѣтей, но зато одинъ или нѣсколько потомковъ этихъ дѣтей будутъ слабоумны съ самаго рожденія или сдѣлаются душевно разстроенными въ позднѣйшемъ возрастѣ. Чаще также членъ такого семейства до брака кажется еще совершенно здоровымъ. Не медлятъ совершеніемъ его брака. Но послѣ свадьбы, только подъ вліяніемъ супружескихъ отношеній, развивается душевное страданіе или, по крайней мѣрѣ, близко похожая на душевное разстройство своеобразность поведенія, мышленія и т. д., которая впослѣдствіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ перейти въ настоящее сумасшествіе. Также можетъ случиться, что такой несчастный самъ будетъ страдать лишь простою первною болѣзнею (Epilepsie), безъ выдающагося психическаго разстройства. Но дѣти его уже получаютъ по наслѣдству склонность къ меланхоліи или бѣшенству (Tobsucht) и въ свою очередь передаютъ ближайшимъ поколѣніямъ слабоуміе.

Такимъ образомъ понятно, мы это повторяемъ, что слабость характера и страстность (служащія такъ часто посредниками при этой наслѣдственной передачѣ) у личностей,

подверженныхъ этому, при совокупномъ дѣйствіи неблагопріятныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, могутъ быть причиною какого-нибудь преступнаго дѣянія. Поэтому, мы видимъ въ такихъ случаяхъ, что сумасшествіе, самоубійство, преступленія учащаются въ такихъ семействахъ страшнымъ образомъ. И всѣ эти явленія связаны между собою внутреннею таинственною связью извѣстныхъ наслѣдственныхъ предрасположеній въ характерѣ. Поэтому, ни церковь, ни государство не должны были бы терпѣть, чтобы браки заключались между такими особами, въ семействахъ которыхъ попеременно встрѣчались сказанныя наслѣдственныя расположенія къ душевнымъ и нервнымъ разстройствамъ, къ самоубійству, чудачествамъ, странностямъ, или совершались уже преступленія. Но не только браки между близкими кровными родными и между членами семействъ, имѣющими расположеніе къ сумасшествію, угрожаютъ опасностью психическому благосостоянію потомковъ, но иногда, также и вслѣдствіе другихъ причинъ, супруги производятъ сумасшедшихъ дѣтей и часто, какъ единственное наслѣдство, передаютъ дѣтямъ страшный ядъ расположенія къ душевнымъ болѣзнямъ.

Прежде всего, бракъ, заключенный единственно по расчету (это, къ сожалѣнію, случается теперь весьма часто, что бракъ, особенно въ высшихъ классахъ, уподобляется простой банковой сдѣлкѣ) есть весьма опасная для наслѣдниковъ вещь. Послѣдствіями такихъ браковъ весьма часто бываютъ обманъ и печаль, разрушительно дѣйствующіе на духовную жизнь самыхъ родителей, а черезъ нихъ на тѣлесную и духовную жизнь и благосостояніе дѣтей. И если вступающіе въ такой бракъ, не обращая вниманія на свое собственное будущее несчастіе, упускаютъ при этомъ изъ виду выраженіе поэта: «Der Wahn ist kurz, die Reue ist lang» *),

*) «Мечта кратковременна — раскаяніе продолжительно!»

то они должны были-бы по крайней мѣрѣ считать своею священною обязанностью не позволять себѣ вступать въ браки изъ эгоизма, гордости, честолюбія, корыстолюбія и другихъ грязныхъ побужденій, для блага тѣхъ, которые возникнутъ изъ ихъ чреслъ и утробъ, такъ какъ изъ такихъ браковъ зарождается и произрастаетъ сорная трава душевнаго разстройства ихъ дѣтей и внуковъ. Развѣ можно потомъ залѣчить раны окровавленнаго сердца деньгами или внѣшнимъ блескомъ, когда такіе родители видятъ своихъ несчастныхъ дѣтей, страдающими въ сумасшедшихъ или рабочихъ домахъ? Потому, положеніе: «дѣти суть часто наслѣдники не только физическихъ и психическихъ, но и нравственныхъ качествъ своихъ родителей» — непоколебимая истина для судебныхъ врачей, судей и присяжныхъ засѣдателей, какъ и для каждаго психолога, а равно и для всѣхъ тѣхъ, которые работаютъ, хотя-бы и временно, для блага другихъ.

Если къ этому присоединяется еще плохое воспитаніе, то очень легко уже приготовляется будущій преступникъ, и все таки онъ будетъ тогда менѣе всего «*настоящимъ виновникомъ собственныхъ своихъ дѣяній*». Если такой несчастный индивидуумъ не оцѣпивается вполнѣ точно во всѣхъ отношеніяхъ, касающихся его свободы духа и воли, то онъ часто осуждается за такое дѣяніе, которое должно быть приписано не ему, а скорѣе его родителямъ, его печальному существованію, наконецъ несчастному стеченію обстоятельствъ. Дѣти приносятъ съ собою въ свѣтъ какъ тѣлесныя, такъ и нравственныя качества своихъ родителей. Юліусъ Мюллеръ говоритъ въ своемъ христіанскомъ ученіи о грѣхѣ, что слѣдуетъ считать неопровержимымъ фактомъ, что не только стремленія, но и ненормальныя новообразованія и предрасположенія къ извѣстнымъ тѣлеснымъ болѣзнямъ, равно какъ и расположенія къ извѣстнымъ психичес-

кимъ разстройствамъ, къ меланхоліи, сумасшествію и такъ далѣе, передаются при зачатіи. Съ своей стороны мы по опыту знаемъ, что также точно передаются по наслѣдству, отъ родителей къ дѣтямъ, какъ дурныя наклонности, такъ и нравственныя недостатки. Такъ, часто бываетъ, что пороки пьянства, половаго разврата, необузданнаго честолюбія, вспыльчивости (которые всѣ могутъ повести къ разнымъ преступленіямъ), чрезвычайно часто проявляются въ дѣтяхъ, если ихъ родители дозволили этимъ порокамъ господствовать надъ собою.

У дѣтей оказывается тогда это расположеніе, въ видѣ «опасной склонности къ такимъ-же нравственнымъ болѣзнямъ». Расположенія къ нравственнымъ, тѣлеснымъ и духовнымъ ненормальностямъ и разстройствамъ унаслѣдуются дѣтьми тѣмъ легче и тѣмъ вѣрнѣе, когда оба родителя страдали одною и тою же болѣзнію. — Исторія всѣхъ временъ и народовъ даетъ намъ сотни примѣровъ того, какъ унаслѣдуются дѣтьми тѣлесная красота и безобразіе, духовная уродливость и душевныя ненормальности. Мы укажемъ на нѣкоторые. Славный своею красотою Лаисъ Коринѳскій былъ, по Аристофану, рожденъ Византіею, дочерью человѣка, по имени Кармидъ, котораго въ Сикіонѣ называли сыномъ Афродиты. Алкивіадъ, красивѣйшій грекъ своего времени, происходилъ отъ предковъ, отличавшихся своею красотою. — Въ Римѣ были семейства, которыя вслѣдствіе длины носовъ и толщины губъ своихъ членовъ, отличались наслѣдственнымъ безобразіемъ и поэтому получили названія Назоновъ, Лабеоновъ и Буккоповъ (напр. Овидій Назо).

Также орлиные (римскіе) носы и теперь еще наслѣдственны въ семействахъ Бурбоновъ и Борромео изъ Милана. У Гизовъ были одинаковые рты и уши, Монтморанси узнавались по ихъ широкимъ лбамъ. Тѣлесные недостатки, напр. заячья губа, унаслѣдуются чрезвычайно легко. Точно также

слѣпота, близорукость, глухота, недостатокъ обоняпія, безчувственность, недостатки въ выговорѣ (произношеніи) именно страданія органовъ чувствъ и т. д. — упорно продолжались въ извѣстныхъ семействахъ и оставляли ихъ только послѣ длиннаго ряда поколѣній. Бургавъ, Блуменбахъ, Бурдахъ и другіе разсказываютъ намъ объ этомъ очень много примѣровъ. Точно также переходятъ и первыя раздраженія, отвращенія и антипатіи. Яковъ Англійскій дрожалъ и приходилъ въ ужасъ при взглядѣ на простой мечъ, потому что Марія Стюартъ, когда была имъ беременна, видѣла шотландскихъ вельможъ, которые убили такимъ орудіемъ ея секретаря, при чемъ она сама получила нѣсколько легкихъ ранъ. Инстинктивныя и нравственныя свойства индивидуума точно также, какъ и тѣлесныя — обусловливаются извѣстнымъ закономъ наслѣдственности. Въ зоологіи это извѣстный фактъ. Умные и наблюдательные охотники знаютъ истину поговорки: «хороша охота съ *породистой* собакой!», которая выражаетъ, что хорошія качества молодой собаки почти всегда зависятъ отъ свойствъ ея отца или матери. Интеллектуальная наслѣдственность не представляется намъ ничѣмъ инымъ, какъ логическою послѣдовательностію физической наслѣдственности. Ибо и въ самомъ дѣлѣ, если черты лица, тѣлесныя свойства и недостатки, темпераментъ, устройство мозга и строеніе нервовъ унаслѣдуются, то и нравственныя свойства и склонности должны также передаваться по наслѣдству, потому что послѣднія большею частію суть результаты и продукты тѣлесной организаціи. Безъ мозга и нервовъ нѣтъ дѣятельности души! Физическое сходство влечетъ за собою и сходство нравственное. Семейство Мильтіада доставляло героевъ, семейство Перикла — отличныхъ политиковъ. Искусство краснорѣчія было такъ естественно у Гортензіевъ и у Куріоновъ, что оно передавалось по наслѣдству не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Фамилія

Пипина была богата великими мужами, каковы: Пипинъ Ланденскій, Пипинъ Геристольскій, Карлъ Мартеллъ, Пипинъ Короткій и наконецъ Карлъ Великій, который былъ величайшимъ и послѣднимъ выраженіемъ генія этой фамиліи.— Читайте дальше исторію и удивляйтесь, какъ унаслѣдовались преступленія и развратъ въ семействахъ Іоанна XII, Бенедикта IX, Сикста IV и Борджіа! У Висконти, этихъ деспотовъ Милана, мы видимъ, что дикость и всепожирающая жажда мучить, которыя насъ почти поражаютъ и приводятъ въ ужасъ, переходятъ отъ одного члена фамиліи къ другому. Мы находимъ Лукино, который приказывалъ разрывать людей своими собаками; Барнабаса, его племянника, который выдумывалъ страшнѣйшія пытки, чтобы потѣшать свое зрѣніе; Галеаса, который обнаружилъ свой отвратительный вкусъ на 40 дневныхъ мученіяхъ, изобрѣтателемъ коихъ былъ онъ самъ. У Медичи унаслѣдовались стремленія къ власти; у Стюартовъ — упорство, суевѣріе и гордость. У Валуа была наслѣдственная передача всѣхъ этихъ пороковъ. Цѣлый рядъ Гизовъ былъ составленъ изъ ума, низости и гордости; храбрые, отважные до неумѣренности, они, казалось, жили только для оружія и заговоровъ. Фамилія Конде обладала рядомъ съ наслѣственными дарами ихъ духовныхъ способностей, и постыднѣйшими пороками сердца, которые точно также передавались наслѣдственно. Питты, Брентано, Мирабо и т. д.—наслѣдники отличныхъ качествъ, точно также какъ и пороковъ, ошибокъ и причудъ. Фамилія Кассини производила математиковъ, фамилія Бернули — астрономовъ, фамиліи Жюсьё, Жоффруа Сентъ-Иллера прославились знаменитыми учеными и т. д. Три дочери Пиѳагора: Мио, Аригнота и Дамо были очень извѣстны своимъ философскимъ духомъ. Клеобулъ, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ оставилъ своей дочери Клеобулѣ свои добродѣтели и свои таланты. Элегантный Аристипъ,

ученикъ Сократа и глава Киренской школы произвелъ Арету, замѣчательнѣйшую по своимъ познаніямъ женщину своего времени. Божественный Платонъ происходилъ по женской линіи отъ Солона. Гортензій передалъ такимъ же образомъ своей дочери Гортензіи свой блестящій даръ краснорѣчія. Въ Ливіи можно опять узнать Тиберія, а въ Агриппинѣ — отвратительнаго Нерона. Маркъ Аврелій наслѣдовалъ добродѣтели, а Коммодъ — пороки своей матери. Лотаръ II былъ ограниченъ, какъ его мать. Карлъ Великій смотрѣлъ сквозь пальцы на распутство своихъ дочерей, потому что самъ при этомъ припоминалъ и свой собственный развратъ. Сварливая дочь Людвига Упорнаго дала жизнь Карлу Низкому. Людовикъ IX унаслѣдовалъ отъ своей матери вкусъ къ путешествіямъ ко св. мѣстамъ, обѣтамъ и другимъ своеобразнымъ формамъ богопочитанія. Извѣстный Іоаннъ Безстрашный былъ гордъ и властолюбивъ, какъ и его мать Маргарита Брабантская. Мать Чингисъ-Хана была воинственная женщина, и Тамерланъ происходилъ по женской линіи отъ Чингисъ-Хана. Элеонора, Королева Наваррская была также честолюбива, какъ и ея отецъ Іоаннъ II. Катерина Медичи была также лукава, обладала такимъ же искусствомъ притворяться, какъ и ея отецъ, и кромѣ того была жестока и суевѣрна. Извѣстно, что она приготовила Варѳоломеевскую ночь. Катерина имѣла двухъ сыновей, которые были вполнѣ ея достойны: Карла IX, повелѣвшаго изрубить протестантовъ, и Генриха III, приказавшаго убить Гизовъ. Анна Австрійская передала своему сыну, Людовику XIV, свою роскошь и свое тщеславіе. Донъ Педро Жестокій наслѣдовалъ характеръ своей матери. Генрихъ VIII, который казнилъ своихъ женъ, имѣлъ двухъ сыновей кроткаго характера, но двухъ дочерей, которыя были также жестоки, какъ и онъ самъ, и т. д.

Въ исторіи поэзіи, музыки, живописи, ваянія равно

какъ и въ исторіи всѣхъ наукъ, очень много примѣровъ наслѣдственности, подобныхъ вышеуказаннымъ. Мы не хотимъ умножать число примѣровъ изъ исторіи, относительно наслѣдственности добродѣтелей и пороковъ у личностей новаго времени, но каждый могъ уже ознакомиться съ малыми и великими людьми, о которыхъ можно съ полнымъ правомъ сказать въ извѣстныхъ отношеніяхъ хорошихъ или дурныхъ: «это перешло къ нему отъ отца или отъ матери!» Непоколебимо стоитъ основный принципъ: «вмѣстѣ съ унаслѣдованіемъ тѣлесныхъ силъ унаслѣдуются также и извѣстныя направленія души, которыя, какъ и самая душа, находятся въ тѣснѣйшей связи съ органами тѣла. У индивидуумовъ, призрѣваемыхъ въ домахъ умалишенныхъ, чаще всего спрашиваютъ, не страдалъ ли когда нибудь кто изъ родителей или вообще изъ кровныхъ родныхъ какимъ либо душевнымъ разстройствомъ? Не слѣдуетъ ли часто или даже всегда задавать подобные вопросы, побуждаясь человѣчностію, и обвиняемымъ въ совершеніи тяжкихъ преступленій? «Отчего», говоритъ Фридрихъ, одинъ изъ величайшихъ нашихъ криминалъ-психологовъ (System der gerichtlichen Medizin), «не пришли еще никогда до сихъ поръ къ мысли также и въ этомъ отношеніи набрасывать психическое родословное дерево преступника?» Психологія и человѣчество, прибавимъ и мы отъ себя, извлекли бы вѣрно отъ этого для себя большую пользу. «Если бы мы могли всегда», упоминаетъ Д-ръ Гонбаумъ (въ своемъ «Gesundheit und Irrsinn») «возвращаться къ началу жизней, то мы бы здѣсь вѣрно нашли источники нѣкоторыхъ душевныхъ разстройствъ и нѣкоторыхъ преступленій, которые ускользаютъ отъ насъ послѣ, когда мы видимъ человѣка уже готовымъ передъ нами и когда мы судимъ о немъ только по вліяніямъ на него ближайшаго прошедшаго. Мы очень часто опредѣляемъ человѣка только какъ сформировавшагося, уже готоваго, но не принимаемъ въ раз-

счетъ, какимъ образомъ и почему онъ сдѣлался такимъ, какимъ онъ теперь стоитъ передъ нами! Нельзя отрицать, что дѣйствительно существуетъ наслѣдственное расположеніе къ лукавству, хитрости, которое пробуждается уже въ раннемъ дѣтствѣ и составляетъ особенное болѣзненное измѣненіе духа. Часто принимаютъ за отягчающее обстоятельство то, что человѣкъ уже «и отъ юности былъ золъ». Старое безсмысленное юридическое правило: «*Malitia supplet aetatem*» (злость возмѣщаетъ [замѣняетъ] возрастъ), т. е. то, что было бы прощено преступнику вслѣдствіе его молодости, вмѣняется ему въ вину вслѣдствіе его злости,—еще и теперь примѣняется иногда къ дѣлу. — Но именно большая часть случаевъ этого рода, гдѣ злость и ожесточеніе сердца начинаются съ юности, доказываютъ намъ чаще всего, что нѣкоторыя дѣти уже рождаются въ свѣтъ съ злыми, несчастными наклонностями. У нѣкоторыхъ дѣтей замѣчаются уже раннія стремленія и наклонности вредить другимъ и причинять имъ зло. Часто замѣчаются уже очень рано проявленія жестокости, которыя обнаруживаются въ удовольствіи мучить животныхъ. Дѣти съ слабыми умственными силами, вслѣдствіе недостаточной организаціи, именно мозга и нервной системы, обнаруживаютъ часто замѣчательное стремленіе къ злорадству, коварству, сами незная отчего. Если такія существа, именно окалѣченныя, разслабленныя, горбатыя, которыя не могутъ внѣшнимъ образомъ защищаться силою своихъ мускуловъ и энергіею своихъ локтей, какъ это часто случается, выведены изъ терпѣнія насмѣшками, придирками и дурнымъ обращеніемъ съ собою, и не въ состояніи ничего сдѣлать открытою силою, то они стараются съ помощію лукавства и хитрости защититься посредствомъ ненависти, коварнаго мщенія и лукавой ярости. Такъ несчастныя предрасположенія и въ особенности расположеніе къ ограниченности духа, которыя наслѣдственно даются самою природою, могутъ впослѣдствіи

вести къ нарушеніямъ закона и даже къ настоящимъ преступленіямъ. Д-ръ Воазенъ во Франціи, какъ сообщаетъ д-ръ Вейль, неоднократно посѣщалъ галеры и другія мѣста заключенія, и утверждаетъ, что большая часть преступниковъ — отъ рожденія слабоумные люди съ неразвитой организаціею, у которыхъ разсудокъ и нравственное чувство не въ состояніи управлять инстинктомъ (естественными стремленіями). Тоже утверждаетъ и Мецъ (См. Appert'a dessen Gefängnis in Wien 1851). Мы изслѣдовали уже въ нашихъ психіатрическихъ письмахъ, какое важное располагающее вліяніе на возникновеніе душевныхъ разстройствъ имѣютъ темпераменты. Такъ, изъ меланхолическаго темперамента нерѣдко развивается тоска, изъ холерическаго — сумасшествіе, изъ сангвиническаго — глупость, и изъ флегматическаго — слабоуміе. Но темпераменты и тѣлосложенія разсматриваются Эрдманомъ какъ природныя свойства (naturell) человѣка. Поэтому, темпераменты суть духовныя группы индивидуальности (geistige Individualitätsgruppen), т. е. онѣ заключаютъ въ себѣ сумму психическихъ своеобразностей, которыя духовно характеризуютъ данный индивидуумъ. Также и различіе страстей зависитъ отъ различія отдѣльныхъ темпераментовъ. Меланхоликъ обыкновенно подозрителенъ, мраченъ, язвителенъ. Сангвиникъ нерѣшителенъ, мягокъ. Холерикъ холоденъ, грубъ, жестокъ. Это — главнымъ образомъ вслѣдствіе природнаго свойства и способности темперамента, въ чемъ отдѣльная личность обыкновенно нисколько не виновата; опять же не дѣло каждаго ограничивать и рѣзко односторонне выдающіяся особенности темперамента. Да, храбръ побѣдитель львовъ, — храбръ покоритель свѣта, — но храбръ тотъ, кто самъ себя покорилъ, себя и свой духъ въ себѣ, свои страсти, которыя очень часто воспламеняются изъ огненнаго темперамента. У нѣкоторыхъ людей нерѣдко нервы отъ природы устроены такимъ образомъ, что часто уже

ничтожное внѣшнее раздраженіе или возбужденіе потрясаетъ ихъ очень сильно; у другихъ — нервная жизнь течетъ болѣе пассивно, не смотря на частыя и сильныя внѣшнія вліянія, Поэтому, послѣдній можетъ противостоять часто даже и страшнѣйшимъ жизненнымъ бурямъ, тогда какъ первый поддается даже малѣйшимъ раздраженіямъ, обольщеніямъ, разнымъ обстоятельствамъ и т. д. Уже въ различіи обоихъ половъ сказывается эта поразительная склонность или предрасположеніе къ извѣстнымъ преступленіямъ и порокамъ, добродѣтелямъ и преимуществамъ. «Но еслижъ въ гражданскихъ дѣлахъ принимается во вниманіе различіе половъ», говоритъ Фридрихъ, «то была бы величайшая непослѣдовательность и несправедливость, еслибъ не принималось во вниманіе это различіе половъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ идетъ рѣчь о преступленіяхъ и вмѣненіи. Женщины напр. гораздо рѣже принимаютъ участіе въ преступленіяхъ противъ лица, чѣмъ въ преступленіяхъ противъ собственности. Что касается дѣятельности души, то какое громадное значеніе имѣютъ здѣсь унаслѣдованныя тѣлесныя свойства! Мы знаемъ, что тѣло есть основа духа, что въ матеріи заключаются всѣ силы, и вся духовная дѣятельность человѣка зависитъ отъ тѣлесныхъ органовъ.

Разсмотримъ только напр. различныя формы образованія черепа (Schädelbildungen), хотя мы и не можемъ придавать имъ столько значенія, какъ это дѣлаютъ у Галя *) нѣкоторые болтуны (Nachbeter und Ausbeuter) и краніоскопическіе шарлатаны. Но вѣдь внѣшнее все таки часто бываетъ отпечаткомъ и выраженіемъ внутренняго. «Въ глазахъ лежитъ сердце» **) поется

*) Галь доказалъ поразительными примѣрами, что организація вора унаслѣдуется сыномъ отъ отца. Кажется, что тоже можно сказать и объ убійцахъ. Люди, отдающіе ужасное предпочтеніе человѣческому мясу, передаютъ по наслѣдству это предпочтеніе, т. е. людоѣдство и своимъ дѣтямъ. и т. д.

**) «In den Augen liegt das Herz».

въ одной народной пѣснѣ. — Нѣкоторые люди внушаютъ нерасположеніе къ себѣ, если они по несчастію имѣютъ «дурную наружность». И все таки наружность эта ими унаслѣдована. И какъ легко подкупается наше сужденіе о человѣкѣ и дѣлается такимъ образомъ предубѣжденіемъ противъ него, хотя онъ намъ, можетъ быть, не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла; тѣмъ не менѣе мы, какъ сами говоримъ, безъ всякаго основанія не можемъ его «терпѣть». Часто можно услышать: «я самъ не знаю отчего, но его наружность мнѣ представляется такою антипатичною!» — Но если такъ часто изслѣдовали строеніе черепа психически-больныхъ, то почему-же это самое не дѣлаютъ и съ нравственно-больными? Кто смотритъ на жизнь только немного болѣе глубокимъ взглядомъ, тотъ находитъ, что природа производитъ какъ нормальное, такъ и ненормальное. Мы встрѣчаемъ въ жизни натуры гармоническія и негармоническія. «Зачатіе отъ хорошаго сѣмени», говоритъ далѣе Руфъ, «много способствуетъ тому, чтобы сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, напротивъ, зачатіе отъ дурнаго сѣмени сильно способствуетъ тому, чтобы сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ. Какъ часто человѣку легко дѣлать добро при большемъ расположеніи и сильной склонности къ добру! Наоборотъ, какъ легко человѣкъ дѣлаетъ зло при большемъ расположеніи ко злу! Много, безконечно много должно быть отнесено здѣсь къ природѣ, къ духовнымъ склонностямъ. Если ни естественныя наклонности сами по себѣ, ни расположенія, ни темпераментъ, въ особенности характеръ человѣка не должны непремѣнно сдѣлать его безнравственнымъ, то все таки они очень легко могутъ это сдѣлать. Говорятъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть принужденъ дѣлать зло, но все таки извѣстныя склонности могутъ сдѣлать человѣка духовно-несвободнымъ, такъ что воля его обезсиливается совершенно, ограничивается его самоопредѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ и его

психическая свобода, и уменьшается и даже и совсѣмъ уничтожается способность его ко вмѣненію.

Сущность зла часто бываетъ совершенно ясна многимъ индивидуумамъ. Но какъ трудно, часто даже почти невозможно здѣсь для человѣческаго глаза отличить кажущееся отъ истиннаго и опредѣлить, что подлежитъ собственно обвиненію и что не подлежитъ. Большею частію не трудно констатировать преступное дѣяніе. Точно также обыкновенно не трудно опредѣлить преступленіе и внести его въ уголовный кодексъ, чтобы пріискать для него приличное наказаніе. Но какъ часто бываетъ безконечно трудно судить самого человѣка, какъ преступника и опредѣленно найти мѣру его виновности! Какъ часто бываетъ очень трудно опредѣлить по совѣсти, гдѣ прекращается свобода человѣка и гдѣ начинается полная свободная воля! Такимъ образомъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ мы уже это до сихъ поръ видѣли, что *существуютъ уже отъ самаго рожденія счастливыя и несчастныя натуры и склонности, которыя переходятъ наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ*. Кто можетъ оспаривать эти данныя? Счастливое, хорошее природное дарованіе является незаслуженнымъ даромъ. Рожденный же съ несчастными порочными наклонностями, напротивъ, казался уже древнимъ какъ «*infausto sidere natus*». Фактъ, что люди рождаются съ различными предрасположеніями, издавна признается всѣми, но самый способъ объясненія этого факта былъ въ различныя времена различенъ. Отсюда произошла въ средніе вѣка вѣра въ созвѣздія и въ расположеніе звѣздъ въ часъ чьего-нибудь рожденія. Самъ Кеплеръ ставилъ еще гороскопы! «Да, злыя звѣзды! Моя несчастная звѣзда!» жалуются многіе не совсѣмъ безъ основанія. Мы хотимъ къ этому прибавить только еще общіе признаки, которые по высказанному способу при наслѣдственномъ расположеніи къ психическимъ болѣз-

нямъ, или даже при наслѣдственномъ сумасшествіи. Слѣдующія обстоятельства могутъ быть разсматриваемы (по Морелю) преимущественно, какъ діагностическія, характеристическія признаки наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ болѣзнямъ. Такое сумасшествіе обнаруживается большею частію вслѣдствіе маловажныхъ внѣшнихъ причинъ, оно состоитъ часто въ преобладаніи безумныхъ чувствованій съ относительно неповрежденнымъ разумомъ; при этомъ бываютъ значительныя облегченія и пароксизмы. Сильныя галлюцинаціи и паралитическое слабоуміе довольно рѣдки, напротивъ часто бываетъ сильная склонность къ безумному образованію ложныхъ представленій. Еще въ относительно здоровомъ состояніи такіе индивидуумы отличаются большею чувствительною раздражительностію и вмѣстѣ съ тѣмъ своею бо̀льшею зависимостію отъ вліянія внѣшняго міра; часто — разными оригинальностями и эксцентричностями, а иногда и отдѣльными односторонними необыкновенными талантами или способностями рядомъ съ интеллектуальными и вообще душевными странностями. *Но еще больше, чѣмъ самыя склонности, дѣйствуетъ на душевное состояніе развитіе этихъ предрасположеній и унаслѣдованныхъ душевныхъ свойствъ посредствомъ воспитанія, общественнаго положенія* и д. т.

II.

Развитіе душевныхъ и тѣлесныхъ наклонностей, ведущихъ къ душевнымъ разстройствамъ.

> Исторія произведеній земляной почвы и т. д. глубоко и внутренно сплетена съ судьбою людей и съ цѣлымъ кругомъ ихъ ощущеній, мыслей и дѣяній.
>
> Георгъ Форстеръ.

Въ первой главѣ мы старались оцѣнить наклонности человѣка, полновѣсно рѣшающія дѣло при контролированіи психической свободы. Но эти наклонности человѣкъ не самъ себѣ сообщаетъ (какъ мы уже видѣли), и въ томъ, что потомъ дѣлается изъ этихъ унаслѣдованныхъ наклонностей, человѣкъ тоже большею частію не виноватъ. Склонности эти продолжаютъ развиваться и вырабатываться, пока индивидуумъ еще молодъ. Онѣ, равно и характеръ, вырабатываются, пока человѣкъ еще дитя, слѣдовательно, находится въ состояніи невмѣняемости, пока онъ не можетъ различать добро и зло и окончательно выбирать между тѣмъ и другимъ. Но первое вліяніе на молодаго человѣка, отчасти прививка добра и зла, равно какъ и воспитаніе большей части ощущеній и чувствъ происходитъ уже въ утробѣ матери и возлѣ материнской груди.

Здѣсь наслѣдственность добра и зла связывается посредствомъ материнскаго молока съ первымъ развитіемъ склонностей, которыя привиты дитяти его отцомъ и матерью и имъ всасываются вмѣстѣ съ первою пищею. Да, материнское молоко и материнская утроба суть первая и лучшая

образовательная и воспитательная школа для человѣка. Не тому принадлежитъ дитя, кто его родилъ, но тому, кто его любитъ. Только вслѣдствіе материнской любви мать становится матерью. Но сколько дѣтей погибаетъ не только тѣлесно, но и душевно чрезъ наемныхъ мамокъ? Гдѣ остается (если дитя поспѣваетъ тѣлесно) воспитаніе души, которое должно начаться тотчасъ по рожденіи дитяти, и въ которомъ новорожденный такъ нуждается? Вотъ сидитъ любящая, настоящая мать за семейнымъ столикомъ, со своими дѣточками на колѣняхъ, мать, которая знаетъ, что изъ ея груди течетъ для ея милыхъ дѣтей тѣлесная и духовная пища одновременно. Она окружаетъ ихъ знаками нѣжнѣйшей любви, и дитя ликуетъ и не можетъ до-сыта наглядѣться на милыя черты, которыя для него составляютъ все. Вотъ мать любовно приговариваетъ ему и поетъ пѣсенку, а дитя внимаетъ, хотя еще и безсознательно, этимъ нѣжнымъ звукамъ. Они идутъ отъ сердца и входятъ въ сердце. Нѣжная материнская рука ласкаетъ дитя (но не подобно мамкамъ, которыя своими грубыми ласками сообщаютъ дитяти склонности къ опаснѣйшимъ нравственнымъ болѣзнямъ), и радуется мать улыбкѣ своего дитяти, какъ знаку, что радость уже заняла мѣсто въ маленькой первной системѣ. О, какъ отличается это ухаживанье отъ ухаживанья чужихъ людей! Удивительно ли, что дитя, цѣломудренно воспитанное материнскою грудью и въ цѣломудренной материнской утробѣ, становится современемъ прекраснымъ человѣкомъ со всѣми преимуществами матери и со всѣми добродѣтелями отца? Удивительно ли это, когда нѣжное чувство соединяется съ человѣчностію, чтобы потомъ короновать благородныя чувства юноши? Совсѣмъ не то бываетъ, когда дитя воспитывается мамкою; поэтому и отецъ Рафаэля не могъ терпѣть, чтобы его сына кормила мамка; малютка долженъ былъ получить первую пищу изъ груди своей нѣжной, кроткой матери Магіи. Почему мы имѣемъ

такъ мало людей великодушныхъ, гуманныхъ и поистинѣ хорошо воспитанныхъ, особенно въ высшихъ кругахъ общества? Потому, что мы болѣе не имѣемъ настоящихъ матерей, и воспитаніе нашихъ дѣтей поручаемъ наемнымъ хозяйкамъ, которыя нерѣдко воспитываютъ дѣтей съ пренебреженіемъ и холодностію и даже часто прививаютъ имъ склонности къ порокамъ и преступленіямъ.

Такъ, глупость, говоритъ д-ръ Карлъ Пильцъ въ своемъ сочиненіи «Bilder aus dem Mutterleben», большею частію находится въ крови и бываетъ заразительна. Да, въ крови и въ молокѣ и кромѣ глупости находится еще многое! Сумасшествіе и преступленія корепятся часто уже въ материнской груди. Такъ, разсказываютъ, что Александръ Вольта, знаменитый естествоиспытатель, имѣлъ долгое время сумасшедшую мамку и чрезъ это въ теченіи многихъ лѣтъ былъ тупоуменъ и не оказывалъ никакихъ успѣховъ, пока наконецъ прекрасное дарованіе, которое онъ получилъ при рожденіи, не побѣдило, и онъ могъ поправиться. Но почему такъ часто матери высшаго круга отказываются отъ важнѣйшаго дѣла кормленія грудью и попеченія о своихъ дѣтяхъ? Говорятъ, что онѣ обыкновенно для этого очень слабы. Это легко быть можетъ, но въ этомъ оправданіи заключается также настоятельнѣйшее напоминовеніе о томъ, чтобы дѣвицъ съ ранняго дѣтства воспитывать свѣжѣе и крѣпче, а не портить ихъ за книгами и пяльцами. Но справедливо также говорятъ, что такъ называемыя привеллигированныя матери слишкомъ горды (вслѣдствіе тщеславія и глупости), чтобы кормить своихъ дѣтей; что онѣ содержаніе мамокъ принимаютъ за «bon ton», какъ и переѣзды на дачу (auf's Land gehen), а также что онѣ не въ состояніи изъ любви къ своему дитяти отказаться на нѣкоторое время отъ удовольствій свѣта и разныхъ наслажденій. Но развѣ есть въ цѣломъ твореніи что нибудь отвратительнѣйшее, говоритъ

Гросъ-Гоффингеръ, матери, которая не любитъ своихъ дѣтей, матери, которая изъ вздорнаго опасенія потерять свои прелести, передаетъ своихъ дѣтей мамкамъ и служанкамъ? Если даже и прививается дѣтямъ доброе сѣмя, то какъ часто добрый посѣвъ портится дурными мамками вслѣдствіе нравственной горечи, которая притекаетъ къ дитяти вмѣстѣ съ молокомъ мамки!? Удивляться ли послѣ этого, что честнѣйшіе родители видятъ въ своихъ дѣтяхъ сумасшедшихъ и преступниковъ, когда скверныя мамки съ своимъ порочнымъ молокомъ вливаютъ въ дѣтей наклонности ко всѣмъ гадостямъ?

Такъ, препебреженіе материнскаго воспитанія было также однимъ изъ первыхъ признаковъ паденія римской имперіи. Демосѳенъ требовалъ осужденія одной женщины (Atheus), которая приказала чужой женщинѣ кормить свое дитя. Спартанскій законъ повелѣвалъ, чтобы каждый человѣкъ, проходя мимо кормящей матери, останавливался для того, чтобы ее привѣтствовать. Также и Маркъ Аврелій хотѣлъ, чтобы всѣ женщины кормили своихъ дѣтей и, такимъ образомъ, были бы матерями вполнѣ, а не вполовину только. Антонинъ Благочестивый имѣлъ обыкновеніе привѣтствовать матерей, которыя кормили грудью своихъ дѣтей и приказалъ выдавать имъ награды. Руссо возставалъ противъ *моды нанимать мамокъ* (каковое безчинство завелось при Людовикѣ XIV), и, благодаря его основательному краснорѣчію, настоящій энтузіазмъ кормить своихъ дѣтей обнялъ все французское общество, и вотъ настала новая *мода кормить своихъ дѣтей* (печальная характеристика времени, въ которое такая святая обязанность, какъ материнское кормленіе, можетъ быть унижено до степени предмета моды!) Теперь ремесло мамокъ опять распространилось по всей Франціи и въ доброй части Германіи *).

*) Къ несчастію, и въ извѣстныхъ классахъ русскаго общества!
Прим. перев.

1. Воспитаніе человѣка.

Но кто же образовываетъ и совершенствуетъ способности человѣка? Ужъ вѣрно не онъ самъ, а другіе! Образованіе человѣческихъ способностей производится прежде всего и притомъ въ самой ранней юности посредствомъ воспитанія. Такимъ образомъ, въ гибкой и способной къ образованію душѣ дитяти зародышъ добра или зла получаетъ дальнѣйшее развитіе. Но такъ какъ человѣкъ самъ себя не воспитываетъ, то главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ воспитателямъ. Молодой врожденный зародышъ, наклонность къ добру, можетъ быть очень легко заглушенъ дурнымъ воспитаніемъ. Врожденное стремленіе ко злу, «*Nitimur in vetitum*», стремленіе къ запрещенному, которое точно также прививается каждому человѣку отъ природы, можетъ быть такимъ же образомъ, благодаря превратному воспитанію, развито и вскормлено; такъ что наконецъ сорная трава заглушаетъ всякое доброе сѣмя и, возрастая больше и больше, должна наконецъ произвести одно лишь зло. Уже многіе сдѣлались злодѣями, сами не зная, какимъ образомъ; уже многіе сдѣлались святыми, также едвали зная, какъ это съ ними случилось! Да, воспитаніе есть важнѣйшее дѣло для позднѣйшаго блага юношества, даже для блага цѣлыхъ поколѣній. Если же дѣти дѣлаются впослѣдствіи людьми, — мужчинами и женщинами и «яблочко отъ яблони далеко не падаетъ», то это имѣетъ еще большее значеніе относительно самыхъ способностей, т. е. относительно развитія способностей посредствомъ воспитанія. Примѣръ и воспитаніе — важнѣйшіе двигатели всякаго образованія. Къ этому присоединяется еще привычка, эта кормилица всякой нашей дѣятельности, какъ душевной, такъ и тѣлесной. Мы уже основательно разсмотрѣли въ нашей «Orthophädie der Gegenwart», (глава о физико-психологическомъ раціональномъ воспитаніи дѣтей) въ чемъ должно состоять настоящее воспи-

таніе молодыхъ людей: «пусть пріучаютъ дитя съ самой ранней юности къ тому, чтобы оно оставляло все злое; напротивъ, пусть заставляютъ его со всею послѣдовательностію постоянно повторять то, что оно послѣ должно признавать добромъ и, какъ таковое, всегда выполнять. Да, хорошее плодотворное воспитаніе должно начинаться съ пеленокъ. Несмотря даже на самое лучшее воспитаніе, всегда будутъ еще впослѣдствіи такіе моменты въ жизни какъ будущаго мужчины, такъ и будущей женщины, когда выборъ между добромъ и зломъ будетъ очень затруднителенъ: нужно иногда быть геркулесомъ, чтобы на какомъ-нибудь перекресткѣ жизненной дороги выбрать правое. Такъ какъ, слѣдовательно, воспитаніе должно споспѣшествовать развитію способностей въ человѣкѣ, а человѣкъ самъ себя не воспитываетъ и воспитывать себя не можетъ, то мы видимъ въ этомъ опять второй могущественный элементъ, входящій извнѣ въ каждаго человѣка безъ различія и могущій ограничивать или даже и совсѣмъ уничтожать его свободу воли. Очень часто, когда мы видимъ передъ собою несчастнаго преступника, слѣдуетъ только спросить, кто были его воспитатели, и узелъ будетъ развязанъ, т. е. вопросъ о томъ, какъ случилось, что человѣкъ этотъ дошелъ до такого состоянія? Поэтому, чтобы быть справедливымъ относительно человѣчества и сдѣлаться гуманнымъ въ полнѣйшей мѣрѣ, вопросъ о развитіи способностей человѣка долженъ всегда приниматься въ соображеніе при судебныхъ вопросахъ о состояніи вмѣняемости. Но какъ обстоятельства жизни и отношенія, среди которыхъ человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, различны, точно также и самое развитіе способностей различно видоизмѣняется.

Развитіе же этихъ душевныхъ и тѣлесныхъ способностей посредствомъ тѣлеснаго и духовнаго воспитанія зависитъ отъ природы (Natur) отъ почвы (*Scholle*), на которой

человѣкъ живетъ, отъ положенія (*Lage*), въ которомъ онъ находится; но *главнымъ образомъ отъ людей, которые его воспитываютъ* *).

2. Житейскія отношенія человѣка.

Какъ природа своею питательною силою и своими питательными средствами физически поддерживаетъ человѣка, такъ

---

*) Кто эти люди, которымъ большею частію и обыкновенно ввѣряется воспитаніе человѣческаго рода? Родители и учители (воспитатели). Но очень часто родители и воспитатели заслуживали болѣе палочныхъ ударовъ, чѣмъ дѣти, которымъ въ былое время эти подарки расточались обильно! Обо многихъ плохихъ мнимыхъ педагогахъ нашего времени, обо всѣхъ невоспитанныхъ, но скорѣе всего еще испорченныхъ воспитаніемъ, мужчинахъ и женщинахъ, папашахъ и мамашахъ, мы имѣли уже случай высказать всю горькую и печальную правду въ соч. «Phychische Aetiologie der Scoliosen» (Аусбургъ, I. A. Schlosser'sche Buchhandlung). Съ этою правдою вполнѣ согласились величайшіе и умнѣйшіе дѣятели на поприщѣ народной педагогики, какъ напр. оберъ-консисторіальный президентъ д-ръ v. Harles въ Мюнхенѣ. Очень нерѣдко именно тѣ, которые кажутся призванными обучать и просвѣщать народъ, сами имѣютъ дѣтей либо совсѣмъ невоспитанныхъ, либо ложно воспитанныхъ. Ихъ собственная плоть и кровь нерѣдко наиболѣе пренебрегается въ отношеніи воспитанія. Тогда какъ народные учители еще сносно трудятся надъ воспитаніемъ чужихъ дѣтей, за которое имъ платятъ, ихъ собственныя дѣти имѣютъ привиллегію оставаться невоспитанными. Мы при этомъ всегда вспоминаемъ о нашемъ, нынѣ покойномъ, профессорѣ математики Шаадѣ, который тоже утверждалъ, что дѣти школьныхъ учителей обыкновенно бываетъ наиболѣе избалованы и нахуже воспитаны своими же родителями.

Если у насъ, студентовъ, случалось самоубійство, преступленіе, грубое излишество, то (говорилъ онъ совершенно справедливо), главную роль въ этомъ дѣлѣ всегда игралъ сынъ школьнаго учителя. Мы сами часто встрѣчали въ жизни то явленіе, что дѣти школьныхъ учителей, были нахуже развиты въ отношеніи ихъ природныхъ наклонностей, т. е. имъ по большей части недоставало истинно дѣльнаго воспитанія и образованія. Въ то самое время, когда мы писали эти строки, передъ нами стоялъ молодой человѣкъ, опять таки, къ сожалѣнію, сынъ школьнаго учителя, который за подлогъ высидѣлъ 8 лѣтъ въ смирительномъ домѣ; вообще же сыновья школьныхъ учителей и сами школьные учители (отцы), доставляютъ почти наибольшій контингентъ преступленій противъ нравственности. Но когда мы видимъ столь достойнаго сожалѣнія человѣка, то невольно вспоминаемъ нашего покойнаго математика. Сыновья школьныхъ учителей да дѣти педагоговъ! Вотъ печальные плоды народныхъ воспитателей.

точно таже природа опять преимущественно и чаще всего вредитъ ему на пути его развитія и притѣсняетъ его духовно и тѣлесно. Именно, внѣшній міръ то дружески обнимаетъ человѣка, то враждебно его отталкиваетъ, и способенъ принести ему то счастіе, то несчастіе. Поэтому, рядомъ съ воспитаніемъ, главнымъ факторомъ въ развитіи способностей, стоятъ еще отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ взростаетъ и воспитывается, — отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ его способности могутъ либо удачно созрѣть, либо болѣзненно испортиться.

Если потребныя для духовнаго и тѣлеснаго развитія (мы опять возвращается къ нашему: «mens sana in corpore sano») человѣка, внѣшнія окружающія его отношенія, ему благопріятствуютъ, то изъ него можетъ выйти нѣчто прекрасное и великое. Если человѣку врождены хорошія наклонности, то истинное, доброе и прекрасное въ немъ можетъ, подъ вліяніемъ благопріятнаго развитія, созрѣть до идеальныхъ цвѣтовъ и плодовъ. Но если отношенія неблагопріятны для человѣка и не соотвѣтствуютъ его природѣ, то часто наилучшій и надежнѣйшій зародышъ, какъ это показываетъ намъ ежедневный опытъ, можетъ быть искалѣченъ и испорченъ.

И въ жизни часто говорятъ: «изъ этого человѣка поистинѣ вышло бы нѣчто великое, — но... печальныя отношенія!» (дурное воспитаніе, несчастная среда). Энергія, наклонность къ мужеству, храбрости и силѣ переходятъ часто въ такомъ человѣкѣ въ звѣрство, если только сказаннымъ наклонностямъ не дано правильнаго направленія. При благопріятныхъ обстоятельствахъ человѣкъ вышелъ бы величайшимъ полководцемъ, а теперь несчастный умираетъ буяномъ и т. д. — Человѣкъ можетъ съ теченіемъ времени только тогда дѣйствительно сдѣлаться добрымъ, когда внѣшнія отношенія для него сложились такимъ образомъ, что соотвѣтствуютъ его способностямъ. Здѣсь человѣкъ въ своемъ

развитіи похожъ на растеніе. Каждое растеніе нуждается въ свойственномъ ему мѣстѣ произрастанія, въ свойственномъ ему одному уходѣ и опредѣленной обстановкѣ, которая соотвѣтствуетъ его особенной природѣ, т. е. его, такъ сказать, наклонностямъ.

Многіе люди, къ сожалѣнію, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для нихъ внѣшнихъ отношеній, получаютъ вмѣсто истиннаго воспитанія и образованія — превратное. — Убійцы и разбойники, какихъ мы сегодня видимъ передъ собою, не всегда организованы природою хуже, чѣмъ многіе герои добродѣтели. Но часто лишь внѣшнія обстоятельства включаютъ первыхъ въ ряды преступниковъ. Часто даже между ними встрѣчаются человѣчные, великодушные характеры, которые нерѣдко насъ трогаютъ и удивляютъ; характеры такіе встрѣчаются даже между разбойниками и убійцами *). О, совсѣмъ нерѣдко лѣсной

*) Разсказываютъ факты о разбойникахъ въ венгерскихъ и италіянскихъ равнинахъ и лѣсахъ, долинахъ и горахъ, что они изъ чувства человѣчности оставлютъ ограбленному путнику все таки столько, сколько ему нужно для того, чтобы прилично прибыть туда, гдѣ онъ можетъ запастись новыми средствами для дороги и т. д. Если только личная или національная месть не руководитъ такими разбойниками, то рѣдко угрожаетъ опасность здоровью или жизни нападаемаго. Бѣдный же поденьщикъ въ высоко-цивилизованныхъ городахъ, который напр. не въ состояніи уплатить своевременно деньги за квартиру, свою рабочую подать и другіе налоги, потому что онъ и его семейство были больны, не бываетъ ли совершено ограбленъ силою права безчеловѣчнѣйшимъ ростовщикомъ и домовладѣльцемъ? Онъ, лишенный послѣдней рубашки, выкидывается на улицу; потомъ онъ долженъ работать, босой, безъ постели и крова. Что тогда дѣлать? Милостыни просить онъ не можетъ (не долженъ), воровать онъ не хочетъ! Смерть есть единственный выходъ изъ такого положенія. Кто же теперь человѣчнѣе: разбойникъ или ростовщикъ? Обыкновенный разбойникъ, внушающій страхъ и почтеніе, прославленный дьяволомъ дикихъ мѣстъ, навѣрное, никогда еще не ограбилъ бѣднаго поденьщика и не отнялъ у него хлѣбъ которымъ онъ долженъ кормить жену и дѣтей. Путешествующіе силины, надутые банкиры — по большей части ихъ жертвы. Но въ цивилизованныхъ странахъ находятся разбойники, которые нравственно и физически — принуждаютъ бѣдныхъ — отдать имъ послѣднюю копѣйку, т. е. они, бѣдняки, отдаютъ ее, разумѣется, добровольно какъ говаривали въ старину о пытаемыхъ колдуньяхъ: «онѣ сознались добровольно и откровенно!» Да, добровольно, — подъ пыткой!!!

разбойникъ бываетъ человѣчнѣе инаго гражданина, торжествующаго съ своею самосозданною властію! Тамъ и сямъ еще глубоко проникаютъ человѣческую грудь человѣческія чувства! И даже тотъ, кто можетъ о себѣ спѣть: Sonst spielte ich и т. д., долженъ благодарить Бога и обстоятельства, за то, что онъ Божіею милостію сдѣлался обладателемъ земли и людей и блюстителемъ человѣчества! Но преступленіе и геройское дѣяніе имѣютъ часто въ извѣстныхъ отношеніяхъ одинъ и тотъ же корень. Здѣсь производятъ огромное различіе только внѣшнія благопріятныя или неблагопріятныя обстоятельства. Большею частію только наклонности въ своемъ развитіи и потомъ въ своихъ дѣйствіяхъ производятъ счастливую или несчастную звѣзду для многихъ. Если мы напр. разсмотримъ четыре главныя направленія нашей сознательной жизни, какъ это показываетъ Нейманъ, (которыя подробно разсмотрѣны въ нашихъ психіатрическихъ письмахъ на стр. 243), то мы сейчасъ очень ясно увидимъ, къ какимъ контрастамъ можетъ повести вообще отдѣльную личность развитіе природныхъ наклонностей вообще вслѣдствіе человѣческихъ отношеній. Превратное одностороннее воспитаніе часто бываетъ также вредно, какъ и самый недостатокъ воспитанія. Именно, если всѣ вмѣстѣ способности по праву не обращаютъ на себя одинаковаго вниманія при воспитаніи, образованіи и т. д., одна наприм. совсѣмъ пренебрегается, а другая чрезмѣрно воспитывается, если, благодаря обстоятельствамъ, одно лишь отправленіе души образуется въ ущербъ другимъ, которыя насильственно оттѣсняются: то возникаетъ дисгармонія; дисгармонія же въ душевной и тѣлесной жизни есть болѣзнь. Человѣкъ, напр. одаренный способностію, обращенною преимущественно къ природѣ и чувственному міру, представитъ намъ образъ наилучшаго естествоиспытателя, если только душа его будетъ просвѣщена и всесторонне образована, такъ что его

стремленіе къ природѣ получитъ правильный ходъ и будетъ управляться волею укрѣпленною надлежащимъ воспитаніемъ. Но если этому, страстно преданному природѣ человѣку, который такъ охотно ее обожаетъ, недостанетъ стремленія къ истинному и нравственному, то, если только духовное его развитіе не доведено до извѣстной степени посредствомъ воспитанія, обученія и т. д., его грубочувственныя стремленія могутъ сдѣлаться просто животными и мы будемъ имѣть право, на основаніи его односторонняго стремленія къ природѣ, назвать его дѣятельность скотскою. Другой, хотя и воздаетъ должное природѣ, но не чувствуетъ себя особенно къ ней привязаннымъ; за то онъ работаетъ болѣе въ области мысли. Онъ старается все подчинить одной осмысленной великой цѣли. Все служитъ желѣзной послѣдовательной волѣ, которая впрочемъ подчинена нравственности. Если развитіе такой сильной натуры совершилось счастливо при благопріятныхъ обстоятельствахъ, то такой человѣкъ будетъ распространять вокругъ себя спасеніе и благословеніе, и тогда мы увидимъ образъ истиннаго героя, законодателя, государственнаго мужа. Но если этому геройскому духу недостанетъ нравственныхъ основъ истины, если сильная воля не будетъ руководима благородными помыслами, то всѣ нѣжнѣйшія душевныя свойства пропадутъ и тогда останется только карикатура героя, и мы получимъ состояніе грубой страсти. Кто не видѣлъ уже людей, которые могли бы сдѣлаться величайшими героями, если бы обстоятельства имъ болѣе благопріятствовали, но которыхъ жизнь теперь протекаетъ постоянно въ рабствѣ страсти и наконецъ оканчивается очень печально? Иной разбойникъ, отецъ котораго былъ также разбойникомъ, а мать — цыганкою, часто обладаетъ послѣдовательностью, разумомъ, разсудительностію и присутствіемъ духа, такъ что еслибъ онъ не былъ рожденъ и воспитанъ въ пещерѣ, но напр. въ Аяччіо,

и образованъ хорошимъ отцомъ, то, благодаря своимъ наклонностямъ, онъ былъ бы достоинъ обладать міровымъ царствомъ! Да, воспитаніе и скверныя отношенія!! — Третій живетъ всецѣло мыслію: природа, общество, все это представляется ему лишь такимъ, какимъ показываетъ ему его мысль. Онъ самъ подчиненъ своей мысли. Но онъ также знаетъ, что истина благодѣтельна для духа, что познаніе ея доставляетъ волѣ силу и что ея представленіе есть красота. Тогда этотъ счастливецъ есть мужъ мысли, мыслитель, философъ. Но и ему угрожаетъ также величайшая опасность: если обстоятельства сдѣлаютъ его слабохарактернымъ, если онъ, уже при развитіи своихъ добрыхъ наклонностей, станетъ презирать природу, если ему будетъ привито посмѣяніе надъ духомъ, тогда онъ сдѣлается фантазеромъ, карикатурой, фанатикомъ, дуракомъ. Онъ сдѣлается необузданнымъ человѣкомъ. — Четвертый живетъ вполнѣ чувствомъ. Онъ стремится только къ красотѣ. Ей служитъ глазъ, мысль, воля. Кто не узнаетъ въ этомъ образѣ художника? Но если это состояніе преобладанія жизни чувства доведено до крайности въ развитіи способностей, то человѣкъ этотъ сдѣлается слабѣйшимъ существомъ своего рода. Свободный взглядъ на природу и на міръ стѣсняется слишкомъ сильнымъ чувствомъ и тогда нѣтъ ни спокойнаго мышленія, ни сильной воли. Основную черту такой жизни образуетъ тогда односторонній аффектъ. — Мы здѣсь показали, какимъ образомъ вслѣдствіе односторонняго развитія даже наилучшихъ наклонностей, причемъ по милости одной душевной дѣятельности, всѣ другія портятся, способный по своимъ наклонностямъ сдѣлаться естествоиспытателемъ, и, кажется, даже къ тому почти уже предназначенный, дѣлается вмѣсто того звѣрскимъ развратникомъ; предназначенный отъ природы обладать цѣлымъ міромъ и быть героемъ, становится рабомъ своихъ страстей; способный быть философомъ превращается въ пустаго фантазера, а будущій

художникъ — въ раба аффекта. Рожденный во дворцѣ, иной былъ бы, можетъ быть, вторымъ Цезаремъ или Фридрихомъ Великимъ, тогда какъ родившись въ хижинѣ, выросши возлѣ хлѣва, онъ сдѣлался только грубымъ разбойникомъ. Италіянскій разбойникъ, который часто убиваетъ свою жертву съ мужествомъ, рѣшительностію, хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, былъ бы, навѣрное, храбрѣйшимъ и могущественнѣйшимъ героемъ и полководцемъ, если бы онъ воспитался въ военной школѣ и былъ включенъ въ ряды хорошо образованныхъ военныхъ людей. Опять таки обстоятельства! Тамъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ будетъ повѣшенъ, какъ разбойникъ; здѣсь онъ былъ бы, навѣрное, украшенъ орденами и достигъ бы величайшихъ военныхъ почестей! Да, обстоятельства! . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

3. Развитіе умственныхъ способностей и соотвѣтствующихъ имъ органовъ души. Приличное для этого время, факторы развитія и т. д.

Душевная дѣятельность человѣка развивается мало-помалу соотвѣтственно органическому образованію мозга. Оба, т. е. образованіе мозга и дѣятельность души идутъ рука объ руку, шагъ за шагомъ впередъ или и назадъ. Такъ какъ поэтому, *способности человѣческой души не могутъ быть готовы вдругъ*, какъ еслибъ онѣ были влиты посредствомъ извѣстной воронки, то они и должны развиваться мало-по-малу послѣдовательно и постепенно. Безсознательно (невѣдомо) такимъ образомъ человѣкъ созрѣваетъ до сознанія. У дитяти возникновеніе самосознанія начинается именно въ то время, когда оно въ первый разъ произноситъ слово: «*я*». Но еще задолго до того, какъ дитя начнетъ себя чувствовать и

сознавать какъ собственное *я*, еще за долго до этого должно быть начато воспитаніе человѣка и выработка (образованіе) хорошихъ наклонностей. Если дерево должно сдѣлаться прямымъ, то оно должно быть во время направлено и, какъ слѣдуетъ, выпрямлено. Еще въ то время когда малютка говоритъ о себѣ, какъ о комъ нибудь другомъ, въ третьемъ лицѣ, должно быть уже положено основаніе тому, чтобы все доброе сдѣлалось для него второю природою. Дурныя стороны или углы (наклонности) должны быть исправлены, или уничтожены; добрыя же, напротивъ, должны быть заботливо воспитываемы, выдвигаемы и поощряемы, если хотятъ, чтобы человѣкъ положилъ и свой приличный и хорошій камень для великой, удивительной постройки міра и жизни. Пусть не думаютъ (къ сожалѣнію это случается очень часто), что для начала развитія способностей, т. е. для воспитанія еще будетъ довольно времени, когда дѣти подрастутъ, т. е., какъ обыкновенно говорятъ, когда они дойдутъ до пониманія вещей. Взглядъ этотъ причинилъ уже безконечно много вреда, слезъ и несчастій на землѣ. Дитя, говоря о себѣ еще въ третьемъ лицѣ, т. е. еще прежде, чѣмъ оно узнало о себѣ самомъ, часто уже знаетъ, что то или другое дурно или хорошо. «Іосифъ поступилъ дурно», папа, «мальчикъ былъ сердитъ»,— съ такими словами часто является уже къ отцу покраснѣвшее и робкое, благовоспитанное дитя. Оно чувствуетъ и знаетъ, что заслуживаетъ наказанія и, что только лишь послѣ него, оно можетъ вновь примириться съ отцовскимъ сердцемъ. (Здѣсь уже образовалась совѣсть). Но развитіе каждаго органа души и тѣла, равно, какъ и всѣхъ способностей, происходитъ всегда посредствомъ вліянія двухъ факторовъ. Одинъ есть внутреннее побужденіе, стремленіе къ развитію; второй образуютъ внѣшнія обстоятельства, отношенія, внѣшнія возбужденія (раздраженія). Подобно тому, какъ сѣмя, положенное въ землю, заключаетъ въ себѣ самомъ стремленіе сдѣ-

ляться кустомъ или деревомъ, но до этого еще само изъ себя достигнуть не можетъ, а нуждается еще и во внѣшнихъ вліяніяхъ, каковы: свѣтъ, воздухъ, влага, теплота и т. д. — точно также случается и съ развитіемъ человѣческой души. И душа для своего полнаго развитія также нуждается въ воздѣйствіи на нее внѣшнихъ благопріятныхъ для нея вліяній. Очень печально, что эти внѣшнія вліянія формируются обыкновенно не такъ благопріятно, какъ того требуютъ способности человѣческой души для того, чтобы развиться до гармонически-прекраснаго цѣлаго. Уже въ нѣжнѣйшей юности очень часто задерживается (стѣсняется) взмахъ крыльевъ свободной души. Какъ первую причину душевныхъ разстройствъ слѣдуетъ искать уже въ утробѣ матери, что и Эскироль говоритъ, точно также многія заблужденія души коренятся въ превратномъ развитіи умственныхъ способностей посредствомъ воспитанія. Безконечно много вносятъ въ воспитаніе способностей; то положеніе, въ которомъ человѣкъ живетъ, тѣ личности и отношенія, среди которыхъ онъ воспитывается и выростаетъ.

4. Различіе человѣческихъ способностей и ихъ развитія вслѣдствіе различія внѣшнихъ вліяній. Климатъ. Окружающая среда, занятія и т. д.

Люди и ихъ темпераменты различны, какъ различны земные меридіаны, и людскіе страсти и аффекты различны подъ разными полосами неба. Человѣкъ, какъ родовое понятіе, вездѣ человѣкъ, гдѣ бы онъ ни жилъ. Также точно и чимпанзе есть и всегда остается обезьяной, будетъ ли она заключена въ какомъ нибудь звѣринцѣ или же гулять на волѣ, на своей родинѣ. Но, навѣрное, левъ африканскихъ пустынь — совсѣмъ другое животное, въ сравненіи со львомъ напр. въ дешевомъ звѣринцѣ. Кто могъ бы узнать въ этомъ,

такъ сказать, душевно и тѣлесно испорченномъ животномъ, трусливо и послушно скачущемъ черезъ кнутъ, царя пустынь и лѣсовъ? Разумѣется, левъ всегда остается львомъ, но какая разница! Точно также и кавказецъ вслѣдствіе климата своей страны, вслѣдствіе тѣхъ жизненныхъ, общественныхъ и образовательныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ, обладаетъ совсѣмъ иными свойствами, чѣмъ житель тропиковъ или Камчатки. Негръ отъ природы жестокъ и хитеръ, Лапландецъ отъ рожденія ограниченъ. Жаркій югъ производитъ относительно гораздо большее количество преступниковъ противъ личности, тогда какъ въ холодномъ сѣверѣ совершается болѣе преступленій противъ собственности. Очень естественно! Вѣдь желанія и страсти южанина совсѣмъ не тѣ, что у жителя береговъ Ледовитаго Океана. Первый умѣренъ въ высшей степени, простъ въ своихъ потребностяхъ; требованія его отъ жизни, что касается удобствъ и наслажденій, очень незначительны и скромны; но огненная кровь течетъ быстрѣе въ его жилахъ, а съ нею вмѣстѣ обращается также и аффектъ, быстро разгорающійся въ пламя сильнѣйшей страсти. Да, климатъ положительно имѣетъ большое вліяніе на склонность къ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ правонарушеніямъ. Жители болотистыхъ странъ, по цѣлымъ годамъ страдающіе своими перемежающимися лихорадками и у которыхъ уже желто-зелено-сѣрый цвѣтъ лица указываетъ на опухоль селезенки (splenitis), равно какъ и жители густо населенныхъ, грязныхъ, тѣсныхъ и темныхъ частей города — обыкновенно задумчивы, склонны къ ипохондріи, мрачны и унылы. Припомнимъ англійскій сплинъ и столицу Англіи — Лондонъ. Словомъ «сплинъ» (ипохондричность) обозначаютъ обыкновенно родъ ипохондріи, къ которой такъ сильно склоненъ сынъ Альбіона, въ особенности обитающій въ густо-населенныхъ, мрачныхъ городахъ. — Рабочіе въ ядовитыхъ рудникахъ, на фабрикахъ бѣлилъ

и зеркалъ напр. часто страдаютъ нерасположеніемъ духа; они очень раздражительны, угрюмы, недовольны. Подумайте только о чувствѣ тоски (такъ называем. Praecordialangst) при отправленіи ртутью, напр. у рабочихъ на зеркальныхъ фабрикахъ; о хроническихъ свинцовыхъ отравленіяхъ (Bleicachexien), соединенныхъ съ различными разстройствами тѣла и души, преимущественно же съ разстройствами души! Люди, выросшіе въ уединенныхъ, отдаленныхъ странахъ, бываютъ часто трусливы и суевѣрны. Они очень легко впадаютъ въ гнѣвъ и помѣшательство.

Что же касается вліянія національности, цивилизаціи, различія состояній, климата и т. д. на душевное состояніе, resp. на развитіе душевныхъ разстройствъ, при какомъ нибудь существующемъ уже къ тому расположеніи, то объ этомъ мы уже достаточно говорили въ нашихъ психіатрическихъ письмахъ. Тоже самое можно сказать и о религіи. Достойно замѣчанія напр. что рожденный пролетаріемъ, воспитанный для нищенства, какъ для ремесла, очень рѣдко подвергается душевнымъ разстройствомъ. Но другіе, выросшіе при такихъ условіяхъ, гдѣ преобладаетъ лишь постоянная погоня за обладаніемъ, за пріобрѣтеніемъ сіяющаго золота, за почестями, титулами, гербами и т. д., легко разстраиваются душевно, когда жизнь начинаетъ грубо противорѣчить человѣку, созрѣвшему въ раздольѣ и въ погонѣ за идеями или же когда счастіе отъ него отворачивается и круто поворачиваетъ въ сторону.

5. Воспитаніе, примѣры, подражаніе.

Воспитаніе играетъ здѣсь главную роль. Оно прежде всего имѣетъ труднѣйшею своею задачею довести унаслѣдованныя человѣкомъ способности до надлежащаго развитія и процвѣтанія. Направленія, рѣшающія всю жизнь

человѣка, суть тѣ, которыя принимаютъ представленіе и воля индивидуума уже въ нѣжномъ возрастѣ. Послѣ наслѣдственности главную роль играетъ примѣръ родителей. Навѣрное Иделеръ правъ говоря, что бываютъ случаи такъ называемыхъ наслѣдственныхъ психическихъ разстройствъ, которыя образовались не столько вслѣдствіе прямой передачи, сколько вслѣдствіе позднѣйшаго психическаго распространенія своеобразностей характера, причемъ для подражанія дитяти дается примѣръ извѣстныхъ эксцентричностей, странныхъ или превратныхъ взглядовъ на жизнь и такихъ направленій, которыя уже съ самаго начала становятся препятствіемъ для развитія здоровой, съ внѣшнимъ міромъ гармонирующей жизни души. Какъ на этомъ пути бываетъ передача напримѣръ истерики, разстраивающей одновременно и тѣло и душу, отъ матери къ дочери, точно также переходятъ на дѣтей отъ дурацкихъ или полуумныхъ родителей психическія превратности, и вслѣдствіе подражанія къ молодой душѣ прививаются какъ страстность, такъ и разныя дурныя наклонности. Пусть подумаютъ только объ эпидемическихъ, возникшихъ вслѣдствіе подражанія, формахъ судорогъ въ сиротскихъ и тому подобныхъ домахъ. Подумайте обо всѣхъ подобныхъ эпидеміяхъ, начиная дѣтскими крестными ходами и кончая отрѣзываніемъ косъ *). Да, подражаніе и дурной примѣръ суть два могущественнѣйшіе и ужаснѣйшіе двигателя душевныхъ искривленій! Поэтому и Христосъ, говоря о дурномъ примѣрѣ, о соблазнѣ, употребляетъ такія суровыя слова: «мельничный жерновъ на шею тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ», т. е. тому, кто подастъ дѣтямъ дурной примѣръ, дѣтямъ, столь склоннымъ къ подражанію, которыя вѣдь почти и обучаются посредствомъ примѣровъ, когда

*) Примѣры знаменитыхъ духовныхъ эпидемій находятся въ моихъ психіатрическихъ письмахъ (письмо 15, стр. 335).

хотятъ ихъ образовать и развить ихъ способности. Вѣдь каждый знаетъ, какъ сильно у дѣтей это стремленіе къ подражанію. Развѣ они часто не бываютъ настоящими обезьянами? Одно дитя подражаетъ другому, а всѣ вообще подражаютъ своимъ родителямъ и воспитателямъ. Стремленіе подражать есть и всегда остается первымъ учителемъ и воспитателемъ дитяти. Къ этому присоединяется потомъ привычка — вторая великая и могучая кормилица духовнаго развитія. Если теперь дитя выростаетъ среди такихъ условій, гдѣ оно рано слышитъ и видитъ дурное, или даже побуждается къ гадостямъ, то и слѣдствіе этого необходимо должно быть въ высшей степени вредное, злое. Окружающая среда можетъ сдѣлаться для дитяти и школою добродѣтели, и школою порока. Какъ много людей уже очень рано соблазняются другими ко злу! Люди соблазняютъ молодаго человѣка и въ такомъ случаѣ сами становятся діяволами, о которыхъ говорится: «*fratres vigilate*», т. е. братья берегитесь, ибо діяволъ ходитъ кругомъ, какъ рыкающій левъ, ища, кого бы проглотить (соблазнить). Народная поговорка вполнѣ истинна:

«Ein böser Gesell'führt den Andern in die Höll'». («Злой товарищъ вовлекаетъ другаго [товарища] въ адъ»).

Въ самомъ Лондонѣ напр. отъ 12 до 15 тыс. дѣтей умышленно и систематически втягиваются въ порокъ. Приманка, какъ къ хорошему, такъ и къ дурному, большею частію идетъ извнѣ на встрѣчу человѣку. Какъ тѣло заражается разными болѣзнями, хворостію и проч., точно также и душа подвержена нравственной заразѣ. Но нравственный ядъ распространяется болѣе всего посредствомъ подражанія. Вслѣдствіе постояннаго и безпрерывно повторяемаго воздѣйствія на душу дитяти возникаетъ *пріученіе* и является так. обр. *привычка*. Если же дитя съ пеленокъ привыкаетъ къ злому или же его пріучаютъ къ нему, то оно само собою

теряетъ отвращеніе отъ зла и любовь къ добру. Привычка становится второю природою и часто остается до преклонныхъ лѣтъ.

«Что сначала дѣлается по привычкѣ, то впослѣдствіи совершается уже на извѣстныхъ основаніяхъ, такъ какъ человѣкъ слишкомъ склоненъ извинять всѣ свои привычки и наклонности, даже и дурныя, различными основаніями», говоритъ д-ръ Аттомиръ въ своей теоріи преступленій. (Лейпцигъ. 1842, стр. 56).

Какъ склонность къ преступленію, питаемая примѣромъ родителей, воспроизводится по привычкѣ и такимъ образомъ поддерживается въ извѣстныхъ семействахъ, — это будетъ видно изъ одного только примѣра, выбраннаго изъ множества, находящихся въ англійскихъ оффиціальныхъ источникахъ. Одинъ отецъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ со своею наложницею, съ которою онъ жилъ еще при жизни своей жены. Его первая жена умерла въ тюрьмѣ, вторая была сослана. Одинъ изъ его сыновей былъ извѣстный воръ, а двѣ дочери были повѣшены за участіе въ убійствѣ. Только одна дѣвушка, которую разлучили съ отцомъ, когда онъ находился въ тюрьмѣ, и отдѣльно воспитали, не сдѣлалась впослѣдствіи преступницею». Въ самомъ Парижѣ ежегодно предаются суду за преступленія противъ личности и собственности отъ 10 до 12 тыс. дѣтей и несовершеннолѣтнихъ молодыхъ людей и около 10 тыс. постоянно находятся въ тюрмахъ. Можно ли потомъ такихъ преступниковъ считать настоящими виновниками ихъ собственныхъ злыхъ дѣлъ?! Окружающая среда и общество, эти двѣ могущественныя силы безконечно много способствуютъ образованію человѣка какъ настоящему такъ и превратному. Какъ глубоко дѣйствуютъ они на взгляды и склонности молодаго существа, на направленіе его ума, на его образъ мыслей, нравъ и характеръ, даже на всѣ его желанія и на всю его жизнь! Припомните прежде разсказанныя

исторіи объ одержимыхъ бѣсами, которыя разыгривались преимущественно въ монастыряхъ. Окружающіе и общество, подражаніе и духовная эпидемія — вотъ страшныя кольца ужасной цѣпи явленій!

6. Недостаточное или ошибочное воспитаніе. Вліяніе этого воспитанія въ физическомъ и одновременно въ нравственномъ отношеніи.

Часто случается, что, вслѣдствіе несчастныхъ отношеній, несоотвѣтствующіе другъ другу, полуумные родители или же родители, заключившіе бракъ лишь по извѣстнымъ весьма обыкновеннымъ мотивамъ, изъ эгоизма или по разсчету (на приданое, на состояніе жениха), — ведутъ свою семейную жизнь такимъ образомъ, что совмѣстное вліяніе тѣхъ духовныхъ подробностей, которыя существенно необходимы для гармоническаго развитія дѣтскаго характера, т. е. для раціональнаго воспитанія тѣлеснаго и духовнаго — вполнѣ или отчасти разстраивается. Въ особенности фальшивое воспитаніе дитяти обусловливаетъ вредное вліяніе движеній души на мозгъ. Душа дитяти еще слѣпо повинуется вліяніямъ окружающихъ людей. «Какъ воспитываютъ деревцо, такъ ростетъ и дерево!» Нужно только знать, что чувственными и духовными впечатлѣніями со стороны воспитанія обусловливается уже и матеріальное основаніе въ мозгу на всю жизнь. Производимыя посредствомъ воспитанія раздраженія мозговой массы въ свою очередь производятъ извѣстную перемѣну въ самыхъ элементахъ нервовъ; и позднѣйшее мышленіе, дѣятельность (поступки) и желанія зависятъ по большей части отъ того, какимъ образомъ эти нервные элементы обозначились (sich qualificirten) въ дѣтствѣ, такъ какъ весь мозгъ въ этомъ возрастѣ еще гибокъ, гнучъ, какъ воскъ, легко принимаетъ какую угодно форму и находится еще въ періодѣ роста.

Закладный камень качественнаго измѣненія нервныхъ элементовъ кладется раздраженіями воспитанія (Reize der Erziehung), которыя, какъ чувственныя впечатлѣнія, могущественно вліяютъ на всю нервную систему вообще и на мозгъ въ особенности Поэтому-то, позже эти нервныя измѣненія никогда уже больше не могутъ изгладиться, ибо они уже, такъ сказать, приросли и слились съ самою нервною массою. Фальшивое развитіе нервной жизни необходимо должно принести съ собою и зародыши позднѣйшихъ разстройствъ. Вѣдь тоже самое происходитъ и въ тѣлесномъ организмѣ. Слабая воля, безпечность, дурная привычка, удобство напр. побуждаютъ дитя держать себя криво. Пока юноша или дѣвица росли, образовался уже неизмѣнный горбъ, который хотя и можетъ быть поправленъ ортопедическимъ искусствомъ, но все же всегда будутъ обнаруживаться отклоненія становаго хребта отъ отвѣса.

7. Изнѣженіе души, чувства и воли.

Уже глубокому мыслителю Цшокке, автору: «часовъ благоговѣнія «(Stunden der Andacht), хотя и непосвященному въ медицину, пришла въ голову эта внутренняя взаимная связь между фальшивымъ воспитаніемъ и позднѣйшими душевными разстройствами. Цшокке, тамъ гдѣ онъ ведетъ рѣчь о недостаткѣ твердости, говоритъ: «большею частію этотъ недостатокъ нашего воспитанія возникаетъ въ юные годы, когда мы либо слишкомъ уже предоставлены себѣ самимъ, либо изнѣжены своими воспитателями. Я разумѣю здѣсь въ особенности изнѣженность воли. Но воля изнѣживается тогда, когда юношество съ раннихъ лѣтъ не принуждается дѣлать все, *сколькихъ бы это ни стоило напряженій и побѣдъ надъ самимъ собою.* Но если позволяютъ юношеству уклоняться отъ того, что могло бы причинить ему

какую либо тягость, что стоитъ ему слишкомъ большаго усилія надъ самимъ собою; если позволяютъ ему все дѣлать, такъ сказать, играючи: тогда именно этимъ самымъ отнимается сила отъ сердца, усыпляется духъ, отравляются чувства и такимъ то образомъ это юношество, ставши впослѣдствіи взрослыми людьми, попадаетъ легко въ дома умалишенныхъ, не рѣдко и на скамью подсудимыхъ».

Врачъ сумасшедшихъ Лиссауеръ (Lissauer) говоритъ: «нервно-возбужденное время, если можно такъ выразиться, въ которое мы теперь живемъ, много содѣйствуетъ тому, что дѣтямъ дается превратное воспитаніе. Одинъ старается превзойти другаго. Но это отличіе выказывается менѣе въ духовномъ отношеніи, а болѣе всего въ поверхностномъ внѣшнемъ проявленіи. Поэтому также вообще теперь менѣе заботятся о надлежащемъ образованіи души, а болѣе всего объ обнаруженіи *приличнаго внѣшняго проявленія*, о поверхностно-пріятной формѣ, объ извѣстномъ свѣтскомъ обращеніи, и какъ разъ случается это въ высшихъ кругахъ общества, гдѣ и рѣзче всего выступаютъ наружу слѣдствія недостаточнаго воспитанія. Однимъ изъ вреднѣйшихъ недостатковъ воспитанія можно считать слишкомъ большую свободу, которая предоставляется дѣтямъ, вслѣдствіе чего возникаетъ своенравіе, проявляющееся иногда въ самомъ отвратительномъ и наиболѣе достойномъ порицанія, видѣ.—«Вслѣдствіе того, что дѣтямъ предоставляется во всемъ полная воля, т. е. вслѣдствіе того, что *имъ потворствуютъ*, *ихъ балуютъ*, они считаютъ себя чѣмъ-то особеннымъ, дѣлаются тщеславными, кокетливыми, чувствуютъ себя обиженными при малѣйшей для нихъ непріятности, не терпятъ возлѣ себя болѣе уважаемыхъ личностей и становятся наконецъ въ тягость и себѣ и другимъ, иногда даже теряютъ свободу воли и легко вовлекаются въ преступленія». — Гюнтнеръ не находитъ въ наше время того, что юношеству

наиболѣе необходимо, именно: привычки къ труду и лишеніямъ. «Вѣдь мои дѣти еще заблаговременно должны будутъ отвѣдать горечи жизни, они должны, пока молоды, наслаждаться», говорятъ многія матери. При этомъ они дѣйствительно не останавливаются ни передъ какою жертвою, чтобы только доставить своимъ прыгающимъ потомкамъ всякаго рода наслажденія, нимало не заботясь о томъ, пробуждаются ли и пускаютъ ли глубокіе корни въ юномъ сердцѣ также и чувства права и правды, добродѣтель, мужество для серьезнаго труда, усердіе къ дѣлу и т. д. Для каждаго дня придумывается новое удовольствіе; дѣтямъ сообщается лишь стремленіе къ развлеченіямъ; они воспитываются какъ-будто только для увеселеній. Годы проходятъ. Источники доходовъ начинаютъ истощаться (къ тому же и жизнь становится все дороже), кредитъ колеблется, приглашенія на празднества становятся все рѣже, салоны не оживляются болѣе необузданною радостію, ее замѣнила печаль; да не одна только печаль, но и вся ея свита: неудовольствія, ссоры, споры, недовольства. Теперь суровая жизнь принимаетъ избалованныхъ, изнѣженныхъ тѣлесно и душевно субъектовъ въ жестокую школу горестей. Теперь они должны бы начать суровую борьбу съ трудами и лишеніями, стѣсненіями, которыя болѣе или менѣе рано или поздно врываются къ каждому. Но только теперь уже у нихъ недостаетъ для этого мужества. Поэтому, одни изъ нихъ впадаютъ въ отчаяніе и въ сумасшествіе, другіе лишаютъ себя жизни, третьи стараются достигнуть какой нибудь цѣли по кривой дорогѣ и становятся такимъ образомъ преступниками. Дурное воспитаніе создало колесованіе и произвело висѣлицу. Горе, горе и горе родителямъ, воспитывающимъ своихъ дѣтей въ такомъ стремленіи къ наслажденіямъ! При этомъ замѣчено, что причиною столь ужасно умножающихся самоубійствъ слѣдуетъ считать главнымъ образомъ, даже почти исклю-

чительно дурное и превратное воспитаніе, размягченіе чувства и изнѣженность души. Слишкомъ большая впечатлительность чувства и слишкомъ малая сила воли — вотъ два могучіе недостатка воспитанія нашего времени. Только очень немногіе юноши пріучаются съ дѣтства къ лишеніямъ, а вѣдь потомъ въ жизни почти всѣ подвергаются борьбѣ съ обстоятельствами. Тотъ напр. мальчикъ, который лишаетъ себя жизни потому только, что отецъ отказалъ ему въ покупкѣ какой-то вещицы, есть образецъ такого дурнаго воспитанія. Онъ не зналъ слова «лишеніе», а потому и совершилъ самоубійство. Мы въ нашихъ психіатрическихъ письмахъ (стр. 75) привели случай изъ Пинеля, что единственный сынъ, пріученный ко всѣмъ прихотямъ снисходительною и слабою матерью, наконецъ сталъ дѣлать различнѣйшія правонарушенія, а потому уже болѣе совсѣмъ не вылазилъ изъ тяжбъ, процессовъ, ранъ и наказаній. Наконецъ бросилъ онъ одну противорѣчившую ему женщину въ колодезь и вотъ маменькинъ сыночекъ былъ отправленъ судомъ въ заведеніе для умопомѣшанныхъ (Bicetre). Здѣсь разсудокъ совсѣмъ не былъ разстроенъ, но воля была извращена различными аффектами и побуждала такимъ образомъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Также и Бразіусъ разсказываетъ интересный случай съ однимъ изъ такихъ маменькиныхъ сынковъ, котораго, уже
[illegible]го гимназиста, должны были класть спать съ
[illegible] одной кровати и т. д. Онъ имѣлъ слабую на-
[illegible] наполовину слабоуменъ и наконецъ отданъ въ
[illegible]дѣ его излѣченіе стоило много слезъ, скорби и
[illegible]невной борьбы.
[illegible]ь часто, благодаря причиненной ложнымъ воспи-
[illegible]шней раздражительности чувствъ, страдаетъ
[illegible]сное здоровье. Вѣдь мы знаемъ, что тѣло и душа
[illegible]отъ другъ на друга вслѣдствіе тѣснѣйшей меж-
[illegible]зи и отношеній обмѣна матеріи. Ухудшается ли

кровь, — мускулатура слабо развивается и нервы становятся слабыми. У мальчиковъ и дѣвочекъ такая изнѣженная жизнь развиваетъ порокъ онанизма, а у послѣднихъ еще и блѣдную немочь (chlorose). Вслѣдствіе этого, еще болѣе развивается склонность къ душевнымъ разстройствамъ. — Вообще теперь недостатки собственно воспитанія прежде всего относятся къ слишкомъ раннему интеллектуальному (духовному) напряженію, въ особенности разума, при чемъ слишкомъ поспѣшно возбуждаются всѣ духовные процессы, а здоровое тѣлесное развитіе при этомъ стѣсняется. Мозгъ становится перезрѣлымъ, и такимъ образомъ кладется зародышъ позднѣйшей болѣзни и ослабленія. Но еще неблагопріятнѣе бываютъ, какъ показано, дурныя, превратныя вліянія на направленіе чувствительности и воли дитяти.

8. Огрубѣніе души и чувства.

Бываютъ также недостатки воспитанія, производящіе какъ-разъ противное изнѣженности и излишней мягкости, но ведущіе точно также къ дурному. Эти недостатки состоятъ въ чрезмѣрной твердости, въ слишкомъ большой строгости, въ холодномъ отталкивающемъ обращеніи родителей съ дѣтьми, при чемъ родители постоянно огорчаютъ, унижаютъ, весьма дурно обращаются со своими малютками. Этимъ задерживается развитіе природныхъ благодѣтельныхъ склонностей и придавливается каждое нѣжное чувство. Такая порча характера и чувства прямо ведетъ къ грубости и звѣрству. Или же вслѣдствіе того, что молодому индивидууму *дается слишкомъ рано понять* болѣзненное противорѣчіе съ внѣшнимъ міромъ, можетъ быть пробуждено и воспитано болѣзненное стремленіе къ фантазированію, именно у натуръ, видящихъ себя въ необходимости убѣжать въ воображаемый міръ вмѣстѣ со своею потребностію любви и со

своими не такъ легко побѣждаемыми благими склонностями и предрасположеніями. «Слишкомъ острое дѣлается зазубреннымъ» говоритъ старая пословица. Слишкомъ большая строгость нерѣдко ожесточаетъ дѣтскую душу, заглушаетъ въ ней добрыя наклонности и производитъ такимъ образомъ варвара, который хочетъ расплатиться за претерпѣнныя имъ несправедливости. — При воспитаніи дѣтей, нерѣдко прибѣгаютъ къ грубѣйшимъ показаніямъ. Но эти самыя грубыя или жестокія средства, вмѣсто спасенія и исправленія, производятъ лишь порчу характера и одно несчастіе. Говорятъ о такъ называемыхъ «забитыхъ дѣтяхъ», которымъ и жесточайшія тѣлесныя наказанія не приносятъ пользы: они дѣлаютъ малютокъ лишь болѣе упорными. Разумѣется, гораздо легче драть розгами, чѣмъ воспитывать. Но этими ударами слишкомъ скоро выбивается изъ дитяти все доброе, всѣ наклонности къ истинному и прекрасному, а вбивается много злаго: упорство, злость, мстительность и т. д. Мальчикъ подвергается этимъ ударамъ, доколѣ онъ еще не вышелъ изъ власти воспитателя. Но позже въ немъ является месть къ согражданамъ и иногда ведетъ его даже къ преступленію. Часто употребляемое грубое наказаніе нерѣдко уничтожаетъ наилучшихъ ангеловъ-хранителей юности, т. е. «чувства чести и стыда». Но если эти ангелы-хранители отлетѣли, то нерѣдко взамѣнъ ихъ входятъ въ общеніе съ молодымъ человѣкомъ отвратительнѣйшіе демоны, именно безчестность и безстыдство.

Гнѣвъ, недовѣріе, замкнутость, упорство, мстительность возбуждаются, какъ замѣчено, уже очень рано въ дѣтскихъ душахъ, благодаря жестокимъ наказаніямъ. — Эскироль говоритъ также: «Мы думаемъ вмѣстѣ съ Пинелемъ (великимъ реформаторомъ всего, что касается до сумасшествія), что чрезмѣрная строгость, суровые выговоры за малѣйшія ошибки, жестокости, угрозы, удары и т. д. дѣлаютъ дѣтей худшими,

раздражаютъ ихъ, разрушаютъ благотворное вліяніе родителей на дѣтей и производятъ превратныя наклонности и даже самыя душевныя разстройства». Благодаря чрезмѣрнымъ, выполненнымъ съ гнѣвомъ и местію, наказаніямъ, юношество теряетъ къ родителямъ уваженіе, и вмѣсто его наступаетъ лишь рабскій страхъ. Дитя боится своего воспитателя, любовь же къ нему и уваженіе пропадаютъ. Но развѣ не лучше и не прекраснѣе, если дѣти ваши дѣлаютъ добро или не дѣлаютъ зла изъ любви къ вамъ, чѣмъ если они выполняютъ лишь подобіе добра изъ рабскаго страха къ вамъ, будучи угнетаемы и устрашаемы вашимъ бичемъ? Такъ называемое «ломаніе головы» уже поломало многимъ дѣтямъ и голову, и сердце. Одна дѣвочка, разсказываетъ Руфъ, когда была еще очень молода, получила ударъ по лицу; на этомъ мѣстѣ образовалось нагноеніе, такъ что выпали куски костей. Съ этого времени дитя было подвержено сильнѣйшимъ припадкамъ вспыльчивости, оно было непослушно и разбивало вещи вокругъ себя. «Я видѣлъ это дитя» говоритъ Гисленъ (Güislain) «его поступки дерзкіе, даже угрожающіе, и нужна бываетъ сила воли чтобы переносить его необыкновенный взглядъ».— Такимъ образомъ обѣ крайности,— какъ слишкомъ большая уступчивость, (при чемъ допускается своенравное и необузданное развитіе всѣхъ наклонностей, всѣхъ желаній и страстей, и индивидуумъ, совсѣмъ не пріучается ни къ какой умѣренности и дѣлается неспособнымъ ни къ самообладанію, ни къ перенесенію какихъ-либо лишеній), это размягченіе души и изнѣженность чувства, точно также, какъ и противное,— произведенное вслѣдствіе чрезмѣрной строгости, ожесточеніе души — производятъ наихудшія послѣдствія для будущей жизни воспитываемой личности. Отсюда видно, какъ трудно дѣло настоящаго воспитанія. «In medio virtus» (добродѣтель — въ серединѣ). Истина лежитъ на срединѣ пути. Только любовь и кротость, соединенныя съ умѣренною строгостію, принесутъ прекрасные плоды.

Также и Д-ръ Гонбаумъ говоритъ: «Какое спасительное вліяніе производитъ примѣръ любви и кротости — это видно на дѣтяхъ квакеровъ, которыя, хотя тѣлесно никогда не наказываются, все таки отличаются отъ другихъ дѣтей ихъ возраста необыкновенною кротостію своего характера».

9. Религія.

Религія служитъ также однимъ изъ главныхъ средствъ для развитія хорошихъ наклонностей при воспитаніи. «Настоящая истинная религія»— говоритъ Плагге —«слишкомъ далека отъ того, чтобы служить причиною душевнаго разстройства; гораздо скорѣе можно утверждать, что чистое христіанское ученіе и соотвѣтствующіе ему религіозные принципы представляютъ защиту противъ сумасшествія, а также и противъ преступленія. Благодаря истинному ученію Христову, умѣряются и уничтожаются вредныя вліянія многихъ потрясающихъ духъ случайностей. Чистое, настоящее ученіе христіанства, вкоренившееся въ чистомъ, дѣтскомъ сердцѣ, доставляетъ будущему человѣку утѣшеніе въ несчастіи и мужество для перенесенія бѣдствій. Оно доставляетъ душѣ миръ, защищающій мозгъ отъ заболѣванія; оно оживляетъ волю и не позволяетъ ей впасть въ малодушіе, сонливость, недѣятельность и такимъ образомъ наконецъ совершенно заглохнуть. Истинная религія, религія любви, дѣлаетъ человѣка гуманнымъ, справедливымъ и защищаетъ его отъ преступленій. Не религія, возлагающая надежды на Божью помощь и любовь, не религія, которой величайшая заповѣдь есть любовь, въ особенности любовь къ ближнимъ, — не эта религія кладетъ основаніе для душевныхъ заболѣваній. Но та религія, которая на передней части картины человѣческаго сознанія ставитъ представленіе темныхъ адскихъ властей и ихъ ужасныхъ вліяній, та религія, которая наполняетъ уже дѣтское

невинное сердце страхомъ, ужасомъ и боязнію чертей и адскихъ мукъ, которая грозитъ ужасающею будущностію и т. д., — вотъ эта суровая, угрожающая религія ужаса — но никакъ не любви — религіи тирана, а не искупляющаго насъ Сына Божія, можетъ положить основаніе для сумасшествія и для самоубійства въ отчаяніи. Но какого сорта зародышъ религіи кладется въ душу ребенка, такого сорта будутъ и плоды.

Когда мозгъ возбуждается ужасными фантастическими картинами несчастнѣйшихъ, исполненныхъ таинственности, силъ, и человѣку, именно молодому человѣку, у котораго воображеніе и безъ того очень возбуждено, угрожаютъ представленіями о смерти и мучительной вѣчности, именно о вѣчномъ адскомъ мученіи и такимъ образомъ сообщаютъ ему печальное, исполненное отчаянія, настроеніе духа; когда душа постоянно устрашается: тогда страдаетъ сонъ, аппетитъ; пищевареніе и мускулы усыпляются, кровь обращается медленнѣе, нервы теряютъ въ своей чувствительности; они становятся либо ослабленными, либо черезъ-чуръ раздражительными. Такъ человѣкъ впадаетъ тогда въ недѣятельность (бездѣйствіе), и вмѣстѣ съ заболѣваніемъ тѣла кладется также основаніе и для разстройствъ души. — Должны ли мы еще показать, какъ душевно-разстроенный такимъ образомъ меланхоликъ принуждается къ преступнымъ дѣяніямъ? Навѣрное нѣтъ! — Къ чему могутъ привести юношество, — дурно понятый аскетизмъ, бичеваніе тѣла, постянный постъ и т. д. — это можно ясно видѣть въ женскихъ монастыряхъ, въ которыхъ прежде находилось наибольшее число одержимыхъ бѣсами и которые доставляли наиболѣе жертвъ для костровъ!

Съ одной стороны ужасная боязнь діявола, съ другой — нерѣдко безпокойство совѣсти, рисуютъ такія иллюзіи тѣлесно-заболѣвшей, истерической, а подъ-часъ и преданной

онанизму, стѣсненной въ своемъ развитіи, раздражительной и ослабленной дѣвочкѣ, — что совсѣмъ немудрено, если она вполнѣ убѣждалась въ томъ, что внутри ея обиталъ самъ діяволъ.

10. Болѣзни, какъ разстраивающіе дѣятели при развитіи душевныхъ способностей.

Бываютъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ извѣстныя болѣзни, благодаря которымъ очень легко можетъ быть положено основаніе для душевныхъ анормальностей. Поэтому слѣдуетъ точнѣйшимъ образомъ оцѣнять такія состоянія хворости и страданія въ особенности при развитіи душевныхъ способностей посредствомъ воспитанія. Извѣстная болѣзненная раздражительная слабость дѣтей или юношей должна быть непремѣнно принята во вниманіе при воспитаніи. Другія страданія дѣйствуютъ часто очень разрушительно на тѣлесную, душевную и нравственную природу дѣтей, что касается способности ихъ наклонностей къ развитію. Такія болѣзни, какъ нервная горячка (тифъ), перемѣжающаяся лихорадка, болѣзни головы и нервовъ, поврежденія головы, ревматизмы, врожденный сифилисъ, пороки сердца и легкихъ, золотуха, лихорадочныя сыпи на кожѣ, корь, перенесенная скарлатина, оспа, малокровіе, произведенное продолжительными страданіями, кишечные глисты и тому подобныя страданія должны быть точнѣйшимъ образомъ изслѣдованы и приняты въ соображеніе. Если они уже при воспитаніи просматриваются и если на слабое дитя, часто цѣлые годы страдающее хилостію, произведенною вышеупомянутыми трудными болѣзнями, или же еще къ тому страдающее въ духовномъ отношеніи, слишкомъ много взваливается и отъ него слишкомъ многое требуется, — то оно впадаетъ (вслѣдствіе чрезмѣрной раздражи[illegible]да. Эти усталости) въ духовную слабость, а вмѣстѣ [illegible]
разсматриваемые

волю и подвергается разнымъ заблужденіямъ ума. Можетъ наступить также и противоположное этому, именно болѣзненная экзальтація, которая точно также дѣлаетъ волю несвободною. Періодъ половаго созрѣванія юношей и дѣвицъ есть чрезвычайно важный моментъ, на который слѣдуетъ обращать при воспитаніи большое вниманіе. Если въ это время, къ самому развитію половыхъ органовъ присоединяются еще страданія этихъ органовъ, или же если возникаютъ болѣзни, которыя почти всегда въ большей или меньшей степени появляются при половомъ развитіи, напр. дѣвичья немочь, — то въ такомъ случаѣ необходима еще большая осторожность. Подобнымъ образомъ случается это и при *rachitis*, англійской болѣзни или болѣзни членовъ (костей). При воспитаніи нужно очень осторожно обращаться съ дѣтьми, которыя, какъ обыкновенно говорятъ, «страдаютъ прорѣзываніемъ зубовъ» или же должны слишкомъ много страдать отъ золотухи. Но вслѣдствіе болѣзненныхъ состояній тѣла, страдаетъ различными разстройствами и духовная сторона каждаго человѣка, тѣмъ болѣе дитяти. «Люди, которые съ дѣтства уже болѣзненны» говоритъ д-ръ Гонбаумъ, «страдаютъ унылостію, излишнею чувствительностію, раздражительностію и т. д. Они теряютъ господство надъ собою, отравляютъ жизнь себѣ и другимъ, и сила ихъ воли никогда не достигаетъ той степени, какая вообще свойственна здоровому человѣку». Для примѣра бросимъ взглядъ на столь частую у дѣтей золотушную болѣзнь.

«Иногда дѣти, склонныя къ золотухѣ», упоминаетъ д-ръ Гуггенбюль, «отличаются раннимъ разсудкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ рано созрѣвшимъ половымъ инстинктомъ. Я видѣлъ такого рода субъектовъ, которые уже на 7 или 8 году жизни были подвержены онанизму, этому могущественнѣйшему источнику душевныхъ разстройствъ. Вотъ почему нерѣдко всегда считаютъ ранній разсудокъ преимуществомъ, легко-заболѣвшимъ ребенкомъ (а не болѣзнію)».

11. Воспитатели. Воспитательные дома и т. п.

Часто многія наклонности какъ къ добру, такъ и ко злу могутъ долго лежать въ человѣкѣ затаенными. Только благодаря воспитанію, наклонности эти достигаютъ своего полнаго развитія. Эти зародыши развиваются только посредствомъ извѣстныхъ внѣшнихъ раздраженій. Отъ этого-то и происходитъ также та значительная разница во внѣшнихъ отношеніяхъ жизни молодаго человѣка, смотря потому, гдѣ онъ воспитывался: въ домѣ-ли своихъ разумныхъ и честныхъ родителей или же въ какомъ нибудь сомнительномъ пансіонѣ, между превратно воспитанными, полусумасшедшими іезуитами или же экзальтированными монахинями. Многое, что у родителей также существовало только, какъ извѣстная склонность, усиливается, такъ сказать, распложается у дѣтей лишь подъ вліяніемъ превратнаго воспитанія и дѣйствительно доходитъ иногда до отвратительнаго. Одинъ отецъ напр. отличался чудачествомъ, самыми странными идеями и т. д.; его сынъ поступаетъ для воспитанія въ монастырь и тамъ дѣлается совсѣмъ сумасшедшимъ, подъ вліяніемъ умерщвляющаго душу аскетизма и тому подобныхъ нелѣпостей. Дѣти съ ограниченными силами разсудка часто даютъ (во время своего развитія) меньше поводовъ опасаться за ихъ душевное здоровье, чѣмъ дѣти характера страннаго, причудливаго и своенравнаго, особенно раздражительныя и мрачно настроенныя. Какое нибудь ничтожное обстоятельство бываетъ тогда достаточно для того, чтобы раздражить такихъ индивидуумовъ и довести ихъ до нарушенія закона. — Да, развитіе способностей — воспитаніе — есть дѣло очень трудное и щекотливое! Къ сожалѣнію, многіе выдаютъ себя за воспитателей и воспитательницъ, сами не получивъ ни истиннаго образованія ума, ни настоящаго образованія сердца. Эти мнимые педагоги (мужчины и женщины), разсматриваемые

поверхностно, имѣютъ правда нѣкоторый лоскъ: иногда играютъ на фортепіано, почти всѣ читаютъ различные романы Эженя Сю и Дюма, всѣ хвастаютъ, обнаруживая при этомъ извѣстный пошлый либерализмъ и остроуміе, болтаютъ по французски, кое-что смекаютъ по англійски и кромѣ этого, такъ называемаго научнаго лоска и нѣкоторой полировки, умѣютъ еще танцовать, ѣздить верхомъ, фехтовать и кланяться. Еще далеко не будучи сами воспитаны, какъ слѣдуетъ, многіе молодые люди вступаютъ въ свѣтъ, чтобы въ качествѣ педагоговъ заработать себѣ свой скудный кусочекъ хлѣба, къ величайшему вреду тѣхъ, которые ввѣряются ихъ попеченіямъ. И развѣ мало такихъ родителей, которые, разъ принявши гувернера или бонну (о выборѣ которыхъ они притомъ заботились не болѣе, если еще не менѣе, чѣмъ о выборѣ какого-нибудь кучера или дворника), совсѣмъ потомъ и не безпокоятся уже о благѣ своихъ дѣтей и совсѣмъ больше не занимаются уже ихъ воспитаніемъ. Къ сожалѣнію! — Но молодой человѣкъ, не только образуется, либо какъ настоящій человѣкъ, либо совсѣмъ превратно (при участіи внѣшнихъ разнообразныхъ дѣятелей), но еще и точно также, смотря по различію той обстановки или той среды, среди которой онъ вырастаетъ, — какъ уже не разъ замѣчено — либо, какъ слѣдуетъ, воспитывается, либо (еще гораздо легче) воспитывается совершенно превратно. Все это происходитъ, конечно, по винѣ самихъ людей. Поэтому берегитесь вы, родители, посылать своихъ дѣтей въ монастыри или пансіоны, или ввѣрять ихъ гувернерамъ, боннамъ и т. под. commis voyageurs въ дѣлѣ воспитанія и обученія обоего пола! Помните только всегда, что дѣло воспитанія должно имѣть своею задачею развитіе способностей вашихъ дѣтей (т. е. собственной вашей плоти и крови, съ вашими или отъ васъ унаслѣдованными чувствами, склонностями, стремленіями и т. д.) и направленіе ихъ на все доброе, истинное и прекрасное.

Но если вы думаете и если вы, какъ слѣдуетъ, всматриваясь въ самихъ себя, должны сами себѣ откровенно признаться, что вашъ отпрыскъ могъ унаслѣдовать отъ васъ кой-какія дурныя наклонности, то вы должны быть вдвойнѣ осторожны и стараться поправить дѣло личнымъ и старательнымъ воспитаніемъ, чтобы развить и обработать лучшія способности, выдвинуть свѣтлыя стороны, а все дурное стараться искоренить. «Тѣмъ дѣтямъ», говоритъ Эскироль, «которыя выказываютъ особенную наклонность къ извѣстнымъ аномаліямъ и разстройствамъ души, нужно давать также и особенное воспитаніе. Нужно заставлять ихъ дѣлать гимнастическія упражненія и защищать отъ вредныхъ для нихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Нужно поставить ихъ совсѣмъ въ иныя условія, чѣмъ тѣ, въ какихъ находились ихъ родители. Нужно стараться, такъ сказать, измѣнить организацію дитяти, чтобы предупредить наслѣдственныя болѣзни».

«Не здоровые», сказано въ Евангеліи, «нуждаются въ врачѣ, а больные». Забота о воспитаніи такихъ дѣтей, которыя уже рано обнаруживаютъ какія нибудь унаслѣдованныя дурныя наклонности должна быть удвоена, даже удесятерена. Добрый пастухъ оставляетъ 100 овецъ, чтобы отыскать одну пропавшую и принести ее обратно. Сколь многіе кажутся уже потерянными, благодаря своимъ дурнымъ наклонностямъ! Но о такихъ дѣтяхъ очень рѣдко заботятся, какъ слѣдуетъ, но скорѣе всего пренебрегаютъ ими; такъ что постоянно оправдывается положеніе:

«Ihr lässt die Armen schuldig werden,
Dann übergebt ihr sie der Pein».

Въ воспитательныхъ, сиротскихъ и т. п. домахъ также, навѣрное, недостаетъ истинно дѣльнаго воспитанія. Лишь

*) „Вы допускаете несчастныхъ сдѣлаться виновными, а потомъ предаете ихъ страданію“.

только молодые люди, такъ сказать, вышли изъ пеленокъ, какъ высылаются уже въ великій свѣтъ, и предоставляются самимъ себѣ; далѣе никто уже обыкновенно не заботится объ этихъ несчастныхъ созданіяхъ. Но нравственные принципы, сообщенные имъ при воспитаніи, бываютъ по большей части очень слабы. Въ Парижѣ напр. статистическія данныя показали, что поразительно большое количество подкидышей находится въ исправительныхъ и рабочихъ домахъ. Большая часть этихъ подкидышей въ свою очередь происходятъ отъ подкидышей же (Вейль). Однимъ словомъ — факты добытые опытомъ показываютъ, что человѣкъ только по своей, такъ сказать, всеобщей способности, т. е. какъ существо родовое, свободенъ и разуменъ. Только воспитаніе сообщаетъ ему дѣйствительную личную свободу и разумность. Именно, если бы человѣкъ уже съ самаго начала былъ свободенъ и разуменъ или если бы онъ могъ сдѣлаться «добрымъ» изъ себя самого, то онъ и не нуждался бы ни въ религіозномъ, ни въ нравственномъ воспитаніи. Но какъ только молодаго человѣка лишаютъ этихъ двухъ могущественныхъ двигателей при воспитаніи — истинной религіи и настоящей нравственности, — то можно остолбенѣть отъ ужаса, увидя, что изъ него можетъ впослѣдствіи выйти. Онъ сдѣлается грубымъ, одичаетъ и будетъ почти похожъ на животное. Одинъ 10-ти-лѣтній мальчикъ, котораго въ Литтгаунѣ (Litthauen) охотники нашли въ лѣсу между медвѣдями, бусалъ окружающихъ какъ собака; царапалъ людей, когда они его нашли, ногтями пальцевъ, какъ молодой медвѣдь. Онъ ѣлъ только медвѣжью пищу, и его нельзя было пріучить принимать человѣческую пищу или носить одежду. Онъ умеръ, не выучившись говорить и не сдѣлавшись разумнымъ. Гонбаумъ приводитъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ.

Положеніе: «скажи мнѣ съ кѣмъ ты знакомъ и я скажу

тебѣ, кто ты таковъ», совершенно справедливо какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ отношеніи. Выросшій между медвѣдями или другими дикими звѣрями, молодой человѣкъ становится почти на нихъ похожъ; напротивъ, воспитанный между прекрасными людьми и находясь въ постоянномъ съ ними обращеніи, онъ легко могъ бы сдѣлаться идеаломъ человѣка.

12. Замѣна обученія и воспитанія одного другимъ.

Изъ многихъ существующихъ недостатковъ воспитанія, одинъ изъ величайшихъ и притомъ наичаще встрѣчающійся, вредныя вліянія котораго никогда не проходятъ, состоитъ въ томъ, что обученіе и воспитаніе замѣняются одно другимъ или еще чаще отождествляются. Часто думаютъ, что уже довольно сдѣлано, когда молодой человѣкъ только обученъ, и обыкновенно посвящаютъ также этому дѣлу гораздо болѣе труда и усердія, чѣмъ воспитанію собственно. Тѣмъ не менѣе при этомъ упускается изъ виду, что обученіемъ очень часто достигается лишь односторонняя выработка разсудка; чувство же и воля остаются здѣсь ни при чемъ. Въ то время, какъ разсудокъ и память односторонне упражняются и обрабатываются, другія способности души остаются необработанными. Поэтому, есть безконечно много людей, которые обучены очень хорошо, даже учены — но не воспитаны — не образованы истинно и глубоко. Истинное воспитаніе должно развить и выработать не только умственныя, но также и нравственныя способности, совѣсть, истинную духовную свободу человѣка; нравственное чувство должно быть пробуждено и развито, для того чтобы не заглохнуть (не испортиться). Эскироль объ этомъ говоритъ: «мы много заботимся объ образованіи ума (разсудка) и, повидимому, не знаемъ, что и сердце (чувство и воля) столько же, сколько и умъ

нуждается въ воспитаніи». — Мальчикъ заучиваетъ наприм. наизусть генеалогію всѣхъ персидскихъ царей, дѣянія какого-нибудь Дарія, какого-нибудь Гистаспа и т. п.; онъ зазубриваетъ города въ Китаѣ и рѣки въ Нейголландѣ. Всѣ геніальныя и глупыя выходки разнаго рода, когда-либо и гдѣ-либо совершенныя въ различнѣйшихъ углахъ земли, затверживаются дѣтьми на память. Такимъ образомъ, мальчикъ, отправляясь на экзаменъ, очень дѣльно «напакованъ», какъ обыкновенно говорятъ; онъ, по истинѣ, можетъ даже взрослаго человѣка поставить въ мгновенное замѣшательство и удивить своими непрочными познаніями.

Мы сами, будучи ученикомъ первоначальной школы, могли гораздо вѣрнѣе проговорить рядъ огнедышащихъ горъ Азіи и Австраліи, чѣмъ теперь! Но что же при этомъ выигривалось? Мальчики выучивали безконечно много, чтобы потомъ опять все это забыть. Но они не выучились одному: господству надъ самими собой, т. е. силѣ воли, самоопредѣленію. Часто выучиваютъ безконечно много и многое для школьныхъ испытаній и безконечно мало для житейскихъ. Но человѣкъ долженъ не только пріобрѣсти много познаній, но еще также долженъ научиться правильно чувствовать и постоянно стремиться къ истинѣ. «Но все то, что просвѣщаетъ нашу душу, не давая намъ въ тоже время власти надъ самими собою, вредно» (Alles aber ist verderblich, was unseren Geist aufklärt ohne uns zugleich die Herrschaft über uns selbst zu geben), говоритъ Гёте. Недостаточно только преподавать дитяти нравственныя ученія, хотя бы и наилучшія, нѣтъ — и нравственная сила также должна быть въ немъ упражняема, и оно должно привыкнуть овладѣвать этою силою. Только упражненіе производитъ мастера! Какъ мускулъ, долгое время совсѣмъ неупражняемый, постепенно ослабляется, такъ точно и всякая другая сила нашего тѣла и нашей души. Вѣдь мы

знаемъ, что можно также хорошо упражняться въ мышленіи и упражнять свою память, какъ и зрѣніе, слухъ и т. д. Безъ упражненія погибаетъ также въ человѣкѣ и нравственная его сила, она ослабѣваетъ, и онъ самъ дѣлается несвободнымъ. Вотъ почему мы и находимъ нравственно-слабыхъ между людьми въ высшей степени разумными и наоборотъ, между неучеными людьми, среди массы простаго, неграмотнаго люда — часто истинныхъ героевъ добродѣтели. Мы часто видимъ, что люди, у которыхъ не была выработана нравственная сила, которые, слѣдовательно, не были пріучены къ добрымъ поступкамъ (Guthandeln), погибаютъ въ борьбѣ со своими стремленіями и страстями. Лишь тогда и только тогда, когда цѣлесообразное воспитаніе, воспитаніе цѣлаго человѣка, воспитаніе какъ тѣла, такъ и души, т. е. истинное καλοκαγάθια, истинное образованіе и настоящая человѣчность — сдѣлаются общимъ достояніемъ всѣхъ, тогда только, навѣрное, преступленія противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, всякія правонарушенія станутъ совершаться рѣже и наконецъ мало-по-малу совсѣмъ исчезнутъ. Но это случится лишь тогда, когда сердца, души и воля всѣхъ проникнутся величайшимъ принципомъ всякой философіи права и нравственности, именно *любовію къ ближнему*. Но до тѣхъ поръ, пока сама нравственность будетъ почти ничѣмъ инымъ, какъ какою-то «жандармскою нравственностью» (Gendarmeriemoral), до тѣхъ поръ пока у насъ тысячи людей, только потому не будутъ дѣлаться преступными, что позади ихъ стоятъ «стражи закона», — до тѣхъ поръ также, пока христіанская нравственность будетъ заключаться лишь въ страхѣ, боязни адскихъ мученій, — до тѣхъ поръ положеніе вещей можетъ улучшиться лишь весьма немного.

13. Недостатокъ воспитанія.

Величайшую и могущественнѣйшую и вмѣстѣ наихудшую роль, рядомъ съ ошибочнымъ, фальшивымъ воспитаніемъ, играетъ, очень естественно, относительно развитія душевныхъ способностей человѣка, недостаточное воспитаніе и, наконецъ, совершенное отсутствіе всякаго воспитанія. «*Пренебреженное воспитаніе*» или «*недостатокъ воспитанія*» — вотъ слова, которыя такъ часто можно слышать и которыя произносятся съ полнымъ правомъ и основаніемъ защитниками въ очень многихъ публичныхъ засѣданіяхъ уголовныхъ судовъ. Мы охотно и съ удовольствіемъ должны здѣсь заявить, что со стороны защитниковъ и адвокатовъ обыкновенно и съ полнымъ правомъ придается извѣстное смягчающее вину значеніе этому ошибочному, фальшивому, пренебрежепному или и совсѣмъ отсутствующему воспитанію, въ пользу ихъ кліентовъ. Пренебреженное воспитаніе уже многихъ довело до смирительнаго дома или даже до эшафота. Но все таки этотъ недостатокъ воспитанія не оцѣнивается въ такой степени, какъ онъ того дѣйствительно заслуживаетъ. Гдѣ воспитаніе было сильно пренебрежено, тамъ и душа пренебреженнаго человѣка должна быть и оставаться порабощенною и испорченною. Пренебреженіе или отсутствіе воспитанія часто дѣлаютъ взрослаго человѣка столь же не свободнымъ, какъ и невоспитанное еще дитя или дико выросшее животное. И Маасъ говоритъ: «Къ сожалѣнію, богатѣйшій источникъ помѣшательства обнаруживается въ извращеніи или и въ совершенномъ отсутствіи всякаго разумнаго руководства нашего юношества.» — Извѣстно, что спартанскому законодателю Ликургу палкою былъ выбитъ глазъ однимъ молодымъ человѣкомъ. Возмущенный этимъ народъ схватилъ злодѣя и передалъ его въ руки законодателя, съ тѣмъ чтобы онъ выбралъ для этого преступника въ отмщеніе

особое наказаніе. Но Ликургъ, этотъ мудрый педагогъ, будучи далекъ отъ того, чтобы мстить преступнику или его наказывать, вмѣсто этого сталъ его обучать и образовывать. Потомъ однажды повелъ онъ его въ народное собраніе. Когда граждане удивились этому, то Ликургъ сказалъ: «я получилъ этого юношу отъ васъ, какъ человѣка дерзкаго, нахальнаго и способнаго производить насилія, а теперь возвращаю его вамъ, какъ человѣка скромнаго и разумнаго». Ликургъ его воспиталъ и изъ настоящаго преступника сдѣлалъ разумнаго человѣка. Судьи! Воспитатели! Государственныя учрежденія! Поступайте такъ, какъ поступилъ Ликургъ! . . . . . .

Воспитывать гораздо труднѣе, чѣмъ наказывать. Но за то воспитывать лучше, несравненно лучше, чѣмъ наказывать. Притомъ же каждое наказаніе должно имѣть цѣлію исправленіе. Дѣйствительное исправленіе человѣка достигается лишь посредствомъ хорошаго воспитанія. Такъ Ликургъ изъ грубаго мальчика, пренебреженнаго въ своемъ воспитаніи, сдѣлалъ дѣльнаго человѣка. Вотъ что могло сдѣлать воспитаніе! Большая часть людей дѣйствительно исправляются лишь тогда, когда улучшаются условія ихъ жизни. Какъ каждый, самъ того не чувствуя, есть дитя своего времени, такъ точно каждый есть также дитя условій своей жизни.

14. Воспитатели народа: священники, законодатели, врачи и т. д.

«Государство обыкновенно поручаетъ воспитаніе народа священникамъ, законодателямъ, врачамъ», говоритъ д-ръ Аттомиръ (Attomyr). Врачи должны заботиться о тѣлесномъ (физическомъ), священники о нравственномъ (моральномъ), а законодатели о правовомъ (юридическомъ) воспитаніи человѣка. Если всѣ трое совмѣстно дѣйствуютъ (вліяютъ) гармонически (согласно), то результатомъ ихъ стремленій и будетъ дѣйствительная „καλοκαγαθία“, т. е. красота, здоровье,

крѣпость и непорочность тѣла совмѣстно съ добротою души, т. е. съ нравственною ея непорочностію. Но если эти три великіе живые дѣятеля народнаго воспитанія — недѣятельны, то являются болѣзни тѣла и души, умножаются грѣхи, умножаются и преступленія. Эти же народные воспитатели должны жить въ постоянной тѣснѣйшей (внутренней) связи съ народомъ. Они должны дѣлить съ нимъ (одновременно) всѣ радости и горести. Они должны постараться, чтобы ихъ любили и почитали, какъ любятъ и почитаютъ любимаго отца, нѣжную мать. Однакожъ какая пропасть еще во всѣхъ отношеніяхъ находится между ними и народомъ! Какая пропасть лежитъ еще между такъ называемыми «образованными» и народомъ, т. е. такъ называемыми «необразованными»! Но хуже всего, когда врачи и священники при отправленіи своихъ, столь важныхъ и священныхъ обязанностей, бываютъ негуманны въ такомъ дѣлѣ, гдѣ имъ все таки ввѣряются тѣла и души людей. «Я здѣсь не ради гуманности» возразилъ еще недавно одинъ врачъ священнику, когда послѣдній указалъ врачу на гуманность. — Такъ для чего же врачъ послѣ этого призванъ? Развѣ для того, чтобы съ помощію своего искусства сдѣлать мѣстность, гдѣ онъ живетъ, или во всякомъ случаѣ госпитали и больницы — непадежными и небезопасными? Да если врачи не будутъ человѣчны, то кто же послѣ этого долженъ еще быть человѣчнымъ! — Тотъ же г. докторъ хвалился, что вылѣчилъ одного больнаго угрозами и бранными словами! Тотъ же г. докторъ выразилъ однажды, когда одинъ несчастный заключенный жаловался, что пища была наполнена мухами, волосами и т. д., слѣдующую мысль (совершенно тѣми же словами, какъ одинъ хозяинъ — въ «Летучихъ Листкахъ» [Fliegende Blätter]): «развѣ вы думаете, что экономъ можетъ за 10 крейцеровъ положить вамъ въ супъ шелковую мантилью?» Чего заслуживаетъ такой разбойникъ? Такъ можетъ говорить какой

нибудь діяволъ или Іуда, который думаетъ, что только въ писаныи рецептовъ заключается величайшее искусство и его единственная задача и священная обязанность.

«Я долженъ быть правъ, хоть бы тутъ цѣлый полкъ пропалъ!» (Recht muss ich haben und wenn auch das ganze Regiment zu Grunde geht!) говорилъ также однажды врачъ, достойный товарищъ вышеупомянутаго. — Боже, сохрани насъ отъ такихъ людей! Такой врачъ можетъ быть лишь скернымъ и глупымъ «чортомъ», но онъ, поистинѣ, не заслуживаетъ эпитета: «человѣкъ». Многіе другіе говорятъ, правда, сладкія слова; у нихъ слова: «человѣчность, гуманность» постоянно на языкѣ, а по своимъ поступкамъ, а въ сердцѣ — они настоящіе хищные, кровожадные волки. Какъ съ человѣкомъ поступаютъ, такимъ онъ и сдѣлается. «Какъ аукнется, такъ и откликнется», говоритъ старая пословица (Wie man in den Wald ruft, so hallt es heraus). Человѣкъ послѣ будетъ съ тобою поступать точно также, какъ ты сначала съ нимъ поступалъ. Вѣдь онъ этому отъ тебя же выучился. Кто проповѣдуетъ только проклятіе, тотъ не пожнетъ умиротворенія, а кто сѣетъ проклятіе, тотъ не можетъ ожидать милости. «Но при каждой, даже незначительной ошибкѣ человѣка» говоритъ Лафатеръ, «часто сейчасъ поднимается оглушительный проклинающій крикъ, который помрачаетъ, придавливаетъ и уничтожаетъ весь характеръ человѣка. Мыслитель же смотритъ на человѣка, котораго проклинаетъ весь свѣтъ и — хвалитъ ли порокъ? — нѣтъ, навѣрное нѣтъ! — извиняетъ ли порочнаго? — нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Ну, такъ что же? Онъ въ высшей степени сожалѣетъ преступника и говоритъ: «поступайте, т. е. воспитывайте человѣка иначе и вы изумитесь, когда увидите, что можетъ выйти изъ человѣка!» Мы всегда должны повторять: обстоятельства, отношенія, воспитаніе, самые окружающіе люди суть то, о чемъ можно сказать вмѣстѣ съ безсмертнымъ

поэтомъ: «Ihr lasst den Menschen schuldig werden und übergebt dann ihn der Pein».

15. Различіе моментовъ развитія по степенямъ возраста и т. д. Преступленія по періодамъ жизни, полу и т. д.

При вмѣненіи не слѣдуетъ далѣе упускать изъ виду одного важнаго пункта: именно, что различные моменты развитія и степени возраста часто производятъ и различныя, хорошія или дурныя направленія духа. Такъ, дѣти обыкновенно простодушны, добры, довѣрчивы, они охотно принимаютъ все за истину. Только лишь въ позднѣйшее время появляются: скрытность, зависть и недовѣріе. Юность во всемъ вѣтрена, легкомысленна, весела, подвижна и жадна къ наслажденіямъ. Старость, напротивъ, воздержна, упорна, ворчлива, вспыльчива и т. д. У юношей и дѣтей мы находимъ: ускоренный обмѣнъ мыслей, оживленныя чувства, высокую чувствительность къ новымъ впечатлѣніямъ и идеямъ, быструю дѣятельность; у стариковъ же существуютъ: упорная, крѣпкая привязанность къ старому, ослабленіе и медленное теченіе чувства, нечувствительность къ новому, лѣнивая дѣятельность и т. д.

Кетле, извѣстный статистикъ, доказалъ, что, согласно сказанному, и извѣстныя преступленія болѣе или менѣе свойственны извѣстнымъ періодамъ жизни. Такъ на юношескій возрастъ выпадаютъ плотскія преступленія и воровства. На возмужалый возрастъ — грабежъ и убійство. Въ періодъ ослабленія силъ — убійства, отравленіе и поджигательство. Чѣмъ болѣе ослабѣваютъ тѣлесныя силы, тѣмъ болѣе преступникъ обращается къ хитрости, обману и подлогу. Также и женскій полъ, тѣлесная и душевная зрѣлость котораго раньше наступаетъ, чѣмъ у мужскаго пола, вообще раньше становится преступнымъ, но зато раньше и отстаетъ отъ преступленій.

Сообразно этому, бываютъ у человѣка извѣстные періоды жизни, въ которые онъ болѣе чѣмъ обыкновенно склоненъ въ особенности къ извѣстнымъ добродѣтелямъ или извѣстнымъ порокамъ, соотвѣтственно степени развитія души и тѣла, возрасту и различію пола. Отсюда, слѣдовательно, очень ясно видно, какъ важно всегда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о вмѣненіи, точнѣйшимъ образомъ принимать въ соображеніе, по требованію истинной человѣчности, не только первоначальное предрасположеніе, но еще и развитіе послѣдняго во всѣхъ его направленіяхъ. Но, къ сожалѣнію, эти, столь важныя предрасположенія, повторяемъ это, такъ рѣдко вполнѣ достаточно принимаются въ соображеніе. А какъ сильно однако можетъ быть стѣснена свобода человѣка благодаря воспитанію и условіямъ жизни! Между тѣмъ только свободные люди могутъ быть привлечены закономъ къ полной отвѣтственности за свои дѣла и наказаны какъ виновные. Воспитайте прежде человѣка, поставьте его въ соотвѣтственныя его наклонностямъ условія жизни и тогда только смотрите, сдѣлается ли онъ и насколько сдѣлается виновнымъ и заслуживающимъ наказанія. — Въ заключеніе мы не можемъ не прибавить еще вкратцѣ нѣсколько общихъ принциповъ истиннаго воспитанія.

16. Принципы воспитанія.

Истинное воспитаніе юношества должно дѣйствовать не только на развитіе силъ и укрѣпленіе тѣла, — на воспитаніе здороваго тѣла (sanum corpus), но главнымъ образомъ на многостороннее образованіе души и на развитіе нравственной силы, на воспитаніе сильнаго здороваго чувства, мысли (sanam mentem). Эта душевная сила дѣлаетъ человѣка господиномъ страстей, его сильное воля дѣлаетъ его способнымъ отказывать себѣ даже въ удовлетвореніи необходимыхъ

потребностей, переносить непріятности и противостоять обольщеніямъ.

Это крѣпкое, хорошее образованіе души пріучаетъ человѣка переносить непріятное и въ то же время знакомитъ его съ тѣми обманами и огорченіями, которыхъ никогда нельзя избѣжать въ жизни и которымъ подвергаются даже выше всѣхъ поставленныя личности, а равно и личности, одаренныя неизсякающими благами. Но всего этого правильное воспитаніе должно стараться достигнуть не прибѣгая къ вреднымъ крайностямъ, именно, къ чрезмѣрно-строгому обращенію съ дѣтьми, къ слишкомъ строгимъ взысканіямъ, въ особенности же къ употребленію розги.

Такая система дѣлаетъ ребенка боязливымъ и робкимъ, дѣлаетъ его безпокойнымъ при каждомъ занятіи, при чемъ онъ, испуганный и озабоченный, дрожа видитъ насупротивъ себя осужденіе своихъ поступковъ и стремленій. Душа, напуганная почти безпрерывными наказаніями, лишается наконецъ своей крѣпости и силы, и человѣкъ подвергается слабости воли, а наконецъ теряетъ и всякую энергію. Вѣдь иной очень легко попадаетъ въ *Сциллу*, желая избѣжать *Харибды!*

Большой недостатокъ воспитанія, о которомъ еще мы должны здѣсь упомянуть, заключается въ томъ, что если въ семействѣ есть нѣсколько дѣтей, то иногда одинъ или нѣсколько любимцевъ очевидно предпочитаются всѣмъ остальнымъ. Еще чаще это случается тогда, когда сводныя дѣти воспитываются вмѣстѣ съ собственными. Это предпочтеніе одного ребенка передъ другими легко ведетъ перваго къ своенравію, къ желанію господствовать надъ остальными, а у этихъ появляются: ожесточеніе, мстительность и т. п. Одни дѣти считаютъ себя лучшими и стараются притѣснять и подчинять себѣ другихъ, впрочемъ вѣрно подражая въ этомъ родителямъ. У подчиненныхъ, угнетаемыхъ такимъ образомъ,

появляются зависть и ненависть со всѣми тѣми аффектами, которые отсюда потомъ возникаютъ, а наконецъ ведутъ и къ преступленію. При воспитаніи слѣдуетъ вообще обращаться со всѣми дѣтьми одинаково, дѣлая различія только сообразно наклонностямъ каждаго, но ни въ какомъ случаѣ не дѣлать никакихъ внѣшнихъ предпочтеній одному передъ другими. Насколько развитіе какой-нибудь наклонности того требуетъ, слѣдуетъ обращаться съ каждымъ индивидуально, во всемъ-же прочемъ слѣдуетъ быть со всѣми одинаково любящимъ и кроткимъ, одинаково строгимъ и справедливымъ. Какъ часто случается, что невинное дитя, которое уже съ самаго рожденія отецъ или мать положительно терпѣть не могли (безъ всякой вины со стороны малютки), пренебрегается въ воспитаніи и дѣлается потомъ преступникомъ! Развѣ въ жизни не случается, что зачатое внѣ брака дитя совершенно пренебрегается потомъ своими родителями? И развѣ такое дитя не есть несчастнѣйшее въ мірѣ созданіе? — Поэтому, родители, будьте справедливы и полны любви относительно всѣхъ дѣтей, ввѣренныхъ вашему уходу и воспитанію. In medio virtus! — Помните, что дѣти суть прекраснѣйшіе дары неба и что отъ воспитанія вашихъ отпрысковъ зависитъ будущее благо или горе цѣлыхъ поколѣній, даже цѣлыхъ народовъ, цѣлыхъ временъ. Вамъ, слѣдовательно, чрезъ воспитаніе вашихъ дѣтей, т. е. чрезъ правильное развитіе ихъ способностей, отдана, такъ сказать, въ руки всемірная исторія! Не забывайте святости этого призванія! Не думайте, что вы сдѣлали довольно, если ваши франтики уже съ 10 лѣтъ умѣютъ говорить всякіе комплименты, немножко играть на фортопіано, болтать по французски и т. д. Такія черезъчуръ острыя дѣти возбуждаютъ положительно отвращеніе, ибо мысль о духовной испорченности, искалѣченности приходитъ непроизвольно въ голову всякому сколько-нибудь опытному мыслителю при взглядѣ на такихъ модныхъ малютокъ. А

близорукіе родители радуются своимъ произведеніямъ, а глупые малодушные сосѣди имъ потакаютъ и вполнѣ одобряютъ это. — Потому именно у насъ теперь слишкомъ мало хорошихъ женъ и матерей, что мы имѣемъ слишкомъ много перезрѣлыхъ тепличныхъ растеній въ мірѣ дѣтей. Какъ радуются нѣкоторые родители, видя своихъ малютокъ 6 — 8 лѣтъ уже умѣющими разыгривать роли большихъ на такъ называемыхъ дѣтскихъ балахъ! «Къ этому — немного нѣнія, немножечко музыки!» «Ахъ, это тонко-образованное дитя, смотрите-ка» недавно слышалъ я отъ одной дамы; «это удивительно, какое прекрасное образованіе: эта дѣвочка играетъ уже даже нѣсколько пьесъ изъ «Тристана!». — О, глупая болтовня! О, пресловутое дѣтское образованіе! О, жалкій слѣпой родъ! Къ несчастію, у васъ слишкомъ поздно откроются глаза! Внуки и правнуки еще будутъ васъ проклинать, ибо вмѣсто мужей и женъ вы создали безобразныхъ слабохарактерныхъ сластолюбцевъ и болѣзненныя сумасбродныя модныя фигуры. Еслибы стѣны остроговъ и топоры эшафотовъ умѣли говорить, то они въ громовыхъ словахъ и рѣчахъ разсказали бы вамъ до чего доводятъ людей, и скверное воспитаніе, и дурной примѣръ. Къ несчастію, кровь нѣкоторыхъ невинныхъ внуковъ должна проливаться лишь для того, чтобы загладить недостатки и пороки ихъ дѣдовъ.

Настоящее, истинное воспитаніе есть, конечно, тяжелое бремя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сладкое бремя, ибо плоды такого воспитанія потрясаютъ небо и землю! Истинные святые и настоящіе герои всегда должны быть обязаны своею святостію и своими лавровыми вѣнками только своимъ воспитателямъ!

III.

Разстройства чувства.

Ein Blick ins Buch und zwei ins Leben.
Das wird die Form dem Geiste geben.
(Одинъ взглядъ въ книгу, а два — въ жизнь, — вотъ что формируетъ душу).

Наиболѣе важныя разстройства человѣческой души суть тѣ, которыя появляются въ области чувства или въ чувствительной сферѣ; уже потому на нихъ слѣдуетъ обращать наибольшее вниманіе, что безъ измѣненій въ этой области души, почти никогда и не бываетъ душевнаго разстройства. Именно, наибольшее число душевныхъ страданій начинается уклоненіями отъ нормы въ области чувства. Изъ страданій чувства обыкновенно возникаютъ уже дальнѣйшія разстройства души. Но чувство, разсматриваемое, такъ сказать, какъ фокусъ и какъ совокупность чувствованій, подвержено очень многимъ возмущеніямъ. Уже наклонности человѣческаго духа сами по себѣ могутъ быть очень различны. Непостоянный, нерѣшительный и колеблющійся духъ противополагается спокойному и твердому. Одинъ легко аффицируется внѣшними впечатлѣніями, а другой лишь съ трудомъ можетъ выйти изъ спокойствія. Духъ веселый, довольный и ясный опять противополагается печальному, недовольному и мрачному. Одинъ уже по натурѣ своей замкнутъ въ

самомъ себѣ и скрытенъ, а другой откровененъ и чистосердеченъ. Храбрость и мужественность, равно какъ и трусость и робость коренятся также преимущественно въ чувствѣ. Но почему сердце считается представителемъ чувства? сердце, этотъ невинный мускулъ, этотъ центральный аппаратъ кровяныхъ путей? — главное же присутствіе мышленія и воли все таки полагается въ головѣ? Это затрогиваетъ такъ называемыя «*явленія рефлекса*». Всѣ знаютъ хорошо, что впечатлѣнія чувствъ и состоянія духа большею частію находятъ себѣ сочувствіе преимущественно въ сердцѣ; но потомъ при этомъ забываютъ уже, что они выходятъ прежде всего изъ головнаго мозга. «Человѣкъ», говорятъ, «отъ сильной радости потерялъ голову». Тогда-то онъ весь — чувство, весь — сердце. Домрихъ описываетъ очень хорошо общія вліянія и рефлективныя дѣйствія души на разные органы тѣла. Сердце напр. почти пріостанавливается при ужасѣ, оно сильнѣе бьется въ радости и дрожитъ отъ страха, безпокойства. Все это — вліянія со стороны головнаго мозга и другихъ партій нервовъ на хранилище крови — сердце. Кто уже не чувствовалъ боли въ сердцѣ. отъ состраданія, и у кого не лежалъ уже на сердцѣ цѣлый берковецъ тяжести, когда его давили печаль и горе? Каждый послѣ продолжительнаго мышленія, послѣ напряженной духовной (умственной) работы чувствуетъ тяжесть и болѣзненное ощущеніе въ головѣ. Послѣ раздраженій чувства начинаются преимущественно непріятныя ощущенія около сердца. «Мнѣ такъ хорошо»! «Мнѣ такъ больно возлѣ сердца»! — все это ходячія выраженія. Въ выраженіи: «онъ имѣетъ сердце» или «у него есть сердце», слово «сердце» почти равнозначительно слову «чувствительность». Но все таки съ точки зрѣнія строгаго философскаго изслѣдованія природы слѣдуетъ сказать: въ головномъ мозгу лежитъ источникъ и радости и горести, въ немъ же источникъ и мысли и дѣла. Слова пѣсни: «Fragt

das Herz im bangen Schmerz» также слѣдуетъ считать картинными и поэтичными какъ и выраженія: «ликующее сердце» или «у меня могло разбиться сердце отъ материнской радости и материнскаго, сожалѣнія» и т. д. Любовь и ненависть — обѣ заключаются въ головѣ! Оставимъ поэту его языкъ и замѣтимъ только, что «сердце» почти на всѣхъ языкахъ значитъ тоже что «чувство». Такъ называемое «*общее чувство*», есть рефлексъ всего происходящаго въ органической жизни на чувствующую и въ высшей степени чувствительную первную систему, этотъ мозгъ тѣла. Большая сильно развѣтвленная симпатическая нервная система представляетъ органъ общаго чувствованія. Симпатическая же первная система производитъ всюду чрезвычайно сильное вліяніе на весь организмъ. «Я разстроенъ» говоритъ человѣкъ и часто самъ не знаетъ отчего и незнаетъ также, что у него симпатическое нервное сплетеніе поражено какимъ нибудь органическимъ разстройствомъ. Но и со всѣхъ сторонъ различнѣйшія вліянія дѣйствуютъ рѣшительно на эти партіи первовъ, и если это общее чувство симпатическихъ нервныхъ путей поражено или разстроено, то и весь человѣкъ страдаетъ. Такими разстройствами гармоническаго равновѣсія въ сферѣ общаго чувства страдаютъ напр. ипохондрики, меланхолики и истерическія женщины.

Уныніе обнаруживается при болѣзненномъ ощущеніи наз. «praecordialangst». При каждомъ сильномъ разстройствѣ непріятное чувство давленія или стягиванія ощущается подъ ложечкою (между грудью и желудкомъ). Мы знаемъ, что только вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ здоровый человѣкъ можетъ противостоять болѣзненнымъ ощущеніямъ и будетъ всѣми силами стараться отъ нихъ избавиться. Тоже самое бываетъ съ пріятными ощущеніями наслажденія. Въ здоровомъ состояніи болѣзненныя состоянія чувства, напримѣръ чувство боли, быстро и съ отвращеніемъ устраняются, а

ощущенія удовольствія охотно и долго удерживаются. Совсѣмъ другое случается при душевныхъ страданіяхъ. Здѣсь большею частію удерживается боль, наслажденіе же какъ будто запрещается подъ опасеніемъ наказанія — это характеръ душевной болѣзни, какъ разстройства чувства. Больной движется здѣсь только среди душевной боли, онъ не можетъ отъ нея уйти. Но чувство образуетъ могущественнѣйшій рычагъ для дѣйствія. Изъ болѣзненнаго чувства, изъ мрачнаго настроенія духа могутъ произойти только мрачные поступки. Душевнобольной старается избавиться отъ своей душевной боли или удалить первопачальныхъ мнимыхъ виновниковъ ея, не разсчитывая, не думая о послѣдствіяхъ. Такъ возникаютъ самоубійство и смертоубійство. Различныя преслѣдованія, гоненія и т. п. преступленія разнаго рода часто коренятся въ душевной боли, виновникомъ которой больной считаетъ одного изъ своихъ ближнихъ. Въ сильнѣйшемъ порывѣ страсти (въ аффектѣ), съ ненавистью въ душѣ и стремленіемъ къ убійству, бросается преисполненный боли страдалецъ на свою жертву, на, воображаемаго въ своемъ безуміи, виновника своихъ страданій и дѣлается преступникомъ. Но онъ не можетъ поступить иначе: душевная боль господствуетъ надъ нимъ, управляетъ имъ и ослѣпляетъ его, причемъ свободное размышленіе затрудняется или и совсѣмъ прекращается. Тотъ человѣкъ, у котораго нарушено отправленіе симпатическихъ нервовъ, преимущественно солнечнаго сплетенія, чувствуетъ печаль и тоску, не зная самъ отчего; онъ мелоченъ въ особенности въ отношеніи своего здоровья; онъ трусливъ, нелюдимъ, мраченъ и предается сумасброднѣйшимъ фантазіямъ. Лучшимъ доказательствомъ всего этого служитъ ипохондрикъ. Онъ самъ не знаетъ, что у него болитъ (чего ему недостаетъ), и все таки чувствуетъ себя больнымъ всегда и вездѣ. Болѣзнь сидитъ здѣсь не въ томъ или другомъ мѣстѣ или въ какомъ-нибудь тѣлесномъ органѣ, но во всей тончайшей

нервной системѣ, нити которой повсюду переплетаются. Счастливъ тотъ, у кого внѣшнія раздраженія, безпрестанно перемѣняясь, вліяютъ на организмъ, какъ ощущенія, въ которыхъ человѣкъ всегда нуждается для возбужденія своего духа. Тамъ, гдѣ волны чувствъ безпрерывно приливаютъ и отливаютъ, гдѣ мрачныя чувства быстро замѣняются веселыми и наоборотъ, гдѣ существуетъ такая подвижность ртути, тамъ не легко и душа разстраивается. — Только продолжительное удержаніе боли ведетъ къ чорной меланхоліи, равно какъ и наоборотъ, постоянное удержаніе удовольствія можетъ вести къ экзальтаціи, къ веселому сумасшествію. Если же различныя чувства возникаютъ и исчезаютъ попеременно и притомъ владѣютъ человѣкомъ въ надлежащей степени крѣпости и продолжительности, то и гармонія души не легко будетъ разстраиваться. У человѣка, какъ говорятъ, «хорошо расположеннаго» постоянно преобладаютъ въ дружескомъ согласіи чувства веселаго и здороваго свойства. Напротивъ, у «дурно расположеннаго» появляются уже и даже преобладаютъ страсти и аффекты различнаго, по большею частію мрачнаго свойства, равно и мрачныя настроенія души, способныя даже убить какъ мышленіе его, такъ и дѣятельность.

Состоянія тѣла, какъ причины душевныхъ разстройствъ.

Бываютъ различныя состоянія человѣческаго тѣла, извнутри его вліяющія разрушительно и на состояніе души человѣка. Безпорядки въ пищеварительной системѣ, въ желудкѣ, въ кишкахъ, продолжительные запоры, обнаруживающіеся вслѣдствіе такъ называемаго *геморроя*,— очень часто и легко могутъ пропзводить болѣзненныя измѣненія въ человѣческой душѣ. Еще болѣе, естественно, эти страданія пищеваренія, постоянно испорченный желудокъ и т. д. — могутъ

произвести свое скверное вліяніе на душу тамъ, гдѣ и безъ того субъектъ страдаетъ раздражительною слабостію. Какъ часто какое нибудь, само по себѣ незначительное, затрудненіе пищеваренія разстраиваетъ человѣка въ высшей степени и дѣлаетъ его угрюмымъ. Испорченный желудокъ, пученіе и вѣтры въ животѣ, на что постоянно жалуются ипохондрики, страдающіе геморроемъ, — все это дѣлаетъ человѣка сердитымъ и ворчливымъ. Д-ръ Штраль говоритъ: «постоянное разстройство пищеварительной дѣятельности поражаетъ всегда также и головной мозгъ. Разстройство мыслей, перѣшительность, раздражительность, недостатокъ памяти и т. д. — обнаруживаются здѣсь чаще, чѣмъ думаютъ, какъ-бы мало ни были расположены принимать здѣсь тѣлесное основаніе для этихъ разстройствъ. Нерѣдко симптомы эти постепенно достигаютъ до страстныхъ движеній чувства, до постоянной наклонности къ гнѣву, до припадковъ отчаянія, до мрачной меланхоліи и т. д. Каждый ежедневно можетъ наблюдать самъ на себѣ, какъ даже здоровое, еще не разстроенное пищевареніе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ жизнію головнаго мозга. Послѣ обѣда является неохота къ духовной дѣятельности. Plenus venter non studet libenter! (съ полнымъ желудкомъ неохотно учишься!) Очень многіе люди, обыкновенно очень любезные и хорошо расположенные, становятся сердитыми, на цѣлый день дѣлаются нерасположенными, гнѣвными, раздражительными, какъ только ихъ обезпокоятъ во время ихъ такъ называемой *«пищеварительной лихорадки»*, во время ихъ «пищеварительнаго сна». Причина этого заключается въ связи симпатическихъ брюшныхъ нервовъ съ нервами головнаго мозга. Продолжительныя перемѣжающіяся лихорадки причиняютъ очень часто, по причинѣ производимаго ими разстройства пищеваренія, мучительнѣйшія разстройства духа, настоящую ипохондрію. Употребленіе свинца и ртути до состоянія хроническаго отравленія этими

металлами, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаетъ точно также, вслѣдствіе разстройствъ пищеваренія, производимыхъ ими, между безчисленными другими страданіями, также и разстройства души. Сапожники и ткачи, постоянно сдавливающіе, стѣсняющіе свой желудокъ, много страдаютъ тоской и т. д. «Душа несвободна, когда кишки страдаютъ!» Также и состояніе, усиливающагося во время пищеваренія, отдѣленія желчи находится въ тѣснѣйшей внутренней связи съ расположеніемъ духа. Желчь, какъ пищеварительная жидкость, течетъ изъ своего хранилища въ двѣнадцатиперстную кишку и желудокъ, чтобы облегчать здѣсь пищевареніе. Если это отдѣленіе желчи стѣснено, то отсюда возникаютъ разстройства духа. Желтуха есть признакъ страданія желчи. Всѣ страдающіе желтухою раздражительны, нерасположены и сердиты. «У меня поднялась жолчь» или «у меня поднимается жолчь»,—вотъ выраженія означающія: аффектъ или страсть гнѣва движется внутри меня. «Меланхолія» называется по нѣмецки «Schwarzgalligkeit» (черножелчіе). Долго задерживаемая, не выдѣляемая, какъ слѣдуетъ, жолчь дѣлается густою, темною и мутною, и древніе считали только ее одну причиною различныхъ страданій души. Эти страданія большею частію обнаруживаются уже темнымъ цвѣтомъ лица и кожи, что происходитъ отъ излишней, нездоровой желчи. Вѣдь всѣмъ извѣстно, въ какой тѣсной связи находится процессъ отдѣленія желчи съ состояніемъ духа. Нездоровая, излишняя или стѣсненная въ своемъ выдѣленіи желчь, дающая цвѣту лица темный колоритъ, помрачаетъ также и душу больнаго человѣка. При страданіи печени, когда отдѣленіе желчи разстроено, очень часто обнаруживается и разстройство духа и притомъ часто въ сильнѣйшей степени. — Мокротная перепонка желудка очень часто поражается. Ни одинъ органъ не представляетъ болѣе ужасныхъ и пестрыхъ болѣзненныхъ явленій, какъ именно засоренный

или разстроенный желудокъ. Сдѣлавшійся хроническимъ, постоянно продолжающійся катарръ желудка напр. у пьяницъ, гулякъ и т. д. или же при извѣстныхъ занятіяхъ, есть въ высшей степени печальное страданіе, не столько вслѣдствіе своей опасности для жизни, сколько вслѣдствіе своихъ психическихъ послѣдствій. Подумайте только о разстройствѣ желудка при головной боли съ похмѣлья (Katzenjammer)! Болѣзнь же эта есть преимущественно катарръ желудка. Какъ разстроенъ и убитъ душевно, какъ угрюмъ и раздражителенъ, въ какомъ разладѣ съ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ находится очень часто одержимый этою болѣзнію? Не легко найти болѣе трудное страданіе, чѣмъ такое постоянное раздраженіе мокротной перепонки желудка, т. е., обыкновенный испорченный желудокъ. «Я могъ бы драться съ самимъ чортомъ», слышали мы часто отъ одного страдающаго хроническимъ разстройствомъ желудка. Ужаснѣйшее изъ проклятій, которое въ шутку сказано было однимъ евреемъ своему сосѣду, основывается на томъ, что проклинающій самъ испыталъ это удовольствіе: «Я желаю тебѣ» говоритъ проклинающій еврей, «имѣть 100 улицъ, на каждой улицѣ по 100 домовъ, въ каждомъ домѣ по 100 комнатъ, въ каждой комнатѣ по 100 кроватей и на каждой кровати — лежать по 100 дней, страдая желудкомъ!» Жестокое пожеланіе! Вы и не больны, собственно говоря, и все таки находитесь въ отчаянномъ положеніи. Хроническій катарръ желудка можетъ сообщить душѣ такое настроеніе, что она сдѣлается неспособною чувствовать радость и нерѣдко дѣлается добычею самаго дикаго отчаянія. Какъ много людей никогда не могутъ освободиться отъ испорченности своего желудка! Дипломаты, путешествующіе купцы и т. п., привыкшіе къ богатому и разнообразному столу, раздражаютъ всякій разъ снова свою мокротную перепонку желудка. Но они часто и не могутъ поступать иначе (по своему положенію), а вслѣдствіе

этого слышны безпрерывныя жалобы и видно постоянно мрачное расположеніе духа. Именно, общественное положеніе многихъ людей тѣсно сопряжено съ такими пирушками, отъ которыхъ они, не рискуя потерять свои средства къ жизни, и отказаться не могутъ; а слѣдствіемъ этого являются: всегда скверный желудокъ, всегда сердитое лицо и постоянно дикое обращеніе!

Кромѣ страданій хроническихъ (сдѣлавшихся постоянными, обыкновенными) въ сферѣ пищеварительной, — въ особенности болѣзни сердца, большихъ сосудовъ (вообще разстройства кровеобращенія), слѣдуетъ разсматривать, какъ наиболѣе производящія сильнѣйшее вліяніе на жизнь души. Въ особенности производятъ такое вліяніе пороки образованія, вырожденія, порчи сердца, утолщенія, расширенія, пороки клапановъ, аневризмы (Schlagadernausbuchtungen). Очень рѣдко можно найти человѣка страдающаго болѣзнію сердца, душа котораго не была бы особенно поражена и не была бы очень легко и страстно раздражима. Большая чувствительность, нетерпѣніе, печаль, тоска, досада, гнѣвъ, ипохондрія — сопровождаютъ обыкновенно болѣзни сердца. «Нѣкоторыя болѣзни сердца», такъ говоритъ также Домрихъ, «производятъ, безъ всякаго очевиднаго нравственнаго основанія, такое безпокойство духа и боязливость совѣсти, что пытка, произведенная этимъ, становится чрезвычайно мучительною». Одинъ изъ близкихъ друзей и товарищей автора этого сочиненія уже цѣлые годы страдаетъ вышесказанными пороками сердечныхъ клапановъ съ расширеніемъ артерій; онъ, къ сожалѣнію, можетъ доставить для этого наилучшія доказательства, основываясь на собственномъ опытѣ. Авторъ этой книги можетъ удостовѣрить, что смертельная тоска и стремленіе къ самоубійству уже сотни разъ страшнѣйшимъ образомъ нападали на его друга, какъ только напр. появлялось малѣйшее разстройство пищеваренія, запоръ или ревматизмы и т. д.

Горбатые, у которыхъ, какъ я обстоятельно показалъ въ своей «ортопедіи настоящаго времени», сердце, легкія, желудокъ, кишки, вообще органы дыханія, кровообращенія и пищеваренія находятся въ безпорядкѣ, такъ сказать, перемѣнили свое положеніе, — часто бываютъ въ высшей степени разстроены душевно, вслѣдствіе этого своего недостатка, и малѣйшія причины могутъ омрачить ихъ духъ. Къ этому присоединяются еще нѣкоторыя несправедливости и насмѣшки, которымъ иногда подвергаются эти калѣки со стороны глупыхъ и грубыхъ окружающихъ людей, вслѣдствіе чего ихъ душа уже съ дѣтства, такъ сказать, пріучается къ злости, мстительности и хитрости, и притомъ тѣмъ болѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе и сильнѣе этому содѣйствуютъ у нихъ еще и болѣзни тѣла. Также и *геморроиды*, т. е. застои темной крови въ венахъ (сосудахъ, обратно проводящихъ кровь), обусловливаютъ разстройства души, и каждый знаетъ, что сильныя геморроидальныя состоянія уже многихъ привели въ домы умалишенныхъ.

Разстройства и безпокойства въ нервной системѣ, причину которыхъ часто нельзя указать, нервныя разстройства, въ особенности у лицъ женскаго пола, случаются часто также безъ очевидной болѣзни и нерѣдко, въ соединеніи съ излишнею раздражительностью, ведутъ къ дурнымъ поступкамъ. Зейфертъ въ своихъ «Листкахъ для примѣненія права» говоритъ: «этого рода страдальцы кажутся можетъ быть совершенно здоровыми: никакія, или по крайней мѣрѣ никакія, бросающіяся въ глаза, разстройства непримѣтны. Никто изъ окружающихъ не считаетъ ихъ больными, и все таки они больны. Люди, подверженные такому страданію, становятся вдругъ добычею внезапнаго аффекта, когда ихъ посѣщаетъ демонъ, впрочемъ безъ всякой вины съ ихъ стороны. Они насильственно увлекаются къ преступленію уголовнаго закона,

дѣлаются повидимому дѣйствительными преступниками, будучи въ существѣ дѣла лишь несчастными больными.

Но въ особенности играютъ здѣсь роль извѣстные періоды жизни и состоянія, которые хотя и не принадлежатъ къ болѣзненнымъ и въ особенности тѣсно связаны съ половыми явленіями и половою жизнію; но тѣмъ не менѣе все-таки могутъ въ сильнѣйшей степени разстраивать нервную систему и, такимъ образомъ, заключать человѣческую душу въ оковы. Эти періоды суть:

а) Половое развитіе у обоихъ половъ (pubertas).

б) Беременность.

в) Роды.

г) Послѣродовое состояніе и кормленіе грудью (lactatio).

д) Прекращеніе мѣсячныхъ очищеній (climacterium).

Это состоянія физіологическія. Изъ патологическихъ же въ особенности слѣдуетъ считать истерику и ипохондрію, вліяющими весьма дурно на нервную систему.

а) *Половое развитіе*, половая зрѣлость (pubertas), (связанная у женскаго пола съ началомъ мѣсячныхъ очищеній, у мужескаго — совпадающая съ живымъ отдѣленіемъ сѣмени), заключаетъ въ себѣ много моментовъ, производящихъ психическое разстройство духа, преимущественно вслѣдствіе сильно раздраженной нервной системы. Пробудившаяся половая жизнь у обоихъ половъ производитъ, по наблюденію большей части врачей-психіатровъ, совсѣмъ особенное вліяніе на возникновеніе помѣшательства. Нейманъ говоритъ объ этомъ: «Гиперестезія (излишняя раздражительность) половыхъ органовъ болѣе всякой другой раздражительности овладѣваетъ сознаніемъ. Если даже при нормальномъ развитіи половыхъ органовъ они время отъ времени вызываютъ такія чувствованія, которыя выступаютъ въ сознаніи, какъ повелительныя опредѣленія, то въ особенности часто это случается,

и притомъ изъ легчайшихъ поводовъ, тогда, когда эти органы подвержены усиленной раздражительности, во время половаго развитія, когда именно, такъ сказать, создается природою новая личность. Какъ съ первымъ вдыханіемъ воздуха послѣ рожденія начинается новая форма растительной жизни, такъ точно и съ первыми половыми побужденіями начинается новая эра для человѣка. Неудивительно, если излишняя раздражительность половыхъ органовъ дѣйствуетъ на человѣка могущественнѣе и поразительнѣе, чѣмъ раздражительность какихъ бы то ни было другихъ частей». Обратите только вниманіе на большое различіе въ состояніи духа и перемѣну въ обращеніи дѣвушки, которая сегодня была еще ребенкомъ, а на другой день, вслѣдствіе перваго половаго кровоистеченія, сдѣлалась дѣвою. Думаешь, что передъ тобою находится совсѣмъ другое существо. Прежде довѣрчивая, ребячески-наивная, откровенная дѣвушка стала боязливою, застѣнчивою, сдержанною, сама не зная отчего. Совсѣмъ новыя, до сихъ поръ неизвѣстныя ей чувства овладѣли теперь дѣвочкою, только-что сдѣлавшеюся дѣвой. Подобное же происходитъ и съ мужескимъ поломъ, хотя здѣсь и не преобладаетъ въ такой степени нервное разстройство. Прежде боязливо-уединявшійся мальчикъ становится иногда вдругъ грубо-распущеннымъ юношей.

Помѣхи въ половомъ развитіи, признакомъ чего служитъ напр. дѣвичья немочь, производятъ, какъ каждый знаетъ, сильнѣйшія разстройства нервовъ и души.

Исторіи колдуній и одержимыхъ бѣсами, въ недавно прошедшіе вѣка, случались большею частію съ молодыми людьми, которые, благодаря превратному монастырскому воспитанію, отстали въ развитіи своей половой жизни и поставлены были на ложные пути въ дѣлѣ половаго инстинкта. Вотъ почему наибольшее число сожженныхъ за колдовство.

падаетъ на монахинь, а наибольшее число дьявольскихъ заклинаній разыгрывалось въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ. Охота поджигать, строенія, даже страсть къ поджигательству, тоска по родинѣ и т. п. ненормальныя состоянія души почти всегда падаютъ на возрастъ половаго развитія.

Вѣдь уже даже каждая здоровая женщина, ко времени своего періодическаго, нормальнаго мѣсячнаго очищенія, дѣлается возбужденною или даже отчасти разстроенною душевно: она становится раздражительною, сердитою, печальною, сама не зная отчего. Кто уже самъ не убѣдился на опытѣ, на членахъ своего же собственнаго семейства, что женщины становятся почти совсѣмъ другими людьми ко времени своихъ регулъ (мѣсячныхъ очищеній).

Если время перваго появленія мѣсячныхъ очищеній часто приноситъ съ собою, кромѣ головной боли и всякихъ страданій желудка, еще и помѣхи и разстройства въ чувствахъ, которыя могутъ усилиться даже до неистовства и бѣшенства, — то тѣмъ болѣе и тѣмъ чаще это является тамъ, меланхолія съ убійствомъ и т. п. случается тамъ, гдѣ этотъ періодъ долгое время остается болѣзненно-задержаннымъ или и совсѣмъ не появляется. Всѣ болѣзнотворныя причины, именно духовныя, дѣйствуетъ ко времени этого періода гораздо сильнѣе; а у нѣкоторыхъ женщинъ, совершенно здоровыхъ душевно въ промежуточное время, замѣчается во время этого періода разстройство, близко граничащее съ душевною болѣзнію, печаль, ипохондрія или причудливость. У многихъ помѣшанныхъ женщинъ можно легчайшимъ образомъ замѣчать вліяніе этого періода регулъ. Существующее уже душевное страданіе часто усиливается до бѣшенства, до нимфоманіи (бѣшенства матки), сопровождается приливами крови къ головѣ, и тутъ-то наиболѣе нужно надзирать за тѣми изъ несчастныхъ больныхъ этого рода, которыя склонны къ самоубійству.

б) *Беременность* можетъ также вліять въ высшей степени вредно на всю нервную систему, а слѣдовательно и на душу.

Женщина во время беременности дѣлается способнѣе къ воспринятію всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній, да и самая беременность (въ первый разъ), передъ приближающимся разрѣшеніемъ, наполняетъ душу беременной глубокою тоскою, вслѣдствіе страха и безпокойства. Тоска эта даже возвращается при частой беременности. Нѣкоторыя женщины впадаютъ въ это время въ сварливое, несносное, гнѣвное расположеніе духа.

Ленгоссекъ говоритъ: «во время беременности часто имѣетъ мѣсто совершенное разстройство души, такъ что прежде разумная, скромная, кроткая, нѣжная, добродушная женщина становится упорною, ворчливою и злобною бабою, угрюмою, своенравною и сварливою матроною».

Каждый врачъ сумасшедшихъ видѣлъ уже женщинъ, сдѣлавшихся душевно-больными во время беременности и притомъ исключительно вслѣдствіе этого состоянія.

Также и приливы крови и анемія (малокровіе) — состоянія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, развиваются, во время беременности, въ различныхъ органахъ, — доставляютъ соматическія основанія для такихъ разстройствъ души.

Гризингеръ замѣчаетъ также, что беременность, послѣродовое состояніе и періодъ кормленія грудью болѣе всѣхъ другихъ состояній, имѣющихъ вліяніе на женскую половую систему, служатъ основаніемъ и причиною помѣшательства. Это душевное разстройство во время беременности наичаще является въ формѣ меланхоліи. Даже при разстройствѣ регулъ у небеременныхъ женщинъ часто появляется это мучительное душевное страданіе.

Однако гораздо чаще появляются во время беременности болѣе легкія психическія разстройства,—истерическія причуды, чрезмѣрная похотливость, дурацкая ревность, также наклонность къ воровству,—чѣмъ дѣйствительное и вполнѣ образовавшееся сумасшествіе.

Въ особенности мы должны здѣсь упомянуть о прихотяхъ беременныхъ. Прихоти эти, что также говоритъ и геніяльный Фридрейхъ, коренятся глубоко какъ въ тѣлѣ, такъ и въ душѣ—уже до состоянія беременности. Эти болѣзненныя желанія могутъ дойти до такой сильной степени, что, вслѣдствіе такого стремленія къ чему-либо, можетъ уничтожиться и господство разсудка и свобода воли. Чтобы удовлетворить своему болѣзненному желанію, эти особы иногда совершаютъ даже противозаконныя дѣйствія. Отсюда происходитъ также и болѣзненное стремленіе къ воровству у нѣкоторыхъ беременныхъ женщинъ. Что только онѣ видятъ, тѣмъ хотятъ и обладать, и что имъ рисуетъ ихъ болѣзненновозбужденная фантазія, то они и должны осуществить, причемъ никакое средство для достиженія этой цѣли не кажется имъ безразсуднымъ или несправедливымъ.

Исторія разсказываетъ намъ объ одной женщинѣ, которая во время своей беременности не знала бо́льшаго удовольствія, какъ заманивать маленькихъ дѣтей, прокалывать имъ жилы большою иглою и сосать ихъ кровь (настоящій вампиризмъ).

Другая женщина, о которой говоритъ Гуларъ, была на пятомъ мѣсяцѣ своей беременности одержима сильнымъ отвращеніемъ отъ всякой пищи и почувствовала вдругъ ужаснѣйшее желаніе ѣсть человѣческое мясо. Эта прихоть была такъ повелительна, что она задушила своего мужа во время сна. Сожравши въ нѣсколько дней часть его трупа, посолила она остальныя его части и старательно ихъ сберегала. Когда

это стремленіе ѣсть человѣческое мясо (антропофагія) прошло, то несчастная сознала свое преступленіе.

Такого рода прихоти чудовищны и вносятъ величайшій ужасъ въ среду человѣческаго общества. За такими женщинами нужно наблюдать строжайше. Но къ счастію обыкновенныя прихоти и стремленія беременныхъ ограничиваются болѣе всего пожеланіемъ извѣстныхъ плодовъ, цвѣтовъ, кушаній, желаніемъ ѣсть известь, мѣлъ, старую кожу, грифели, башмачные гвозди и т. п.

Другаго рода прихоти опять очень своеобразны и указываютъ уже на глупость женщины. Одна жена напр. чувствовала непреодолимое желаніе цѣловать своего мужа въ затылокъ или въ пятку вмѣсто щеки. Такого рода прихоть покрайней мѣрѣ не опасна. Но когда другая женщина чувствуетъ непреодолимое стремленіе бросить камень въ голову своего мужа, то дѣло уже становится сомнительнымъ. Врачи всѣхъ временъ разсказываютъ объ этомъ удивительнѣйшіе примѣры. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести многіе изъ нихъ.

Въ особенности интересенъ слѣдующій случай. Одна знаменитая Французская дама, во время своей беременности ежедневно пожирала по одному крысиному хвосту, побуждаемая къ тому непреодолимымъ желаніемъ. Она съѣдала настоящій хвостъ наибольшей изъ мышей (mus niger) и, — когда больше хвостовъ не нашлось, нельзя было ихъ достать даже на вѣсъ золота, — вдругъ впала въ лихорадку, глубочайшую меланхолію и т. д.

в) *Роды.* Еще поразительнѣе душевныя разстройства у родильницъ. Д-ръ Рушъ въ Америкѣ и другіе находятъ между помѣшанными женщинами обыкновенно 10%, впавшихъ въ сумасшествіе вслѣдствіе родовъ и послѣродоваго состоянія.

Въ особенности, мы должны обратить вниманіе на

первороженицъ, молодыхъ соблазненныхъ дѣвушекъ; эти бѣдныя дѣвочки, оставленныя своими вѣроломными любовниками, знаютъ, что дитя, которое они носятъ подъ сердцемъ, какъ незаконное, будетъ презираться обществомъ. Если уже женщина, напередъ увѣренная во всевозможныхъ заботахъ и попеченіи близкихъ родныхъ, часто ожидаетъ своихъ самыхъ тяжелыхъ часовъ съ безпокойнымъ біеніемъ сердца и меланхоліею; то какъ должна вся тяжесть обстоятельствъ, взятыхъ вмѣстѣ, обременять душу бѣдной обольщенной дѣвушки! Даже тамъ, гдѣ уже часто за нѣсколько мѣсяцевъ приготовляется все для новаго гражданина земли съ пышностію и великолѣпіемъ, — даже и тамъ мать во время родовъ часто впадаетъ въ состояніе сильнѣйшаго возбужденія и подвергается страданію души. Даже и во дворцахъ мы нерѣдко видимъ, что рожающія княгини впадаютъ почти въ бѣшенство и полнѣйшее отчаяніе во время родовыхъ мукъ. Подумайте жъ теперь о неопытномъ молодомъ созданіи, отвергнутомъ вѣроломнымъ обольстителемъ, а иногда и жестоко обиженномъ своими родителями, — подумайте только: какой тоскѣ, нуждѣ и горю предала она себя и своего ребенка? Къ этому присоедините еще сильнѣйшія боли и не удивляйтесь, что криминалъ-психологъ долженъ столькихъ дѣтоубійцъ объявить душевно-больными. Сильнѣйшія боли, величайшее нервное возбужденіе, сопровождаемое приливами крови, — обусловливаютъ здѣсь эти разстройства души. Разстройства эти обнаруживаются часто у скромнѣйшихъ и благочестивѣйшихъ женщинъ въ видѣ ужаснѣйшей яростной ненависти противъ отца, или же въ величайшей враждебности противъ новорожденнаго созданія, такъ что слѣдствіемъ этого можетъ быть даже его убіеніе. Эти проходящія, большею частію оканчивающіяся вмѣстѣ съ послѣродовымъ состояніемъ, душевныя разстройства имѣютъ величайшую важность въ судебно-медицинскомъ отношеніи, въ особенности потому, что передъ

родами и послѣ нихъ такія женщины обыкновенно бываютъ вполнѣ способны ко вмѣненію, тогда какъ въ трудные часы родовъ свобода воли у нихъ совершенно уничтожается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способность ко вмѣненію пропадаетъ.

г) *Послѣродовое состояніе.* Въ первые 8—10 дней послѣ родовъ у родильницы часто появляются разстройства души, иногда даже съ неистовствомъ или бѣшенствомъ. Страданія головнаго мозга, матки, сердца, въ особенности разнаго рода воспаленія съ качественнымъ измѣненіемъ крови— служатъ здѣсь главными причинами вмѣстѣ съ приливами или малокровіемъ, въ особенности послѣ трудныхъ родовыхъ операцій. Душевныя разстройства появляются здѣсь либо въ формѣ тоски, либо въ формѣ меланхолическихъ припадковъ бѣшенства, или же, если уже во время беременности существовало психическое давленіе души, обнаруживаются теперь также иногда веселыя маніакальныя возбужденія и нимфоманическая распущенность.

Душевныя разстройства, возникающія съ такъ назыв. *молочною лихорадкою*, случаются здѣсь наичаще. Большія потери крови послѣ разрѣшенія отъ бремени и сильныя движенія души часто даютъ ближайшій поводъ къ этимъ душевнымъ страданіямъ. Наслѣдственность, сильная нервная раздражительность во время беременности и т. д. — образуютъ здѣсь важные моменты. Рейдъ въ Бедламѣ (Bethlehem-Hospital — домъ умалишенныхъ въ Лондонѣ) въ 1848 г. нашелъ 45 случаевъ наслѣдственной наклонности въ числѣ 111 случаевъ сумасшествія, вслѣдствіе послѣродоваго состоянія. Потомъ такихъ случаетъ найдено было въ Бедламѣ 41 изъ 131, стало-быть 31%. Самыя частыя формы душевныхъ разстройствъ въ послѣродовомъ состояніи суть: возбужденіе, доходящее до бѣшенства, потомъ меланхолія и, наконецъ, склонность къ самоубійству. «Число женщинъ, которыя дѣлаются послѣ разрѣшенія отъ бремени душевно и чувственно

разстроенными, гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ», говоритъ также опытнѣйшій Эскироль.

И кто уже, по крайней мѣрѣ, не слышалъ о такихъ случаяхъ, что, находящаяся въ послѣродовомъ состояніи, женщина моментально становилась душевно-разстроенною? Тогда говорятъ, что молоко бросилось ей въ голову. Здѣсь народъ правъ, по крайней мѣрѣ отчасти, хотя это и не исключительно молоко здѣсь давитъ на головной мозгъ.

Многіе медицинскіе писатели утверждали, что тѣ родильницы, которыя, вслѣдствіе ли модной глупости или еще какого-нибудь большаго дурачества, сами не кормятъ своихъ дѣтей, должны напчаще заболѣвать душевно. Это и не удивительно, такъ какъ при внезапномъ стѣсненіи и препятствіи для нормальнаго прилива молока къ грудямъ, неминуемо должны возникнуть разнаго рода приливы къ головѣ со всѣми своими вредными послѣдствіями.

Нерѣдко случается, что сумасшествіе (бѣшеное или меланхолическое), которымъ родильницы страдали уже во время своихъ родовъ, возвращалось также и при послѣдующихъ родахъ. Нѣкая Анна Н. задушила свое незаконное дитя тотчасъ послѣ рожденія. Она открыто созналась въ своемъ преступленіи, и движимая раскаяніемъ, проливала слезы. По прошествіи срока наказанія, она вышла за отца своего дитяти и сдѣлалась опять беременною. При разрѣшеніи за нею старательно наблюдали. Тотчасъ послѣ родовъ опять обнаружился такой же припадокъ ярости, какъ и прежде. Дитя должно было быть насильно отнято отъ своей матери. — Д-ръ Швереръ разсказываетъ подобный этому случай. Одна дама, долгое время жившая въ неплодномъ бракѣ, сдѣлалась наконецъ матерью. Но она въ ярости бросила свое давножеланное дитя, тотчасъ послѣ его рожденія, объ стѣну, такъ что оно было убито. Тоже самое повторилось и при второмъ разрѣшеніи. (Фридрейхъ).

Но гораздо чаще это можетъ случаться съ дѣвушками, у которыхъ съ одной стороны является материнская любовь къ ожидаемому дитяти, а съ другой — стыдъ и срамъ видѣть передъ собою презрѣннаго новаго гражданина земли; причемъ, стало-быть, оба величайшіе и сильнѣйшіе аффекта вступаютъ между собою въ споръ и противорѣчіе. Такая ужасная душевная борьба оканчивается нерѣдко страшнѣйшею ненавистью и ужасною яростію, которыя переносятся тогда на невинное дитя, и безумствующая мать жертвуетъ несчастнымъ созданіемъ ради слѣпой болѣзненной страсти, т. е. страсть принуждаетъ ее къ преступленію, къ дѣтоубійству. Изъ предъидущаго легко усмотрѣть, что, по нашему мнѣнію, на дѣтоубійцу, при извѣстныхъ означенныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ смотрѣть несравненно снисходительнѣе и судить ее гораздо мягче, чѣмъ ту огромную шайку дамъ и дѣвицъ изъ высшаго и низшаго круговъ, которыя, какъ нѣкогда римлянки, смотрятъ на истребленіе плода въ своихъ утробахъ, какъ на «дѣло» ничего незначущее и никого не интересующее. Эти преступницы противъ человѣчества, разумѣется, не считаются дѣтоубійцами: онѣ даже считаются «*цѣломудренными*» въ глазахъ свѣта. Порокъ этотъ, это преступленіе, къ сожалѣнію, слишкомъ распространено, слишкомъ извѣстно и слишкомъ часто совершается, какъ знатными графинями въ салонахъ, такъ и простыми женщинами въ кабакахъ и конюшняхъ. Эти безстыдныя личности обыкновенно остаются безъ наказанія. Какая-нибудь порядочная служанка, которая не рѣшается убить свое дитя уже въ утробѣ, боясь грѣха, но, вслѣдствіе страха и отчаянія, дѣлается, сама не зная какъ, въ трудныя минуты родовъ, дѣтоюбійцею, — осуждается. Салонная же дама имѣетъ свое «средство», которое точно также принадлежитъ къ «будуарнымъ» косметическимъ средствамъ, какъ и другія издѣлія этого рода. Характеристиченъ напримѣръ, отвѣтъ одной прислужницы врачу, который

спросилъ: «да, я думаю, что вы беременны?» — «Ахъ, если только за это ничего не будетъ, то вѣдь тутъ можно помочь!!».

Непосвященный въ эти тайны, вѣрно и не подозрѣваетъ даже, какъ распространено это гнусное преступленіе, и съ какимъ спокойствіемъ, присутствіемъ духа и послѣдовательностію это *дѣтоубійство*, къ сожалѣнію, ежедневно совершается безнаказанно. — Здѣсь при истребленіи плода постоянно замѣчается полная утонченная обдуманность, слѣдовательно и полная вмѣняемость; тамъ при дѣтоубійствѣ большею частію — состояніе невмѣняемости. Тогда какъ одна (большею частію въ состояніи невмѣняемости) дѣтоубійца — по art. 231 угол. код. наказывается до 20 лѣтъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, другая — истребительница плода въ утробѣ, — наказывается только тюремнымъ заключеніемъ и не менѣе 3-хъ лѣтъ! «Наконецъ научились усматривать, къ чести человѣчества и къ торжеству истинной человѣчности, что главною причиною преступленія дѣтоубійства служитъ нерѣдко проходящая ярость (бѣшенство)», говоритъ также Ленгосекъ, поэтому «здѣсь требуется величайшая осторожность со стороны криминаль-психолога, чтобы не дать обвинить невинную больную, такъ какъ эти состоянія продолжаются лишь нѣсколько часовъ, прежде и послѣ родовъ не появляются и часто проходятъ безъ всякаго слѣда». Но вслѣдствіе этого моментальнаго возбужденія, обнаруживающагося въ отвращеніи и враждѣ противъ ребенка, совершаются ужаснѣйшія дѣянія, которыя, будучи совершены нѣсколькими часами позже, должны были бы быть наказаны тягчайшими казнями, а въ прежнее время обыкновенно даже выкупались самою кровію несчастной матери. Большею частію это обсужденіе болѣзненныхъ душевныхъ состояній во время родовъ (часто уже долгое время предшествовавшихъ родамъ, причемъ потомъ личность опять находится въ вожделенномъ

душевномъ здравіи), очень трудно для криминалъ-психолога. Столбнякъ, обмороки, судороги, бѣшенство, оцѣпенѣніе, безсиліе и т. под. состоянія появляются часто, именно при быстро случающихся разрѣшеніяхъ отъ бремени, въ особенности у первороженицъ. Какъ часто случается, что во время трудныхъ родовъ нѣжнѣйшая женщина изрыгаетъ проклятія и вообще неистовствуетъ! Какъ часто кричитъ, воетъ и рыдаетъ во время родовъ мужественнѣйшая женщина! Дѣвушка, прежде терпѣливая, какъ голубица, часто во время родовъ дѣлается бѣшеною фуріею. Нѣкоторыя, ворочаясь на всѣ стороны, бьютъ все вокругъ себя, кусаютъ, плюютъ на все и вообще ведутъ себя, какъ бѣшеныя. Припадки неистовства и лихорадочное безуміе уничтожаютъ тогда свободное самоопредѣленіе.

Клугге разсказываетъ намъ одинъ сюда относящійся случай. Одна дѣвушка, разрѣшившись отъ бремени въ одномъ общественномъ родовспомогательномъ заведеніи, хотѣла во что бы то ни стало скрутить своему ребенку шею, тотчасъ послѣ его рожденія. Дитя было отъ нея отнято, а она сама положена въ особомъ залѣ. Чрезъ нѣсколько времени она съ удивленіемъ спрашивала, какъ она попала въ эту комнату, и настоятельно требовала свое дитя. Теперь только узнали, что она ничего не знала обо всемъ случившемся и что кровожадность ея была слѣдствіемъ душевнаго разстройства, обусловленнаго трудными родами. Когда теперь принесли ей дитя, она стала осыпать его нѣжнѣйшими ласками, къ какимъ только можетъ быть способна чувствительнѣйшая мать. Фридрейхъ спрашиваетъ по этому случаю съ полнымъ основаніемъ: «какова была бы участь этой несчастной дѣвушки, если бы напримѣръ она, застигнутая родами гдѣнибудь на полѣ, безъ свидѣтелей разрѣшилась отъ бремени и умертвила свое дитя?» — Не побуждаютъ ли такіе случаи къ совѣстливѣйшему изслѣдованію, прежде чѣмъ рѣшиться

высказаться въ пользу полной способности родильницы ко вмѣненію?

д) *Прекращеніе мѣсячныхъ очищеній (climacterium).* Какъ часто появленіе мѣсячныхъ очищеній у женщинъ обусловливаетъ сильнѣйшія нервныя и душевныя разстройства, — такъ же часто это случается у женщинъ и въ томъ періодѣ ихъ жизни, когда правильныя, регулярныя кровотеченія начинаютъ пріостанавливаться навсегда. Этотъ роковой періодъ прекращенія мѣсячныхъ очищеній называется — «climacterium». Тамъ, гдѣ обыкновенныя теченія крови изсякаютъ сразу, возникаютъ признаки давленія крови, приливовъ крови (congestiones) къ различнымъ частямъ тѣла, вслѣдствіе чего образуются различныя разстройства нервовъ, обусловливающія въ свою очередь страданія души. Сонъ такихъ женщинъ нерѣдко становится возбужденнымъ и разстраивается вслѣдствіе давленій въ груди и другихъ болѣзненныхъ аномалій въ нервной жизни. Въ особенности въ это время страдаютъ легко возбуждаемыя и истерическія женщины, и явленія сердцебіенія, обмороковъ, судорогъ, конвульсій, частыхъ вздоховъ, стѣсненій сердца и т. п. — производятъ нерѣдко душевныя разстройства, а иногда и сопровождаютъ ихъ.

Эти состоянія сопровождаются всегда высшею степенью печали и вообще сильнымъ разстройствомъ духа. Женщина чувствуетъ теперь, что стала «*матроною*», что «*половая жизнь ея окончилась*», что цвѣтеніе ея прекратилось и что она сама уже начинаетъ приближаться ко гробу. *Высочайшее призваніе женщины быть матерью* теперь уничтожилось и такое состояніе будетъ еще сильнѣе вліять на такихъ женщинъ, разстраивать ихъ тѣло и душу, если онѣ никогда не рожали или же рано потеряли своихъ дѣтей. Всякая надежда имѣть потомство исчезла, половыя наслажденія прекратились *). Сознаніе всего этого въ высшей степени

*) По крайней мѣрѣ, должны были бы быть прекращены, по указанію самой природы. *Примѣч. перев.*

печально, и, при существованіи лишь сколько-нибудь благопріятной къ тому наклонности и нервнаго возбужденія, очень легко можетъ повести къ самымъ мрачнымъ болѣзнямъ души.

Вѣдь даже у мужчины, сложеннаго гораздо грубѣе и плотнѣе, чѣмъ женщина, сознаніе своего безсилія въ старости, а еще болѣе ранняя благопріобрѣтенная половая слабость—производятъ мрачнѣйшее настроеніе духа. Часто похоти и желанія еще существуютъ въ головѣ, а тѣлесной силы, необходимой для надлежащаго удовлетворенія имъ, уже не существуетъ болѣе. Духъ былъ бы еще не прочь, но увы! плоть уже слаба, совершенно слаба! Половые органы не повинуются болѣе раздраженіямъ мысли. Жизнь стала мертва, и величайшія наслажденія половой любви для старика болѣе не существуютъ: они утрачены навсегда невозвратно. Что удивительнаго послѣ этого, если находимъ столько угрюмыхъ, страдающихъ меланхоліею, истерикою и ипохондріею, людей, которые, будучи въ высшей степени разстроены душевно, доводятся до самоубійства и до самыхъ неестественныхъ преступленій?!...

Также и *въ сердцѣ женщины гаснетъ любовь*, это прекрасное солнце жизни, *коль скоро женщина становится неспособною къ произрожденію. Всего, что могло бы искусственно опять возбудить любовь, слѣдуетъ старательно избѣгать*, ибо что пользы разжигать уже потухшее или уже почти совсѣмъ погаснувшее пламя, когда тѣло не обладаетъ уже достаточною силою, чтобы, какъ слѣдуетъ, утушить воспламенившійся огонь?! Органы теперь обречены на спокойствіе. Поэтому *любовь должна быть замѣнена лишь чистѣйшею, искреннѣйшею дружбою*, которая должна теперь утѣшать мужей и женъ въ ихъ потерѣ, разумѣется невознаградимой.

Мы видѣли стало быть, какъ съ началомъ половаго

созрѣванія, съ развитіемъ половаго стремленія, сильнѣйшаго изо всѣхъ, свойственныхъ человѣческой природѣ; съ періодомъ его полнѣйшаго и роскошнѣйшаго цвѣтенія въ половой жизни; съ произрожденіемъ новыхъ существъ; равно какъ и съ прекращеніемъ сильнѣйшаго изо всѣхъ чувственныхъ наслажденій половой жизни и половой дѣятельности, — связываются слишкомъ часто различнѣйшія душевныя разстройства, такія разстройства, которыя дѣлаютъ иногда волю несвободною.

Выше мы говорили о безпокойномъ снѣ у женщинъ, находящихся въ періодѣ climacterium. Да, безсонница есть важный моментъ, производящій и потомъ поддерживающій душевныя разстройства. Поговоримъ сейчасъ же объ этомъ. Безсонница, какъ и вообще ночная жизнь человѣка, дѣйствуетъ въ высшей степени сильно и притомъ опредѣленно на его душу. Посмотрите только на человѣка, прободрствовавшаго нѣсколько дней и ночей, и вы въ немъ замѣтите такое состояніе души, которое уже близко къ дѣйствительному помѣшательству. Душа его становится угрюмою, печальною, мрачною, нетерпѣливою и мало-по-малу дѣлается равнодушною ко всѣмъ благороднымъ чувствамъ.

Если мы пересмотримъ исторію порочныхъ людей и преступниковъ, то найдемъ, что *большая часть ихъ преступныхъ дѣяній была совершена въ полу-помѣшанномъ состояніи, которое произошло отъ продолжительной безсонницы.*

Вдумайтесь только въ свою собственную жизнь. Какъ вы разстроены и перасположены уже послѣ одной иногда прободрствованной ночи! Иной, не выспавшись, говоритъ часто: «я такъ дикъ теперь, что могъ бы отравить весь міръ!» (Ich könnte die ganze Welt vergiften, so wild bin ich). Извѣстно, какая сильнѣйшая раздражительная слабость слѣдуетъ за продолжительною безсонницею.

Многіе люди дѣлаются только «нервными», какъ говорятъ, вслѣдствіе того, что слишкомъ мало спятъ.

Просиживаніе ночей (pervigilium) — *безсонница вообще образуетъ главный моментъ душевныхъ разстройствъ.* Эта безсонница всегда бываетъ тамъ, гдѣ изъ какой-нибудь тѣлесной болѣзни возникаютъ душевныя разстройства. Pervigilium образуетъ переходъ къ душевному разстройству и есть такимъ образомъ соединительное звено между страданіями тѣла и души. Поэтому также очень легко можетъ случиться, что въ скверныхъ мѣстахъ заключенія, гдѣ, вслѣдствіе безпрерывныхъ, цѣлую ночь продолжающихся неистовствъ, шума, крика, пѣнія, свиста и говора однихъ заключенныхъ, другимъ нѣтъ ни покоя, ни сна,— тѣ субъекты, которые уже отъ природы слабы и притомъ нервно-раздражительны, легко могутъ заболѣть душевно. Даже мѣсто заключенія при полиціи, т. е. такое мѣсто, гдѣ находятся только заключенные за маловажнѣйшіе проступки,— даже такое мѣсто строго лишено всякаго свѣта, который не можетъ проникнуть изъ чрезвычайно узенькаго двора, благодаря весьма густымъ желѣзнымъ рѣшеткамъ на окнахъ. Такія мѣста заключенія зимою очень жарко отапливаются, и кромѣ того во время зимнихъ долгихъ вечеровъ строго воспрещается всякое освѣщеніе; понятно, что эти мѣста уже сами по себѣ должны сдѣлаться адомъ. Въ эту духоту вталкиваютъ пойманнаго сыщикомъ, хотя бы и невиннаго, и запираютъ за нимъ двойную дверь. Но это было бы еще ничего. Въ этомъ мѣстѣ заключенный не имѣетъ покоя ни днемъ ни ночью. Ложится ли онъ въ постель, различныя насѣкомыя немедленно начинаютъ на его кожѣ свои rendez-vous, и онъ не можетъ заснуть. Къ этому присоединяется еще всенощное пѣніе, крикъ, шумъ, болтовня всѣхъ арестантовъ, сидящихъ вверху и внизу, состоящихъ изъ плутовъ, бродягъ разнаго рода, развратныхъ женщинъ и т. д. Всему этому сброду хорошо

кричать: его заключеніе обыкновенно продолжается только одну ночь во время транспорта. Заключенный же, можетъ быть и порядочный человѣкъ, долженъ иногда оставаться здѣсь отъ 8 до 14 дней. Подумайте только и содрогнитесь! 14 сутокъ безсонницы, возбужденной уже насѣкомыми, безпокойствомъ и т. п., и еще усиленной психическимъ возбужденіемъ вслѣдствіе весьма человѣчнаго обращенія слишкомъ сантиментально образованныхъ сторожей и т. д. Диво ли послѣ этого, если такимъ образомъ огорчаемый, можетъ быть невинный (это часто случается), находясь въ высшей степени душевнаго возбужденія, да еще къ тому страдая безсонницей и т. д., сдѣлается нѣсколько дней спустя сумасшедшимъ?! Какъ здѣсь не ожесточиться гуманному человѣку? И такія учрежденія существуютъ въ странахъ высокообразованныхъ! . . . . . .

. . . . . .

Мы знаемъ одну художественную бронзовую статую; она бы вѣрно плакала, или устыдилась, или наконецъ смертельно огорчилась бы, если бы только когда-нибудь хоть на одинъ часъ сдѣлалась живою!

Помоги намъ Господи! и научи таки человѣчество прежде всего настоящей человѣчности, и только послѣ этого сдѣлай его художественно-образованнымъ и интеллигентнымъ, хотябы все таки съ бубнами, волынками, барабанами и литаврами!

Слѣдствія безсонницы суть: ограниченное питаніе, исхуданіе, блѣдность кожи и постепенная утрата энергіи всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ отправленій. Результатомъ этого является своеобразное состояніе, которое называютъ болѣзненною раздражительностью (eretismus). Состояніе это характеризуется чрезмѣрною чувствительностію. Все здѣсь трогаетъ человѣка сильнѣе (какъ это мы наприм. видѣли при

изображеніи сильнаго голода и жажды), и все внѣшнее большею частію кажется непріятнымъ. Отсюда происходятъ потомъ: чрезмѣрная чувствительность глазъ и мозга, краснота вѣкъ, сердцебіеніе, желудочныя судороги, половыя возбужденія.

Какое-то непостоянство овладѣваетъ человѣкомъ, являются чрезмѣрная возбудительность мускуловъ, болѣе скорое дыханіе, короче — является родъ лихорадки. Наконецъ къ этому состоянію тѣла присоединяется подобное же состояніе и души. Высокая чувствительность, постоянная наклонность къ аффектамъ, возбужденная фантазія, раздражительный и экзальтированный нравъ, страстное желаніе спать, наконецъ ослабленіе вниманія — вотъ характеристика этого состоянія. Память ослабѣваетъ, способность соображенія (Combinationsvermögen) тупѣетъ, присутствіе духа исчезаетъ, меланхолія, истерика, ипохондрія, сумасшествіе, безуміе или слабоуміе приводятъ наконецъ человѣка въ домъ умалишенныхъ, а иногда доводятъ его и до преступленія.

Все то, что отгоняетъ на продолжительное время столь необходимый для душевной и тѣлесной жизни сонъ — все это въ состояніи довести человѣка и до душевнаго разстройства.

Эти отгоняющія сонъ причины могутъ быть: сильное раздраженіе чувства, шумъ, свѣтъ, холодъ, жаръ, интересы разума или чувства, научныя и другія задачи; потомъ заботы, надежда, тоска, безпокойство, страсти, влеченія, побужденія, боли; далѣе нѣкоторыя вещества, въ чрезмѣрномъ количествѣ введенныя въ кровь, какъ то: чай, кофе; наконецъ недостатокъ тѣлеснаго движенія и душевной дѣятельности, чему такъ часто подвержены многіе заключенные, въ особенности же подвергнутые одиночному заключенію. Гдѣ, слѣдовательно, надлежащее чередованіе между бдѣніемъ и сномъ нарушено, что случается, напримѣръ вслѣдствіе

холодныхъ ножныхъ ваннъ, чая, кофе или вслѣдствіе болѣзни, лихорадокъ, недостатка крови или же страстныхъ возбужденій, тамъ психическія разстройства никогда не заставляютъ себя долго ждать. Къ сожалѣнію, возбужденная во время безсонницы фантазія, которая здѣсь является болѣзненнымъ симптомомъ, очень часто высоко цѣнится и принимается за дѣйствительное, естественное поэтическое вдохновеніе. Великій Шиллеръ часто приводилъ себя искусственно въ это болѣзненное состояніе посредствомъ продолжительныхъ ночныхъ бдѣній. Поэтому Гёте справедливо называетъ нѣкоторыя, въ высшей степени фантастическія мѣста шиллеровскихъ драмъ болѣзненными, патологическими.

Правда, если кто спокойно ложится въ постель не слишкомъ утомленнымъ своею умѣренною работою, но не можетъ спать, потому что какое-нибудь тамъ раздраженіе кожи постоянно его будитъ, тотъ долго можетъ это выдерживать. Если кто-либо не можетъ спокойно лежать, какъ напр. мать, ухаживающая за своимъ больнымъ ребенкомъ; то она правда также выдерживаетъ долгое время лишеніе сна, хотя все таки цѣною изнеможенія и исхуданія тѣла. Но если кто долженъ безъ отдыха ночь и день работать, въ качествѣ солдата совершать напр. опаснѣйшіе походы безъ отдыха, то онъ быстро подвергается смертельному истощенію. Въ Китаѣ ужаснѣйшая казнь есть смерть отъ лишенія сна. Осужденный переноситъ это тѣлесное и душевное страданіе много-много 18 — 20 дней и умираетъ отъ истощенія или бѣшенства.

Но и страсти также отнимаютъ сонъ. Выше всѣхъ этихъ отнимающихъ сонъ страстей стоитъ «половое побужденіе» и въ особенности притомъ у людей, привыкшихъ къ его удовлетворенію и потомъ вдругъ потерявшихъ къ тому случай. Поэтому мы также не знаемъ изъ-за какихъ это гуманистическихъ или санитарныхъ соображеній, въ крѣпостяхъ,

гдѣ заключеннымъ обыкновенно предоставляется болѣе свободы, чѣмъ въ смирительныхъ или рабочихъ домахъ, такъ строго запрещается мужьямъ принимать по временамъ безъ контроля своихъ женъ. Въ рабочихъ, смирительныхъ и т. под. домахъ это дозволяется заключенному, т. е. тѣмъ заключеннымъ, которые прилично себя ведутъ. Въ крѣпостяхъ же, напротивъ, каждому даже самому приличному мужу постоянно запрещается всякое безконтрольное посѣщеніе со стороны его супруги. Если крѣпости такимъ образомъ должны изображать собою монастыри съ строжайшимъ затворничествомъ, то было бы уже самое лучшее въ такомъ случаѣ всѣхъ заключенныхъ въ нихъ оскоплять.

Но и у другихъ субъектовъ половой инстинктъ производитъ безсонницу, такъ напр. у дѣвъ, монахинь, организмъ которыхъ достигъ своего полнаго развитія и которыя сами не знаютъ, что лишаетъ ихъ сна. Для этого совсѣмъ не нужно, чтобы возникали любострастныя картины, которыя не даютъ заснуть людямъ. Безпокойство овладѣваетъ желающею спать, принуждаетъ ее переворачиваться, дѣлаетъ ее бодрою; всякаго рода причуды овладѣваютъ душею; на сцену является, какъ выше изображено, чрезмѣрная раздражительность нервной системы со всѣми ея проявленіями и усиливается до меланхоліи, истерики и т. д., если только судьба не приходитъ на помощь. Вдовы или вообще опытныя женщины, равно и мужчины менѣе обманываются на счетъ причины этой безсонницы: они очень опредѣленно чувствуютъ, чего имъ недостаетъ.

Сновидѣнія (сонныя грезы).

Какъ безсонница, такъ и сновидѣнія и вообще такъ сказать, ночной образъ жизни человѣческой души можетъ быть

причиною ея страданій. Guislain (die Phrenopathieen, [перев. Вундерлиха], стр. 80) полнѣе и подробнѣе всѣхъ, прекрасно объяснилъ родство между сновидѣніями и душевными разстройствами. Я въ своихъ психіатрическихъ письмахъ (№ 2, стр. 37—53) вывелъ аналогію между сновидѣніемъ и сумасшествіемъ.

Сновидѣнія могутъ быть такъ живы, что во время ихъ или даже при пробужденіи (такъ какъ сновидѣнія еще на нѣкоторое, короткое или болѣе продолжительное время замѣтно вліяютъ на полусоннаго или уже вполнѣ бодрствующаго человѣка) могутъ быть совершены различныя дѣйствія безъ полной свободы воли, даже почти безсознательно. Какъ сильно многія сновидѣнія разстраиваютъ душу, это каждый изъ насъ знаетъ очень хорошо. И иной мрачный испорченный день нашей жизни, иное страстное возбужденіе — мы должны приписать только какому-нибудь скверному сновидѣнію. Физическій законъ необходимости господствуетъ надъ сновидцемъ, который потому-то и дѣйствуетъ въ этомъ состояніи несвободно.

Лунатизмъ.

Когда человѣкъ, находясь во снѣ, говоритъ отчетливо связныя слова, встаетъ, прохаживается, совершаетъ иногда и другія дѣйствія, но при пробужденіи совсѣмъ объ этомъ не помнитъ, то онъ называется лунатикомъ.

Одинъ сапожный подмастерье, котораго съ нѣкотораго времени мучила ревность, въ припадкѣ лунатизма взлѣзъ на крышу дома, добрался до окна своей возлюбленной, влѣзъ чрезъ него въ комнату и задушилъ мнимо-вѣроломную. Послѣ этого онъ тѣмъ же самымъ путемъ возвратился въ свою спальню и на другой день не зналъ ровно ничего о своемъ ночномъ преступленіи. — Самъ д-ръ Маасъ (издатель практи-

ческаго лѣченія душевныхъ страданій), будучи молодымъ человѣкомъ, предпринялъ нѣсколько такихъ счастливыхъ и несчастныхъ ночныхъ путешествій и разсказываетъ намъ эти эпизоды изъ своей жизни. — Эссеръ сообщаетъ намъ также слѣдующій интересный случай. Одинъ рыбакъ, по имени Галларъ, замѣтилъ, что изъ рыбохранилища, устроеннаго посереднѣ его челнока, еженочно исчезали рыбы, хотя находящійся при хранилищѣ висячій замокъ не показывалъ ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденія. Поэтому онъ думалъ, что воровство совершалось посредствомъ поддѣльнаго ключа. Чтобы теперь захватить вора на мѣстѣ преступленія, устроилъ онъ родъ крѣпкаго капкана, который долженъ былъ задержать его. Обрадованный этою остроумною мыслью и приготовивши все для поимки вора, ложится Галларъ въ постель. Но какъ и гдѣ онъ проснулся? Въ той самой западнѣ, которую онъ поставилъ для вора. Будучи лунатикомъ, самъ того не зная, онъ вставалъ ночью и выпускалъ на волю ту рыбу, которую днемъ улавливалъ.

Мы уже зашли въ область дѣяній, хотя мы здѣсь собственно должны были говорить только о вліяніи извѣстныхъ состояній на душу. Невозможно здѣсь отдѣлить эти психическія явленія одно отъ другаго, такъ какъ тотчасъ же вслѣдъ за сновидѣніемъ слѣдуетъ возбужденіе души, а вслѣдъ за этимъ — часто и самое дѣяніе.

Ясновидѣніе (сомнамбулизмъ).

Ясновидѣніе принадлежитъ большею частію къ числу величественныхъ обмановъ нашего столѣтія. Начиная древнею ясновидящею Пиѳіею и кончая знаменитымъ ясновидящимъ Alexis'омъ въ Парижѣ, все тянется большею частію одна и таже нить, т. е. благочестивый или же эгоистическій и корыстный обманъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать

того, что можетъ быть и дѣйствительно бываетъ и настоящій сомнамбулизмъ. Что немногіе такіе дѣйствительно ясновидящіе во время припадка находятся въ состояніи невмѣняемости — это разумѣется само собою. Кажется также, что эта магнетическая экзальтація, какъ и вообще безумный экстазъ въ состояніи бдѣнія, развивается нерѣдко изъ предыдущихъ болѣзненныхъ состояній тѣла и души. Всегда нужно быть въ высшей степени осторожнымъ при изслѣдованіи подобныхъ состояній. У дѣйствительно страдающихъ сомнамбулизмомъ свобода дѣйствій ограничивается глубокою чувствительностію души, большею частію даже мелапхоліею.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ половыя возбужденія и вообще половая страсть; потомъ безсонница, частыя сновидѣнія, сомнамбулизмъ и т. д. — возникаютъ всегда изъ тѣлеснаго разстройства нервной системы и вмѣстѣ съ нимъ выступаютъ. Именно, чрезмѣрная раздражительность нервовъ ведетъ къ наиболѣе частымъ страданіямъ души, и нѣкоторыя злодѣйства совершаются тогда вслѣдствіе такого нервнаго разстройства.

«Такого рода страдальцы, говоритъ Зейфертъ въ своихъ «Листкахъ для примѣненія права», — кажутся можетъ быть вполнѣ здоровыми, такъ какъ незамѣтно никакихъ или почти никакихъ, бросающихся въ глаза, разстройствъ души. Никогда никто изъ окружающихъ не считаетъ ихъ больными и тѣмъ не менѣе они все таки больны». Эти слова Зейферта, какъ юриста, пусть иныя должностныя лица запишутъ себѣ на лбу огненными буквами, ибо они отсылаютъ съ грубосмѣющимся выраженіемъ лица даже такихъ людей, которые случайно на нѣсколько дней попадаютъ въ ихъ варварскія руки; на этихъ больныхъ, правда, снаружи нельзя замѣтить ихъ болѣзни, ихъ порока сердца, ихъ ипохондрическаго разстройства духа; но они все таки носятъ доказательство своихъ страданій уже въ своемъ карманѣ, въ видѣ бумаги, на которой

написано имя его величества короля; — вотъ этихъ людей, требующихъ медицинскаго пособія, они отвергаютъ и съ грубымъ выраженіемъ говорятъ о нихъ: «ахъ, Боже мой! глупая болтовня! и этотъ хочетъ быть больнымъ!» — Я знаю случай, что одного страдальца въ тюрьмѣ еще за день до его смерти считали притворяющимся и совершенно здоровымъ. Кажется, что нѣкоторыя государства имѣютъ несчастіе, вмѣсто того, чтобы назначать гуманныхъ людей на должности смотрителей тюремъ, назначать сюда по рекомендаціи самыя дикія чудовища. Несчастное заблужденіе вѣка, желающаго быть человѣчнымъ и образованнымъ! Иные изъ этого сорта людей считаютъ, разумѣется, больнымъ только того, у кого обѣ ноги оторваны или, можетъ быть, считаютъ только своего прежняго товарища, пьянаго барабанщика, (потому именно, что онъ былъ когда-то товарищемъ) дѣйствительно больнымъ страдальцемъ! Но когда же наконецъ такое положеніе вещей улучшится?! «Я не могу жаловаться» говоритъ разсудительный и осторожный узникъ, доколѣ онъ въ заключеніи и находится въ рукахъ карающей власти. Онъ знаетъ почему. Вѣдь, повидимому, многіе изъ такихъ служащихъ обладаютъ особенною привиллегіею на безусловное довѣріе! Пусть же такой профосъ кажется святымъ и неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ пока его господство не прекратится и онъ самъ когда-нибудь не пропадетъ гдѣ-либо въ углу отъ такъ называемой *вшивой болѣзни*.... Нѣкогда хотѣли сдѣлать морковь бѣлою посредствомъ обмыванія. Идите же и вымойте діявола до-чиста! Напрасный трудъ!

Люди, которыхъ изнуряетъ душевное страданіе, дѣлаются, когда ихъ посѣщаетъ демонъ, вдругъ, безъ всякой вины съ ихъ стороны, добычею аффекта: они вовлекаются въ нарушеніе уголовныхъ законовъ, дѣлаются дѣйствительными преступниками, но въ сущности суть только несчастные больные. Въ особенности страдаютъ душою всѣ болѣе чувствительные и

раздражительные люди, вслѣдствіе своихъ тѣлесныхъ страданій, каковы, въ особенности болѣзни сердца, легкихъ, нервовъ и половыхъ органовъ. (Oft fehlt es da, wo gefehlt wird). Извѣстныя преступленія возникаютъ только изъ извѣстныхъ недостатковъ. Отсюда и поговорка древнихъ: *malum ex defectibus*, т. е. зло возникаетъ изъ слабостей и недостатковъ.

Но какъ бываютъ состоянія приливовъ, скопленія крови въ головномъ мозгу, точно также бываютъ такія скопленія крови и въ животѣ. Страдающіе геморроемъ, ипохондрики и истерическія женщины могутъ представить для этого достаточное количество печальнѣйшихъ доказательствъ. Какъ вслѣдствіе приливовъ къ головѣ помрачается мыслительная сфера человѣка, — сфера разсудка, — точно также вслѣдствіе притока крови къ животу, въ особенности помрачается и разстраивается чувство.

Очень часто находятъ въ трупахъ людей, страдавшихъ меланхоліею, согнутіе, т. е. углообразную форму толстой кишки, всегда прямой и проходящей поперекъ. Вслѣдствіе этого искривленія кишки, — благодаря растягиванію, сдавливанію, дерганію нервовъ и сосудовъ, — возникаютъ различныя помѣхи въ кровообращеніи, разстройство нервовъ и т. д. Благодаря такимъ и подобнымъ состояніямъ (напр. при брюшныхъ грыжахъ вслѣдствіе разрыва сальника и ближайшихъ къ нему нервовъ), человѣкъ часто вдругъ настраивается самымъ скверпымъ, тоскливымъ образомъ, а иногда дѣлается навсегда душевно-разстроеннымъ.

Вообще веселый и мрачный нравъ, извѣстная безпричинная радость и веселость, равно какъ и печаль и тоскливость — зависятъ болѣе отъ тѣлесныхъ, чѣмъ отъ духовныхъ причинъ (отъ состоянія тѣла, болѣе чѣмъ отъ состоянія души).

Боли.

Всѣ состоянія тѣла, причиняющія значительныя боли, дѣйствуютъ вредно на состояніе души. Неизлѣчимая мрачность поражаетъ главнымъ образомъ страдающихъ неизлѣчимыми тѣлесными болѣзнями напр. ракомъ и т. д. Часто только утѣшеніе религіи удерживаетъ такихъ людей отъ самоубійства. Вслѣдствіе тѣлесныхъ болей разстраивается общая чувствительность и поражается душа. «Мы сами не свои, говоритъ Шекспиръ, когда больная природа принуждаетъ душу переносить то мученіе, которое терзаетъ тѣло». Какъ часто уже сильная зубная боль или колика въ ушахъ, ломота — дѣлаютъ изъ наилучшаго, любезнѣйшаго и способнѣйшаго человѣка, почти бѣшеное, причудливое, ворчливое чудовище, кривляющееся почти какъ въ помѣшательствѣ! Боль вообще имѣетъ безконечно важное психическое значеніе. Рамбергъ изобразилъ ее такъ неподражаемо, начиная легчайшимъ ощущеніемъ боли отъ накожной царапины и кончая доводящею до бѣшенства болью зубнаго или лицнаго нерва! Боль налагаетъ, такъ сказать, запрещеніе на все сознаніе человѣка, т. е. она становится преобладающимъ предметомъ всего его вниманія, которое исключительно на ней одной и сосредоточивается. Все мышленіе и вся воля устремляется на уничтоженіе боли. Душа при этомъ въ высшей степени возбуждена. Ея требованіе вездѣ одно и тоже, начиная отъ визжащей женщины и кончая стопкомъ, произносящимъ: «чего ты хочешь, боль, отъ меня?» и далѣе говорящимъ: «я никогда не буду смотрѣть на тебя, боль, какъ на зло!» (Nil agis dolor, nunquam malum esse confiteor!). Каждый хочетъ, даже сама боль того хочетъ, чтобы ей помогли. Боль не даетъ спать и вредитъ такимъ образомъ жизни въ отношеніи разсудка, она завладѣваетъ вниманіемъ для себя и ослабляетъ разсудительность (Нейманъ). Разсу-

дительность же необходимо обусловливаетъ человѣческую свободу (родовыя боли у женщинъ должны быть еще разъ упомянуты здѣсь, какъ причина, уничтожающая разсудительность). Слѣдствіемъ боли является печаль или тоска. Боль дѣлаетъ человѣка черезъ-чуръ или въ высшей степени раздражительнымъ, и такимъ образомъ кладется основаніе для аффектовъ. А въ состояніи аффекта очень часто и даже большею частію совершается то, что въ глазахъ свѣта, въ глазахъ людей кажется неправымъ. При страшнѣйшихъ формахъ боли жизнь становится мучительнѣйшимъ бременемъ, а смерть кажется счастіемъ.

Женщины, по причинѣ большей раздражительной чувствительности, легче подвергаются въ особенности разстройствамъ души. Число душевно-больныхъ женщинъ приблизительно болѣе чѣмъ на одну треть превосходитъ число такихъ же мужчинъ.

Здоровье же тѣла есть радость и счастіе. Все, что поддерживаетъ здоровье тѣла и освобождаетъ его отъ болей, производитъ радость и благосостояніе всѣхъ чувствъ. Здоровье есть та же свобода. Болѣзнь же одновременно приноситъ и тѣлесную, и душевную боль. Поэтому болѣзнь есть почти тоже самое, что несвобода (неволя). Когда человѣкъ наслаждается полнымъ здоровьемъ, когда въ немъ имѣетъ мѣсто надлежащее соотношеніе между внутреннею раздражимостію и внѣшними раздраженіями, тогда онъ чувствуетъ себя свободнымъ, какъ будто судьба его находится у него же въ рукахъ; только тогда онъ есть господинъ надъ самимъ собою. Больной же несвободенъ въ самой душѣ своей и не можетъ быть свободнымъ. Mens sana in corpore sano!

Какъ душевныя страданія: тоска, печаль, жаль; далѣе ненависть и зависть — уже внѣшнимъ образомъ вліяютъ на тѣло и въ немъ отражаются, и какъ отъ этого возникаютъ исхуданіе и потеря аппетита, желтая окраска кожи и подав-

ленная дѣятельность различныхъ органовъ: такимъ же образомъ, и наоборотъ, подобное же вліяніе бываетъ и со стороны тѣла на душу. Болѣзнь тѣла производитъ и болѣзнь души. Больной человѣкъ, у котораго господствуетъ несоразмѣрность и несоотвѣтствіе между раздражительною чувствительностію и внѣшними раздраженіями, постоянно чувствуетъ себя стѣсненнымъ, ограниченнымъ, несвободнымъ. «Я не могу дѣлать такъ, какъ хочу» говорятъ многіе, потому что они страдальцы. Свободный взмахъ души постоянно задерживается, ясное зеркало духа помрачается, и живость воли ограничивается болью и хилостію тѣла, которое вѣдь есть носитель души!

Тоска по родинѣ.

Объ этомъ страданіи, о которомъ я подробнѣе говорилъ въ моихъ психіатрическихъ письмахъ (стр. 150 и слѣд.), можно сказать, что оно первоначально есть разстройство нервной системы, изъ котораго потомъ мало-по-малу развивается мрачнѣйшее разстройство души.

«Только тотъ, кто знаетъ душевную тоску, знаетъ какъ я страдаю» говоритъ такъ прекрасно и правильно Гете. Д-ръ Цангерль написалъ объ этомъ страданіи (ностальгіи) великолѣпнѣйшую картину, по которой каждый можетъ полнѣйшимъ образомъ изучить это страданіе. Гейротъ причисляетъ тоску по родинѣ къ меланхоліямъ. Душа, а вмѣстѣ съ нею и представленія, и воля какъ бы заснули у больнаго тоскою по родинѣ. Уже извѣстное состояніе души само по себѣ, раздражительное строеніе нервовъ, къ тому еще періодъ половаго развитія, — чаще всего и болѣе всего благопріятствуютъ этому страданію. При высшей степени развитія этой болѣзни теряется свободное самоопредѣленіе, а потому и является состояніе невмѣняемости. Смертоубійство и поджигательство

являются слѣдствіемъ тоски по родинѣ чаще всего, и эти преступленія совершаются съ тою цѣлью, чтобы возвратиться къ родителямъ или въ отечество.

Лишеніе свободы.

Стремленіе человѣка къ свободѣ точно также непреодолимо и точно также сообщено ему самою природою, какъ и напримѣръ птицѣ въ лѣсу или рыбѣ въ водѣ. Чувство свободы есть одно изъ наиглубже вкоренившихся въ душѣ человѣка.

Изъ этого слѣдуетъ уже само собою, что насильственное ограниченіе этого, одного изъ величайшихъ благъ человѣческихъ должно въ особенности произвести могучее вліяніе на всю душу человѣка. Это неблагопріятное впечатлѣніе всегда должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе человѣкъ прежде былъ ограниченъ гражданскою жизнію въ удовлетвореніи своей психической потребности свободы и чѣмъ болѣе чувство духовной свободы было въ немъ пробуждено и укрѣплено посредствомъ развитія способностей его души. Вотъ почему тюрьма поражаетъ душевными страданіями далеко не такъ часто грубыхъ преступниковъ изъ низшаго класса общества, какъ людей образованнаго класса, въ особенности же тѣхъ, которые изобличены или обвиняются въ болѣе легкихъ или политическихъ преступленіяхъ. Поэтому и замѣчаютъ обыкновенно, что бродяги, воры, пролетаріи самаго сквернаго сорта — поютъ, свистятъ, кричатъ и балагурятъ въ тюрьмахъ. Приличный же человѣкъ, который тутъ же, въ духотѣ, долженъ цѣлыя недѣли проводить безъ сна, уже по причинѣ своей душевной боли, вслѣдствіе раздраженія негуманнымъ съ нимъ обращеніемъ (причемъ человѣкъ досадуетъ и огорчается еще и тѣмъ, что существуютъ такіе законы, по милости которыхъ нерѣдко бросаются въ тюрьму

невинные вмѣстѣ съ виновными), а равно и оттого, что ему не даютъ спать скверныя и непристойныя слова заключенныхъ, шумъ производимый, запертыми надъ и подъ нимъ плутами, мошенниками и бродягами, которые, привыкши уже къ такимъ гостинницамъ, обыкновенно остаются въ нихъ лишь на короткое время и т. д. — порядочный человѣкъ, говоримъ мы, можетъ очень легко здѣсь заболѣть душею. Естественно, что это тѣмъ скорѣе можетъ случиться, чѣмъ хуже мѣсто заключенія вентилируется, чѣмъ хуже или чѣмъ жарче оно отапливается, при отсутствіи освѣщенія и т. д.; или же если заключенный и безъ того нервно-раздражителенъ, напр. страдаетъ болѣзнію сердца. Мы укажемъ при этомъ на полицейское мѣсто заключенія въ Мюнхенѣ, которое, хотя и назначено для виновныхъ въ маловажнѣйшихъ проступкахъ, въ дѣйствительности далеко хуже многихъ смирительныхъ и рабочихъ домовъ: убійца и разбойникъ въ смирительномъ домѣ пользуется свѣтомъ и воздухомъ, видитъ свободное небо и имѣетъ спокойствіе; ему не мѣшаютъ грубые сосѣди и съ нимъ обыкновенно и обращаются по-человѣчески и т. д. Кто хочетъ убѣдиться въ существованіи такого несовременнаго учрежденія, тотъ пусть идетъ туда, сдѣлаетъ это и затѣмъ устыдится и нашей человѣчности, и нашей многопрославленной цивилизаціи!

Но еще болѣе чѣмъ ограниченіе свободы, сильно разстраиваетъ душу заключеннаго мысль о порванныхъ, вслѣдствіе удаленія его изъ гражданскаго общества, связяхъ гражданскихъ и семейныхъ. Вотъ почему мы и видимъ, что зажиточные скорѣе, чѣмъ бѣдные, отцы или матери семействъ скорѣе, чѣмъ холостые и незамужнія *), чувствительные и

*) Къ счастію, счастливый бракъ предохраняетъ и отъ многихъ извѣстныхъ тѣлесныхъ страданій и, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, отъ преступленій. Люди въ бракѣ обыкновенно долѣе и живутъ, чѣмъ въ безбрачіи. Какъ на 100 самоубійцъ приходится 67 холостяковъ (Фальретъ), на 1,700 сумасшедшихъ—980 холостяковъ (Жорже), такъ точно и уголовная статистика говоритъ, что на 100 обвиняемыхъ приходится 62—65 холостыхъ.

образованные скорѣе, чѣмъ безчувственные и необразованные,— дѣлаются въ тюрьмѣ меланхоликами и безумными, вообще душевно-разстроенными. Вслѣдствіе заключенія, вдругъ, сразу разрываются всѣ тѣ отношенія, возникающія изъ жизни государственной, общественной и семейной, къ которымъ человѣкъ чувствуетъ себя предназначеннымъ уже вслѣдствіе естественнаго врожденнаго стремленія.

Также и брачныя связи прерываются насильственно и внезапно вслѣдствіе приговора къ заключенію; а это тѣ связи, которыя до сихъ поръ привязывали заключеннаго и къ государству, и къ сотоварищамъ по состоянію, и къ согражданамъ; и не только эти связи прекращаются для самаго заключеннаго, но и для его, большею частію ни въ чемъ неповиннаго семейства.

Мысль объ ужасныхъ уголовныхъ послѣдствіяхъ, — объ этомъ обоюдо-остромъ мечѣ, объ этомъ въ десять разъ большемъ наказаніи, чѣмъ самое заключеніе, — должна довести чувствительнаго человѣка почти что до безумія. Потеря чести, гражданскаго существованія — въ особенности же воспоминаніе, что въ то же время прямо или косвенно поражаются этимъ несчастіемъ также и многіе невинные, связанные съ его судьбою, — есть для заключеннаго ужаснѣйшій адъ.

Эта-то скорбь и есть именно тотъ коршунъ, котораго скованный Прометей не могъ отразить ни посредствомъ религіи, ни посредствомъ философіи, ни, наконецъ, посредствомъ сокрушеннаго раскаянія. И самое ужасное здѣсь есть именно то, что эта скорбь въ отношеніи уголовныхъ послѣдствій не утишается отбытіемъ наказанія. Чѣмъ развитѣе духовно и чѣмъ чувствительнѣе человѣкъ, публично посрамленный обезчещивающимъ закономъ, тѣмъ легче можетъ это состояніе довести его до дома умалишенныхъ или низвергнуть въ холодныя волны Леты, чтобы наполнить сердца его родныхъ еще двойною печалью, двойнымъ стыдомъ.

Въ нашихъ психіатрическихъ письмахъ мы показали, что характеръ меланхоліи, какъ душевной болѣзни, именно и заключается въ невозможности отвести мысли отъ несчастнаго положенія, въ недостаточной замѣнѣ веселыми чувствованіями постоянной душевной боли, т. е. въ недостаткѣ гармоническаго равновѣсія между пріятными и непріятными актами чувства. Во время постоянно безсонныхъ ночей и долгихъ потемокъ чувство поражается отчаяніемъ, душа — безумiемъ.

Если ко всему этому присоединяется то обстоятельство, что съ заключеннымъ окружающіе часто обращаются безчувственно и презрительно, и часто его огорчаютъ; если онъ къ тому же еще долженъ переносить грубыя несправедливости отъ варварскаго персонала мѣста заключенія: то диво ли послѣ всего этого, если кипящая ярость и злоба доводятъ заключеннаго до отчаянія или до бѣшенства! Очень часто заключенный, вступивши въ мѣсто заключенія просто жалкимъ несчастливцемъ, выходитъ оттуда съ разстроеннымъ тѣломъ и духомъ, грубымъ и одичалымъ. Можно найти людей, которые поступили въ мѣста заключенія набожными, терпѣливыми агнцами, вѣрными подданными, прекрасными гражданами, а вышли оттуда (вслѣдствіе озлобленія отъ разныхъ несправедливостей и варварскаго, жестокаго съ ними обращенія и т. д.) кровожадными гіенами съ неизсякаемою злобою въ сердцѣ, выжидающими лишь удобнаго случая, чтобы обнаружить долго скрываемое чувство мщенія. Большинство ни въ какомъ случаѣ не исправляется въ скверныхъ мѣстахъ заключенія, а развѣ только дѣлается болѣе осторожнымъ и озлобленнымъ. «Да, вы допускаете бѣдныхъ сдѣлаться виновными, а потомъ предаете ихъ мученію!». Несомнѣнно также и то, что психическимъ болѣзнямъ въ тюрьмахъ подвержены болѣе преступники, совершившіе злодѣяніе вслѣдствіе страстныхъ побужденій, чѣмъ

преступники инаго свойства, напр. противъ собственности. Но преступники, совершившіе злодѣяніе вслѣдствіе страстности, навѣрное были уже во время совершенія своего преступленія отчасти или большею частію, а иногда и вполнѣ неспособны ко вмѣненію. Поэтому Гризингеръ справедливо думаетъ: «хотя въ тюрьмѣ начинаютъ дѣйствовать на психическое здоровье многія опасныя вліянія одновременно, именно: угрызенія совѣсти, душевная тоска, сосредоточеніе на немногихъ и большею частію лишь мрачныхъ мысляхъ и т. д.,— все таки не слѣдуетъ приписывать множество столь частыхъ душевныхъ разстройствъ въ тюрьмахъ исключительно однимъ тюрьмамъ. Очень часто наклонность къ этимъ разстройствамъ духа уже въ сильной степени существовала еще прежде, чѣмъ преступникъ попалъ въ мѣсто заключенія». Но такихъ людей слѣдовало бы прежде всего лѣчить, сначала устранить, отчасти или уже наполовину образовавшееся душевное разстройство, вмѣсто того, чтобы поставлять ихъ въ такія условія, гдѣ они предаются на жертву сильнѣйшей кручинѣ и должны, наконецъ, дойти такимъ образомъ до совершеннаго сумасшествія. Да, ошибки, почти ежедневно совершаемыя закономъ, еще до настоящаго времени тяготѣютъ надъ нашею гражданственностію!

Кромѣ чисто психическихъ вліяній въ тюрьмахъ еще очень часто дѣйствуютъ также на душу: дурная и недостаточная пища и питіе, скверный воздухъ, недостатокъ движенія, далѣе половой развратъ, именно онанизмъ при одиночномъ заключеніи,— какъ вліянія въ высшей степени разрушительныя одновременно и для тѣла и для души.

«Придите сюда и посмотрите, что вы отнимаете у образованнаго человѣка посредствомъ заключенія» — восклицаетъ Кинкель, увидѣвши опять свободную природу — «придите въ тюрьмы, посмотрите, что тамъ дѣлается, и сдѣлайтесь человѣчными!» . . . . . .

Да, «опытность есть лучшій наставникъ!» такъ говорилъ мнѣ часто одинъ дѣльный юристъ съ серебристыми волосами.

Истерика и ипохондрія *).

Истерика и ипохондрія суть тѣ болѣзни обоихъ половъ, которыя характеризуются самыми разнообразными картинами страданія. Ни одинъ органъ тѣла и души не свободенъ отъ болѣзненнаго разстройства, коль скоро мужчина сдѣлался ипохондрикомъ, а женщина — истерическою. Въ половой сферѣ и ея страданіяхъ заключаются величайшія и глубочайшія причины этихъ двухъ ужасныхъ болѣзненныхъ состояній, которыя отъ простаго чувства нездоровья могутъ усилиться до сомнамбулизма и отчаянія, отъ мигрени — до самоубійства, и отъ судорогъ — до бѣшенства! Но всегда при истерикѣ и ипохондріи послѣднюю причину и основаніе этихъ страданій, одновременно глубоко разстраивающихъ тѣло и душу, составляетъ болѣзненно-разстроенная брюшная полость (Unterleib). *Hysteron* значитъ матка, а *Hypochondriae* это тѣ органы, которые лежатъ подъ ребрами въ нижней половинѣ живота. Мужчины заболѣваютъ ипохондріею чаще всего вслѣдствіе излишества любовныхъ наслажденій и слишкомъ частыхъ истеченій сѣмени (pollutiones). Вотъ почему очень часто съ излѣченіемъ поллюцій (spermatorrhea), излѣчивается также и ипохондрическое страданіе души. Поэтому и Pauli справедливо восклицаетъ: «ни одинъ врачъ не долженъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что прижиганіе крайней плоти (по Лалльману), какъ средство

*) Въ своихъ психіатрическихъ письмахъ (стр. 91), я толковалъ объ истерикѣ, а на стр. 136 и слѣд. объ ипохондріи. Далѣе объ истерикѣ и ипохондріи смотрите мою брошюру: «Die Münzen und Melissen, als die vorzüglichsten Heilmittel gegen Hypochondrie und Hysterie. Augsburg. 1866.

противъ поллюцій есть также и преимущественнѣйшее средство противъ ипохондріи!»

У женщинъ разстроенная половая жизнь, въ особенности онанизмъ, также и *клиторизмъ* или чрезмѣрное раздраженіе половыхъ органовъ безъ послѣдующаго удовлетворенія страсти, — напчаще ведутъ къ истерикѣ.

Наилучшее для себя поле истерика находитъ въ духовномъ половомъ возбужденіи и вообще въ скверномъ, въ особенности монастырскомъ воспитаніи. Потому-то во Франціи, какъ говоритъ Дебе, и существуетъ поговорка: «монастырь и исповѣдный стулъ суть колыбель истерики и нимфоманіи» (половая ярость, принадлежащая къ формамъ безумія). Исторіи колдуній и одержимыхъ бѣсами, восторженные (ecstatische) святые обоихъ половъ—находятъ свое естественное объясненіе въ этомъ классѣ больныхъ. Также и мужчины могутъ иногда сдѣлаться истерическими и страдать такого рода эпилептическими судорогами, которыя мало помалу ограничиваютъ свободу воли. Чувство ипохондрическихъ мужчинъ и истерическихъ женщинъ и безъ того всегда превратно, помрачено и сбивчиво. Но 90% истерическихъ женщинъ столь же опредѣленно страдаютъ болѣзнями матки, слишкомъ слабымъ или слишкомъ сильнымъ ежемѣсячнымъ кровопстеченіемъ (очищеніемъ), согнутіемъ, опущеніемъ, круженіемъ матки, сколь опредѣленно 90% ипохондриковъ также точно страдаютъ болѣзнями живота и половыхъ органовъ, упорными запорами, болѣзнями селезенки, печени, сердца и т. д. Злоупотребленіе чаемъ и кофе у молодыхъ дѣвушекъ, сидячая жизнь людей обоихъ половъ, слишкомъ сильное одностороннее духовное напряженіе и большія потери крови ведутъ къ этимъ страданіямъ. Многія честныя монахини, приписывающія, по наставленіямъ своихъ духовныхъ отцовъ, свое сладострастное настроеніе нашептываніямъ діявола, больны истерикою. Но и замужнія

женщины могутъ сдѣлаться истерическими, благодаря чрезмѣрному удовлетворенію половаго побужденія, частымъ родамъ и слишкомъ раннему замужеству. Поэтому замужество не всегда защищаетъ отъ истерики и есть не всегда (хотя иногда и бываетъ) цѣлебное противъ нея средство. *Цѣломудренныя любовныя связи* (Keusche Liebschaften), гдѣ много раздраженія только, а наслажденій, удовлетворяющихъ страсти, ожидать невозможно; возбуждающее чтеніе; разныя двусмысленныя оперы и представленія, сюжетъ которыхъ — только любовныя нѣжности да прелюбодѣяніе (Тристанъ и Изольда напр.), слабость же содержанія подкрашивается музыкою; далѣе — возбуждающіе танцы, какова напр. полька-мазурка и друг. — да еще при скверномъ (т. е. скверномъ въ нашемъ смыслѣ) воспитаніи, — образуютъ главную основную причину истерики и въ особенности тамъ, гдѣ уже слабые, воспріимчивые нервы переданы по наслѣдству, или же гдѣ нервная слабость приписывается тому, что «дитя ростетъ». Если изслѣдовать это точнѣе, то и окажется, что «растетъ» означаетъ «предается онанизму», такъ что и нѣжная барышня и слабонервный барчукъ — онанисты. Родители же говорятъ: «молодые люди растутъ слишкомъ быстро». Однако нельзя отрицать того, что есть очень много онанистовъ, которые суть лишь несчастные больные, не знающіе даже того, какія отвратительныя мерзости они совершаютъ. Раздраженіе, — производимое глистами напр. — маленькими червячками, по большей части во множествѣ живущими въ заднепроходной кишкѣ. — побуждаетъ непроизвольно къ тренію половыхъ частей. Несчастнаго больнаго не лѣчатъ, потому что у него и не подозрѣваютъ ни самаго онанизма, ни его причинъ. Такимъ образомъ больной мало-по-малу доходитъ до непроизвольнаго истеченія сѣмени (spermatorrhea), вслѣдствіе чего является самая мрачная ипохондрія; а вслѣдствіе ипохондріи онъ дѣлается наконецъ

душевно-больнымъ и духовно-несвободнымъ. И кто бы наконецъ могъ думать, что нѣсколько крошечныхъ паразитическихъ животныхъ могутъ произвести такой длинный рядъ несчастій! Стало-быть глисты могутъ быть иногда конечною причиною какого-нибудь несчастнаго дѣянія, которое уже потомъ безпрерывно будетъ вліять на всю остальную жизнь несчастнѣйшаго индивидуума.

Какъ безконечно много превратное, такъ называемое *современное* и *просвѣщенное* воспитаніе ужаснѣйшимъ образомъ содѣйствуетъ развитію всѣхъ страданій и въ томъ числѣ также и истерики, — это мы видимъ уже изъ того факта, что сильныя крестьянскія дѣвушки обыкновенно никогда не дѣлаются истерическими ни въ конюшнѣ, ни на полѣ. Ипохондрики суть по большей части переучившіеся господа; (люди говорятъ, «*переучившіеся*», хотя, можетъ быть, при напряженномъ изученіи только половыхъ отправленій на практикѣ, при полнѣйшей праздности и неумѣренномъ употребленіи вина) потомъ, отжившіе холостяки; далѣе весельчаки, свѣтскіе люди; юные старцы изъ класса офицеровъ; актеры, бароны украшенные и неукрашенные; праздношатающіеся, ревмоплеты, убогіе философы и т. д. и т. д.

Изъ класса естествоиспытателей, художниковъ, моряковъ, людей занимающихся лѣсною частію — бываетъ напменѣе ипохондриковъ. Въ особенности предохраняютъ наилучше отъ ипохондріи: глубокое изученіе и наблюденіе природы, много движенія на свободѣ, умѣренность во всѣхъ наслажденіяхъ и счастливая, основанная на любви, семейная жизнь. Холостые поражаются ипохондріею гораздо легче, чѣмъ женатые. Тоже самое можно сказать и объ истерикѣ. Наибольшій контингентъ для означенныхъ страданій доставляютъ сынки богатыхъ родителей, превратно воспитанные, изнѣженные или и совсѣмъ невоспитанные, такъ называемые 18-ти-лѣтніе privatiers, и испорченныя преждевременными балами, театрами,

чтеніемъ романовъ и т. д., слишкомъ рано созрѣвшія барышни.

Мы еще не видѣли, чтобъ трудолюбивый крестьянинъ, усердно пашущій землю, или вообще сельскій хозяинъ (за исключеніемъ, впрочемъ, ученыхъ господъ экономовъ) подвергся ипохондріи; а равно не знаемъ, чтобы какія-либо женщины изъ числа простыхъ и трудящихся заболѣли истерикою. Навѣрное бываетъ несравненно болѣе ипохондрическихъ князей и истерическихъ принцессъ, чѣмъ различнаго рода рабочихъ и служанокъ. Бываетъ очень много ипохондрическихъ магнатовъ, вельможъ, дипломатовъ, адвокатовъ, прелатовъ, литераторовъ и т. д., или по крайней мѣрѣ въ этихъ состояніяхъ всегда имѣется достаточное количество кандидатовъ въ ипохондрики. Напротивъ, судорабочіе, работники въ пивоварнѣ, рабочіе на паромѣ, обозные извощики, дровосѣки, крестьяне и вообще весь бѣдный рабочій людъ очень рѣдко заболѣваетъ ипохондріею.

Намъ можетъ даже казаться, что какъ будто судьба въ наказаніе за извѣстные наслѣдственные и семейные пороки — какъ напр. за лѣность мысли, половыя излишества, скверныя брачныя и семейныя отношенія — благословило извѣстныя состоянія въ особенности этимъ милымъ страданіемъ. Тогда это называется слабыми нервами! Разумѣется, дѣти наслѣдуютъ отъ своихъ предковъ, къ сожалѣнію, только слабые нервы и ничего больше, ибо если дѣдушка растратилъ свои лучшія силы уже въ юные годы у развратныхъ женщинъ, и только, такъ сказать ex officio, потомъ когда-нибудь съ жалкимъ остаткомъ своей крайне-ослабленной половой способности произвелъ на своемъ брачномъ ложѣ сыночка или дочечку, то гдѣ ужъ тутъ быть хорошимъ нервамъ!? Да, а «дѣти, которыя намъ наслѣдуютъ, наслѣдуютъ отъ насъ нашу плоть и кровь!». (Und die Kinder, die uns erben, erben von uns Fleisch und Blut!) Но, къ сожалѣнію, очень часто —

скверную кровь, гнилую плоть, слабые нервы! Вслѣдствіе особенной иронiи судьбы, ипохондрiя со всѣмъ своимъ ворчливымъ, отвратительнымъ и причудливымъ нравомъ была, кажется, изобрѣтена также и для нѣкоторыхъ другихъ состояній; такъ напр. для нѣкоторыхъ извѣстныхъ министровъ, судей, почтовыхъ чиновниковъ, философовъ и т. д., для того, чтобы они могли передъ согражданами во время и внѣ службы ворчливо и брюзгливо кривляться и ломаться! Такихъ людей тогда слѣдуетъ отъ души пожалѣть, ибо они большею частію *невиновны въ своихъ винахъ* (проступкахъ, которые они совершаютъ). «Господи! прости имъ, ибо не вѣдятъ, что творятъ» слѣдуетъ взывать къ Богу при мысли о многихъ изъ нихъ. — Но точно также, какъ совершенное цѣломудрiе въ извѣстномъ смыслѣ, и слишкомъ частыя половыя наслажденiя женщинъ (въ особенности же наслажденiя неестественныя, недопускающiя возможности зачатiя и оплодотворенiя) почти всегда ведутъ ихъ къ истерикѣ; поэтому-то бездѣтныя женщины, старыя ханжи, вдовы и нѣкоторыя дѣвы сильно увеличиваютъ число этихъ, всегда несчастныхъ больныхъ.

Все таки нельзя отрицать и того, мы повторяемъ это, что кромѣ этихъ обыкновенныхъ, такъ сказать, половыхъ причинъ еще многiя другiя, какъ: страданiя печени, селезенки, сердца, большихъ сосудовъ, желудка, кишечнаго аппарата, — заставляютъ невиннѣйшаго человѣка сдѣлаться ипохондрикомъ, равно какъ и наилучше воспитанная, стыдливѣйшая, цѣломудренная дѣвица, благодаря болѣзни половыхъ органовъ, напр. согнутiю или опущенiю матки — можетъ сдѣлаться истерическою. Но все таки такъ наз. «старыя дѣвы» и богатые старые холостяки, дѣвицы съ мопсами и другими собачками, а холостяки съ охотничьими суками и кошками — доставляютъ наибольшiй контингентъ для истерики и ипохондрiи.

Однакожъ несчастныхъ этихъ слѣдуетъ жалѣть: они

большею частію душевно-больны и принуждаются этимъ страданіемъ своимъ (которое стѣсняетъ и разстраиваетъ всю ихъ духовную дѣятельность) къ величайшимъ превратностямъ. Ипохондрикъ не однимъ воображеніемъ только болѣнъ, а равно и истерическая женщина. Совершенно здоровый разумный человѣкъ никогда не будетъ себѣ воображать для собственнаго своего мученія, что онъ болѣнъ. Но если ипохондрикъ кое-что себѣ воображаетъ (все таки не безъ нѣкотораго основанія), а истерическія женщины преувеличиваютъ свои страданія, то въ этомъ именно и состоитъ ихъ болѣзнь. Въ этомъ несчастномъ воображеніи и кроется самая причина душевнаго страданія.

Больные, у которыхъ и тѣло и душа попали, такъ сказать, въ оковы вслѣдствіе ипохондріи или сродственнаго ей страданія — истерики, — чувствуютъ какое-то нездоровье, какое-то разслабленіе, изнеможеніе во всемъ своемъ организмѣ. Они не могутъ освободиться отъ извѣстной раздражительности и уныніи, отъ печали, тоски, отъ своего ворчливаго и сердитаго нрава, именно потому, что больны.

«Это состояніе, говоритъ также діэтетикъ душевныхъ болѣзней Фейхтерслебенъ, представляетъ печальную картину души, подчиненной тѣлу. Рабъ своихъ собственныхъ причудъ, порабощенный теперь малодушнымъ страхомъ смерти, больной чувствуетъ всѣ свои страданія вдвойнѣ, даже вдесятеро, и съ нимъ часто должны обходиться какъ съ ребенкомъ или дуракомъ тѣ люди, о благѣ или о горѣ которыхъ онъ эгоистически не заботится, а часто даже и врачъ, который, пользуя его, даетъ ему крошки хлѣба вмѣсто пилюль. Никогда онъ не радуется, не наслаждается жизнію; онъ, какъ бы ищетъ себя самого и не находитъ; какъ въ болѣзненномъ снѣ, передъ нимъ проходятъ картины жизни, какъ бы обтянутыя чернымъ, отчего при неспокойномъ снѣ его не радуютъ даже и настоящія сновидѣнія. Муча себя и другихъ,

онъ не умѣетъ отличать самъ въ своихъ картинахъ правды отъ вздора; короткія паузы какой-то шаловливой веселости дѣлаютъ только еще страшнѣе тотчасъ же вслѣдъ за ними наступающее отчаяніе. Что удивительнаго, если такое состояніе переходитъ наконецъ въ совершенное безуміе? При истерикѣ, какъ извѣстно, бываютъ вообще тѣже самыя явленія; только очень часто къ этому присоединяются еще и судороги. Вообще страдающіе болѣзнями брюшной полости,— а сюда преимущественно относятся ипохондрики и истерическія женщины,— хотя и доживаютъ часто до глубокой старости,— унылы и печальны до самой своей смерти. Большею частію они лѣнивы, малодушны, трусливы, мрачны, и дружеская улыбка очень рѣдко появляется на ихъ губахъ. Мрачному же человѣку весь міръ кажется мрачнымъ, онъ все видитъ въ черномъ цвѣтѣ. Въ такомъ состояніи, въ своемъ отчаяніи они потомъ дѣлаютъ или допускаютъ что-либо такое, что считается неправымъ и Богомъ и людьми.

Что истерическія женщины и ипохондрическіе мужчины часто доходятъ до видѣній, вслѣдствіе своихъ разстроенныхъ и черезъ-чуръ раздраженныхъ нервовъ; что въ особенности экзальтированныя истерическія женщины впадаютъ иногда наконецъ въ сомнамбулизмъ и могутъ даже заболѣть религіознымъ помѣшательствомъ (mania religiosa),— все это давно извѣстные факты. Нѣкоторыя дѣвушки въ истерическомъ состояніи побуждаются къ геройскимъ поступкамъ, какъ напр. знаменитая Орлеанская Дѣва, которая, дѣйствительно находясь въ истерикѣ, имѣла свои видѣнія и также хорошо видѣла своихъ святыхъ, окруженныхъ восковыми свѣчами, какъ иная одержимая сатаной или молодая колдунья видѣла своихъ діяволовъ. Иной благочестивый обманъ можетъ быть совершенъ лишь съ помощью истерическихъ женщинъ. Разныя знаменія неба (Stigmatisirungen) открываются и показываются такимъ больнымъ. Медицинскіе анналы полны примѣровъ,

которые только слишкомъ очевидно подтверждаютъ тотъ фактъ, что въ извѣстномъ періодѣ развитія женщинъ настоящій духъ интриги охватываетъ и господствуетъ надъ самымъ лучшимъ и невиннѣйшимъ ребенкомъ. Страстное желаніе возбуждать вниманіе, а можетъ быть и обнаружить все доброе и прекрасное, хотя бы даже при помощи скверпаго средства, — легко побѣждаетъ тогда дѣвичье стремленіе къ лучшимъ чувствамъ. И какъ много ипохондриковъ, великихъ ученыхъ, которые, будучи подвержены этой болѣзни, страдали разнаго рода обманами чувствъ, и вслѣдствіе этого были нерѣдко вовлекаемы въ самыя страшныя, удивительныя, причудливыя, съ перваго разу, повидимому, совершенно непонятные поступки!!

Половыя излишества. Пьянство. Бродяжничество.

Очень хорошо извѣстно, что половой развратъ, особенно рукоблудіе (онанизмъ), главнымъ образомъ ведетъ къ душевнымъ разстройствамъ. Послѣдствіями этого порока могутъ быть: меланхолія, ипохондрія и позднѣйшія формы душевной слабости, несовершенное или совершенное слабоуміе и тупоуміе. Уже достаточно разобрано и объяснено, какъ и почему такіе страдальцы никогда не могутъ быть господами своей свободной воли. Порокъ этотъ производитъ, такъ сказать, духовную слѣпоту у этихъ несчастныхъ; онъ дѣлаетъ жалкаго раба похоти какъ бы животнымъ и побуждаетъ его невольно, а часто и безсознательно, къ преступнымъ дѣйствіямъ. Мы принимаемъ большую часть этихъ преступленій противоестественнаго удовлетворенія страсти и т. п., въ особенности преступленій противъ нравственности, — за результаты болѣзненнаго возбужденія половыхъ органовъ, болѣзненной фантазіи и болѣзненнаго неудержимаго полового инстинкта. Но во всякомъ случаѣ бываютъ также и посѣдѣ-

лые грѣшники, которыхъ нельзя оправдывать, и которые, какъ старые развратники, пресытившись всѣми возможными естественными наслажденіями, перешли къ такимъ излишествамъ, которыя совершенно чужды даже звѣрямъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ порокъ половаго разврата уже въ дитяти обусловливается различными страданіями, напр. раздраженіями, производимыми глистами, болѣзнями половыхъ частей, поздпѣе — пескомъ и камнями въ мочевомъ пузырѣ и т. п. Также и такъ называемая «*лесбійская любовь*» находитъ свое основаніе единственно только въ чрезмѣрной величинѣ женскаго *клитора*.

Нѣкоторыя скверныя няньки, чтобы успокоить своихъ крикливыхъ малютокъ, раздражаютъ руками ихъ половыя части; этимъ отчасти объясняется то печальное явленіе, что число несчастныхъ онанистовъ не только не уменьшается, но еще едва ли не увеличивается. Но безконечно трудно сдѣлать позже опять свободною ту волю, которая порабощена такимъ гадкимъ порокомъ. Между прочимъ и Руссо разсказываетъ, какъ онъ, вслѣдствіе сѣченія его по голой задницѣ воспитательницею, непроизвольно былъ побуждаемъ къ сладострастнымъ раздраженіямъ половыхъ частей. Нѣкоторыя игрушки, деревянныя лошади и т. п. ведутъ нерѣдко къ такимъ порокамъ. Извѣстная скрытность и робость мальчиковъ и юношей есть достаточно вѣрный признакъ этого несчастнаго порока. Неестественны, совершенно неестественны, какъ и само рукоблудіе, робость и боязнь людей въ ихъ молодые годы! Скоро все болѣе и болѣе развивается кретинизмъ и слабоуміе, и изъ бодрыхъ, веселыхъ мальчиковъ и преисполненныхъ надеждъ юношей дѣлаются преступные или непреступные обитатели домовъ умалишенныхъ, которые навсегда потеряны какъ для семейства, такъ и для государства. Половыя излишества доводятъ мужчину до непроизвольныхъ потерь сѣмени (spermatorrhea) и, наконецъ, до мужскаго безсилія

(impotentia). Оба эти страданія суть плодовитѣйшія и страшнѣйшія матери самыхъ мрачныхъ болѣзней — меланхоліи и ипохондріи. У женщинъ истерика со всѣми своими послѣдствіями есть дитя той-же матери, т. е. рукоблудія и вообще неестественнаго удовлетворенія страсти.

Пьянство и бродяжничество — два состоянія, которыя одинаково сильно вліяютъ какъ на тѣло, такъ и на душу человѣка — весьма часто бываютъ причинами различныхъ разстройствъ души. Жизнь, проводимая при безпрерывно возобновляющихся отравленіяхъ виномъ (алкоголемъ), при постоянной головной боли съ похмѣлья; далѣе непостоянное и необезпеченное существованіе бродяги, среди лишеній, безпокойствъ, заботъ, равно и среди разврата и излишествъ всякаго рода, — доводятъ часто такихъ несчастныхъ до помѣшательства и до преступленій.

Впрочемъ здѣсь можно было бы возразить: «пьяница долженъ быть отвѣтственнымъ уже за самое пьянство, если и не за то дѣяніе, которое онъ въ пьяномъ видѣ (безсознательно) совершилъ». Но на это можно отвѣтить, что многіе уже съ дѣтства пріучены къ пьянству и, такъ сказать, съ пьянствомъ и выросли. Развѣ нѣкоторыя безнравственныя кормилицы не подносятъ маленькому дитяти бутылку съ водкою, чтобы его успокоить и заставить заснуть? Тогда это называется: «смолоду пріучили, а подъ старость уже самъ сдѣлалъ» (jung gewohnt, alt gethan). Для иного стаканъ спирта есть его единственная утѣха. Также и бродяга нерѣдко, такъ сказать, почти принуждается къ этому, въ высшей степени печальному пороку. Различныя душевныя возбужденія, произведенныя пьянствомъ или несчастнымъ существованіемъ; шаловливое, рѣзвое своевольство и кичливость пьяницъ, а равно и мрачная злоба и ненависть бродягъ къ цѣлому свѣту, — ведутъ ихъ почти неизбѣжно къ разнымъ преступленіямъ.

Геніальный Касперъ обратилъ вниманіе на это, именно на границу между здоровымъ и болѣзненнымъ состояніемъ бродягъ, и поручилъ особенному вниманію судебныхъ врачей душевное состояніе этихъ жалкихъ людей. «У бродягъ — мужчинъ и женщинъ,— говоритъ Касперъ,— обнаруживается очень часто неполное душевное разстройство». — Въ большей части случаевъ бродяжничество дѣлается причиною душевнаго разстройства; иногда же оно бываетъ уже слѣдствіемъ дѣйствительнаго патологическаго измѣненія души.

Если разъ подступятъ къ человѣку бродяжничество и его неразлучные спутники: пьянство, половое возбужденіе, голодъ, недостаточная пища, нарушеніе ночнаго покоя, простуды во время сна на поляхъ и т. д., — то это все не замедлитъ поколебать и сдѣлать больною душу человѣка. Жизнь такихъ людей становится отнынѣ уже безпрерывнымъ, вѣчнымъ столкновеніемъ съ полиціею и судами; ихъ жизнь есть многолѣтняя послѣдовательная замѣна тюремнаго заключенія, дома умалишенныхъ, рабочаго дома, изгнанія, разныхъ вообще уголовныхъ мѣръ одна другою. Такимъ образомъ у нихъ образуется почти всегда то удивительное состояніе души, которое есть, такъ сказать, смѣшеніе душевной болѣзни и здоровья, а часто еще и притворства; причемъ только съ большимъ трудомъ можно постановить вѣрное сужденіе о такомъ состояніи. Но многіе, здѣсь мы должны это замѣтить, принуждаются къ бродяжничеству уже съ дѣтства, дурнымъ воспитаніемъ или же отсутствіемъ всякаго воспитанія, различными несчастными случаями, обольщеніями и другими разными неблагопріятными обстоятельствами. Потомъ слѣдуютъ преступленія, а за ними — смирительные дома или дома умалишенныхъ. — Но бываютъ еще и другія, чисто внѣшнія вліянія, которыя въ состояніи глубоко разстроить чувство человѣка и причинить потомъ въ большей или меньшей степени духовную несвободу. О нихъ теперь и будемъ говорить.

Погода, климатъ, времена года, лунный свѣтъ и т. д.

Погода и климатъ, атмосферическія условія, небесныя, земныя и электрическія вліянія, лунный свѣтъ и т. под., рядомъ съ голодомъ, жаждою, пьянствомъ, несчастіями и т. п., такъ же какъ и эти могутъ дѣйствовать на все душевное расположеніе человѣка разстраивающимъ образомъ.

Какъ существуютъ извѣстныя времена года, въ которыя наичаще случаются параличи, самоубійства и разстройства разсудка и воли, въ особенности во время жаркихъ, лѣтнихъ мѣсяцевъ, наболѣе располагающихъ къ приливамъ крови къ мозгу: такъ же точно статистически доказано, что наболѣе душевныхъ разстройствъ случается осенью и зимою.

Точно такимъ же образомъ цифры показываютъ, что большая часть преступленій противъ личности совершается лѣтомъ, когда страстность и жаръ крови идутъ рука объ руку съ высокою температурою воздуха; большинство же преступленій противъ собственности совершается зимою. При продолжительной зимѣ все болѣе и болѣе прохлаждаются и страсти; обыкновенно и холодъ воздуха соединяется вмѣстѣ съ холодностью разсудка и присутствіемъ духа, каковыя качества именно и нужны для воровства, грабежа и обмана. Во Франціи регистры карательныхъ заведеній и домовъ умалишенныхъ, сравненные между собою, показали тотъ замѣчательный фактъ, что *въ той же самой пропорціи, въ какой, въ извѣстныя времена года, число преступленій увеличивается или уменьшается, и число сумасшедшихъ также увеличивается или уменьшается.*

Большая часть самоубійствъ въ Англіи совершается всегда во время туманной погоды, которая производитъ мрачное настроеніе духа даже у людей вполнѣ здоровыхъ.

Тогда какъ въ Англіи большая часть самоубійствъ

случается въ ноябрѣ и декабрѣ; въ Италіи во время сильныхъ жаровъ въ іюлѣ и августѣ случается очень много смертоубійствъ въ припадкѣ ярости (неистовой страсти). Кто уже не испытывалъ какого-то скверпаго настроенія духа во время слишкомъ сильной продолжительной и пылающей жары. Холода легко избѣжать: теплая печка, каминъ или стаканъ гроггу, глювейна возобновляютъ хорошее настроеніе души Невыносимая же жара, которой почти что нельзя никогда избѣгнуть, можетъ причинить перасположеніе духа и довести человѣка даже до отчаянія. Въ тѣ времена, когда несчастные сумасшедшіе были еще наказываемы въ заведеніяхъ за свои проступки, наказанія эти очень часто совпадали съ перемѣнами погоды.

Во время урагановъ и бурь, когда наприм. приближается сирокко, большая часть людей, склонныхъ къ душевнымъ болѣзнямъ, обнаруживаютъ очень сильное возбужденіе. Поэтому-то всегда имѣетъ значеніе передъ судомъ вопросъ о томъ, въ какое время — при какихъ атмосферическихъ и другихъ условіяхъ — преступленіе было совершено?

Такимъ же точно образомъ болѣе или менѣе располагаютъ къ разстройствамъ духа: электрическое напряженіе воздуха, недостатокъ или избытокъ озона (электрическаго кислорода), сырость, теплота и другіе космическія агенціи (физическіе дѣятели).

Земной магнетизмъ напримѣръ производитъ уже извѣстное вліяніе на нѣкоторыхъ особъ, т. е. онъ производитъ какую-то своеобразную раздражительность. Онъ нарушаетъ спокойствіе многихъ, нарушаетъ ихъ сонъ, даже нормальность кровообращенія, дѣятельность нервовъ, вообще все психическое равновѣсіе.

Опытъ научилъ насъ—что извѣстно также изъ исторіи большихъ міровыхъ повальныхъ болѣзней — что онѣ, равно какъ и настроенія людей въ высокой степени зависятъ отъ электро-

магнетическаго содержанія въ воздухѣ. Если воздухъ наэлектризованъ отрицательно, какъ бываетъ напр. очень часто передъ грозою, передъ паденіемъ снѣга или дождя, то люди впадаютъ въ какое-то тягостное, давящее настроеніе духа, которое и высказывается всѣми въ различныхъ жалобахъ на болѣзненныя ощущенія или чувствованія, причемъ люди гораздо болѣе расположены къ спорамъ и ссорамъ. Въ особенности геморроидальные и истерическіе страдальцы и страдалицы въ такія времена наиболѣе разстроены въ своемъ здоровьи. Противное этому имѣетъ мѣсто при положительномъ электричествѣ въ воздухѣ, т. е. тогда появляется живая веселость и т. д. — Уже и въ совершенно здоровомъ состояніи лунный свѣтъ можетъ какъ-то своеобразно аффицировать движеніе мыслей человѣка; тѣмъ болѣе это случается при существующей уже наклонности къ душевнымъ разстройствамъ. Уже Эскироль наблюдалъ безпокойство извѣстныхъ душевно-больныхъ во время лунныхъ ночей, и старался противодѣйствовать этому посредствомъ опущенія оконныхъ занавѣсокъ. Эти-то названныя нами силы, дѣйствующія на человѣка совершенно внѣшнимъ образомъ, могутъ такимъ образомъ вторгнуться въ его душу, что онъ, сильно пораженный этими мрачными силами природы, можетъ совершенно потерять всю свою свободу. Духъ, повидимому, самъ дѣлается въ такихъ случаяхъ природою, т. е. онъ кажется порабощеннымъ вліяніями неба и земли.

Различныя настроенія человѣка, изъ которыхъ часто возникаютъ какъ превратнѣйшія, такъ и геніальнѣйшія вещи, суть часто не что иное, какъ отголоски вліяющаго и дѣйствующаго на него внѣшняго міра. Погода и окружающая природа, — испорченный воздухъ и свѣжій воздухъ при полномъ солнечномъ сіяніи, — какое громадное вліяніе можетъ все это произвести на настроеніе духа человѣка!

Состоянія души, которыя могутъ вести ее къ разстройствамъ, а чрезъ нихъ и къ преступленію.

Es gibt Gemüthszustände,
welche die Seele krumm schliessen *).
Jean Paul.

Различные аффекты, именно имѣющіе депрессивный характеръ, какъ-то: страхъ, ужасъ, забота и т. п. бываютъ часто причиною такого рода измѣненій духа слабыхъ и раздражительныхъ субъектовъ, что чрезъ нихъ вся психическая ихъ жизнь приводится въ какое-то помѣшательство. Въ состояніи же такого душевнаго помѣшательства часто совершаются ужаснѣйшія дѣла.

Мать одного полугодоваго незаконнаго дитяти получаетъ вдругъ извѣстіе о смерти своего возлюбленнаго, отца дитяти. Ужасъ и отчаяніе производятъ слѣдующую ужаснѣйшую сцену: мать бросается къ своему спящему ребенку, поднимаетъ его на руки, прижимаетъ его къ своей груди съ выраженіемъ, обнаруживающимъ страшнѣйшую боль и страданіе, падаетъ на колѣни, поднимаетъ глаза къ небу и остается въ такомъ положеніи, какъ ошеломленная, около четверти часа. Одна особа, наблюдавшая все это, приближается, чтобы ее утѣшить. Мать приходитъ въ себя, протягиваетъ руки, чтобы взглянуть на свое несчастное дитя, но оно — мертво, и всѣ попытки оживить его оказываются тщетными (Шпореръ).

---

*) Бываютъ такія состоянія души, которыя ее извращаютъ.
Жанъ Поль.

Другая женщина пугалась очень часто, когда замѣчала, что ея дитя, которое она кормила своею грудью, хочетъ во время кормленія подавиться. Отъ этого однажды у нея подогнулись ноги, молоко внезапно пріостановилось, и она сама сошла съ ума.

Въ Раумбургѣ произошелъ въ мартѣ 1852 г. слѣдующій случай. Одна вдова, доведенная до отчаянія страшнымъ, господствовавшимъ тогда голодомъ, отправляется съ своими обоими дѣтьми — одною дѣвочкою 13 л., а другою 7 л. — къ рѣкѣ, бросаетъ въ воду старшую, не взирая на мольбы ея и простиранія рукъ. Меньшая дѣвочка убѣгаетъ, несчастная мать ловитъ ее, бросаетъ точно также въ воду и потомъ слѣдуетъ сама за своими дѣтьми. Сцены, подобныя этой, повторялись ежегодно.

Не каждый человѣкъ въ состояніи сдѣлаться господиномъ своихъ аффектовъ. Но, разумѣется, это должно было бы быть и, во всякомъ случаѣ, не есть дѣло невозможное. Тѣмъ не менѣе эта возможность есть только условная и бываютъ такія болѣзненныя состоянія и движенія души, которыя отнимаютъ у человѣка возможность господства надъ своими аффектами. Поэтому поэтъ совершенно справедливо поетъ:

«Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Gefährlich ist des Tigers Zahn,
Doch der schrecklichste der Schrecken
Ist der Mensch in seinem Wahn! *).

Да, очень многіе люди, подверженные «своему безумію», суть рабы своего аффекта.

Гнѣвъ и ужасъ чаще всего содѣйствуютъ наклонности къ душевнымъ разстройствамъ. Изъ 315 сумасшедшихъ 36 подверглись своей болѣзни исключительно вслѣдствіе ужаса. (Эскироль).

*) Опасно пробужденіе льва, опасенъ и тигра зубъ; но ужаснѣйшій изо всѣхъ ужасовъ, это — человѣкъ въ своемъ безумін!

Страсти, сдѣлавшіяся господствующими, такъ сказать, хроническіе аффекты, вредятъ жизни души еще гораздо болѣе чѣмъ аффекты. Такая экзальтація духа вслѣдствіе страстей точно также можетъ быть болѣзненною и она дѣйствительно очень часто и бываетъ такою. Эти состоянія суть движенія души, которыя причиняютъ человѣку лишь одни страданія.

Каждый знаетъ, что любовь и ревность, какъ и другіе продолжительные аффекты, суть опасныя душевныя лихорадки, какъ ихъ называлъ уже Платонъ. Но эти душевныя лихорадки стѣсняютъ свободное отправленіе разсудка, уничтожаютъ присутствіе духа и смущаютъ чувства.

Страстные люди часто считаются злыми; на самомъ же дѣлѣ они только больны; очень часто говорятъ: «это наилучшій человѣкъ, — но въ припадкѣ страсти ни онъ самъ себя не узнаетъ, ни его окружающіе не могутъ въ немъ узнать порядочнаго человѣка».

Сильныя страсти слѣдуетъ считать настоящими болѣзнями: онѣ такъ овладѣваютъ разсудкомъ человѣка, что онъ уже не въ состояніи болѣе думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ предмета своей страсти. Такъ-то онъ дѣлается духовно-слѣпымъ въ своемъ безуміи. Разумъ помрачается и слѣдствіемъ этого помраченія бываютъ безразсуднѣйшіе поступки, вполнѣ противные обыкновеннымъ чувствамъ, интересамъ и мнѣніямъ того-же самаго человѣка.

Подумайте только объ убійствахъ, совершаемыхъ изъ ревности! Почти ежедневно случаются самоубійства и смертоубійства, и различныя другія, часто самыя странныя дѣла совершаются въ слѣпой ярости ревнивыми людьми.

Маасъ разсказываетъ намъ объ одномъ ревнивцѣ, подозрительность котораго зашла такъ далеко, что онъ часто, подъ предлогомъ путешествія, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на

башнѣ, съ которой могъ видѣть домъ своей возлюбленной, чтобы наблюдать въ немъ каждый шагъ, который могъ бы быть сдѣланъ туда и оттуда.

Ревность часто ведетъ къ ужаснѣйшей и непримиримой ненависти. Ревнивецъ не боится тогда и собственной смерти, если только вмѣстѣ съ нимъ долженъ погибнуть и предметъ его ненависти.

Такъ-то человѣкъ, одержимый своими сильнѣйшими страстями, часто уподобляется помѣшанному, помимо того, что всѣ болѣзненныя страсти легко могутъ перейти въ бѣшенство или въ безуміе. Гнѣвъ, досада, любовь, ревность, ненависть и т. д. часто уже почти граничатъ съ безуміемъ. Не далѣе отстоятъ отъ безумія нерѣдко и корыстолюбіе, страсть къ игрѣ, скупость и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что страсти суть обыкновеннѣйшія и притомъ почти постояннѣйшія побудительныя причины самоубійства. Совсѣмъ нерѣдки примѣры, что любовники, — которымъ невозможно вступить между собою въ бракъ, вслѣдствіе ли какого-нибудь безчеловѣчнаго закона, общиннаго постановленія напр., или же вслѣдствіе препятствія со стороны жестокосердныхъ родителей, — стараются достигнуть вождѣленнаго соединенія посредствомъ общаго и одновременнаго самоубійства. Но мы почти всѣхъ самоубійцъ считаемъ неспособными ко вмѣненію по крайней мѣрѣ въ тѣ послѣднія мгновенія, когда они налагаютъ на себя руки.

Но здѣсь, правда, слѣдуетъ замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ страсти суть исчадія тѣлесныхъ страданій.

Всѣ болѣзненныя страсти коренятся не въ душѣ, а въ тѣлѣ. Физіологія доказала, что онѣ суть необходимыя послѣдствія извѣстныхъ органическихъ разстройствъ и безъ нихъ совсѣмъ никогда и не появляются. Больше всѣхъ, напримѣръ, поражаются страстями больные сердцемъ. Я знаю случай, что одинъ больной сердцемъ, страданія котораго происходили

отъ суставнаго ревматизма, впадалъ при малѣйшихъ ревматическихъ припадкахъ въ такую раздражительность и страстность, что казался какъ бы на себя непохожимъ и былъ способенъ, при самыхъ незначительныхъ поводахъ, совершить даже убійство. — Но если тѣлосложеніе и безъ того уже слабо, то всѣ впечатлѣнія поражаютъ нервы всегда въ сильнѣйшей степени.

Поэтому-то, смотря по различію тѣлосложеній, различны также и дѣйствія печали, гнѣва, несчастной любви и т. п. Вполнѣ здоровый человѣкъ подчиняется страстямъ лишь изрѣдка и притомъ умѣренно, ибо его стремленія къ жизненнымъ наслажденіямъ большею частію удовлетворяются удовольствіями, доставляемыми хорошимъ пищевареніемъ и нормальнымъ удовлетвореніемъ половаго инстинкта. Но ни одна человѣческая душа не можетъ быть здорова, когда животное тѣло, въ которомъ она заключена и въ которое она облачилась, изнуряется болями и несчастіями. Жажда счастія быстро и горячо протекаетъ черезъ человѣческое сердце, какъ гольфштремъ черезъ океанъ. Для здороваго отовсюду течетъ медъ радости. Пробуждаясь отъ сна, онъ радуется этому пробужденію; съ нимъ вмѣстѣ и его члены, освѣжившись, вывертываются изъ объятій сна. Онъ радуется и наслаждается, съ каждымъ вздохомъ захватывая кислородъ здоровыми легкими. Онъ наслаждается и яснымъ солнечнымъ сіяніемъ, и волнами моря, и вышиною горъ, и зеркальною поверхностію воды, которая, разлившись тамъ вдали, блеститъ при захожденіи солнца, какъ красное вино въ золотомъ бокалѣ. Но съ потерею здоровья теряется и способность наслаждаться и радоваться, а между тѣмъ все таки остается страстное желаніе счастія. Главная черта въ превратной жизни больнаго есть та, что онъ думаетъ, будто ему недостаетъ внѣшнихъ условій для радости или же что другіе похитили у него эти условія. Нѣтъ, ему недостаетъ внутреннихъ двигателей,

которые возбуждаютъ радость и даютъ ее чувствовать. Продолжительное счастіе покоится только на естественныхъ наслажденіяхъ здороваго тѣла и духа. Даже и бѣднѣйшій человѣкъ, если только онъ здоровъ, можетъ радоваться своему существованію. Но когда болѣзнь исключаетъ эти естественныя наслажденія, то несчастный страдалецъ устремляется къ искусственнымъ радостямъ, и чѣмъ далѣе забѣгаютъ его хватающія руки, тѣмъ жарче распаляется въ немъ страсть. Если напр. вслѣдствіе хворости, ослабѣваетъ сила, необходимая для любви, тогда является иногда любовь къ золоту и страстная охота, погоня за властію и почестями, орденами и титулами. Поэтому корыстолюбіе и скупость суть такія же сильныя страсти, какъ и честолюбіе, ненависть и т. п.

Если потомъ законные пути не ведутъ къ удовлетворенію этихъ, страстно желаемыхъ, искусственныхъ наслажденій, тогда жалкій несчастливецъ сворачиваетъ на кривой путь преступленій, чтобы найти то, чего онъ тщетно добивается и что, впрочемъ, рѣдко его удовлетворяетъ.

Къ какимъ странностямъ, помимо преступленій, можетъ вести напр. страсть корыстолюбія или скупости, разсказываетъ намъ, въ числѣ прочихъ, также и Маасъ. Одинъ очень богатый и страстно скупой господинъ самъ принялъ на себя обязанности дворовой собаки, такъ какъ ему жаль было расходовъ на содержаніе собаки, а между тѣмъ домъ все таки нужно было оберегать отъ воровъ. Онъ каждую ночь вставалъ по нѣскольку разъ, обходилъ кругомъ весь дворъ или же влазилъ въ собачью капуру и лаялъ какъ собака. — Одинъ очень богатый профессоръ и garçon (холостякъ), въ университетскомъ городѣ К., страдалъ такою ужасною скупостью, что однажды, будучи уже старикомъ 60—70 л., за 6 крейцеровъ *) несъ сундукъ одного подмастерья впродолженіи

*) Крейцеръ немногимъ больше нашей копейки. *Прим. перев.*

4—5 часовъ. Когда онъ однажды былъ застигнутъ сильнымъ внезапнымъ дождемъ, во время рыбной ловли въ прудѣ, когда онъ вмѣстѣ съ бѣдными людьми выпрашивалъ маленькую рыбу, выбрасываемую обыкновенно обратно въ воду: то, чтобы не замочить своихъ башмаковъ, онъ ихъ снялъ и шелъ домой, держа въ рукахъ башмаки, цѣлые два часа. Онъ вынималъ картофель изъ помоевъ и пожиралъ его и т. д. Онъ имѣлъ столько денегъ, что умеръ богатѣйшимъ человѣкомъ и притомъ отъ простуды, благопріобрѣтенной имъ, вслѣдствіе прогулокъ босикомъ, во время поздней осени. — Есть много скрягъ, которые доводятся своею отвратительною страстію даже до воровства. Мы спрашиваемъ теперь: развѣ такое состояніе нормально? Развѣ это не болѣзнь? Или развѣ не былъ душевно-разстроенъ тотъ богатый крестьянинъ, который повѣсился потому только, что по разсчету слѣдовало его врачу за визиты 12 флор. *), а онъ хотѣлъ заплатить только 10 флориновъ, стало быть повѣсился изъ-за двухъ флориновъ! — Покажите очень близко какому нибудь сильному, здоровому, настоящему человѣку всѣ эти мертвыя прелести, золото и т. п; покажите ему потомъ издали прелестное, весело поющее дитя, — тотчасъ привлечетъ его это отдаленное, а вашимъ, близко возлѣ него поставленнымъ, суетнымъ игрушкамъ онъ покажетъ спину.

Также и характеръ многихъ формъ сумасшествія часто состоитъ болѣе въ гнѣвныхъ волненіяхъ, чѣмъ въ помѣшанныхъ (безумныхъ) представленіяхъ.

Но тотъ періодъ жизни, который наиболѣе располагаетъ къ болѣзненнымъ страстямъ, даетъ также и наиболѣе поводовъ къ самымъ частымъ дѣйствительнымъ разстройствамъ чувства, воли и разсудка. Поэтому преступленія, вслѣдствіе аффектовъ или страстей, нанчаще совершаются въ болѣе

*) Флоринъ равняется 68 коп. *Примѣч. перев.*

молодые годы и еще тѣмъ болѣе при преобладающемъ сангвиническомъ темпераментѣ; тогда же наичаще совершаются и нанесенія ранъ, и убійства, равно какъ и самоубійства. Здѣсь мы должны упомянуть объ одномъ совершенно новомъ случаѣ тройственнаго убійства, гдѣ несчастный убійца дѣйствовалъ навѣрное, не только въ состояніи аффекта и страсти, но и несомнѣнно въ помѣшательствѣ ума и разсудка. Передъ судомъ присяжныхъ въ Ульмѣ стоялъ въ іюлѣ 1865 года 17-ти-лѣтній І. Розеръ изъ Лаунгейма, который обвинялся въ томъ, что въ Св. Вечеръ (24 декабря 1864 г.), убилъ въ состояніи аффекта своего отца, свою мачиху и своего двухлѣтняго своднаго братца. Обвиняемый въ жару борьбы получилъ также немаловажныя раны, о которыхъ онъ утверждалъ, что онѣ у него *выросли во время сна*. Въ виду ужаса, возбужденнаго этимъ случаемъ, уже вначалѣ должны были возникнуть сомнѣнія вообще относительно способности Розера ко вмѣненію. Именно это уже старое психилогическое наблюденіе, что при многократномъ убійствѣ, и гдѣ поранения слишкомъ многочисленны, возникаетъ сильное подозрѣніе, что преступникъ свирѣпствовалъ въ припадкѣ дикой страсти. Душевно-здоровые и даже дѣйствующіе въ состояніи обыкновеннаго аффекта дѣлаются спокойными при взглядѣ на первую окровавленную жертву убійства, и къ нимъ возвращается опять ихъ разсудительность. Большая часть свидѣтелей показали также, что «съ Розеромъ было не совсѣмъ ладно». Слушайте и изумляйтесь! Извѣстный Д-ръ Бошеръ далъ свое заключеніе, что Розеръ находился въ состояніи полной вмѣняемости. Этотъ д-ръ Бошеръ поистинѣ заслуживаетъ быть увѣковѣченнымъ въ лѣтописяхъ юридическихъ убійствъ. Д-ръ Лейбе, окружный медицинскій совѣтникъ, которому обвиняемый былъ сданъ въ темницѣ на руки, для наблюденія, представилъ свое заключеніе, совершенно противоположное заключенію д-ра Бошера, въ такомъ родѣ, что обвиняемый при

совершеніи преступленія былъ въ состояніи невмѣняемости и находился именно въ состояніи преходящаго бѣшенства. Обвинительная власть, не смотря на это, и такъ какъ по ея мнѣнію нельзя было въ этомъ случаѣ принять высокую степень слабоумія или слабости души, поддерживала обвиненіе и объявила полную способность обвиняемаго ко вмѣненію. Несмотря на заявленіе защиты о томъ, что Розеръ помимо своего душевнаго разстройства, заявленнаго свидѣтелями, былъ доведенъ до аффекта и преступленія еще тяжкими оскорбленіями и грубымъ, дурнымъ обращеніемъ своихъ родныхъ, — все таки несчастнѣйшій мальчикъ былъ приговоренъ присяжными засѣдателями къ 18-ти-лѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ. Какая жалкая аттестація и мнѣнія врача и смысла присяжныхъ засѣдателей! Прокуроръ въ этомъ случаѣ также черезъ-чуръ уже держался своего принципа: «*нарисовать дьявола вполнѣ черными*». Пусть каждый тяжелый часъ несчастнаго осужденнаго падетъ тяжестью берковца на сердца тѣхъ, которые изъ невѣжества или изъ служебной ревности осудили несчастнаго больнаго мальчика! Тѣмъ не менѣе мы должны прибавить во извиненіе представителей закона, что здѣсь, какъ это очень часто случается, несчастіе произошло главнымъ образомъ по милости врача негуманнаго, либо невѣжественнаго, либо то и другое вмѣстѣ. Поэтому вслѣдствіе такихъ противорѣчивыхъ заключеній врачей случается, что нерѣдко невинный подвергается наказанію. Но въ такихъ важныхъ случаяхъ не слѣдовало бы требовать заключеній отъ невѣждъ, а слѣдовало бы приглашать къ совѣту цѣлую медицинскую ученую коллегію. Подобные же злобныя или глупыя противорѣчія обнаружились также со стороны врачей, дававшихъ заключенія, напр. по дѣлу д-ра Гюбнера объ оспенномъ зараженіи, равно какъ и въ дѣлѣ (Regierungsrath'а) Макса фонъ Флемиша, который былъ обвиняемъ въ нанесеніи различныхъ ранъ. Одинъ врачъ объявилъ

г. фонъ Флемиша разъ находившимся въ состояніи полной невмѣняемости, потомъ находившимся въ состояніи неполной вмѣняемости и наконецъ находившимся въ состояніи полной вмѣняемости. Другіе врачи во всѣхъ своихъ заключеніяхъ объявили, что обвиняемый — дуракъ. Какъ неутѣшительно это для судьи, какъ невыносимо для слушателей, какой наконецъ, скандалъ для науки! Но нѣтъ! нужно науку отдѣлять отъ недостойныхъ, такъ называемыхъ ея представителей, какъ религію нужно отдѣлять отъ мнимыхъ служителей Бога. Обвиняемый Флемишъ былъ объявленъ виновнымъ, хотя все таки принято было, что онъ былъ невполнѣ способенъ ко вмѣненію (находился въ состояніи неполной вмѣняемости). Къ этому можно было бы прибавить еще нѣсколько дюжинъ такихъ заключеній, которыя способны только возбудить недовѣріе къ наукѣ и, такъ сказать, привязать ее къ позорному столбу. Хотя это и не особенно похвально, если какой нибудь правительственный или другой, напримѣръ, священной юстиціи совѣтникъ такъ послѣдовательно пьетъ, что пропиваетъ совсѣмъ свой разсудокъ и наконецъ начинаетъ страдать бѣлою горячкою, а въ такомъ состояніи потомъ оскорбляетъ и бьетъ людей: все таки наше естественное чувство права ясно говоритъ намъ, что Флемишъ долженъ былъ въ полной мѣрѣ воспользоваться благодѣяніемъ закона, освобождающаго несчастныхъ неспособныхъ ко вмѣненію отъ всякаго наказанія. Такъ говоритъ нашъ психологическій тактъ и наше чувство права и правды, разумѣется, совершенно естественное, а не искусственно дрессированное. У обвиняемаго Флемиша была именно бѣлая горячка.

Большая часть преступленій, случаевъ сумасшествія и самоубійства выпадаетъ, по статистическимъ даннымъ, на возрастъ между 20-мъ и 30-мъ годами жизни.

Но эти болѣзненно-страстные припадки часто измѣняются

съ годами, они являются и проходятъ безъ содѣйствія человѣка, и ихъ продолжительность часто столь же мало зависитъ отъ человѣка, какъ и продолжительность какой-нибудь тѣлесной болѣзни.

Упомянемъ здѣсь объ одной страсти, которая въ наше время также сдѣлалась какою-то духовною эпидеміею, это — страстное стремленіе къ богатству. Хотятъ именно сдѣлаться какъ можно быстрѣе и какъ можно легче богатымъ или состоятельнымъ, какою бы то ни было цѣною, такъ какъ очень хорошо знаютъ, что богатому оказывается гораздо болѣе почета, чѣмъ свѣдущему и даже ученому. «Что имѣетъ такой-то?» вотъ въ настоящее время вопросъ дня, а не: «что онъ знаетъ?». Это стремленіе къ пріобрѣтенію денегъ — въ такое время, когда человѣкъ обсуждается лишь по тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ достигаетъ посредствомъ своихъ спекуляцій, — ведетъ многихъ къ преступленію. Молодые люди, которые только что вышли изъ пеленокъ, стараются играть роль состоятельныхъ, всюду уважаемыхъ *privatiers*. Эта юношеская страсть къ почету и уваженію, которыхъ они мечтаютъ достигнуть лишь посредствомъ обладанія золотомъ, побуждаетъ ихъ къ обману, воровству и т. д. Здѣсь гораздо рѣже нужда дѣлаетъ этихъ несчастныхъ преступниками, чѣмъ страстная, привитая превратнымъ воспитаніемъ, погоня за тѣми благами, которыя въ настоящее время дѣлаютъ великимъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ даже и самаго жалкаго субъекта (по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ и кажущимся образомъ).

Также и тотъ родъ ложной религіи, съ помощію которой ежедневно рисуются недостойными и мнимыми, такъ называемыми «служителями Бога» несчастному слабому вѣрующему, муки вѣчнаго адскаго огня, — можетъ довести до аффектовъ самаго мрачнаго свойства, до разстройства ума, а въ такомъ состояніи и до преступленія. Уже самое глубокое

вдумываніе въ эти слова: «вѣчный огонь» — «вѣчно и непрерывно». — при слабыхъ нервахъ и при меланхолическомъ темпераментѣ человѣка, въ состояніи довести его до душевной болѣзни и до сумасшествія.

Одна женщина, постоянно мучимая представленіями объ адской карѣ (вотъ именно отцы іезуиты-то и мастера дѣлать въ своихъ постныхъ проповѣдяхъ такія ужасныя изображенія), думала отбупиться отъ этой будущей адской муки только тѣмъ, что свое единственное, страстно любимое дитя бросила въ огонь, чтобы принести благопріятную Богу жертву, подобно Аврааму. Вѣдь принесеніе различныхъ жертвъ такъ охотно, многократно и притомъ ежедневно восхваляется! Разумѣется, для церкви была бы пріятнѣе жертва звенящая, или отчуждающая въ пользу ея собственность, чѣмъ жертва огня въ формѣ дитяти! Наша несчастная женщина, сталобыть, не уразумѣла попятій церкви (т. е. клира) относительно пріятныхъ Богу, умилостивительныхъ жертвъ.

Различныя проявленія болѣзненныхъ состояній духа.

Мы знаемъ, что первыя начала болѣзни души обнаруживаются въ стѣсняющемъ, тоскливомъ настроеніи духа. Жизнь мало-по-малу дѣлается бременемъ для страдальца. Вотъ почему самоубійство часто прекращаетъ такое несчастное существованіе. Есть много примѣровъ того, что больные бываютъ слишкомъ слабы духомъ, чтобы наложить на себя руки; тогда они совершаютъ смертоубійство, чтобы быть казненными рукою палача.

Существующая уже, вслѣдствіе предрасположенія или болѣзней, черезъ-чуръ сильная раздражительность духа часто производитъ, вслѣдствіе самыхъ маловажныхъ поводовъ, ужаснѣйшій гнѣвъ, бѣшенство, ярость и т. п. Тогда такіе больные, не смотря на всю свою добрую волю, не въ состояніи

удерживаться отъ своей болѣзненной раздражительности. «Жидкость, наполняющая сосудъ до краевъ, легко проливается», говоритъ Фейхтерслебенъ.

Высшая степень душевной болѣзни есть какое-то страшное разслабленіе духа, нѣчто въ родѣ совершеннаго тупоумія при полнѣйшемъ бездушіи. Это ужасное состояніе человѣческаго духа всегда чрезвычайно важно въ судебномъ отношеніи и въ тоже время чрезвычайно трудно для обсужденія. Часто появляется оно у онанистовъ и пьяницъ, и тамъ, гдѣ оно быстро возникло, въ особенности заслуживаетъ наистрожайшаго изслѣдованія. Въ одномъ замѣчательномъ случаѣ, оффиціально обсужденномъ Гризингеромъ (Seiz), все преступленіе — убійство трехъ собственныхъ дѣтей — коренилось вполнѣ въ почвѣ такого душевнаго разстройства; и именно при преступленіяхъ такого рода, говоритъ геніальный и опытнѣйшій Гризингеръ, судебные врачи и должны напречь все свое вниманіе, что бы сдѣлать правильное заключеніе о такихъ душевныхъ состояніяхъ, такъ какъ такого рода несчастные больные, за исключеніемъ того времени, въ которое они совершили преступленіе, всегда еще кажутся «*вполнѣ разумными*». — Бываютъ еще различныя аномаліи духа, весьма странныя склонности и отвращенія, чувственная и идеально-мечтательная (сумасбродная) влюбчивость и т. п., съ появленіемъ которыхъ весь характеръ индивидуума, т. е. поведеніе его относительно внѣшняго міра всецѣло перемѣняется. Кроткій можетъ сдѣлаться дикимъ, скупой — расточительнымъ, нравственный — развратнымъ, скромный — нахальнымъ. Поэтому судить и заключать о прежнемъ характерѣ больнаго по настоящимъ своеобразностямъ его и причудамъ можно только съ величайшею осторожностію. Такъ, злость и лукавство могутъ при существованіи болѣзни продолжаться цѣлые годы у прежде прекраснаго и благонамѣреннѣйшаго человѣка и потомъ исчезнутъ быстро и безслѣдно

съ выздоровленіемъ его отъ болѣзни, опять уступивъ мѣсто прежнему доброму характеру.

Разстройства души вообще имѣютъ то свойство, что они вполнѣ и совершенно преобразовываютъ этическую (нравственную) жизнь человѣка. Весь характеръ человѣка измѣняется и нерѣдко также и ухудшается.

Прежде добрый теперь дѣлается сварливымъ, гнѣвнымъ и мстительнымъ. Прежде нѣжно любящій и озабоченный отецъ семейства становится теперь жестокимъ и безжалостнымъ относительно своихъ близкихъ. Добрая, исполненная любви мать и супруга дѣлается сварливою Ксантиппою или страстною фуріею. Прежде цѣломудренная и стыдливая дѣвица дѣлается и безстыдною и наглою. Прежде послушный и добронравный сынъ дѣлается упрямымъ, строптивымъ и дерзко нарушаетъ обязанности относительно своихъ родителей. Короче, всѣ склонности сдѣлались иными. Расточитель дѣлается скупымъ, храбрый — трусливымъ, боязливый — заносчивымъ, своевольнымъ, кроткій и мирный — обидчикомъ и злымъ, трудолюбивый — лѣнивымъ, смиренный — надменнымъ, гордымъ, высокомѣрнымъ. Прежде страстно любимое дѣлается теперь безразличнымъ или даже ненавидимымъ. Вслѣдствіе разстройствъ души любовь перемѣняется на ненависть, довѣріе — на недовѣріе; короче, добродѣтель — на совершенную порочность.

Эти перемѣны въ человѣкѣ — не его собственное произведеніе. Онъ перемѣнился, благодаря внутреннимъ болѣзненнымъ состояніямъ, побѣдить которыя не въ его власти.

Но думаютъ опять видѣть настоящее чудо въ томъ, что душевно-разстроенные благополучно перенесли свою болѣзнь, т. е. выздоровѣли. Прежде сварливый и гнѣвный дѣлается опять спокойнымъ и кроткимъ; строптивый — миролюбивымъ. Отецъ, оставлявшій прежде и жену и дѣтей, опять радостно возвращается въ ихъ объятія. Мать, которая прежде своихъ

собственныхъ дѣтей не признавала своими, нѣжно прижимаетъ ихъ опять къ своему сердцу. Дѣти, которыя прежде возставали противъ своихъ родителей, теперь вновь имъ преданы со всею горячностію сыновней любви и дѣлаются ихъ подпорою.

Такимъ-то образомъ человѣкъ можетъ быть уподобленъ судну, парусъ котораго надувается то благопріятными, то неблагопріятными вѣтрами; живое судно это бросается то туда, то сюда на морѣ жизни. Человѣкъ то низвергается въ глубину, то поднимается чуть не къ самому небу, какъ небольшое судно на необозримомъ океанѣ. Такъ человѣкъ, смотря по условіямъ своей физической жизни, бываетъ то болѣе безсознательнымъ, то болѣе сознательнымъ продуктомъ движеній своей души. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при страданіяхъ души, поражаются также и высшія, т. е. этическія или нравственныя чувства человѣка и даже иногда они совершенно, повидимому, уничтожаются. Слѣдствіемъ этого бываетъ часто совершенное помраченіе совѣсти и связанное съ этимъ затмѣніе понятій о нравственности.

Если мы читаемъ въ собраніи уголовныхъ документовъ (сборникѣ уголовныхъ дѣлъ), что испанка Марія делосъ Долоресъ убила своего отца, вскрыла его грудь ножемъ, вырвала оттуда сердце, поджарила его и часть сожрала; или далѣе, что французъ Леже убиваетъ одну молодую дѣвушку, производитъ надъ трупомъ безстыдныя дѣйствія, пьетъ изъ него кровь и пожираетъ часть мертваго тѣла, — то здѣсь поистинѣ приходится признать отсутствіе всякаго высшаго нравственнаго чувства, полнѣйшее помраченіе всякаго этическаго сознанія, вслѣдствіе ужаснѣйшаго и совершеннаго разстройства души. Хотя защитникъ Léger'a и утверждалъ, что обвиняемый — сумасшедшій, тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, присяжные засѣдатели отвергли вопросъ о сумасшествіи въ обоихъ дѣлахъ; какъ Léger, такъ и Марія делосъ Долоресъ

были ужаснѣйшимъ образомъ казнены. Такимъ образомъ невѣжество и варварство причислило обоихъ этихъ несчастныхъ больныхъ къ разряду тягчайшихъ преступниковъ!!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ работникъ, въ ночь передъ Рождествомъ, убилъ, во время сна, своего товарища, съ которымъ онъ постоянно находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Случай этотъ произошелъ въ Штарнбергерзе и здѣсь въ Пекингѣ, гдѣ я писалъ эти строки, похоронены *остатки* убитаго. Я говорю «остатки», ибо чрезъ нѣсколько часовъ по открытіи убійства, людоѣдъ этотъ сожралъ уже сердце, печень и т. п. своего убитаго друга. Это была, такъ сказать, ужасная кухня вѣдьмы: нашлись ножи для рубки мяса и т. п. орудія, съ помощію которыхъ были приготовлены эти страшныя блюда. Преступникъ — одинъ изъ характеровъ, сосредоточенныхъ въ себѣ самомъ — обрисованъ своими сотоварищами, какъ человѣкъ задумчивый. Когда другіе молодые люди забавлялись въ кабакѣ, онъ въ это время, отдѣлившись отъ нихъ, читалъ старыя таинственныя книги. Еще прежде одинъ единственный разъ онъ высказался, что кто пожретъ въ Св. вечеръ Рождества Христова, въ полночный часъ, человѣческое сердце и другія внутренности, тотъ можетъ сдѣлаться невидимымъ навсегда. Онъ убѣжалъ, и до настоящаго времени его не поймали. Онъ дѣйствительно какъ будто сталъ невидимъ. Кажется, что темно-зеленыя волны моря погребли несчастнаго съ его безуміемъ. Здѣсь суевѣріе до такой степени сковало разсудокъ и волю человѣка, словомъ всю духовную его жизнь, что онъ сдѣлался людоѣдомъ. Да, суевѣріе очень часто доводитъ людей до ужаснѣйшихъ дѣлъ!

Высшая степень такихъ разстройствъ души всегда почти сопровождается какимъ-то нравственнымъ отупѣніемъ. Сознаніе всякой нравственности пропадаетъ.

Почти ежедневно газеты сообщаютъ намъ объ убійствахъ

мотивы которыхъ необъяснимы, и гдѣ всюду можно найти чрезвычайно важныя основанія для постановки вопроса: не существуетъ ли у этихъ убійцъ какого-нибудь душевнаго разстройства?

Однако у нѣкоторыхъ другихъ душевно-разстроенныхъ нравственное чувство бываетъ черезъ-чуръ, даже болѣзненно возбуждено. Они дѣлаются вдругъ очень религіозными, занимаются священными предметами, писаніями, предпринимаютъ путешествія ко святымъ мѣстамъ, посѣщаютъ мѣста чудесъ, говѣютъ еженедѣльно, ищутъ безпрерывно утѣшенія и помощи только у священниковъ и т. д. Несмотря на чистѣйшую ихъ совѣсть, воображенію ихъ безпрерывно представляется страшный и ни на чемъ не основанный реестръ грѣховъ и дурныхъ поступковъ, вслѣдствіе какого-то болѣзненно-нервнаго чувства страха, который давитъ имъ грудь, — и это-то чувство постоянно ихъ мучитъ. Они молятся, вздыхаютъ и плачутъ, считаютъ себя на-вѣки потерянными, и наконецъ, вслѣдствіе безумныхъ мыслей о томъ, что имъ невозможно болѣе надѣяться на Бога и что они должны умереть безъ милости и прощенія, они совершаютъ часто, для примиренія за свои мнимые грѣхи, величайшія преступленія: поджигательства, убійства и т. п. Они жертвуютъ всѣмъ, что для нихъ дороже всего; они убиваютъ своихъ собственныхъ дѣтей, воздвигаютъ огненные алтари и погружаютъ такимъ образомъ весь домъ въ пламя!!...

Какъ разстройства въ мыслительной сферѣ (что мы увидимъ въ ближайшемъ отдѣлѣ), обнаруживаются бредомъ, а разстройства въ побудительной сферѣ, въ сферѣ воли — превратными или безумными дѣйствіями; такъ точно и разстройства въ сферѣ чувства обнаруживаются ложными чувствованіями. Меланхолики обыкновенно не бываютъ неразумны; они не бредятъ. Это очень важно въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Да и бредъ здѣсь совсѣмъ не требуется;

столь-же мало онъ абсолютно здѣсь нуженъ, какъ и боль глаза напр. нужна для зубной боли. Хотя между отдѣльными отправленіями мозга, т. е. души, и находится связь, тѣмъ не менѣе они опять отдѣлены другъ отъ друга, и каждое изъ нихъ можетъ само постоять за свое право. Только ложный принципъ господствуетъ надъ душою такихъ больныхъ, и этотъ принципъ есть больное чувство.

Часто умозаключенія такихъ больныхъ строго логичны съ формальной стороны. Согласитесь съ высшимъ или первымъ предложеніемъ въ рѣчи меланхолика, и вы вынуждены будете оправдать съ логическою послѣдовательностію и всѣ его мысли и дѣйствія! Согласитесь съ несчастною матерью, считающею себя грѣшницею, что Богу пріятно принесеніе жертвы и что эта жертва, тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ сильнѣе ее любятъ; такъ что, слѣдовательно, пожертвованіемъ своею собственною любовію наилучшимъ образомъ будетъ доказана любовь къ Богу: то вы болѣе не въ состояніи будете уйти отъ логическаго заключенія: «да, пожертвованіе своимъ единственнымъ горячо-любимымъ дитятею есть благопріятнѣйшій Богу даръ».

Такъ возникаютъ самыя странныя сужденія и рѣшенія, къ которымъ приходятъ душевно-больные, вслѣдствіе своихъ ложныхъ чувствъ. Разсудокъ самъ по себѣ здѣсь не заблуждается: онъ только повторяетъ то, что подсказываетъ ему чувство. Если у кого-нибудь, напримѣръ, разстроено чувство вкуса, тому сладкое кажется горькимъ и наоборотъ. Что можетъ здѣсь сдѣлать разсудокъ? Онъ говоритъ лишь то, что доносятъ ему въ данномъ случаѣ нервы вкуса.

Вслѣдствіе ложнаго чувства, — а мы знаемъ вѣдь, что чувства заимствуютъ свое главное содержаніе отъ ощущеній, — часто сильнѣйшій разсудокъ дѣлается слабѣйшимъ, т. е. такъ сказать, дурѣетъ. Слѣдуетъ только всегда помнить, что каждый чувственно-разстроенный человѣкъ, не только

иногда думаетъ, что онъ иначе чувствуетъ, нѣтъ, онъ чувствуетъ своими больными нервами дѣйствительно иначе, чѣмъ здоровый и сознаетъ себя дѣйствительно иначе чувствующимъ. Поэтому-то онъ и находитъ вполнѣ приличнымъ, да онъ и долженъ соотвѣтственно своему состоянію, находить и считать вполнѣ разумнымъ и соотвѣтственнымъ такъ именно мыслить, говорить и дѣйствовать, какъ онъ это на самомъ дѣлѣ и дѣлаетъ. Стало быть совершенно ложно и несправедливо утверждаютъ: «гдѣ существуетъ употребленіе разсудка, логики, тамъ должна также быть и способность ко вмѣненію». Лучше сказать, что у душевно разстроенныхъ, какъ справедливо говоритъ Гризингеръ, вслѣдъ за рѣшеніемъ слѣдуетъ выполненіе дѣйствія часто съ большимъ спокойствіемъ, наружно-цѣлесообразнымъ разсчетомъ и правильнымъ выборомъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, здѣсь недостаетъ внутренней разсудительности (обдуманности), ибо ложныя предположенія получили силу принуждающихъ мотивовъ, и больной ни въ какомъ случаѣ не можетъ отъ нихъ освободиться. Поэтому ложно и положеніе великаго криминалиста Фейербаха: «гдѣ обнаруживается разсудительность и обдуманность при выполненіи какого-либо дѣла, тамъ — и вмѣненіе». И работникъ въ Штарнбергерзе умѣлъ добраться до своей жертвы и достигнуть своего съ величайшею обдуманностью и хитростію, напр. одному обѣщалъ водки и т. д. — и тѣмъ не менѣе такое суевѣріе, которое доводитъ до людоѣдства, ясно и опредѣленно указываетъ на существованіе душевнаго разстройства. Развѣ душевно-здоровый человѣкъ устроитъ въ Св. вечеръ Рождества Христова такой людоѣдскій пиръ и вообще такую настоящую діявольскую субботу? И очень многіе люди, даже и криминалисты, призваніемъ которыхъ все таки должна была бы быть, между прочимъ, болѣе точная оцѣнка ненормальныхъ душевныхъ состояній человѣка, согласны въ своихъ ложныхъ, необдуманныхъ и невѣжественныхъ сужденіяхъ съ

Глостеромъ, который говоритъ о Королѣ Лирѣ: «онъ имѣетъ еще разсудокъ, иначе онъ не могъ бы просить милостыни!» (Er hat Vernunft noch, sonst könnte er nicht — betteln!).

Если у человѣка разстроенъ разсудокъ, т. е. если онъ бредитъ, выкидываетъ глупыя штуки, то о немъ по крайней мѣрѣ сожалѣетъ разумный человѣкъ и никто не вмѣнитъ ему этого несчастнаго состоянія въ вину, т. е. мы говоримъ никто — въ той увѣренности, что, по крайней мѣрѣ, образованный человѣкъ, свободенъ отъ той проклятой мысли, по которой сумасшествіе считалось прежде наказаніемъ за грѣхи. Если же у больнаго страдаетъ душа или же, если у него еще болѣе и въ особенности извращены нравственныя чувства: то такое состояніе обыкновенно не узнается, обсуждается безчеловѣчно и такъ какъ такія разстройства души вообще обыкновенно появляются не въ формѣ бреда (delirium), то на нихъ и смотрятъ, какъ на нравственныя уродства, какъ на пороки, вслѣдствіе чего они и вмѣняются самому страдальцу (приписываются собственной его винѣ).

Мнѣніе о бѣснованіи, слава Богу, уже почти что исчезло, по крайней мѣрѣ въ головахъ образованныхъ людей и въ извѣстныхъ кружкахъ и мѣстностяхъ, хотя духовенство нѣкоторыхъ странъ и его любезные и вѣрные, слѣпые и ослѣпленные приверженцы, иногда кажутся просто сумасшедшими въ своихъ понятіяхъ о вліяніи дьявола и грѣховъ на душевно-больныхъ людей. Впрочемъ, обыкновенно духовенство, какъ мы его видимъ теперь дѣйствующимъ (напр. въ деревняхъ), не можетъ быть, въ нашемъ смыслѣ, причислено къ разряду истинно-образованныхъ людей. По исключенію попадаются иногда и въ этомъ классѣ глубоко-образованные мыслители, но они, можетъ быть, такъ рѣдки, какъ бѣлые вороны. То извѣстное преобладаніе растительной сферы (по Карусу), которое обнаруживается въ стремленіи жирѣть и обзаводиться брюхомъ вмѣстѣ съ ломотой и подагрой, есть вѣрный признакъ

совершеннаго упадка духовной сферы. Вѣдь никто не можетъ служить одновременно двумъ господамъ — Богу и мамонѣ — истинному осчастливленію и просвѣщенію народа и — брюху.

Далѣе тотъ взглядъ, который кладетъ въ основаніе страннаго поведенія многихъ дѣйствительно больныхъ духомъ людей, одну только злость, къ сожалѣнію, постоянно пребываетъ еще въ очень многихъ стриженныхъ и нестриженныхъ головахъ, хотя и стараются прикрыть футляръ разсудка извѣстными шапками или *корабельными шляпами*, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые слабыя стороны. Гёте превосходно говоритъ относительно этого: «Des Bösen seid ihr los, das Böse ist euch geblieben». (Вы освободились отъ нечистаго, а грѣхи въ васъ остались). Развѣ высказать безразсудный взглядъ, что тотъ или другой разстроенный человѣкъ безбоженъ, пороченъ или злобенъ и т. д. не значитъ согрѣшить противъ несчастнаго? Какъ разъ наилучшіе люди, почтеннѣйшіе отцы, набожнѣйшія, благочестивѣйшія матери, вѣрнѣйшіе слуги часто дѣлаются добычею этихъ душевныхъ страданій. Если Христосъ запрещаетъ обзывать ближняго «злымъ», «безбожнымъ» (Мат. 5, 22), то запрещеніе это имѣетъ въ тысячу разъ большее значеніе относительно этихъ несчастныхъ! Вообще, по нашему мнѣнію, побѣдившее весь міръ вліяніе христіанства, равно какъ и его вѣчная продолжительность, основываются на чистѣйшихъ и глубочайшихъ принципахъ проповѣдуемой имъ человѣчности. Но эта человѣчность не можетъ существовать безъ настоящей любви къ ближнему. «Люби Бога и ближнихъ твоихъ, какъ самаго себя; въ этомъ состоитъ весь законъ и пророки». Это положеніе и есть тотъ камень, на которомъ стоитъ истинная церковь Христова, которую и врата ада не одолѣютъ. Да устыдится же тотъ, кто (христіанинъ ли, или вообще человѣкъ) объ этомъ другаго мнѣнія! Хотя нѣкоторые мундирные господа при шпагахъ или во фракахъ и были бы почти противоположнаго

мнѣнія, все-жъ таки они не въ состояніи будутъ поколебать нашихъ взглядовъ и взглядовъ всѣхъ разумныхъ людей на человѣчность. Тѣ времена уже, слава Богу, миновались, когда, какъ прежде было, пестрое, вытканное золотомъ одѣяніе могло настращать кого нибудь: теперь же только наука, человѣчность и истинное, дѣлающее людей свободными, образованіе можетъ внушить намъ уваженіе.

Берегитесь, чтобы при сужденіи объ этомъ предметѣ не попасть изъ огня да въ полымя!

Когда люди, ходящіе за плугомъ или страдающіе въ европейскихъ невольническихъ цѣпяхъ, копаясь въ глубокой земной тѣни, словомъ люди, непричастные совсѣмъ истинному образованію и даже, самимъ своимъ призваніемъ, такъ сказать, исключенные изъ числа людей образованныхъ, — видятъ въ людяхъ душевно-разстроенныхъ одну лишь «злобу», то это все еще простительно и не очень насъ поражаетъ. Но въ высшей степени печально и въ тоже время глубоко-возмутительно, когда сами такъ называемые «образованные», или вообще большое количество духовныхъ пролетаріевъ, также предаются этому заблужденію. Только тогда, когда такіе страдальцы дѣлаются вполнѣ безсмысленными, не знаютъ болѣе своего имени, не могутъ уже сосчитать дважды два и т. д., т. е. только тогда, когда зло достигаетъ уже своей высшей точки и дѣляется неизлѣчимымъ, — обыкновенно открываются глаза у иныхъ наблюдателей. (Вѣдь врядъ-ли также можетъ это иначе происходить у тѣхъ людей, которые, когда дѣло идетъ о духовной неволѣ человѣка, придаютъ значеніе лишь слабоумію, бѣшенству или сумасшествію!).

Необходимое слѣдствіе такой ложной «*теоріи злобы*», въ отношеніи духовно или только чувственно разстроенныхъ людей, есть основанная на этомъ теорія наказаній. Злое, говорятъ, само собою разумѣется, должно быть наказано. Это справедливо. Но уже д-ръ Келлеръ сказалъ: «наказанія все

болѣе и болѣе ограничивались, по мѣрѣ того, какъ научались узнавать въ страстяхъ, своеволіи и (кажущейся) злобѣ этихъ людей все таки не болѣе, какъ симптомы какого-либо тѣлеснаго страданія, съ уничтоженіемъ котораго обыкновенно исчезаютъ и эти симптомы».

«Охотно желалъ бы я» восклицаетъ Агамемнонъ у Эврипида, и «меня мучитъ то, что я не могу желать». *Эти несчастные желали бы добраго, если бы только они могли его желать.* Также и Эскироль разсказываетъ, что онъ задался величайшимъ трудомъ сдѣлать понятнымъ для одного душевно-больнаго всю ложь и ошибочность его образа дѣйствій. Этотъ больной отвѣтилъ ему: «сударь, все это я знаю не хуже васъ, я знаю, что я долженъ былъ бы дѣлать и я желалъ бы имѣть возможность это дѣлать; но дайте мнѣ силу, которой мнѣ недостаетъ, и вы увидите меня совсѣмъ другимъ человѣкомъ». Да, освободите этихъ несчастныхъ отъ оковъ, наложенныхъ душевною ихъ болѣзнію на ихъ волю и ее стѣсняющихъ, и вы увидите, что они будутъ дѣйствовать совершенно иначе.

Но бываютъ тоже односторонніе только и временные разстройства души, такъ сказать періодическіе. Такъ, бываютъ въ высшей степени раздражительныя души, которыя имѣютъ только одно раненое мѣсто или такое мѣсто, которое очень легко ранить. Если это мѣсто только затронуть, то человѣкъ вдругъ сдѣлается совершенно другимъ, аффектъ, сильнѣйшая страсть загорится вдругъ, сразу, какъ огненный столпъ. Словно молнія ударила въ бочку пороху. Лице возбужденнаго краснѣетъ или блѣднѣетъ, шейныя жилы стучатъ, глаза блестятъ и слова проклятія вылетаютъ одно за другимъ изъ его пѣнящихся устъ. Человѣкъ тогда не властенъ надъ самимъ собою, и въ это мгновеніе онъ въ состояніи совершить глупѣйшія и преступнѣйшія дѣйствія, въ которыхъ онъ горько будетъ раскаяваться черезъ нѣсколько

минутъ. Такимъ образомъ человѣкъ увлеченъ совершенно. И нѣкоторые, знающіе больное мѣсто своего ближняго, не стыдятся и не боятся раздражать несчастнаго изъ одного только грубаго варварства, чтобы видѣть его въ изступленіи и потомъ съ постыдною радостію насмѣхаться надъ бѣснующимся. Но здѣсь уже скорѣе всего должны были бы всегда отвѣчать за могущія произойти послѣдствія не раздраженные, а именно раздражающіе. Припадки такого рода продолжаются часто лишь весьма недолго. Когда буря прошла, тогда является опять прежній добродушный и спокойный человѣкъ, и такимъ образомъ часто бываетъ очень трудно послѣ обсудить правильно данный случай, по настоящему состоянію души человѣка, когда дѣло идетъ о способности его ко вмѣненію. А какой человѣкъ не имѣетъ своей ахиллесовой пяты?

Что заболѣванія души нерѣдко также сопровождаются и растройствами мыслительной способности — это ясно, и мы это увидимъ далѣе въ ближайшемъ отдѣлѣ. Нѣкоторымъ больнымъ, именно ипохондрикамъ, подверженнымъ страданіямъ брюшныхъ органовъ, ставятъ въ упрекъ, что они только воображаютъ себѣ различныя болѣзни, вслѣдствіе того напр. что читаютъ или прочли уже много медицинскихъ книгъ и т. п. Такого рода упреки уже цѣлыя столѣтія почти у всѣхъ на языкѣ. Однако направленіе всѣхъ мыслей этихъ несчастныхъ, и исключительно на ихъ здоровье, не есть произвольное. Мысли ихъ привлекаются къ этому предмету, вслѣдствіе болѣзненной раздражительности разстроенныхъ органовъ. Не сами они выдумываютъ свои болѣзненныя идеи, а скорѣе всего онѣ внушаются ихъ душѣ болѣзненною раздражительностью тѣхъ или другихъ органовъ. И потому тогда и только тогда, когда они чувствуютъ себя дѣйствительно больными, они въ книгахъ ищутъ помощи, которой они обыкновенно не довольно скоро или и совсѣмъ не находятъ у врачей. Столь же мало, дѣйствительно и вполнѣ

здоровый человѣкъ будетъ бояться сдѣлаться больнымъ (ибо онъ совсѣмъ и не думаетъ о болѣзни, т. е. о состояніи, совершенно ему чуждомъ), сколь мало такой человѣкъ будетъ воображать себѣ болѣзнь, или лучше, онъ совсѣмъ не въ состояніи будетъ ее себѣ вообразить. Это уже потому будетъ невозможно, что самое воображеніе какого-нибудь болѣзненнаго состоянія, само по себѣ, предполагаетъ ненормальность головнаго мозга, причемъ, разумѣется, должно предположить также и положительную болѣзнь. Если бы отъ обильнаго чтенія медицинскихъ книгъ люди дѣлались ипохондриками и потомъ воображали себѣ болѣзни (какъ это ежедневно можно слышать), то, разумѣется, большая часть врачей и какъ разъ дѣльнѣйшіе и ученѣйшіе изъ нихъ должны были бы быть ипохондриками.

Въ заключеніе этой главы, мы, — въ оправданіе себя отъ могущаго быть упрека въ томъ, что мы слишкомъ объемисто можетъ быть, изложили эту главу, — должны еще разъ повторить, что разстройство въ сферѣ чувства мы кладемъ въ основаніе всѣхъ другихъ разстройствъ души, какъ первоначальное явленіе, что и дѣйствительно случается чуть не ежедневно со всѣми умопомѣшанными. Разстроенное чувство бываетъ часто причиною многихъ другихъ разстройствъ. Болѣзненныя состоянія чувства часто перемѣняютъ голосъ человѣка, вліяютъ на отдѣленіе соковъ, желчи и т. д., какъ это можетъ случиться и наоборотъ, что напр. стѣсненное отдѣленіе желчи сильно раздражитъ душу. Кто уже не наблюдалъ почти ежедневно, что напр. даже языкъ, его выраженіе, удареніе, интонація — перемѣняются смотря по хорошему или дурному расположенію духа человѣка?

Но если напр., вслѣдствіе какого-либо страданія половыхъ органовъ, прежде былъ возмущенъ духъ и возникла меланхолія любви; тогда, вслѣдствіе связи разстроенныхъ половыхъ органовъ съ головнымъ и спиннымъ мозгомъ и

вообще со всею нервною системою человѣка, можетъ возникнуть любовное сумасшествіе (Liebeswahnsinn), или же любовное бѣшенство (Liebeswuth).

Такъ въ организмѣ всегда одно обусловливается другимъ, и часто бываетъ очень трудно точно отличить первоначальное первичное явленіе болѣзни отъ явленія второстепеннаго, за нимъ слѣдующаго.

Но бываютъ также и *«промежуточныя состоянія»*, когда человѣкъ, хотя и не вполнѣ здоровъ психически, но однако и не болѣнъ. Къ такимъ состояніямъ принадлежатъ: дурное расположеніе духа; потомъ, такъ называемая слабая сторона многихъ людей; далѣе, состоянія разсѣянныхъ, углубленныхъ въ одинъ предметъ и т. п. Всѣ такія состоянія образуютъ часто переходы къ дѣйствительнымъ разстройствамъ души.

Одинъ молодой человѣкъ, изъ дѣтства расположенный къ душевнымъ болѣзнямъ (наслѣдство отъ своей нервной матери), убилъ изъ ревности свою возлюбленную, во время одного сильнаго припадка болѣзни своей души. Онъ умеръ въ тюрьмѣ. Вскрытіе показало всеобщій полу-параличъ, т. е. разслабленіе нервовъ. Мать его умерла отъ той же болѣзни. «Гдѣ тѣло мрачно», говоритъ Бёме, «тамъ мрачна и воля, а гдѣ тѣло страдаетъ, тамъ непремѣнно страдаетъ и воля. Мракъ же тѣла есть болѣзнь и душевное разстройство». Какъ часто только лишь вскрытіе доставляетъ въ высшей степени интересныя разъясненія дѣйствительной природы человѣка и его образа мыслей и дѣйствій! Поэтому не слѣдовало бы такъ легко высказывать о человѣкѣ окончательное сужденіе, пока трупъ его не вскрытъ. Какъ много самоубійствъ принимаются за самопзвольныя, пока вскрытіе не обнаружитъ ихъ настоящей причины и часто совершенно противнаго!!

IV.

Разстройства мыслительной способности человѣка.

Wie man nicht wehren kann, dass Einem die Vögel über den Kopf herfliegen, so kann man sich auch der bösen Gedanken nicht erwehren! *)

Мыслительная способность человѣка — его самосознаніе — когда дѣлается ненормальною, не разстраивается сама собою. Она разстраивается вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ вліяній. Здѣсь насильственно господствуетъ тогда неизвѣстное надъ извѣстнымъ. Разстройства мыслительной способности коренятся въ большомъ головномъ мозгу, въ такъ назыв. полушаріяхъ мозга, переднихъ лопастяхъ его, которыми обусловливается большею частію форма, вышина и строеніе лба. Костяная скорлупа (черепъ) есть нерѣдко отпечатокъ зерна (мозга), который постепенно въ ней развивался, подобно тому, какъ твердая скорлупа орѣха образовалась сообразно находящемуся въ ней ядрышку. Мозгъ ростетъ и мало по малу созрѣваетъ до сознанія. Безспорно, что постепенное созрѣваніе разсудка, разума, всей мыслительной сферы человѣка идетъ рука объ руку съ

*) Нельзя защититься отъ злыхъ мыслей, подобно тому, какъ нельзя возбранить птицамъ летать надъ головой.

развитіемъ головнаго мозга и притомъ мозга здороваго по своимъ качественнымъ свойствамъ. Поэтому-то отъ питанія этихъ частей мозга, стало-быть, отъ питательнаго матеріала зависитъ безконечно много, даже все. Кровь есть всеобщая питающая жидкость; она образуется изъ пищи и питія. И если великій Молешотъ говоритъ, что безъ фосфора нѣтъ мысли, то это въ его смыслѣ также вѣрно, какъ если бы я сказалъ, что безъ кислорода нѣтъ дыханія, хотя бы даже, какъ остроумно и вѣрно замѣчаетъ Ноё, нѣкоторыя легкія совсѣмъ и не нуждались въ кислородѣ. Мы подозрѣваемъ, что, вѣроятно, существуютъ также и такіе мозги, въ которыхъ совсѣмъ недостаетъ фосфора, хотя съ перваго взгляда это и кажется невозможнымъ. Сама судьба, какъ заботливѣйшій и благодѣтельнѣйшій отецъ, печется о существованіи такихъ обладателей безфосфорныхъ мозговъ, облегчая имъ жизнь, посредствомъ богатаго надѣла земными благами. Не будь этого, этимъ господамъ пришлось бы неминуемо погибнуть отъ голода, такъ какъ, при недостаткѣ какого бы то ни было запаса мыслей, они никогда не были бы въ состояніи заработать себѣ хоть кусочекъ сыру съ чернымъ хлѣбомъ. Не для того ли многіе, такъ наз. cavaliers, употребляютъ безфосфорныя, такъ наз. *салонныя* спички, чтобы не придти даже и въ отдаленнѣйшее соприкосновеніе съ сквернымъ фосфоромъ, входящимъ въ составъ мозга и производящимъ мысли?

Мы не вѣримъ во врожденныя идеи, въ смыслѣ нѣкоторыхъ идеаластическихъ философовъ. Если бы извѣстныя идеи были врождены, такъ врождены, что отъ нихъ нельзя было бы отдѣлаться, то умы всѣхъ людей должны были бы быть по крайней мѣрѣ хоть посредственные, даже противъ ихъ волп. Тѣмъ не менѣе способность создать

какую-нибудь величественную міровую идею врождена человѣческому мозгу съ незапамятныхъ временъ.

При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ мозгъ развиваетъ свою мыслительную дѣятельность нормальнымъ образомъ, причемъ ряды мыслей посредственной продолжительности имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и посредственную силу. *Согласіе между міpами мыслей, чувствъ и воли называется душевнымъ здоровьемъ.*

Гдѣ же существуетъ болѣзнь или разстройство души, тамъ, по крайней мѣрѣ, существуютъ двѣ силы: одна разстраивающая, а другая — разстроенная. Неизвѣстное въ человѣкѣ разстраиваетъ извѣстное, т. е. сама природа, такъ сказать, портитъ душу человѣка. Каждый самъ чувствуетъ, что въ немъ есть что-то такое, что появляется тамъ и сямъ съ повелительною силою и предписываетъ ему извѣстныя мысли. Голодъ и жажда, процессы въ желудкѣ и сердцѣ, въ груди, головѣ и животѣ вообще навязываютъ намъ такія мысли, надъ которыми мы совсѣмъ не можемъ господствовать.

Такъ называемый «*разумъ*», хотя и есть царь, но не неограниченный. Владыка этотъ легко можетъ быть свергнутъ съ престола своими же подданными, которые его содержатъ и питаютъ. Кровь, мозгъ, нервы — очень часто вырываютъ у разумной мысли — этой владычицы — пурпуръ власти и ее самоё безсильною повергаютъ въ прахъ. И вотъ владыка сдѣлался мячикомъ своихъ слугъ, безъ которыхъ онъ однако точно также можетъ жить, какъ напр. король можетъ жить безъ своихъ крестьянъ и своихъ гражданъ. — Посмотрите-ка на сумасшедшаго: развѣ вы не видите, во что у него превратился «владыка разумъ» или «*царь въ головѣ*»!?

Разстройства разсудочной жизни могутъ быть однако преходящими, такъ наз. *острыми*, какъ это мы видимъ

у большей части горячечныхъ больныхъ. Нервная горячка и оспа, равно какъ и цѣлый рядъ воспаленій производятъ «delirii», т. е. ложныя представленія, которыя называются вздорною фантастическою болтовнею, когда высказываются больнымъ, и нелѣпыми поступками, когда переходятъ въ дѣйствія.

Продолжительныя, такъ наз. хроническія разстройства разсудка суть настоящія разстройства души. Иногда обнаруживаются при отдѣльныхъ разстройствахъ свѣтлые промежутки, такъ наз. «lucida intervalla», равно облегченія и перемежки (remissiones et intermissiones), подобно тому, какъ напр. больной перемежающеюся лихорадкою тоже имѣетъ свободные отъ нея дни, хотя болѣзнь все таки въ немъ свирѣпствуетъ, не смотря на то, что появляется періодически.

При душевномъ здоровьи внѣшній міръ своими раздраженіями вліяетъ на чувства. Эти же послѣднія вліяютъ обратно на мозгъ. При болѣзненныхъ же состояніяхъ мозга, напротивъ, большею частію случается наоборотъ, т. е. болѣзненные внутренніе процессы дѣйствуютъ наружу, на чувства. Отсюда-то происходитъ также и то, что человѣкъ съ разстроеннымъ мозгомъ — будетъ ли это разстройство происходить отъ размягченія его существа водою, или отъ излишняго орошенія, или оттого, что костный осколокъ слишкомъ сильно углубился, или же тамъ образовалось какое-нибудь утолщеніе плевы, — дѣйствительно видитъ и слышитъ, обоняетъ и ощущаетъ, возникшія вслѣдствіе такихъ страданій, безпорядочно образовавшіяся идеи. Болѣзненныя представленія, если только онѣ достаточно сильны, выбрасываются наружу, на чувства, и такимъ образомъ чувственно воплощаются.

Такъ, случается, что уже при извѣстной возвышенной раздражительности мозга, больной, живо занятый своею

собственною особою, можетъ смотрѣть на самого себя, какъ на второе лице. Далѣе, случается нерѣдко, что особы, міръ идей которыхъ почти моментально переступаетъ за норму, видятъ предъ собою разные образы или даже людей тамъ, гдѣ для совершенно здороваго человѣка и видѣть-то нечего. Сѣрое видѣніе (hecht-graue Vision) Гёте и многія другія такія явленія напоминаютъ намъ это. — Теперь мы дошли до важной главы объ обманахъ чувствъ.

Иллюзіи и галлюцинаціи. *)

Какъ боязливый только человѣкъ видитъ привидѣнія, т. е. видитъ именно то, чего онъ живо боится, такъ точно и душевно-разстроенный видитъ и слышитъ свои болѣзненныя ложныя мысли, которыя достигли до такого господства, что онѣ здѣсь уобъективируются, воплощаются. Эти обманы чувствъ всегда возникаютъ тогда, когда внѣшнія чувства сильно раздражаются болѣзненными внутренними процессами.

При иллюзіяхъ, вещи, дѣйствительно существующія, уже самими чувствами ложно толкуются или принимаются совсѣмъ не за то, что онѣ въ дѣйствительности есть. Если кто-либо напр. принимаетъ важнаго барина за обезьяну, тотъ страдаетъ иллюзіями. Одинъ больной, принимавшій нѣкогда автора этой книги за министра, котораго онъ, вѣроятно, ужасно боялся, страдалъ иллюзіями. — Если кто-нибудь смотритъ на звѣздоноснаго дипломата или т. под., какъ на ангела, тотъ точно также, по понятіямъ науки, страдаетъ иллюзіями, хотя бы нѣкоторые, уличенные въ этомъ, и не желали согласиться съ нами. Если кто-нибудь напр. могъ видѣть германскаго императора гдѣ-либо въ кучѣ соломы, тотъ подверженъ иллюзіямъ, точно также, какъ и

*) Въ первомъ изъ моихъ психіатрическихъ писемъ я довольно подробно объяснилъ эти разстройства (стр. 18 и слѣд.).

тотъ, который принялъ бы одѣтаго въ черномъ іезуитскаго патера за олицетвореннаго, воплощеннаго діявола.

При галлюцинаціяхъ, напротивъ, образуются явленія, т. е. чувственные образы, которымъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительно, внѣшнимъ образомъ существующее. Эти образы взяты, такъ сказать, чисто изъ воздуха. Если напр. страдающій бѣлою горячкою, видитъ тамъ, гдѣ другіе люди ничего, кромѣ воздуха и земли не замѣчаютъ, бѣгающихъ кругомъ мышей, собакъ или служителей справедливости, тотъ страдаетъ галлюцинаціями

Но такимъ разстройствомъ могутъ быть подвержены всѣ чувства: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и ощущеніе. Кто принимаетъ палочные удары за объятія, тотъ страдаетъ иллюзіями и кто въ какомъ нибудь обществѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ пахнетъ лишь амбре, обоняетъ запахъ гнили, есть точно такой же несчастный иллюзіонеръ. Кто какой либо лоскутъ пепельно-сѣро-грязнаго цвѣта считаетъ нѣмецкимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, тотъ страдаетъ иллюзіею точно также, какъ и тотъ, который принялъ бы громъ или блеяніе козла за мейерберовскій маршъ изъ пророка, или за какое либо иное, художественное музыкальное произведеніе.

Слѣдуетъ смотрѣть на людей, страдающихъ такими обманами чувствъ (Sinneswahnbilder), какъ на бодрствующихъ сновидцевъ: *) они имѣютъ видѣнія (visiones), сносятся съ мертвецами и привидѣніями, слышатъ голоса изъ другихъ странъ, обоняютъ сѣрную лужу (Schwefelpfuhl) преисподней, ощущаютъ мучешія пытки, чувствуютъ вмѣшательство такъ наз. «міра духовъ» и т. д.

*) Аналогія между сномъ и сумасшествіемъ образуетъ содержаніе втораго изъ моихъ психіатрическихъ писемъ (стр. 37—53).

При иллюзіяхъ разстроены отдѣльныя чувства въ ихъ анатомо-психологическомъ отправленіи. При галлюцинаціяхъ же мозгъ самъ болѣзненно измѣненъ. Вѣдь извѣстно, что можно искуственно вызвать эти иллюзіи и галлюцинаціи, посредствомъ ядовитыхъ и т. п. веществъ.

Исторія колдуній учитъ насъ, что онѣ, благодаря ядовитой волшебной мази (Hexensalbe), воображали себя перенесенными на Блоксбергъ или на Брокенъ, праздновали тамъ свои діявольскія оргіи и т. д. Колдуньи думали, что все это онѣ дѣйствительно видѣли и чувствовали, даже самого діявола; онѣ думали это, — онѣ давали своимъ искусственно вызваннымъ картинамъ фантазіи полную вѣру и изъ-за этой вѣры давали себя пытать и сожигать. Здѣсь иллюзіи (видѣнія и т. п.) возбуждались ядовитыми мазями, которыя измѣняли кровь и болѣзненно питали мозгъ. *)

Извѣстно, что усиленіе (Steigerung) живыхъ представленій до видѣній случается при приливахъ крови и лихорадочныхъ состояніяхъ столь же часто, какъ и при искусственномъ возбужденіи мозга посредствомъ алкоголя. Когда Гоффманъ въ 1819 году лежалъ въ нервной горячкѣ, ему являлись каррикатурнѣйшіе образы. Онъ говорилъ, что, когда выздоровѣетъ, воспользуется ими для своихъ сказокъ. — Одинъ хозяинъ всегда видѣлъ діявола, если только предварительно напивался пьянъ. — Одной женщинѣ часто являлась душа ея умершаго мужа, но лишь тогда, когда она предварительно выпивала водки. *)

Но безконечно могуча и тяжела сила такихъ болѣзненныхъ состояній. Во время и вслѣдствіе этихъ состояній,

---

*) Такіи иллюзіи и галлюцинаціи каждый любитель можетъ вызвать у себя искусственно, посредствомъ гашиша, опіума, белладонны, угольнокислаго газа, мухомора и т. п. вещей.

*) Сотни, относящихся сюда примѣровъ, находятся въ «естественной исторіи привидѣній» Каруса Штерна.

нѣкоторые люди увлекаются до противозаконныхъ дѣйствій, даже доводятся до тяжкихъ преступленій. Эти обманы чувствъ имѣютъ принудительную власть: они становятся въ душѣ на мѣсто владыки, — на мѣсто разума.

Въ здоровомъ состояніи человѣкъ обладаетъ способностію произвольно и самостоятельно (слѣдовательно свободно) образовывать себѣ представленія (мысли), ихъ опять освѣжать, воспроизводить, приводить ихъ въ порядокъ и т. д. Слѣдовательно, здоровый человѣкъ есть господинъ своихъ мыслей и можетъ ими по произволу распоряжаться. Но это предполагаетъ психическую свободу и заключаетъ ее въ себѣ. При болѣзненныхъ же ненормальныхъ состояніяхъ, человѣкъ имѣетъ непроизвольныя, ложныя представленія. Эти ложныя представленія ему навязываются такъ, что онъ принужденъ принять ихъ. Но вездѣ, гдѣ галлюцинаціи и иллюзіи принимаются за подлинное, настоящее, гдѣ человѣкъ не усматриваетъ ихъ фантастичности, тамъ всегда свобода души стѣсняется или и совсѣмъ даже уничтожается. Какая-нибудь галлюцинація или иллюзія, принятая за дѣйствительностя, есть главный симптомъ душевной болѣзни. Книгопродавецъ и литераторъ Николаи въ Берлинѣ, надъ которымъ насмѣялся Гёте въ своей «Вальпургіевой ночи», страдалъ долгое время видѣніями, т. е. галлюцинаціями зрѣнія. Причиною этого было психическое возбужденіе и геморроидальныя состоянія. Николаи не былъ дуракъ: онъ усмотрѣлъ болѣзненность, обманчивость этихъ явленій. Но тысячи людей принимали и принимаютъ такія иллюзіи за дѣйствительность и уже сдѣлались или очень скоро сдѣлаются *дураками* (слово «дуракъ» здѣсь взято въ отдаленнѣйшимъ, т. е. въ народномъ значеніи этого слова).

Доколѣ человѣкъ еще говоритъ: мнѣ чувствуется, какъ будто тяжелый камень лежитъ на моей груди, — мнѣ кажется, будто я вижу какіе-то образы, — мнѣ случается,

будто я слышу громъ и т. д., — на него можно еще смотрѣть, какъ на психически здороваго, такъ какъ онъ обладаетъ еще контролемъ своего разсудка, съ помощію котораго онъ обозначаетъ сравнительнымъ образомъ свои ощущенія и впечатлѣнія чувствъ. Но коль скоро тотъ же человѣкъ говоритъ: «у меня дѣйствительно лежитъ камень на груди, я его чувствую, я его вижу», — или же, если онъ слышитъ громъ, или дѣйствительно видитъ образы тамъ, гдѣ для другихъ ничего не слышно или не видно: тогда у него начинается уже душевное разстройство, т. е. онъ уже дѣлается помѣшаннымъ. Контроль сознанія надъ кажущимся и дѣйствительнымъ уже потерянъ. Въ этомъ смыслѣ превосходнѣйшій и въ психологическомъ отношеніи величайшій драматическій поэтъ Шекспиръ совершенно правильно изображаетъ, какъ это происходитъ. Сначала Макбетъ говоритъ: «*мнѣ показалось, какъ-будто кто-то закричалъ мнѣ: не спи болѣе!*» Въ это время онъ еще имѣлъ полное сознаніе объ этомъ явленіи и придавалъ дѣлу правильное значеніе. Но когда онъ воскликнулъ: «*на весь домъ кричитъ мнѣ голосъ: не спи болѣе!*» — тогда уже и самое сознаніе его было поражено. — Принятыя за дѣйствительность галлюцинаціи исключаютъ вмѣненіе тѣхъ дѣйствій, которыя совершены вслѣдствіе этого обмана. *)

Вліяніе обмановъ чувствъ на порожденіе душевныхъ страданій, а вмѣстѣ съ ними также и духовной несвободы, должно быть ясно каждому, кто только обдумаетъ, что человѣкъ, пораженный въ своихъ чувствахъ, ставится этими самими своими чувствами въ положеніе чистаго обмана; кто далѣе обдумаетъ, что страдалецъ здѣсь дѣйствительно видитъ и слышитъ вещи, которыхъ здоровый и не слы-

*) Какъ галлюцинаціи и иллюзіи доводятъ до душевной болѣзни, равно какъ онѣ ее сопровождаютъ и поддерживаютъ, — это обстоятельно изложено въ моихъ психіатрическихъ письмахъ.

шитъ и не видитъ, не обоняетъ и не чувствуетъ; что, слѣдовательно, ложныя впечатлѣнія чувствъ должны также производить ложные или кажущіеся образы и ложныя представленія, изъ которыхъ, само собою разумѣется, и сила сужденія можетъ извлекать только ложныя заключенія. Вся цѣпь духовныхъ отправленій такимъ образомъ поддѣлана и переноситъ человѣка въ какой-то особенный, его собственный міръ кажущагося, несуществующаго и недѣйствительнаго. Совершенно то же, что въ мірѣ мыслей, происходитъ также и въ мірѣ чувствованій.

Обдумайте только обыденную фразу: «Was das Auge sieht, glaubt das Herz.» *) Фраза эта имѣетъ также значеніе и относительно страдающаго галлюцинаціями. Онъ думаетъ, что то, что онъ видитъ и слышитъ есть дѣйствительно то, о чемъ онъ думаетъ и чему онъ вѣритъ. Причина обмановъ чувствъ заключается большею частію въ духовномъ изнеможеніи, въ чрезмѣрномъ тѣлесномъ напряженіи, въ излишнемъ раздраженіи различныхъ первыхъ центровъ страстями, движеніями души, религіозными или піэтистическими излишествами: излишнею набожностію, ежедневнымъ сокрушеніемъ, строгимъ аскетизмомъ, постами, наказаніями и т. д. Частыя половыя возбужденія у обоихъ половъ, половое истощеніе, онанизмъ и т. д. даютъ точно также поводъ къ этимъ страданіямъ. Далѣе, еще приливы крови къ мозгу, усиленный напоръ крови или недостатокъ ея — бываютъ главными причинами такихъ страданій (Sinneswahnbilder). Люди здоровые не могутъ даже предчувствовать тѣхъ мученій пытки, которыя испытываютъ страдающіе галлюцинаціями, вслѣдствіе обмановъ чувствъ. Удивительно ли послѣ этого, если несчастный больной, чтобы

*) Что глазъ видитъ, тому и сердце вѣритъ!

избавиться отъ такихъ мученій, весьма часто вспоминаетъ о незаконныхъ средствахъ?

Но если мозгъ, какъ то всегда бываетъ, сильно возбуждается, вслѣдствіе болѣзненныхъ состояній, то возникаютъ странныя представленія, сбившееся съ толку мышленіе, заблужденія, помѣшательство ума, бредъ и т. д. А чѣмъ больше эти странныя, такъ сказать, чужія для человѣка представленія вторгаются въ его мыслительную сферу, тѣмъ безпокойнѣе онъ дѣлается и тѣмъ болѣе теряетъ онъ власть удерживать свои собственныя представленія (нормальныя). Здоровыя представленія борятся здѣсь съ больными, и такимъ образомъ возникаетъ споръ между мыслями, такъ что нѣкоторые, такого рода страдальцы при этомъ воображаютъ себѣ, будто у нихъ двѣ души, одна разумная, а другая неразумная, одна добрая, а другая злая. Такимъ-то образомъ иной человѣкъ устрашается, насилуется и притѣсняется своими же собственными мыслями и представленіями.

Мы здѣсь должны повторить изъ нашихъ психіатрическихъ писемъ, что чувственныя ощущенія образуютъ главный источникъ настроенія духа. Изъ попытокъ же объяснить себѣ это настроеніе, возникаютъ ряды представленій. Эти попытки образуютъ главную сумму помѣшанныхъ или ложныхъ представленій. Нестерпимое ощущеніе зуда напр., или тому подобное, невыразимое ощущеніе на кожу производитъ непріятное настроеніе духа. Причину этого настроенія больной старается объяснить и дѣлаетъ это въ смыслѣ своихъ взглядовъ на жизнь и т. п. Одинъ объясняетъ свои тягостныя чувствованія вліяніемъ колдовства или магнетическаго вліянія со стороны своихъ враговъ; другой — преслѣдованіемъ масоновъ (Freimaurer) и т. д. Духовидецъ (Visioner), больныя чувства котораго морочатъ его огненными кругами или пламенемъ, воображаетъ себя перенесен-

нымъ въ преисподнюю. Другой, носъ котораго чуетъ вездѣ трупный запахъ, воображаетъ себя заживо погребеннымъ и помѣщеннымъ среди мертвыхъ и т. д. Но такія ложныя представленія, вслѣдствіе своей силы, мало по малу начинаютъ господствовать надъ остальными, еще здоровыми представленіями и наконецъ пересиливаютъ ихъ. «Вѣдь что глазъ видитъ, тому и сердце вѣритъ.» Такъ оно бываетъ со всѣми чувствами. Но коль скоро человѣкъ не можетъ болѣе довѣрять свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ, то онъ уже попалъ въ страшный міръ заблужденій! Поэтому также, не всегда нужно предполагать обманъ тамъ, гдѣ мы слышимъ различныя чудеса или удивительныя вещи о великихъ или малыхъ мужчинахъ или женщинахъ. Магометъ имѣлъ такія же видѣнія, какъ и Лютеръ, который видѣлъ, слышалъ и обонялъ діявола.

Орлеанская дѣва, болѣзненная, нервная, истерическая дѣвушка (которая, говоря въ скобкахъ, не имѣла никогда мѣсячныхъ очищеній) разговаривала съ ангелами и святыми, которыхъ она часто видѣла. Русскій генералъ Шильдеръ, Сведенборгъ и тысячи другихъ мужей, сдѣлавшихся знаменитыми или интересными, страдали галлюцинаціями. Теософическій мечтатель Іоганнъ Энгельбрехтъ, который описалъ свои видѣнія въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, видѣлъ хоръ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, вокругъ трона Божія и слышалъ ихъ пѣніе и игру. — «Преувеличенная и черезъ-чуръ созерцательная набожность» говоритъ Августинъ Калметъ, великій аскетъ и игуменъ бенедиктинскаго монастыря въ Зенонѣ «можетъ такъ завладѣть душою, ее занять и сбить съ толку, что такія личности иногда думаютъ, будто онѣ слышатъ, видятъ и ощущаютъ нѣчто такое, чего на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ. И они тѣмъ менѣе подозрѣваютъ здѣсь обманъ, что дѣло само по себѣ кажется добрымъ и святымъ. Встрѣчались такія личности,

которыя въ ревностной набожности воображали себѣ, что видѣли Дѣву Марію, Іосифа, Младенца Іисуса, Ангела-Хранителя или Христа, еще живаго на Крестѣ и слышали ихъ разговоры. Многіе думали, что дѣйствительно дотрогивались до ранъ Господа, видѣли текущую изъ нихъ кровь, отвѣдывали ея и т. д. И все таки въ дѣйствительности все это было не такъ. Тоже самое можетъ случиться съ тѣми, которые думаютъ, что видятъ діявола во образѣ собаки, кошки и т. д.»

Многіе очень ясно слышатъ голоса, которые говорятъ въ нихъ извнутри. Нѣкоторымъ людямъ внутренній голосъ выкрикиваетъ ихъ преимущества и заслуги. Часто можно слышать, какъ такой человѣкъ самъ съ собою громко разговариваетъ, точно съ другимъ, ему постороннимъ лицомъ. Попеременно въ словахъ выражается то здоровое, то болѣзненное, то произвольное, то непроизвольное образованіе мыслей. Разговоръ ведется здѣсь между здоровою и больною частями души, между свободными и несвободными мыслями. «Оставь меня въ покоѣ», говоритъ такой человѣкъ, въ высшей степени раздраженный; но вскорѣ потомъ онъ говоритъ совсѣмъ другимъ голосомъ, (высказывая свои непроизвольныя идеи): «Что же я тебѣ дѣлаю? Вѣдь я тебѣ ничего не дѣлаю!» — «Какъ», взываетъ первый (естественный) голосъ, «ты мнѣ ничего не дѣлаешь? Ты стараешься меня испортить!» — «Молчи», отвѣчаетъ второй голосъ, «ты лжешь!» и т. д. Потому-то такіе люди и ихъ окружающіе думаютъ, что они «одержимы бѣсомъ». Въ тѣ времена, когда повсюду и всѣмъ мерещился чортъ (als man den Teufel überall an die Wand malte), на такія состоянія смотрѣли, какъ на прекраснѣйшія формы «бѣсованія» и заклинатели бѣсовъ при этомъ играли свою печальную роль. Даже сами больные думали и высказывали, что въ нихъ поселился злой духъ. Но въ жизни

очень часто случается, что различныя мысли и представленія, которыя навязываются человѣку, вслѣдствіе обмановъ чувствъ, даютъ поводъ ко всякимъ злымъ дѣламъ.

Во всѣхъ заведеніяхъ для умопомѣшанныхъ извѣстно изъ опыта, что если сумасшедшій производитъ, вдругъ или старается произвести какое-либо насильственное дѣйствіе, то это, по большей части, случается лишь вслѣдствіе галлюцинацій. — Такъ, одна женщина, послѣ употребленія экстракта бѣлены, видѣла вокругъ себя цѣлый міръ чертей. Чрезъ это она сдѣлалась до того сердитою и яростною, что хотѣла выпрыгнуть изъ окна. Другіе видятъ въ совершенно постороннихъ для нихъ людяхъ виновниковъ ихъ мучительныхъ и болѣзненныхъ обмановъ чувствъ и ощущеній; они узнаютъ въ совершенно невинномъ человѣкѣ массона (Freimaurer), который ихъ мучитъ посредствомъ магнетизма, врага, который постоянно ихъ ругаетъ; они видятъ полицейскаго служителя, который хочетъ тащить ихъ къ палачу. Желая избавиться отъ этого непріятнаго общества — виновниковъ своихъ мученій — страдающій галлюцинаціями убиваетъ людей, совершенно для него постороннихъ и ни въ чемъ неповинныхъ. Также и опытнѣйшій Гризингеръ говоритъ: «довольно часто опасные преступленія суть слѣдствія галлюцинацій. Въ каждое данное мгновеніе эти страданія могутъ довести человѣка до насильственныхъ дѣйствій надъ самими собою или же надъ другими, благодаря разнымъ голосамъ и видѣніямъ. Одной молодой дѣвушкѣ казалось, что дѣти на улицѣ кричали ей постоянно: «воровка! воровка!» Сначала она только гнѣвалась; но такъ какъ этотъ крикъ не унимался, то она разъярилась и камнемъ разбила одному дитяти голову такъ, что оно упало на землю мертвымъ. Даже въ тюрьмѣ еще она слышала подобный голосъ.—Одна бѣдная вдова еженочно слышала воззваніе души своего покойнаго мужа: «спаси

меня: я терплю ужасныя мученія!» Она заняла денегъ, чтобы отслужить панихиды.*) Но голосъ все таки продолжалъ взывать. Бѣдная женщина дала фальшивые залоги (Versatzpfänder), чтобы получить деньги и сдѣлалась — мошенницею.

Фейербахъ разсказываетъ въ своемъ сочиненіи: «Aktenmässige Derstellung merkwürdiger Verbrecher» о человѣкѣ, который убилъ одного несчастнаго поденьщика, потому что видѣлъ въ немъ чудовище съ рогами. Здѣсь сужденіе даже не было помрачено, ибо кто же не убилъ бы подобное чудовище? Логика также здѣсь была совершенно правильна. Недостатокъ же заключался здѣсь просто въ обманѣ чувства зрѣнія: видѣніе чудовища составляли здѣсь и страданіе и причину несчастія. — Одинъ 48-лѣтній кузнецъ (разсказываетъ намъ Маасъ) уже 8 дней, какъ сдѣлался поразительно печаленъ и безъ причины удалился отъ своихъ занятій и отъ своего дома. Однажды встрѣтился ему у воротъ замка одинъ чиновникъ, большая борода котораго произвела въ немъ иллюзію діявола. Съ восклицаніемъ: «это діяволъ, теперь я его попалъ!» бросается онъ съ длиннымъ кухоннымъ ножемъ на человѣка и, если бы

*) Но какъ люди, въ особенности слабыя души, могутъ быть наведены въ жизни на такія идеи, отраженіе которыхъ наружу производитъ тогда голосъ (галлюцинацію) — это можетъ быть понятно, если напр. услышать иныя проповѣди. Генрихъ Ноэ, славный и геніальный авторъ книги: «In den Voralpen» разсказываетъ между прочимъ въ своемъ «bairischen Seebuche» стр. 74, ч. I: «Когда я въ день поминовенія всѣхъ умершихъ (Allerseelentag)» проходилъ черезъ село св. Мартина, услышалъ я слѣдующія слова проповѣдника: «Когда вы сегодня совершаете набожныя молитвы и преклоняете колѣни у могилъ вашихъ умершихъ родителей, братьевъ, сестеръ, друзей, родственниковъ, развѣ вы тогда не слышите, что какой-то голосъ изъ земли взываетъ къ вамъ: «О, подайте мнѣ святое дароприношеніе!?» Въ это мгновеніе сильный сквозной вѣтеръ заставилъ меня уйти. (Примѣръ промышленнаго поощренія къ извѣстнымъ галлюцинаціямъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію!)

не подоспѣла сюда на защиту большая хозяйская собака управляющаго, то здѣсь непремѣнно совершилось бы убійство, которое однакожъ не могло бы быть вмѣнено убійцѣ.

Послѣ употребленія 24 гр. виннаго камня, у больнаго въ теченіе 6 дней исчезъ всякій слѣдъ душевнаго страданія, и потомъ человѣкъ этотъ вполнѣ выздоровѣлъ. Какъ трудно судьямъ и психіатрамъ установить здѣсь правильную точку зрѣнія! — Въ долинѣ П. въ Тиролѣ жилъ крестьянинъ (фамилія — Руфъ), который много занимался Св. Писаніемъ. Когда онъ однажды вечеромъ читалъ исторію Авраама, то былъ сильно пораженъ. Онъ ходилъ нѣкоторое время, погруженный въ свои мысли, взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ какая-то мысль, какъ молнія, пробѣжала въ его головѣ и въ то же время онъ услышалъ голосъ, который воззвалъ къ нему: «принеси также и ты эту жертву!» Онъ сильно испугался. Вскорѣ послѣ этого услышалъ онъ опять голосъ: «выполни жертву: Богъ того хочетъ!» Тогда онъ вышелъ, схватилъ свое дитя и сдѣлалъ такъ, какъ ему было приказано. — Одинъ меланхоликъ, рабочій на мельницѣ убилъ осла своего хозяина, за то что этотъ постоянно кричалъ ему: «воръ, воръ!» Онъ заплатилъ хозяину убытки. Но едва только оселъ былъ убитъ, какъ явился «духъ» осла и сталъ кричать ему тѣ же слова. Раздраженный этимъ въ высшей степени, несчастный бросился въ воду и нашелъ въ ней свою смерть. — Нѣкая Анна К., 31 года, показала на судѣ, что была изнасилована многими мужчинами ея общины. Когда она подкрѣпила клятвою свой извѣтъ, то всѣ обвиненные ею мужчины были посажены въ тюрьму. Продолжительнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что Анна К. страдала галлюцинаціями. Мужчины были освобождены, а больная заключена въ домъ умалишенныхъ, гдѣ она продолжала страдать подобными же галлюцинаціями. — При этомъ намъ приходятъ на умъ также

исторіи бѣсноватыхъ монахинь въ Лодюнѣ и т. под. монастырскія исторіи.

Тѣлесныя состоянія, какъ причины разстройствъ мышленія.

Чаще всего появляются разстройства мыслительной способности, вслѣдствіе напора или приливовъ крови къ головному мозгу. Бываютъ люди, которые постоянно страдаютъ такими приливами и которые поэтому постоянно обнаруживаютъ что-то своеобразное и странное въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствій. Они часто прикладываютъ руку къ головѣ, проводятъ рукою по лбу и хватаются за волоса. Ненадежность, непостоянство, измѣнчивость, своенравіе, раздражительность, упорство, отвращеніе отъ труда — часто отличаютъ такихъ страдальцевъ. Они имѣютъ рѣшительное отвращеніе отъ лежанія на спинѣ, долго остаются въ стоячемъ положеніи и охотно кладутъ голову на холодныя каменныя стѣны. Если такой человѣкъ усиливаетъ возбужденіе своего мозга, вслѣдствіе ли употребленія спиртныхъ напитковъ, или же вслѣдствіе другихъ вещей, ведущихъ къ напору крови къ головѣ, то онъ очень часто впадаетъ въ ужасное помѣшательство. Голова постоянно нуждается въ извѣстномъ нормальномъ притокѣ крови въ умѣренномъ количествѣ и притомъ въ нормальной смѣси. Прежде всего долженъ происходить достаточный приливъ артеріальной свѣтло-красной крови, а отливъ венозной темной крови не долженъ быть стѣсненъ для того, чтобы мозгъ могъ безпрерывно отправлять свою нормальную дѣятельность. Если въ мозгу остается слишкомъ много темной крови, то возникаютъ разстройства разсудка, точно также какъ и въ томъ случаѣ, когда къ мозгу притекаетъ слишкомъ много свѣтлаго жизненнаго сока. При свободномъ и соразмѣрномъ

кровообращеніи въ мозгу, когда обмѣнъ матеріи совершается нормально, и отправленія души — свѣтлы и ясны; при вяломъ же и медленномъ кровообращеніи, они — лѣнивы и помрачены. При извѣстномъ, соотвѣтствующемъ организму, изобиліи крови, человѣкъ, вслѣдствіе своихъ хорошихъ мыслей и здороваго мышленія, обыкновенно бываетъ отваженъ, мужествененъ, бодръ и рѣшителенъ. Недостатокъ же крови, напротивъ, дѣлаетъ его боязливымъ, малодушнымъ, трусливымъ, робкимъ и нерѣшительнымъ. Поэтому-то больные сердцемъ, у которыхъ разстроено свободное кровообращеніе и въ мозгу останавливается слишкомъ много темной крови или же туда приливаетъ слишкомъ мало свѣтлой, большею частію страдаютъ психическими разстройствами, хотя часто и въ слабой степени. Однако всѣ такого рода страдальцы раздражительны, робки, трусливы и боязливы.

Одинъ мальчикъ, который былъ наблюдаемъ долгое время, выработалъ въ себѣ два совершенно различные характера, смотря по степени силы, съ какою кровь притекала къ мозгу. Когда онъ сидѣлъ прямо, такъ что къ мозгу притекало менѣе крови, онъ казался апатичнымъ и былъ ворчливъ, когда же онъ лежалъ, то его душевныя силы, вмѣстѣ съ свободнѣйшимъ притокомъ крови къ головѣ, очевидно увеличивались: онъ становился живѣе, разговорчивѣе и былъ разсудителенъ въ высокой степени. Также и Лихтенбергъ говоритъ: «я самъ хорошо замѣтилъ, что когда лежу, то имѣю о какомъ-либо предметѣ совершенно иное мнѣніе, чѣмъ когда стою!» Тоже и Гербартъ: «это вѣрно, что иногда мысль, которая приходитъ въ голову, когда лежишь, не приходитъ болѣе, когда стоишь.» Потому-то многіе мыслители часто бываютъ производительнѣе всего и геніальнѣе, когда лежатъ въ постели. Подобное же, навѣрное, каждый могъ уже испытать на самомъ себѣ.

Какъ вслѣдствіе ядовитыхъ средствъ качественно разстроенная кровь можетъ произвести сначала самыя странные обманы чувствъ, потомъ ложныя мысли и въ заключеніе безумныя дѣйствія; такъ точно и разстроенное кровообращеніе, какая-либо помѣха въ циркуляціи крови, можетъ, вслѣдствіе происходящей отъ этого ненормальной ассоціаціи мыслей, принудить человѣка къ совершенію величайшихъ преступленій. Иной человѣкъ, навѣрное, не совершилъ бы преступленія, если бы ему своевременно пустили кровь! Цареубійца Равальякъ явился передъ самымъ совершеніемъ преступленія къ одному хирургу и неотступно требовалъ, чтобы ему пустили кровь. Такъ какъ этого не сдѣлали, то онъ ушелъ прочь и совершилъ ужасное преступленіе.

Такъ-то непосредственно изъ мозга возникаютъ чаще всего разстройства мыслительной способности. Потрясенія, болѣзненныя ново-образованія, воспаленія мозга и его оболочекъ, нарывы или язвы въ мозгу, размягченіе, затвердѣніе, наросты, внутреннія опухоли (раковаго или сафилистическаго свойства) — очень часто производятъ такія поврежденія разсудка. Руфъ разсказываетъ объ одномъ священникѣ въ А., который за свой добрый характеръ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и потомъ вдругъ на 62-мъ году жизни сдѣлался ворчливъ, лѣнивъ, сталъ забывать свои обязанности, пить и т. п. Никто не могъ себѣ уяснить внезапной перемѣны въ характерѣ этого человѣка. Когда онъ умеръ, то всѣ органы его тѣла оказались здоровыми, за исключеніемъ, впрочемъ, головы, гдѣ между черепомъ и мозгомъ найдено было странное ново-образованіе, которое въ томъ мѣстѣ совершенно сдавливало мозговую массу. — Жена одного друга и товарища автора этого сочиненія, въ высшей степени образованная женщина, увлеклась до величайшихъ глупостей, излишествъ и т. п.;

наконецъ вскочила она въ воду, была спасена и умерла въ припадкѣ бреда (delirium). Вскрытіе обнаружило болѣзненный наростъ извнутри лобной кости къ мозгу. — Въ томъ же мѣстѣ умеръ священникъ, прежде очень умный, разсудительный и съ богатою фантазіею человѣкъ, а послѣ, на старости лѣтъ, совершившій величайшія глупости и чудачества. Точно также нашлась и здѣсь экзостоза (exostose), т. е. дикая опухоль на черепной кости. Но какъ часто обнаруживались бы подобныя же измѣненія въ головномъ мозгу при поразительныхъ перемѣнахъ въ психической жизни отдѣльныхъ личностей? Но такъ какъ мозгъ, какъ мы уже многократно убѣждались въ этомъ опытомъ, въ своей дѣятельности зависитъ также и отъ другихъ частей тѣла, по причинѣ тѣснѣйшаго соотношенія обмѣна матеріи и взаимнаго соприкосновенія частей тѣла между собою: то мыслительная способность можетъ точно также разстроиться, вслѣдствіе заболѣванія сердца, печени, селезенки, желудка и т. п. Уже послѣ обѣда, во время пищеваренія, думается не такъ легко, часто даже совсѣмъ иначе, чѣмъ натощакъ. — Plenus venter non studet libenter! *)

Больной селезенкою напр., у котораго послѣ долгой затянувшейся лихорадки удержалась опухоль этого органа, порицаетъ все и ворчитъ постоянно: все не по немъ, все ему не нравится. — Моментальное, какъ бы конвульсивное возбужденіе въ мысляхъ и поступкахъ обозначаетъ больнаго сердцемъ. Въ другое время, напротивъ, онъ опять медлителенъ въ своей манерѣ мыслить и приходитъ иногда въ отчаяніе. — Кто не знаетъ наклонности сердиться при разстройствахъ отдѣленія желчи? — Часто мышленіе не разстраивается собственно чрезъ заболѣваніе другихъ органовъ, а только лишь помрачается. При разстройствахъ

*) Сытое брюхо къ ученію глухо. (посл.)

растительныхъ процессовъ, возникаетъ фантастическое мышленіе; при разстройствахъ половыхъ отправленій — сладострастное. Вообще, гдѣ на идеальный образовательный процессъ чрезмѣрно вліяетъ матеріальный, гдѣ на голову слишкомъ сильно вліяетъ желудокъ и животъ, тамъ человѣкъ «фантазируетъ» очень охотно.*) Большая часть больныхъ этого рода имѣютъ поэтическую природу. **)

У людей же, у которыхъ преобладаетъ фантазія, измѣняются также и представленія. Этими, различно-окрашенными и часто сдѣлавшимися черезъ-чуръ живыми, представленіями человѣкъ можетъ быть сбитъ съ толку и, не будучи еще, впрочемъ, сумасшедшимъ, рѣшаться на глупѣйшія поступки, даже совершать явныя нарушенія закона. Людей такого рода обыкновенно называютъ фантазерами, мечтателями. Даже въ отношеніи сновидѣній существуютъ у различныхъ личностей совершенно различные характеры. Полнокровный грезитъ совсѣмъ не такъ, какъ малокровный. Больной лихорадкою видитъ не тѣ сны, что чахоточный, а

*) Поэтому многіе, какъ Шталь, Галлеръ и въ новѣйшее время философская школа Гюнтера, принимаютъ для объясненія фантастическихъ представленій возлѣ «anima rationalis», еще какую-то «anima vegetativa.» Такъ и Гюнтеръ принимаетъ мыслящую душу», (denkende Seele) возлѣ «естественной души» (Naturseele), которая есть пластическое начало (plastische Prinzip) жизни.

**) Очень многіе поэты и художники знаютъ очень хорошо, что раздражающія средства, которыя поощряютъ растительную жизнь, аффицируютъ также и міръ мыслей. «Изъ вина проистекаютъ мысли», а пуншомъ, ромомъ, грогомъ и кофе, который, какъ говоритъ Молешотъ, «питаетъ производящую образы силу мозга». — воодушевляются еще и теперь многіе художники и поэты, вообще бѣдные фантазіею и не особенно богатые мыслями. Уже старый Іоганнъ Римеръ говоритъ въ 1673 г.: «Слово «poeta», кажется, произошло отъ «potus». Если поэту уже ничто не помогаетъ, то онъ бросается къ вину, и оно, навѣрное, посадитъ его на сѣдло Пегаса.» Этимъ способомъ, какъ говоритъ поэтъ и виртуозъ Гоффманъ «взвинчиваются нервы».

больной сердцемъ — не тѣ, что страдающій ракомъ. Но тамъ, гдѣ разстроенные органы брюшной полости производятъ свое вредное вліяніе на мышленіе, больные тревожатся и мучатся «злыми мыслями», которыя всѣ снизу восходятъ вверхъ. Злыя мысли гнѣздятся большею частію, какъ извѣстныя насѣкомыя, лишь въ больныхъ организмахъ. Здоровье и сила тѣла — всегда наилучшая охрана отъ этого зла. Такъ человѣкъ очень часто носитъ «злое» съ собою или въ себѣ и съ трудомъ можетъ избѣгнуть злыхъ искушеній, ибо они сидятъ въ немъ самомъ. Часто бываетъ легко и большею частію возможно убѣжать отъ врага, который является извнѣ; уйти же отъ врага, который сидитъ внутри тѣла, невозможно, доколѣ душа заключена въ этомъ тѣлѣ. Поэтому-то для такихъ несчастныхъ остается лишь одно единственное средство для того, чтобы убѣжать отъ этого злаго врага — освобожденіе души отъ обременяющаго ее тѣла — самоубійство. — Такимъ образомъ многія злыя мысли, которыя являются и исчезаютъ противъ воли человѣка (смотря потому, усиливаются или ослабѣваютъ извѣстныя страданія), зараждаются in nobis, т. е. въ насъ, но sine nobis, т. е. безъ насъ, безъ нашего содѣйствія, какъ говорятъ старые казуисты. «Плоть наша, наше тѣло, производитъ очень много излишнихъ мыслей, которыя никакъ нельзя искоренить основательно», говоритъ уже Григорій Великій. Совершенно справедливо, что мыслитъ умъ; но содержаніе мыслей очень часто получается изъ какого либо другаго мѣста. Пустой, голодающій желудокъ, производитъ много вредныхъ для души мыслей, тогда какъ съ другой стороны когда этотъ мѣшокъ переполнится, умъ мыслитъ лишь вяло, медленно и мало. Вотъ почему многіе обвиняемые жалуются, что они сами совсѣмъ не знаютъ, какъ такія преступныя мысли появились въ ихъ душѣ. Такъ, иные люди страшатся своихъ мыслей, которыя часто не

суть даже ихъ собственныя, а принадлежатъ, такъ сказать, ихъ желудку или ихъ половымъ органамъ.

Иногда болѣзненныя представленія и мысли возникаютъ съ такою силою, что стѣсняютъ не только всѣ прочія мысли, но и могущественно дѣйствуютъ на волю. Представленія воли понуждаютъ къ дѣйствію. Какъ чувствованія, тѣмъ скорѣе становятся побужденіями, чѣмъ они сильнѣе; такъ точно изъ извѣстныхъ представленій. тѣмъ скорѣе развивается желаніе, чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе они обнаруживаются. Поэтому сильнѣйшія представленія, въ особенности же именно болѣзненныя, (налагающія на сознаніе, такъ сказать, почти полное запрещеніе) вынуждаются наконецъ къ переходу въ дѣйствія. Представленія обращаются тогда въ вынужденное, несвободное дѣйствіе. Поэтому Шиллеръ заставляетъ своего «преступника изъ-за потерянной чести» воскликнуть: «я не постигаю, какимъ образомъ я дошелъ до этого убійства.» Многочисленные и различнѣйшіе примѣры показываютъ, какъ такіе ряды болѣзненныхъ мыслей, такъ могущественно дѣйствующіе, часто вытѣсняющіе все сознаніе человѣка, доводятъ его до преступнаго дѣянія. Приведемъ здѣсь нѣсколько. Одна женщина совершаетъ величайшія преступленія, ибо она безпрерывно преслѣдуется мыслію, что она уже проклята и должна пополнить мѣру своихъ грѣховъ. Одинъ солдатъ умерщвляетъ свою жену и своихъ дѣтей. ибо его постоянно мучитъ мысль о томъ, что онъ долженъ убѣжать отъ испорченнаго свѣта и чрезъ это пріобрѣсти себѣ заступничество, ходатайство на небесахъ. — Одна служанка отравила одну старую крестьянку, потому что ею вполнѣ овладѣла мысль, что она и ея возлюбленный околдованы этою женщиною. — Убійцы своихъ собственныхъ дѣтей образуютъ совсѣмъ особенную категорію душевно-разстроенныхъ, о которыхъ сдѣлать правильное заключеніе

передъ судомъ весьма затруднительно. (Это и Гризингеръ говоритъ). Многіе изъ этихъ убійцъ — пьяницы или иначе деморализированные люди, но тѣмъ не менѣе — и помимо этого — они очень часто душевно-разстроенные индивиды. Большая часть изъ нихъ, по совершеніи преступленія, объявляютъ, что побудило ихъ къ этому желаніе защитить своихъ дѣтей отъ несчастной жизни, нужды и стыда, предавая ихъ смерти. Разумѣется, мотивъ этотъ уже самъ по себѣ вполнѣ неразуменъ! Вѣдь дѣти даже самаго испорченнаго пролетарія при счастливыхъ условіяхъ, при извѣстныхъ случайностяхъ и т. п., могутъ иногда дойти даже до самой лучшей, счастливѣйшей и честнѣйшей жизни! — Также случилось разъ, что одинъ отецъ (Seitz), по ужасномъ умерщвленіи своихъ трехъ дѣтей, обмылъ свои руки, потомъ совершенно спокойно и беззаботно легъ на траву и проспалъ два часа. Но онъ былъ неспособенъ ни къ какому раскаянію въ своемъ поступкѣ.

Всегда при такихъ ужасныхъ и безчеловѣчныхъ дѣяніяхъ слѣдуетъ помнить, что самимъ поступкамъ такихъ людей можетъ быть дано именно столько же вѣсу, сколько и ихъ словамъ, когда дѣло идетъ объ обсужденіи ихъ душевнаго состоянія, т. е. ихъ психической свободы. Поступки и рѣчи поэтому должны быть постоянно сравниваемы въ ихъ взаимной связи и соотношеніи, при такомъ обсужденіи. Въ этомъ смыслѣ и Шиллеръ въ своемъ «Verbrecher aus verlorener Ehre» говоритъ совершенно правильно: «чтобы быть справедливыми, мы должны быть уже знакомы съ человѣкомъ, еще прежде, чѣмъ онъ дѣйствуетъ, мы должны видѣть, не только какъ онъ совершаетъ свои дѣйствія, но и какъ онъ ихъ желаетъ совершить. Для насъ должны быть безконечно важнѣе его мысли, чѣмъ его поступки, и гораздо важнѣе источники его мыслей, чѣмъ послѣдствія его поступковъ. Судья долженъ былъ бы не

такъ часто заглядывать въ книгу законовъ, какъ въ душу обвиняемаго. Изслѣдовали почву Везувія, чтобы уяснить себѣ возникновеніе его изверженій; почему же на нравственныя явленія обращаютъ менѣе вниманія, чѣмъ на физическія?»

Въ уголовныхъ случаяхъ можетъ и должно очень часто само совершенное дѣяніе давать существенный вносъ для отвѣта на вопросъ о томъ, помѣшанъ ли дѣятель, такъ какъ въ самомъ дѣяніи часто уже заключаются несомнѣнные признаки сумасшествія. Даже можно себѣ представить и такіе случаи, гдѣ уже изъ самаго свойства дѣянія можно вывести главное основаніе для признанія сумасшествія. Въ особенности сюда слѣдуетъ отнести отдѣльные случаи жестокаго умерщвленія собственныхъ дѣтей. Однако во множествѣ случаевъ непозволительно уже изъ самого дѣянія заключать о сумасшествіи. Обыкновенно здѣсь скорѣе всего слѣдуетъ прямо стремиться къ тому, чтобы опредѣлить признаки возникновенія сумасшествія, его симптомы и теченіе, еще до совершенія преступнаго дѣйствія, внѣ его и совершенно отъ него независимо, для того, чтобы доказать какъ-нибудь убѣжденіе въ сумасшествіи индивида и въ томъ, что дѣяніе возникло изъ психически-болѣзненныхъ мотивовъ. Противоположный пріемъ, — т. е. принятіе всегда самого дѣйствія за существенный критерій какого-либо болѣзненнаго состоянія, — привелъ къ ученію о мономаніи, которое сдѣлалось равно опаснымъ и для науки и для практическаго ея примѣненія.

Психическія состоянія, какъ причины разстройствъ мышленія.

Мы уже видѣли, какъ болѣзненныя состоянія тѣла могутъ вредно вліять на мыслительную способность. Но здоровье души часто столь же мало зависитъ отъ насъ,

какъ и здоровье и благосостояніе тѣла. Вспомнимъ только, что укушеніе ядовитой змѣи (Kupferratter) или бѣшеной собаки и т. д. можетъ довести человѣка до бѣшенства. Бѣшеная ягода (Tollkirsche) потому такъ названа, что дѣлаетъ неистово-бѣшеными тѣхъ, кто ее употребитъ въ пищу. Точно также и головокруженіе, къ которому очень многіе часто бываютъ склонны, вслѣдствіе тѣлесныхъ страданій, въ состояніи помутить разсудокъ или даже мгновенно его уничтожить.

Но и состоянія чисто психическаго свойства, какъ аффекты, напр. ужасъ, страхъ, испугъ, замѣшательство, смущеніе — могутъ затормазить интеллектуальныя силы человѣка, а иногда и совершенно ихъ подавить. — Очень многіе подъ вліяніемъ извѣстныхъ аффектовъ теряютъ все свое «присутствіе духа», т. е. разсудительность. Гдѣ же прекращается разсудительность, тамъ уже не существуетъ болѣе ни свобода мышленія, ни свобода дѣйствія. *)

Также нерѣдко появленію дѣйствительнаго разстройства разсудка предшествуютъ: чрезмѣрное возбужденіе, страстность и аффекты. Такіе предвѣстники болѣзни должны быть контролированы точнѣйшимъ образомъ. Только позже, когда изъ этихъ предвѣстниковъ развилось уже настоящее сумасшествіе, обыкновенно открываются глаза у окружающихъ больнаго. Но если передъ дѣйствительнымъ появленіемъ полнѣйшаго душевнаго страданія совершается какое-либо нарушеніе закона, то судья очень часто обманывается въ своемъ сужденіи. и такіе больные разсматриваются какъ преступники. Всѣ опытные психіатры вполнѣ согласны съ мнѣніемъ опытнѣйшаго спеціалиста Дамерова, который также объ этомъ говоритъ: «Я могъ бы доказать нѣкоторыми примѣрами,

*) Домрихъ въ своемъ соч. «Psichische Zustände» приводитъ относящіеся сюда, интересные примѣры, именно касательно вліянія ужаса или страха на разсудокъ (стр. 270 и слѣд.)

что люди, которые за свои дѣла посажены въ тюрьмы исправительные и смирительные дома, только впослѣдствіи уже были сданы туда, куда ихъ слѣдовало посадить съ самаго начала, т. е. въ домы умалишенныхъ.»

Мозгъ, какъ мы уже часто это и прежде высказывали, есть не только органъ мышленія, но также и органъ воли и ощущеній (чувствованій). Но хотя мозгъ, въ своихъ отправленіяхъ, кажется какъ бы раздѣленнымъ на три части и является органомъ тройственной дѣятельности; тѣмъ не менѣе онъ все таки представляетъ одно вполнѣ и гармонически законченное цѣлое; здѣсь — и раздѣленіе и различіе, и въ то же время — единство. Три главныя части мозга органически соединяются между собою. Отсюда-то и происходитъ извѣстный переходъ одного отправленія въ другое. Поэтому же самому всегда бываетъ также болѣе или менѣе сильное сочувствіе другихъ частей мозга и ихъ отправленій, если одна изъ нихъ сильно возбуждена. Здорово ли, или болѣзненно это возбужденіе, это вообще все равно. Здѣсь происходитъ то же самое, что на какомъ-нибудь струнномъ инструментѣ, гдѣ если ударить по одной струнѣ, то и другія въ резонансѣ будутъ звучать слабѣе или сильнѣе. Изъ этой тройственности отправленій и изъ этого единства органической субстанціи *) и объясняется тотъ дознанный опытомъ фактъ, что если напр. мыслительная способность разстроена, то сферы чувствительная

*) Эта троичность душевныхъ (мозговыхъ) отправленій, при единствѣ всей душевной жизни и единствѣ органа, живо напоминаетъ мнѣ христіанское ученіе о св. Тройцѣ. Три различныя особи и только одинъ единственный, нераздѣльный Богъ. Здѣсь—три отправленія души и только одинъ органъ души съ однимъ единственнымъ, духовнымъ принципомъ. Богъ Отецъ есть любовь. Богъ-Сынъ есть выраженная мысль, т. е. слово (λόγος) Богъ Духъ Святый есть дѣло. Уже св. Августинъ, геніальный епископъ Гиппіи, обратилъ вниманіе на эту аналогію между тремя отправленіями души и тріединочностію Пресвятой Тройцы.

и желательная, будучи болѣе или менѣе вовлечены въ страданіе, также помрачаются и разстраиваются.

Если только мы ясно представимъ себѣ это, то намъ уже отсюда станетъ понятно, чего слѣдуетъ держаться относительно общеизвѣстныхъ, такъ назыв. «мономаній». Мы ихъ теперь разсмотримъ поближе.

Мономанія.

Такъ какъ *мономанія*, т. е. собственно помѣшательство отдѣльныхъ побужденій (Tollheit einzelner Triebe) обыкновенно сводится на помѣшательство отдѣльныхъ опредѣленныхъ представленій и мыслей (Tollheit einzelner Vorstellungen und Gedanken), то мы здѣсь и будемъ говорить о нихъ. Слово «мономанія» создано Эскиролемъ и обозначаетъ слѣдующее. Возможно, что при совершенномъ душевномъ здоровьи одна единственная idée fixe, т. е. господствующая идея, (monos единственный, mania помѣшательство) до такой степени вдругъ моментально и временно овладѣваетъ человѣкомъ, что онъ можетъ совершить воровство, поджигательство и другія преступленія, не будучи отвѣтственнымъ за это. — Но въ этомъ смыслѣ не бываетъ мономаній. Невозможно, чтобы существовало одно единственное господствующее представленіе, со всею силою побуждающее волю обнаружиться въ дѣйствіи, съ однимъ односторонним болѣзненнымъ стремленіемъ, при полнѣйшемъ здоровьи всѣхъ прочихъ отправленій души. Скорѣе всего бываетъ такъ, что если нормальна вся жизнь души, то возникновеніе такихъ, такъ наз. «стремленій» къ воровству или убійству и проч. есть чисто психологическая невозможность.

Mania sine delirio, т. е. сумасшествіе безъ страданія или безъ разстройства познавательной способности, есть точно также психологическое противорѣчіе. Вѣдь стремленіе вредить, разстраивать что-либо или раз-

рушать, невозможно безъ предварительнаго мышленія объ этомъ. Но именно этотъ пунктъ «мономаній» подалъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ о способности мономановъ ко вмѣненію. Принятіе этой «manie sans délire», при которой предполагается существующимъ непреодолимое стремленіе къ какому-нибудь насильственному дѣйствію, безъ всякаго чувственнаго разстройства, было призвано къ жизни Пинелемъ. Позднѣе къ этому, какъ бы необходимо, присоединился тотъ взглядъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено безъ понятнаго мотива, все таки, однако, должна была, по крайней мѣрѣ, имѣть мѣсто какая-либо безумная идея. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ и пользовались передъ судомъ выраженіемъ «мономанія». Но именно эти мономаніи произвели столь сильное недовѣріе къ содѣйствію врачей въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ требовалось судебно-психіатрическое изслѣдованіе, и Реньо (Regnault), несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, все таки высказалъ весьма справедливую критику ложныхъ претензій многихъ врачей. *) Споръ о томъ, возможно ли существованіе одной единственной idée fixe при вполнѣ и совершенно, за исключеніемъ этого, здоровомъ состояніи души, потому не привелъ ни къ какому результату, что не касался самаго существа психическаго разстройства. Мы хотимъ именно знать: здоровъ ли душевно или болѣнъ тотъ или другой человѣкъ? Но если бы было возможно, чтобы кто-либо могъ имѣть одну только idée fixe, то слѣдовало бы въ такомъ случаѣ сказать, что одна ложная идея еще не дѣлаетъ человѣка душевно-больнымъ. Но скорѣе всего можно считать фактомъ, что обыкновенно, при существованіи какой-либо idée fixe, дѣло не останавливается на этомъ, но человѣкъ очень легко и быстро переступаетъ

*) Въ своей книгѣ «Судебно-медицинское мнѣніе врачей о сомнительныхъ психическихъ состояніяхъ». 1830.

предѣлы этой идеи. Она производитъ многія новыя ложныя мысли, мало-по-малу стѣсняетъ чрезъ это здоровыя и такимъ образомъ первая idée fixe становится началомъ настоящаго сумасшествія. Но тогда уже человѣкъ болѣе не мономанъ; онъ сумасшедшій или душевно-больной. Если далѣе точнѣе изслѣдовать жизнь, т. е. психическое состояніе такъ наз. мономановъ, то можно всегда найти одновременно и дальнѣйшія разстройства и аномаліи чувствованій и т. д., которыя однако не всегда должны непремѣнно, такъ сказать, выноситься на-показъ или высказываться. Это основывается именно на переходѣ душевныхъ дѣятельностей одна въ другую.

Если считать душевнымъ здоровьемъ гармонію всѣхъ отправленій души, то дисгармонія этихъ отправленій будетъ болѣзнь. Если же одна какая-нибудь ложная идея господствуетъ съ такою силою, что принуждаетъ человѣка къ превратнымъ дѣйствіямъ, то отправленія души не остаются при этомъ свободными. Можно, правда, очень здраво, повидимому, очень «разумно» разсуждать объ обыкновенныхъ предметахъ обыденной жизни и тѣмъ не менѣе обнаруживать своими дѣйствіями и упущеніями достаточное помѣшательство.

Изъ прежде приведенныхъ уже примѣровъ мы ясно видѣли, какъ напр. слѣдуетъ смотрѣть на мономанію убійства. То нѣчто необъяснимое, чѣмъ, какъ думали, злодѣй принуждается къ преступному дѣйствію, было: либо обманы чувствъ, либо галлюцинаціи, либо постоянныя болѣзненныя состоянія чувства, духа и т. п. Подобнымъ же образомъ и мономанія воровства и стремленіе къ поджигательству не устояли на судѣ передъ строгимъ контролемъ психологическимъ и психіатрическимъ. При склонностяхъ или стремленіяхъ причинять зло, разрывать платья, прятать дорогія вещи, разламывать мебель, красть и т. п. – больные инди-

виды руководятся то потребностію обнаружить свое болѣзненное настроеніе, то какими-нибудь извѣстными мотивами. Часто это галлюцинаціи, которыя здѣсь выступаютъ повелительно; или же это — стремленіе дать себѣ отдыхъ отъ внутренняго безпокойства или тоски, посредствомъ какого-нибудь поразительнаго, дерзкаго дѣйствія; или же, наконецъ, разнаго рода безумныя мысли являются причинами такъ наз. болѣзненныхъ побужденій и стремленій. — Одинъ больной выбиваетъ всѣ окна, которыя только онъ могъ достать, и дѣлаетъ это съ величайшимъ спокойствіемъ и откровенностію, чтобы только достать стекла для заткнутія мышачьихъ дыръ. — Другой поднимаетъ печку, чтобы закурить свою трубку; а третій перебилъ множество стульевъ и на вопросъ врача, какъ онъ дошелъ до такихъ безумныхъ побужденій, отвѣчалъ совершенно хладнокровно, даже не поднимая взоровъ, нисколько притомъ не прекращая своего разрушительнаго дѣла: «Да, философія должна одержать побѣду надъ эстетикою» и т. д.

Но больные бываютъ очень часто въ высшей степени воздержны при объявленіи своихъ дѣйствительныхъ мотивовъ, ибо они иногда ихъ стыдятся и т. п., и кое-что въ такихъ случаяхъ напоминаетъ сцену у Шекспира, въ которой Фальстафъ, приведенный въ замѣшательство вопросами, постоянно отвѣчалъ: «in Steifleinen» («въ клеенкѣ»). Душевно-разстроенный имѣетъ всегда для себя достаточные мотивы своихъ дѣйствій. Ошибоченъ обыкновенный взглядъ многихъ непосвященныхъ въ науку, что душевно-больной дѣйствуетъ безъ мотивовъ. Дѣяній безъ мотивовъ обыкновенно не бываетъ вообще. Откуда бы вообще взялось дѣйствіе, если бы оно не было вызвано лежащимъ внѣ его психическимъ элементомъ? Дѣйствія людей душевно-больныхъ отличаются отъ дѣйствій людей здоровыхъ, въ отношеніи мотивовъ, единственно лишь тѣмъ, что мотивы боль-

ныхъ произведены такимъ образомъ и суть такого свойства, что они у того же самаго человѣка, когда бъ онъ былъ здоровъ, совсѣмъ не были бы мотивами. Напр. одинъ человѣкъ убиваетъ другаго, потому что принимаетъ его за діявола. Мотивомъ служитъ здѣсь разъ представленіе, происшедшее изъ болѣзненнаго разстройства; далѣе, та же самая ложная мысль, еслибъ она появилась у человѣка здороваго, ни въ какомъ случаѣ не могла бы сдѣлать его убійцею. Этотъ послѣдній пунктъ рѣшаетъ дѣло. Только у душевно-разстроеннаго такая идея можетъ сдѣлаться мотивомъ къ дѣйствію, хотя подобная же мысль можетъ придти въ голову и такому человѣку, котораго ни въ какомъ случаѣ, только изъ-за этого одного ложнаго представленія еще нельзя счесть душевно-больнымъ.

Теперь намъ собственно слѣдуетъ говорить о болѣзненныхъ побужденіяхъ, т. е. о такихъ побужденіяхъ, которыя обнаруживаются либо безъ всякаго кажущагося мотива, безъ всякаго ложнаго представленія (по Пинелю «manie sans délire»), либо о такихъ ложныхъ побужденіяхъ, (Wahntriebe), которыя должны быть только слѣдствіемъ одной единственной idée fixe, при совершенно неприкосновенной, за исключеніемъ этого, душевной силѣ. — Мы собственно подошли къ предмету, о которомъ слѣдовало бы говорить въ ближайшей главѣ (о разстройствахъ побужденій). Однако, такъ какъ здѣсь дѣло шло главнымъ образомъ о ложныхъ идеяхъ и о болѣзненныхъ представленіяхъ, то мы должны были здѣсь сейчасъ же говорить и о мономаніяхъ. Но несомнѣнно, что не было еще ни одного случая маніи, гдѣ бы способность сознательнаго представленія и разсудокъ совсѣмъ не подверглись разстройству. Даже въ самыхъ слабыхъ степеняхъ маніи, способность представленія принимаетъ участіе во всеобщемъ возбужденіи

въ видѣ сильно экзальтированнаго состоянія или же въ видѣ сбивчивости.

Во время же самыхъ припадковъ неистовства, не можетъ быть и рѣчи о спокойномъ и ясномъ представленіи. Уничтоженіе духовной свободы и невмѣняемость, при совершеніи такихъ дѣйствій лишь, рѣдко основываются у такихъ больныхъ на томъ, что они совершенное дѣйствіе никакъ не могли не исполнить; скорѣе же и большею частію основанія невмѣняемости покоятся здѣсь на другой почвѣ: они основываются на сильномъ движеніи чувства, на помѣшательствѣ ума, чрезъ что ослабляется или уничтожается столь необходимое и существенное для каждаго свободнаго дѣйствія условіе — разсудительность; далѣе, на ложномъ сужденіи вслѣдствіе ложныхъ представленій, галлюцинацій и т. д. (Гризингеръ).

Если мы захотимъ теперь разобрать главнѣйшія мономаніи, то мы найдемъ, что, при такъ наз. *мономаніи убійства* (Mordmonomanie), всегда побуждаютъ къ дѣянію либо галлюцинаціи, либо ложныя идеи съ чувственнымъ разстройствомъ, либо припадки бѣшенства. Даже большею частію мотивы не обнаруживаются внѣшнимъ образомъ. Но эти мотивы и притомъ совершенно достаточные для того, чтобы побудить больнаго къ дѣянію, непремѣнно всегда существуютъ. Конечно, эти мотивы таковы, что для человѣка здороваго никогда не получили бы силы мотивовъ. — Также и яростный гнѣвъ (Zornwuth), періодическая, такъ наз. возвращающаяся (transitorische) манія, полусумасшествіе, внезапные припадки меланхоліи, душевная тоска (Seelenangst) — ведутъ здѣсь къ преступному дѣянію, тогда какъ до этого дѣянія и послѣ него, человѣкъ, повидимому, (т. е. для непосвященныхъ въ науку и притомъ въ кругу вещей самыхъ обыкновенныхъ), велъ себя вполнѣ разумно. Вѣдь это возможно, какъ и Гризингеръ говоритъ, что какое-либо психически-болѣзнен-

ное состояніе имѣетъ вліяніе на преступное дѣйствіе; хотя состояніе это и не обнаруживается внѣшнимъ образомъ никакими признаками, тѣмъ не менѣе оно все таки существуетъ. Въ этомъ смыслѣ Гризингеръ долженъ былъ высказаться на судѣ относительно душевнаго состоянія одного убійцы, страдавшаго эпилептическимъ головокруженіемъ. Гризингеръ долженъ былъ сказать: «ни передъ совершеніемъ преступнаго дѣйствія, ни послѣ, ни во время совершенія, не находимъ мы опредѣленныхъ признаковъ душевнаго разстройства; но тѣмъ не менѣе очень возможно, что эта болѣзнь имѣла вліяніе на психическій ходъ намѣренія, которое (вліяніе) помрачило разсудительность и уменьшило духовную свободу, что, впрочемъ не обнаружилось никакими внѣшними признаками.» Убійца хотя и былъ осужденъ, но помилованъ.

Что касается *пироманіи*, этого духа-поджигателя, то слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что преступленіе поджигательства большею частію совершаютъ слабые духомъ, страждущіе чувственнымъ разстройствомъ юноши или даже почти дѣти, находящіяся уже въ періодѣ половаго развитія, или въ этомъ отношеніи обиженныя, часто неосновательныя въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, глупыя, капризныя и прихотливыя; притомъ же еще почти всегда дѣяніе это совершается либо въ припадкѣ тоски по родинѣ, либо подъ вліяніемъ галлюцинацій или затаенныхъ ложныхъ мыслей. У людей, получившихъ превратное воспитаніе, аффекты не сдерживаются образованіемъ ума и сердца, и нравственность вообще довольно слаба у нихъ, равно какъ и у идіотовъ; вотъ почему аффектъ можетъ легко загорѣться, ничѣмъ не удерживаться въ границахъ и быстро дѣлаться мотивомъ къ дѣянію. Такіе индивиды постоянно опасны для общества. Отъ нихъ нужно прятать все, что можетъ быть употреблено какъ оружіе, и въ особенности огонь. Склонность играть

огнемъ и свѣтомъ, (такъ наз. «Gaukeln»), есть совершенно своеобразная и характеристичная особенность дѣтства, въ особенности же слабыхъ дѣтскихъ душъ, впрочемъ, не оставляющая людей въ продолженіе всей ихъ жизни, въ особенности же тѣхъ, которые нѣсколько ограничены и слабы духомъ. Вѣдь это уже можно видѣть изъ большаго вліянія иллюминацій и фейерверковъ, — тѣхъ дорогихъ и грандіозныхъ игръ съ огнемъ и свѣтомъ — которыми хотятъ праздновать удивительнымъ образомъ и разукрасить торжественные дни и праздники высокочтимыхъ своихъ друзей или же своихъ государей, князей и вообще владыкъ.

Мы должны были произвести однажды судебно-медицинское изслѣдованіе по дѣлу, гдѣ деревенская дѣвушка 20 — 22 лѣтъ отъ роду уже сидѣла нѣкоторое время въ карательномъ заведеніи Эбрахъ, осужденная за поджигательство. Эта личность была найдена потомъ слабоумною и передана въ больницу. — Также и временныя истерико-экзальтированныя состоянія, нервныя болѣзни, пляска св. Витта, эпилепсія и т. п. — могутъ вредно вліять на свободу дѣйствій такихъ лицъ. — Другіе случаи поджигательства основываются на опредѣленныхъ галлюцинаціяхъ. Такъ, новый Геростратъ, Іонафанъ Мартинъ, который поджегъ каѳедральный соборъ въ Іоркѣ, страдалъ хроническимъ помѣшательствомъ и, побуждаемый галлюцинаціями, «хотѣлъ очистить домъ Господенъ отъ недостойныхъ священниковъ».

Такъ наз. *мономанія воровства* (Kleptomanie) точно также является либо симптомомъ помѣшательства (manie), либо сопровождаетъ меланхолію, разстройство ума и т. п. Очень часто также она является слѣдствіемъ галлюцинацій, скрытнаго разстройства души, или же затаенныхъ ложныхъ

мыслей (Wahnideen), или наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, мономанія воровства является слѣдствіемъ особеннаго рода болѣзненныхъ побужденій, т. е. прихотей, напр. у беременныхъ. Чѣмъ страннѣе родъ и способъ воровства, чѣмъ болѣе уворованное не соотвѣтствуетъ состоянію и отношеніямъ вора, тѣмъ болѣе существуетъ подозрѣнія въ существовавшемъ или еще существующемъ душевномъ разстройствѣ. Также и случай, разсказанный Маасомъ, который, повидимому, наиболѣе могъ бы говорить въ пользу существованія мономаній, все таки не можетъ служить образцомъ мономаніи воровства. Въ началѣ 20-хъ годовъ въ Вѣнѣ одинъ очень состоятельный практическій врачъ Г.... обокралъ всѣхъ своихъ паціентовъ, несмотря на свое весьма значительное состояніе; тащилъ напр. за своимъ экипажемъ зарѣзанныхъ гусей, и т. д. Но сорокъ лѣтъ тому назадъ вообще психіатрическія наблюденія не были такъ точны и — кстати замѣтимъ, — можно быть дѣльнымъ врачомъ и все таки страдать галлюцинаціями и разными idées fixes, которыя ведутъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, странностямъ и причудамъ. Какъ въ каждомъ сословіи, такъ и въ сословіи врачей иногда попадаются (хотя, впрочемъ, между врачами обыкновенно рѣже, чѣмъ между другими учеными спеціалистами) субъекты, которые, будучи руководимы самыми странными мыслями, разстройствами духа и т. д., творятъ поразительныя дѣла и, тѣмъ не менѣе, все таки могутъ выполнять свои обязанности. Мы знали очень дѣльныхъ юристовъ, которые состояли на дѣйствительной службѣ, хотя и считались душевно-разстроенными въ цѣломъ городѣ и всѣми ихъ окружающими. — Что касается такъ наз. «*монодіаніи половой ярости*» (Aidoiomania),—сатиріазисъ у мужчинъ и нимфоманія у женщинъ—то эти эксцессы являются иногда, какъ симптомъ, при меланхоліи и сумасшествіи, въ особенности же при маніи и бѣшенствѣ, и очень часто воз-

никаютъ изъ болѣзненныхъ состояній самой половой сферы, равно какъ и изъ страданій чувствъ, изъ аффектовъ и страстей. Но объ этомъ послѣ. — Стало быть, нѣтъ мономаніи въ смыслѣ Пинеля и Экироля. нѣтъ «manie sans délire!»

Странное поведеніе людей съ разстроеннымъ разсудкомъ.

Какъ при разстройствахъ въ сферѣ чувства, такъ и при разстроенной лишь отчасти умственной сферѣ, поведеніе больныхъ относительно внѣшняго міра можетъ быть весьма странно. Всегда слѣдуетъ, какъ уже неоднократно было сказано, считать ложнымъ то мнѣніе, по которому душевно-разстроенный человѣкъ долженъ быть всегда непремѣнно глупымъ или же вполнѣ сумасшедшимъ. Извѣстныя способности души часто преобладаютъ совершенно ясно не только при извѣстныхъ разстройствахъ и рядомъ съ ними, но опытомъ дознано, что даже новыя духовныя способности и таланты возникаютъ при существованіи частичныхъ разстройствъ и притомъ рядомъ съ этими разстройствами. Вѣдь есть довольно примѣровъ, что невполнѣ разстроенные душевно, въ продолженіе своей болѣзни, выполняли научныя изслѣдованія. У нныхъ развивается склонность къ рисованію, живописи и къ другимъ художническимъ работамъ. Разумѣется, большая часть такихъ, пробужденныхъ безумiемъ талантовъ — непостоянны, непродолжительны: они покидаютъ человѣка вмѣстѣ съ болѣзнію. Также и въ сферѣ нравственности бываютъ уклоненія отъ душевнаго и этическаго сознанія, которыя обнаруживаются лишь въ одномъ какомъ-либо направленіи, подобно тому, какъ и въ частичномъ сумасшествіи. Вотъ почему также случается, что у величайшихъ преступниковъ, рядомъ съ величайшими пороками, въ одномъ и томъ же индивидѣ, находятся и благороднѣйшія добродѣтели. Часто можно съ сумасшедшими цѣлые дни

прекрасно разсуждать о различнѣйшихъ предметахъ: они говорятъ спокойно и разумно. Они играютъ напр. въ шахматы и въ самыя сложныя карточныя игры съ такою же ловкостію, какъ и каждый вполнѣ здоровый человѣкъ. Если спросить такого человѣка о его занятіяхъ, о его семействѣ, о научныхъ предметахъ, то можно часто услышать превосходнѣйшіе отвѣты. Но если вы спросите его о его «*друзьяхъ*», тогда вдругъ вы увидите передъ собою — едва только слово: «*друзья*» сошло съ вашихъ устъ — бѣшенаго, страшно неистовствующаго и ругающаго своихъ фальшивыхъ друзей, которые его привели сюда въ домъ умалишенныхъ, обманули его, обокрали, старались его испортить и т. д. Такой больной можетъ имѣть ложное представленіе о томъ, что его друзья посягали на его имущество и жизнь и т. д. Бываютъ также случаи, что неотразимыя или же преимущественно—запечатлѣвшіяся мысли, около которыхъ тогда вся методика сумасшествія, какъ около ядра централизуется, выплываютъ лишь на короткое время, потомъ опять исчезаютъ, какъ призраки. Эти именно часто случается при начинающихся еще умственныхъ разстройствахъ. Часто такія ложныя представленія суть рефлексы (отраженія) болѣзненнаго разстройства брюшныхъ органовъ; часто они имѣютъ свое основаніе въ мозгу, прибываютъ и убываютъ, какъ морской приливъ и отливъ, или же восходятъ и заходятъ, какъ звѣзды на небѣ; причемъ они находятся въ зависимости отъ усиленія или ослабленія тѣлесной болѣзни, которая даетъ поводъ къ обусловливаемымъ ложными представленіями, непормальнымъ ощущеніямъ или чувственнымъ разстройствамъ.

Преходящіе припадки неистовства или сумасшествія.

Уже доказано, что бываютъ иногда преходящіе припадки неистовства, маніи, сумасшествія или бѣшенства, при

чемъ хотя разсудокъ и разстроенъ, но самые припадки часто бываютъ очень непродолжительны. Такіе припадки могутъ наступать среди кажущагося совершеннаго здоровья и могутъ быть сравнены съ эпилептическими припадками. Для судебно-медицинскаго мнѣнія это рѣшительно все-равно, — продолжался ли такой припадокъ, во время котораго совершено дѣйствіе, долгое или короткое время. Важнѣе всего здѣсь знать, что дѣйствительно и несомнѣнно бываютъ такіе скоро-проходящіе припадки. Такого рода пароксизмы могутъ продолжаться лишь нѣсколько часовъ, но за то могутъ длиться и нѣсколько мѣсяцевъ. Такіе припадки бываютъ часто замѣною и разрѣшеніемъ предъ тѣмъ бывшихъ, хотя иногда и незамѣченныхъ, меланхолическихъ состояній. Но такъ какъ непстовствующіе этого рода могутъ даже вдругъ выздоровѣть, то часто потомъ бываетъ чрезвычайно трудно обсудить правильно какое-либо дѣйствіе, совершенное ими въ такомъ состояніи. Иногда такіе маніакальные приступы возобновляются чрезъ правильные или неправильные, совершенно свободные отъ болѣзни промежутки, напр. черезъ каждые 1, 2 или 3 года (періодическое бѣшенство). — Мы знаемъ, что меланхолическое состояніе, предшествующее маніи или бѣшенству, такъ мало отпечатлѣвается на больномъ или же можетъ быть такъ непродолжительно, что оно остается незамѣченнымъ, и тогда наступаетъ припадокъ сумасшествія неожиданно и внезапно, словно молнія изъ яснаго неба. — Но мы знаемъ, что при неистовомъ сумасшествіи (Tobsucht) *) устанавливается, какъ главная аномалія способности представленія, спутанность или сбивчивость, вслѣдствіе такъ наз. *побѣга мыслей* (Ideenflucht). Неутомимо слѣдующія одна за другою смѣны разъединен-

*) Ближе это разсмотрѣно въ моихъ психіатрическихъ письмахъ, 8-е письмо, стр. 157—174.

ныхъ представленій помрачаютъ такимъ образомъ сознаніе. Преходящія ложныя представленія вліяютъ здѣсь точно также опредѣленно на больную душу, и эти ложныя представленія имѣютъ большею частію значеніе попытокъ объясненія ненормальнаго расположенія духа. Въ этихъ формахъ маніакальнаго бѣшенства ни одно представленіе не остается постояннымъ: каждое моментальное возбужденіе приноситъ съ собою новыя образы и новыя представленія, съ появленіемъ которыхъ старыя забываются. Вотъ такимъ-то способомъ возникаютъ дѣйствія, послѣдствія которыхъ совсѣмъ не могутъ быть опредѣлены страдальцемъ. Этотъ *furor transitorius* или эта *mania transitoria* получаетъ величайшую важность передъ судомъ. Ибо когда, какъ это очень часто случается, совершеніе какого-либо злаго дѣла образуетъ также и заключеніе, кризисъ предшествующей психической болѣзни, причемъ, вслѣдъ за этимъ послѣднимъ безумнымъ дѣломъ, нерѣдко наступаетъ внезапное или, по крайней мѣрѣ, очень быстрое выздоровленіе и даже полнѣйшее исцѣленіе: тогда для обыкновеннаго врача почти невозможно постановить правильный diagnosis (опредѣленіе) предшествующаго страданія и вѣрное сужденіе о вмѣняемости. Только опытный психіатръ можетъ здѣсь подать дѣльный совѣтъ и извлечь опредѣленныя окончательные выводы. Въ этомъ смыслѣ высказываются также и Аппертъ, Маркъ и другіе врачи — психіатры.

Продолжительность самаго сумасшествія можетъ быть неодинакова и очень различна. Иногда она очень незначительна. «Тогда, какъ Нейманъ говоритъ, скоропостижно наступаетъ улучшеніе». Возбужденный больной становится спокойнымъ, разсудительность возвращается, больной какъ-бы просыпается отъ сна. Чаще всего это бываетъ при случаяхъ остраго, т. е. быстро появляющагося и быстро преходящаго сумасшествія, равно какъ и при малой про-

должительности безумія. — Такъ Горнъ разсказываетъ (Archiv für medicinische Erfahrung) случай, что одинъ всѣми уважаемый человѣкъ — Staatsrath K. въ Берлинѣ — который до этого былъ совершенно здоровъ, внезапно ночью проснулся отъ сильнаго хрипѣнія, съ величайшею яростію напалъ на свою жену, которая хотѣла подать ему помощь, обошелся съ нею ужасно дурно и хотѣлъ ее выбросить за окно. Послѣ получасовой борьбы онъ утомился; крики жены привлекли сюда нужную помощь, и принятое внутрь рвотное совершенно уничтожило кратковременное помѣшательство. Послѣ уже не обнаруживалось болѣе ни малѣйшаго слѣда этой болѣзни. Подобные же случаи сообщаются также въ журналѣ Гуфеланда.

Въ особенности, вслѣдствіе приливовъ крови къ мозгу, часто бываютъ припадки помѣшательства столь внезапные, что представляются какими-то взрывами. Вслѣдъ за этими взрывами бѣшенства тотчасъ опять наступаетъ полное сознаніе. Часто люди, которые, какъ уже не разъ замѣчено, кажутся вполнѣ здоровыми, могутъ быть подвержены такого рода припадкамъ. Мы говоримъ: «*кажутся вполнѣ здоровыми*»; это «*кажущееся здоровье*» имѣетъ значеніе, или лучше, это *кажется* такъ только не психіатру: это кажущееся здоровье можетъ ввести въ обманъ только человѣка, непосвященнаго въ науку, либо несвѣдущаго въ этомъ дѣлѣ врача. Когда потомъ съ такими особами, которыхъ считаютъ совершенно здоровыми, внезапно случится припадокъ сумасшествія или взрывъ гнѣва, во время котораго совершается злое дѣло, тогда вспоминаютъ о мономаніи. Даже и то правда, что бѣшеный или неистовствующій сумасшедшій иногда, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій, можетъ на короткое время прійти въ себя и быть въ состояніи давать правильные отвѣты, но все таки это всегда только показываетъ, что очень возможно — и даже это

фактъ, — что бѣснующійся имѣетъ временныя облегченія отъ болѣзни, подобно больному лихорадкою (intermissiones et remissiones). Но въ тѣ мгновенія, когда больной неистовствуетъ, онъ никогда не говоритъ разумно, точно также, какъ въ то время, когда онъ говоритъ разумно, собираясь со всѣми остатками силъ своего здороваго *я*, онъ никогда не бѣснуется.

Такіе періоды бѣсованія и разсудительности часто соприкасаются между собою очень близко. Тѣ мысли объ убійствѣ, которыя возбуждены лишь болѣзненнымъ настроеніемъ, но нисколько не соотвѣтствуютъ и не согласуются съ внѣшними психическими поводами, суть уже сами по себѣ, во всякомъ случаѣ, ложныя представленія, точно также, какъ и въ каждомъ сильномъ аффектѣ, напр. въ гнѣвѣ, возникаютъ новыя представленія, сужденія и намѣренія, соотвѣтствующія болѣзненному состоянію. Когда напр. отецъ, который любитъ свое дитя такъ сердечно, что въ случаѣ его смерти, навѣрное, подвергся бы мрачнѣйшей меланхоліи, все таки, не смотря на это, бросаетъ въ это дитя ножъ, въ аффектѣ гнѣва: то здѣсь слѣдуетъ принять, что въ это мгновеніе человѣкомъ овладѣло какое-то бѣшеное помѣшательство съ помраченіемъ и даже мгновеннымъ уничтоженіемъ разумныхъ представленій. Но подобно тому, какъ бываютъ эпилептическія состоянія тѣла — такъ наз. *падучая болѣзнь* (fallende Sucht), — которыя ускользаютъ отъ глазъ окружающихъ больнаго и даже самимъ страдальцемъ очень долго не сознаются, (такъ какъ эпилептическіе припадки появляются напр. ночью, и больной освобождается отъ нихъ, точно будто пробуждается отъ тяжелаго сновидѣнія): точно также бываетъ и настоящая эпилепсія души, проявляющаяся въ формѣ періодическихъ припадковъ сумасшествія, которые быстро проходятъ и очень часто совсѣмъ и не узнаются въ обыденной жизни. Вѣдь то же са-

мое или подобное же, хотя и не въ такой степени, очень нерѣдко случается не только въ жизни, но и вообще въ природѣ.

Вотъ на горизонтѣ появляется черная тучка. Благопріятные вѣтры могутъ ее разогнать. Если это не случается, то часто прибываетъ еще нѣсколько тучъ, и всѣ онѣ образуютъ темныя облака. Тотчасъ разряжаются онѣ молніею и раскаты грома слѣдуютъ одинъ за другимъ. Прошла гроза, и небо опять быстро проясняется. Подобное же случается и съ человѣкомъ: какая-нибудь черная мысль возникаетъ въ его душѣ и все далѣе и далѣе расширяется. Поднимается буря. Человѣкъ бѣснуется и свирѣпствуетъ. Проходитъ буря и вновь появляется вполнѣ ясное солнце души (mania transitoria).—Мильдперъ сообщаетъ интересный случай, что одинъ человѣкъ съ ограниченными умственными силами, страдавшій недостатками клапановъ аорты, впалъ, послѣ сильнаго испуга, въ бѣшенство, продолжавшееся только $1^1/_2$ часа, и въ теченіе года возвращавшееся 2—3 раза, при кажущемся совершенномъ здоровьи. Здѣсь мы должны повторить еще разъ, что для судебно-медицинскаго заключенія совершенно безразлично, будетъ ли такой припадокъ, во время котораго совершено дѣйствіе, продолжителенъ или непродолжителенъ.

Можно было бы, впрочемъ, предупредить нѣкоторыя преступленія, а вмѣстѣ предотвратить потерю нѣкоторыми гражданами жизни и имущества, если бы обращали надлежащее вниманіе на субъектовъ, которые хотя и кажутся здоровыми, все таки разстроены душевно; такимъ образомъ, можно было бы ихъ сдѣлать безвредными для окружающаго ихъ міра. Такъ какъ то, что говоритъ Мерингъ — истинная правда (и эта правда въ наше столѣтіе, сдѣлалась, такъ сказать, еще болѣе истинною), именно, что въ человѣческихъ стремленіяхъ гораздо болѣе безумныхъ представленій, чѣмъ

здоровыхъ; если все это принять въ соображеніе, то надлежало бы начальству имѣть гораздо болѣе строгій контроль надъ душевно-разстроенными, находящимися на свободѣ. Самая большая и опаснѣйшая часть этого рода больныхъ живетъ внѣ заведеній. Установивши такое положеніе, слѣдуетъ теперь сказать, что мѣры, — принимаемыя правительствомъ въ настоящее время для того, чтобы государственныя учрежденія знали обо всѣхъ душевно-больныхъ, — совершенно обманчивы. Такъ, разумѣется, судебный врачъ долженъ ежегодно вносить въ свои списки всѣхъ психически-больныхъ въ своемъ округѣ или участкѣ. Но какъ это дѣлается, къ сожалѣнію, на практикѣ? Либо судебный врачъ совсѣмъ не знаетъ различія между сумасшедшими и душевно-здоровыми, ибо у него постоянно только и сидитъ въ головѣ проклятая мысль о слабоуміи, бѣшенствѣ и безуміи; либо онъ вообще не въ состояніи постановить diagnosis душевнаго разстройства, (какъ большая часть напр. старыхъ баварскихъ врачей), такъ какъ онъ ничего не изучалъ по этому предмету; либо наконецъ, онъ изъ-за частныхъ или какихъ-нибудь другихъ (личныхъ) соображеній, не хочетъ совсѣмъ и знать душевно-больныхъ своего участка. Главная система, по которой назначаются судебными врачами только .старые, заслуженные практическіе врачи (40 и 50 лѣтъ отъ роду), слѣдовательно, принимается въ соображеніе лишь физическій возрастъ, а никакъ не познанія; потомъ, другая система рядомъ съ первою, по которой могутъ назначаться судебными врачами и молодые люди, когда они имѣютъ порядочныхъ (приличныхъ) отцовъ, хорошія протекціи, знатныхъ тестя и тещу, добрыхъ тетокъ, милыхъ двоюродныхъ сестеръ, братьевъ и прочихъ *хорошихъ* родственниковъ, — причинили уже очень много вреда невиновнымъ и несчастнымъ людямъ. Такъ, нѣсколько дней тому назадъ разбиралось судомъ присяжныхъ уголовное дѣло о много-

кратномъ поджигательствѣ. Подсудимый долженъ былъ бы быть по справедливости освобожденъ отъ наказанія: онъ, какъ слабоумный, былъ вполнѣ неспособенъ ко вмѣненію. Однако, если бы санитарная полиція обратила болѣе вниманія на этого человѣка и вообще обращала бы болѣе вниманія на такихъ людей; если бы врачи напр. знали, что именно слабоумные, даже въ домахъ умалишенныхъ, суть опаснѣйшіе больные; если бы они, въ случаѣ невѣдѣнія, поучились бы по соотвѣтствующимъ сочиненіямъ:*) то очень часто общество, навѣрное, могло бы быть охранено отъ такихъ поджигательствъ, убійствъ и т. п. Въ названномъ случаѣ можно было бы легко предупредить всѣ поджоги, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда приходилъ больной, если бы онъ своевременно былъ отправленъ въ лѣчебницу или надлежащее заведеніе. Такіе субъекты, страдая сильною душевною болью, иногда цѣлые годы ходятъ по деревнямъ и городамъ. Они спокойны, очень спокойны, не обижаютъ даже дитяти, и притомъ большею частію также и трудолюбивы. Только въ нихъ замѣчается какая-то молчаливость, стремленіе къ уединенію и т. п. Но вотъ внезапно преодолѣваетъ ихъ такъ наз. «Präcordialangst» — это крайне болѣзненное, соматико-психическое ощущеніе въ области желудочковъ сердца, — отъ котораго они желаютъ освободиться какою бы то ни было цѣною. Они уже болѣе не могутъ себѣ помочь. Они принуждаются къ безумнымъ представленіямъ, эти принуждаютъ ихъ къ дѣйствію — и вотъ несчастіе готово. Глупые люди, окружающіе больнаго, тогда нисколько не виноваты, и ихъ можно только пожалѣть; отъ

*) Поэтому-то я и написалъ для врачей и для народа свои психіатрическія письма, имѣя лишь въ виду сдѣлать возможнымъ для всѣхъ истинный взглядъ на эту важную область, трактуя о такомъ важномъ предметѣ. Какъ и насколько я разрѣшилъ эту задачу, объ этомъ безпристрастные критики уже вдоволь наговорились.

нихъ вѣдь нельзя требовать, въ силу изложенныхъ нами принциповъ воспитанія, чтобы они заранѣе предвидѣли опасность. Отъ судебныхъ врачей, вознаграждаемыхъ 600 или 800 флориновъ, большею частію этого также нельзя требовать. Почему? — Потому!.... Такъ, я съ трудомъ нашелъ бы хоть одно село въ Баваріи, гдѣ, (если только я оставался тамъ на нѣсколько дней) не увидѣлъ бы одного или нѣсколькихъ такихъ душевно-больныхъ. Большею частію это — меланхолики или же слабоумные, а мы вѣдь знаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе, наилегче и притомъ внезапно могутъ сдѣлаться опасными для общества. Едва только пробылъ я нѣсколько недѣль здѣсь, въ Штарнбергерзе, какъ привели ко мнѣ двухъ меланхоликовъ, отчеканенныхъ въ наилучшей формѣ. Объ этихъ-то королевскій физикатъ, вѣроятно, ничего не знаетъ. Вскорѣ послѣ этого здѣсь встрѣтились опять двое больныхъ, которые однако поселились въ Мюнхенѣ, гдѣ —если бы скоро, очень скоро не были приняты соотвѣтствующія мѣры, — случилось бы несчастіе, т. е. одно или нѣсколько смертоубійствъ. — Пусть мнѣ не говорятъ, что государство не должно вторгаться въ сферу семейственныхъ правъ! Это пустая болтовня! Если государство не боится принуждать даже дѣльнѣйшаго врача, который научно убѣжденъ въ безполезности, даже во вредѣ прививки оспы, отравлять посредствомъ этой прививки своихъ дѣтей; если полиція не боится принуждать отдѣльныхъ лицъ строить каналы въ высшей степени сомнительной полезности; если государство не боится, изъ преувеличеннаго черезъ-чуръ сантиментальнаго чувства красоты, почти цѣлѣя тысячи людей принуждать удалять извѣстныя вывѣски (Nasenschilder) отъ жилищъ (не смѣйтесь!): — отчего же оно *здѣсь* такъ щекотливо, и поступаетъ, какъ какая-нибудь цѣломудренная, черезъ-чуръ сантиментальная дѣва, чтобы какъ-нибудь не запятнать себя оскорбленіемъ какихъ-

либо семейственныхъ правъ и т. п. Пусть также не говорятъ: «Издержки содержанія такихъ опасныхъ больныхъ очень велики! Часто домашніе не въ состояніи покрыть этихъ издержекъ, государство же не имѣетъ для этого капиталовъ!» Но если всѣ мюнхенскіе наниматели квартиръ принуждаются къ платежу громаднаго налога для бѣдныхъ, о которомъ напр. авторъ этого сочиненія, долженствовавшій ежегодно платить 15 флориновъ, и еще сотни другихъ людей никогда не узнавали, да никогда и не могли узнать, на что онъ расходуется; если, я говорю, человѣкъ, платящій 4 флорина подоходной подати, долженъ платить 15 флориновъ для бѣдныхъ, во избѣжаніе конфискаціи: то можно, навѣрное, каждаго разумнаго гражданина не принудить, а склонить убѣжденіемъ къ тому, чтобы онъ ежегодно прибавлялъ еще около 1 флорина, въ видѣ налога для домовъ умалишенныхъ.*) Тогда все таки, можетъ быть, можно было бы не такъ бояться за свою жизнь въ лѣсахъ и рощахъ, на поляхъ и лугахъ, въ домахъ и дворахъ, и не быть вынужденнымъ рисковать жизнію своею, — женъ и дѣтей, т. е. подвергаться опасности быть застрѣленнымъ, раздавленнымъ или сожженнымъ какимъ-либо сумасшедшимъ еще до того, пока будутъ выполнены разныя писанія и упражненія въ бумагомаранія (такъ въ высшей степени медленно подвигается вопросъ о томъ, отъ кого, когда, гдѣ и какъ должны быть взяты издержки для содержанія такого, опаснаго для общества сумасшедшаго!) Великій (нынѣ покойный) Фридрейхъ совершенно правъ

*) Въ нѣкоторыхъ странахъ, именно протестантскихъ, т. е. просвѣщенныхъ, въ Mittel- и Oberfranken'ѣ, каждый житель, при радостныхъ случаяхъ, какъ крестины и вѣнчанье, когда и безъ того охотно жертвуютъ что-либо изъ своего имущества, платитъ 4 или 6 крейцеровъ въ приходъ, въ видѣ налога для домовъ умалишенныхъ. Я никогда не слышалъ, чтобы кто либо жаловался когда-нибудь на такой налогъ. Вотъ это вполнѣ заслуживаетъ подражанія!

говоря: «прежде всего слѣдовало бы все таки палатамъ назначать расходы средствъ государства на потребности истиннаго народнаго блага. Но тогда какъ финансовые и другіе мужи умѣютъ доставать деньги (съ достойною удивленія геніальностію, съ помощію рѣчей, въ высшей степени заманчивыхъ для слабыхъ умовъ), когда дѣло идетъ о проведеніи какой-нибудь любимой желѣзной дороги (Lieblingseisenbahn), или же о бѣлыхъ или желтыхъ пуговицахъ (напр. для арміи, въ которыхъ она, какъ въ дѣлѣ германскаго союза *за*, т. е. *противъ* Шлезвигъ-Гольштейна оказалось, совсѣмъ и не нуждается, и въ такихъ вопросахъ, притомъ, считается, какъ бы не существующею)—: эти же мужи, напротивъ, чувствуютъ себя въ мучительномъ затрудненіи, и не знаютъ, какъ изъ него выпутаться, когда дѣло идетъ о нѣсколькихъ тысячахъ рублей для дѣлъ, касающихся, такъ сказать, самаго сердца народнаго блага! Разумѣется, для такихъ денежныхъ дѣлъ и обстоятельствъ не нужно дѣлать дорого-стоющихъ плановъ, разныхъ приготовленій и т. д. Обыкновенно хотятъ возложить на общины расходъ по содержанію душевно-больныхъ. Но общины очень часто бываютъ дѣйствительно бѣдны, а крестьянинъ большею частію лучше цѣлые годы будетъ рисковать своею жизнію, чѣмъ рѣшится коснуться своего кармана; и правду гласитъ франконская (fränkische) поговорка: «wenn der Bauer nicht muss, regt er weder Hand noch Fuss».*)

Неумѣніе узнавать опасныя психическія состоянія со стороны отдѣльныхъ лицъ; чрезвычайно деликатная боязливость государственныхъ учрежденій вообще въ этихъ случаяхъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла;

*) «Мужикъ не шевельнетъ ни рукою, ни ногою, если только онъ не долженъ это сдѣлать.»

потомъ, вѣчный недостатокъ денегъ для всего дѣйствительно благодѣтельнаго; поступленіе многихъ лицъ на службу единственно для удобствъ жизни; невѣжество или тому подобныя качества несозрѣвшихъ и даже иногда духовно-ограниченныхъ индивидовъ, состоящихъ на государственной службѣ: вотъ погрѣшности государства, которыя однакожъ оно, если только имѣетъ «просторную совѣсть» (weites Gewissen), и не старается исправить, и, къ сожалѣнію, въ нихъ нисколько не раскаивается.

Я уже нѣсколько разъ сказалъ: «*наибольшая и притомъ опаснѣйшая (такъ какъ они оставлены безъ надзора и попеченій), часть душевно-разстроенныхъ находится вић заведеній, вић охраны и вић всякаго ухода.*» Долженъ ли я перечислить здѣсь сотни несчастныхъ страдальцевъ, опасныхъ и для людей и для страны? Но правда неохотно выслушивается! «Правда глаза колетъ», говоритъ пословица («die Wahrheit schlägt man auf's Maul»).

И если, какъ Марціалъ превосходно говоритъ, «добродѣтель князя есть — знать обо всемъ», то слѣдовало бы постоянно стараться о томъ, чтобы такія вещи вводить въ сознаніе всѣхъ, цѣлаго народа, что авторъ этой книги всегда до сихъ поръ и дѣлалъ и къ чему всегда стремился. Вѣдь, ей богу, всѣ милліоны нашего народа не окажутся же тугими на ухо (dickhörig)! Сознаніе народа должно тогда дойти и до сознанія главы государства. Разумѣется, что содѣйствовать истинному народному благу и народному просвѣщенію и посвятить для этого свою жизнь — въ высшей степени неблагодарный трудъ! Авторъ этой книги до сихъ поръ уже достаточно испыталъ это самъ на себѣ. Идите, споспѣшествуйте какому-нибудь иностранному вельможѣ благополучно проѣхать границу, т. е. сдѣлайте то, что каждый кондукторъ или машинистъ дѣлаетъ и долженъ дѣлать для его ничтожества, бѣднѣйшаго по-

деньщика — не отправьте только поѣздъ къ чорту — и вы, навѣрное, не уйдете отъ орденовъ, титуловъ, отличій и разныхъ тому подобныхъ вещей. И вотъ свѣтъ воскликнетъ: Ecce homo! Ecce vir meritus! (Вотъ человѣкъ! Вотъ достойный мужъ!)

Теперь мы возвратимся отъ этихъ горькихъ изслѣдованій, взятыхъ изъ печальной жизни и голой дѣйствительности, собственно къ нашему предмету.

Полупомѣшанные (Partiell-Geistesgestörte), находящіеся въ домахъ умалишенныхъ.

До сихъ поръ мы говорили почти только о такихъ разстройствахъ ума, которыя дѣлаютъ человѣка вполнѣ неспособнымъ ко вмѣненію. Говоря о разстройствахъ разсудка, мы въ то же время говорили также и о злыхъ дѣйствіяхъ. Вѣдь болѣзненныя, т. е. безумныя дѣйствія (Wahnthaten) зависятъ отъ болѣзненныхъ представленій воли.

Между совершенными и рѣзко обнаруживающимися формами сумасшествія, или настоящими болѣзнями разсудка, и полнымъ здоровьемъ души, есть еще и среднее состояніе. Какъ между рѣзко обнаруживающимися тѣлесными страданіями и полнымъ тѣлеснымъ здоровьемъ стоитъ посреднѣ какое-то «нездоровье» (Unpässlichkeit), какая-то «дурнота» (Unbehagen), также точно бываетъ и въ психической жизни. Но эти среднія состоянія приближаются гораздо болѣе къ душевной болѣзни, чѣмъ къ здоровью. Человѣкъ здѣсь уже невполнѣ здоровъ душевно, хотя онъ еще и не болѣнъ. Но гораздо скорѣе и легче можетъ развиться болѣзнь, чѣмъ возвратиться полное здоровье души. Именно, въ душевной жизни каждаго человѣка не бываетъ строго проведенныхъ границъ, но существуютъ очень многія переходныя ступени отъ здоровья къ болѣзни. Находится ли человѣкъ, о которомъ идетъ дѣло, еще въ области здоровья или уже стоитъ

у порога сумасшествія, или же, наконецъ, онъ уже созрѣвшій и признанный гражданинъ дома умалишенныхъ? Вотъ это-то и есть тотъ чрезвычайно важный и трудный вопросъ, разрѣшить который не въ состояніи ни философъ, ни медикъ, ни юристъ, а — только лишь весьма опытный и дѣльный психіатръ. При этомъ возникаютъ величайшія трудности, и даже опытный врачъ умалишенныхъ очень долго долженъ обдумывать, принадлежитъ ли данный случай къ душевнымъ болѣзнямъ, или же нѣтъ? Эти всѣ люди ходятъ естественно, свободно и безпрепятственно по свѣту. Если иногда и приглашаютъ врача, (для того только чтобы что-нибудь предпринять съ такими психически-нездоровыми и разстроенными людьми), то обыкновенно изъ 10 разъ 9 разъ происходитъ Богъ-знаетъ что: врачъ призываетъ цирюльника или священника; первый ослабляетъ теперь еще только душевно-нездороваго кровопусканіями, мазями, слабительными и т. п. вещами, причемъ онъ также начиняетъ его тѣло различными геройскими средствами; послѣдній же начиняетъ мозгъ несчастнаго, достойнаго сожалѣнія человѣка, еще болѣе безполезными вещами и — вотъ теперь, сразу, человѣкъ, бывшій прежде только душевно-нездоровымъ, становится уже совершеннымъ идіотомъ, дѣлается сумасшедшимъ, неистовымъ, бѣшенымъ и т. д. Но очень многіе изъ нихъ ходятъ еще по свѣту, и имя имъ — легіонъ; ихъ называютъ полуидіотами, чудаками (Sparrenhafte) и т. д. Простые франконскіе (fränkische) люди говорятъ: «der hat einen Sprutz zuviel oder ist gesprützt» *), или: «der hat ein Hieb», **) или: «mit dem ist es nicht recht just», ***) или: «bei dem accordiren

*) «У него недостаетъ клепки въ головѣ.»

**) «Этотъ подвыпилъ.»

***) «Съ нимъ не совсѣмъ ладно.»

auch die Gedanken nicht recht». *) Вотъ эти и т. под. народныя выраженія обозначаютъ такихъ причудливыхъ или помѣшанныхъ людей («tolle Heilige»). Отъ нихъ сторонятся, избѣгаютъ ихъ общества, или же ихъ осмѣиваютъ. — Часто даже наилучшіе люди страдаютъ какими-нибудь отдѣльными idées fixes, или же галлюцинаціями и иллюзіями. Тщетно стараются освободить ихъ отъ этихъ вещей. — Такъ, въ Вюрцбургѣ цѣлые годы расхаживалъ одинъ отставной офицеръ (пансіонеръ), который самымъ униженнымъ образомъ кланялся всѣмъ людямъ мужескаго пола, я говорю всѣмъ, т. е. старымъ и молодымъ, господамъ и мужикамъ. Ужъ навѣрное, господинъ этотъ страдалъ галлюцинаціями и ложными представленіями! — Я зналъ въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ двухъ, еще и теперь живущихъ судебныхъ врачей, о которыхъ всѣ говаривали (sit venia verbis): «Sie sind Hansärsche» съ ними никакъ нельзя жить. Одинъ изъ нихъ еще и теперь твердо убѣжденъ въ томъ, (съ нимъ нѣкогда я долженъ былъ изслѣдовать душевное состояніе одного схваченнаго, безъ мѣста и безъ пристанища, слабоумнаго человѣка), что только тотъ — идіотъ, кто не знаетъ, какъ его зовутъ, или сколько составитъ 2 раза 3. Вопросы его были: «Что сегодня за день»? — «Какъ тебя зовутъ»? — «Что это такое»? (показываетъ вопрошаемому грушу). — «Сколько составитъ 2 раза по четыре?... И на этомъ изслѣдованіе окапчивалось. Но въ такомъ случаѣ и этотъ господинъ докторъ также совершенно здоровъ психически! Вѣдь онъ знаетъ не только это, но еще есть даже очень дѣльный врачъ. Но тѣмъ не менѣе *«у него все таки далеко не вся дома»* (er hat seinen bedeutenden Sparren).

Очень часто это — ложныя представленія, или неотразимыя мысли, которыя доводятъ такихъ людей до безчело-

*) «У него мысли не вяжутся, какъ слѣдуетъ.»

вѣчныхъ сужденій, до оскорбленій и даже до опасныхъ дѣйствій. *)

Нѣкоторые изъ такихъ, бродящихъ по свѣту субъектовъ, извѣстныхъ каждому дитяти, часто служатъ, какъ каррикатуры, для увеселенія общества. Они — въ чинахъ и должностяхъ (sie stehen in Würde und Amt), они заботятся о своихъ и чужихъ дѣлахъ, доколѣ ихъ idées fixes не вторгаются въ чужіе интересы. Ихъ показанія на судѣ уважаются, имъ довѣряютъ и деньги, и имущество; однимъ словомъ, они имѣютъ такое же точно значеніе, какъ и всѣ другіе люди, хотя бы даже тѣ или другіе и сомнѣвались въ здоровьи ихъ разсудка, или втихомолку ихъ осмѣивали. Ихъ братьевъ по духу мы находимъ въ домахъ умалишенныхъ. Тамъ они — короли, императоры, боги и т. д.; тамъ они неспособны отправлять какую бы то ни было должность. Что же дѣлаетъ этихъ послѣднихъ неспособными къ этому, тогда какъ первымъ подобаютъ всѣ вышеупомянутыя полномочія, не смотря на то, что они все таки часто страдаютъ подобною же болѣзнію? Развѣ они не обладаютъ способностію правильно разсуждать о тѣхъ предметахъ, которые не состоятъ въ связи съ ихъ idées fixes?

*) Я знаю одного очень образованнаго человѣка, который, вслѣдствіе разныхъ непріятныхъ столкновеній съ законовѣдами, вслѣдствіе разныхъ измѣнъ и предательствъ со стороны такъ наз. *друзей юристовъ* (juristische Freunde), вслѣдствіе сношеній съ дурными людьми этого рода, былъ занятъ тою безумною мыслію, что всѣ эти адвокаты злоумышляютъ противъ него, думаютъ только о томъ, какъ бы его погубить. Если напр. какой-нибудь адвокатъ садится только съ нимъ за одинъ столъ въ гостинницѣ, то лицо у него уже дѣлается краснымъ и всѣ жилы начинаютъ очевидно и сильно стучать. Малѣйшее недоразумѣніе, даже самаго невиннаго свойства, между нимъ и такимъ жрецомъ права можетъ довести этого, вообще сердечно-добраго человѣка до аффекта, при чемъ онъ бываетъ на все способенъ. Каждый кирпичникъ или каменщикъ могъ бы оттоптать этому господину ноги, и онъ бы не взбѣсился и даже не разсердился бы. Но одного слова адвоката достаточно уже для полнѣйшаго бѣшенства!

Развѣ у нихъ не достаетъ проницательности для того, чтобы различать добро и зло? Ничего этого ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя. Такъ почему же послѣднихъ запираютъ, тогда какъ первыхъ оставляютъ бродить свободно? Безъ сомнѣнія потому, что ихъ безумныя представленія вторгаются въ интересы другихъ людей и вредятъ имъ; что они могутъ сдѣлаться или уже и сдѣлались опасными для общественнаго спокойствія и безопасности (д-ръ Гонбаумъ.*)

Такихъ людей вышеупомянутой категоріи, страдающихъ извѣстными ложными представленіями, правда, еще нельзя разсматривать, какъ вполнѣ сумасшедшихъ; но какъ мало нужно для того, чтобы ихъ сдѣлать такими!? Одного единственнаго неожиданнаго обстоятельства часто бываетъ совершенно достаточно для того, чтобы человѣкъ, прежде считавшійся только чудакомъ, вдругъ сдѣлался идіотомъ или сумасшедшимъ; коль скоро же онъ совершаетъ первое превратное дѣйствіе, вторгающееся въ интересы другихъ и основанное притомъ на новомъ рядѣ безумныхъ идей — вотъ тогда уже очень часто и случается несчастіе. Поэтому-то безусловно необходима постоянная бдительность и

*) Такъ. личность, бывшую сначала мальчикомъ у автора этой книги, а потомъ—королевскимъ чиновникомъ-юристомъ, все таки еще до тѣхъ поръ считали способною къ службѣ, пока удивительнѣйшія чудачества и глупости этого человѣка не причиняли никому вреда; выкидывалъ же онъ штуки такого рода: въ прекраснѣйшую погоду напр. являлся съ дождевымъ зонтикомъ и въ мундирѣ: приходилъ для прислуживанія, или на процессію Тѣла Господня (Frohnleichnams-Prozession) въ мундирѣ и цилиндрической шляпѣ; въ туфляхъ и рубашечныхъ рукавахъ бѣгалъ по городскимъ улицамъ и творилъ еще тысячи подобныхъ чудачествъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, чрезъ это еще не нарушались интересы другихъ людей; а съ другой — онъ, какъ юристъ, доставлялъ дѣльнѣйшія работы, то его еще не запирали. Но коль скоро напр. такому господину пришло бы въ голову раздуть огонь въ своей печкѣ связкою процессуальныхъ бумагъ спорящихъ сторонъ, или же сдѣлать что-либо подобное, то, разумѣется, онъ долженъ былъ бы быть уже удаленъ отъ должности и т. д.

надлежащее физическое и нравственное обращеніе съ такими индивидами.

Такъ какъ разстройства мыслительной способности имѣютъ различныя видоизмѣненія и оттѣнки, то въ гражданской жизни часто бываетъ весьма затруднительно выдержать надлежащій тактъ въ вопросѣ: что предпринять съ такими людьми? И Эскироль говоритъ: «Бываетъ родъ маніи, въ которой не обнаруживается та степень силы, энергіи и неистовства, какую мы привыкли видѣть, хотя при этомъ нельзя отрицать существованія ни той же безсвязности въ мысляхъ, ни того же безпорядка въ разговорѣ и дѣйствіяхъ. Такихъ людей все возбуждаетъ. Все ихъ сердитъ. Они въ высшей степени раздражительны, лукавы, безстыдны. Они лгутъ, они сварливы и кажутся недовольными даже тѣмъ, что для нихъ милѣе всего. Они безпрестанно жалуются на разныя вещи и на людей, и часто бываютъ необыкновенно болтливы. Безстыднѣйшія вещи выбалтываются ими безъ удержу, а зачастую и совершаются. Они оскорбляютъ, злословятъ, клевещутъ и толкуютъ все въ дурную сторону. Въ жизни такихъ людей принимаютъ то за философовъ, то за циниковъ, а иногда ихъ считаютъ даже великими умами и т. д. Такія степени и оттѣнки разстройствъ мыслительной способности находятъ также свои аналогіи и въ органахъ чувствъ. Глазъ, т. е. физическій органъ зрѣнія, можетъ быть разстроенъ, и все таки человѣкъ еще будетъ видѣть, хотя и плохо, будетъ видѣть предметы вдвойнѣ, окрашенными какимъ-нибудь цвѣтомъ и т. д. Если ухо разстроено, то точно также человѣкъ можетъ еще слышать, хотя и неясно; онъ слышитъ звонъ, шумъ, жужжаніе, свистъ и т. д. Сколько тутъ бываетъ степеней, начиная не вполнѣ хорошимъ зрѣніемъ или слухомъ и кончая совершенною слѣпотой или глухотой! Вотъ то же самое случается и съ разстройствами мышле-

нія, съ цѣлою системою ложныхъ. неотразимыхъ идей, — сколько тутъ степеней, отъ появленія первыхъ ложныхъ представленій и до совершеннаго сумасшествія! Сотни и тысячи людей, мы повторяемъ это, живутъ внѣ домовъ умалишенныхъ потому только, что отличаются отъ вполнѣ сумасшедшихъ, живущихъ въ этихъ домахъ, лишь степенью болѣзни. Но такіе индивиды, все таки уже разстроены душевно. и тогда уже достаточно одного, повидимому, самаго ничтожнаго повода, чтобъ эти страдальцы быстро прошли черезъ всѣ степени психической болѣзни для того, чтобы наконецъ дойти быстрѣйшимъ образомъ до высшей степени совершеннаго сумасшествія со всѣми его послѣдствіями.

Нѣкоторыя странныя явленія при разстройствахъ разсудка.

Тѣлесное благосостояніе тѣхъ, у которыхъ извращенъ міръ мыслей, часто представляется соматически, въ особенности въ растительномъ отношеніи, совсѣмъ нетронутымъ и здоровымъ. Многіе переваривають пищу хорошо и выглядятъ также недурно. Иные изъ нихъ достигаютъ при этомъ преклонныхъ лѣтъ, равно какъ и многіе больные нервами, которые, хотя и жалуются и стонутъ впродолженіе цѣлаго года, однако могутъ достигнуть глубокой старости. Тогда какъ въ меланхоліи, т. е. въ разстройствѣ духа отъ душевной боли, очень страдаетъ и все питаніе и вообще все тѣлесное благосостояніе: вполнѣ и совершенно одержимый безумными идеями чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, даже часто чувствуетъ себя такимъ здоровымъ, сильнымъ, свѣжимъ, веселымъ и свободнымъ, какъ еще никогда во всей своей жизни не чувствовалъ. Такъ какъ большинство страдающихъ разстройствомъ разсудка не чувствуютъ никакой боли, то они по большей части и вѣрить даже не хотятъ, что они больны. Поэтому, нѣкоторые полагаютъ скорѣе, что

въ нихъ сидитъ какая-то злоба или даже самъ діяволъ, чѣмъ соглашаются съ тѣмъ, что ихъ мучитъ такого рода болѣзнь. Почти всѣ ничего и знать не хотятъ ни о какомъ бы то ни было лѣкарствѣ, ни о надлежащемъ обхожденіи съ ними; всѣ такія вещи они настойчиво отвергаютъ и въ крайнемъ случаѣ воображаютъ, что ихъ хотятъ отравить и т. д. Многіе изъ одержимыхъ idées fixes стараются всѣми силами скрывать свою любимую безумную мысль и намѣренно избѣгать каждаго прикосновенія къ ней и притомъ самымъ заботливымъ образомъ, лишь только разъ они узнали, что имъ рѣшительно противорѣчатъ. Они не хотятъ, чтобы оспаривали или тревожили ихъ сладкое безуміе. Вотъ почему часто бываетъ такъ трудно для непосвященныхъ въ науку примѣтить что-либо безумное въ такихъ больныхъ. Больные эти также ни въ какомъ случаѣ не хотятъ прослыть сумасшедшими. Это въ высшей степени важный пунктъ относительно притворныхъ умственныхъ разстройствъ (Simulation). «Я не сумасшедшій», вотъ что почти постоянно выходитъ изъ устъ такихъ несчастныхъ. Иные желаютъ попасть за свое преступленіе скорѣе въ смирительный домъ, только ни въ какомъ случаѣ не въ домъ умалишенныхъ. Одинъ изъ моихъ паціентовъ, молодой человѣкъ, билъ своего сторожа и дома и на улицѣ за то, что тотъ не велъ его въ смирительный домъ, куда онъ будто бы принадлежалъ. Когда я говорилъ ему: «вы больны», то онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, я только проклятъ, ибо я — преступникъ, подлежащій эшафоту» и т. д. — Злыя дѣла, совершаемыя во время сумасшествія не приписываются этими людьми ни болѣзни, ни діяволу. Они говорятъ, что совершили дѣяніе обдуманно и съ умысломъ. — Одна женщина, которая въ состояніи сумасшествія убила свое собственное дитя, часто говаривала въ домѣ умалишенныхъ: «А! какъ я завидую сумасшедшимъ, здѣсь находящимся! Если бы я, во

время совершенія этого ужаснаго дѣла, была сумасшедшею, то я могла бы теперь быть спокойна и не должна была бы дѣлать себѣ упреки. Но я совершила дѣло при свѣтломъ разсудкѣ и съ полною свободою. Я не должна обвинять въ этомъ діявола: я сама преступница.»

Сумасшедшій, доколѣ онъ пребываетъ въ сумасшествіи, не знаетъ, что онъ болѣнъ. Напротивъ, никогда еще онъ не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, духовно-свѣжимъ, умнымъ, какъ именно теперь. Преступники же, которые хотятъ притвориться сумасшедшими, часто говорятъ, что они были сумасшедшими, помѣшанными и т. п. Этого сумасшедшій, доколѣ продолжается сумасшествіе, никогда не скажетъ. Онъ непрерывно играетъ роль преступника. Многіе сумасшедшіе сами являются въ судъ и сами обвиняютъ себя въ преступленіи. При публичныхъ преніяхъ на судѣ, напр. въ послѣдне-упомянутомъ дѣлѣ, касавшемся многократнаго поджигателя, такой слабоумный или умственно-разстроенный, дѣйствовавшій по безумнымъ мотивамъ, говорилъ такъ спокойно, какъ будто дѣло вовсе его и не касалось. Такіе несчастные говорятъ, какъ они совершили преступленіе и для чего, и часто разсказываютъ все самымъ точнымъ образомъ и притомъ со всѣми побочными обстоятельствами. Вотъ этого-то притворяющійся (Simulant), навѣрное, никогда не сдѣлаетъ. Больной—сумасшедшій не знаетъ, что страдаетъ умственно, и потому считаетъ себя, въ своемъ помѣшательствѣ, совершенно здоровымъ. Эти несчастные имѣютъ обыкновенно какое-то предчувствіе о приближеніи сумасшествія. Бываетъ такъ, какъ будто какой-то внутренній голосъ объявляетъ имъ объ опасности. Вначалѣ такіе люди жалуются, что они, какъ будто, сами себя не узнаютъ: «Моя душа — уже больше не полный хозяинъ въ своемъ домѣ: какая-то посторонняя сила, какая-то чужая власть старается ее стѣснить». Едва у меня появится одна

какая-нибудь хорошая мысль, какъ сейчасъ же выступятъ противъ нея 10 дурныхъ и загромоздятъ ей путь.» — «Печально быть безсильнымъ зрителемъ погибели своего собственнаго разума» и т. д. Вотъ когда больному дѣлается яснымъ и вполнѣ извѣстнымъ постепенное, такъ сказать, переспливаніе, преодолѣніе его души. *Онъ знаетъ, что дѣлается сумасшедшимъ. Но разъ сдѣлавшись таковымъ, онъ уже болѣе тогда не знаетъ, что онъ имъ сдѣлался.* Здѣсь — полнѣйшая аналогія со сномъ: и въ состояніи сна, сознаніе пребываетъ въ безпрерывномъ обманѣ, не зная, что оно обманывается. Большая часть вылѣчившихся отъ сумасшествія описываютъ также свое выздоровленіе, какъ пробужденіе отъ какого-то сна. И грезящій также никогда не знаетъ, что онъ грезитъ. Какъ только онъ это узнаетъ, онъ уже вышелъ изъ міра грезъ и находится при пробужденіи. Во снѣ также каждый есть поэтъ, мечтатель. Но у тѣхъ индивидовъ, у которыхъ прежде разстраивается сознаніе, обыкновенно совершенно уничтожается возможность свободно образовывать мысли извнутри себя. Этого рода несчастные страдаютъ въ подобные моменты (совершеннымъ) отсутствіемъ какого бы то ни было свободнаго мышленія. Этотъ недостатокъ свободнаго мышленія есть внутреннее основаніе замѣны субъективныхъ представленій объективными. Поэтому-то, помѣшанные этого рода и не знаютъ, что они помѣшаны и что ихъ мысли — ложны. Именно, если извѣстныя мысли должны быть признаны ложными, то вмѣстѣ съ этимъ, какъ превосходно замѣчаетъ Д-ръ Гагенъ, должна въ сознаніи существовать и возможность свободно образовывать, другія представленія. Однако эта возможность уничтожена и въ сумасшествіи, и въ помѣшательствѣ. Лишь въ тѣ моменты, когда болѣзненные процессы, которые разстроили органы сознанія, уступаютъ и отступаютъ, сознаніе по временамъ опять получаетъ воз-

можность произвольно образовывать новыя представленія. Такіе моменты извѣстны подъ названіемъ «свѣтлыхъ промежутковъ» («lichte Zwischenräume»). Тогда здѣсь наступаетъ періодъ времени, когда ложныя представленія узнаются, именно какъ таковыя, и человѣкъ теперь знаетъ, что былъ сумасшедшимъ. Но ложныя или безумныя представленія все таки возвращаются нерѣдко и даже часто (хотя по временамъ они и могутъ исчезать), уже по излѣченіи умственнаго разстройства. Тогда кажется, какъ будто въ мозгу задержались извѣстныя остатки болѣзни, которые возбуждаются опять очень легко. — Одинъ чиновникъ, бывшій сумасшедшимъ, писалъ изъ своей родины, по воспослѣдовавшемъ выздоровленіи: «Мои странныя идеи, которыя были у меня прежде, совершенно меня теперь оставили. Но иногда мнѣ кажется, какъ будто въ мозгу лежатъ погребенными остатки старыхъ мыслей, которыя, можетъ быть, опять безъ труда могли бы быть вызваны. Частыми размышленіями я могъ бы, какъ я думаю, легко воскресить этихъ мертвецовъ. Но я очень остерегаюсь это дѣлать и, какъ только могу, выбиваю себѣ изъ головы всѣ воспоминанія. «Пагубно было бы разбудить льва.» Я долженъ всегда бодрствовать, не то я, можетъ быть, буду въ состояніи сказать вмѣстѣ съ Lenau: «der trübe Wust — von Nebelbildern alter Kränkung — aus seiner stillen Nachtversenkung.» Когда на духовомъ инструментѣ, такъ продолжаетъ пишущій, повторительно играютъ фальшиво, то послѣ уже очень легко являются опять фальшивые звуки. Только послѣ постоянно напряженной правильной игры, можно опять начать правильно играть на инструментѣ. Вотъ эта-то работа и предстоитъ теперь мнѣ.»

Этотъ возвратъ старыхъ ложныхъ представленій очень легко объясняется. Существуетъ строгій физіологико-психическій (т. е. тѣлесно-духовный) законъ, въ силу котораго изъ всѣхъ, могущихъ быть произведенными, представленій, только тѣ входятъ въ сознаніе, которыя гармонируютъ съ соотвѣтствующимъ настроеніемъ. Но настроеніе души большею частію зависитъ отъ состоянія тѣла. Представленія, которыя гонятъ нашу кровь къ головѣ, легко опять пробуждаются, когда, какъ это бываетъ при приливахъ, кровь производитъ давленіе на мозгъ. Страхъ или ужасъ производитъ біеніе сердца; сердцебіеніе же въ свою очередь производитъ потомъ чувство безпокойства или тоски. — Одинъ студентъ, послѣ неудачнаго экзамена, получилъ сильныя головныя боли. Какъ только въ позднѣйшіе годы онъ подвергался головной боли, тотчасъ же возникали въ немъ опять мрачныя представленія о несчастномъ экзаменѣ. — Одна молодая женщина получила, вслѣдствіе безпокойства и заботъ, страданіе желудка. Когда обстоятельства ея случайно улучшились, то и страданіе также прекратилось. Коль скоро она позднѣе подвергалась, по какимъ-нибудь причинамъ, страданіямъ желудка, тотчасъ же возникали опять и старыя печальныя представленія. — Иное человѣкъ такъ охотно забылъ бы. Но едва только одно изъ прежнихъ отношеній производитъ подобное же настроеніе, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ сразу (и притомъ внезапно) возникаютъ въ немъ опять всѣ прежнія воспоминанія. Многое человѣкъ можетъ извинить и простить; но забыть все — это не въ его власти.

Поэтому-то, мы и видимъ очень часто, что у людей, повидимому, совершенно разсудительныхъ и спокойныхъ, внезапно, вслѣдствіе какихъ-нибудь, повидимому, самыхъ незначительныхъ поводовъ, обнаруживается прежняя злоба, прежнія страсти и стремленія. Человѣкъ не всегда есть

господинъ своихъ настроеній и потому-то также онъ не всегда — господинъ этихъ пробужденныхъ, (вызванныхъ по закону ассоціаціи мыслей (Ideenassociation) и до сихъ поръ вообще дремавшихъ) своихъ аффектовъ и слѣдствій этихъ аффектовъ — противозаконныхъ дѣйствій.

Мы выше сказали: больной разсудкомъ обыкновенно не знаетъ уже болѣе того, что въ немъ *кое-что* поражено болѣзнію. Но что такое разстройство навѣрное существуетъ, это доказываютъ именно болѣзненныя состоянія его духа, которыя вѣдь суть ничто иное, какъ проявленія, обнаруженія (симптомы) и дѣйствія внутренняго процесса болѣзни. И здѣсь также имѣетъ значеніе положеніе общей патологіи: *Въ основаніи каждаго болѣзненнаго явленія, касающагося также и духовныхъ силъ человѣка, необходимо должно лежать болѣзненное измѣненіе матеріи, (т. е. вещества) въ его организмъ.* Однако эти физическія разстройства до сихъ поръ еще не указаны намъ всюду, ни на живомъ человѣкѣ, ни на трупѣ. Не повсюду это — видимыя измѣненія матеріи. Наши средства изслѣдованія еще очень слабы, несовершенны и недостаточны для того, чтобы сдѣлать для насъ видимыми и осязаемыми топчайшія органическія матеріальныя разстройства. Къ тому же еще есть много дѣйствительныхъ и дѣятельныхъ силъ электрическихъ, гальваническихъ и магнетическихъ въ мозгу, которыя, какъ невѣсомыя, ускользаютъ отъ нашего изслѣдованія. Разумѣется, микроскопъ и химическое изслѣдованіе обнаружили намъ въ настоящее время уже многое, что прежде было лишь темною загадкою. Какъ между заряженною электричествомъ и незаряженною Лейденскою банкою нѣтъ никакого наружно-замѣтнаго различія, также точно это можетъ быть и въ мозгу. Непахожденіе какого-либо измѣненія въ матеріи не есть еще доказательство несуществованія этого измѣненія. Поэтому-то, и суж-

деніе врача, несвѣдущаго въ психологіи и психіатріи, относительно вмѣняемости можетъ также часто сдѣлаться самымъ вреднымъ. Именно, если врачъ желалъ утверждать, что не находитъ въ данномъ индивидѣ собственно никакой болѣзни, никакого опредѣленнаго тѣлеснаго разстройства, то нерѣдко несчастный больной попадаетъ въ руки карающей справедливости, въ этомъ случаѣ скорѣе несправедливости. Тогда глупый свѣтъ говоритъ: «Злоба этого обвиняемаго ясна, какъ день и выразилась опредѣленно, ибо врачъ нашелъ его здоровымъ.» Мы спрашиваемъ только: какой «*врачъ*»?! — «И тысяча врачей, говоритъ д-ръ Насе, которые не суть спеціально глазные врачи, не видятъ иногда въ глазу ровно ничего, и все таки глазной врачъ часто находитъ въ немъ тяжкое, неизлѣчимое страданіе. Нужно все изучить и во всемъ упражняться, а кто ничего въ дѣлѣ не понимаетъ, тотъ долженъ бы воздержаться отъ подачи какого-либо мнѣнія по этому дѣлу. Вотъ это только было бы добросовѣстно и честно. Разумѣется, нѣкоторые высоко-титулованные ученые господа стыдятся обнаружить свое невѣжество въ той области науки, которою они никогда не занимались практически, и вотъ, вслѣдствіе этой, такъ назыв. *учено-глупой гордости*, несчастный осуждается и пропадаетъ. — «Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi», — эта фраза сюда очень идетъ и означаетъ въ измѣненномъ нѣсколько видѣ слѣдующее: «за грѣхи такъ наз. *ученыхъ* господъ расплачиваются несчастные и больные люди.» И тамъ, гдѣ въ жизни ни въ какомъ случаѣ нельзя указать на тѣлесное разстройство, психологъ-психіатръ все таки, не смотря ни на какія противорѣчія, воскликнетъ совершенно справедливо: «болѣзнь все таки существуетъ, она должна здѣсь быть, иначе отправленіе не могло бы представиться непормальнымъ!» *Человѣку, должно быть, чего-то недоставало: дѣйствіе такое не могло быть совер-*

шено при здоровомъ разсудкѣ», говоритъ очень часто хоть сколько-нибудь разумный, хотя и непосвященный въ науку, человѣкъ. Если при жизни ничего не было найдено, подождите только, пока человѣкъ умретъ, тогда еще откроются у васъ глаза! И если даже (это очень часто бываетъ) и некроскопія (изученіе труповъ) ничего не обнаружитъ, тѣмъ не менѣе, все таки тѣ или другія разстройства существовали несомнѣнно. Къ этому еще присоединяется то, что нѣкоторыя состоянія приливовъ крови къ мозгу и раздраженій мозга, вслѣдствіе качественныхъ разстройствъ питанія, проходятъ, не оставляя даже и слѣда. Во время же безумнаго дѣйствія, болѣзненныя разстройства необходимо должны были существовать, ибо всегда остается истиною древнее положеніе: «morbi animi et mentis non sunt sine corporis morbo» («болѣзни души и ума не существуютъ безъ болѣзни тѣла»). Поэтому-то, мы и объяснили въ нашихъ психіатрическихъ письмахъ, что слово: «*душевная болѣзнь*» («Geisteskrankheit»), хотя и употребительно, тѣмъ не менѣе, оно не совсѣмъ подходящее и во всякомъ случаѣ неправильно обозначаетъ то, что слѣдуетъ подъ нимъ понимать. Какъ не существуютъ собственно болѣзней зрѣнія и слуха, а существуютъ лишь болѣзни глаза и уха, также точно не существуютъ и болѣзней души. *) Всякій говоритъ о слабости глазъ или ушей, и такой способъ выраженія общеупотребителенъ. Почему же послѣдовательно не говорятъ также: «слабость мозга» (Gehirnschwäche), но — «слабость ума» (слабоуміе.

*) Душа, сама по себѣ, какъ метафизика нами ее изображаетъ и догма описываетъ, есть предметъ нематеріальный (духовный) и свободный, а слѣдовательно и неспособный заболѣвать. Мы же вообще сомнѣваемся, существуетъ ли душа вполнѣ въ указанномъ смыслѣ, доколѣ мы вообще принадлежимъ къ роду животныхъ млекопитающихъ «двурукихъ» (homo rationalis).

Geistesschwäche). Въ нашемъ языкѣ и способѣ выражаться еще многое остается измѣнить, какъ неправильное и ничего не выражающее (не обозначающее именно того, что слѣдуетъ обозначить). Схоластика создала очень многія плохія опредѣленія и понятія, которыя еще и теперь стоятъ въ разладѣ и противорѣчіи съ естественною наукою. Прибавимъ къ этому еще только одинъ примѣръ, который разсказываетъ намъ д-ръ Вейль; изъ него ясно можно видѣть, какъ болѣзненное раздраженіе мозга, появляющееся вдругъ и вскорѣ потомъ опять исчезающее, поражаетъ глубоко и мышленіе, и чувства, и сознаніе, наконецъ, вообще всю душу человѣка; оно можетъ вызвать галлюцинаціи, которыя часто ведутъ къ ужаснѣйшимъ и отвратительнѣйшимъ преступленіямъ. Одна мать, внезапно заболѣвшая, видитъ возлѣ себя спящимъ въ колыбели свое дитя, на которое она смотритъ съ величайшею и нѣжнѣйшею радостію. Вдругъ ее приводитъ въ содроганіе черная, болѣзненная мысль: «Что было бы, если бы я умертвила дитя?» Сначала ея материнское чувство глубоко возмущается этою ужасною мыслію. Она любитъ свое дитя со всею силою материнской привязанности; она пожертвовала спокойствіемъ ночей, чтобы сберечь ему какую-нибудь слезу и сама рисковала своею собственною жизнію, чтобы только спасти жизнь своего возлюбленнаго дитяти. Но несмотря на это, болѣзненная идея, подстерегающая свою жертву на заднемъ планѣ, еще не побѣждена. Идея эта, причиняя сильнѣйшее безпокойство, укрепляется все болѣе и болѣе, поднимая свою ужасную голову все выше и выше. Она осаждаетъ мозгъ несчастной больной женщины со всѣхъ сторонъ, т. е. больной мозгъ самъ пересиливается своимъ же собственнымъ болѣзненнымъ произведеніемъ — больною мыслію — подобно тому, какъ все тѣло при смерти преодолѣвается наконецъ болѣзнію, которую оно само же и породило. Боль-

ная мысль получаетъ наконецъ форму и образъ, и какой-то голосъ кричитъ матери въ самыя уши: «умертви дитя!» Вначалѣ этотъ голосъ ужасаетъ несчастную, какъ передъ этимъ ужасала страшная мысль. Однако ея противодѣйствіе становится мало по малу все слабѣе и слабѣе. Здоровыя представленія начинаютъ уже подчиняться болѣзненнымъ. Такимъ образомъ, однажды ночью слышитъ она голосъ, настоятельнѣйше требующій, чтобы она здѣсь, въ уединеніи и потемкахъ, все таки наконецъ погубила свое дитя. Страшная борьба! *) Какая-то невидимая, непреодолимая сила руководитъ ея рукою. Испуганная, опускается она на колѣни и взываетъ: «Боже мой, сохрани меня отъ такого ужаснаго дѣла!» Вотъ все затихаетъ вокругъ нея. Голоса повидимому исчезли. Она ложится и вновь пытается заснуть. «Не спи!» взываетъ къ ней голосъ опять, «дѣло ни въ какомъ случаѣ такъ не можетъ окончиться! Встань, возьми это оружіе и раздроби имъ своему дитяти голову!» *) Несчастная мать оцѣпенѣла отъ ужаса; она хочетъ убѣжать. Непреодолимая сила удерживаетъ ее и тянетъ къ колыбели дитяти. Дрожащею рукою беретъ она наконецъ топоръ, стоящій въ углу комнаты. «Бей, оканчивай свое дѣло!» взываетъ опять голосъ. Лицо матери залито сле-

*) Авторъ этого сочиненія, который нѣкогда въ Вюрцбургѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, вслѣдствіе чрезмѣрнаго духовнаго напряженія, былъ мучимъ подобнаго рода галлюцинаціями, недававшими ему покоя ни днемъ, ни ночью (какіе-то голоса постоянно взывали къ нему, чтобы «разрѣзать вотъ это», т. е. разрѣзать лѣвую — и притомъ только эту — шейную жилу) можетъ лучше всего обсудить, съ одной стороны и страшную душевную борьбу, безпокойство и тоску, равно и ту страшную силу, съ которою эти голоса, нападая на насъ, производятъ эту тоску. Авторъ этой книги зналъ причину и болѣзненность своихъ галлюцинацій, которыя основывались на ревматической боли сказанной части шеи, въ связи съ разстройствомъ кровеобращенія.

*) Диво ли теперь, если набожныя и нѣсколько слабыя души принимаютъ такія галлюцинаціи за дѣйствительныя наущенія самаго діявола?

зами; блѣдная, дрожащая и полная ужаса, съ чувствомъ сильнѣйшей тоски и душевной боли, умерщвляетъ она однимъ ударомъ то, что для нея на землѣ всего дороже. Едва только послушалась она голоса, и лишь только дѣло было окончено, — какъ вдругъ галлюцинація прошла и женщина, пробужденная отъ своего ослѣпленія ужаснымъ дѣяніемъ, познаетъ все болѣе и болѣе всю тяжесть своего страшнаго дѣла. *) — «Обыкновенно, такъ заключаетъ д-ръ Вейль, разсудокъ опять возвращается послѣ такого дѣйствія; онъ возвращается, къ сожалѣнію, для того, чтобы съ полнымъ сознаніемъ убѣдиться, насколько ужасно совершенное дѣло и какъ совершенно невозможно вознаградить или исправить прошлое зло, причиненное сумасшествіемъ. Такихъ примѣровъ можно привести сотни. Они ежедневно всегда вновь случаются. — Мы должны здѣсь опять возобновить въ нашей памяти то обстоятельство, что такія галлюцинаціи дѣйствуютъ принудительно. У временно или постоянно сумасшедшихъ эти галлюцинаціи — не мечты и не обманъ. Кто все еще считаетъ свои галлюцинаціи «*мечтами болѣзненнаго свойства*» («Einbildungen krankhafter Art»), тотъ до тѣхъ поръ еще и не умопомѣшанный. Тѣмъ не менѣе, въ немъ заключается ужасный болѣзненный элементъ сумасшествія. **) Больной принимаетъ галлюцинаціи за нѣчто истинное, но не потому, что онъ этого хочетъ, а потому, что долженъ. Вѣдь онъ здѣсь только подчиняется необходимости, произведенной его болѣзнію мозга.

---

*) Сюда слѣдовало бы, можетъ быть, причислить также и тѣ случаи, гдѣ несчастные преступники увѣряли, что они, во что бы то ни стало, должны были «видѣть кровь». Лишь только жертва умерщвлена, тотчасъ же возвращается къ больному полный разсудокъ; вмѣстѣ съ уничтоженіемъ физической жизни окровавленнаго убитаго, къ преступнику возвращается какъ бы новая, психически-здоровая дѣятельность разума.

**) Никто вѣдь не станетъ считать автора этой книги сумасшедшимъ и все таки онъ, какъ разсказано, испыталъ въ своей жизни галлюцинаціи.

Однакожъ, еще не прошло и полстолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ отдавали подъ судъ наравнѣ съ преступниками и осуждали всѣхъ тѣхъ, которые совершали дѣло, подобное вышеупомянутому, совсѣмъ и не спрашивая о мотивѣ дѣйствія и не давая себѣ труда изучить душевное состояніе такъ наз. «преступника». Невѣжество и грубость — уже съ давняго времени — всегда были подъ рукою въ случаяхъ такого рода и всегда были готовы лучше принять здѣсь за объяснительную причину «злобу» (Bosheit), чѣмъ душевное разстройство. — Скажемъ здѣсь еще, въ видѣ дополненія къ статьѣ о разстройствахъ разсудка, почему именно художники, поэты и извѣстнаго рода ученые, такъ часто подвергаются сумасшествію со всѣми его ужасными послѣдствіями.

Какіе люди легче всего подвергаются сумасшествію и въ немъ совершаютъ преступныя дѣйствія? — Сужденіе о такихъ несчастныхъ.

Бываютъ, какъ мы уже упоминали, извѣстныя наклонности, темпераменты, натуры, которыя въ особенности располагаютъ къ разстройству представленій и наконецъ ведутъ къ сумасшествію. Это яснѣе всего мы видимъ изъ исторій жизни самоубійцъ. Легко воспламеняющіеся умы съ легко и живо возбуждаемою фантазіею часто очень быстро приближаются къ помѣшательству. Только въ домахъ умалишенныхъ можно научиться познавать «духъ», который въ состояніи производить такія губительныя и разнообразныя картины безумія. Здѣсь, въ сумасшествіи, фантазія господствуетъ со всею ея творческою силою. Какъ живо обнаруживается у помѣшанныхъ этого рода «внутренній міръ!» Какъ ясны и пластичны ихъ картины! «О еслибъ же я былъ живописцемъ, воскликнулъ одинъ сумасшедшій, какъ бы я нарисовалъ діявола!» «О, если бы я обладалъ даромъ

изображенія! говорилъ другой, я желалъ бы писать прекраснѣйшіе романы, въ моей головѣ все происходитъ совершенно романически!» Всѣ душевно-больные, у которыхъ фантазія образуетъ преобладающій элементъ, откровенно утверждаютъ, что они уже съ самой юности не только имѣли фантастическія представленія, видѣли «привидѣнія» и слышали «голоса», но также чувствовали большое стремленіе къ уединенію и имѣли влеченіе къ книгамъ фантастическаго содержанія. Вѣдь у очень многихъ несчастныхъ поэтовъ, какъ и самъ Гоффманъ говоритъ, «*состояніе вдохновенія усилилось до сумасшествія.*»

Диво ли послѣ этого, что многіе поэты справедливо считаются въ обыденной жизни удивительными чудаками, людьми странными и т. д. Вѣдь даже самъ трезвый Гёте считаетъ извѣстную раздражительность мозга необходимымъ условіемъ поэтическаго таланта. Бываютъ дѣйствительно припадки сумасшествія, которые совершенно равняются поэтической экзальтаціи. Какое ужасающее число поэтовъ — мужчинъ и женщинъ — впали въ меланхолію или сумасшествіе?! То же самое случается и съ фантастическими художниками. «Классы извѣстныхъ виртуозовъ, эротическихъ поэтовъ и полу-дурацкихъ юмористовъ, говоритъ д-ръ Линговицъ, которыя, въ одеждѣ кажущейся геніальности, обнаруживаютъ лишь раздраженіе своего мозга, очень многочисленны. Многіе обыкновенно рано умираютъ. Но многіе также предварительно проходятъ черезъ домъ умалишенныхъ.» Наблюденіе Эскироля, — что у поэтовъ и художниковъ, у которыхъ сила воображенія, т. е. способность представленія подвержена усиленному возбужденію, душевныя разстройства, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, случаются необыкновенно часто, — подтверждается ежедневно. Улихъ, Вилькс, Ридль, Циммерманнъ — сынъ, Эфраимъ Мозесъ Ку, Рейнгольдъ Ленцъ, Фридрихъ Шульцъ,

Фрейгерръ Ф. Зонненбергъ, Іоаннъ Карлъ Вецель, Гельдерлинъ, Ленау, Тикъ, Фердинандъ Заутеръ, Генрихъ Ф. Клейстъ, Ферд. Раймундъ, Гайднъ, Моцартъ, Сальери, Доницетти, Кларке и многіе другіе умерли въ состояніи сумасшествія, или же лишили себя жизни въ этомъ состояніи. Поэтому знаютъ, какъ должно было вести на судѣ процессы, по поводу нѣкоторыхъ дѣяній такихъ экзальтированныхъ, фантастическихъ художниковъ и поэтовъ. Но, безъ сомнѣнія, для появленія условій возникновенія фантастическихъ, ложныхъ представленій нужно извѣстное расположеніе органовъ представленія (головнаго мозга). Также и Гисленъ (Guislain) считаетъ это несомнѣннымъ. По крайней мѣрѣ извѣстны условія, препятствующія этой наклонности къ фантазированію. «Лѣниваго флегматика, говоритъ д-ръ Штольбергъ, вдохновеніе не посѣщаетъ.» И Молешотъ пишетъ: «излишекъ жира въ крови человѣка стѣсняетъ теченіе мыслей и льетъ свинецъ на крылья воображенія.»

Коренные жители Мексики, питающіеся растеніями, не фантазируютъ даже въ горячкахъ. Картины фантазіи тяжело раненыхъ, первная раздражительность въ періодѣ мѣсячнаго очищенія и въ родильномъ сумасшествіи — имѣютъ свое основаніе, напротивъ, въ большихъ потеряхъ крови, при чемъ, на это время, мозгъ уже болѣе не питается достаточно. Также и вслѣдствіе аскетическаго образа жизни, вслѣдствіе чрезмѣрнаго поста, ночнаго бдѣнія, перерыва сна, въ особенности вслѣдствіе первныхъ возбужденій — сила представленій ослабляется, что также располагаетъ къ психическимъ разстройствамъ. Отсюда можно также вывести тѣ заключенія, которыя слѣдуетъ сдѣлать относительно способности ко вмѣненію многихъ хворыхъ монахинь, и которыя всегда слѣдовало бы дѣлать въ прежнихъ процессахъ объ одержимыхъ бѣсами и о колдуньяхъ. «Въ слабомъ, говоритъ духъ Гамлета, воображеніе дѣйствуетъ

напильнѣе.» Отъ матерей же чрезмѣрная дѣятельность фантазіи часто переходитъ къ дѣтямъ въ видѣ наслѣдства. Поэтому-то Гёте и влагаетъ въ уста Фауста полныя значенія слова: «Матери, матери! какъ удивительно звучитъ это слово!» — Какъ слишкомъ сильный приливъ крови къ мозгу, а равно и другая крайность — недостатокъ крови — ведетъ къ фантазированію и къ ложнымъ представленіямъ — это извѣстно. Парри уничтожилъ даже припадки бѣшенства посредствомъ давленія, произведеннаго на *carotid*'ы, т. е. на большія шейныя артеріи, приносящія кровь къ мозгу. Усиленная веселость и необыкновенная живость у дѣтей суть подозрительные предвѣстники воспаленія мозга, обусловленнаго слишкомъ сильнымъ притокомъ крови къ мозгу. Очень многіе, даже большая часть несчастныхъ поэтовъ еще къ тому же искуственно возбуждали свою фантазію, пригоняя кровь къ мозгу холодными ножными ваннами, раздражающими горячими напитками и т. д. Чего вообще желаютъ люди, когда они отъ тоски и заботъ прибѣгаютъ къ спиртнымъ напиткамъ? Вино потому собственно называется «гонителемъ заботъ» («Sorgenbrecher»), что оно можетъ создавать совершенно иныя, т. е. фантастическія представленія и картины. Часто появленіе душевныхъ разстройствъ приписываютъ пьянству. Но большая часть этихъ несчастныхъ заключали уже въ себѣ самихъ причины, а иногда уже и начало своего душевнаго страданія, когда еще только приступали къ употребленію спиртныхъ напитковъ. Они только прибѣгли къ этимъ средствамъ съ тою цѣлію, чтобы отогнать столь тягостныя для нихъ, черныя мысли и представленія. Вообще человѣкъ гораздо чаще прибѣгаетъ къ спиртнымъ напиткамъ въ несчастные, черные дни, чѣмъ въ счастливые. Вотъ исходя изъ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ очень часто обсуждать и анализировать на судѣ такъ наз. «*пьяницу*» (Trunksüchtige), вмѣстѣ съ его дѣ-

лами. Трезвый умъ строгъ, скроменъ, цѣломудренъ, силенъ и полонъ характера. Фантазія же соблазнительна, распущена, сладострастна, нѣжна и сантиментальна. Фантазія возбуждаетъ страсти, какъ добрыя, такъ и злыя; разсудокъ же ихъ успокаиваетъ. Гдѣ фантазія господствуетъ, пересиливаетъ разсудокъ, тамъ каждое мгновеніе можно опасаться какого-либо несчастія. — Одинъ выздоровѣвшій сумасшедшій писалъ: «Теперь я совсѣмъ другой человѣкъ. Прежде, во время моего безумія, я чувствовалъ себя столь блаженнымъ, какъ будто я былъ какое-нибудь высшее существо. Массами притекали мысли въ мою голову. Я думалъ о такихъ величественныхъ вещахъ, о которыхъ я теперь и думать бы совсѣмъ не могъ. Часто я былъ настроенъ вполнѣ лирически и при этомъ безпрерывно находился въ состояніи какого-то восхитительнаго вдохновенія. Оно насильно побуждало меня сочинять стихи. Теперь же я совершенно прозаиченъ, но зато совершенно здоровъ, слава Богу! Здоровье мнѣ все таки милѣе, чѣмъ состояніе божественнаго сумасшествія!» Также и теперь живущій поэтъ, произведенія котораго такъ превозносятся (Lenau), былъ нѣкогда въ домѣ умалишенныхъ. Какъ легко могутъ здѣсь появляться новые рецидивы (возвраты болѣзни)! Поэтому, я бы совѣтовалъ обращать сугубое вниманіе на поэтовъ, художниковъ и т. п. исполненныхъ фантазіи людей, когда идетъ дѣло о вмѣненіи имъ ихъ дѣйствій. Будемъ только всегда помнить и еще разъ возобновимъ въ нашей памяти, что мы никогда не замѣчали, чтобы какое-либо духовное явленіе не было слѣдствіемъ матеріальной причины, какъ это намъ говоритъ и Гёте. Когда судья отдѣляетъ духъ человѣка отъ его организма и критикуетъ человѣка уже въ такомъ раздѣленномъ видѣ, то его рѣшеніе слишкомъ часто бываетъ безчеловѣчно, безжалостно: онъ смотритъ какъ на вину души на то,

что на самомъ дѣлѣ было лишь виною натуры. Какъ трудно иногда бываетъ сказать, что принадлежитъ собственно душѣ, а что есть дѣло самой натуры! Насколько фантазія зависитъ отъ состоянія тѣла, это видно далѣе и изъ того, что работа, дѣятельность и движеніе, которыя имѣютъ такое сильное вліяніе на мускулы и на обмѣнъ вещества въ тѣлѣ, ослабляютъ фантазію. Естествоиспытатели, охотники, солдаты, моряки почти никогда не бываютъ фантазерами. Спокойствіе, недѣятельность и сидячій образъ жизни, напротивъ, споспѣшествуютъ фантастической жизни. Однако тѣхъ людей слѣдуетъ считать счастливыми, у которыхъ нѣтъ наклонности къ усиленной возбуждаемости фантазіи. Они извѣстны какъ натуры сухія, черствыя, трезвыя, непоэтическія, прозаическія. Греки называли такихъ людей лишенными общества музъ («musenlose»). У нихъ-то большею частію вся духовная жизнь находится въ полномъ равновѣсіи. Это люди, которые считаются хорошо знающими свѣтъ и очень осторожными; они любятъ общество и подвижную жизнь, избѣгаютъ уединенія, занимаются практическими вещами и не находятъ никакого вкуса ни въ поэтическихъ произведеніяхъ, ни въ сказкахъ, ни въ исторіяхъ о духахъ и привидѣніяхъ. Вотъ эти-то натуры, какъ это показываютъ также Эскироль и другіе, наименѣе подвергаются сумасшествію. Между монархами, въ особенности, Рудольфъ Габсбургскій, Наполеонъ I и Императоръ Николай Павловичъ — были такими натурами. Также и въ глазахъ Лессинга все то, что не оправдывалось разумомъ и разсудкомъ, не имѣло ровно никакого значенія. Лессингъ тоже имѣлъ отвращеніе отъ всякой сантиментальности, мечтательности и фантазерства. Какъ самъ онъ удостовѣряетъ, онъ во всю свою жизнь наслаждался здоровымъ сномъ и никогда не грезилъ. Между прочимъ, онъ сказалъ: «Кто меня называетъ геніемъ, тому я охотно далъ бы

пощечину. Точно также я и не поэтъ. Не всякій, кто сочиняетъ стихи, есть уже поэтъ.» Гелти (Hölty), Ленау (Lenau), Ф. Клейстъ (v. Kleist) и другіе несчастные фантазеры были, напротивъ, постоянно мучимы неспокойнымъ сномъ, разными грезами и сновидѣніями. Поэтому-то, поэтъ и врачъ Фейхтерслебенъ говоритъ совершенно справедливо о нашей новѣйшей поэзіи: «Источники той поэзіи — по большей части, болѣзненныя состоянія. Ипохондрія есть кормилица новѣйшей литературы, и скорѣе всего для правильной критики нашихъ молодыхъ поэтовъ потребны врачи, а не рецензенты.» Гете и Шиллеръ чувствовали очень хорошо всѣ опасности отъ поэтическаго фантазерства. Потому-то первый посвятилъ себя изученію природы, а второй — исторіи. Подобнымъ образомъ поступали Клеменсъ Брентано, потомъ виртуозы: Клементи, Стефанини, Бахъ, которые усмотрѣли весь вредъ безпрерывнаго, возбужденнаго и пагубнаго фантазерства и, занимаясь практическими вещами, этимъ самымъ старались сохранить равновѣсіе своего духа. И большею частію при этомъ они доживали до старости.

Вотъ почему тотъ, кто научился понимать, что иногда достаточно одной единственной кровяной волны (произведенной ненормально), для того, чтобы гармонію души превратить въ дисгармонію, изъ этого поймете также, что такія состоянія человѣческой души не могутъ быть измѣряемы обыкновеннымъ мѣриломъ вмѣняемости. Если бы судьи также основательно знали и болѣзненные процессы мышленія человѣка, какъ знаютъ законы, по которымъ судятъ людей, то они бы, навѣрное, менѣе осуждали, а болѣе миловали.

V.

Разстройства побужденій и влеченій. Разстройства воли. Безумные поступки.

«Ты испытуешь сердца и утробы, праведный Боже. (пс. 7, 10).

«Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ» (посл. къ Римл. 12, 19).

Кое-что для введенія.

Какъ представленіе — эта дѣятельность, свойственная большому мозгу — стоитъ въ ближайшемъ соотношеніи съ дѣятельностію чувствъ; такъ и между дѣятельностью двигательной системы и представленіями существуетъ очень тѣсная связь. Если представленіе принимаетъ направленіе, имѣющее цѣлію движеніе мускуловъ (motorische Richtung), то возникаетъ стремленіе. Вмѣшательство въ наше представленіе идей о движеніи есть посредствующій процессъ, чрезъ который должно пройти всякое проявленіе духовной жизни. Всѣмъ движеніямъ души свойственно стремленіе обнаруживаться, изображаться въ дѣйствіи. Преимущественно же чувственныя ощущенія служатъ побудительными причинами нашихъ дѣйствій. Ощущенія либо приходятъ къ намъ извнѣ, либо же происходятъ изъ нашего собственнаго тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ они выходятъ изъ кишекъ, изъ половыхъ органовъ, изъ сердца и т. д.

и, какъ чувственныя потребности, даютъ дѣйствію то болѣе легкіе, то болѣе сильные толчки. У животныхъ эти чувственныя потребности (инстинктъ, природное влеченіе) господствуютъ свободно, побуждаютъ ихъ напр., къ далекимъ путешествіямъ и т. д. Въ здоровомъ человѣкѣ непосредственный переходъ ощущеній въ движенія (слѣдовательно, въ дѣйствія) открытъ свободному вліянію представленій; и, такимъ образомъ, среди чувственныхъ побужденій, представленія объ обязанностяхъ и вообще о нравственности являются элементомъ напоминающимъ и управляющимъ этими побужденіями. Совсѣмъ иначе это происходитъ у душевноразстроеннаго. Здѣсь вліяніе представленій на побужденія ослаблено, зато ощущенія и чувственныя толчки усилены. Поэтому-то, мы видимъ очень часто на душевно-больныхъ, что обжорство и половой инстинктъ обнаруживаются у нихъ совершенно открыто, усиливаясь до ужасныхъ размѣровъ, ни на что не обращая вниманія. Вотъ именно здѣсь-то, при этихъ побужденіяхъ, часто и обнаруживается, какъ чувственность дерзко пренебрегаетъ всѣми этическими и эстетическими представленіями (представленіями о нравственномъ и прекрасномъ). Поэтому, святая правда, — что голодъ и любовь суть сильнѣйшіе мотивы человѣческихъ дѣйствій.

Когда сознанныя, ясныя представленія сами получили уже отношеніе къ двигательной системѣ чрезъ вмѣшательство идей о движеніи (Bewegungsanschauungen), тогда возникаетъ то, что мы называемъ «хотѣть» или «желать». Но существуетъ слѣдующій основной законъ человѣческой души: «*всѣ представленія, вслѣдствіе принужденія, переходятъ въ стремленія и желанія.*» Мы должны хотѣть. Душевно-здоровый человѣкъ привлекается и принуждается къ тому, чтобы обнаруживать свои представленія, реализировать ихъ въ дѣйствія и такимъ образомъ отъ

нихъ освободиться. Когда это совершится, душа чувствуетъ себя облегченною и освобожденною: она освободилась отъ своихъ представленій, посредствомъ дѣйствія, и ея равновѣсіе опять возстановлено. Это — удивительный основной фактъ психической жизни, который долженъ быть извѣстенъ каждому человѣку по внутреннему опыту. Этотъ основной принципъ одинаково обнаруживается какъ въ художникѣ, котораго цѣлые годы занимала его идея, его стремленіе творить, такъ и въ томъ несчастномъ, котораго повергаетъ въ мучительнѣйшую внутреннюю борьбу мысль о томъ преступленіи, которое онъ совершитъ, послѣ чего, съ выполненіемъ задуманнаго дѣла, къ нему мгновенно возвращается спокойствіе. Не чувствуетъ ли каждый уже въ себѣ самомъ это влеченіе высказывать свои мысли, т. е. переводить ихъ въ живыя слова, въ дѣйствія? Удерживаніе мыслей — молчаніе — есть только результатъ господства представленій надъ этимъ влеченіемъ, которое (господство) очищается опытностію, образованіемъ и т. д. Какъ тяжело иногда бываетъ молчаніе и какой оно стоитъ борьбы? Потому-то тамъ, гдѣ могущественная власть представленій отчасти ослабляется, какъ напр. при опьяненіи, величайшія тайны, какъ и вообще всѣ мысли, высказываются, т. е. переводятся въ дѣйствіе. Но чѣмъ сильнѣе ощущенія и чувства, тѣмъ скорѣе они дѣлаются побужденіями, стремленіями. И чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе представленія, тѣмъ легче они вынуждаются къ переходу въ дѣйствія. Основываясь на этихъ фактахъ, мы тѣмъ легче можемъ сдѣлать эту главу вполнѣ понятною.

Побужденія и влеченія человѣка. Сила этихъ двигателей вообще.

Въ человѣкѣ обнаруживается такъ наз. «естественная или природная воля» (Naturwille), т. е. желаніе, возник-

шее вслѣдствіе чувственныхъ ощущеній, влеченіе, инстинктъ, въ противоположность желанію души, желанію, вызванному представленіями. — Всѣ органы нашего тѣла требуютъ извѣстной дѣятельности (Instandsetzung), причемъ они проявляютъ при этомъ извѣстное возбужденіе, раздраженіе или же это раздраженіе само побуждаетъ органъ къ дѣятельности. Поэтому насколько разнообразны органы нашего тѣла, настолько же разнообразны также и влеченія. Существуютъ: побужденіе ѣсть, аппетитъ (Ernährungstrieb); половое влеченіе, стремленіе къ произрожденію (Geschlechtstrieb); чувство или инстинктъ самосохраненія (Selbsterhaltungstrieb); побужденіе или стремленіе двигаться (Bewegungstrieb) и т. д. Въ здоровомъ состояніи разсудокъ можетъ, т. е. правильныя, контролируемыя, сдѣлавшіяся господствующими, ясныя представленія могутъ регулировать и управлять многими влеченіями въ человѣкѣ. Въ болѣзненныхъ же состояніяхъ, напротивъ, различныя влеченія могутъ освободиться отъ господства души; и, такъ какъ извѣстные органы являются при этомъ болѣзненно-возбужденными въ своей дѣятельности, то и влеченія могутъ усилиться до эксцессовъ, т. е. можетъ явиться излишнее, неумѣренное удовлетвореніе этихъ влеченій. Кромѣ того, въ самомъ человѣкѣ находится очень много собственно неизвѣстнаго его душѣ. Какъ много происходитъ въ насъ отправленій и измѣненій, которыхъ мы, именно доколѣ мы здоровы, и не чувствуемъ и даже совсѣмъ и не сознаемъ! Обмѣнъ матеріи, пищевареніе, отправленія печени, селезенки, почекъ, сердца и т. д. происходятъ безъ нашего содѣйствія и помимо нашего желанія. Кромѣ воли бываютъ еще многія другія возбужденія, которыя заставляютъ наши органы дѣйствовать и, при болѣзненныхъ состояніяхъ человѣка, могутъ ихъ понуждать къ ненормальнымъ проявленіямъ. Нормальныя въ насъ явленія потому собственно менѣе насъ удивляютъ, что мы къ нимъ

привыкли; тѣмъ болѣе удивляемся мы ненормальному, какъ чему-то необыкновенному, чрезвычайному, непривычному. — У нѣкоторыхъ особъ бываетъ непреодолимое влеченіе къ смѣху, плачу, отъ которыхъ они никакъ не могутъ удержаться, несмотря на то, что они стыдятся этого и даже борятся съ этими побужденіями. Какъ настоящая судорога, нападаетъ на нихъ это влеченіе, — и вотъ они совершенно непроизвольно подвергаются этимъ судорожнымъ припадкамъ. Многіе изъ такихъ побужденій, какъ напр. пляску св. Вита, половую ярость, слѣдуетъ разсматривать, какъ настоящіе судорожные припадки, вызванные извращеніемъ извѣстныхъ органовъ. При конвульсивныхъ — или что тоже судорожныхъ — состояніяхъ, наблюдаются различнѣйшія искаженія лица и тѣлодвиженія, которыя происходятъ совсѣмъ безъ участія, даже противъ воли. Какъ много людей, вообще здоровыхъ, подвержены такимъ жестикуляціямъ, которыя, какъ непроизвольныя влеченія, глубоко вкоренившіяся, не могутъ уже болѣе быть преодолѣваемы. Нѣкоторые, едва проговоривши 10—12 словъ, трясутъ головою или же дѣлаютъ все одни и тѣ же, весьма комичные и притомъ совершенно безцѣльныя движенія руками, другіе — какъ бы хватаютъ что-то ртомъ и т. д. Такимъ образомъ, существо судоро́гъ, называемыхъ пляскою св. Вита, состоитъ въ томъ, что страдающіе этой болѣзнію, несмотря на то, что сознаніе при этомъ большею частію не помрачено, все таки не въ состояніи держать спокойно свои члены. Спинный мозгъ и мозжечокъ до сихъ поръ были извѣстны преимущественно какъ органы, служащіе посредниками движеній. Что мышленіе, происходящее въ головномъ мозгу, должно однако господствовать надъ всею двигательною сферою, — это уже можетъ быть замѣчено на самомъ строеніи мозга, гдѣ передніе лопасти большихъ полушарій у человѣка совершенно покрываютъ мозжечокъ, его превышаютъ. По анатомиче-

скому расположенію, органы мышленія лежатъ выше органовъ побужденій и движеній, и этимъ какъ бы указывается на господство первыхъ надъ послѣдними. У животныхъ это не такъ. У большей части животныхъ большой мозгъ не покрываетъ мозжечка; такъ что у нихъ природное влеченіе (инстинктъ) есть единственный руководитель всей ихъ дѣятельности.

Мы уже знаемъ, что бываютъ представленія непроизвольныя, вызванныя ощущеніями и внезапными настроеніями. Точно также бываютъ и непроизвольныя движенія. Доколѣ человѣкъ здоровъ, т. е. доколѣ онъ — полный господинъ своихъ дѣйствій, дотолѣ извѣстныя его движенія и дѣятельности всегда опредѣляются предвзятыми цѣлями и выполняются согласно съ представленіями объ этихъ цѣляхъ Но коль скоро человѣкъ уже не господствуетъ болѣе надъ своими дѣйствіями, т. е. если онъ психически-болѣнъ, то онъ теряетъ уже способность управлять своими первами движенія и принуждается къ непроизвольнымъ дѣйствіямъ. Мы оставляемъ здѣсь пока безъ разсмотрѣнія тѣ превратныя дѣйствія, которыя хотя и слѣдуетъ разсматривать, какъ превратныя съ точки зрѣнія здороваго міросозерцанія; но которыя, съ точки зрѣнія сумасшедшаго человѣка, имѣютъ значеніе желаемыхъ, вполнѣ цѣлесообразныхъ дѣяній.

Половая ярость. Нимфомонія. Сатиріазисъ.

Мы назвали спинной мозгъ съ мозжечкомъ главнымъ сѣдалищемъ первовъ, реализирующихъ побужденія и влеченія. Но эти нервы движенія связаны съ нервами ощущенія. Поэтому,— такъ какъ эти нервы ощущенія часто возбуждаются и раздражаются различнѣйшими внѣшними вліяніями: накожными сыпями, электрическими вліяніями, неправильнымъ образованіемъ крови; — то они не могутъ, не

подчиняясь волѣ, вести къ судорогамъ, непроизвольнымъ движеніямъ и т. д. Какъ больной чесоткою напр. третъ пораженныя части, и даже сильнѣйшая воля ничего противъ этого сдѣлать не можетъ, также точно (и даже еще скорѣе) это можно сказать о зудѣ, возникающемъ въ женскихъ половыхъ частяхъ (pruritus vulvae). Часто больная принуждается къ тренію своихъ половыхъ частей съ такою силою, съ такою настоящею яростію, что наконецъ пѣна является у рта, глаза блуждаютъ, и появляются настоящіе конвульсивные припадки. — Точно также напр. глисты, именно личинки, далѣе раздражающія, острыя вещества (напр. шпанскія мухи), геморроидальныя состоянія, лишаи — могутъ являться относительно половой сферы такого рода раздраженіями, что бываютъ поводомъ къ величайшимъ и даже преступнымъ извращеніямъ половыхъ отправленій. Такъ, часто судамъ приходится разбирать дѣла о чрезмѣрномъ распутствѣ, объ изнасилованіи или о противоестественномъ удовлетвореніи половаго инстинкта, гдѣ такія излишества суть скорѣе слѣдствіе, чѣмъ причина разстроеннаго здоровья. Если при этомъ разсудокъ уже отъ рожденія слабоватъ, а при этомъ, само собою разумѣется, и воля также слаба, то такія, обусловленныя болѣзненными процессами, влеченія могутъ дойти до ужаснѣйшаго извращенія. Такъ, кретины, идіоты, и вообще люди очень слабаго ума предаются нерѣдко онанизму съ ужасною яростію, и часто открыто, такъ сказать, на глазахъ цѣлаго свѣта отдаются, подобно обезьянамъ, своему болѣзненному влеченію. Бываютъ даже люди, какъ и д-ръ Гонбаумъ говоритъ, которые прекрасно видя и сознавая всю пагубность своего порока, многое, часто даже все, что только они имѣютъ, отдали бы за то, чтобы только освободиться отъ него; но ни собственная ихъ воля, ни строжайшій надзоръ надъ ними не въ состояніи удержать ихъ отъ порока, который мало-по-малу упи-

чтожастъ и разсудокъ и волю. Мы знаемъ даже примѣры, гдѣ нужно было прибѣгнуть къ послѣднему средству — къ оскопленію—чтобы чрезъ это отклонить самоубійство больнаго. Мы знаемъ, что у женщинъ почти всегда съ помѣшательствомъ, какъ и вообще со всѣми состояніями душевнаго возбужденія, соединяется и половая ярость—нимфоманія—въ болѣе или менѣе сильной степени.

Платонъ, великій и божественный философъ и естествоиспытатель, говоритъ уже (и почти наивно, можно было бы сказать): «*матка* (въ смыслѣ совокупности женскихъ половыхъ органовъ) *есть животное, которое постоянно жаждетъ беременности*», («animal prolis generandae cupidum») и которое, слѣдовательно, если жажда эта не удовлетворяется, гнѣвается и впадаетъ въ ярость. Галенъ вполнѣ соглашается съ этимъ мнѣніемъ, и одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей среднихъ вѣковъ. Фонъ-Гельмонъ, приписываетъ маткѣ точно также извѣстное самостоятельное господство, говоря: «*эта владычица дѣлается ядовитой, вслѣдствіе гнѣва за отказъ въ совокупленіи, и мститъ за это тѣмъ, что производитъ нимфоманію.*» Тотъ же врачъ заходитъ такъ далеко, что утверждаетъ: «не только всѣ болѣзни половыхъ органовъ, но и всѣ другія страданія (души и тѣла) происходятъ у женщины отъ половыхъ частей.» Въ этомъ смыслѣ говоритъ и Гете въ «Фаустѣ»: «Es ist ihr ewig Weh und Ach — So tausendfach — Aus einem Punkte zu kuriren.» *)—Женщина напр., образецъ кротости и добродѣтели, которая никогда не произнесла ни одного неделикатнаго слова, была хорошею дочерью, женою и матерью, вдругъ дѣлается душевно-больною, вслѣдствіе

*) «Для аховъ ихъ и оховъ разныхъ свойствъ,
И всевозможныхъ ихъ разстройствъ,
«*Всегда одно лекарство нужно.*

глубокаго страданія, произведеннаго раздражительнымъ состояніемъ матки. Прежняя боязливость ея превращается въ дерзость, ея кротость — въ дикость. Она произносить только оскорбленія, пахабства, ругательства и вообще непристойныя слова, и не наблюдаетъ ни законовъ приличія, ни законовъ человѣчности. Безстыдство ея выдерживаетъ взоры всѣхъ, и въ своемъ слѣпомъ бреду, который произошелъ отъ неудовлетворенія или недостаточнаго удовлетворенія ея половаго влеченія, она угрожаетъ своему отцу, бьетъ своего мужа или умерщвляетъ своихъ дѣтей, если только выздоровленіе или смерть не положатъ конца этому возбужденному состоянію. Вѣдь у всѣхъ душевно-разстроенныхъ молодыхъ дѣвушекъ мы замѣчаемъ также и разстройства мѣсячныхъ очищеній, болѣзни матки, черезъ-чуръ быстрое развитіе пробуждающейся половой жизни и т. д. Едва замѣтное загнутіе или искривленіе матки можетъ изъ цѣломудреннѣйшей дѣвицы сдѣлать безстыдпѣйшую публичную женщину. «Поэтому, слѣдовало бы, прежде чѣмъ посылать дѣвушекъ въ монастырь, показать имъ, или и дать отвѣдать тѣхъ наслажденій, которыхъ они хотятъ или должны лишиться навсегда; прежде чѣмъ заставить ихъ отказаться отъ этихъ, имъ неизвѣстныхъ приманокъ, слѣдуетъ ихъ ознакомить съ ними, чтобы потомъ не нужно было бояться, что ложныя, преувеличенныя представленія половыхъ наслажденій, которыя имъ остались вполнѣ неизвѣстными, ожесточатъ ихъ сердце и душу, и нарушать миръ ихъ уединенія», говоритъ совершенно справедливо Руссо.

Половая ярость у женщинъ часто является періодически и находится въ очевидной связи съ мѣсячными кровоистеченіями. Вѣдь почти каждый мужъ знаетъ, что незадолго до, во время и вскорѣ послѣ мѣсячнаго очищенія жены обыкновенно бываютъ наиболѣе чувствительны, воспріимчивы и раздражительны какъ въ половомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. Душевная и тѣлесная жизнь жен-

щины находится, какъ показываетъ всеобщій опытъ, болѣе, чѣмъ у мужчины, въ зависимости отъ половой сферы и подъ ея вліяніемъ. *) Поэтому-то и нимфоманія у женщинъ бываетъ гораздо чаще, чѣмъ сатиріазисъ или половая ярость у мужчинъ. Половыя части и мозжечокъ суть здѣсь главныя причины и, такъ сказать, источники этихъ страданій. Послѣднее мы видимъ уже навѣрное изъ того, что пріапизмъ (болѣзненное возбужденіе мужскаго члена), точно также какъ и нимфоманическіе припадки, часто быстро уступаетъ холоднымъ компрессамъ на мѣсто нахожденія мозжечка, т. е. на затылокъ. Такъ же Галь и вся френологія переносятъ половое влеченіе въ область затылка. Затылокъ быка характеристиченъ. Разсудокъ, воля, стыдъ — все это какъ бы исчезаетъ у нимфоманическихъ женщинъ, коль скоро онѣ выходятъ изъ своего уединенія (въ которомъ обыкновенно пребываютъ) и встрѣчаются съ мужчинами. **) Галь разсказываетъ намъ о настоящихъ припадкахъ столбняка, которымъ подверглась молодая женщина, нѣсколько дней спустя послѣ смерти своего мужа. Черезъ 25—30 минутъ это ужасающее состояніе окончилось сла-

*) Это поистинѣ хорошо, что мы, мужчины, не находимся до такой степени подъ вліяніемъ половой сферы, какъ женщины. Мужчины могутъ также гораздо легче помочь себѣ въ отношеніи удовлетворенія своего половаго влеченія, чѣмъ женщины. Очень многіе полиціанты должны были бы записать себѣ это на лбу, чтобы иногда быть менѣе безпощадными и болѣе человѣчными относительно молодыхъ дѣвушекъ въ домахъ терпимости и внѣ оныхъ.

**) Наоборотъ, яснѣе всего можно видѣть вліяніе половыхъ частей и половой жизни на евнухахъ и скопцахъ (кастратахъ). Здѣсь операторъ вырѣзалъ у изуродованнаго не однѣ только половыя части, но вмѣстѣ съ ними, такъ сказать, и сердце и чувства. Оскопленный неспособенъ поэтому ни къ какому великому дѣлу. Мѣсто мужества заступаетъ боязливость а мѣсто честности — трусость, коварство и лукавство. Вѣдь мы видимъ въ обыденной жизни, какъ любовь, это чувство и влеченіе, возникающее изъ половой сферы, дѣлается матерью почти всѣхъ геройскихъ дѣяній и міропотрясающихъ предпріятій.

дострастнымъ возбужденіемъ. Отъ природы цѣломудренная женщина потеряла во время этихъ припадковъ всякую разсудительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственную свободу. Сверкающіе глаза, искаженныя черт лица, полуоткрытый ротъ, свистящее дыханіе — сопровождались непристойными словами и сладострастными тѣлодвиженіями. Многія такія несчастныя думаютъ поэтому, что онѣ совокуплялись съ такъ наз. «домовымъ» (Nachtmännchen). Тѣ, которыя воображали, что присутствовали при сладострастныхъ субботнихъ сценахъ, были истерическія или нимфоматическія женщины съ періодическими припадками. Даже благочестивый мистикъ Герресъ описываетъ, какъ бѣснующіяся монахини одержимы были діявольскими припадками, причемъ онѣ, валяясь по полу, дѣлали точно такія движенія, какъ будто съ ними совершалось половое совокупленіе: они подергивались и валялись, скрещивали ноги, сдвигали и раздвигали колѣни, дѣлали судорожныя подергиванія всѣмъ тѣломъ и т. д. И такихъ несчастныхъ привлекали къ суду, подвергали пыткѣ и сожигали или обезглавливали!! *) Что при уничтоженной способности ко вмѣненію, во время этихъ припадковъ половой ярости, при этомъ половомъ бѣшенствѣ или неистовствѣ, доходящемъ до степени совершеннаго умоисступленія или помѣшательства могутъ совершаться разнаго рода проступки и даже преступленія,— это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Даже еще и въ незначительныхъ степеняхъ нимфоманіи,

*) Читайте только описаніе процессовъ бѣснующихся монахинь въ урсулинскомъ монастырѣ въ Loudun'ѣ, процессъ священника Урбана Грандье или же процессъ послѣдней обезглавленной и потомъ сожженной колдуньи въ Баваріи, далѣе — монахини и субпріорини Ренаты Зенгеръ въ Вюрцбургѣ (родившейся въ Мюнхенѣ 1680 г., сожженной въ годъ рожденія Гете, 1749 г. 21 января) и многія другія ужасныя исторіи, гдѣ несчастныя больныя, какъ преступницы, были подвергаемы самымъ тяжкимъ наказаніямъ.

гдѣ половая ярость еще не развилась вполнѣ, часто совершаются «сумасброднѣйшія» проказы. «Возбужденное половое влеченіе дѣлаетъ людей духовно-слѣпыми» вотъ что можно услышать часто. «А духовно-слѣпой или ослѣпленный» значитъ тоже, что «неспособный ко вмѣненію — несвободный!» — Къ этому мы присоединимъ еще только одинъ единственный случай, который, касаясь проституціи, въ состояніи, можетъ быть, представить въ лучшемъ видѣ положеніе нѣкоторыхъ несчастныхъ дѣвушекъ, и избавить ихъ отъ незаслуженнаго проклятія. Д-ръ Альбертъ въ Парижѣ былъ приглашенъ къ одной дѣвицѣ изъ хорошей фамиліи, которая страдала нимфоманіею. Она находилась взаперти въ отдѣльной комнатѣ квартиры. Одного взгляда на мужчину было достаточно, чтобы вызвать ярость. Отошедши отъ больной, Альбертъ сказалъ ея родителямъ: «По моему убѣжденію, есть только одно единственное средство, это — бракъ; по минуты дороги, поспѣшите, если хотите спасти свою дочь. Бракъ — здѣсь единственное лѣкарство.» — Дѣвица приложила ухо къ замочной скважинѣ и, какъ оказалось послѣ, слышала слова доктора. Еще въ тотъ же день она скрылась изъ родительскаго дома. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль всѣ розыски родителей были безплодны. Когда однажды вечеромъ Альбертъ шелъ по одной изъ перекрестныхъ улицъ столицы, онъ узналъ, несмотря на перемѣну наряда, молодую аристократку, которая теперь занималась промысломъ публичной женщины. «Что вы здѣсь дѣлаете, несчастная?» сказалъ докторъ строжайшимъ голосомъ. «Докторъ, я послѣдовала вашему совѣту, и я вылѣчилась», отвѣчала смѣясь нимфоманка.—Мѣсяцъ спустя, дѣвушка дѣйствительно возвратилась къ родителямъ, насытившись наслажденіями любви и вполнѣ удовлетворивши платоновское: «animal prolis gencrandae semper cupidum». Она совершенно выздоровѣла и скорое замужество похо-

ропило навсегда позоръ ея сумасбродныхъ проказъ, а также и ея болѣзнь.—Не слѣдовало ли бы очень часто изъ уваженія къ человѣческому достоинству сомнѣваться въ душевномъ здоровьи тѣхъ, которыя подвергаются такимъ или подобнымъ излишествамъ чувственнаго наслажденія? Можетъ быть, прочитавши этотъ примѣръ, иной полицейскій мужъ сдѣлается болѣе человѣчнымъ въ своемъ сужденіи о такихъ несчастныхъ. «И все таки не слѣдуетъ — говоритъ Герресъ — цѣлый монастырь называть домомъ терпимости, когда, какъ напримѣръ между монахинями Назоретскаго монастыря въ Кельнѣ, въ 1564 году обнаружились такіе ужасные припадки половой ярости. Дѣвушки бросались объ землю, барахтались совершенно въ положеніи половаго совокупленія (coitia), причемъ онѣ оставались съ закрытыми глазами. Часто имъ представлялись въ постели самыя странныя видѣнія, онѣ испытывали удивительнѣйшія ощущенія, въ чемъ потомъ ихъ выдавало хихиканье. Разумѣется, не слѣдуетъ (и въ этомъ мы вполнѣ согласны съ ученымъ, но чрезмѣрно мистическимъ Герресомъ) считать женскій монастырь, да даже и такой, въ которомъ происходятъ такія вещи, публичнымъ домомъ, но съ другой стороны, не слѣдуетъ также приписывать эти ужасныя сцены діяволу, какъ это сдѣлалъ Герресъ, ибо онѣ суть лишь слѣдствія болѣзней половыхъ органовъ и больше ничего. Здѣсь единственнымъ помощникомъ можетъ быть только врачъ, а ужъ никакъ не священникъ; ибо здѣсь все это происходитъ отъ болѣзни, а никакъ не отъ колдовства, волшебства или бѣсованія.—При нимфоманіи прежде всего являются извращенія разсудка: различныя ложныя представленія объ околдованіи, обольщеніи и т. п. овладѣваютъ больными. Къ этому вскорѣ присоединяется состояніе меланхоліи. Тогда онѣ чувствуютъ себя хорошо въ уединеніи и удовлетворяютъ тамъ своему болѣзненному влеченію къ половымъ

наслажденіямъ, отдаваясь страшнымъ припадкамъ половой ярости съ непасытною жадностію и притомъ самымъ неестественнымъ образомъ. Самыя странныя и, повидимому, крайне неудобныя для этой цѣли вещи, которыми онѣ только могутъ овладѣть въ данную минуту, засовываютъ онѣ въ свои половыя части (во влагалище); какъ напр. сосновыя шишки, ножи, и т. под. предметы. Тогда пусть не приближается къ больной ни мать, ни наилучшая подруга. Это страшное душевное разстройство сопровождается отвращеніемъ отъ женщинъ. Больная съ яростію удаляетъ ихъ отъ себя. Теперь часто появляется новое пугалище въ видѣ какой-нибудь idée fixe. Наконецъ припадки самаго бѣшенаго неистовства, сопровождаемые отвратительнѣйшею бранью и самыми пахабными непристойностями, замѣняются чувствованіями и представленіями страха, угрозъ и т. п., пока наконецъ самоубійство или насилія надъ другими не закончатъ подобную ужасную сцену припадка. «Нарисовать вѣрную картину нимфоманіи, достигшей полнаго развитія, не дозволяетъ приличіе, говоритъ Иделеръ, такъ какъ безстыдство и наглость уже ничѣмъ не сдерживаются при этомъ страданіи; женщина тогда обнимаетъ каждаго приближающагося мужчину съ алчною жадностію и преслѣдуетъ его бранью и угрозами, если онъ отъ нея вырывается; она даже насильственно нападаетъ на сопротивляющагося, преслѣдуетъ его и иногда наноситъ ему смертельныя раны, какъ это намъ уже показали печальные примѣры.»

Въ благонравныхъ, непонимающихъ еще причины, дѣвичьихъ душахъ, говоритъ Фейтерслебенъ, это состояніе принимаетъ часто личину идеальныхъ чувствованій и мечтательности. Тогда является такъ наз. эротоманія (erotomanie). Дѣвушки, страдающія эротоманіею, бодрствуя впадаютъ въ какое-то магнетическое, подобное ясновидѣнію состояніе. — Но эротоманія можетъ нападать также и на

мужчинъ, которые, разумѣется, и не заслуживаютъ названія настоящихъ мужей. Отъ томительной печали, эротоманія часто усиливается, среди величайшаго безпокойства, до сильнѣйшей, ослѣпляющей душу страсти и до возбужденности. Эскироль разсказываетъ намъ нѣкоторые интересные примѣры объ этомъ любовномъ безуміи. Эротоманія иногда ведетъ къ самоубійству Уже въ греческой древности, страдавшая эротоманіею женщина-поэтъ Сафо бросилась со скалы. Эта любовная болѣзнь принадлежитъ къ меланхоліямъ и нерѣдко оканчивается въ душевномъ отношеніи неистовствомъ, сумасшествіемъ и слабоуміемъ, а въ тѣлесномъ—смертію. Классическій образецъ эротоманіи—мечтательнаго любовнаго унынія или грусти—нарисованъ мастерскою рукою Шекспира въ лицѣ Офеліи; также и Гретхенъ Фауста есть драматическое изображеніе дѣвушки, заболѣвшей цѣломудренною эротоманіею, напр. тамъ, гдѣ поэтъ описываетъ ее при самопрялкѣ:

«Mein armer Kopf ist mir verrückt,
«Mein armer Sinn ist mir zerstückt!» *)

Далѣе слѣдуетъ смотрѣть и на молодого Вертера, какъ на отборный примѣръ этого душевнаго страданія: «свою Лотту» онъ любитъ въ полномъ смыслѣ эротомански. Извѣстный Донъ Кихотъ тоже можетъ послужить здѣсь примѣромъ. Эта эротоманія была нѣкогда, такъ сказать, «модною», и приняла характеръ настоящей духовной эпидеміи. Но такъ какъ только психологически и психіатрически образованный врачъ можетъ точнѣйшимъ образомъ знать истинныя причины такихъ разстройствъ и можетъ правильно обсудить, какимъ образомъ происходятъ изъ этого ужасныя и преступныя сцены: то онъ одинъ и долженъ былъ

*) «Голова у меня помѣшалась отъ думъ,
«Отягченъ, омраченъ въ ней, бѣдняжка, мой умъ!

бы постоянно призываться для подачи обо всемъ этомъ полновѣснаго мнѣнія. Въ этомъ смыслѣ говоритъ также старый отецъ медицины Гиппократъ: φιλοσόφος ἰατρὸς ἰσόθεος», т. е. «врачъ - философъ уподобляется божеству.» Это положеніе служитъ также комментаріемъ къ изрѣченію псалмопѣвца: «Ты испытуешь сердца и утробы, праведный Боже!» Лишь тотъ, кто, вмѣстѣ съ Богомъ или подобно Богу, изслѣдуетъ сердце, слѣдовательно глубочайшія ощущенія человѣка и его утробу, долженъ былъ бы судить о винѣ или невинности, о возмездіи и наказаніи. Поэтому-то и апостолъ народовъ, геніальный платоническій философъ Павелъ влагаетъ въ уста Пророка изъ Назарета и вмѣстѣ Предвѣчнаго Бога слѣдующія слова: «Мнѣ — отмщеніе, Я воздамъ!» Точное же изслѣдованіе «сердца» и «утробы» очень часто устранитъ и вину и наказаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мщеніе.

Сладострастіе и жажда крови.

Говоря здѣсь о болѣзненно-усилившемся сладострастіи, слѣдуетъ упомянуть еще и о другомъ болѣзненномъ непроизвольномъ влеченіи. Это — *жажда крови* (Blutgier), которая уже даже у душевно-здоровыхъ людей можетъ примѣшиваться къ сладострастнымъ возбужденіямъ и съ ними связываться. Жажда крови и сладострастіе большею частію тѣсно связаны между собою. Это — старое наблюденіе, что нѣкоторые индивидуумы, именно женщины, преодолѣваются стремленіемъ кусать во время сильнѣйшихъ сладострастныхъ щекотаній половаго совокупленія. Блумредеръ видѣлъ одного молодаго человѣка, имѣвшаго нѣсколько ранъ въ грудныхъ мускулахъ, которыя нанесла ему сладострастная женщина, въ минуты сильнѣйшаго чувственнаго наслажденія. «Также и сладострастные поцѣлуи, говоритъ Фридрейхъ, весьма приближаются къ кусанью. Старые развратники

часто возбуждаются къ совокупленію тѣмъ, что до-крови бичуютъ голую задницу того предмета, на которомъ они хотятъ удовлетворить свою страсть.» До какой степени сладострастіе и кровожадная жестокость родственны между собою и какъ близко они часто стоятъ одно возлѣ другаго — это показываютъ намъ многіе примѣры изъ исторіи (напр. Неронъ). Андрей Бишa, осквернитель дѣвицъ, котораго Фейербахъ такъ превосходно изображаетъ (въ соч. своемъ «Aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrecher»), причисляется также къ разряду больныхъ половою яростію. Не столько алчное стремленіе завладѣть одеждами несчастныхъ дѣвушекъ, сколько какая-то сладострастная кровожадность побуждала его коварно ихъ убивать и звѣрски умерщвлять столько жертвъ.

Стремленіе къ осквернению и ограбленію труповъ.

Мимоходомъ мы должны еще упомянуть о «*трупоосквернении*» и «*трупоограбленіи*» и о болѣзненно-психическомъ состояніи преступниковъ, при совершеніи этихъ дѣйствій. Ближайшими побудительными причинами преступныхъ дѣйствій этого рода служатъ сладострастіе и жажда крови, а первоначальною причиною большею частью бываетъ меланхолическое разстройство. Поразительнѣйшій примѣръ этого представляетъ сержантъ Бертранъ, человѣкъ, какъ Гисленъ разсказываетъ, пріятнаго тѣлосложенія, спокойнаго характера, особенно преданный уединенію съ самаго дѣтства. Только на 28 году жизни—до тѣхъ поръ онъ велъ себя безукоризненно,—сталъ пробираться онъ тайно, какъ воръ, на парижское кладбище, выкапывать тамъ гробы, разламывать ихъ, выхватывать оттуда трупы, въ особенности женскіе, уродовать ихъ ужаснѣйшимъ образомъ, вскрывать ихъ животъ или дѣлать большіе нарѣзы въ ляшкахъ и другихъ частяхъ, для чего онъ употреблялъ плохой ножъ, который

всегда былъ при немъ. Этимъ дѣйствіямъ предавался онъ среди опасностей, ибо его святотатство очень скоро встревожило весь Парижъ. Осквернитель труповъ былъ подкараулень, но во время преслѣдованія перелѣзъ черезъ кладбищенскую ограду съ ловкостію кошки. Долго избѣгалъ онъ всякаго преслѣдованія, пока наконецъ не упалъ въ нарочно для него поставленную западню, причемъ былъ раненъ. Изъ показаній его и свидѣтелей оказалось, что онъ, время отъ времени имѣлъ непреодолимое влеченіе открывать гробы и уродовать трупы; для этого онъ большею частію выбиралъ женскіе трупы, сперва удовлетворялъ на нихъ своей половой потребности, потомъ вскрывалъ ихъ и раздроблялъ. Чувства, которое онъ испытывалъ при этомъ, онъ не можетъ описать; онъ былъ непреодолимо къ этому увлекаемъ и долженъ былъ повторять эти дѣйствія, хотя бы даже это стоило ему жизни. Было дознано, что стремленіе это нападало на него періодически, являлось почти черезъ каждые 14 дней и предвозвѣщалось сильными головными болями. Такія половыя совокупленія каждый будетъ считать болѣзненными, ибо вполнѣ здоровый человѣкъ едва ли въ состояніи преодолѣть естественное отвращеніе отъ смерти и труповъ и будетъ даже содрогаться, если бы ему пришлось ночью, въ уединеніи, вскрывать гробы. Также и у Бертрана сначала стремленіе было направлено только на половое наслажденіе; побужденіе же уродовать трупы присоединилось къ половому влеченію уже позднѣе. Другой случай «ограбленія труповъ», мотивированный частичнымъ сумасшествіемъ, я разсказалъ прежде въ «Семейномъ журналѣ» (Familienjournal).

Сатиріазисъ или половая ярость у мужчинъ.

Что у женщинъ нимфоманія, то у мужчинъ — сатиріазъ (satiriasis). Это отвратительное страданіе — названіе котораго происходитъ отъ «Сатира» греческаго бога, представлявшаго олицетвореніе чувственнаго наслажденія — случается, къ счастію, довольно рѣдко. Омерзительное сладострастіе — которое только ищетъ безпрерывнаго удовлетворенія, не обращая при этомъ вниманія на выборъ средствъ — характеризуетъ это тѣлесное страданіе, которое также дѣлаетъ и душу несвободною. Сладострастныя представленія наполняютъ все воображеніе индивидуума днемъ, а сладострастные сны наполняетъ его фантазію ночью. Душа и тѣло больнаго одновременно ослабляются, пока тѣло, истасканное половыми излишествами и поллюціями, не сдѣлается вполнѣ безсильнымъ носителемъ разстроенной души. Организмъ истощенъ — а жажда половыхъ наслажденій усилилась; причемъ воля окончательно порабощена. — Одинъ бѣдный человѣкъ изъ Оргона (въ провинціи) подвергся сильнѣйшему сатиріазису и просилъ д-ра Каброля о медицинскомъ пособіи. По совѣту какой-то старой женщины, употребилъ онъ напитокъ, состоявшій изъ сѣмянъ крапивы, луку и 2 драхмъ кантариды. Когда его увидѣлъ врачъ, напитокъ уже сдѣлалъ его до того пенстовымъ и жаднымъ въ дѣлѣ половыхъ наслажденій, что изнуренная его жена Богомъ клялась, что онъ ее за 2 ночи употребилъ 97 разъ. Несчастный умеръ. — Исходомъ сатиріазиса часто бываетъ бѣшенство. Нѣкій Д. въ Парижѣ былъ нѣсколько разъ заключаемъ въ тюрьму и 8 разъ сидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ, ибо онъ столько же разъ былъ пойманъ на томъ, что знатнѣйшимъ дамамъ писалъ самыя грязныя письма, или же съ нахабнѣйшими требованіями вторгался въ ихъ

экипажи и дома. Къ М-me Бонапарте, Богарне, къ герцогинямъ, княжнамъ и т. п. онъ адресовалъ свои сладострастныя и предложенія. Его изъясненія въ любви постоянно состояли въ выраженіяхъ и изображеніяхъ отвратительнѣйшаго сладострастія, которымъ онъ мнимо наслаждался въ объятіяхъ этихъ личностей. (Здѣсь — грязнѣйшая клевета на почтенѣйшихъ дамъ). При этомъ онъ велъ себя такъ спокойно и разсудительно, что возникли сильнѣйшія сомнѣнія на счетъ его сумасшествія. Тѣмъ не менѣе Маркъ, Эскироль, Феррусъ, — дѣльнѣйшіе французскіе врачи умалишенныхъ того времени — констатировали его душевное разстройство. Всегда онъ разными отговорками умѣлъ отрицать свои поступки и представить себя заключеннымъ незаконно и несправедливо.

Многочисленные и неоспоримые факты доказываютъ вліяніе мозжечка на половую сферу и даже даютъ поводъ смотрѣть на эту часть мозга, какъ на мѣстопребываніе половаго влеченія. Ларрей, великій французскій хирургъ времени Наполеона I, наблюдалъ многіе случаи, гдѣ пораненія задней части головы и затылка ружейными выстрѣлами и сабельными ударами влекли за собою потерю половаго влеченія и безсиліе. Галль сдѣлалъ наблюденіе у одной нимфоманической вдовы, что при экстазѣ половаго наслажденія,—такъ наз. *сладострастномъ спазмѣ*,—всегда появлялись затвердѣнія становаго хребта и являлось чувство стѣсненія и жаръ въ затылкѣ. «Именно чрезъ это наблюденіе, такъ разсказываетъ Галь, я пришелъ къ мысли о зависимости половаго влеченія отъ мозжечка и къ мысли объ ученіи о черепѣ (*френологіи*).

Любовные напитки, какъ причина половой ярости.

Не только болѣзненныя состоянія самой половой сферы, или мозжечка и спиннаго мозга, могутъ вызвать такія непормальные явленія въ половой жизни, но бываютъ еще и различныя искусственныя средства: лѣкарства, кушанья и т. д., которыя могутъ въ высшей степени и болѣзненно усилить половую дѣятельность человѣка. Кто изъ насъ не слышалъ о любовныхъ напиткахъ? Эти напитки древнихъ слыли прежде таинственными лѣкарствами, которыя должны были воспламенить особъ обоего пола къ любви, какъ объ этомъ уже поютъ Ювеналъ, Горацій и другіе поэты. Любви, въ собственномъ идеальномъ смыслѣ этого слова, этого высшаго чувства соединенія «родственныхъ, прекрасныхъ» душъ, эти любовные напитки, правда, не возбуждали; однако нѣкоторые изъ этихъ *pocula amatoria* въ состояніи произвести сладострастныя возбужденія, которыя, вмѣсто того, чтобы быть идеальною любовью, могутъ напротивъ, усилиться до половой ярости. Съ одной стороны дурманъ, бѣлена, бѣшеная ягода, сонная одурь — были тайными средствами, посредствомъ которыхъ жертва половой страсти приводилась въ оцѣпенѣніе съ другой же стороны, нѣкоторые любовные напитки состояли изъ шпанскихъ мухъ и т. п. раздражающихъ средствъ. Многіе врачи видѣли, что, вслѣдствіе употребленія подобныхъ напитковъ, возникало сумасшествіе или же меланхолія. Если къ этимъ напиткамъ, какъ это часто случается, примѣшивали фосфоръ, терпентинъ, ваниль, кантариды и т. д., то очень легко и часто возникалъ сатиріазисъ, за который естественно столь же мало можно считать больнаго отвѣтственнымъ, сколько и за происходящія отъ этого влеченія беззаконныя дѣйствія. — Слѣдующій случай разска-

зываетъ д-ръ Шпорреръ: «Одинъ молодой развратный человѣкъ вздумалъ отомстить своему дядѣ (за то, что тотъ часто дѣлалъ ему упреки) тѣмъ, что примѣшивалъ ему нѣкоторое время въ кушанья порошки изъ шпанскихъ мухъ. Старикъ вскорѣ сталъ страдать сильнѣйшимъ чувственнымъ желаніемъ, которое усилилось до половой ярости. Однажды вечеромъ, когда страсть его достигла сильнѣйшей степени, напалъ онъ на служанку, чтобы насильственно удовлетворить своему животному стремленію. Воспослѣдовала жалоба за изнасилованіе, и вотъ въ высшей степени нравственный человѣкъ былъ осужденъ и наказанъ за насильственное совокупленіе. Только по истеченіи нѣкотораго времени судъ получилъ нужное разъясненіе этого случая, послѣ чего человѣкъ этотъ былъ освобожденъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности за свой поступокъ.»

Различныя другія разстройства побужденій. Пьянство и обжорство.

Кромѣ неистоваго половаго влеченія или половой ярости, бываетъ еще поистинѣ болѣзненное обжорство, пьянство и друг. т. п., непроизвольныя, такъ сказать, судорожныя тѣлесныя разстройства, которыя вредно вліяютъ на душу. Стремленіе ѣсть и пить можетъ усилиться до такой степени, что для удовлетворенія его могутъ быть совершены воровства и другіе противозаконные поступки. Страдающіе обжорствомъ часто проглатываютъ самыя неудобоваримыя вещи. — Пьянство отличается, какъ это уже дѣлаетъ Сенека, отъ опьяненія. Преданный пьянству обнаруживаетъ даже въ трезвомъ состояніи, по недостатку всякаго высшаго чувства, какую-то своеобразную нравственную

развращенность, какое-то, такъ сказать, одичаніе души. Въ низшей, т. е. слабѣйшей степени этой дикости вслѣдствіе пьянства (trunkfällige Rohheit), гдѣ способность самоопредѣленія во время трезваго состоянія обыкновенно еще не кажется уничтоженною, всѣ совершенные въ состояніи трезвости проступки должны еще обыкновенно быть вмѣнены пьяницѣ. Во второй же степени опьяненія возникаетъ уже психическое разстройство, причемъ обманы чувствъ — въ особенности ощущенія и слуха — ведутъ къ ложнымъ представленіямъ и притомъ даже тогда, когда больной еще не напился. Здѣсь значительно уже ослаблены и познавательная способность и способность пониманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правильное сужденіе, разсудительность, и духовная свобода. Картины больнаго воображенія замѣняются уже теперь объективными впечатлѣніями, приходящими извнѣ. Склонность къ опьяняющимъ напиткамъ наполняетъ и господствуетъ уже надъ всѣмъ сознаніемъ и надъ всею волею больнаго. Онъ думаетъ и мечтаетъ только о винѣ и пивѣ, видитъ только боченки, бутылки и кружки, и до того преодолѣвается болѣзненными представленіями воли и болѣзненнымъ побужденіемъ, что стремится, даже съ помощію насильственныхъ дѣйствій и всякихъ непозволенныхъ средствъ, добыть предметъ своихъ страстныхъ желаній, точно также, какъ и страдающіе сатиріазисомъ или нимфоманіею. При такомъ состояніи человѣка, его дѣйствія не могутъ быть болѣе свободными. Въ третьей или сильнѣйшей степени пьянства наступаютъ явленія дѣйствительнаго и уже ясно обнаруживающагося помѣшательства. Тогда здѣсь душевное разстройство обнаруживается либо въ формѣ «бѣлой горячки» (delirium tremens), либо въ видѣ «грезъ наяву» (Traumwachen), пьянаго сумасшествія (Säuferwahnsinn) или же наконецъ въ видѣ пьянаго бѣ-

шенства или ярости (trunkfällige Tollheit oder Wuth). Въ бѣлой горячкѣ являются призраки, обманы чувствъ, съ чѣмъ связываются разныя idées fixes и превратныя представленія. Какъ въ пьяномъ неистовствѣ, такъ и въ бѣлой горячкѣ, человѣкъ положительно теряетъ всякую духовную свободу. — Но пьянство часто является также при разстройствѣ извѣстныхъ органовъ, какъ, напримѣръ, сердца, печени и т. д. — «Вы вѣдь говорите о многопитіи, любезный докторъ, возразилъ мнѣ нѣкогда одинъ больной, но не о моей сильной жаждѣ.» Больные сердцемъ, печенью, селезенкою часто непреодолимо побуждаются своимъ органическимъ страданіемъ къ употребленію спиртныхъ напитковъ. При этомъ, разумѣется, большую роль играютъ также и привычки, занятія и т. д. Есть люди, которые во что бы то ни стало *должны выпить*.

Жалкіе, несчастные люди!... Есть много примѣровъ, что пьянство было только слѣдствіемъ, а не причиною разныхъ тѣлесныхъ страданій. Если полное опьяненіе, независимо отъ болѣзненнаго пьянства, какъ постановляетъ австрійскій уголовный законъ, воспослѣдовало не съ цѣлью совершенія преступленія, то оно уничтожаетъ способность преступника ко вмѣненію. По Фридрейхъ и нѣкоторые другіе судебные врачи желаютъ, чтобы доказанное опьяненіе преступника также уничтожало способность его ко вмѣненію и тогда, когда онъ умышленно произвелъ это опьяненіе; ибо человѣку должно быть, правда, вмѣнено это умышленное, произведенное съ преступною цѣлію опьяненіе, но никакъ не совершенное въ состояніи опьяненія преступное дѣйствіе. Съ этимъ мнѣніемъ мы несогласны. Тотъ человѣкъ, вообще вполнѣ здоровый, относительно котораго доказано, что онъ напился умышленно, хотя бы только для того, чтобы набраться

храбрости, или чтобы за совершенное имъ умышленное преступленіе быть легче наказаннымъ или даже и совсѣмъ непаказаннымъ, долженъ подвергнуться всей тяжести законной кары, если только не существуетъ никакихъ другихъ смягчающихъ обстоятельствъ въ нашемъ смыслѣ. Также и австрійскій уголовный кодексъ говоритъ: «пьянство наказывается арестомъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ въ томъ случаѣ, если виновный совершилъ въ состояніи опьяненія дѣйствіе, которое, помимо этого состоянія, должно быть ему вмѣнено какъ *delictum* (преступленіе). Но австрійскій законъ оказывается далѣе еще слишкомъ кроткимъ, когда говоритъ: «Если пьяный по опыту зналъ, что въ состояніи опьяненія онъ подвергается сильнымъ движеніямъ души, то арестъ долженъ быть строже,—и за тяжкія преступленія — до 6 мѣсяцевъ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь также наказывается не проступокъ, совершенный въ состояніи опьяненія, а лишь самое опьяненіе, запрещенное закономъ. Но здѣсь еще слѣдуетъ замѣтить, что вначалѣ и само по себѣ еще не болѣзненное пьянство, а только привычное умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ, мало по малу можетъ до такой степени ослабить всѣ чувства, умъ и волю субъекта, что наконецъ онъ перестаетъ болѣе господствовать надъ самимъ собою. Пьющіе по привычкѣ, разумѣется, дѣлаются наконецъ пьяницами съ болѣзненнымъ стремленіемъ къ винѣ, и болѣзненнымъ (неполнымъ) сознаніемъ. Однако нельзя отрицать, что бываютъ также люди, которые пьютъ не вслѣдствіе жажды или для развлеченія въ обществѣ, а для наслажденія *) или скуки ради. Какъ отвратительны тѣ, такъ наз. безмолвные пьяницы, которые, оставаясь въ од-

*) Во всякомъ случаѣ это родъ болѣзненнаго стремленія къ наслажденію: находить удовольствіе въ многопитіи, пьянствѣ и обжорствѣ.

номъ и томъ же углу, (въ своемъ «Stillvergnügtheit») втихомолку предаются пьянству и обжорству! Мы имѣли возможность наблюдать господъ, которые, уже самымъ раннимъ утромъ, занимаясь служебными дѣлами или чѣмъ-либо другимъ (вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать эти занятія болѣе пріятными и менѣе скучными), предавались пьянству.

Мы могли бы здѣсь назвать многихъ, такъ наз. *большихъ господъ*, которые мало по малу допились до глупости, даже до слабоумія, т. е. до неспособности ко вмѣненію. Но объемъ нашего сочиненія, осторожность и законы о печати запрещаютъ намъ публично опозорить такихъ, хотя и не больныхъ, но дикихъ, грубыхъ пьяницъ. Однако, кто *боленъ пьянствомъ*, тотъ, какъ больной, не долженъ занимать никакихъ должностей и почетныхъ мѣстъ, потому именно, что онъ болѣнъ. А кто — *пьяница по привычкѣ*, тотъ, какъ недостойный, долженъ быть прогнанъ оттуда, отставленъ, какъ бы высоко или низко онъ ни сидѣлъ или стоялъ.—Весьма многіе дѣлаются также пьяницами, вслѣдствіе несчастныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Постоянное возбужденіе, аффектъ гнѣва, разныя огорченія, нерѣдко также и угнетенное состояніе духа—часто ведутъ прежде прекраснѣйшаго человѣка къ уничтожающему заботы кубку для того, чтобы онъ отогналъ отъ него злобу и страданіе. Если такіе несчастные дѣлаются мало по малу пьяницами и затѣмъ, въ состояніи опьяненія, учинятъ какое-либо преступное дѣяніе, то какъ это ихъ ненормальное состояніе, такъ и совершенное въ этомъ состояніи дѣяніе, непремѣнно, и по всей справедливости, должны быть кротко обсуждаемы, ибо вѣдь самое уже пьянство у нихъ есть только слѣдствіе болѣзненнаго, разстроеннаго или черезъ-чуръ возбужденнаго состоянія духа. Вліяніе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ на мозгъ, а вмѣстѣ и на всю тѣлесную и духовную жизнь человѣка, достаточно извѣстно. Эгоистическіе англичане,

принимающіе къ сердцу только свои торговые интересы, посредствомъ водки ослабляли нравственно и физически и губили туземцевъ тѣхъ странъ, которыя они хотѣли поработить. Точно также и американскіе индѣйцы представляютъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, необыкновенно быстро погибающее племя. Пьянство разстраиваетъ душевную жизнь не только самого пьяницы, но также, какъ мы это уже видѣли, и душу тѣхъ дѣтей, которыя еще имѣютъ быть зачаты. «Вотъ это-то именно и есть проклятіе злаго дѣла.» Дознано, что, вслѣдствіе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ, мозговой жиръ измѣняется химически и качественно, т. е. ухудшается. Рокитанскій называетъ жиръ пьяницъ «*похожимъ на баранье сало*» («hammelstalgartig»). Содержаніе же мозгомъ нормальнаго въ качественномъ и количественномъ отношеніи жира находится въ несомнѣнной связи съ отправленіями души. *)

Эпилепсія.

При падучей болѣзни разстройства большею частію коренятся въ спинномъ мозгу. При этомъ страданіи дѣлаются часто сильнѣйшія, судорожныя мускульныя движенія, причемъ часто во время припадка моментально прекращаются всѣ душевныя отправленія. Есть очень много переходныхъ пунктовъ отъ этихъ формъ судорогъ въ двигательной сферѣ къ болѣе глубокимъ разстройствамъ души. Боль-

*) Какъ много большихъ и маленькихъ господъ гуляютъ съ такимъ, похожимъ на баранье сало жиромъ въ мозгу! Часто эти господа бываютъ безсовѣстными хвастунами, носятъ иногда на себѣ звѣзды и кресты на пестрыхъ ленточкахъ и разные другіе знаки, хотя бы даже они потомъ и попали подъ опеку. О, если бы всѣ бараны знали своихъ двуногихъ братьевъ, благодаря пьянству совершенно равныхъ имъ по качеству, своего головнаго мозга! Какъ бы они возрадовались, что имѣютъ такихъ важныхъ и опрятныхъ сотоварищей и родственниковъ!

шею частію такія разстройства обнаруживаются передъ, во время и послѣ эпилептическаго припадка. Передъ припадкомъ обнаруживаются: то какое-то пьяно-подобное помѣшательство и помраченіе сознанія; то глубоко печальное настроеніе; то въ высшей степени мучительное, угрюмое расположеніе духа. Часто даже непосредственно передъ припадкомъ являются галлюцинаціи всѣхъ чувствъ, въ сильной степени. — Во время припадка, въ случаяхъ вполнѣ развившейся болѣзни, психическая жизнь совсѣмъ пропадаетъ въ безсознательномъ состояніи. Больной не припоминаетъ ни одного психическаго акта изъ этого времени. Непосредственно послѣ припадка душевная дѣятельность точно также обнаруживаетъ поразительнѣйшія разстройства. Больной часто нѣкоторое время говоритъ безсвязныя слова, какъ слабоумный, и нерѣдко полная разсудительность возвращается лишь черезъ нѣсколько дней. Важнѣе всего тѣ припадки бѣшенства, которые слѣдуютъ за эпилептическими судорогами. Въ это время бываетъ часто такая сильная степень неистовства, дикости, такіе припадки бѣшенства, какихъ почти никогда не бываетъ у другихъ неистовыхъ больныхъ. Вмѣсто собственно эпилептическаго припадка, могутъ появиться эти состоянія психическаго разстройства и то безъ предшествующихъ припадковъ мускульныхъ судорогъ. Это—*посредствующія* маніи (*intermittirende* Manien) самаго сквернаго свойства. Многіе эпилептики умственно-разстроены хронически, т. е. безпрерывно и во все время свободное отъ судорогъ. Но большая часть изъ этихъ больныхъ остаются, также и во время промежутковъ между припадками, въ высшей степени раздражительными, своенравными, гнѣвными, запальчивыми, недовольными, завистливыми, сварливыми или возбужденными, слабо-памятными и т. д. Также и Эскироль говоритъ, что многіе эпилептики остаются, и въ промежуткахъ

между припадками, подверженными мономаніямъ. *) Изъ сказаннаго уже легко уразумѣть, въ какомъ смыслѣ будетъ рѣшенъ нами вопросъ о способности эпилептиковъ ко вмѣненію вообще. За эти несчастныя состоянія, т. е. за самую болѣзнь, человѣкъ также не можетъ быть отвѣтственнымъ. Такимъ же образомъ и самые припадки появляются противъ его воли. Шюрмайеръ говоритъ относительно этого: «такъ какъ эпилептики и во время свѣтлыхъ промежутковъ могутъ быть легко, по самымъ незначительнымъ поводамъ, доведены до гнѣва и даже до неистовства, то вообще несправедливо выполненіе наказанія надъ эпилептикомъ, безъ предшествующаго точнаго судебно-медицинскаго изслѣдованія и обсужденія.» Мы прибавляемъ: это не только несправедливо, но даже отвратительно, безсовѣстно и безчеловѣчно; это — варварство. Вмѣнить какому-нибудь эпилептику дѣйствія, совершенныя имъ передъ или во время припадка, или же непосредственно послѣ припадка, наконецъ, даже привлечь его къ суду, — способна ли къ этому какая-либо юстиція нашего времени?! Можетъ, правда, иногда случиться, что это страданіе появится только въ незначительной степени и поэтому произведетъ не столь значительныя, часто едва замѣтныя вліянія на тѣло и душу, во время свободныхъ промежутковъ. Это доказываютъ, между прочимъ, также и замѣчательные люди, какъ Цезарь, Наполеонъ I (съ его сорока только ударами пульса въ минуту и его очень малымъ сердцемъ), Магометъ; но эти случаи суть однако рѣдчайшія исключенія.—Въ отношеніи вмѣняемости можно то же самое сказать и о состояніяхъ, родственныхъ падучей болѣзни, въ особенности объ истериче-

*) Мы уже знаемъ, что это слово должно означать, и употребляемъ его здѣсь также въ смыслѣ Эскироля.

скихъ, соединенныхъ съ потерею сознанія, судорогахъ, объ оцѣпенѣніи или каталепсіи, о пляскѣ св. Вита и т. д. Поэтому, здѣсь всегда требуется отъ судей и врачей величайшая осторожность! Сюда же принадлежали также и появлявшіяся въ формѣ эпидемій разстройства двигательной сферы, какъ: «тарантулова пляска», шотландская «прыгающая» лихорадка (Sprengfieber), «конвульсіонеры» во Франціи, «плясуны св. Іоанна» (St. Johannistänzer) и т. д.*) О такъ называемомъ стремленіи къ убійству (Mordtrieb), о стремленіи къ воровству, и о томъ, какъ на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, мы уже говорили выше. Здѣсь мы прибавимъ только слѣдующее: Обыкновенные признаки различія между убійцею, который руководствуется здоровыми мотивами, слѣдовательно дѣйствуетъ какъ преступникъ, и между больнымъ маніею, суть вообще слѣдущіе: убивающій въ состояніи умственнаго разстройства и вслѣдствіе этого разстройства, не соединяетъ обыкновенно съ своимъ жестокимъ поступкомъ никакой разумной цѣли. Далѣе, такіе больные очень часто убиваютъ лица, имъ совершенно чуждыя или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ для нихъ безразличныя. Даже ихъ собственные родные, ихъ супруги или дѣти — самое дорогое для нихъ на свѣтѣ — должны нерѣдко сдѣлаться жертвою ихъ неестественнаго побужденія. Преступникъ же, напротивъ, угрожаетъ большею частію только своимъ врагамъ или противникамъ. Умственно-разстроенный обыкновенно не прячется по совершеніи дѣла, онъ также рѣдко убѣгаетъ; напротивъ, онъ большею частію самъ отдается подъ судъ, становится собственнымъ своимъ обвинителемъ, ни отъ чего не отпирается и вообще не старается ввести

*) Всѣ эти факты описаны въ моихъ психіатрическихъ письмахъ на 335 стр. и слѣдующихъ.

судей въ заблужденіе, какъ это почти всегда дѣлаютъ преступники. Обыкновенно, душевно-больные дѣлаются, по совершеніи «преступленія», вполнѣ спокойными и это свое спокойствіе сохраняютъ также и передъ судомъ. Всѣ эти факты чрезвычайно важны.

Бредъ и неистовство раненыхъ.

При тяжелыхъ пораненіяхъ, именно операціяхъ или же тяжкихъ изувѣченіяхъ, является иногда, какъ Дюпюитренъ (Dupuytren) и другіе знаменитые хирурги увѣряютъ, мгновенное умственное разстройство, которое обнаруживается въ формѣ опаснѣйшаго бѣшенства съ насильственными дѣйствіями. Д-ръ Престатъ (Prestat) хотѣлъ однажды освидѣтельствовать раны одного трепанированнаго. *) Въ то время, какъ онъ поднялъ свои руки надъ головою оперируемаго, этотъ вонзилъ ему въ животъ держимый наготовѣ ножъ, вслѣдствіе чего Престатъ скончался уже черезъ 8 часовъ. Подобные случаи — вовсе не рѣдкость. Сюда принадлежатъ также и насильственныя дѣйствія трудно рожающихъ женщинъ. Каждый акушеръ знаетъ, что, при мучительныхъ, напр. при трудныхъ послѣ-родовыхъ операціяхъ (Nachgeburtslösungen), вообще разумнѣйшія и спокойнѣйшія женщины, иногда бьютъ оператора, колютъ его, хватаютъ его за волосы и за бороду, плюютъ на него, бранятъ его и т. д. Здѣсь сильнѣйшее чувство боли уничтожаетъ разсудительность. Нельзя сомнѣваться ни въ возможности, ни въ существованіи такихъ, мгновенно появляющихся психическихъ болѣзненныхъ состояній, которыя, вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ уже выше, уничтожаютъ

*) *Трепанировка* — весьма мучительная операція просверливанія черепа. *Прим. перев.*

способность къ свободному самоопредѣленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вмѣненіе.

Непроизвольныя побужденія грезящихъ и лунатиковъ (Schlafwandler). Сонное опьяненіе (Schlaftrunkenheit). Давленіе груди во снѣ (Alp).

Эти состоянія могутъ быть въ нѣкоторыхъ, даже во многихъ отношеніяхъ сравнены съ состояніями сумасшедшихъ. Представленія и движенія какъ тѣхъ, такъ и у другихъ подчинены волѣ, которая не исходитъ изъ сознанія. Грезящій во снѣ и лунатикъ стоятъ именно подъ принудительною властію физическаго закона необходимости. О какомъ-нибудь неразумномъ человѣкѣ говорятъ: «онъ болтаетъ, какъ во снѣ.» Также и людей, которые, въ противность обыкновеннымъ, разумнымъ принципамъ соціальной жизни и свѣта, ведутъ себя странно, причудливо, непрактично, называютъ Träumer, т. е. мечтатель, сновидецъ. Человѣку, дѣйствующему въ состояніи сна, нельзя вмѣнить его дѣйствій, ибо онъ столь же мало располагаетъ своею свободною волею, какъ и бѣшеный, напримѣръ; и потому-то изслѣдованіе человѣка, совершившаго преступленіе въ состояніи сна или лунатизма, можетъ быть причислено къ труднѣйшимъ задачамъ судебнаго врача и судьи. Преступникъ самъ ничего не знаетъ о своемъ лунатизмѣ. Окружающіе лунатика также объ этомъ обыкновенно не имѣютъ свѣдѣній. Точно также и больной потомъ вспоминаетъ свои ужасные сны только съ трудомъ. *)

Сонное опьяненіе есть точно также такое состояніе,

*) Сюда относится судебно-медицинскій случай съ лунатическимъ сапожнымъ подмастерьемъ, разсказанный выше на стр. 235-й.

въ которомъ могутъ быть совершены противозаконныя дѣйствія безъ способности ко вмѣненію. Здѣсь точно также и чувства и способность пониманія спутаны. Если пробужденіе отъ сна, при извѣстной болѣзненной дѣятельности мозга, совершилось невполнѣ, и не произошло полнаго перехода въ состояніе бдѣнія съ яснымъ и правильнымъ сознаніемъ внѣшняго міра, то является среднее состояніе между бдѣніемъ и сномъ, которое имѣетъ сходство съ состояніемъ опьяненія и потому называется соннымъ опьяненіемъ («Schlaftrunkenheit»). Въ этомъ состояніи возможны такія дѣйствія, которыя главнымъ образомъ управляются живѣйшими сонными представленіями. Слѣдственно, дѣйствія въ состояніи соннаго опьяненія несвободны; они не желаются, вслѣдствіе свободно образовавшихся представленій, а порождаются фантастическими образами. Точно также и давленіе груди во снѣ (Alp), которое происходитъ отъ болѣзненнаго усиленія ненормальныхъ ощущеній во снѣ, во время сонныхъ представленій, можетъ, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ и способу перехода въ состояніе бдѣнія, вести къ насильственнымъ дѣйствіямъ. При изслѣдованіи такихъ психическихъ состояній важно обращать вниманіе на то, нѣтъ ли при этомъ какихъ-либо ненормальныхъ состояній тѣла, какъ напр.: полнокровія, склонности къ приливамъ крови къ груди и головѣ, пороковъ сердца, первныхъ страданій, такъ назыв. геморроидальныхъ состояній. Далѣе, подобное же вредное вліяніе могутъ еще имѣть: испорченный воздухъ въ комнатѣ, напр. испареніями отъ угольевъ, цвѣтовъ и т. д.; плотный обѣдъ и обильное употребленіе спиртныхъ напитковъ незадолго или непосредственно передъ сномъ. (Шюрмайеръ).

Болѣзненныя побужденія беременныхъ и родильницъ.

О разстройствахъ души, во время этихъ состояній женщинъ мы уже говорили. Здѣсь же будемъ говорить о болѣзненныхъ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Обыкновенно это — разстройства способности желающей, которыя, какъ напр. *прихоти*, часто усиливаются съ величайшею страстію до непроизвольныхъ излишествъ о которыхъ потомъ можетъ возникнуть вопросъ и передъ судомъ. Фридрейхъ, остроумный психологъ, мой высокочтимый (нынѣ покойный) учитель и другъ, говоритъ объ этомъ: «способность желающая тѣла и такая же способность души, другими словами: продуктивная сфера тѣла человѣка и его духовная жизнь безпрерывно взаимно вліяютъ другъ на друга. Въ тѣлѣ беременной женщины производительная (образующая) жизнь въ высшей степени усилена, такъ что она часто почти что, такъ сказать, поглощаетъ душевныя стремленія и желанія, вслѣдствіе чего возникаютъ иногда самыя странныя желанія и прихоти беременныхъ.» Эти болѣзненныя желанія могутъ дойти до такой степени, что даже могутъ уничтожить разсудительность; господство разсудка (контролирующихъ, свободно созданныхъ представленій) можетъ совсѣмъ прекратиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода воли. Чтобы удовлетворить такимъ непормальнымъ желаніямъ, нѣкоторыя женщины, какъ уже выше было замѣчено, увлекаются даже до противозаконныхъ дѣйствій. Сюда напр. относится *побужденіе воровать* (Stehltrieb). Но при этомъ всегда свободное образованіе представленій прекращается, дѣятельность же фантазіи, напротивъ, болѣзненно усиливается, состояніе духа въ высшей степени страстно возбуждается. Тогда женщины воруютъ не изъ нужды, не изъ корыстолюбія, не

по привычкѣ и не руководствуются никакими другими, совсѣмъ и не существующими мотивами (кромѣ беременности), но побуждаются къ воровству единственно помѣшательствомъ разсудка. Именно, что онѣ только увидятъ, тѣмъ хотятъ и завладѣть, и что только покажетъ имъ ихъ больное воображеніе, то онѣ и хотятъ непремѣнно осуществить. Прихоти беременныхъ бываютъ иногда до того бурны, что вполнѣ господствуютъ надъ ихъ разсудкомъ. Такія особы воруютъ иногда то, что въ здоровомъ состояніи онѣ не могли бы даже употреблять; известь и известковый растворъ напр. воруются — ибо дома этихъ вещей нельзя имѣть — для того, чтобы ихъ ѣсть. Точно также, для той же цѣли употребляютъ онѣ аспидные камни, старую кожу и т. п. Такія женщины воруютъ иногда даже въ присутствіи собственниковъ похищаемыхъ вещей. Если только украденныя вещи не употребляются въ пищу, то большею частію ими совсѣмъ и не пользуются и ихъ выбрасываютъ вонъ. Такого рода побужденія къ воровству являются также иногда у больныхъ эпилепсіею (падучею болѣзнію) и разумѣется, еще болѣе тогда, когда эпилептическія женщины беременны.

Нѣкоторыя женщины страдаютъ уже во время мѣсячнаго очищенія этимъ стремленіемъ къ воровству, предполагающимъ совершенное помѣшательство ума и возбужденіе духа. — Гисленъ разсказываетъ объ одной дамѣ въ Гентѣ, которая, каждый разъ, когда бывала беременна, посѣщала всѣ лавки и совершала многочисленныя воровства. Ея мужъ слѣдовалъ за нею по пятамъ и платилъ за вещи.—Прихоти беременныхъ часто достигаютъ до изумительной власти. *)

*) Перечтите на стр. 219 случай, который и сюда относится, гдѣ одна жена умертвила своего мужа и сожрала часть его трупа.

Какъ бурны бываютъ иногда эти прихоти, какъ опредѣленно онѣ дѣйствуютъ на женщину и какія перемѣны онѣ могутъ производить во всемъ существѣ матери, — обнаруживается изъ того, что производительная ея жизнь можетъ, вслѣдствіе неудовлетворенія прихотей, подвергнуться такой перемѣнѣ, что иногда даже на внѣшней кожѣ дитяти является живое изображеніе носившагося передъ глазами беременной предмета ея какой-либо страстной прихоти, въ видѣ какого-нибудь болѣзненнаго продукта, напр. родимаго пятна (Muttermahl) и т. п. *) Такъ какъ изображеніе родимаго пятна часто есть не иное что, какъ начертаніе предмета страстно желаннаго и не полученнаго, то народъ еще и теперь сохраняетъ вѣру, что не слѣдуетъ никогда отказывать беременнымъ женщинамъ въ томъ, чего онѣ сильно и страстно желаютъ. Если теперь сила такого требованія беременной женщины такъ велика, что при этомъ прекращается способность обсужденія и взвѣшиванія праваго и неправаго, а равно и послѣдствій поступка, вслѣдствіе-же этого наконецъ уничтожается и свободная воля, то уже болѣе не можетъ быть и рѣчи о какой-бы то ни было способности ко вмѣненію. Но какъ въ такихъ случаяхъ, такъ и во всѣхъ другихъ—не существуетъ собственно маніи воровства, при непомраченныхъ нисколько способностяхъ души, какъ прежде смотрѣли на этотъ предметъ. Все таки, обыкновенно это болѣзненное стремленіе всегда имѣетъ въ основаніи разстройство мозга, органическія въ немъ измѣненія, вслѣдствіе которыхъ извращается и вся психическая жизнь. Это мы видимъ изъ одного случая, бывшаго въ 1849 году. Обвиняемый на 7 году жизни получилъ сильный ударъ въ голову, на 13 году—балка упала ему на черепъ. По вре-

*) Мы вообще знаемъ лишь очень мало до сихъ поръ объ опредѣленныхъ причинахъ (кромѣ указанныхъ психическихъ возбужденій и страстныхъ представленій) возникновенія такъ наз. родимыхъ пятенъ у дѣтей.

менамъ онъ жаловался на головную боль. Онъ воруетъ потомъ женскіе башмаки. Онъ воровалъ на улицѣ (настоящій уличный грабежъ*); повергалъ дѣвушекъ на землю, снималъ съ нихъ обувь, но оставлялъ нетронутыми украшенія, деньги и всѣ другія вещи. Обвиняемый былъ типографъ и, какъ по своему образованію, такъ и въ своемъ дѣлѣ, какъ разъ не былъ хуже другихъ людей. Навѣрное, болѣзненныя представленія здѣсь помогали ненормальному побужденію и его поддерживали.

Каждый врачъ и акушеръ знаетъ, что у родильницъ могутъ вдругъ появиться такія (временныя) тѣлесныя и душевныя разстройства, которыя уничтожаютъ всякую свободу воли. Такъ, мы видимъ, что при трудныхъ родахъ являются: слабость, оглушеніе безсиліе, кажущаяся (мнимая) смерть. Сознаніе, произвольное движеніе и ощущеніе тогда исчезаютъ отчасти или и вполнѣ. Иногда роды производятъ даже столбнякъ и какое-то бѣшенство, причемъ родильницы кусаютъ, какъ неистовыя кривляются и въ это время очень легко могутъ совершить преступныя дѣйствія надъ своимъ ребенкомъ или надъ окружающими.

Болѣзненныя побужденія у женщинъ во время мѣсячнаго очищенія. **)

Относительно этого тѣлеснаго отправленія и вліянія его на волю говоритъ уже Эскироль: «Мѣсячное очищеніе имѣетъ такое большое вліяніе на появленіе болѣзненныхъ побужденій, что можно безошибочно принять, что оно составляетъ шестую часть физическихъ причинъ». Тотъ же свидѣтель науки зналъ одну женщину, у

*) Здѣсь очевидно смѣшиваются два различныя преступленія, т. е. «настоящій уличный *грабежъ*» онъ называетъ *воровствомъ*. *Прим. перев.*

**) О разстраивающемъ вліяніи мѣсячнаго очищенія на душу мы уже говорили на стр. 217-й.

которой, какъ только наступало время мѣсячнаго очищенія, являлось сильнѣйшее желаніе умертвить своего мужа и дѣтей, и это побужденіе было еще живѣе, когда она видѣла этихъ своихъ милыхъ спящими. Маркъ замѣчаетъ относительно этого: «Бываютъ женщины, которыя, во время каждаго мѣсячнаго очищенія, находятся въ состояніи, близкомъ къ бѣшенству и которыя чрезъ это дѣлаются такъ чувствительны, воспріимчивы, такъ раздражительны и склонны къ гнѣву, что при малѣйшемъ противорѣчіи, при малѣйшемъ возбужденіи, онѣ увлекаются къ дѣйствіямъ какой-то слѣпой ярости.» Галль разсказываетъ объ одной дамѣ, которая во время мѣсячнаго очищенія нѣсколько разъ подвергалась непобѣдимому влеченію умертвить своего мужа. Наконецъ и на нее напало столь сильное желаніе отнять жизнь у своего наименьшаго ребенка, что она отказывалась потомъ его купать, ибо видъ нагаго дитяти съ такою силою побуждалъ ее умертвить его, что она должна была избѣгать всякаго случая видѣть свое дитя голымъ, такъ какъ при этомъ какой-то внутренній голосъ безпрерывно побуждалъ ее къ преступленію дѣтоубійства. Чего слѣдуетъ потомъ держаться относительно способности такихъ особъ во время мѣсячнаго очищенія ко вмѣненію, — это явствуетъ само собою изъ сказаннаго уже до сихъ поръ. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что и разстройства во время мѣсячнаго очищенія могутъ принуждать къ такимъ превратнымъ дѣйствіямъ. Относительно этого Грзингеръ сообщаетъ слѣдующій интересный случай: «Одна башмачница, носящая на себѣ всѣ признаки душевнаго и тѣлеснаго здоровья, жаловалась, что постоянно отягощается мыслію извести своихъ 4 дѣтей, которыхъ она все таки, какъ сама говоритъ, любитъ болѣе, чѣмъ самоё себя. Она страшится совершить злое дѣло, она въ отчаяніи, она хочетъ выброситься изъ окна; она чувствуетъ какое-то непреодолимое

принужденіе, не имѣя къ этому никакихъ разумныхъ основаній и подвергается отъ этого какому-то всеобщему дрожанію. Противъ чужихъ дѣтей она не имѣетъ такихъ дурныхъ желаній; лишь отъ своихъ собственныхъ должна она убѣгать и изъ страха подчиниться страшному требованію, прячетъ старательно всѣ орудія, какія только могли бы попасть ей въ руки. Она безпрерывно спускается и поднимается по лѣстницамъ, чтобы посредствомъ движенія и утомленія отогнать эти мысли. Это стремленіе къ смертоубійству (Mordlust) продолжалось около четверти года и потомъ прекратилось само собою съ возвращеніемъ мѣсячнаго очищенія, болѣзненно задержаннаго во время этихъ трехъ мѣсяцевъ.

Болѣзненныя побужденія, вызванныя страхомъ. — Воображаемая водобоязнь.

«*Величайшее изъ страданій есть страхъ*» говоритъ уже какой-то древній авторъ. Шекспиръ также изображаетъ на Макбетѣ, какъ этотъ, вслѣдствіе страха видѣлъ призраки, какъ, слѣдовательно, страхомъ были вызваны у него галлюцинаціи. «Какъ? ты совсѣмъ оскопленъ глупымъ страхомъ?!» взываетъ къ нему его супруга. Она назвала также всѣ видѣнія своего мужа «образами, нарисованными страхомъ». — Достаточно извѣстно, какъ многія особы изъ одного лишь страха извѣстныхъ болѣзней, черезъ посредничество представленій и души вообще, дѣйствительно заболѣваютъ тѣлесно. (вспомните только о *холеробоязни* (Cholerophobia) и т. п.). Такіе люди, подверженные сильному страху и одаренные живымъ воображеніемъ, дѣлаются тогда всего легче ипохондриками. А въ этомъ состояніи душа уже болѣе не свободна. Но здѣсь мы хотимъ въ особенности упомянуть объ одной болѣзни, которая, какъ психическая отчасти или вполнѣ, одна един-

ственная только и можетъ возникнуть изъ страха и дѣйствительно часто возникаетъ.

Мы здѣсь разумѣемъ *водобоязнь* или *собачье бѣшенство*. Бываютъ также и болѣзни чисто тѣлеснаго свойства (напр. сифилитическая), которыя извѣстное время могутъ быть скрытыми и ускользать такимъ образомъ, даже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, отъ опытнѣйшаго глаза; но потомъ внезапно и неожиданно обнаруживаться со всею яростію. Водобоязнь есть такое состояніе, которое по нашимъ опытамъ и изслѣдованіямъ, позволяетъ человѣку продолжать жить цѣлые года, повидимому, даже въ самомъ лучшемъ здоровьи; и часто обнаруживается потомъ внезапно, безъ всякаго повода. Собачье бѣшенство у человѣка причисляется Фридрейхомъ къ психическимъ болѣзнямъ весьма основательно, хотя каждый случай водобоязни и не заключаетъ въ себѣ всѣхъ моментовъ психическаго страданія. Часто предшествуетъ собственно обнаруженію болѣзни состояніе меланхоліи, потомъ слѣдуетъ разстройства души и сферы ощущеній. Духовныя разстройства здѣсь преобладаютъ, побужденія и аффекты ненормально усиливаются или ослабляются. Нѣкоторые больные дѣлаются необыкновенно раздражительными, чувствительными и склонными къ гнѣву. (Präecordialangst *) играетъ при этомъ важную роль. Больной видитъ страшные сны, его сонъ постоянно прерывается; сильное безпокойство овладѣваетъ человѣкомъ. Половое влеченіе иногда очень сильно возбуждено, и у мужчинъ часто доходитъ до *піапизма* **) а у женщинъ до *нимфоманіи*. Только теперь уже, послѣ всѣхъ этихъ предвѣстниковъ наступаетъ припадокъ бѣшенства. Безпокойство и тоска больнаго достигаютъ сильнѣйшей степени, чрезмѣр-

*) См. стр, 207.

**) См. стр. 373.

пая чувствительность кожи доходитъ до такой степени (и распространяется мало по малу на всю нервную и мозговую систему), что малѣйшаго прикосновенія, даже часто какого нибудь сквознаго вѣтра достаточно, чтобы вызвать ужаснѣйшія конвульсіи, эпилептическія или столбнячныя судороги. Чувство тоски и безпокойство растетъ до отчаянія, усиливается до бѣшенства. При этомъ — мгновенная безсознательность. Эти припадки бѣшенства естественно бываютъ сильнѣе тогда, когда стараются успокоить больнаго грубыми насильственными средствами. Фантазія страдальца, который уже до того измученъ судорогами глотки, что едва можетъ проглотить собственную слюну — не говоря уже о водѣ—въ то же время занята произведеніемъ новыхъ ужасныхъ образовъ, которые тогда принимаютъ форму настоящихъ галлюцинацій. Мы здѣсь не говоримъ о настоящей водобоязни, порожденной зараженіемъ бѣшенымъ ядомъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ воображаемою водобоязнію ((hydrophobia imaginaria), которую слѣдуетъ обсуждать подобнымъ-же образомъ, какъ и сифилитическую ипохондрію. Это есть сильнѣшая степень возбужденія у раздражительныхъ индивидовъ, возникшая вслѣдствіе хотя и правильныхъ заключеній, но основанныхъ на ложныхъ предположеніяхъ. Форму эту слѣдуетъ также иногда лѣчить правильно выбранными духовными, вообще психологическими средствами по временамъ въ связи съ физическими. Это очень важно. Такіе припадки проходятъ, но во время ихъ часто совершаются преступныя дѣйствія; кто же не обладаетъ опытностію, тотъ послѣ и не подумаетъ объ ограниченіи свободы духа во время водобоязни. Бываетъ также и *истерическая* водобоязнь. — Бываютъ очень часто случаи, какъ доказываетъ и великій Касперъ, (напр. изъ эпизоотіи собачьяго бѣшенства въ Гамбургѣ), гдѣ возникновеніе собачьяго бѣшенства не зависѣло ни отъ какихъ

физическихъ причинъ, но единственно происходило отъ безпокойства и страха передъ этою болѣзнію. Воспаленнаго воображенія раздражительнаго человѣка часто бываетъ достаточно для того, чтобы вызвать главныя явленія болѣзни.—Фридрейхъ разсказываетъ намъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, подавшемъ совершенно здоровой собакѣ кусокъ сахару, который онъ самъ съѣлъ послѣ того, какъ собака только полизала его. Свидѣтель этого происшествія сдѣлалъ молодому человѣку полу-шутя глупое и необдуманное замѣчаніе, что такой поступокъ его былъ очень неосторожень, потому что, если-бы собака была бѣшеная, онъ непремѣнно сдѣлался бы жертвою своего легкомыслія. Молодой человѣкъ ужаснулся, сдѣлался задумчивымъ и, по истеченіи короткаго времени, обнаружилъ всѣ психическія явленія появившагося бѣшенства. — Другой примѣръ касается одного охотника, который былъ укушенъ въ лѣсу своею собственною собакою; собака убѣжала, вѣроятно испугавшись бича, и, такъ какъ она не возвратилась болѣе въ тотъ же день домой, то на укушеннаго напалъ страхъ и ужасъ; онъ сталъ воображать: не была ли убѣжавшая собака бѣшеною? Его разгоряченное воображеніе не давало ему болѣе покоя; и вотъ, среди сильнѣйшаго безпокойства, обнаружились признаки настоящей водобоязни. Когда уже стали думать, что онъ сдѣлается жертвою своей ужасной болѣзни, собака возвращается черезъ три дня къ своему хозяину, ласково махая хвостомъ, и осыпаетъ его обыкновенными изъявленіями любви. Больной, внѣ себя отъ радости, видя, что собака была вполнѣ здорова, поправляется въ короткое время и совершенно выздоравливаетъ.—Касперъ приводитъ также случаи, гдѣ люди умирали въ припадкахъ собачьяго бѣшенства, не только не будучи укушены бѣшеною собакою, но вообще совсѣмъ не будучи укушены. Вѣдь бываютъ же личности, которыя дѣлаются сумасшедшими изъ

одного только страха сумасшествія, точно также какъ молодой человѣкъ или охотникъ получили водобоязнь изъ одного лишь страха водобоязни. Разумѣется, для того чтобы страхъ могъ дойти до такой степени, нужны ипохондрическія наклонности и т. п. состоянія нервной раздражительности *). Вотъ что бываетъ часто: Подозрительная собака бѣгаетъ, кусаетъ собакъ и людей. Тогда жители этой мѣстности посредствомъ прибитыхъ объявленій (Plakate) повергаются въ безпокойство и возбужденіе. Подозрительныя собаки ловятся и умерщвляются. Укушенный же, воображая, что животное дѣйствительно было бѣшеное, пребываетъ въ величайшемъ страхѣ за свою жизнь. Мы говоримъ: «*за свою жизнь*»: вѣдь народъ вѣритъ, что черезъ 7—9 дней, или столько-же недѣль, мѣсяцевъ, даже лѣтъ — скрытое, такъ сказать, доселѣ въ тѣлѣ бѣшенство можетъ еще обнаружиться и по истеченіи столь долгаго времени. Укушенный очень часто никогда и не узнаетъ положительно, была ли собака, которая его ранила, дѣйствительно бѣшеною или же нѣтъ. Онъ знаетъ только, что она убита какъ «*подозрительная*». Это — главная ошибка, потому что сильнѣйшій страхъ ужаснѣйшей болѣзни продолжаетъ безпрерывно мучить человѣка. Здѣсь нельзя не посовѣтовать запирать пойманныхъ подозрительныхъ собакъ, подождать могущаго случиться дѣйствительнаго припадка бѣшенства, или же, въ противномъ случаѣ, здоровую, либо выздоровѣвшую собаку привести къ пребывающимъ въ страхѣ личностямъ и сказать: «посмотрите на собаку, она не была бѣшеною, поэтому не безпокойтесь и не бойтесь!» Вѣдь мы

*) Кто впрочемъ наблюдалъ употребительныя до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ процедуры, при появляющихся случаяхъ собачьяго бѣшенства, тотъ не станетъ болѣе удивляться, что такія явленія выступаютъ на сцену изъ страха.

знаемъ, что нѣкоторыя другія болѣзни собакъ производятъ совершенно подобныя же явленія, которыя однако могутъ внушить непосвященнымъ въ науку страхъ именно бѣшенства!

Болѣзненно-сильное побужденіе мести.

Бываетъ также иногда какое-то, такъ сказать, непобѣдимое побужденіе за претерпѣнную несправедливость воздать несправедливостію же. Мучимый такимъ побужденіемъ человѣкъ, если онъ раздражительнаго характера, впадаетъ иногда въ сильнѣйшій аффектъ и, въ слѣпой страсти своей, нерѣдко вымѣщаетъ претерпѣнную имъ несправедливость и на невинномъ. Тогда то, въ припадкѣ гнѣва и сильнѣйшаго возбужденія воли, съ горьчайшимъ чувствомъ мести, совершаются нѣкоторыя преступныя дѣянія. *Ira furor brevis*, гнѣвъ есть преходящее бѣшенство, говоритъ уже Овидій.

Одна свободная крестьянская дѣвушка, 42 лѣтъ, спокойнаго характера, молчаливая и всегда ищущая уединенія, однако надѣленная умственнымъ развитіемъ, соотвѣтствующимъ ея призванію и состоянію, и преданная своему дѣлу ревностнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ была горько порицаема своимъ хозяиномъ (который въ то же время былъ ея шуринъ) за дурной видъ овцы, о которой она должна была заботиться. Это порицаніе чрезвычайно огорчило ее (такъ какъ она считала себя невиновною) и пробудило въ столь кроткомъ существѣ чувство мщенія, которое ее такъ далеко увлекло, что она отравила своего шурина, несправедливо ее порицавшаго. Она купила мышьяку въ большомъ количествѣ и бросила его въ утренній супъ, назначенный для крестьянина и его жены. Хотя она и не желала причинить зла своей родной сестрѣ, но такъ какъ крестья-

нинъ никогда одинъ не принималъ пищи, то она лучше рѣшилась отравить обоихъ, чѣмъ отказаться отъ отомщенія своему оскорбителю; крестьянинъ поѣлъ болѣе супу и умеръ черезъ 10 часовъ. Крестьянка же была спасена. Вскрытіе трупа обнаружило отравленіе мышьякомъ. Заподозрѣнная въ убійствѣ своего шурина, крестьянка была привлечена къ суду и сожалѣла о своемъ поступкѣ только относительно своей невинной сестры, которая отъ супа получила сильныя боля въ животѣ. Къ удивленію, мнѣніе двухъ *врачей* (?!)*) было въ пользу вмѣненія, съ чѣмъ впрочемъ судья**) (къ которому потомство всегда должно питать всякое уваженіе и которому за его разумъ слѣдовало бы поставить памятникъ на всѣ времена) не согласился, такъ какъ состояніе духа отравительницы показалось ему сомнительнымъ. Наконецъ, послѣ того уже какъ было подано мнѣніе другими экспертами (т. е. на этотъ разъ уже настоящими спеціалистами), и медицинскимъ факультетомъ,—дѣвушка, какъ страдающая слабоуміемъ въ легкой степени, была объявлена неспособною ко вмѣненію. Также и разсказывающій этотъ случай д-ръ Маасъ, считалъ эту личность неспособною ко вмѣненію не по причинѣ слабоумія, но—какъ и я думаю — по причинѣ какого-то своеобразнаго извращенія воли при извѣстной нравственной сонливости и чрезмѣрной психической раздражительности, такъ что ея могучая страсть мщенія и ненависти не удержала ее даже отъ пожертвованія родною своею сестрою. Послѣ довольно продолжительнаго наблюде-

---

*) Можетъ быть, *докторовъ*—но «*врачей*» ли въ полномъ смыслѣ этого слова?!

**) Кто изъ моихъ читателей могъ-бы сообщить мнѣ имя этого честнаго человѣка, тому я былъ-бы очень благодаренъ, ибо, именно этотъ юристъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы имя его вѣчно процвѣтало для дѣтей и внуковъ въ лѣтописяхъ, гдѣ отмѣчаются истинная человѣчность, настоящее образованіе и полнѣйшая добросовѣстность. Самый случай о которомъ мы здѣсь говоримъ произошелъ вблизи Линца, въ 1841-мъ году.

нія этой особы, отданной въ заведеніе умалишенныхъ, выяснилось, что у ней, матеріальною причиною ея душевныхъ состояній была очень лѣнивая половая дѣятельность; потомъ, совершенное отсутствіе половаго желанія и безпорядочныя мѣсячныя очищенія. Подобныя же наблюденія были сдѣланы также и многими другими изслѣдователями надъ отравительницами съ сомнительными формами душевнаго страданія. Сюда можно отнести и знаменитое дѣло Генріэтты Корнье; объ этой убійцѣ Боннетъ (Bonnet) далъ объясненіе, что она высказала заключеннымъ вмѣстѣ съ нею, будто дитя было убито ею лишь изъ мести къ его отцу, (съ которымъ она прежде находилась въ любовныхъ сношеніяхъ) и притомъ способомъ, задолго прежде обдуманнымъ. Также и Гризингеръ говоритъ, что разстройства мѣсячныхъ очищеній, прилывы крови къ головѣ, онанизмъ и болѣзни половыхъ органовъ, запоры, вообще нездоровье, усталость и другія подобныя тѣлесныя разстройства могутъ быть признаны на практикѣ причинами болѣзненныхъ состояній души.

Стремленіе къ разрушенію.

Бываютъ въ жизни многихъ людей извѣстныя склонности, имѣющія цѣлью причинять одно лишь зло: разрывать платья, разламывать мебель и т. д. Такіе люди, которыхъ собственно слѣдуетъ разсматривать какъ больныхъ, либо руководятся какою-то всеобщею потребностію все портить; либо стремятся освободиться отъ своего тяжелаго настроенія или, такъ сказать, охладить свое мужество; либо наконецъ руководятся извѣстными мотивами, и такія дѣйствія слѣдуетъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ считать машинальными. Больными здѣсь руководятъ галлюцинаціи, или стремленіе освободиться отъ тоски посредствомъ какого-либо страннаго или дерзкаго поступка, или, наконецъ,

собственно безумныя мысли. (Объ этомъ мы уже выше упоминали). Часто это бываетъ мщеніе, часто — бездѣльническая охота производить безчинства; но чаще всего — намѣреніе избавиться, посредствомъ разрушенія жилища (напр. поджога) и т. д., отъ какихъ нибудь служебныхъ обязанностей, исполняемыхъ противъ воли. Это разрушительное побужденіе часто является уже въ поразительномъ видѣ на иныхъ дѣтяхъ. Да, даже кажется, что это склонность почти большей части молодыхъ людей — все портить. Очень многія дѣти находятъ свои игрушки вполнѣ прекрасными лишь тогда, когда онѣ уже разрушены Такія дѣти легко впадаютъ въ неистовство, мучатъ животныхъ и т. д.; если здѣсь не поможетъ хорошее воспитаніе, то изъ нихъ большею частію потомъ выходятъ самые грубые люди.

Влеченіе путешествовать (Wandertrieb).

Есть много людей, которые, какъ перелетныя птицы, чувствуютъ въ себѣ непреодолимое стремленіе путешествовать и бродить. Поэтому, они не склонны оставаться на постоянномъ жительствѣ даже и при самыхъ благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ. Подумайте только о цыганахъ и о нѣкоторыхъ другихъ (именно южныхъ — приближающихся къ востоку) племенахъ. Люди этого рода, большею частію съ врожденнымъ стремленіемъ къ кочующей жизни, дѣлаются часто бродягами и праздношатающимися и нигдѣ не находятъ отдыха. Какое-то внутреннее безпокойство гонитъ ихъ, какъ инстинктъ — птицъ, съ одного мѣста на другое. Такъ, они въ своей бродячей жизни часто приходятъ въ различнѣйшія столкновенія съ властями вообще. (О тоскѣ по родинѣ, какъ о сильномъ побужденіи возвратиться домой, которое покоится на начинающемся душевномъ разстройствѣ и стѣсняетъ свободу дѣйствія, мы уже говорили.)

Мы знаемъ, что солдаты, заболѣвшіе тоскою по роди-

нѣ, часто сами себя убивали, если только не могли убѣжать.

Насильственныя дѣйствія вслѣдствіе подражанія.

Въ 15-мъ письмѣ моего, уже не разъ упомянутаго сочиненія, гдѣ я говорилъ о духовныхъ эпидеміяхъ человѣчества, я упомянулъ и о побужденіи къ подражанію, какъ о главномъ дѣятелѣ при развитіи извѣстныхъ душевныхъ разстройствъ, соединенныхъ съ безумными дѣйствіями. (336 стр. и слѣд.). Что подражаніе есть могущественнѣйшая мать всякаго самовоспитанія — это извѣстно.—Мысль, возбужденная видомъ какого-либо ужаснаго дѣла, часто побуждаетъ къ убійству и т. д., коль скоро извѣстное болѣзненное настроеніе, стремящееся уобъективироваться, т. е. такъ сказать, осуществиться, овладѣваетъ человѣкомъ. — Одинъ меланхолическій человѣкъ видѣлъ казнь преступника Вдругъ напало на него побужденіе убить кого-либо, хотя онъ сильно боялся совершить преступленіе. Онъ горько плакалъ, билъ себя по головѣ, ломалъ свои руки и кричалъ своимъ друзьямъ, чтобы они спасались; потомъ благодарилъ ихъ за сопротивленіе, которое они ему оказали. — Одно 6—8-лѣтнее дитя задушило своего маленькаго братца. Родители, возвратившись домой, узнали о преступленіи, узнали, кто преступникъ, и спросили его о причинѣ. Дитя плача бросилась въ ихъ объятія и отвѣчало: «я совершилъ это дѣло только для того, чтобы подражать дьяволу, который вѣдь тоже задушилъ полишинеля».

Различныя явленія при разстройствахъ побужденій.

Бываютъ состоянія души, при которыхъ въ желательной и двигательной сферахъ появляются такого рода побужденія, что всякая борьба еще здоровой части души съ болѣзненнымъ внутреннимъ принужденіемъ—безсильна. Мно-

гіе умственно-разстроенные знаютъ точно время, когда у нихъ наступаютъ такого рода неистовые припадки (превратныя побужденія.) Я познакомился въ заведеніи умалишенныхъ, въ Вюрцбургѣ, съ однимъ больнымъ, который, хотя и страдалъ помѣшательствомъ, казался однако довольно разсудительнымъ. Онъ самъ говорилъ: «г. докторъ, какъ вы думаете, я хочу принести себѣ смирительный стулъ (Zwangsstuhl): приближается опять мой припадокъ бѣшенства».—Другой паціентъ, который часто находился въ заведеніи и нѣсколько разъ, какъ поправившійся, отпускался домой, всегда добровольно возвращался, когда зналъ, что приближается припадокъ бѣшенства. Поэтому и Маркъ говоритъ: «Многіе сумасшедшіе знаютъ также и о томъ, что они дѣлаютъ. (Но это уже не сумасшедшіе собственно). Многіе изъ нихъ, хотя и очень хорошо усматриваютъ всю неловкость, противозаконность и жестокость своихъ дѣйствій, все таки не могутъ воздержаться отъ совершенія этихъ дѣйствій. (Полнѣйшее помѣшательство овладѣваетъ тогда ихъ чувствами). Нѣкоторые чувствуютъ внутреннюю дрожь, которая постепенно достигаетъ сильной степени; они часто борятся съ самими собой, настоятельно требуютъ примѣненія къ нимъ сдерживающихъ средствъ, которыя стѣснили-бы употребленіе ихъ членовъ и обезопасили бы ихъ при появленіи припадковъ бѣшенства. (Сюда принадлежитъ также интересный случай съ ученымъ М. Р., который я разсказалъ на стр. 153-й своихъ психіатрическихъ писемъ). — Одна женщина была прикрѣплена къ смирительному стулу. Возлѣ нея — двѣ прислужницы; ея руки и локти покрыты ранами отъ укушенія, изъ которыхъ нѣкоторыя очень глубоки; губы ея искусаны, языкъ въ разныхъ мѣстахъ истерзанъ. Она сама причинила себѣ эти раны. *Докторъ*: «Что вы дѣлаете здѣсь?» *Больная*. «Развѣ вы не видите, что я бѣшеная?» *Докторъ*. «Но зачѣмъ вы

такъ терзаете себя?» *Больная.* «Я не могу отъ этого удержаться: побужденіе сильнѣе меня». И въ то же время она старается приблизить одинъ изъ своихъ членовъ такъ близко ко рту, чтобы можно было его изгрызть. (Маркъ).

Гоффбауеръ (въ своей «Психологіи въ примѣненіи къ судопроизводству») говоритъ относительно этого: «До тѣхъ поръ, пока не примутъ въ уваженіе такіе роды сумасшествія, непремѣнно будутъ совершать несправедливости относительно тѣхъ несчастныхъ, которые за поступокъ, къ которому они принуждаются своимъ бѣшенствомъ, подвергаются законнымъ послѣдствіямъ. Ибо какое умозаключеніе естественнѣе этого: «человѣкъ этотъ въ своихъ сужденіяхъ не обнаруживаетъ помѣшательства (повидимому, прибавляемъ мы), слѣдовательно и дѣйствіе его не могло быть слѣдствіемъ помѣшательства; такъ и здѣсь, преступникъ — господинъ своихъ дѣйствій». Такъ заключаютъ, но, разумѣется, невѣрно. Здѣсь мы опять должны замѣтить, что не придерживаемся взглядовъ Эскироля, Пинеля, Марка и другихъ психіатровъ старой школы касательно того, что страдальцы обо всемъ могутъ разумно мыслить и при этомъ все таки быть подверженными бѣшенству или неистовству. Поэтому, мы и не признаемъ ни пироманіи, ни клептоманіи, ни мордмономаніи въ смыслѣ Эскироля; но мы требуемъ точнѣйшаго изслѣдованія каждаго отдѣльнаго случая, сообразно его особенному психологическому основанію. Главный вопросъ на судѣ непремѣнно долженъ быть всегда такой: «Существовало ли болѣзненное состояніе, ограничившее или уничтожившее свободу дѣятеля во время совершенія дѣйствія или, покрайней мѣрѣ, могшее ее ограничить?» — Для нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ *первыхъ* или слабыхъ индивидовъ—на это мы должны опять обратить вниманіе —обыкновенно достаточно, какъ и Гризингеръ говоритъ, лишь очень немногаго, чтобы причинить вредъ ихъ

свободѣ дѣйствія. У иныхъ особъ струны натянуты на душу, такъ сказать, очень слабо, шатко и не твердо; такъ что малѣйшій порывъ вѣтра жизни производитъ звуки, какъ на какой-нибудь эоловой арфѣ, и часто—звуки дисгармоническіе. Различіе (и на это должно обратить особенное вниманіе) между душевно-здоровымъ и больнымъ — всегда такое: тѣлесно и душевно-здоровый можетъ самопзвольно предаваться настроеніямъ духа, можетъ, сколько угодно, преслѣдовать картины фантазіи; онъ можетъ себѣ воображать несуществующее и мечтать о чемъ угодно и сколько угодно; можетъ даже впасть въ бѣшенство, неистовствовать:—но *онъ можетъ все это также и оставить, если захочетъ, онъ не вынужденъ всего этого дѣлать*; и онъ дѣйствительно все это и оставляетъ, коль скоро его отвлекаетъ какой-нибудь другой интересъ или же умиротворяетъ разумное слово. (Такъ какъ человѣческая свобода прямо основывается, такъ сказать, на преобразовываніи воли и на вліяніи на волю, т. е. на влеченія и побужденія) другихъ противоположныхъ, свободно созданныхъ представленій, слѣдовательно,—на господствѣ *я* надъ прямо возникающими и существующими уже стремленіями: то въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно положеніе: «*истинная свобода покоится лишь на ограниченіи*». Повелительное *стой*; это *да* или *нѣтъ* со стороны свободнаго *я*; надлежащее *направленіе* движенія текущихъ представленій воли и другихъ,—вотъ это именно и образуетъ характеръ психической свободы.) Но почему же больной не можетъ всего этого оставить? Потому именно, что не можетъ: если какое-либо душевное отправленіе, которое еще вчера было совершенно нормально, сегодня уже сдѣлалось ненормальнымъ, то, значитъ, нормальному ходу этого отправленія сегодня уже противопоставлено какое-либо непреодолимое препятствіе. Но нелѣпо предполагать, что какая-либо дѣятельность, какая-

либо сила можетъ сама себѣ воспрепятствовать или сама собою уничтожиться; слѣдовательно, препятствіе должно было явиться извнѣ. Ближе всѣхъ другихъ внѣшнихъ предметовъ къ душѣ человѣка и ея отправленіямъ стоитъ его собственное тѣло и всѣ тѣ его отправленія, которыя непричастны сознанію и вообще называются растительными (vegetatives). При тѣхъ же состояніяхъ, при которыхъ существуетъ разстройство побужденій, часто обнаруживается, что несчастный больной думаетъ, будто онъ самъ дѣлаетъ то, что собственно (помимо его воли) въ немъ и съ нимъ дѣлается. Здѣсь, значитъ, происходитъ то же, что и при галлюцинаціяхъ, только въ обратномъ порядкѣ. При галлюцинаціяхъ больной думаетъ, что ложные образы извнѣ *подходятъ* къ нему, между тѣмъ, какъ они *возникаютъ* только въ его больномъ *внутреннемъ*; вотъ въ этомъ-то и состоитъ обманъ. При разстройствѣ же побужденій, страдалецъ часто является самъ для себя «чужимъ или страннымъ». Несчастный иногда очень хорошо сознаетъ, что онъ *такъ* дѣйствуетъ, т. е. сознаетъ, *что* онъ сдѣлалъ, но самое его *зачѣмъ* или *для чего* для него неясно, или же это «*для чего*» основывается на ложномъ заключеніи. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о такъ называемомъ «*чувствѣ виновности безъ всякой вины*». Многіе, часто лучшіе и прекраснѣйшіе люди, сдѣлавшіеся добычею тяжкихъ органическихъ страданій, не могутъ отогнать ужаснаго представленія, будто на ихъ совѣсти лежитъ страшное преступленіе. Другіе, какъ они выражаются, «болѣе не узнаютъ уже самихъ себя», чувствуютъ, что душа ихъ сковывается или пересиливается или уже пересилена чѣмъ-то другимъ, недуховнымъ и какъ бы находящимся внѣ ихъ. Поэтому, такіе люди иногда приходятъ къ суевѣрному ложному представленію о томъ «*что ихъ околдовали* или «*что ихъ сглазили*». Такъ, больной, воображающій, что онъ находится во власти

какой-то злой силы, считаетъ тогда самаго себя *«бѣсноватымъ»*. Онъ приписываетъ свои волненія въ сферѣ непроизвольныхъ побужденій (Triebsphäre) *нашептываніямъ искусителя*. Совершивши дѣйствіе въ такомъ состояніи, онъ иначе о себѣ не можетъ сказать, какъ: *«я былъ увлеченъ»*; *«я не былъ болѣе властенъ надъ собою»*. Тогда здѣсь и *«категорическій императивъ ума»*, (какъ Кантъ его называетъ): «дѣйствуй такъ, чтобъ твои поступки могли служить примѣромъ для всѣхъ мыслящихъ существъ» — какъ бы заснулъ: онъ разслабленъ и порабощенъ. — Къ д-ру Гислену пришелъ однажды за совѣтомъ крестьянинъ, жалуясь, что *«былъ одержимъ бѣсомъ»*. Онъ былъ въ какомъ то весьма странномъ состояніи. «На меня внезапно нападаетъ, говорилъ онъ, побужденіе давать пощечины своимъ дѣтямъ; иногда же я дохожу до того, что даже готовъ ихъ умертвить». Когда онъ былъ возбужденъ, то это побужденіе было очень сильно; когда же онъ ослабѣвалъ, то и болѣзненное побужденіе опять исчезало. Къ такимъ разстройствамъ, гдѣ существуетъ дурное настроеніе духа, помѣшательство ума или мыслей примѣнимы слова Фихте, *что мысль человѣка часто играетъ лишь пассивную роль при его дѣйствіяхъ*. «Что я сдѣлалъ, то скорѣе было претерпѣно мною, чѣмъ совершено», восклицаетъ уже Эдипъ въ Колонѣ. Такъ какъ желанія плоти, т. е. непроизвольныя влеченія человѣка очень часто находятся въ противорѣчіи съ желаніями духа (вслѣдствіе разныхъ болѣзненныхъ процессовъ): то и положеніе: *«духъ бодръ, но плоть немощна»*, остается истиннымъ на вѣки. Вѣдь мы уже видѣли, при описаніи извѣстныхъ состояній человѣка, что желанія плоти бываютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ воля души. Страдая разстройствомъ побужденій, человѣкъ иногда долго борется со своимъ страданіемъ. Наконецъ, если такая неровная

борьба слишкомъ продолжительна и слишкомъ тяжела, то несчастный впадаетъ наконецъ въ бѣшенство и отчаяніе. Тогда-то онъ жаждетъ спокойствія, сна, смерти. Онъ пьетъ, чтобы найти забвеніе хоть въ винѣ. И если больной въ отчаяніи перестаетъ наконецъ бороться со своимъ несчастнымъ настроеніемъ, со своею страстію и своими влеченіями; то кто бы, говоритъ Целлеръ, осудилъ такую несчастную душу, если она, отчаяваясь погибаетъ тогда, когда, можетъ быть, въ ея власти остались еще для борьбы какія-нибудь два—три движенія. Предшествующая совершенію преступнаго поступка безумія, уничтожающая борьба души (возстающей противъ этого поступка) съ представленіями, ощущеніями, обманами чувствъ, влеченіями, опять все таки принуждающими къ нему, — есть пытка тѣмъ болѣе мучительная, чѣмъ выше (по своимъ нравственнымъ качествамъ) человѣкъ стоялъ до болѣзни. Это такое состояніе, которое можно сравнить съ состояніемъ человѣка, заживо-погребеннаго. Страхъ смерти отъ удушенія, которымъ умирающій самъ себя терзаетъ въ ужаснѣйшей борьбѣ, словно его рука желала бы разорвать тѣло и освободить изъ этой ужасной темницы гонимую фуріями душу,—вотъ вѣрнѣйшее изображеніе этого состоянія. Быть осужденнымъ на такую муку—этого не можетъ вынести ни одна душа; и мы знаемъ, что даже, такъ сказать, стальныя сердца ломались, когда приходили въ разладъ сами съ собою и съ людьми: ибо даже Наполеонъ I принялъ ядъ, когда его маршалы, съ которыми онъ думалъ завоевать весь земной шаръ, покинули его въ Фонтенебло. Внезапная потеря надежды на осуществленіе желаній часто доводитъ человѣка до отчаянія, до бѣшенства.

Однако печально то обстоятельство, что толпа обыкновенно хочетъ узнавать умственно-разстроеннаго лишь по его безсмысленнымъ рѣчамъ, и только по этому о немъ и судитъ.

Безумные же поступки они почти сплошь принимаютъ лишь за результатъ злобы. Прежде приписывали необъяснимое по своимъ побужденіямъ, колдовству; теперь же его, къ сожалѣнію, приписываютъ злобѣ. Поэтому-то, разстройства побужденій теперь многими не признаются.—По истинѣ, довольно несчастенъ страдалецъ, который въ болѣзненномъ состояніи совершаетъ злодѣяніе! Слѣдуетъ ли его сдѣлать еще въ 10 разъ несчастнѣе, толкуя ему, что поступокъ его совершонъ по собственной винѣ? — «Я охотно желаю, восклинулъ одинъ изъ такихъ несчастныхъ, выдержать наказаніе, къ которому я приговоренъ, чтобы никому не нужно было на меня жаловаться: только не упрекайте меня въ злости: я не могу ее постигнуть». Также и Офелія у Шекспира говоритъ: «Во мнѣ есть что-то порицающее мой недостатокъ, но природа этого недостатка до того упорна, что онъ смѣется надъ порицаніемъ». — «Кто можетъ сомнѣваться, говоритъ знаменитый физіологъ Бергманъ, что бываютъ такія органическія состоянія тѣла, которыя принуждаютъ къ злому? Но самое это зло, совершаемое вслѣдствіе болѣзненныхъ состояній, есть зло лишь въ отношеніи къ объекту, а не въ отношеніи къ субъекту». Мыслящіе люди сожалѣютъ о такихъ несчастныхъ, они имѣютъ къ нимъ состраданіе. Въ этомъ смыслѣ высказался нѣкогда также и Оскаръ, наслѣдный принцъ Шведскій, бывшій послѣ королемъ, въ своей книгѣ: «О наказаніяхъ и о карательныхъ заведеніяхъ.» (Лейпцигъ, 1841, стр. 32): «Должно быть сдѣлано различіе между *совершеніемъ* преступленія и *причиною* онаго. Первое есть происшествіе, есть дѣйствіе и, какъ таковое, можетъ быть понято и разсмотрѣно: послѣдняя же почти недоступна человѣческому изслѣдованію. Богу одному предоставлено классифицировать степени наказуемости и неравныя внутреннія свойства людей». Къ этой удивительно человѣчной и великодушной

аргументаціи наслѣднаго принца мы отъ себя должны прибавить лишь слѣдующее. Такъ какъ въ настоящее время очевидно, что нельзя на практикѣ разсчитывать на прямое содѣйствіе Бога, согласно съ приведеннымъ, въ высшей степени справедливымъ желаніемъ; то, значитъ, предпринимать такія изслѣдованія должно быть предоставлено тѣмъ, которые на землѣ поставлены вмѣсто Бога. Но священникамъ ли замѣнять Бога въ этихъ случаяхъ? Нѣкоторые это воображаютъ себѣ; я же думаю, что въ этихъ случаяхъ единственнымъ послапникомъ Господа можетъ быть мыслящій врачъ, ἰατρὸς φιλόσοφος, какъ того и Платонъ хочетъ. Но такъ какъ истинно разумные, гуманные и образованные люди справедливо сострадаютъ тѣмъ несчастнымъ, которыхъ мы до сихъ поръ изображали, то изъ этого уже видно, что тотъ, кто не можетъ перенести своей болѣзни, долженъ быть страдальцемъ. Только страдальцамъ сострадаютъ, а злымъ—никогда. «Къ дьяволу, говоритъ церковь, самъ всемилостивѣйшій Богъ не питаетъ никакой жалости».

Также и многія самоубійства происходятъ отъ непреодолимаго побужденія, спутывающаго свободныя представленія человѣка. Спросите тѣхъ, которые когда-либо пытались умертвить себя, что ихъ къ тому побудило; и вы услышите, что они были къ этому привлечены, были принуждены это сдѣлать. Такіе несчастные утверждаютъ также, что хотя для нихъ нѣтъ ничего ужаснѣе самоубійства, тѣмъ не менѣе они, чтобы освободиться отъ постояннаго внутренняго безпокойства и какого-то настойчиваго подстреканія, пытались совершить дѣло. Если такіе люди, послѣ подобныхъ покушеній на самоубійство, большею частію навсегда излѣчиваются отъ своихъ дурныхъ мыслей, то это иногда происходитъ отъ того, что происшедшее при пораненіи кровотеченіе производило благодѣтельное отвлеченіе крови,

съ силою стремившейся къ мозгу или къ сердцу, вслѣдствіе чего и наступало тѣлесное и душевное спокойствіе. Люди, подверженные такому несчастію — разстройствамъ души, болѣзненнымъ побужденіямъ и т. д. — часто очень ясно усматриваютъ свое печальное положеніе; но это усматриваніе производитъ только еще большее потрясеніе и безъ того ужъ слишкомъ чувствительной воспріимчивой души и такимъ образомъ еще скорѣе доводитъ ее до отчаянія. Какъ ночныя бабочки къ пламени, стремятся они къ преступленію, къ несчастію. Если вмѣсто того, чтобы обращаться разумно съ такими страдальцами, съ ними часто обходятся дурно, не какъ слѣдуетъ; то этимъ очень скоро доводятъ ихъ до высшей степени бѣшенства.

Обыкновенно, собственно разстройствамъ побужденій предшествуютъ извѣстные предвѣстники. Но уже и въ этомъ періодѣ болѣзни человѣкъ очень ограниченъ въ своей свободѣ. Такимъ людямъ нигдѣ не бываетъ вполнѣ хорошо; безъ отдыха блуждаютъ они взадъ и впередъ; ихъ дѣйствія буйны и бурны. Движенія мускуловъ дѣлаются болѣзненно дрожащими; появляются разнородныя желанія и побужденія, которыя невполнѣ согласуются съ здоровымъ разсудкомъ. Очень немногіе люди, страданія которыхъ коренятся въ разстройствѣ побужденій, узнаютъ настоящую причину своего несчастія; скорѣе же всего приписываютъ они его своимъ воображаемымъ врагамъ. — Что употребленіе спиртныхъ напитковъ имѣетъ особенное вліяніе на побужденія—это уже давно извѣстно. Въ пьяномъ состояніи часто непроизвольно совершаются величайшія преступленія. Во Франціи, въ одинъ періодъ времени (4 года), изъ числа 1129 убійствъ 446 были совершены вслѣдствіе трактирныхъ дракъ. Доказательство того, что цѣлый народъ можетъ выродиться вслѣдствіе пьянства, представляютъ намъ, какъ говоритъ Морель, Шведы. Ихъ вошедшая

нѣкогда въ пословицу настойчивость и терпѣніе, по единогласному свидѣтельству ихъ собственныхъ писателей, въ настоящее время исчезла; число душевныхъ разстройствъ, самоубійствъ и преступленій увеличивается ужасно. Число обвиняемыхъ въ важныхъ и незначительныхъ преступленіяхъ въ 1845 г. было 40,468; число осужденныхъ — 35,026; слѣдовательно 1 обвиняемый—на 81 жителя, 1 осужденный—на 100 жителей. Изъ 14,875 преступленій, о которыхъ производилось въ Швеціи слѣдствіе въ 1831 году, 2082 были совершены въ пьянствѣ. Сколько преступниковъ при этомъ были, навѣрное, неспособны ко вмѣненію! Природа же самаго опьянепія, равно и поведеніе въ пьяномъ видѣ опредѣляется главнымъ образомъ *природою* и темпераментомъ человѣка; и это удивительно, какъ и Плагге говоритъ, какъ все свойственное индивидуальности согласовано со строеніемъ черепа. Остроголовый дѣлается въ пьяномъ видѣ набожнымъ и кающимся, человѣкъ съ выпуклымъ лбомъ мечтательнымъ, широколобый сварливымъ, гнѣвнымъ. Но никто самъ не сдѣлалъ ни своего черепа, ни своего мозга!

При нѣкоторыхъ болѣзненныхъ процессахъ обнаруживается также у иныхъ личностей и аномалія побужденій, именно въ отношеніи силы. Люди этихъ побужденій, лишены энергіи; у нихъ ни къ чему нѣтъ ни любви, ни особенной охоты. Они скорѣе всего недѣятельны, боязливы и лѣнивы. Самыя горькія условія жизни едва ли тогда уже въ состояніи побудить ихъ къ дѣятельности: ихъ воля ослаблена.— «Слабость воли, говоритъ Гейнротъ, уничтожаетъ возможность свободнаго обнаруженія произвола. Бываютъ люди, которые не въ состояніи ни противорѣчить въ чемъ-либо словамъ другихъ, не противиться какому бы то ни было принужденію. (Это—такъ называемые *слабые характеры*!) Въ обоихъ случаяхъ первопачальная вина заключается въ

излишней мягкости, раздражительности или запуганности. Другіе опять не имѣютъ столько силы воли, сколько необходимо для того, чтобы склонить ихъ къ дѣйствію. Они неспособны рѣшаться на что бы то ни было, или по крайней мѣрѣ, неспособны выполнить принятое рѣшеніе. — Мы уже не разъ упоминали, что не бываетъ никакихъ болѣзней отправленій или дѣятельностей: бываютъ лишь страданія органовъ. И здѣсь также, гдѣ побужденія кажутся болѣзненно-разстроенными, всегда страдаютъ самые органы, служащіе основаніями этихъ побужденій. Но болѣзненныя побужденія вмѣстѣ съ больными органами, (служащими для нихъ основаніями, такъ сказать, подкладками) требуютъ лѣченія, а никакъ не наказанія. — Д-ръ Вейль замѣчаетъ: «У всѣхъ невѣжественныхъ и грубыхъ народовъ замѣчается одно общее явленіе: они съ одинаковою жестокостью преслѣдуютъ болѣзнь и преступленіе, вмѣсто того, чтобы стремиться первую излѣчить, а второе, посредствомъ нравственнаго исправленія, сдѣлать рѣже. Ни одного разу всеобщая человѣческая любовь не побудила людей принять участіе въ такихъ больныхъ». А почему это? Да именно потому, что не дали себѣ труда изслѣдовать эти состоянія, и еще потому что нашли болѣе удобнымъ остановиться на «злости». Будемъ же стремиться къ тому, чтобы всѣми средствами избѣгнуть даже малѣйшаго повода быть еще и теперь причисленными къ грубымъ и невѣжественнымъ въ этомъ отношеніи народамъ! А для этого необходимо глубокое изученіе человѣка. Пусть съ ранней юности уже воспитываютъ и обучаютъ человѣка такъ, чтобы онъ прежде всего могъ узнать самаго себя; тогда и каждому человѣку будетъ легче хорошо понимать своего ближняго и правильно его оцѣнивать. Безъ самопознанія нѣтъ и человѣкопознанія.

«Willst du die Andern verstehen,—schau in dein eige-

nes ich! (Если ты хочешь понять другихъ, заглядывай въ свое собственное *я*), говоритъ поэтъ. На самопознаніи же основывается и самообладаніе. Кто не знаетъ самъ себя, не изслѣдовалъ своихъ побужденій и влеченій, тотъ никогда не съумѣетъ и господствовать надъ ними. Сначала пусть перелистываютъ изгибы своего собственнаго сердца, пусть читаютъ въ книгѣ своей собственной жизни, пусть изучаютъ свою душу, свой разсудокъ, свою волю, — и только тогда пусть приступаютъ къ изслѣдованію и изученію другихъ. Но чтобы проложить дорогу къ дѣйствительному самопознанію и человѣкопознанію, нужно прежде всего всецѣлое преобразованіе самаго воспитательнаго дѣла. Пусть наконецъ перестанутъ начинять головы молодыхъ людей непонятными, безполезными вещами, изъ которыхъ и разсудокъ и воля не заимствуютъ ничего. Пусть возьмутся за ихъ собственное *я*, — пусть ведутъ ихъ къ нимъ же самимъ, — и пусть не отчуждаютъ человѣка отъ его же самаго и отъ человѣчества, посредствомъ глупыхъ и суевѣрныхъ правилъ.

Теорія психической и нравственной свободы. Теорія преступленія.

Обнимая теперь еще разъ въ цѣломъ теорію и существо человѣческой свободы, припомнимъ сказанное уже: «истинная свобода покоится лишь на ограниченіи». Именно, очень часто появляются въ человѣкѣ такія мысли и побужденія, которыя въ своемъ осуществленіи никакъ не могутъ быть оправданы передъ судомъ общественной жизни. Значитъ, здѣсь *я* должно быть въ состояніи настолько свободно воспроизвести противуположныя (контрастирующія) представленія и ихъ противупоставить, такъ сказать, злымъ мыслямъ, насколько это нужно, чтобы доброе одержало верхъ, а злое было побѣждено. Если же это не случается,

то прежде возникшія, преходящія, прихотливыя, капризныя представленія, часто основывающіяся лишь на мгновенныхъ чувственныхъ толчкахъ, безпрепятственно подступаютъ къ двигательной сферѣ и вынуждаютъ отъ нея себѣ осуществленіе. Какъ, благодаря различнѣйшимъ состояніямъ тѣла, свободное вліяніе со стороны *я* можетъ быть уменьшено, стѣснено или даже и совсѣмъ уничтожено,—мы многократно уже показали. Но если человѣкъ, какъ это всегда и слѣдовало бы, дѣлаетъ нравственные мотивы нормою своихъ поступковъ; то онъ можетъ это дѣлать не иначе, какъ связывая массу представленій, (относящихъ къ его нравственному закону), посредствомъ многократнаго воспроизведенія и упражненія, со всѣми другими представленіями: такъ что они уже сами собою, такъ сказать, вмѣстѣ съ этими втягиваются въ сознаніе при каждомъ болѣе или менѣе сильномъ движеніи мыслей. Они образуютъ тогда существенную составную часть массы представленій его *я*, и когда возникаетъ въ сознаніи споръ (между противоположными представленіями), то они не только тотчасъ же выступаютъ, но еще и имѣютъ всегда въ цѣломъ содержаніи *я* кое-что на своей сторонѣ. Такъ оно бываетъ у человѣка нравственно и душевно-здороваго, психически свободнаго! Въ преступникѣ же, напротивъ, вслѣдствіе чего бы то ни было, эгоистическія или враждебныя относительно другихъ, представленія мало-помалу такъ укореняются, что всегда выступаютъ очень легко, и *я* получаетъ такое содержаніе, главная масса котораго склоняется въ дурную сторону. Тѣмъ не менѣе, пусть не думаютъ, что такой человѣкъ поэтому самому уже непремѣнно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, долженъ поступать дурно: и въ немъ также дѣятельна ассоціація идей (Ideenassociation); и, въ то время, какъ она приводитъ контрасты къ его дурнымъ мыслямъ, въ сознаніе вступаютъ

полузамершія движенія совѣсти, поблекшія картины и воспоминанія лучшихъ временъ, полученныя въ юности напоминовенія, увѣщанія и побужденія къ добру и т. д., — и борьба можетъ сдѣлаться довольно жаркою. Въ концѣ концовъ, разумѣется, благодаря слабости характера и слабости контрастирующихъ добрыхъ представленій, *я* склоняется на дурную сторону. Въ противномъ случаѣ, т. е. если *я* склоняется въ хорошую сторону, то человѣкъ — уже не злодѣй; и хотя такому человѣку большею частію нельзя слишкомъ много довѣрять, все же онъ въ данномъ случаѣ мужественно одержалъ побѣду надъ своими дурными страстями. Но сила противодѣйствующихъ нравственныхъ мотивовъ (которые вѣдь, смотря по воспитанію, обученію и т. п. могутъ быть весьма различны) никогда не можетъ быть напередъ оцѣнена. На свѣтѣ нѣтъ обсолютнаго злодѣя: хорошія наклонности имѣютъ первенство по времени въ человѣческой природѣ, и не задавливаются окончательно ни въ одной человѣческой жизни. Исторія преступленій показываетъ намъ, какъ часто маленькая тяжесть юношескихъ воспоминаній, какой-нибудь старой поговорки или стиха изъ пѣсни, которыя втѣснились въ ходъ мыслей *), могущественно притягиваютъ придавленныя нравственныя представленія и такимъ образомъ заставляетъ опуститься чашку вѣсовъ съ добромъ. Если бы могъ существовать человѣкъ, подобный старому Ченчи въ драмѣ Schelley'я, то, разумѣется, для него можно бы было каж-

*) Эти, такъ наз. добрыя мысли народъ обозначаетъ такимъ образомъ: «его ангелъ-хранитель стоялъ возлѣ него.» Да, если бы возлѣ каждой слабой души стоялъ вѣрный другъ въ роли ангела-хранителя и постоянно припоминалъ бы ей изъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ добрыя, милыя мысли, то насколько рѣже сдѣлались бы отъ этого преступленія и несчастія! Но добрые друзья рѣдки, а истинно добрыя мысли часто долго заставляютъ себя ждать. Но совершенная правда, — что хорошее воспоминаніе очень часто бываетъ для насъ «вѣрнѣйшимъ другомъ».

дый разъ предсказать дурное рѣшеніе, какъ воспослѣдовавшее по необходимости: но на самомъ дѣлѣ такихъ людей нѣтъ, и ни одинъ душевно-здоровый человѣкъ не принуждается къ преступленію (Грізингеръ). Очень часто слабый падаетъ въ борьбѣ между добрыми и злыми представленіями; онъ совершаетъ тогда зло по слабости, по влеченію, по принужденію, какъ рабъ!

Симуляція (притворство) душевныхъ болѣзней.

Чрезвычайно трудно такъ притворяться душевно-больнымъ (и подражать этимъ несчастнымъ до такой степени вѣрно), чтобы ввести въ заблужденіе настоящаго спеціалиста. Скажемъ однако кое-что объ этомъ.

Повсюду тамъ, гдѣ врачъ-психіатръ не можетъ указать ни на одинъ признакъ тѣлесной или душевной ненормальности, который позволялъ бы заключить о существованіи опредѣленнаго страданія души; а между тѣмъ при этомъ все таки съ какой-нибудь стороны отговариваются сумасшествіемъ: — онъ (врачъ) долженъ быть очень осторожнымъ. (Нѣкоторые большіе господа иногда, можетъ быть, гораздо охотнѣе желали бы считаться душевно-больными, чѣмъ преступными, а врачъ иногда кое въ чемъ помогаетъ имъ или даже совѣтуетъ притворяться)

Если человѣкъ желаетъ измыслить опредѣленную форму душевной болѣзни (всѣ формы душевныхъ страданій я объяснилъ въ своихъ психіатрическихъ письмахъ), то слѣдуетъ только сравнить картину притворной болѣзни съ картиною настоящей болѣзни. Успѣшно сдѣланное сравненіе такого рода, поистинѣ, не есть со стороны психіатра какое-либо образцовое произведеніе. Бываютъ именно, какъ и Нейманъ говоритъ, въ болѣзняхъ души такія характеристическія черты, которымъ ни одинъ человѣкъ подражать

не можетъ: пронзительный взглядъ сумасшедшаго, метающій пламя взглядъ бѣшенаго, потухшій — меланхолика, бездушный, безсмысленный—слабоумнаго,—невозможно изобразить. Другой важный симптомъ многихъ душевныхъ страданій есть *безсонница*. Если это обстоятельство было однако извѣстно притворяющемуся, то все таки онъ не будетъ въ состояніи такимъ образомъ подавлять въ теченіе многихъ ночей свой обыкновенный сонъ (наступающій въ извѣстное время), сдерживая его и уподобляясь нервическому больному, чтобы вѣрно изобразить безсонницу такого больнаго (на которомъ послѣ многихъ и многихъ безсонныхъ ночей однако никто не увидитъ днемъ и слѣда ночной безсонницы.) Твердая выдержка принятаго на себя характера такъ тяжела и утомительна, что даже и дѣльный актеръ легко не выдержалъ бы подобной роли. Но изслѣдующій врачъ всегда долженъ создать себѣ возможность и находить случаи также и для тайнаго наблюденія сомнительнаго сумасшедшаго, не давая знать притворяющемуся, что за нимъ наблюдаютъ. Поведеніе послѣдняго почти всегда будетъ иное въ присутствіи постороннихъ, чѣмъ наединѣ. Далѣе, дѣйствительно разстроенный умственно никогда не затрудняется отвѣтами и (такъ какъ онъ отчасти не можетъ обсудить послѣдствій своихъ отвѣтовъ, отчасти же не находитъ ихъ достойными труда взвѣсить), большею частію и не медлитъ съ отвѣтами на вопросы врача (исключая нѣкоторыя меланхоліи и т. п.). Сумасшедшій говоритъ большею частію поспѣшно, торопливо и необдуманно, тогда какъ притворяющійся хорошо обдумываетъ то, что говоритъ и своею медленностію только утверждаетъ подозрѣніе изслѣдующаго врача. Старая пословица гласитъ: «дѣти и дураки говорятъ правду.» Съ послѣдними это большею частію всегда случается за немногими лишь исключеніями. Душевно-разстроенные съ ослабленною познавательною способностію и притупленною

силою сужденія руководятся первыми чувственными впечатлѣніями, и потому то врачъ дома умалишенныхъ рѣдко нуждается для себя въ зеркалѣ: одинъ больной говоритъ ему, что у него — борода, какъ у *пейсеносца*, другой — что г. директоръ имѣетъ длинный носъ и т. д. Сумасшедшій обнаруживаетъ безъ лицемѣрія и свою любовь и ненависть, свое довольство и недовольство; онъ обнаруживаетъ свои сокровеннѣйшія желанія, хотя бы даже они были и такого свойства, что душевно-здоровый человѣкъ никогда бы ихъ не высказалъ. Очень часто также у дѣйствительно сумасшедшихъ происходитъ родъ *диссимуляціи* (поведеніе обратное притворству), т. е. большинство изъ нихъ отрицаютъ, что они умственно-разстроены, и стараются казаться здоровыми, со всею ловкостію и проворствомъ протестуя противъ подозрѣнія въ сумасшествіи. Очень искусный притворяющійся могъ бы, пожалуй, когда-нибудь подражать и этой чертѣ; тѣмъ не менѣе, обыкновенно это должно показаться ему слишкомъ рискованнымъ, и онъ скорѣе будетъ держаться противоположнаго: онъ охотнѣе объявитъ себя больнымъ и именно душевно-больнымъ. Но такъ какъ притворяющемуся обыкновенно (если только онъ какъ-разъ не изучилъ основательно психіатріи) никогда не удается вѣрно и послѣдовательно изобразить всѣ симптомы одной какой-либо душевной болѣзни, то онъ обыкновенно скорѣе всего смѣшиваетъ вмѣстѣ явленія нѣсколькихъ формъ; такъ что возникаетъ смѣшанная картина. Далѣе, притворяющійся обыкновенно преувеличиваетъ явленія разстроеннаго разсудка. Онъ думаетъ, что все должно быть, такъ сказать, поставлено вверхъ ногами, онъ обнаруживаетъ вмѣсто ложныхъ представленій ужъ настоящія нелѣпости и поступаетъ такъ, какъ будто въ сумасшествіи большая часть силы сужденія и памяти непремѣнно должна быть разстроена. Онъ притворяется неумѣющимъ болѣе ни читать,

ни писать, ни считать; незнающимъ болѣе своего имени и т. д. Далѣе, притворяющійся измѣняетъ самому себѣ своею осторожностію и какою-то ненадежностію въ своей игрѣ: онъ говоритъ или молчитъ, смотря по тому, что ему кажется полезнымъ или вреднымъ для его цѣли. Притворяющійся обыкновенно не обнаруживаетъ, или же обнаруживаетъ только немногія общія тѣлесныя явленія болѣзни; онъ также неспособенъ и къ такому продолжительному напряженію мускуловъ, какъ безпрестанно неистовствующій въ теченіи цѣлыхъ недѣль. Но благородный защитникъ истинной гуманности, Фридрейхъ увѣщеваетъ криминалъ-психологовъ не склоняться также и къ несправедливому сужденію о больномъ обнаруженіемъ въ немъ смышленности и даже остроумія; ибо разсудокъ и остроуміе еще не исключаютъ частичнаго помѣшательства, и чего только иногда не сможетъ несчастнѣйшій душевно-больной во время свѣтлаго промежутка! Такъ какъ всѣ преувеличенія со стороны притворяющагося часто бываютъ сами по себѣ вполнѣ достаточны для достиженія цѣли врача, то всѣ мученія или тѣлесныя истязанія сомнительныхъ больныхъ, съ цѣлію добиться правды, должны быть строжайше запрещены.

Важно однако то, что даже самое притворство еще ни въ какомъ случаѣ не даетъ вѣрнаго доказательства полнаго душевнаго здоровья. Случается, что и душевно-разстроенные иногда еще притворяются; да даже бываетъ какая-то рѣшительно болѣзненная охота къ притворству, которая имѣетъ сходство съ истерическими настроеніями и обманами. Слѣдовательно, можетъ случиться, что наблюденіе поведетъ къ убѣжденію въ томъ, что данный индивидуумъ лишь симулировалъ рядъ признаковъ душевной болѣзни, но что онъ тѣмъ не менѣе дѣйствительно болѣнъ; только не тою болѣзнію, которую онъ старался изобразить. — Мы здѣсь говорили объ этомъ предметѣ, чтобы

предупредить могущее воспослѣдовать возраженіе, что вѣдь каждому преступнику можетъ придти въ голову притвориться умственно-разстроеннымъ. Пусть испытаютъ только это и призовутъ дѣльнаго психіатра: притворяющійся будетъ тотчасъ обличенъ.

Бѣглый обзоръ главнѣйшихъ причинъ психическихъ разстройствъ и преступленій.

Если мы теперь еще разъ сведемъ вмѣстѣ обыкновеннѣйшія причины, которыя даютъ поводъ какъ къ болѣе или менѣе обнаруживающемуся сумасшествію, такъ и къ преступленію, а равно и къ самоубійству; то получимъ слѣдующіе моменты:

а) *Случайности* ведутъ очень часто глупыхъ, безхарактерныхъ, стремящихся къ подражанію индивидовъ — можно было бы сказать, вслѣдствіе какого-то остраго (т. е. горячечнаго, быстро и сильно вспыхивающаго) легкомыслія — къ преступленію, а также и къ самоубійству.

б) *Скука*, вслѣдствіе *праздности*, помогаетъ фантазіи изобрѣтать множество пустыхъ представленій, съ которыми она возится, подобно птицѣ, высиживающей кукушечьи яйца; представленія эти спутываютъ разумъ и ослабляютъ его (дѣйствующую на волю) силу. Отсутствіе занимающаго волю предмета разстраиваетъ душу и заставляетъ ее почти безцѣльно примѣнять свои силы къ первому попавшемуся предмету.

в) *Стремленіе къ подражанію.*

г) *Политико-административная и интеллектуальная централизація.* Чѣмъ болѣе и бурнѣе сосредоточиваются на одномъ пунктѣ страстныя стремленія, тѣмъ больше увеличивается здѣсь и число сумасшедшихъ, а вмѣстѣ съ этимъ и число преступленій.

д) *Религіозная мечтательность.* Выдумываніе вещей неисповѣдимыхъ, тщетное исканіе абсолютнаго, разрѣшеніе задачи, результатъ которой одна только милость къ несчастному грѣшнику, — уже многихъ довели до сумасшествія и до разныхъ злодѣяній.

е) *Мотовство и расточительность средняго класса, недостатокъ пищи у бѣдныхъ, чрезмѣрныя чувственныя наслажденія богатыхъ.* Среднее сословіе знаетъ могущество денегъ; оно знаетъ, что съ полною горстью оныхъ можно перескочить почти всѣ преграды, отдѣляющія одни сословія отъ другихъ; оно чувствуетъ это и часто убѣждалось въ томъ, что только деньги доставляютъ значеніе въ обществѣ. И вотъ является стремленіе къ презрѣнному металлу, ибо онъ — оберъ-богъ нашихъ соціальныхъ отношеній. *) Каждый знаетъ очень хорошо, что, къ сожалѣнію, это совершенная правда: «будь ты хоть извергъ или подлецъ — деньги прикрываютъ все.» Одна часть такъ наз. знатнаго пролетаріата средняго круга, который уже чего-нибудь достигъ, или же, получилъ наслѣдство отъ своихъ трудолюбивыхъ родителей, живетъ въ праздности, предается чувственнымъ наслажденіямъ и отъ скуки, разныхъ излишествъ, наполовину или и совсѣмъ сходитъ съ ума, выкидывая удивительнѣйшія штуки. Другая часть, еще болѣе достойна сожалѣнія: это тѣ, которые дѣйствительно стремятся пріобрѣсти себѣ что-нибудь трудомъ. Но вознагражденіе нисколько не соотвѣтствуетъ труду. Письменный столъ, связка бумагъ, мастерская нѣкоторыхъ ремесленниковъ, замѣненная паромъ и машиною—не

*) Вѣдь и Гретхенъ Гете говоритъ такъ истинно и прекрасно:

«Nach Golde drängt, — Am Golde hängt
Doch Alles. Ach mir Armen!
(«Вся власть у золота, все къ золоту льнешь рвется....
А мы бѣдняжки — что жъ намъ остается?»)

доставляютъ болѣе, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы не умереть съ голоду. Потребности превосходятъ расходы, ибо вѣдь почти всѣ предметы стали втрое дороже, а человѣкъ, желающій составить хорошее мнѣніе о себѣ у своихъ начальниковъ и согражданъ, долженъ всѣми силами стараться не обнаруживать своей бѣдности. Тогда здѣсь преступленіе есть слѣдствіе душевной порчи, а самоубійство— душевнаго возбужденія.

ж) *Пьянство.*

з) *Страсть къ игрѣ.*

п) *Биржевая игра.*

і) *Разстройства половаго отправленія и половыя излишества.*

к) *Проституція.* Прекрасныя двадцатые годы прошли, говоритъ Маггъ, среди чувственныхъ наслажденій, среди роскоши, пьянства и т. д., оставивъ слѣдами своего непотребства слишкомъ ранніе морщины на лицѣ и синія кольца вокругъ глазъ. Вслѣдствіе этого, спросъ на товаръ сдѣлался рѣже, цѣна — ниже, занятіе промысломъ — проще; безпомощное состояніе растетъ, раскаяніе пробуждается; безпомощность питаетъ мысль о самоубійствѣ, которую еще усиливаетъ и постоянно поддерживаетъ отверженіе жалкой и отвратительной развратницы цѣлымъ кругомъ ея родныхъ. Въ другихъ случаяхъ такая несчастная, впавши въ разладъ сама съ собою и со свѣтомъ, сходитъ съ ума, и тогда уже, или и до этого, совершаетъ преступленіе.

л) *Любовная грусть.*

м) *Церковно-религіозный или политическій фанатизмъ.* Въ Крыму, въ Италіи, въ Америкѣ было пролито такъ много крови, — еще столько проливается и теперь, — что намъ рыцари-разбойники среднихъ вѣковъ могутъ казаться не столь значительными зачинщиками убійствъ, какъ новѣйшіе цивилизаторы. А кто въ наше столѣтіе

чаще чѣмъ когда-либо вручаетъ появляющимся цареубійцамъ кинжалъ или револьверъ? Все тотъ же религіозный или политическій фанатизмъ и обусловленное имъ временное или постоянное душевное разстройство!

н) *Лишеніе свободы.*

о) *Изпьженность вслѣдствіе ложнаго воспитанія* *)

Заключеніе.

«Большая часть самоубійствъ, говоритъ д-ръ Саломонъ, являются лишь послѣднею сценою драмы, начинающейся отъ колыбели.» Равнымъ образомъ это бываетъ съ душевными разстройствами всякаго рода и преступленіями. Большею частію преступленіе представляетъ заключительную сцену несчастной, душевно и матеріально разстроенной жизни; причемъ послѣднюю причину такого жалкаго существованія слѣдуетъ искать (и находить) уже въ колыбели и даже еще дальше назадъ — уже въ крови родителей. Не должны ли быть тамъ, гдѣ человѣкъ обвиняется въ тяжкомъ преступленіи, точнѣйшимъ образомъ изслѣдованы всѣ указанныя нами моменты, если только хотятъ быть справедливыми? Но обсужденіе такихъ состояній, чтобы не быть неправильнымъ, всегда необходимо должно быть предоставлено свѣдущимъ людямъ. Власть обвинять и оправдывать, т. е. собственно судейская обязанность, передана суду присяжныхъ — безпристрастныхъ мужей изъ народа; — ибо отъ нихъ ожидали болѣе человѣческихъ, гуманныхъ чувствъ, чѣмъ отъ коронныхъ судей. Присяжные постановляютъ свой вердиктъ по нравственному своему убѣжденію, и смотря по настроенію своего чувства. Но тамъ, гдѣ

*) Намъ казалось далеко не лишнимъ такое сопоставленіе передъ читателемъ этихъ моментовъ, какъ главныхъ причинъ душевныхъ разстройствъ, которые д-ромъ Саломономъ, Плагге и другими представлены также, какъ главныя причины размноженія самоубійствъ въ наше время.

дѣло идетъ о точнѣйшемъ обсужденіи душевнаго состоянія человѣка, тамъ, конечно, болѣе требуются дѣйствительныя, основательныя познанія, чѣмъ одне только простыя чувства, особенно, когда вслѣдъ за такимъ обсужденіемъ легко слѣдуетъ и осужденіе. Для обсужденія другихъ, часто далеко не столь важныхъ предметовъ призываютъ всегда людей, свѣдущихъ въ наукѣ и искусствѣ (экспертовъ). Тамъ же, гдѣ дѣло идетъ о свободѣ или несвободѣ, виновности или невиновности, чести или безчестіи, жизни или смерти, — тамъ каждый, если только онъ честный человѣкъ, образованъ ли онъ или нѣтъ, будетъ ли онъ чулочный ткачъ или уксусоваръ, живодеръ или однодворецъ, — компетентенъ для рѣшенія!! Мы думаемъ вмѣстѣ съ Руфомъ (и этого взгляда будетъ держаться каждый разумный человѣкъ), что при такомъ судѣ не сердце, какъ говорятъ, не чувство, но голова, разсудокъ, короче — наука только можетъ и должна рѣшать. Но наука не есть достояніе всякаго. — Каждая наука справедлива и гуманна; несправедливы и негуманны только невѣжество и грубость. Какъ же теперь люди, не имѣющіе о предметѣ никакихъ свѣдѣній, должны о немъ судить, люди, которые, по своему положенію въ жизни, даже и не могутъ имѣть этихъ свѣдѣній? Нравственное сужденіе присяжнаго засѣдателя есть еще и субъективное, и въ той мѣрѣ оно всегда и произвольное. Это не болѣе, какъ простое высказываніе того, что каждымъ принимается за правду, это — личное мнѣніе. Но такое мнѣніе однако не есть еще полное и основательное пониманіе предмета, а лишь взглядъ, образовавшійся внѣ самаго предмета. — Такъ какъ обыкновенно нравственное сужденіе чаще и скорѣе проистекаетъ изъ всеобщихъ и субъективныхъ основаній, чѣмъ изъ особенныхъ и объективныхъ; то оно часто можетъ превращаться въ безнравственное. Христіанство и человѣчность требуютъ, чтобы человѣкъ,

въ отношеніи оцѣнки поступковъ другихъ людей, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не знаетъ, какое изъ разныхъ мнѣній самое правильное, — выбиралъ непремѣнно самое добросовѣстное. Но развѣ однако этому правилу всегда слѣдуютъ? Развѣ каждый разумный человѣкъ не знаетъ, за что слѣдуетъ принимать такъ наз. *субъективныя* или *нравственныя* убѣжденія людей?» Обыкновенно, чѣмъ хуже и жестокосерднѣе человѣкъ самъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ также думать дурное и о другихъ, и тѣмъ болѣе онъ «*субъективно*» убѣжденъ, что и другіе также — «*скверные*» люди. Субъективный взглядъ отдѣльныхъ лицъ основывается большею частію на томъ соображеніи, *какъ* и *по какимъ мотивамъ* они сами дѣйствовали бы въ томъ или другомъ случаѣ. Развѣ не бываетъ также и такихъ людей, для которыхъ находить другихъ людей худшими, чѣмъ они сами, доставляетъ большое удовольствіе? Любимая фраза, приводимая въ защиту присяжныхъ засѣдателей: «vox populi, vox Dei», какъ мы уже показали, есть настоящая ирония, и вмѣсто «Dei» скорѣе слѣдовало бы сказать: «Diaboli.» — Однако каждый приговоръ предполагаетъ уже обсужденіе личности, такъ какъ здѣсь вѣдь дѣло идетъ объ отвѣтѣ на вопросъ: *виновенъ* или *невиновенъ?* Здѣсь должна быть разгадана, проникнута самая преступная личность, а не преступленіе само по себѣ. Но для этого нужны глубокія научныя познанія; нужны опытность и добросовѣстныя продолжительныя научныя изслѣдованія. Самое же человѣкопознаніе, столь необходимое для правильнаго обсужденія каждаго преступника, въ существѣ дѣла тождественно съ познаніемъ самыхъ побужденій и условій человѣческихъ дѣйствій. Вѣдь собственно побужденія образуютъ сущность, все существенное содержаніе, настоящее ядро человѣческой жизни, а все остальное играетъ лишь второстепенную роль. Но обсужденіе побужденій есть дѣло осно-

вательнаго психологическаго знанія и богатой психологической опытности. Вѣдь только вслѣдствіе недостатка научныхъ познаній, еще не такъ давно пытали до смерти сумасшедшихъ, колесовали несчастныхъ «колдуновъ и дѣлателей погоды», сожигали «колдуній» и т. д

Многіе юристы говорятъ и теперь еще очень часто: «Мы обладаемъ положительными знаніями, округленною, законченною наукою: обманы здѣсь врядъ ли возможны.» Но вѣдь это же самое они говорили и сто лѣтъ тому назадъ и въ то же время, (поступая вполнѣ «законно» и «непогрѣшимо»), вслѣдствіе невѣжества цѣлаго столѣтія, совершали юридическія убійства несчастныхъ сумасшедшихъ или же пытали ихъ до смерти. И теперь еще слѣдуетъ возгласить: долой идею «непогрѣшимости!!» Но если теперь, благодаря развитію науки о человѣкѣ, уже дошли до того, что ясно и отчетливо узнали, что нѣкоторые изъ осужденныхъ доселѣ, въ сущности были только душевно-больные; то, Богъ дастъ, наступитъ также время, когда этотъ взглядъ еще болѣе распространится: такъ что, можетъ быть, черезъ 50 лѣтъ будутъ сильно удивляться, какъ могли теперь отправлять въ тюрьму или острогъ такихъ людей, которыхъ слѣдовало бы помѣщать только въ больницы.

Такъ-то и самое понятіе о вмѣняемости имѣетъ свои всемірно-историческіе фазы развитія; поэтому и границы между здравымъ разсудкомъ и сумасшествіемъ, въ каждый послѣдующій періодъ времени, проводятся уже иныя, чѣмъ прежде, т. е. проводятся строже и вѣрнѣе (Идеперъ).

Криминалистъ Фейербахъ высказалъ уже прямодушное, истинное и основанное на опытѣ положеніе: «Повидимому, съ каждымъ чрезвычайнымъ или ужаснымъ дѣяніемъ связывается въ моментъ совершенія родъ какого-то бреда (delirium), какая-то безсознательность.» Доказать въ отдѣльныхъ случаяхъ и сдѣлать очевиднымъ то, что Фейербахъ

обозначаетъ словомъ: «*повидимому*» и приводитъ, какъ свое убѣжденіе, — есть дѣло психологическаго врача. Мы однако не хотимъ утверждать, что мнѣніе это доказуемо во всѣхъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе оно могло бы быть, по крайней мѣрѣ, достаточнымъ для того, чтобы сдѣлать вмѣненіе во многихъ случаяхъ въ высшей степени сомнительнымъ.

Важнѣйшій періодъ жизни человѣка, какъ разъ то время, когда онъ долженъ образовать себѣ свой характеръ, періодъ юности, часто совпадаетъ однако съ временемъ общаго возбужденія, съ временемъ какой-то эпидеміи духа.

Бываютъ религіозныя мечтанія, точно также, какъ и политическія. Какъ тѣ, такъ и другія одинаково заразительны и сильно распространяются вслѣдствіе подражанія. Да, одинъ дуракъ дѣлаетъ еще десять, или и того болѣе. Число сумасшедшихъ увеличивается всегда въ страшной прогрессіи во время революцій и вслѣдъ за политическими волненіями. Съ этимъ духовнымъ возбужденіемъ идутъ тогда рука объ руку и проступки, и преступленія въ особенности изъ страстности и фанатизма. Кто могъ бы тогда, во время такихъ эпидемій всеобщаго возмущенія, когда разсудительность массы большею частію такъ затеряна, бросать на отдѣльныя личности всю тяжесть обвиненія и первый камень проклятія? Счастливъ тотъ, кому удается, благодаря своему темпераменту, характеру, образованію и т. д., благополучно переплыть бушующее море жизни! Очень многіе однако садятся на мель или же разбиваются о подводные камни времени! Тогда приходится часто завидовать равнодушію, которое, не заботясь ни о какомъ общественномъ волненіи, спокойно себѣ разводитъ свою «капусту» и только ухаживаетъ за своимъ тѣломъ.

При вмѣненіи обыкновенно придаютъ главное значеніе собственному сознанію обвиняемаго. Часто думаютъ, что,

если воспослѣдовало свободное сознаніе, то этимъ открыта уже и вся тайна личности, и самообвиненіе подсудимаго находится тогда уже внѣ всякаго сомнѣнія (по баварскому уголовному закону считалось прежде необходимымъ «собственное сознаніе» для того, чтобы осудить тяжкихъ преступниковъ. Свободное собственное сознаніе при долголѣтнемъ часто, подслѣдственномъ заключеніи!!) Однако, какъ мы это до сихъ поръ уже видѣли, это не всегда вѣрно. Развѣ собственное сознаніе всегда есть дѣйствительно полновѣсное доказательство вины, когда человѣкъ признается, что нарушилъ законъ, и притомъ нарушилъ его въ свободномъ состояніи? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Развѣ не можетъ даже и такъ случиться, что обвиняемый, утомленный мученіями тяжкаго и продолжительнаго подслѣдственнаго заключенія, возбужденный и почти помѣшанный вслѣдствіе крайне вредныхъ для души условій тюремнаго заключенія, — дѣлаетъ такія признанія, въ которыхъ онъ самъ обманывается или которыя онъ показываетъ лишь для того, чтобы освободиться отъ своихъ страданій. Мы говоримъ: «освободиться отъ «*страданій.*» Каждый знаетъ, можетъ быть, что состояніе неизвѣстности своего будущаго положенія, есть нанхудшее для человѣческой души. А кто къ тому же еще убѣдился, что осужденнымъ преступникамъ обыкновенно бываетъ гораздо лучше въ заточеніи карательномъ, чѣмъ въ подслѣдственномъ, тотъ не станетъ удивляться, что иной, мучимый своимъ положеніемъ, признается во всемъ, что только отъ него хотятъ узнать, — наконецъ охотно сознается даже въ своей «злобѣ», на которую вѣдь криминалистъ всегда разсчитываетъ,—чтобы только улучшить свое положеніе! Для слѣдователя же этого обыкновенно бываетъ достаточно: съ самодовольствомъ созерцаетъ онъ свое твореніе, самъ удивляется своей хитрости и своему уму, если только добьется сознанія. Онъ можетъ тогда

опочить на лаврахъ, — онъ торжествуетъ, что такъ отлично повелъ дѣло: вѣдь онъ его кончилъ и *заключилъ* уголовное слѣдствіе! Обвиняемый признался въ своей «злобѣ»; слѣдствіе закончено; право одержало побѣду. Но какъ часто и какъ сильно, несмотря на это, слѣдователь обманывается! — Я знаю случаи, гдѣ строжайшее подслѣдственное заключеніе, которое продолжалось болѣе года, сдѣлалось до-того тягостнымъ, что обвиняемаго должны были силою удержать отъ самоубійства. Въ подслѣдственномъ заключеніи и во время слѣдствія, которое длится часто, безъ всякой вины обвиняемаго, чуть не полъ-вѣчности, — заключенный совершенно оторванъ отъ людей, обыкновенно оставляется безъ посѣщеній родныхъ, безъ чтенія, безъ свѣта, безъ развлеченій, безъ занятій и т. д. И развѣ обвиняемый, (принадлежащій напр. къ числу порядочныхъ людей) поступаетъ не лучше, если, желая избавиться отъ тяжкаго заключенія, признается во всемъ, чего требуетъ отъ него слѣдственный судья, часто давящій несчастнаго словно пыткою? Осужденный препровождается для отбытія наказанія въ крѣпость, и здѣсь для него наступаетъ, сравнительно съ подслѣдственнымъ заключеніемъ, просто золотое время. Тамъ живетъ онъ, какъ богъ, въ сравненіи съ жизнію въ подслѣдственномъ заключеніи, гдѣ онъ, неосужденный еще, велъ собачью жизнь.

Правда, черезъ-чуръ строгое и продолжительное подслѣдственное заключеніе (а оно всегда строго), чрезмѣрно затянувшееся не по винѣ обвиняемаго, отчисляется потомъ отъ послѣдующаго заключенія по приговору суда, т. е. то время вычитается, въ теченіи котораго уже слишкомъ долго и незаслуженно обвиняемый страдалъ. Но когда же слѣдствіе продолжается слишкомъ долго? Что долженъ дѣлать несчастный обвиняемый? И если человѣкъ, долгіе мѣсяцы пострадавшій подъ слѣдствіемъ, очень нерѣдко наконецъ,

къ крайнему прискорбію обвинительной власти, освобождается присяжными засѣдателями, какъ *невиновный*, — изъ чего тогда будетъ вычтено это тяжкое незаслуженное заключеніе? Не изъ его ли обезчещенной, поруганной жизни, изъ которой очень часто нагло вытаскиваются на свѣтъ Божій сокровеннѣйшія тайны? Судьи, особенно государственная обвинительная власть, которая постоянно вѣдь дѣйствуетъ «*sine ira et sine dolo*» (безъ гнѣва и умысла), т. е. дѣйствуетъ только для умиротворенія закона и для открытія истины и торжества права, можетъ огорчать и оскорблять обвиняемаго (хотя бы и невиннаго) изъ принциповъ права; она можетъ безнаказанно подкладывать отвратительнѣйшія побужденія подъ каждое дѣйствіе, подъ каждую мысль несчастнаго. Юристъ всегда дѣйствуетъ безъ умысла (dolus), по праву: вѣдь онъ, какъ ангелъ, даже и думать не можетъ дурнаго! (До этого мнѣнія нѣкоторые юристы именно *доспорились* въ ученыхъ диспутахъ.)

Большая же часть людей даже не въ состояніи правильно обсудить свои собственные поступки съ психологической точки зрѣнія. Часто многіе знаютъ только отчасти или даже и совсѣмъ не знаютъ своихъ внутреннихъ плачевныхъ и жалкихъ состояній. Очень многіе люди обыкновенно знаютъ только о внѣшнемъ физическомъ принужденіи; зависимость же отъ принуждающихъ внутреннихъ состояній, (которымъ субъектъ подвергается безъ всякой вины съ своей стороны), они рѣдко понимаютъ и ложно принимаютъ дѣйствія, совершенныя вслѣдствіе такихъ болѣзненныхъ состояній, за самоизвольныя. Мы вѣдь до сихъ поръ уже показали, какъ часто извѣстные болѣзненные процессы совершенно незамѣтно управляютъ всѣмъ мышленіемъ и всею волею человѣка и такимъ образомъ принимаютъ значительное участіе въ его поступкахъ и упущеніяхъ, а онъ самъ и не знаетъ объ этомъ. Такъ какъ большинство больныхъ въ своемъ

безумія считаютъ себя разумными и не замѣчаютъ, что еслибъ они были дѣйствительно разумны, то дѣйствовали бы совершенно иначе: то эти несчастные знаютъ, что это *они сами* такъ, въ данномъ случаѣ, преступно, мыслили, желали и дѣйствовали; но они не знаютъ, что внутреннія болѣзненныя побужденія довели ихъ до этихъ мыслей, рѣшеній и дѣйствій, и не знаютъ, какія это побужденія. Нѣкоторые, въ особенности лукавые люди хотятъ вычитывать сознаніе вины изъ глазъ другихъ людей и говорятъ: «эти глаза не выдерживаютъ устремленнаго на нихъ взгляда.» Въ этомъ хотятъ они потомъ чуять злобу и сознаніе вины. Но именно невинность и скромность обыкновенно опускаютъ взоры, когда грубость и высокомѣріе нагло вытаращатъ на нихъ глаза. Также и выступленіе краски на лицѣ есть для многихъ признакъ вины. Однако это фактъ, что именно невинность краснѣетъ гораздо легче, чѣмъ ожесточенный порокъ. Кромѣ того, явленіе это гораздо болѣе зависитъ отъ крови и нервовъ, чѣмъ отъ воли самаго человѣка. Развивающаяся наука о человѣкѣ съ каждымъ годомъ открываетъ все болѣе и болѣе такихъ состояній, которыя наносятъ вредъ психической свободѣ человѣка и уничтожаютъ вмѣненіе. Но чѣмъ болѣе подвигается впередъ наука о человѣкѣ, тѣмъ болѣе должна быть, къ сожалѣнію, признана неподвижность и недостаточность ученія о юридическомъ вмѣненіи. Правда, старались по временамъ уничтожить появляющееся зло тѣмъ, что принимали болѣе смягчающихъ обстоятельствъ и такимъ образомъ принимали половинную или уменьшенную вмѣняемость. Однако примѣненіе этихъ исключеній сопряжено съ тѣми же трудностями, какія представлялись и прежде. — Какъ разъ тѣ индивидуумы, для которыхъ вмѣненіе ради извѣстныхъ обстоятельствъ (напр. по причинѣ слабоумія) смягчается, суть часто напопаснѣйшіе для человѣческаго общества. Чѣмъ

слабѣе умъ у такихъ индивидовъ, чѣмъ слабѣе у нихъ воля, чѣмъ хуже они воспитаны, чѣмъ сильнѣе ихъ болѣзненно-усилившіяся (необузданныя) побужденія и страданія души, — тѣмъ они опаснѣе. Поэтому, общество находится въ постоянной опасности, и такія личности не должны быть наказываемы, какъ бы тамъ мягко ни было: ихъ нужно воспитывать, исправлять и лѣчить. Неразумный долженъ быть доведенъ до разума; слабо-характерный — нравственно укрѣпленъ; дикіе нравы грубаго — должны быть смягчены. Только такимъ образомъ будетъ возстановлена идея справедливости, а ужъ никакъ не по системѣ: «*за зло платить złомъ.*»

Уже въ 1841 г. Діэцъ, этотъ глубокій знатокъ судопроизводства, въ своихъ «запискахъ о государственномъ врачебновѣдѣніи» говоритъ: «Несомнѣнно, что до сихъ поръ въ нашемъ судопроизводствѣ недостаетъ вѣрнаго критеріума для вмѣненія. Какъ въ теоріи постоянно переступаютъ его границы, такъ точно и на практикѣ, въ очень многихъ случаяхъ, отъ не всегда достаточно просвѣщеннаго, равно и не всегда основаннаго на истинно-научныхъ основаніяхъ измѣренія судьи и судебнаго врача, зависитъ, будетъ ли то или другое преступленіе вмѣнено вполнѣ, отчасти или совсѣмъ не вмѣнено: а потому и рѣшенія лишены всякой надежности и однообразія. Но подобное положеніе дѣла можетъ быть лишь въ высшей степени вредно: оно можетъ вводить въ сомнѣніе судей, судебныхъ врачей и компрометтировать честь и достоинство юстиціи.» Это мнѣніе (и въ то же время жалоба) Діэца очень основательно. Тѣмъ не менѣе съ 1841 года кое-что улучшилось въ кругу психологическихъ знаній о человѣкѣ; и въ настоящее время границы вмѣняемости и на практикѣ почти всегда проводятся съ достаточною вѣрностію, когда только приглашаютъ для совѣта настоящихъ

спеціалистовъ, людей науки — а не какихъ-нибудь *крапателей*. Но здѣсь мы должны сослаться на замѣчанія одного изъ дѣльнѣйшихъ психіатровъ, Гризингера (именно, относительно оцѣнки болѣе тонкихъ душевныхъ разстройствъ, непредусмотрѣнныхъ въ уголовномъ кадексѣ, слѣдовательно не *бѣшенства*, *сумасшествія* и *слабоумія*): «Рѣшительная постановка вопроса въ такомъ родѣ: помѣшанъ ли данный человѣкъ, или нѣтъ? — не можетъ считаться правильною. Всегда вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ съ объективною опредѣленностію. Вообще нѣтъ опредѣленной границы между здоровьемъ и болѣзнію. И здѣсь также, какъ уже замѣчено, бываетъ средняя область разстройствъ, которыя еще не развились до настоящей болѣзни и гдѣ индивидуумъ еще обнаруживаетъ очень многіе признаки здоровья. Вѣдь это всегда и вездѣ такъ въ болѣзняхъ. Кто страдаетъ напр. водяною болѣзнію? Тотъ ли уже, кто имѣетъ малѣйшій слѣдъ водянистой опухоли? И если нѣтъ, то гдѣ же начинается начало водяной болѣзни? Всѣ согласны насчетъ крайностей; при легчайшихъ же степеняхъ болѣзни уже можно спорить, примѣнимы ли извѣстныя признаки къ данному случаю. Но какъ разъ на эту среднюю ступень приходится въ психологической медицинѣ очень много судебно-медицинскихъ случаевъ, напр. о дѣйствіяхъ въ аффектѣ людей безхарактерныхъ и слабыхъ умовъ, о привычномъ возбужденіи или обыкновенномъ сумасбродствѣ съ временнымъ изступленіемъ, о пьяницахъ, объ истерическихъ женщинахъ и т. д. Это такіе случаи, когда обыкновенно слѣдуетъ сказать, что индивиды во всякомъ случаѣ не вполнѣ здоровы; но все таки признаки опредѣленной психической болѣзни не могутъ быть указаны, и только болѣе вѣроятно, чѣмъ вполнѣ вѣрно, что дѣйствія ихъ опредѣлялись болѣзненными вліяніями, извнутри организма или по крайней мѣрѣ

находились большею частію подъ этими вліяніями. Въ самомъ способѣ обнаруживанія не бываетъ никакихъ опредѣленныхъ пограничныхъ линій между эксцентричностію, страстностію, безсмысленными причудами, духовною тупостію съ одной стороны и психическимъ заболѣваніемъ съ другой; не бываетъ, говорю, во всѣхъ случаяхъ вѣрныхъ признаковъ для того, чтобы опредѣлить: коренятся ли эти ненормальности только въ болѣзненномъ состояніи организма, или же обусловливаются этимъ лишь отчасти; или же, не основныя ли это качества характера или пріобрѣтенные результаты внутренняго развитія душевной индивидуальности, безъ всякихъ вліяній организма? Возникающія при этомъ явленія впечатлительности мозга, галлюцинацій, параличей и т. п., всѣ тѣлесныя болѣзни могутъ въ особенности имѣть здѣсь величайшее значеніе. Поэтому-то, врачъ никогда не можетъ подать свое судебно-медицинское мнѣніе по однимъ только актамъ; онъ долженъ еще точнѣйшимъ образомъ изслѣдовать данный субъектъ и тѣлесно. Разумѣется, отъ врачей ожидали очень часто перваго, т. е. извлеченія своего мнѣнія изъ однихъ только судебныхъ дѣлъ.» Гризингеръ самъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ отрывокъ, говоритъ, что даже въ 1850 году, въ медицинскомъ факультетѣ одного маленькаго сѣверо-германскаго университета, не могли достаточно надивиться, когда онъ (Гризингеръ) для судебно-медицинскаго заключенія, предложилъ личное освидѣтельствованіе обвиняемаго. Ничего подобнаго никогда еще не случалось! Вотъ это ужъ очень жаль! Гризингеръ еще прибавляетъ: «Ни въ какомъ случаѣ не должно скрывать отъ себя, что во многихъ случаяхъ бываетъ мало отдѣльныхъ, вполнѣ ясно и объективно замѣтныхъ признаковъ душевной болѣзни или здоровья, и что гораздо скорѣе сужденіе опредѣляется общимъ и цѣлостнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ человѣкомъ и его дѣяніемъ. Однакожъ

поддаваться такому цѣлостному впечатлѣнію можетъ только настоящій спеціалистъ, образованный врачъ умалишенныхъ. Уже и субъективное мнѣніе такого врача о данномъ случаѣ, мнѣніе, котораго онъ въ то мгновеніе основательно даже и доказать не можетъ, бываетъ иногда въ высшей степени цѣнно; мнѣніе же другаго врача, напротивъ, можетъ быть совершенно ничтожно. Только пусть не думаютъ, что это относится ко всякому врачу умалишенныхъ! (Гризингеръ).

Десять лѣтъ спустя послѣ Діэца (1851), Мерингъ (въ своей книгѣ: «Будущее судопроизводство») говоритъ столь же откровенно: «Съ вопросомъ о вмѣненіи уголовное судопроизводство задало себѣ такую задачу, которую оно ни въ какомъ отдѣльномъ случаѣ не можетъ надежно разрѣшить. Лишь только вошли въ основанія (побужденія) поступка, какъ сей-часъ же и выходятъ за предѣлы личности. Мерингъ еще разъ правъ. Что касается вмѣненія, то судопроизводство тогда еще не созрѣло для этой задачи; но оно, какъ показано, и теперь еще не вполнѣ созрѣло для этого. Поэтому, пусть вездѣ добросовѣстно выполняютъ свои долгъ. Этотъ долгъ выполняется только тогда, когда не привязываются лѣниво къ принятой рутинѣ и не считаютъ свою систему законченною; но идутъ впередъ вмѣстѣ съ наукою о природѣ, которая заключаетъ въ себѣ также и науку о человѣкѣ. Впередъ! для достиженія истины, добра и красоты! такъ долженъ называться пароль. Это «*впередъ*» да будетъ также лозунгомъ и всякаго образованнаго человѣка, браннымъ кликомъ цѣлаго поколѣнія, которое хочетъ усвоить себѣ названіе «*образованнаго*» и побѣдить дракона безчеловѣчности и невѣжественной грубости. Только глупый человѣкъ невѣжественъ! Впередъ! и въ дѣлѣ юстиціи, и въ познаніяхъ о человѣкѣ! Впередъ,

къ свѣту, истинѣ и праву! А эти «*впередъ*» поведутъ насъ и къ настоящей человѣчности.

Мы однако очень далеки отъ того, чтобы вполнѣ отрицать самообвиненіе человѣка. Мы не желаемъ быть непонятыми или же неясными въ нашихъ правилахъ. Каждый воспитатель народа долженъ апеллировать къ самообвиненію, и вся наша религіозная жизнь основана на слѣдующемъ основномъ положеніи: *тамъ, гдѣ нѣтъ свободнаго мышленія и свободной воли, не бываетъ ни награды, ни наказанія.* Но какъ трудно, и какъ часто даже невозможно во многихъ случаяхъ опредѣленно доказать и установить это самообвиненіе. Что касается нравственнаго самообвиненія — христіанскаго грѣха и наказанія — то здѣсь вполнѣ истинно слѣдующее положеніе: «*Вмѣненіе въ этомъ смыслѣ есть дѣло Бога, а не людей.*» И сюда также можно отнести слѣдующее выраженіе геніальнаго и многоопытнаго епископа св. Августина:

In necessariis unitas, In dubiis libertas, In omnibus charitas! *)

Что должно теперь произойти для того, чтобы юридическія убійства стали невозможны или случались рѣже?

Мы напечатали эту книгу для присяжныхъ засѣдателей, судей, врачей и т. д., (въ такомъ сочиненіи мѣстами нельзя было не выказать огорченія, когда естественное, врожденное, а не набранное извнѣ чувство права сталкивается съ искусственно привитымъ и почерпнутымъ изъ книгъ), чтобы этимъ, по крайней мѣрѣ, обратить вниманіе на тысячи случайностей, которыя могутъ происходить и дѣйствительно происходятъ, тогда, когда дѣло касается вопроса: «*преступленіе или*

*) Гдѣ нужда, тамъ должно быть единство, гдѣ сомнѣніе — тамъ свобода: но всегда и во всемъ — любовь!

болѣзнь?» — При этомъ мы не обращали вниманія на тѣ выдающіяся формы душевныхъ страданій, которыя вѣдь и безъ того всякій признаетъ такими. Мы выдвинули на сцену только болѣе трудныя, такъ сказать, болѣе тонкія и далеко не столь часто выставляемыя ненормальности душевной дѣятельности.

Что же дальше? Что же должно теперь произойти, и какая цѣль и практическая польза этой книги?

Прежде всего пусть каждый, въ комъ еще сохраняется хоть искра настоящей совѣстливости и человѣчности, сохранитъ въ себѣ мысль и намѣреніе быть на будущее время осторожнѣе при сужденіи о ближнихъ — въ особенности, когда это обсужденіе происходитъ передъ судомъ. — «Да, вѣдь если есть такъ много душевныхъ разстройствъ, если душа такъ зависима отъ тѣла, — слышалъ я отъ одного простаго крестьянина, — тогда дѣло другое, тогда уже болѣе не шутка, такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего сказать: *виновенъ*; нужны значитъ: *примѣрка* и *осторожность*. Да я ни за что въ мірѣ не хочу быть соучастникомъ въ юридическомъ убійствѣ.» Это — разумное слово, и если только 12 присяжныхъ засѣдателей, благодаря этой моей книгѣ, придутъ къ тому же убѣжденію, то уже очень много выиграно. Но я бы открылъ еще каждому присяжному обезчещенные, положенные тамъ, въ отдаленномъ углу кладбища, жалкіе гробы осужденныхъ! Пусть бы мертвецы вышли оттуда! Иные изъ нихъ поднимутъ тогда свои костлявыя руки, къ ужасу цѣлаго міра, для клятвы и для проклятія: для клятвы, въ томъ, что они *невиновны были въ своей винѣ*; и для проклятія же невѣжества, безчеловѣчности и безпечности тѣхъ, которые ихъ осудили. И если народъ вѣритъ въ привидѣнія, вѣритъ, что души повѣшенныхъ или обезглавленныхъ блуждаютъ въ полночный часъ; если паническій страхъ поражаетъ тогда суевѣрныхъ;

если они ломаютъ себѣ голову, доискиваясь причины этого блужданія несчастныхъ душъ: то отчего же имъ не повѣрить, что эти скалящія зубы привидѣнія хотѣли бы возвать къ нимъ: «я блуждаю, чтобы ужасать тебя и предохранить отъ осужденія на казнь еще и другихъ, подобно мнѣ!..... И вотъ крестится тогда набожный и суевѣрный духовидецъ, — и все таки часто и не думаетъ исправиться. Да, если бы души несчастныхъ, юридически-убитыхъ людей, еженочно являлись во снѣ своимъ варварскимъ судьямъ, которые ничего и знать не хотятъ о душевномъ разстройствѣ и о невмѣняемости; то какой ужасный сонъ мучилъ бы нѣкоторыхъ *высокихъ* господъ до самаго конца ихъ жизни!! Но если судьи, — если предсѣдатели (отъ обвинительной власти, которая большею частію изображаетъ все черными красками, жалуется, мститъ и ссылается на дьявола — мы этого не хотимъ и требовать), по забывчивости или же по незнакомству съ глубочайшими явленіями жизни души, упустили бы вездѣ поставить вопросъ о духовной несвободѣ или о невмѣняемости, т. е. о болѣзни: то поднимитесь вы, присяжные засѣдатели, поднимитесь всѣ, какъ одинъ человѣкъ, — и возбудите этотъ вопросъ! Ваша совѣсть чрезъ это успокоится, ибо тогда вы вполнѣ выполните вашу святую обязанность передъ Богомъ и передъ людьми. Сдѣлайте это вы, присяжные засѣдатели — живо поставляя себя въ одинаковое съ обвиняемымъ ужасное положеніе — для того, чтобы предсѣдатель спросилъ настоящихъ спеціалистовъ о *злобѣ* и *болѣзни*. Тогда вамъ будетъ честь и слава, и вы отпразднуете прекраснѣйшее торжество настоящей человѣчности! Вообразите себя только на одно мгновеніе юридически-убитыми, заживо погребенными! Не говорите: «Мы имѣли бы отъ этого много работы!» Это дьявольское слово, когда дѣло идетъ о жизни или смерти вашего брата. Вѣдь такое предложеніе вамъ не стоитъ ни

труда, ни усилій. Но оно освобождаетъ вашу совѣсть и показываетъ, что вы настоящіе мужи съ душой и умомъ, любящіе истину, свѣтъ и право. Поистинѣ, это важная, колоссальная обязанность — быть присяжнымъ засѣдателемъ! Но хуже всего, когда самъ юристъ поставитъ вопросъ о невмѣняемости, а присяжные не войдутъ въ его разсмотрѣніе. Если уже ученый юристъ имѣетъ подозрѣніе на счетъ психической свободы обвиняемаго, то присяжные засѣдатели должны тѣмъ болѣе обратить на это вниманіе. Однако нигдѣ не бываетъ недостатка ни въ глупомъ высокомѣріи и надменности, ни въ мужицкой спѣси и т. д. Но здѣсь, какъ и до сихъ поръ, мы рѣшительно освобождаемъ себя отъ того упрека, который когда-нибудь можно бы было сдѣлать нашимъ правиламъ: «*Что медицинскія мнѣнія въ этомъ отношеніи похожи на тѣ итальянскія церкви, въ которыхъ каждый разбойникъ находитъ вѣрнѣйшее убѣжище.*» Пусть подающій мнѣніе врачъ будетъ справедливъ, но и человѣченъ! Злоба должна быть наказана; однакожъ наказаніе должно въ то же время имѣть цѣлію и исправленіе злодѣя и не должно исключать это исправленіе. Разумѣется, обезглавленнаго нечего больше исправлять! Медицина, какъ естественная наука, всегда справедливая и безпристрастная, никогда не должна сдаваться побѣжденною въ спорѣ съ ходячими мнѣніями и взглядами, покоящимися лишь на полнѣйшемъ незнаніи больной души; но она также никогда не должна, въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ дать рѣшенія, основаннаго на наукѣ и опытѣ, основывать его на какихъ-либо иныхъ мотивахъ (Гризингеръ). Для экспертизы слѣдуетъ всегда приглашать людей психологически и психіатрически образованныхъ или же еще лучше совѣтъ (консиліумъ) спеціалистовъ. Пусть не думаютъ, что именно «*служащій*» врачъ, хотя бы даже въ глазахъ народа, онъ былъ и ве-

ликій человѣкъ, долженъ понимать дѣло. Но пусть призываютъ безпристрастныхъ и неподкупныхъ людей, которыхъ сужденія и мнѣнія будутъ совершенно свободны и строго безпристрастны. Вѣдь какъ вездѣ, въ каждомъ состояніи, такъ и среди врачей могутъ встрѣтиться люди, которыхъ сужденіе или свидѣтельство иногда мотивируется и опредѣляется грязными побочными соображеніями. *Злые языки* говорятъ, что именно въ этомъ вопросѣ: «*быть объявлену сумасшедшимъ или нѣтъ*», иногда случались очень большіе промахи! Пусть же исправятся тѣ, въ чей огородъ пущенъ этотъ камень! (Wem dies juckt, der kratze und bessere sich!) Это уже старая поговорка. Тайныя кельи домовъ умалишенныхъ иногда скрываютъ человѣка, который можетъ быть не болѣе помѣшанъ, чѣмъ тотъ или другой, котораго свѣтъ называетъ еще «*умнымъ*». Уже поэтому пусть призываютъ не одного эксперта, а цѣлую коммиссію! — Далѣе, присяжный засѣдатель пусть живо припомнитъ и подумаетъ, что большинство преступниковъ суть такъ наз. «*бѣдняги*» (arme Teufel). Иной былъ бы можетъ быть спасенъ дѣльною защитою, еслибы только онъ могъ оплатить ее; эта защита остроумно открыла бы и критически разобрала всѣ моменты вмѣняемости, причемъ доказательство *бользни* было бы проведено очень хорошо, со всею очевидностію истины. Но возлѣ бѣдняка стоитъ обыкновенно будущій жрецъ Ѳемиды въ видѣ *кандидата на судебныя должности*, который своею защитою только желаетъ заслужить себѣ мѣстечко. Объ иныхъ такихъ защитахъ уже сами опытные юристы выражались, что эти защиты были *влажны* и *потерты*. — Кто не припомнитъ процесса несчастнаго портняжки Мюллера въ Лондонѣ? Всѣ газеты утверждали, что съ деньгами, при хорошей защитѣ, Мюллеръ и теперь еще былъ бы съ здоровою головою на плечахъ. Но присяжные — большею частію зажиточные

граждане. Помните же, что, (какъ говоритъ одна арабская пословица): «*Бѣдность есть великая смерть*». Бѣднякъ обыкновенно вдвойнѣ долженъ подвергнуться тяжести законовъ. Развѣ въ дѣйствительности многіе, даже маловажнѣйшіе полицейскіе законы не кажутся изданными лишь для мученія и мщенія бѣдняку? Возьмемъ напр. бездѣлицу: Запрещается переѣзжать линію желѣзной дороги при опущенномъ барріерѣ. Бѣдный мужичекъ наказывается за то, что, какъ говорятъ, у него могли бы трещать всѣ ребра: молодой же барончикъ или графчикъ, изъ породы много думающихъ о своемъ происхожденіи, нагло переѣзжаетъ рельсы со своимъ шталмейстеромъ и свитою безнаказанно, не взирая на замкнутость барріера, при шумящемъ поѣздѣ; причемъ святое управленіе дороги еще препизко кланяется молодому аристократу. Такъ оно дѣлается почти вездѣ! Вотъ оно проклятіе-то бѣдности! — Важные господа, князья и т. под. рѣдко бываютъ подъ судомъ или слѣдствіемъ. Иныхъ совсѣмъ нельзя ни обвинять, ни наказывать. Разумѣется, издавна существовало право народнаго самосуда (Lynchjustiz): политическія и т. под. большія народныя демонстраціи; но эти вещи запрещены, какъ беззаконія. И лучше умереть, быть затравленнымъ на-смерть, чѣмъ совершить беззаконіе — вотъ первая заповѣдь нравственности! Мужество нѣмца, его сила, — уже припаровились, примѣлились къ законности. Отъ народа требуютъ: спокойствія, какъ первой и важнѣйшей обязанности гражданина; вѣрности и повиновенія закону и сохраненія государственнаго устройства; но, какъ хорошій примѣръ, равно и для подражанія (какая ироніа!) служитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продажа душъ (Seelenverkauf) и земской грабежъ (Länderraub). Но *exempla trahunt*, и какъ аукнется, такъ и откликнется! Кто знаетъ темпераментъ нѣмца, въ особенности южнаго нѣмца, тотъ знаетъ также, что онъ не ре-

волюціонеръ, какъ напр. Итальянецъ или Французъ. Когда нѣмецъ возмущается, то онъ только втягивается въ великую духовную эпидемію, которая приходитъ изъ другихъ странъ. Но кто же втискиваетъ въ руки всегда спокойнаго (и въ высшей степени довольнаго своею колбаской и кусочкомъ жаркаго) нѣмца — факелъ революціи?! Поруганіе законности и больше ничего! — Теперь, къ сожалѣнію, не появляется болѣе Барбароссы, который, послѣшно возвращаясь изъ Рима домой, строго наказывалъ большихъ забіякъ и грабителей—князей, бароновъ и рыцарей—посредствомъ «*пѣсенія собакъ*» (Hundetragen), какъ напр. сдѣлалъ старый «Рыжая Борода» въ 1155 году. Какъ строго судилъ тогда императоръ, когда онъ изъ столицы на Тибрѣ, внезапно наѣзжалъ въ среду нѣмецкихъ забіякъ и разбойниковъ изъ высшаго дворянства! Безжалостная совѣсть обдавала ужасомъ большую часть священной римской имперіи, когда приходила вѣсть объ уголовномъ судѣ императора! Онъ хотѣлъ показать Германіи, что существуетъ настоящій глава имперіи, а не какое-то воображаемое пугало. Онъ показалъ, что, съ помощію его желѣзной воли, законъ долженъ быть примѣняемъ во всей своей строгости, не обращая никакого вниманія на чины и достоинства злодѣя. Онъ начиналъ поэтому съ большихъ и кончалъ маленькими. (У насъ же бываетъ наоборотъ: начинаютъ съ маленькихъ, а къ большимъ никто и подступить не осмѣливается). Блюстители права должны быть тяжеле всѣхъ наказаны за нарушенія права! Такъ, владѣтельный князь и архіепископъ майнцскій и пфальцграфъ рейнскій, именно два знатнѣйшіе и могущественнѣйшіе князя имперіи должны были подвергнуться строжайшему и отборнѣйшему наказанію. Между законами древнихъ франковъ и швабовъ, находится также законъ о нарушеніи земскаго мира, по которому свободный преступникъ долженъ былъ въ на-

смѣшку и въ наказаніе нести собаку до ближайшаго графства, слуга — стулъ, а крестьянинъ — колесо плуга. Рыжая Борода примѣнялъ именно это обезчещивающее наказаніе къ сильнѣйшимъ вельможамъ своей имперіи.

Мы видимъ на великолѣпной картинѣ Г. Плюддемана, *) какъ Барбарусса отправляетъ правосудіе, и какъ Пфальцграфъ Рейнскій Германъ, графъ фонъ Шпонгеймъ и графъ фонъ Лейнингенъ должны были бѣжать вмѣстѣ съ своими товарищами и нести собакъ, большихъ, здоровыхъ бульдоговъ. По отбытіи наказанія, пфальцграфъ рейнскій скрылся въ монастырѣ Эбрахъ, гдѣ онъ вскорѣ послѣ того и умеръ. (Жаль, что тогда еще не было носильщиковъ, которые предлагали бы господамъ свои услуги. Мы однако не думаемъ, чтобы императоръ согласился на это). Иные изъ наиболѣе виновныхъ были еще казнимы смертію: одни повѣшены, другіе обезглавлены. Развѣ и теперь (прибавляетъ Вильгельмъ Циммерманъ) не хочется истинному нѣмецкому сердцу воскликнуть: «Пробудись, императоръ Барбарусса, и выступи на помощь попранному праву угнетенныхъ народовъ противъ сильныхъ, которые обращаютъ въ смѣхъ это право!» (Ношеніе собакъ было бы очень кстати нѣкоторымъ господамъ и теперь. Но только слѣдовало бы ихъ заставить нести своихъ звѣрей очень далеко, туда можетъ быть, гдѣ раки зимуютъ, для того, чтобы они таки долгонько не могли вернуться назадъ.) Если однако стражи справедливости, высокіе властелины, которыхъ поступки, какъ разъ не находятся въ строжайшемъ согласіи съ законами, могли бы въ настоящее время вызвать какъ-нибудь мщеніе народа: тогда удобнѣе всего объявить лучше

*) Эта картина написана масляными красками для государственныхъ чиновъ прусской рейнской провинціи, а потомъ— акварелью. въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, для альбома прусскаго короля.

этихъ господъ слабоумными, или вообще душевно-слабыми, (т. е. законно неспособными вполнѣ или отчасти ко вмѣненію) вмѣсто того, чтобы ихъ наказать. Такъ-то они не наказываются людьми, и наказать ихъ предоставлено только Тому, Кто изслѣдуетъ сердца и утробы, и Кто Самъ есть справедливость и для грѣшныхъ и для праведныхъ!

Но если вельможа притязаетъ на назначеніе надъ собою опеки и на невмѣняемость, когда угрожаетъ ему опасность суда; то почему не могъ бы и «*бѣдный*» и «*мѣщанинъ*» требовать того же и для себя? Поэтому, наше предложеніе: «какъ устранить юридическія убійства» сводится далѣе къ слѣдующему. Если осужденный, о которомъ не былъ поднятъ вопросъ о болѣзни, обращается къ праву короны, къ праву *помилованія*, тогда глава государства долженъ всегда и вездѣ, прежде чѣмъ осудить преступника и предать его казни, призвать наконецъ къ совѣту коммиссію изъ экспертовъ (какъ еще возможное для несчастнаго, крайнее средство спасенія). Какъ прекрасно украшаетъ царскую корону истинная человѣчность! «Тогда цари имѣли бы также слишкомъ много работы»!— шепчетъ мнѣ на ухо, можетъ быть, еще разъ какой-нибудь мефистофель: «Отойди отъ меня, сатана! Отойди извергъ, съ твоими словами! Можетъ быть, скажутъ еще: «Это стоило бы слишкомъ много денегъ»?! Ну, на это ужъ нельзя отвѣтить безъ ожесточенія! Гражданинъ платитъ налоги, гражданинъ содержитъ государство, — и чтожъ?! — ну, чтожъ изъ этого?! Именно для него-то всегда и бываетъ очень мало денегъ, до безобразія мало, — какъ только дѣло коснется его душевнаго и тѣлеснаго благосостоянія!! — Пусть же каждый гуманный, разумный человѣкъ старается всѣми законными и возможными для него средствами, провести принципъ, который можетъ принести съ собою только благодать. Осужденія сдѣлаются

рѣже, число же плутовъ и убійцъ, навѣрное, не увеличится. Въ больницахъ могутъ и должны быть больные, такъ назыв. преступники, исцѣлены и возвращены обществу, какъ достойные и полезные его члены. Изъ тюремъ же и остроговъ больной выходитъ либо неизлѣчимымъ, либо тѣлесно и душевно испорченнымъ, либо, наконецъ, и совсѣмъ оттуда не выходитъ. — «Но всегда, какъ говоритъ и Реклямъ, лейпцигскій профессоръ и полицейскій врачъ, слѣдуетъ многократно повторять юристамъ столь необходимое для нихъ напоминовеніе, что и «*преступникъ*» есть еще «*человѣкъ*». А чѣмъ пустѣе тюрьмы и остроги, тѣмъ прекраснѣе и величественнѣе торжество истинной гражданственности!

КОНЕЦЪ.

Дозволено Цензурою. Одесса, 22-го февраля 1873 г.

Типогр. Ульриха и Шульце въ Одессѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе 1

Общая часть.

I. Обсужденіе душевныхъ разстройствъ вообще. Точка зрѣнія на этотъ предметъ врачей, судей и философовъ . . . 31
1) Трудности для врачей при обсужденіи сомнительныхъ душевныхъ состояній 33
2) Точка зрѣнія философовъ и судей при обсужденіи душевныхъ состояній 45
А) Цѣль судебнаго изслѣдованія извѣстныхъ сомнительныхъ душевныхъ состояній вообще 53
Б) Способъ постановки вопросовъ со стороны судьи, относительно долженствующей быть изслѣдованною душевной свободы. Упущеніе такого рода вопросовъ вообще . . . 54
Задача врача, какъ криминалъ-психолога въ вопросахъ о состояніи вмѣняемости 85
II. Состояніе вмѣняемости и духовная свобода человѣка. Злая воля, дѣло и дѣятель 100

Спеціальная часть.

I. Способность человѣка къ образованію душевныхъ разстройствъ 133
Наслѣдственность 135
II. Развитіе душевныхъ и тѣлесныхъ наклонностей, ведущихъ къ душевнымъ разстройствамъ 157
1. Воспитаніе человѣка 161
2. Житейскія отношенія человѣка 163
3. Развитіе умственныхъ способностей и соотвѣтствующихъ имъ факторовъ души. Прилично для этого времени, факторы развитія и т. д. 169
4. Развитіе человѣческихъ способностей и ихъ развитія вслѣдствіе различія внѣшнихъ вліяній. Климатъ, окружающая среда, занятія и т. д. 171
5. Воспитаніе, примѣры, подражаніе 173
6. Недостаточное или ошибочное воспитаніе Вліяніе этого воспитанія въ матеріальномъ и одновременно въ нравственномъ отношеніи 177
7. Изнѣженіе души, чувства и воли 178
8. Огрубеніе души и чувства 182
9. Религія 185

Стран.

10. Болѣзни, какъ разстраивающіе дѣятели при развитіи душевныхъ способностей 187
11. Воспитатели, воспитательные дома и т. п. 189
12. Замѣна обученія и воспитанія одного другимъ . . . 193
13. Недостатокъ воспитанія 196
14. Воспитатели народа: священники, законодатели, врачи и т. д. 197
15. Различіе моментовъ развитія по степенямъ возраста и т. д. Преступленія по періодамъ жизни, полу и т. д. 200
16. Принципы воспитанія 201

III. Разстройства чувства 205
Состоянія тѣла, какъ причины душевныхъ разстройствъ . 209
а) Половое развитіе 215
б) Беременность 218
в) Роды 220
г) Послѣродовое состояніе 222
д) Прекращеніе мѣсячныхъ очищеній 227
Безсонница 229
Сновидѣнія 234
Лунатизмъ 235
Ясновидѣніе 236
Боли 240
Тоска по родинѣ 242
Лишеніе свободы 243
Истерика и ипохондрія 248
Половыя излишества. Пьянство, Бродяжничество . . . 256
Погода, климатъ, времена года, лунный свѣтъ и т. д. . 260
Состоянія души, которыя могутъ ее вести къ разстройствамъ а черезъ нихъ и къ преступленію 263
Различныя проявленія болѣзненныхъ состояній духа . . 274

IV. Разстройства мыслительной способности человѣка . . 289
Иллюзіи и галлюцинаціи 293
Тѣлесныя состоянія, какъ причины разстройствъ мышленія 305
Психическія состоянія, какъ причины разстройствъ мышленія 313
Мономаніи 316
Странное поведеніе людей съ разстроеннымъ разсудкомъ . 325
Преходящіе припадки неистовства или сумасшествія . . 326
Полупомѣшанные, находящіеся внѣ домовъ умалишенныхъ . 338
Нѣкоторыя странныя явленія при разстройствахъ разсудка 344
Какіе люди легче всего подвергаются сумасшествію, и въ неиъ совершаютъ преступныя дѣйствія? — Сужденіе о такихъ несчастныхъ 356

V. Разстройства побужденій и влеченій. Разстройства воли. Безумныя поступки 363
Побужденія и влеченія человѣка. Сила этихъ двигателей вообще 365
Половая ярость. Нимфоманія. Сатиріазисъ 368
Сладострастіе и жажда крови 378
Стремленіе къ осквернению и ограбленію труповъ . . 379

Стран.

Сатиріазисъ или половая ярость у мужчинъ 381
Любовные напитки, какъ причина половой ярости . . 383
Различныя другія разстройства побужденій. Пьянство и обжорство 384
Эпилепсія 389
Бредъ и неистовство раненыхъ 393
Непроизвольныя влеченія грезящихъ и лунатиковъ. Сонное опьяненіе. Давленіе груди во снѣ 394
Болѣзненныя побужденія беременныхъ и родильницъ . . 396
Болѣзненныя побужденія у женщинъ во время мѣсячнаго очищенія 399
Болѣзненныя побужденія, вызванныя страхомъ. — Воображаемая водобоязнь 401
Болѣзненно-сильное побужденіе мести 406
Стремленіе къ разрушенію 408
Влеченіе путешествовать 409
Насильственныя дѣйствія вслѣдствіе подражанія . . . 410
Различныя явленія при разстройствахъ побужденій . . 410
Теорія психической и нравственной свободы. Теорія преступленія 422
Симуляція (притворство) душевныхъ болѣзней . . . 425
Бѣглый обзоръ главнѣйшихъ причинъ душевныхъ разстройствъ и преступленій 429
Заключеніе 432
Что должно теперь произойти, чтобы юридическія убійства стали невозможны или случались рѣже? 445

Просятъ читателей исправить слѣдующія опечатки:

На страницѣ:	*Въ строкѣ:*	*Напечатано:*	*Слѣдовало напечатать:*
4	19	рудіямъ	орудіямъ
18	24	женщины,	женщины
19	27	острый — тифъ, напримѣръ, (какъ школа его называетъ),	(«острый тифъ», напримѣръ, какъ школа его называетъ)
21	13	духовнымъ,	духовнымъ
23	12	обольщенная и покинутая любовникомъ	(обольщенная и покинутая любовникомъ)
27	1	Былъ бы	Былъ ли бы
28	14	я	*я*
29	5	приданное	приданое
31	3	принципы,	принципы
32	13	многіе,	многіе
—	19	По этому	Поэтому, —
34	13	криминалъ-психалогъ	криминалъ-психологъ
38	3	экнаменуется	экзаменуется
—	17	и безъ того	и безъ того,
—	30	Бомберга,	Бомберга
39	25	медицину,	медицину
41	7	быль	былъ
—	14	Гризногеръ.	Гризингеръ
—	19	обвиняемыхъ;	обвиняемыхъ
42	3	отношеніе,	отношеніе
49	1	черепахъ	чéрепахъ,
51	11	обвиняемыхъ	обвиняемымъ.
—	27	къ жизни,	къ жизни
55	15	законахъ	законахъ,
56	22	формѣ	формъ
—	23	дѣсятилѣтія	десятилѣтія
69	11	обвиняемыхъ	обвиняемыхъ,
71	4	моралисты,	моралисты
73	20	воришки не то	воришки — не то
74	17	erhin !	er hin !
80	7	И все таки	И хотя
—	7	дѣйствіе. Но тѣмъ	дѣйствіе, тѣмъ
84	16	обороны;	обороны);
—	17	заработанныя пóтомъ и кровью	(заработанныя пóтомъ и кровью),
—	21	облегченія,	облегченія
86	26	это	эта
—	—	принадлежить	принадлежитъ
87	1	постановка	остановка

На страницѣ:	*Въ строкѣ:*	*Напечатано:*	*Слѣдовало напечатать:*
91	27	страданій	страданія
93	10	анитарнаго	санитарнаго
98	6	крестъ,	крестъ, и
—	14	за окномъ,	за окномъ
105	11	то	но
106	33	сужденія или	сужденія
108	20	цредставленій	представленій
—	25	психолигичестое	психологическое
111	12	этотъ-то	этомъ-то
116	10	сокровеннѣйшіи	сокровеннѣйшія
119	11	Н отолько	Но только
—	18	вспомните	и вспомните
120	25	почвѣ	почвѣ,
133	3	къ образованію душевныхъ разстройствъ	душевно разстраиваться.
136	2	отношеніи	качествъ.
138	9	круту	кругу
141	18	матери	матерей
—	24	различныя движенія души	наклонности къ различнымъ движеніямъ души
143	6	родителей,	родителей, —
144	5	преступленія	преступленія,
145	5	утробъ,	утробъ;
—	23	воли,	воли;
147	7	первыя	нервныя
154	29	зло,	зло;
155	32	по высказанному способу	по высказанному способу замѣчаются
156	3	діогностическія, характеристическія	діогностическіе, характеристическіе
—	4	къ душевнымъ болѣзнямъ	къ сумашествію
—	6	причинъ,	причинъ;
—	10	рѣдки, напротивъ	рѣдки; зато
—	11	сильная	большая
—	21	душевныхъ	природныхъ
157	1	душевныхъ	духовныхъ
158	32	мамка;	мамка:
160	27	общество,	общество:
167	22	помыслами,	помыслами;
168	25	вслѣдствіе	(вслѣдствіе
—	27	портятся,	портятся)
169	3	Великимъ,	Великимъ;
—	26	дути	души
170	15	начала	почина
171	17	способностей;	способностей:
172	2	кнутъ,	бичъ,
—	17	скромны;	скромны:

На странице:	*Въ строкѣ:*	*Напечатано:*	*Слѣдовало напечатать:*
184	23	индивидуумъ,	индивидуумъ
186	4	религіи	религія
—	11	силъ, и	силъ; когда
—	14	мученіи и	мученіи; когда
—	17	усыпляются	ослабѣваютъ
190	20	дѣятелей),	дѣятелей);
194	17	силѣ	свободѣ
205	2	чувства	души
206	4	чувства?	чувства? —
—	6	путей? —	путей —
208	19	на,	на
210	3	незначительное,	незначительное
217	31	головѣ,	головѣ;
219	15	болѣзненное стремленіе къ воровству нѣкоторыхъ беременныхъ женщинъ.	болѣзненное стремленіе нѣкоторыхъ беременныхъ женщинъ къ воровству.
—	18	осуществить,	осуществить;
222	14	бѣшенства,	бѣшенства;
224	29	дѣтоюбійцею	дѣтоубійцею
225	1	да,	Да
—	4	тайны,	тайны
229	30	дикъ	золъ
232	24	чувства,	чувствъ,
235	23	дѣйствія,	дѣйствіи;
—	24	помнитъ,	помнитъ:
—	31	издатель практическаго	издатель «Практическаго
242	27	воля	воля —
244	3	шумъ производимый,	шумъ, производимый
249	21	матки,	матки:
—	24	матки,	матки, —
250	19	онанизму»,	онанизму;
—	25	раздраженіе, —	раздраженіи,
251	15	говорятъ,	говорятъ:
—	—	господа;	господа
—	18	вина)	вина);
253	25	ипохондрикомъ,	ипохондрикомъ;
254	32	черномъ,	черномъ:
255	1	картинахъ	образахъ
262	23	Духъ,	Духъ человѣческій
269	3	когда	гдѣ
279	24	погружаютъ такимъ образомъ весь домъ въ пламя!!...	зажигаютъ такимъ образомъ цѣлый домъ!...
280	17	то	и
—	23	чувствъ	чувствованій

На страницѣ:	*Въ строкѣ:*	*Напечатано:*	*Слѣдовало напечатать:*
283	8	разсудка извѣстными шапками или корабельными шляпами, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые слабыя стороны	разсудка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя его слабыя стороны извѣстными шапками или корабельными шляпами
—	12	нечистаго	зла
—	19	«злымъ», «безбожнымъ»	«пустымъ», «безумнымъ»
—	33	шпагахъ	шпагахъ,
284	12	тѣни,	тѣни, —
285	8	добраго,	добра,
—	25	другимъ,	другимъ:
291	7	валій	желаній
—	17	животѣ	животѣ —
292	5	и	и —
—	23	его существа	существа мозга
293	28	могъ	можетъ
296	20	дѣйствительностя	дѣйствительность
299	25	на кожу	на кожѣ
303	13	составляли	составляло
305	26	стѣсненъ для того	стѣсненъ, для того
307	20	сафилистическаго	сифилистическаго
324	6	существуетъ подозрѣнія	подозрѣнія
326	19	эти	эго
338	26	хоти	хотя
347	29	образовывать,	образовывать
351	3	желалъ утверждачь	утверждаетъ
358	12	Гисленъ	Гюленъ
362	7	той	этой
368	32	неноральмнымъ	ненормальнымъ
371	25	нарушать	нарушатъ
—	30	чищенія	очищенія
373	4	черт	черты
—	16	они	онѣ
—	23	умоиступленія	умоизступленія
383	22	въ оцѣпенѣніе	въ оцѣпенѣніе;
397	25	Гисленъ	Гюленъ
398	12	полученнаго,	полученнаго;
—	18	поступка,	поступка;
—	19	воля.	воля:
499	31	онъ называетъ	вазывается
400	16	купать,	купать;
—	18	голымъ,	голымъ;
401	5	убѣгать	убѣгать,
404	2	передъ этой болѣзнію	этой болѣзни
407	9	боля	боли
409	27	Такъ,	Такъ
413	19	побужденія)	побужденія

2007056041